Ѳ. Браунъ.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ ГОТО-СЛАВЯНСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

I.

ГОТЫ И ИХЪ СОСѢДИ ДО V ВѢКА.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ: ГОТЫ НА ВИСЛѢ.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Θ. *Браунъ.*

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ ГОТО-СЛАВЯНСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

I.

ГОТЫ И ИХЪ СОСѢДИ ДО V ВѢКА.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ: ГОТЫ НА ВИСЛѢ.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изслѣдованіе было задумано какъ вступительная глава къ болѣе широкому труду съ инымъ горизонтомъ, инымъ матеріаломъ. Глава эта, расчитанная приблизительно на 6 печатныхъ листовъ, должна была лишь подготовить дальнѣйшее разсужденіе о вліяніи готовъ на славянскій міръ, главнымъ образомъ, на почвѣ языка; она имѣла цѣлью вкратцѣ выяснить географическія и этнологическія условія, при которыхъ сказалось это вліяніе, т. е. опредѣлить, откуда и когда явились готы въ Великую Сарматію и въ какой группировкѣ они застали здѣсь славянъ и финновъ.

Но — habent sua fata libelli!

Когда четыре первые листа уже были отпечатаны, я, при чтеніи корректуры пятаго счелъ необходимымъ нѣсколько расширить свое разсужденіе о скиѳахъ, чтобы создать болѣе широкій базисъ для дальнѣйшихъ географическихъ и этнологическихъ построеній. Мнѣ казалось тогда, что я вношу этимъ лишь небольшое, сравнительно, редакціонное дополненіе; на самомъ же дѣлѣ я вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что пробилъ въ своемъ планѣ брешь, которую я уже не въ силахъ былъ заполнить: черезъ нее за скиѳами прошли сарматы, и длинной вереницей потянулись аланы, бастарны, скиры, геты, кельты. Все это требовало пере-

Существенно-важное противорѣчіе я замѣчаю только въ одномъ: вопросу о венедахъ на балтійскомъ побережьѣ я даю въ концѣ книги (стр. 331—336) иное рѣшеніе, чѣмъ въ началѣ ея. Между этими двумя рѣшеніями прошло четыре года добросовѣстной работы. Такъ какъ въ «поправкахъ и дополненіяхъ» на стр. 369 сл. заключаются и нѣкоторыя другія немаловажныя добавленія и исправленія, то я включилъ указаніе на нихъ въ оглавленіе, гдѣ читатель найдетъ ихъ отмѣченными въ скобкахъ курсивомъ.

Читатель, спеціально интересующійся географической стороной дѣла, хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ просмотрѣлъ приложеніе I, раньше чѣмъ приняться за чтеніе самой книги: онъ найдетъ тамъ теоретическое оправданіе пріемовъ, которыми я пользовался.

Полагаю, что мнѣ не поставятъ въ упрекъ сравнительно незначительное число ссылокъ и цитатъ. Всякій, хотя сколько-нибудь знакомый съ трактуемыми мною вопросами, знаетъ, какая огромная литература существуетъ по нѣкоторымъ изъ нихъ. Я не могъ, да и не хотѣлъ приводить ее всю, даже тамъ, гдѣ мои результаты случайно совпадали съ тѣмъ, что достигнуто моими предшественниками въ этой области. Но я тщательно отмѣчалъ всѣ пункты, въ которыхъ я сознавалъ хотя нѣкоторую зависимость отъ нихъ, и надѣюсь, что въ этихъ указаніяхъ нѣтъ существенныхъ недочетовъ. Въ большинствѣ же вопросовъ, затронутыхъ мною, у меня, къ счастью, вовсе не было предшественниковъ, по крайней мѣрѣ при той постановкѣ, которую я долженъ былъ дать этимъ вопросамъ въ общемъ теченіи моего изслѣдованія. Говорю «къ счастью»: многіе изъ моихъ читателей знаютъ, какъ весело и бодро работается въ полѣ вполнѣ еще дѣвственномъ.

Моя орѳографія древнегерманскихъ и другихъ формъ, полагаю, понятна и не требуетъ спеціальнаго разъясненія. Замѣчу лишь, что руна þ обозначаетъ собою глухой зубной спирантъ (=англ. глухому th); ему соотвѣтствуетъ, какъ звонкій спирантъ,

ϑ (=англ. звонкому th). Знакъ ƀ попалъ въ текстъ по нѣкоторому недоразумѣнію: я пропустилъ его, когда онъ встрѣтился въ первый разъ, и долженъ былъ оставить его и въ дальнѣйшемъ, чтобы не вносить пестроты и противорѣчій въ обозначеніе одного и того же звука. Знакъ этотъ обозначаетъ звонкій губной спирантъ (такъ наз. durchstrichenes b), которому, въ группѣ глухихъ спирантовъ, соотвѣтствуетъ f. Наконецъ, z всегда равно русск. з, за исключеніемъ древневерхненѣмецкихъ формъ, гдѣ оно въ началѣ словъ и послѣ согласныхъ обозначаетъ аффрикату (=ts); изъ него произошелъ звукъ, обозначаемый знакомъ R и встрѣчающійся только въ прасѣверныхъ формахъ: это, вѣроятно, небное г, въ противоположность къ индоевропейскому альвеолярному г.

Переводъ немногихъ древнегерманскихъ цитатъ читатель найдетъ въ «Поправкахъ и дополненіяхъ».

Выпуская въ свѣтъ мою книгу, я съ грустью вспоминаю, что ее уже не увидятъ ни А. А. Куникъ, ни В. Г. Васильевскій, которые съ такимъ участіемъ относились къ ея начаткамъ. Я надѣялся тогда видѣть ихъ въ ряду моихъ критиковъ. Этой надеждѣ не суждено было осуществиться, и я могу лишь преклониться передъ ихъ памятью, съ чувствомъ глубокой благодарности за все то многое, чѣмъ я имъ обязанъ.

Много встрѣчалъ я участія къ своей работѣ и въ другихъ лицахъ. Всѣмъ имъ приношу искреннюю признательность. Не могу не выразить также глубокую благодарность II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ. Я высоко цѣню честь, которую оно мнѣ оказало, удѣливъ моей работѣ мѣсто въ своемъ Сборникѣ. Каковъ бы ни былъ отзывъ компетентной критики о моей книгѣ, я могу сказать, что я честно старался оправдать оказанное мнѣ довѣріе.

Послѣднее и самое вѣское слово благодарности я долженъ

сказать моему учителю А. Н. Веселовскому. Посвящая ему свою книгу, я лишь закрѣпляю уже совершившійся фактъ: книга, дѣйствительно, принадлежитъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, будучи обязана ему какъ своимъ возникновеніемъ, такъ и своимъ появленіемъ въ свѣтъ. Еще на студенческой скамьѣ, въ его аудиторіи и подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, я задумалъ ту цѣпь работъ, первымъ звеномъ которой нынѣ появляется эта книга. Когда, много лѣтъ спустя, моя мечта стала воплощаться, то онъ же былъ моимъ ходатаемъ передъ ученымъ учрежденіемъ, гостепріимно открывшимъ моей скромной работѣ доступъ къ своимъ изданіямъ. Подъ его наблюденіемъ печаталась она; жертвуя временемъ и трудомъ, онъ держалъ послѣднюю корректуру всѣхъ ея листовъ; наконецъ, онъ-же былъ, такъ сказать, ея воспріемникомъ, давъ ей то названіе, подъ которымъ она появляется. Все это даетъ мнѣ нѣкоторое право поднять на моей мачтѣ его флагъ — посвятить именно ему мою книгу. Курсъ, котораго держится мое изслѣдованіе, нѣсколько иной, чѣмъ тотъ, въ которомъ идетъ его собственная работа. Тѣмъ не менѣе оно вышло изъ созданной имъ-же среды и служитъ общему дѣлу.

Да приметъ онъ мою книгу какъ скромное выраженіе искренней и глубокой благодарности сердечно преданнаго ему ученика, научные интересы котораго обязаны ему своимъ возникновеніемъ и развитіемъ.

Ѳ. Браунъ.

С.-Петербургъ.
20-го сентября, 1899 г.

Содержаніе.

СТРАН.

Предисловіе . . . . V—XI

Списокъ сокращеній . . . . XVI—XX

Вступленіе . . . . 1— 23

Готскій вопросъ въ русской наукѣ 1—4. Гипотеза А. С. Будиловича о готскомъ происхожденіи названія «Русь» 4 сл. Слова съ корневымъ *hrōþ- въ древнегерманскихъ нарѣчіяхъ и эпическое прозвище готовъ 5—7. Дрсѣв. Reiðgotaland 7—9. Вопросъ объ отношеніи *hrōþ- къ *hraiþ- 9—14. Готск. *hroþeis не могло отразиться въ слав. «Русь» 14—17. Гипотеза Будиловича съ точки зрѣнія норманнизма 17 сл.

Готская эпоха въ жизни славянскаго міра 18. Общая характеристика «готскихъ» народовъ и ихъ позднѣйшей исторіи 18—20. Апріорныя предположенія о вліяніи готовъ на славянъ 21. Необходимость археологическихъ и лингвистическихъ изысканій 21 сл. Общій планъ работы 22 сл.

Готы и ихъ сосѣди до V вѣка.

Дѣленіе исторіи готовъ до V вѣка на два періода. . . 25

Первый періодъ: готы на Вислѣ . . . . 25—341

Географическое положеніе готской земли . . . . 25— 31

Данныя Тацита 25—27, Птолемея 27—29 (венеды на балтійскомъ побережьѣ 28 сл., *ср. стр. 369*), Іордана 29. Восточная граница готской земли 30 сл. (*ср. стр. 369*).

Западные сосѣди готовъ . . . . 32— 38

Гепиды 32, руги (Ῥουτίκλειοι) 32 сл. Рѣка Віадуа 33—36. Лемовіи и сидины 36—38.

СТРАН.

Югозападные сосѣди готовъ . . . . 38— 68

Данныя *Тацита* 38 сл. Марсинги 39 сл. Котины и осы 40. Данныя *Птолемея*: Топографія 40—42. Двойственность источниковъ Птолемея 42—44. Сидоны 44 сл., когны 45, висбургіи 45 сл., лугіи 46 сл. Данныя *Плинія* 47. Сопоставленіе ихъ этническихъ списковъ 47—52. Буры 50 сл. Бургунды 52. Силинги и азДинги 53. Наганарвалы и виктовалы 53 сл. (Ди)дуны 55—59 (Dúnheiðr Герварарсаги 55 сл. Лугидунонъ 56—58). Гор. Калисія—Калишъ 59. Манимы—оманы 59. Гельвеконы—эльвеоны и элисіи 60. Варины—аварины и гаріи—харины 60—62. Пути, ведущіе съ юга къ нижней Вислѣ и города, по нимъ расположенные 63—68 (*ср. стр. 370*).

Сарматія. . . . . 69—256

Геродотова Скиѳія. Географическій горизонтъ Геродота 69 сл. Надежность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній 70. Скиѳскій вопросъ 71. Границы Скиѳіи и распредѣленіе скиѳскихъ народностей 72 сл. Скиѳы какъ восточные такъ и западные—иранцы 73—80.

Сѣверные сосѣди скиѳовъ. Данныя Геродота 80—82. Невры — славяне 82 сл. Андрофаги, меланхлены, будины — финны 83—85. Сирматы—финны на Дону? 85—87. Ѳиссачеты, іирки, аргиппеи 87 сл.

Сарматы. Исчезновеніе скиѳовъ и замѣна ихъ сарматами 89—91. Сарматія Страбона 91. «Гетская степь» и тирагеты 91 сл. Язиги и Царскіе сарматы-саіи 92 сл. Урги, роксоланы, кораллы и друг. 93 сл. Сѣверные сосѣди сарматовъ 94. Переселеніе язиговъ на средній Дунай и передвиженіе роксолановъ на западъ въ I вѣкѣ по Р. Хр. 94 сл. Аорсы, сираки и аланы 95. Вопросъ о происхожденіи алановъ 95—99.

Не-иранскія народности на югѣ Россіи. Бастарны. Значеніе ихъ въ исторіи славянскаго міра 99. Первое появленіе ихъ въ исторіи и общая характеристика 100 сл. Вопросъ о тожествѣ ихъ съ галатами Протогенова псефизма 101—104. Доисторическая область бастарновъ въ Галиціи 104 сл. Отношеніе къ германцамъ за Вислой 105 сл. Дальнѣйшія судьбы 106—108 (Пеукины 107 сл.). Бастарны—германцы 108—117 (языкъ бастарновъ 111—116). *Скиры*—германцы 117. Вопросъ о первоначальной области и передвиженіе на югъ (скиры Протогенова псефизма) 117—121. Дальнѣйшія судьбы: раздвоеніе скировъ 122 сл.; скиры среднедунайскіе 123 сл.; скиры азовскіе (Малые скиры?) 124 сл. *Кельты на нижнемъ Дунаѣ: бритолаги* 126 сл. Ихъ города 127 сл. Бритолаги-галаты Протогенова псефизма 129. Вопросъ объ исходномъ пунктѣ ихъ передвиженія на Дунай 129—132.

СТРАН.

Экскурсъ I. Этнологія прикарпатскихъ областей до прихода славянъ. 132—164.

Опредѣленіе задачи 132 сл. Отношеніе птолемеевой Дакіи къ римской провинціи этого имени 133—135. Причины неточнаго рисунка Птолемея 135—139. Выводъ 139. *Этнологія птолемеевой Дакіи*. Списокъ народностей 141. Имена на-ήνσιοι 141—144. Кауки-каукоенсіи въ Семиградьѣ 144—146 (Кавкансинскія горы 145 сл.; славяне застали на Карпатахъ кауковъ 146). Койстобоки 146—148. Буковина=«страна *бъковъ» 148—150. Славяне застали на Карпатахъ *бъковъ 150 сл. Отношеніе дако-ѳракійцевъ къ славянамъ 151 сл. Теуриски и анарты — кельты 152—156 (кельтскія географическія имена въ Венгріи 154—156). Народности, перенесенныя Птолемеемъ изъ Дакіи въ Сарматію 156—158. Анартофракты 158. Омброны и бургіоны 158. Арсіеты, сабоки, піенгиты 159. Геты-бессы къ сѣверу отъ устьевъ Дуная 159—161. Названіе Истра 161—163. Имя Бессарабіи 163. Трансмонтаны и тагры 163 сл.

Выводы для исторіи бритолаговъ 164 сл. Готы и славяне застали на Карпатахъ кельтовъ 165 сл. Названіе Галича, Галиціи 166—173 (германск. hall- въ славянскихъ заимствованіяхъ 169 сл.). Названіе хорватовъ въ связи съ именемъ Карпатъ 173. *Карпы*=карподаки, карпіаны, гарпіи 174—176. Время передвиженія и исходный пунктъ его 176—178.

Географія южной Сарматіи до II вѣка по Р. Хр. Пріемы изслѣдованія 178—182 (таблица птолемеевыхъ долготъ 181). Дельта Дуная и островъ Пеукэ 182—193. Южная граница Сарматіи по Птолемею 193 сл. *Сѣверозападное Черноморье до Днѣстра*: береговая линія 191—199; селенія 199 сл. *Нижнее Поднѣстровье*: лиманъ 200 сл., города 201—204. *Бессарабія*: города 205 сл. (сохраненіе памяти о карпахъ въ современной номенклатурѣ Бессарабіи 205). *Верхнее Поднѣстровье*: города 206 сл. *Отъ Днѣстра до Днѣпра*: селенія 207—209. *Поднѣпровье*: Общій рисунокъ Днѣпра у Птолемея 209 сл. Лиманъ и устье 210—212 (Ольвія и Метрополисъ 211 сл.). Ингулецъ 212 сл. Города по Днѣпру 213 сл. [*ср. стр. 371—373*]. Города по правому притоку Днѣпра и озеро Амадока 214—217. *Отъ Днѣпра до Перекопа*: Каркинитскій заливъ и Ахилловъ Бѣгъ 217 сл. *Степь между нижнимъ Днѣпромъ и Молочной*: Гидрографическая картина края 218 сл. Гипакирь-Каркинитъ=Каланчакъ и Сѣрогозская балка 219—221 (города Каркинитисъ и Коронитисъ 220). Устье Каркинита и гор. Тамирака 222. Города въ области Каркинита 222—

СТРАН.

224 (Торокка=Торгаевка 222 сл.). Великій Лугъ 224. [*ср. стр. 373—375*] *Герросъ, рѣка и область*: Береговая линія отъ Перекопа до Молочной 225 сл. Герросъ=Молочная 226—236 (До какого пункта Днѣпра доходили греки? 228—231; область Герросъ 234 сл.). *Сѣверное побережье Азовскаго моря за Молочной*. Свѣдѣнія древнихъ о немъ 237 сл. Рѣки и селенія 237—239.

Вопросъ о прародинѣ славянобалтійцевъ. Необходимость номенклатурныхъ изслѣдованій 240—242. Граница, отдѣлявшая финскій міръ отъ славянобалтійскаго 242. Terminus a quo исторіи славянъ: выселеніе невровъ въ страну будиновъ на Деснѣ 243—246. Причины этого передвиженія 246 сл.

Прибалтійскій край. Береговая линія отъ Вислы до Финскаго залива 247 сл. Древнѣйшее населеніе—айсты 248 сл. Время прихода финновъ 249. Область и наименованіе айстовъ 249—251. Галинды 251 сл. Судины, ставаны, вельты 252 сл. Оссіи, карбоны, игилліоны 253 сл. Вліяніе готовъ на прибалтійскій край 254—256.

Когда и откуда явились готы въ низовья Вислы? . . . 256—331

Преданіе материковыхъ готовъ. Разсказъ Іордана и возможные выводы изъ него 256—259. Защитники готскаго преданія въ наукѣ и критика ихъ доводовъ 260—274.

Данныя языка. Общая постановка вопроса 274—277. Взаимоотношеніе наименованій гаутовъ, гутовъ и готовъ 277—280. Вопросъ объ отношеніи гаутовъ къ готамъ 280 сл. *Языкъ гутовъ*: Общая характеристика 282 сл. Айтеляймская надпись 283—287. Рукописные памятники гутскаго языка 287. Важнѣйшія черты гутскаго вокализма и отношеніе послѣдняго къ скандинавскому и вандильскому 287—302 (характеристика вандильскихъ нарѣчій 290—295). Выводы 303—305. [*ср. стр. 376*].

Преданіе о заселеніи Готланда. Разсказъ Гутасаги и возможные выводы изъ него 305—308.

Экскурсъ II. Мотивъ скандинавской прародины у другихъ материковыхъ германцевъ 308—324.

Преданіе лангобардовъ 308—311. Отношеніе его къ гутскому преданію 311. Составъ лангобардскаго преданія: черты, заимствованныя у готовъ 312—316 (голядь, анты, вятичи и вургунды въ готской пѣснѣ 314—316); черты, сохраняющія память о передвиженіи лангобардовъ изъ родины на нижней Эльбѣ 317—319 (славяне въ Чехіи 319). Двоякая мотивировка выселенія 319 сл. Дальнѣйшее распространеніе мотива о скандинавской прародинѣ въ Даніи 320 сл., Исландіи 321, у суевовъ, саксовъ, франковъ и бургундовъ 321—323.

СТРАН.

Выводы для исторіи готскаго преданія 324. Значеніе Скандинавіи въ первоначальномъ преданіи: Scandia=Готландъ 324 сл. Вопросъ о возникновеніи готскаго преданія 325 сл. Возможная связь его съ миѳомъ о Скеафѣ 326.

Исходный пунктъ готовъ на югѣ. Апріорныя предположенія 327. Борьба съ вандалами 328. Отношенія къ Марободу 328—330. Время прихода готовъ на нижнюю Вислу 331.

Венеды на балтійскомъ побережьѣ . . . . 331—336

Первоначальный объемъ имени венедовъ 331 сл. Формы и происхожденіе его 332—334. Сохраненіе его въ наименованіяхъ вятичей, балтійскихъ вентовъ [*ср. стр. 376*], Виндавы и т. д. 334. Выводъ 335 сл.

Вліяніе славянобалтійскихъ языковъ на вандильскіе. . 336—341

Возникновеніе и распространеніе особенностей вандильскаго вокализма 336—338 (вандальское и бургундское нарѣчія 337 сл.). Выдѣленіе вандильскаго типа объясняется вліяніемъ на него славянобалтійскихъ языковъ 338—341.

Заключеніе. 341

Приложеніе I. *Объяснительная записка къ картамъ* . . . . 343—359

Значеніе географическаго труда Птолемея 343—345. Попытки воспользоваться его матеріаломъ и критика ихъ 345 сл. Источники Птолемея и его пріемы составленія картъ 346—350. Задача изслѣдователя 350—352. Графическій пріемъ изслѣдованія (карта I) 352—354. Провѣрка достигаемыхъ имъ результатовъ 355—357. Списокъ народностей на первой картѣ 358. Геодезическій пріемъ (карта II) 358 сл.

Приложеніе II. *Таблица разстояній на картѣ Птолемея* . . . . 361—368

Южная и сѣверозападная Сарматія. Сѣверовосточная Германія. Сѣверовосточная часть нижней Мэзіи.

Поправки и дополненія. 369—376

Указатель . . . . 377—392

Списокъ сокращеній *).

авест. языкъ Зендъ-Авесты.
агс. англосаксонскій.
англ. англійскій.
вульф. языкъ Вульфилы.
гутск. гутскій, готландскій.
дрбрет. древнебретонскій.
дрверхнњм. древневерхненѣмецкій.
дринд. древнеиндійскій.
дрир(л.) древнеирландскій.
дрисл. древнеисландскій.
дрнжненњм. древненижненѣмецкій.
дрсакс. древнесаксонскій.
дрсњв. древнесѣверный.
дршв(едск.) древнешведскій.
ир(л.) ирландскій.
кимр. кимрскій.
корн. корнійскій.
кргютск. крымско-готскій.
нд(р)л. нидерландскій.
прасњв. прасѣверный.
срверхнњм. средневерхненѣмецкій.

Барсовъ. — Очерки русской исторической географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи. Изд. 2-ое. Варшава, 1885.

Беккеръ. — Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисѳена въ отношеніи къ древнимъ колоніямъ. Одесса 1851.

Брунъ. — Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи. 2 тома. Одесса, 1879—1880.

Желеховскій. — Малоруско-німецкий словар. 2 т. Львовъ, 1886.

Зап. Од. Общ. — Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, съ 1844 г.

Каспій. — О походахъ древнихъ Русскихъ на Табаристанъ. Б. Дорна. Спб. 1875. (Прилож. къ XXVI т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 1).

Лаппо-Данилевскій. — Скиѳскія древности. Спб. 1887 (Зап. Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общ. т. IV).

Латышевъ, Извѣстія. — Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собр. и изд. съ русск. перев. В. В. Латышевъ. Томъ I Греческіе Писатели. Выпускъ 1-ый. Спб. 1893.

Латышевъ, Изслѣдованія. — Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ гор. Ольвіи. Спб. 1887.

Миллеръ Вс.— Статья Вс. Миллера въ Ж. М. Н. Пр. ч. 247 (1886) стр. 232 сл.

*) При составленіи списка авторъ руководствовался чисто практическими соображеніями. Сокращенія и цитаты, понятныя сами собою, опущены.

Надеждинъ. — Статья Надеждина: «Опытъ исторической географіи русскаго міра» въ Библіотекѣ для Чтенія за 1837 г., кн. 6-ая (т. XXII).
Осет. эт.— Вс. Миллеръ. Осетинскіе этюды. 3 части. Москва, 1881—1887.
Потоцкій. — Записка о новомъ периплѣ Понта Эвксинскаго, равно какъ и о древнѣйшей исторіи народовъ Тавриды, Кавказа и Скиѳіи, составленная гр. Ив. Потоцкимъ. Москва 1850.
П. С. Р. Л. — Полное собраніе русскихъ лѣтописей изд. Археографическою Коммиссіею.
Терещенко. — Очерки Новороссійскаго края. Спб. 1854.
Уваровъ. — Гр. А. Уваровъ. Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго Моря. Спб. 1851—1856.
Черноморье. — См. Брунъ.
Эварницкій. — Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 2 части. Спб., 1888.

An. Gr.—A. Noreen. Altnordische Grammatik. I Altisländische und altnorwegische Grammatik. 2 Aufl. Halle 1892; II, 1 Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. 1-te Lieferung. Halle 1897.
AfdA.—Anzeiger für deutsches Altertum, выходящій съ 1876 г. при ZfdA.
Ags. Gr.²—E. Sievers. Angelsächsische Grammatik. 2 Aufl. Halle 1886.
Arkiv.—Arkiv för Nordisk Filologi. Christiania 1883 ss.
ATfS.—Antiquarisk Tidskrift för Sverige. Stockholm 1864 ss.
Behaghel DS.—Die deutsche Sprache, von O. Behaghel. Leipzg u. Prag. 1886.
Bezzenberger, A-Reihe.—Ueber die A-Reihe der gotischen Sprache. Eine grammatische Studie von A. Bezzenberger. Göttingen 1874.
Bielenstein. — Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. St.-Petersburg 1892. (Изд. Имп. Акад. Наукъ).
Binding.—Das burgundisch—romanische Königreich 443 bis 532. Bd. I Leipzig 1868.—Pag. 329—404: W. Wackernagel. Sprache und Sprachdenkmäler der Burgunden.
Bluhme.—Die Gens Langobardorum und ihre Herkunft. Bonn 1868.
Böckh CJG.—Corpus inscriptionum graecarum, auctoritate et impensis Academiae Litterar. Regiae Boruss. 4 voll. 1828—1877.
Braune Ahd. Gr.—Althochdeutsche Grammatik von W. Braune. Halle 1886.
Bruckner.—Die Sprache der Langobarden. Strasburg 1895 (QF. 75).
Brugmann Gr. —Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von Karl Brugmann. 6 voll. Strassburg 1886—1893.
Bunbury.—History of ancient Geography among the Greeks and Romans. 2 ed. 2 voll. London 1883.
Burg.—Die älteren nordischen Runeninschriften. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung von Fritz B. Berlin 1885.
CIL.—Corpus inscriptionum latinarum. Berol. 1863 ss.
Cuno.—Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde I. Die Skythen. Berlin, 1871.
DA.—Deutsche Altertumskunde, von Karl Müllenhoff. Berlin. I, neuer Abdruck 1890, II 1887, III 1892.

Dietrich. — Ueber die Aussprache des Gotischen. Eine sprachgeschichtliche Abhandlung von Franz D. Marburg 1862.
Donner.—Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen. 3 Thle. Helsingfors 1874—1888.
Duncker.—Origines Germanicae. Berol. 1840.
Egilsson, Lex. poet.—Sv. Egilsson. Lexicon poeticum antiquae linguae septentrionalis. Kopenh. 1860.
Egli.—Nomina Geographica. 2. Aufl. Leipzig 1893.
Erdmann.—Статья въ ATfS. XI, 4 (1891).
Feist.—Grundriss der gotischen Etymologie. Strassburg 1888.
Fick II[4].—A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4. Aufl. Zweiter Theil: Wortschatz der keltischen Spracheinheit, von W. Stokes und A. Bezzenberger. Göttingen 1894.
Förstemann Gdd Sprst.—Geschichte des deutschen Sprachstammes II Nordhausen 1875.
GGN.—Göttinger Gelehrte Nachrichten.
Graff Diutiska.—Diutiska. Denkmäler deutscher Sprache und Literatur. Stuttgart 1826—1829.
Grimm DM.[4]—Deutsche Mythologie von Jacob Grimm. 4-te Ausg. besorgt von E. H. Meyer. 3 Bde. Berlin 1875—1878.
Grimm DS.—Deutsche Sagen. herausgegeben von den Brüdern Grimm. 2 Thle. Berlin 1816—1818.
Grimm GDS.—Geschichte der deutschen Sprache, von Jacob Grimm. 2 Bde. Leipzig 1848.
Grundtvig.—Danmarks gamle Folkeviser. I 1853, III 1862. Kjöbenhavn.
Henning.—Die deutschen Runendenkmäler. Strassburg 1889.
Holder.—Alt-Celtischer Sprachschatz. Bd. I, Leipzig 1896.
Holtzmann Ad. Gr.—Altdeutsche Grammatik von Adolf H. Band I Lpzg. 1870—1875.
Holz.—Beiträge zur deutschen Altertumskunde von G. Holz. I Heft: Ueber die germanische Völkertafel bei Ptolemaeus. Halle 1894.
IF.—Indogermanische Forschungen. Strassburg 1892 ss.
Justi.—Ferdinand Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg 1895.
Kögel GddL.—Geschichte der deutschen Litteratur bis zum Ausgange des Mittelalters, von R. K. I Bd. (2 Thle) Strassburg. 1894—1897.
Köpke.—Die Anfänge des Königthums bei den Gothen. Berlin 1859.
Kossinna.—Die ethnologische Stellung der Ostgermanen. въ IF. VII (1896).
Krek.—Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. 2 Ausg. Graz. 1887.
Kruse.—De Istri ostiis. Wratisl. 1820.
KZ.—Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, herausgeg. v. Kuhn. Berlin 1852 ss.
Latyschew Inscrpt. — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli 1885. 1890.
Leo Beów.—Beówulf. Halle 1839.
Linde.—Słownik języka Polskiego. VI tt. 2 wyd. Lwow. 1854—1861.
Lindström.—Anteckningar om Gotlands Medeltid I Stockholm 1892.
Lipsky.—Repertorium къ картѣ Венгріи и т. д. Joh. von Lipsky. Ofen 1808.

Loewe.—Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine ethnologische Untersuchung von R. Loewe. Halle 1896.

Mair. G.—Das Land der Scythen bei Herodot. 2 Thle. Saatz 1884—1885.

Meyer GM.—Germanische Mythologie von E. H. Meyer. Berlin 1891.

Meyer, Leo.—Die gotische Sprache. Berlin 1869.

Miklosich Etym. Wört.—Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886.

Miklosich Vergl. Gram.[2]—Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 2-te Ausg. Wien 1879.

Möller.—Das altenglische Volksepos in der ursprünglichen strophischen Form. Kiel. 1883

Much.—Статьи Муха: Die Südmark der Germanen; Die Germanen am Niederrhein; Goten und Ingvaeonen. въ PBB. XVII (1892), 1 ss.

Müllenhoff Beówulf.—Beovulf. Untersuchungen über das angelsächsische Epos und die älteste Geschichte der germanischen Seevölker. Berlin 1889.

Müller.—Claudii Ptolemaei Geographia, ed. C. Müller. Vol. I pars 1. Parisiis 1883.

Neumann.—Die Hellenen im Skythenlande. Bd. I. Berlin 1855.

NI.—Norges Indskrifter med de ældre Runer. Udgivne... ved Sophus Bugge. Christiania 1891—1895.

Nordalb. Stud.—Nordalbingische Studien. I Kiel 1844.

Obermüller.—Deutch-keltisches geschichtlich-geographisches Wörterbuch. 2 Bde. Leipzig 1868—Berlin 1872.

ON[2].—E. Förstemann. Altdeutsches Namenbuch. Bd. II Ortsnamen. 2 Bearbeitung. Nordhausen 1872.

Pallmann.—Die Geschichte der Völkerwanderung nach den Quellen dargestellt. 2 Thle. Gotha u. Weimar 1863—1864.

Paul Gr.—Grundriss der germanischen Philologie... herausgegeben von H. Paul. Strassburg 1889—1893.

PBB.—Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur, herausgegeben von H. Paul und W. Braune. Halle 1874 ss.

PN.—E. Förstemann. Altdeutsches Namenbuch. Bd. I. Personennamen. Nordhausen 1856.

QF.—Quellen und Forschungen zur Sprach- und Culturgeschichte der germanischen Völker. herausg. v. Brandl, Martin, Schmidt. Strassburg 1874 ss.

Roesler. Romänische Studien. Leipzig 1871.

Sadowski.—Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres. Aus dem Polnischen von Alb. Kohn. Jena 1877.

Säve.—Gutniska Urkunder: Guta Lag, Guta Saga och Gotlands Runinskrifter språkligt behandlade. Stockholm 1859.

Schade. Altdeutsches Wörterbuch. 2. Aufl. Halle 1872—1882.

Schleicher DS[3].—Die Deutsche Sprache. 3. Aufl. Stuttgart 1874.

Schlyter Gloss.—Ordbok till samlingen af Sveriges gamla lagar (Samling af Sveriges gamla lagar, XIII bandet) Lund 1877.

Schmidt Ält. Gesch. — Älteste Geschichte der Langobarden. Ein Beitrag zur Geschichte der Völkerwanderung. Inaugur.-Diss. Leipzig 1884.

Seelmann Aussprache.—Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen. Heilbronn 1885.

Simrock HddM[5].—Handbuch der deutscheu Mythologie mit Einschluss der nordischen. 5. Aufl. Bonn 1878.

Söderberg. Forngutnisk Ljudlära. Lunds Universitets Ars-Skrift. tom. XV. 1878—1879. Lund.

Streitberg Urg. Gr.—Urgermanische Grammatik. Heidelberg 1896.

ten Brink.—Beowulf. Untersuchungen von B. ten Brink. Strassburg 1888 (QF. 62).

Tomaschek.—Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden II. Die Nachrichten Herodots über den skythischen Karawanenzug nach Innerasien. WSB. Philos.-hist. Classe Bd. 117 (1888) p. 1 ss.

Tomaschek GGA.—Критическій отзывъ о DA. II въ Göttinger Gelehrter Anzeiger 1888.

Uhland.—Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. 8 Bde. Stuttgart 1865—1873.

Urg. Ltl.—Abriss der urgermanischen Lautlehre... von A. Noreen. Deutsche Bearbeitung. Strassburg 1894.

Vocal.—Joh. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. 2 Thle. Weimar 1871—1875.

Wrede Ostgot.—Ueber die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg 1891 (QF. 68).

Wrede Wand.—Ueber die Sprache der Wandalen. Strassburg 1886 (QF. 59).

WSB.—Sitzungsberichte Вѣнской Академіи Наукъ философско-историч. отдѣленія.

Zeuss.—Die Deutschen und die Nachbarstämme. München 1837.

Zeuss Gramm. Celt.—Grammatica Celtica. 2 ed. (Ebel) Berlin 1871.

ZfdA.—Zeitschrift für deutsches Altertum, съ 1841 г.

ZGDS.[2]—Zur Geschichte der deutschen Sprache, von W. Scherer. 2. Ausg. Berlin 1878.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ недавнемъ прошломъ русской исторической наукой былъ поднятъ такъ называемый «готскій вопросъ».

Готы искони жили въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи; изъ всѣхъ германскихъ племенъ они были ближайшими сосѣдями славянъ въ эпоху, когда послѣдніе составляли еще одно этнографическое и культурное цѣлое на верховьяхъ Днѣпра и Волги; они основали впослѣдствіи въ припонтійскихъ степяхъ сильное государство, которое подчинило себѣ бо́льшую часть славянскихъ и финскихъ племенъ между Вислой и Волгой. Въ виду этихъ данныхъ готы не могли не обратить на себя издавна вниманіе ученыхъ, изучавшихъ древнѣйшую исторію и бытъ славянскаго міра. Такъ напомнимъ, что уже Шафарикъ отмѣчалъ слова, заимствованныя по его мнѣнію славянами у готовъ и готами у славянъ; академикъ Куникъ, стараясь пролить свѣтъ на первыя страницы русской политической и бытовой исторіи, никогда не теряетъ изъ виду готовъ и «готскій періодъ»; А. Н. Веселовскій прислушивается къ отголоскамъ готской старины въ скандинавскихъ сагахъ, повѣствующихъ о событіяхъ въ южной Россіи, и ищетъ слѣдовъ готской пѣсни и сказанія въ нашемъ былинномъ эпосѣ. Всѣ названные изслѣдователи имѣютъ въ виду главнымъ образомъ культурное вліяніе готовъ на славянъ вообще и русскихъ славянъ въ частности. Начало же русскаго *го-*

сударства они ведутъ отъ призванія норманской Руси изъ-за моря.

На этомъ однако не останавливаются ученые, возбудившіе упомянутый выше «готскій вопросъ». Они идутъ дальше и хотятъ связать съ пребываніемъ готовъ на югѣ Россіи начало русской государственной жизни. Уже Иловайскій, неудовлетворенный построеніями норманнистовъ, искалъ исхода въ «готской теоріи», но, по собственнымъ его словамъ, долженъ былъ въ концѣ-концовъ отказаться отъ нея, такъ какъ и она также не могла отвѣтить на всѣ вопросы и сомнѣнія, хотя, по словамъ автора, она была гораздо удовлетворительнѣе теоріи норманской [1]).

Въ наиболѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ вопросъ о готскомъ происхожденіи Руси былъ затѣмъ поднятъ Будиловичемъ на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ [2]) въ докладѣ, озаглавленномъ: «Къ вопросу о происхожденіи слова Русь». Е. Ф. Шмурло, подчеркивая въ попыткѣ Будиловича энергическій шагъ въ новомъ направленіи, заканчиваетъ свой отчетъ о его докладѣ слѣдующими словами [3]): «Происхожденіе Русскаго государства уже породило школы норманскую и славянскую. Кто знаетъ, можетъ быть, мы присутствуемъ при зарожденіи школы готской?»

Мы позволимъ себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ рѣшительнымъ «нѣтъ». Готской школы, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ объясненія начала русскаго государства, никогда не будетъ и быть не можетъ. А не можетъ ея быть по той причинѣ, что теорія норманнистовъ давнымъ давно уже перестала быть простой болѣе или менѣе смѣлой гипотезой и стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими.

Мы не говоримъ, чтобы можно было успокоиться на добытыхъ норманнистами результатахъ и считать вопросъ всесторонне рѣ-

---

1) Разысканія о началѣ Руси. Москва. 1876, стр. 266.

2) Отчетъ Шмурло въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* Май 1890 г., стр. 25—29.

3) Въ указ. статьѣ, стр. 29.

шеннымъ: много еще остается неясныхъ, темныхъ или спорныхъ пунктовъ въ подробностяхъ, и не скоро еще наука будетъ въ правѣ подвести окончательные итоги по этому вопросу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ содѣйствуютъ рѣшенію вопроса противники норманнизма лучше сторонниковъ его, мѣтко указывая на слабые и спорные пункты въ подробностяхъ теоріи норманнистовъ. Но именно только въ подробностяхъ. Основнаго тезиса ихъ никто еще не поколебалъ; да онъ и непоколебимъ, какъ непоколебима теорема о томъ, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ. Отвергать основное положеніе норманнистовъ можетъ только человѣкъ, либо вовсе не знакомый съ древнегерманскими языками, либо закрывающій глаза передъ очевидными фактами. Русское государство, какъ таковое, основано норманнами, и всякая попытка объяснить начало Руси иначе будетъ напраснымъ, празднымъ трудомъ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе важнѣйшихъ положеній и доказательствъ норманнистовъ: извѣстные труды Погодина, Куника и Томсена всѣмъ доступны [1]). По нимъ всякому легко провѣрить сказанное выше.

Спорнымъ является, на нашъ взглядъ, лишь хронологическое опредѣленіе появленія Руси въ южной Россіи, и вопросъ о происхожденіи самого наименованія «Руси». Противъ этихъ-то слабѣйшихъ пунктовъ норманской позиціи дѣйствительно направлены, главнымъ образомъ, нападки противниковъ, выступившихъ за послѣднее время на арену: В. Г. Васильевскаго и А. С. Будиловича.

Что касается перваго пункта, хронологіи, то онъ, по характеру своему, не подлежитъ разсмотрѣнію въ нашемъ изслѣдованіи. Замѣтимъ только, что принципіальнаго значенія ему придавать не слѣдуетъ. Еслибъ даже удалось неоспоримо доказать

[1]) Хорошую краткую характеристику важнѣйшихъ фазисовъ варягоборства даетъ Крекъ (Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte[2] Graz 1887, p. 335 ss. n. [2]) и Бестужевъ-Рюминъ Исторія Россіи, т. I (Спб. 1872), стр. 88 сл.

ошибочность Несторовой хронологіи и этимъ подорвать довѣріе къ нашей первоначальной лѣтописи, то все-же Русь останется Русью норманскою, пришедшею изъ-за моря. Вѣдь не лѣтопись одна доказываетъ это основное положеніе норманнизма.

Гораздо важнѣе пунктъ второй. Въ самомъ дѣлѣ, норманская теорія требуетъ, повидимому, скандинавскаго происхожденія названія «Русь», тѣмъ болѣе, что члены этой народности сами называли себя этимъ именемъ. (См. впрочемъ ниже стр. 17). Еслибъ противникамъ удалось доказать нескандинавское происхожденіе его, то они этимъ поколебали бы самую основу норманизма, и сторонникамъ его пришлось бы начать работу сначала. Какъ извѣстно, по этому поводу былъ высказанъ цѣлый рядъ соображеній и догадокъ. Ни одно изъ нихъ, пока, критики не выдерживаетъ. Вдаваться въ разсмотрѣніе ихъ мы не станемъ, такъ какъ не на защиту норманской теоріи выступаемъ мы въ настоящемъ трудѣ: она въ защитѣ не нуждается. Мы остановимся только на упомянутомъ докладѣ А. С. Будиловича, имѣя въ виду провѣрить предлагаемую имъ этимологію слова «Русь». Имъ очень рѣзко и, на нашъ взглядъ, невѣрно формулируется «готскій вопросъ», а правильная постановка послѣдняго является нашей первой и важнѣйшей задачей.

По словамъ уважаемаго профессора, его гипотеза «представляетъ не какую-либо теорію, а только попытку разсмотрѣть дѣло съ нѣсколько иной точки зрѣнія». «Предоставляя другимъ говорить о Руси, какъ *народѣ*, онъ подходитъ къ ней, какъ филологъ, и изучаетъ ее, какъ *слово*» [1]). Слѣдовательно, на лингвистическомъ разборѣ названія «Русь» держится вся догадка А. С. Будиловича; если этимологія, предложенная имъ, вѣрна или по крайней мѣрѣ имѣетъ нѣкоторую сте-

---

[1]) Указ. отчетъ Шмурло, стр. 25. На него можно положиться, такъ какъ по статьѣ «Варшавскаго дневника», изъ котораго перепечатанъ относящійся сюда отдѣлъ отчета, прошла, кажется, рука самого автора. См. стр. 25, примѣчаніе 2.

пень вѣроятія, то тогда можно будетъ обратиться къ исторіи за фактами, подтверждающими готское происхожденіе Руси какъ народа; если же этимологія невѣрна и невозможна, то всякая попытка подойти къ этому вопросу съ другой стороны потеряетъ твердую почву. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія лингвистики должны и мы приступить къ разбору этимологіи, предложенной Будиловичемъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что она, собственно, не новая: уже А. А. Куникъ въ примѣчаніяхъ къ «Каспію» Дорна[1]), стр. 55, 430 прим., 438 и т. д. указываетъ на возможность производства имени «Русь» отъ древнегерманскаго *hrōþ-, *hrōð-. Новымъ въ догадкѣ г. Будиловича является лишь этническое отожествленіе Руси съ готами.

Чтобы разобраться въ этомъ довольно запутанномъ вопросѣ, не безполезно будетъ представить общій сводъ формъ, въ которыхъ встрѣчается спорное слово въ древнегерманскихъ нарѣчіяхъ. Многія изъ этихъ формъ пригодятся намъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ готскомъ языкѣ: имени существительнаго *hrōþs случайно не сохранилось, но оно можетъ быть съ достовѣрностью возстановлено изъ прилагательнаго hrōþeigs, встрѣчающагося одинъ разъ въ вин. п. мн. ч. (II Кор. 2, 14: guþa ..þamma... ustaiknjandin hroþeigans uns=греч. ориг. τῷ θριαμβεύοντι ἡμᾶς) въ значеніи «торжествующій, побѣдоносный, славный». Прилагательное это допускаетъ двоякую основу сущ. *hrōþs: *hrōþi- (ср. ansteigs отъ ansts, осн. ansti-) и *hrōþa- (ср. þiuþeigs отъ þiuþ, осн. þiuþa-). Обѣ формы поддерживаются параллельными формами другихъ германскихъ нарѣчій.

Въ древне-сѣверномъ языкѣ: hróðr m. слава (род. hróðrs

---

[1]) Б. Дорнъ, Каспій. О походахъ древнихъ русскихъ на Табаристанъ. Приложеніе къ XXVI тому Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 1. Спб. 1875. Еще подробнѣе въ нѣмецкомъ изданіи той же книги Caspia, Mém. de l'Acad. Impér. des Sciences. VII série, tome XXIII, № 1, p. 381 not. Тутъ разбирается вопросъ объ отношеніи hrōþ— къ hraiþ—.

или hróðrar, осн. *hrōðra-изъ -z-, ср. прил. hróðrfullr славный); снова *hrōða- сохранилась въ прил. hróðigr, hróðugr славный, гордый славой, и въ собственныхъ именахъ какъ Hróaldr изъ *Hróðvaldr, др.-русск. Раулдъ.

Въ *англосаксонскомъ* языкѣ: hréð m? n? слава (осн. *hrēði-, é перегласовка изъ ō), прил. hréðiȝ славный; hróðor m. радость. Послѣднее слово, какъ дрс. hróðr, представляетъ древнюю основу на -os [1]) (греч.-ος γένος, лат.-os,-er-: genus, generis), перешедшую уже на германской почвѣ въ основу на-а (hróðra). Согласная тема сохранилась, однако, въ древнемъ dat. instr. sing. hróðor, рядомъ съ новой формой hróðre, ср. Sievers Ags. Gram.[2] 1886 p. 134 § 289.

Основа *hrōða—сохранилась на агс. почвѣ только въ личныхъ собственныхъ именахъ, напр.: Hróðgár, Hróðmund, Hróðulf въ поэмѣ о Беовульфѣ.

Въ *древневерхненѣмецкомъ яз.*, наконецъ, находимъ также двѣ формы темы: *hrōda- и *hrōdi-, но не въ самостоятельныхъ сущ. им., а лишь въ сложныхъ личныхъ именахъ: Hrôdulf, поздн. Ruodulf, Rudolf (готск. *Hrōþawulfs), и *Hrôdigêr, поздн. Ruodigêr, Rüedegêr, Rüdiger (гот. *Hrōþigais) [2]).

По приведеннымъ формамъ мы въ правѣ возстановить для прагерманскаго языка слѣдующія три сущ. основы: *hrōþa-, hrōþi- и hrōþoz-, -iz- [3]).

Отъ этого-то слова, въ сочетаніи съ племеннымъ названіемъ, было образовано эпическое прозвище готовъ. Если такъ, то древнѣйшая, полная форма его была несомнѣнно *Hrōþigutōs

---

[1]) На существованіе такой же основы въ готскомъ языкѣ указываетъ собств. имя гота Ῥωθεστέος (гот. *Hrōþisþius), отца извѣстнаго Атанарика временъ Вульфилы. См. уже у Куника l. c., стр. 435.

[2]) Вмѣсто hruod нѣм. яз. употребляетъ другое слово, образованное отъ того-же корня: hruom, нынѣ Ruhm, др.-сакс. hrôm, ндл. roem.

[3]) Въ основѣ лежитъ индоевр. корень qer—qr̥ ср. санскр. kar вспоминать, kārú— пѣвецъ. Можетъ быть герм. *hrōþi-=санскр. kīrtí—слава изъ индоевр. *qr̥̄ti- съ долгимъ гласнымъ r? См. Feist, Grundriss der got. Etymologie, Strassburg 1888, p. 56.

или *Hrōþagutōs, resp.-ans «славные готы». Называли-ли готы сами себя такимъ образомъ, или же указанное почетное прозвище было имъ дано лишь въ пѣсняхъ сосѣднихъ племенъ, этого мы не знаемъ. Къ сожалѣнію, древнѣйшая форма до насъ не дошла, но мы находимъ вполнѣ соотвѣтствующую въ агс. эпосѣ, а именно Hréðgotan. Въ «пѣснѣ странника» (Widsið), древнѣйшемъ памятникѣ англосаксонской поэзіи, они стоятъ рядомъ съ гуннами, стихъ 57: ic wæs mid Húnum and mid Hréðgotum [1]).

Точно также въ «Elene», эпосѣ Киневульфа (VIII в.) ст. 20: Húna leóde and Hréðgotan [2]). Иногда они просто называются Hréðas: Elene v. 58 Húna and Hréða here; представитель готской славы Эрманарикъ называется Widsið v. 7: Hréðcyning, въ другомъ стихѣ 89 просто Gotena cyning, v. 18: Eormanríc (weóld) Gotum. Замѣтимъ однако тутъ же, что рядомъ съ этими вполнѣ ясными формами мы находимъ v. 120 такую, которая какъ въ вокализмѣ такъ и въ согласномъ сильно отклоняется: Hræ̍da here. Можетъ быть она лишь описка вм. Hréða? Ettmüller въ своемъ изданіи (Zürich 1839) въ этомъ смыслѣ дѣйствительно измѣняетъ рукописное чтеніе. Но послѣднее находитъ нѣкоторую поддержку въ древ. формахъ, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Дѣло въ томъ, что въ древ. памятникахъ мы нигдѣ не находимъ ожидаемой формы *Hróðgotaland, а всегда лишь Reiðgotaland, для которой, впрочемъ, можно возстановить болѣе древнее Hreiðgotaland, такъ какъ въ старшей Эддѣ, Vafþrúðnismál 12 (ed. Hildebrand 1876, p. 61) начальное h- требуется аллитераціей и къ тому-же встрѣчается въ Рёкской надписи: Hraiþkutum [3]). Господствующая-же и единственно сохраненная пись-

---

[1]) Bibliothek der ags. Poesie, begr. v. Grein, neu bearb. v. R. P. Wülcker Bd. I, 1. Kassel 1881, p. 3.

[2]) Bibl. d. ags. Poesie ed. Grein. Bd. II (1858), p. 105.

[3]) Надпись эта найдена въ Rök'ѣ, въ юго-западной части Остгётланда и относится по Bugge къ серединѣ или концу X вѣка, по Noreen'y (Grundriss der germ. Philologie, ed. Paul I, 2 Strassburg 1889, p. 421) къ началу того-же вѣка.

менной традиціей, кромѣ Рёкской надписи, форма есть Reiðgotaland, напр. въ младшей Эддѣ, въ Hervararsaga, въ такъ называемой географіи изъ Скальголта и т. д. [1]).

Привлекая древнесѣверную форму къ объясненію «Руси», мы наталкиваемся однако на затрудненіе, на которое г. Будиловичъ не обратилъ, кажется, надлежащаго вниманія. Я не говорю о неопредѣленности географическаго положенія Reiðgotaland'а, которое совпадаетъ въ понятіи скандинавовъ то съ Даніей, то съ Помераніей, то съ Швеціей, то, наконецъ, съ частью нынѣшней Россіи [2]). Послѣднее, точно засвидѣтельствованное опредѣленіе этого географическаго названія — т. е. что страна Рейдготовъ лежитъ на востокѣ отъ Польши (austr frá Pólena), что главный городъ ихъ «градъ Днѣпра (т. е. вѣроятно Кіевъ) въ рѣчной области» (Danparstaðir или Dampstaðir í Árheimum... hǫfuðborg á Reiðgotalandi í þann tíma) [3]) — одно только это опредѣленіе важно для насъ пока. Другое также весьма распространенное отожествленіе Reiðgotaland'а съ Даніей произошло, вѣроятно, вслѣдствіе ошибочнаго отожествленія Дона Ивановича русскихъ былинъ съ Даномъ, родоначальникомъ Дановъ — Датчанъ; по той же причинѣ въ датскія генеалогіи былъ перенесенъ и Danpr = Днѣпръ [4]), и готскій царь Эрманарикъ (Saxo

---

Надпись объяснилъ — не во всѣхъ ея частяхъ, впрочемъ, удовлетворительно — Bugge, Tolkning af Runeindskriften på Rökstenen i Östergötland, въ Antiqvarisk Tidskrift för Sverige V (1878). О Hraiþkutum тамъ-же стр. 35 ss. (отдѣльнаго оттиска).

[1]) Точныя указанія см. Heinzel, Ueber die Hervararsaga. Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der kais. Ak. d. Wiss. Bd. 114. Wien 1887, p. 469 ss.

[2]) Heinzel l. c. p. 469 s.

[3]) Fornaldar Sögur... útg. af Rafn. I (Kaupmannahöfn 1829), p. 499. — Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éditées par la Soc. des antiquaires du Nord II (Copenhague 1852) pp. 438, 447. — Ср. Дашкевичъ, Приднѣпровье и Кіевъ по нѣк. памятн. др. сѣв. лит. Кіевскія Универс. Извѣстія. 1886, № 11, стр. 220 и слѣд. — Веселовскій, Кіевъ — Градъ Днѣпра. Записки Романо-Германск. Отдѣленія Филолог. Общ. при Имп. Спб. Университетѣ. Вып. I. Спб. 1888.

[4]) Гильфердингъ. Онежскія былины (1873) стр. 252, № 50: Нѣпра и Донъ; Рыбниковъ, Пѣсни I (1861), стр. 194 № 32: Днѣпра Королевична и Донъ Ивановичъ; Heinzel, p. 473 ss. 497; Веселовскій, стр. 64 ss.

Grammaticus ed. Müller I Havniae 1839, p. 411; Chronicon Erici Regis ed. Langebeck I 1772 p. 155).

Перенесеніе названія на Данію могло произойти, конечно, не раньше X вѣка, когда скандинавы успѣли познакомиться съ Дономъ Ивановичемъ и Нѣпрой Королевичной, а можетъ быть, и съ соотвѣтствующимъ ей и существовавшимъ тогда мужскимъ олицетвореніемъ той же рѣки — Днѣпромъ.

Не подлежитъ сомнѣнію важный для г. Будиловича и для насъ фактъ, что Reiđgotaland, resp. Hreiđgotaland первоначально обозначаетъ страну готовъ въ нынѣшней Россіи, въ области верхняго и средняго Днѣпра.

Затрудненіе, на которое мы указали выше, заключается въ томъ, что Hreiđgotaland по формѣ своей не совпадаетъ съ агс. Hréđgotan и возстановленнымъ нами готск. *Hrōþigutōs, которое должно было бы дать въ др.-сѣв. обязательно *Hróđgotar (resp. *Hrǿđgotar?), а никакъ не Hreiđ —; послѣднему соотвѣтствовало бы въ готскомъ *Hraiþ—, и въ вокализмѣ соотвѣтствуетъ подчеркнутое нами выше агс. Hrǽda here (Widsiđ v. 120).

Поставить эти два типа hrōþ- и hraiþ- въ генетическую связь и видѣть въ др.-сѣв. Hreiđ—лишь діалектическую разновидность вм. *Hrōđ, какъ это попытался сдѣлать акад. Куникъ [1]),— невозможно, такъ какъ нигдѣ, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ нарѣчій мы не находимъ перехода ō resp. ǿ въ ai. Не вполнѣ удачной слѣдуетъ также назвать попытку Kern'а подвести оба слова подъ одно общее значеніе [2]). Наконецъ, и предположеніе Jessen'а [3]), что Hreiđgotar есть ничто иное какъ заимствованіе изъ агс. (Hréđgotan), невозможно, въ виду широкаго распространенія уже въ очень древнее время др.-сѣв. прозвища; притомъ-же и фактъ заимствованія такого прозвища самъ по себѣ больше чѣмъ невѣроятенъ. Мы должны примириться съ

[1]) «Каспій», стр. 433 прим.

[2]) H. Kern, Hrêdh en Hrêdgotan въ Taalkundige Bijdragen за 1876 г.

[3]) Jessen, Ueber die Eddalieder. Zeitschrift f. deutsche Philologie III (1871), p. 72 not [1].

двойственностью эпическаго названія готовъ: *Hróđgotar (Hréđgotan) и Hreiđgotar, и можемъ развѣ только попытаться уяснить, существовали-ли оба прозвища одновременно, въ *одной* области, или-же одно изъ нихъ древнѣе и было по чему бы то ни было впослѣдствіи замѣнено другимъ. Въ послѣднемъ случаѣ важенъ, конечно, и вопросъ о томъ, почему именно произошла эта замѣна.

Исходной точкой мы можемъ, очевидно, взять и ту и другую форму.

Если древнѣйшею формой дѣйствительно была *Hróđgotar, то ей, какъ мы видѣли выше, вполнѣ соотвѣтствуютъ агс. Hréđgotan, Hréđas, Hréđcyning. Совершенно подобное же образованіе находимъ мы въ поэмѣ о Беовульфѣ, гдѣ въ стихѣ 445 Даны называются Hréđmen, т. е. славные мужи [1]); тамъ-же, наконецъ, находимъ мы собственное личное имя царя геатовъ, дѣда Беовульфа: Hréđel (напр. ст. 374, 1848, 2192 и т. д.): это уменьшительная форма, которой соотвѣтствовало бы въ готскомъ *Hrōþila.

Съ этой точки зрѣнія, форма Hrǽda (Widsiđ 120) должна быть описка вм. *Hréđa. Можетъ быть, é замѣнено здѣсь посредствомъ æ подъ вліяніемъ прилаг. hræd быстрый, проворный? Смѣна đ—d какъ въ томъ-же прилаг.: hræđ, hređ рядомъ съ hræd, hred (древневерхненѣмецкомъ hrad [основа-a]— hredi [осн.-ja]). Ничто не мѣшаетъ намъ принять Hræda, а не Hrǽda. Такъ-же объяснились-бы рукописныя формы hrædlan и Hrædles (Беовульфъ 454, 1486) вм. Hréđlan, Hréđles [2]). Въ такомъ случаѣ связь съ др.-сѣв. Hreiđgotar конечно будетъ пор-

---

[1]) Я цитую Беовульфа по изданію M. Heyne, Beówulf. Mit ausführlichem Glossar. 4 Aufl. Paderborn 1879 (Bibliothek der ältesten deutschen Litteratur-Denkmäler. Bd. III, 1).

[2]) Послѣднія формы возстановляются всѣми издателями. Противъ нихъ 7 формъ съ -ǽð-. Двойныя формы основъ на-a- и на-n- встрѣчаются и въ нѣмецкомъ: Hruodil — Hruodilo, Wentil — Wentilo. cf. Müllenhoff, Zeugnisse und Excurse zur deutschen Heldensage. Zeitschrift f. deutsches Alterthum. Bd. XII (1865), p. 260.

вана. Но откуда въ такомъ случаѣ Hreiđ-? Такого слова сѣверный языкъ не знаетъ, какъ самостоятельнаго существительнаго. Позднѣйшее Reiđgotar не есть его продолженіе, а возникло само уже подъ вліяніемъ народной этимологіи: hreiđ-, ставшее непонятнымъ, было замѣнено посредствомъ reiđ f. поѣздка верхомъ, карета (нѣм. reita)[1]. Что именно въ этомъ смыслѣ толковалось Reiđgotar, въ противуположность къ Eygotaland, странѣ островныхъ готовъ, видно изъ младшей Эдды: «I þann tíma var kallat allt meginland, þat er hann (Óđinn) átti, Reiđgotaland, en eyjar allar Eygotaland, þat er nú kallat Danaveldi ok Svíaveldi»[2]. Что hreiđ нѣкогда существовало, доказывается не только вышеприведенными формами Эдды и Рёкской надписи, но также и собственными личными именами Hreiđmarr, Hraiþulfr (Рёкской надп.), Hreiþarr (*Hraiþaharji-), и нѣмецкими Hreidkêr, Hreidperht, Hreitolf. Такъ какъ однако и въ другихъ германскихъ нарѣчіяхъ мы не находимъ — внѣ собственныхъ именъ—этого слова, несомнѣнно давно уже исчезнувшаго изъ языка, то мы, оставаясь на германской почвѣ, должны отказаться отъ разгадки. Но тѣмъ самымъ отказываемся мы и отъ рѣшенія главнаго вопроса: если *hreiđ стало уже непонятнымъ, то и замѣна этимъ словомъ формы *hróđ- путемъ народной этимологіи немыслима, тѣмъ болѣе что hróđ- всѣми понималось и поддерживалось такими словами какъ hróđr, hróđigr и т. д.

Совершенно иное получимъ мы, если мы примемъ за основную и первоначальную форму именно это hreiđ. Его значеніе станетъ намъ яснымъ, если мы обратимся къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ и сопоставимъ его съ санскритск. çrī сіять, блестѣть, subst. fem. блескъ, красота, счастье, восходящимъ къ индоевропейскому корню *k̂rei̯, первоначальное значеніе котораго,

---

[1] Въ связи съ ríđa, reiđ, нѣм. reiten, никогда не имѣвшимъ h. Hildebrand въ своемъ изданіи Эдды (Paderborn 1876) исправъ, возстановляя въ Sigrdrifumál 15, 6 (p. 206) hreiđ вм. рукописн. reiđ. Требуемое аллитераціей h — лучше всего дается чтеніемъ Hrǫgnis (Bugge) вм. рукописн. raugnis.

[2] Snorra Edda I, 530, cf. Heinzel l. c., p. 470.

ствленіе (по формѣ) сѣверныхъ Hreiđgot'овъ съ агс. Hréđgotan, которое мы находимъ у Будиловича, невозможно безъ предварительнаго тщательнаго изслѣдованія. Мы съ своей стороны — и этимъ мы подводимъ итогъ подъ все сказанное нами по этому поводу — скорѣе склоняемся къ тому окончательному заключенію, что сами готы въ своихъ пѣсняхъ и пѣсняхъ сосѣднихъ германскихъ племенъ назывались *Hraiþigutōs, то-есть, «блестящими готами», и что агс. Hréđgotan есть уже поздній результатъ народной этимологіи. Если наше мнѣніе основательно, то догадка Будиловича о происхожденіи слова «Русь» вообще теряетъ всякую почву.

Съ другой стороны мы, однако, не отрицаемъ возможности существованія обоихъ прозвищъ *Hraiþ- и *Hrōþ- одновременно. Одно могло сохраниться только въ скандинавской поэзіи, другое въ англосаксонской. Хотя это и мало вѣроятно, все-же оно возможно. Вѣдь носятъ же Даны въ Беовульфѣ самыя разнообразныя прозвища одновременно: Gár-Dene «копьеносные даны» (1. 602 и т. д.), Hring-Dene «кольчужные даны» (116, 1280 и т. д.), Beorht-Dene «блестящіе даны» (427, 610); и шведы (скильфинги): Heađoscilfingas (63, 2206); Gúđscilfingas (2928) «боевые скильфинги».

Допустимъ, слѣдовательно, что готы дѣйствительно носили нѣкогда прозвище *Hrōþigutōs или, въ сокращенной формѣ, *Hrōþeis, агс. Hréđas. Тогда только мы можемъ вернуться къ исходному пункту нашего разбора и поставить вопросъ такъ: могла ли изъ готскаго *hrōþi- получиться славянская форма Русь, Россъ?

Что касается двойственности корневой вокализаціи, то она нисколько не мѣшаетъ этому предположенію, а скорѣе поддерживаетъ его. Готское ō произносилось очень закрыто, т. е. было близко къ u, вслѣдствіе чего уже на почвѣ готскаго языка замѣчаются колебанія въ эту сторону, отразившіяся и въ графической передачѣ этого звука. Въ cod. arg. вмѣсто ō нѣсколько разъ написано u: supuda вмѣсто supōda (Marc. IX, 50), uhtēdun

вмѣсто ōhtēdun (Marc. XI, 32), gakrōtuda вмѣсто gakrōtōda (Luc. XX, 18); наоборотъ, напримѣръ, faiho вмѣсто faihu (Marc. X, 23) и др. Точно также Iodas = Ἰούδας (Luc. III, 26). Въ дальнѣйшей исторіи готскаго языка это колебаніе въ сторону u кончилось развитіемъ чистаго u. Въ вандальскомъ языкѣ колебаніе держится подъ главнымъ удареніемъ: Gōdagisl, Blūmarīþ, тогда какъ внѣ этого ударенія повсюду u: Gamūþ, Frōnimūþ изъ готскаго - mōþs [1]). Въ языкѣ остготовъ Италіи: Dumilda (вульф. *Dōmahildi, надпись 531 г.), Ebremuþ (изъ - mōþs), Butila (изъ *Bōtila) и т. д. [2]).

Въ словахъ, несомнѣнно заимствованныхъ славянами у готовъ, готскому ō всегда соотвѣтствуетъ славянское у: ср. готское bōka, у слав. букы, нашъ букъ и буква; готское dōms, dōmjan = дума, думати (лит. duma, латышское padōms—совѣтъ).

Вокализмъ Руси, слѣдовательно, прекрасно подходитъ. Того же, однако, нельзя сказать о консонантизмѣ. Начальное h передъ r и l можетъ быть уже успѣло перейти въ простое придыханіе изъ прагерманскаго χ; но во всякомъ случаѣ оно въ произношеніи ясно слышалось, такъ какъ во *всѣхъ* словахъ, заимствованныхъ славянами именно изъ *готскаго* языка, оно сохранилось въ видѣ х; ср. хлѣбъ изъ готскаго hlaifs (основа hlaiba-), хлѣвъ изъ готскаго hlaiw (пещера, могила, основа hlaiwa-), хоржгы, хоругвь изъ готскаго hrugga (палка, трость; или изъ *harihrugga?). Сохранилось оно и передъ гласными: готское hus дало хызъ, хижина; готское handugs дало у славянъ хѫдогъ, худогій. Нѣтъ ни одного случая древняго заимствованія, гдѣ начальное h- исчезло безслѣдно, такъ какъ усерѧгъ изъ готскаго *ausahriggs, конечно, ничего не доказываетъ. Въ періодъ норманскій въ заимствованіяхъ изъ древнесѣвернаго языка h въ началѣ слова

---

1) Ср. F. Wrede, Ueber die Sprache der Wandalen. Ein Beitrag zur germ. Namen-und Dialektforschung. Strassburg. 1886 (Quellen und Forschungen, Heft 59), p. 93 ss.

2) Id. Ueber die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg. 1891 (Q. u. F. Heft. 68), p. 86, 94, 113 s.

передъ согласными дѣйствительно исчезаетъ, ср. древнерусскія имена въ договорѣ Олега Руаръ = древнесѣверному Hróarr < *Hróðhari, Руалдъ = Hróaldr < *Hróðwaldr, готскія *Hrōþaharjis, *Hrōþawalds.

Точно также невѣроятенъ переходъ þ въ s. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного славянскаго слова, несомнѣнно заимствованнаго изъ готскаго, на которомъ мы бы могли провѣрить это. Славянское чадо, наше чадо, вѣроятно, взято изъ готскаго, но основа *kinþa-, которую можно возстановить для готскаго изъ нѣмецкаго языка (kind), къ сожалѣнію не сохранилась въ переводѣ Вульфилы. Если вѣрна блестящая мысль Будиловича, что названіе Бескидъ — водораздѣльнаго кряжа Карпатскихъ горъ—готскаго происхожденія (*bi-skaiþan), то онъ этимъ самъ далъ опроверженіе главной своей гипотезѣ *hrōþa=Русь[1]). Допустимъ даже, что литературная форма skaidan была въ это время уже господствующею, все же мы будемъ имѣть дѣло не съ media d, а съ звонкимъ спирантомъ ð; извѣстно, что въ готскомъ языкѣ d послѣ гласныхъ имѣетъ именно это значеніе. Если þ могло перейти въ с, то слѣдовало бы ожидать соотвѣтствующій переходъ ð>з, котораго, однако, мы не находимъ.

Если бъ мы знали названіе Руси только изъ греческихъ источниковъ (Ῥῶς), то связь съ готскимъ *hrōþ- была бы возможна: дѣло въ томъ, что греческая орѳографія, отличающаяся вообще большой неточностью при передачѣ древнегерманскихъ именъ, никогда не передаетъ начальное h передъ согласными, а þ въ концѣ слова часто передаетъ черезъ s. Такъ, напримѣръ, имя одного знатнаго остгота, служившаго въ войскѣ царя Тотилы и убитаго въ 546 г., готское *Hrōþareiks, передается Прокопіемъ

---

[1]) Гот. skaidan литературнаго языка образовалось вслѣдствіе уничтоженія такъ называемой грамматической смѣны. Первоначальныя формы: *skaiþan *skaiskáiþ *skaiskáidum *gaskaidans; затѣмъ d перенесено на всѣ остальныя формы. Въ нѣмецкомъ языкѣ, наоборотъ, d<þ распространилось на весь глаголъ: sceidan, sciad, sciadum, gisceidan; но встрѣчается еще нѣсколько разъ правильное partic. praet. kisceitan, zasceitan. См. *Braune* Ahd. Grammatik (Halle, 1886), p. 240.

Кесарійскимъ (De bello gothico III, 19 ed. Bonn. p. 358 ss.) формой Ῥουδέριχος, а сражавшійся также въ войскѣ Тотилы остготъ *Wiljarēþs названъ тѣмъ же Прокопіемъ Οὐιλίαρις (De bel. got. III, 4, p. 296 s.); въ родительномъ же падежѣ опять ближе къ готскому оригиналу Οὐιλιάριδος (ibid., p. 297). Съ другимъ діалектическимъ оттѣнкомъ находимъ мы то же имя De bel. got. II, 16, p. 213 въ формѣ Οὐλιάρης: такъ названъ одинъ изъ офицеровъ въ войскѣ Велизарія, несомнѣнно германецъ (готъ? вандалъ?) по происхожденію.

Итакъ, греческое Ῥῶς могло бы передавать готское *hrōþ-, славянское же Русь—никогда.

Догадка г. Будиловича можетъ, однако, сохранить свое значеніе при другой постановкѣ вопроса, то-есть, съ точки зрѣнія норманнистовъ. Если и невозможно прямое заимствованіе слова «Русь» изъ готскаго, то все-таки оно возможно, если предположить, что названіе это прошло черезъ финскіе языки и затѣмъ уже перешло къ славянамъ. Финское обозначеніе шведовъ: Ruotsi (у ливовъ), Rôt's (у эстовъ), Rôtsi (въ Ватландѣ), Ruotsi, Ruossi, Ruohti и Ruotti (въ Ингерманландіи и Финляндіи) дѣйствительно могло произойти изъ *hrōþ-, на что указалъ уже Куникъ[1]). Оно могло быть первоначально названіемъ материковыхъ готовъ и перенесено финнами сперва на готовъ острова Готландіи, а затѣмъ и на гаутовъ южной Швеціи. Отсюда шагъ къ обозначенію этимъ именемъ шведовъ вообще былъ очень легокъ, почти необходимъ. Дальнѣйшая возможная судьба этого слова, однако, насъ здѣсь не касается: вопросъ этотъ принадлежитъ уже къ области норманской школы, въ которую мы пока не намѣрены входить. Можетъ быть, норманнисты воспользуются этимологической догадкой проф. Будиловича въ вышеуказанномъ смыслѣ; для послѣдней, однако, окончательное рѣшеніе этого вопроса безразлично: если готское *hrōþ- не могло непосредственно дать славянской «Руси», то,

[1]) *Куникъ*, Каспій, стр. 437 и сл.

какъ мы уже указали выше, предположеніе о готскомъ происхожденіи Руси, какъ народа и государства, теряетъ всякую почву.

Съ этимъ мы возвращаемся къ исходному пункту нашего изслѣдованія.

Отрицая возможность готской теоріи при объясненіи происхожденія *русскаго* государства Рюрика и его славныхъ преемниковъ, мы однако полагаемъ, что «готскій вопросъ» не только имѣетъ raison d'être въ русской исторической наукѣ, но и является однимъ изъ важнѣйшихъ въ исторіи дорюриковскаго періода русской жизни и жизни славянскаго міра вообще. Въ послѣдней ясно и отчетливо выдѣляется «готская эпоха», время сильнаго культурнаго вліянія и отчасти политическаго господства готовъ надъ доброй половиной нынѣшней Европейской Россіи. Этотъ періодъ не могъ не оставить глубокихъ слѣдовъ въ жизни славянства.

Готы были безспорно самый талантливый народъ эпохи великаго переселенія народовъ. Христіанство нашло къ нимъ доступъ и окрѣпло въ ихъ средѣ раньше и быстрѣе, чѣмъ у другихъ германскихъ племенъ; высоко развитая греко-римская культура встрѣтила въ нихъ болѣе глубокое сочувствіе и была воспринята ими лучше, чѣмъ дикими франками, суровыми лангобардами или неповоротливыми алеманнами. Имена остготовъ Теодорика и Тотилы окружены ореоломъ терпимости и гуманности и въ то же время славой героизма и мужества. Такихъ личностей не создалъ ни одинъ германскій народъ той варварской поры. То, что ученый Dubois de Montpéreux сказалъ по поводу Крымскихъ готовъ въ частности [1]), мы въ правѣ обобщить и примѣнить къ характеристикѣ готскаго племени вообще: «Les Goths furent de tous les peuples... les seuls qui apportèrent la paix et l'instinct de la civilisation au lieu de la guerre, du despotisme et de la barbarie».

---

[1]) Voyage autour du Caucase... et en Crimée. t. VI, p. 222.

Но именно эта податливость высшему культурному вліянію, доказывающая присутствіе въ нихъ лучшихъ зародышей дальнѣйшаго развитія, была причиной ихъ ранней гибели: быстро двигаясь впередъ, они оставили далеко за собой всѣхъ своихъ соплеменниковъ, потеряли культурную связь съ послѣдними, и когда для остготскаго царства въ Италіи, смѣло созданнаго въ центрѣ и на развалинахъ римскаго міра, наступило время послѣдней борьбы съ восточной имперіей, борьбы на жизнь и на смерть, долженствовавшей рѣшить судьбу всего народа и зарождавшейся блестящей гото-римской культуры, основанной на высокомъ принципѣ примиренія германскаго и античнаго бытовыхъ началъ — тогда, въ эту рѣшительную минуту, отчужденіе готовъ отъ остальнаго германскаго міра сказалось самыми трагическими послѣдствіями. Отдѣленные отъ родичей бездной культурной противуположности, они не нашли въ нихъ ни сочувствія, ни поддержки: Нарзесъ, полководецъ Юстиніана, въ битвѣ при Везувіи 555 г. разгромилъ царство, созданное Теодорикомъ Великимъ, и готы, утомленные многолѣтней борьбой, пали почти до послѣдняго мужа. Уцѣлѣвшіе немногочисленные остатки ихъ, послѣ безнадежнаго сопротивленія, простились съ Италіей, ставшей имъ второй родиной, и безслѣдно исчезли за Альпами.

Еще раньше, въ 535 г., пало въ Африкѣ царство вандаловъ, ближайшихъ родичей готовъ. Правда, борьба ихъ съ Византіей не похожа на геройскую защиту Италіи остготами. Но и здѣсь, какъ тамъ, хотя въ нѣсколько иной формѣ, послѣдней и главной причиной быстраго паденія и безслѣднаго исчезновенія цѣлаго народа было тó же роковое стремленіе къ быстрому усвоенію чуждой высшей культуры; здѣсь она привела не къ примиренію, какъ у остготовъ въ Италіи, а лишь къ полному физическому и нравственному истощенію всего народа, за исключеніемъ царственныхъ Аздинговъ въ лицѣ Гелимера и его родичей. Слишкомъ быстръ и непосредственъ былъ здѣсь переломъ въ культурной жизни. Но основная причина тá же: не допускающая-

сопротивленія таинственная сила, которою притягивается мотылекъ къ пламени на неминуемую гибель.

Царство вестготовъ въ Испаніи просуществовало дольше, оно пережило даже эпоху великаго переселенія народовъ, хотя не надолго. Его судьба въ общемъ скорѣе сходна съ судьбой вандаловъ, чѣмъ остготовъ. Промѣнявъ въ 586 г. аріанство на католичество, цари вестготовъ, а съ ними и народъ ихъ, подпали полному вліянію фанатичнаго духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла подъ ихъ ногами та твердая національная почва, которая одна только можетъ дать прочный базисъ для дальнѣйшаго культурнаго и политическаго развитія народа. Забывъ о геройствѣ славныхъ предковъ, сильно разслабленное внутренними раздорами, вестготское царство пало жертвой дикаго могаметанскаго фанатизма. Битва при Xeres de la Frontera 711 г. обозначаетъ здѣсь почти полное уничтоженіе готской мощи. Ей, правда, было суждено еще разъ возродиться: она сказалась съ новой силой въ блестящемъ разцвѣтѣ кастильскаго рыцарства въ борьбѣ съ маврами; положимъ, не надолго, такъ какъ и на этотъ разъ религіозный фанатизмъ помѣшалъ здравому и нормальному развитію. Тó же пламя, которое на тысячахъ костровъ сжигало мнимыхъ еретиковъ, истребило и лучшія силы народа, уничтожило корни, обѣщавшіе дать лучшіе отростки, и наложило на народную жизнь мрачную тѣнь, которая тяготѣла надъ нею въ теченіи многихъ вѣковъ. Конечно, мы не считаемъ ни кастильское рыцарство, ни позднѣйшую инквизицію прямымъ продолженіемъ готской жизни: она сказалась въ нихъ лишь послѣдними своими отблесками. Въ общемъ мы можемъ утверждать, что уже въ первой половинѣ VIII вѣка имя готовъ исчезаетъ изъ анналовъ всемірной исторіи, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и готская жизнь и готскій языкъ среди народовъ, которымъ принадлежало и принадлежитъ будущность Европы. Только на дальнемъ востокѣ, въ захолустьѣ крымскихъ горъ, удержалась еще почти тысячелѣтіе всѣми забытая горсть готовъ, послѣдніе остатки славнаго нѣкогда племени: это такъ называемые крымскіе готы. О нихъ мы скажемъ подробнѣе

ниже; теперь же, послѣ столь значительнаго отклоненія въ сторону въ цѣляхъ общей характеристики исторіи готскихъ народностей, вернемся къ главной нашей задачѣ, на востокъ, въ южно-русскія степи.

Отклоненіе не было произвольнымъ: оно приводитъ насъ къ мысли, что въ готскомъ народѣ, имѣвшемъ такую блестящую и вмѣстѣ трагическую судьбу, не могли не сказаться уже гораздо раньше, еще въ эпоху пребыванія ихъ въ Россіи, зародыши и задатки ихъ позднѣйшаго могучаго развитія. Мы достовѣрно знаемъ изъ Тацита Герм. гл. 43, что готы уже въ низовьяхъ Вислы имѣли сильно окрѣпшую царскую власть, вслѣдствіе чего мы въ правѣ предположить, что и національное самосознаніе было въ нихъ сильнѣе и развитѣе, чѣмъ у другихъ сосѣднихъ племенъ. Уже это одно должно было дать готамъ значительный культурный и политическій перевѣсъ надъ разрозненными славянскими племенами и общинами, не имѣвшими ни культурнаго, ни политическаго центра; уже одно это служитъ намъ порукой, что готы, сперва просто какъ сосѣди, затѣмъ и какъ побѣдители славянъ, имѣли въ обоихъ отношеніяхъ сильное вліяніе на славянскій міръ. Мы могли бы это утверждать апріорно, даже еслибъ не имѣли въ общеславянскомъ словарѣ многочисленныхъ слѣдовъ этого вліянія. Но какимъ путемъ можемъ мы опредѣлить послѣднее точнѣе и по возможности всесторонне?

Точныхъ историческихъ свѣдѣній о «готскомъ періодѣ» у насъ сравнительно мало. Если мы и можемъ составить себѣ общую картину событій на Руси отъ конца второго до конца четвертаго вѣковъ, то всетаки она рисуетъ намъ собственно только внѣшнія судьбы готскаго государства, да и то не сполна. Главный нашъ источникъ, историкъ VI вѣка Іорданъ, черпалъ свои свѣдѣнія изъ утеряннаго большого историческаго труда Кассіодора; послѣдній же, царедворецъ и министръ Теодорика Великаго, пользовался, конечно, главнымъ образомъ устной традиціей, жившей въ VI вѣкѣ въ остготскомъ народѣ.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ славяне и другія

подчиненныя нѣкогда готамъ народности оставались совершенно въ тѣни, такъ какъ, кромѣ самого факта подчиненія, они вовсе не интересовали ни Кассіодора, ни его списателя Іордана. Мы должны разъ на всегда отказаться отъ надежды почерпнуть изъ дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ что-нибудь большее, кромѣ нѣсколькихъ слабыхъ, блѣдныхъ намековъ на интересующія насъ отношенія между готами и славянами. Для рѣшенія же занимающаго насъ вопроса надо искать иного пути.

Послѣдній представляется намъ двоякимъ: мы можемъ искать слѣдовъ готскаго вліянія либо археологическимъ, либо лингвистическимъ путемъ. И тотъ и другой возможенъ и необходимъ. Но пока еще рано идти по первому, по пути археологіи. Послѣдняя никогда не давала и не даетъ новыхъ и точныхъ историческихъ результатовъ въ вопросѣ совершенно еще темномъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ дѣйствительно нѣсколько видоизмѣнять результаты, полученные инымъ способомъ; въ большинствѣ же случаевъ она лишь подтверждаетъ или пополняетъ въ бытовомъ отношеніи и мѣтко иллюстрируетъ данныя, добытыя исторіей въ узкомъ смыслѣ этого слова. Она необходима для провѣрки, но крайне опасна и шатка въ томъ случаѣ, когда захочешь одной только ею пользоваться при историческихъ изслѣдованіяхъ; результатъ будетъ похожъ на зданіе, построенное на болотѣ безъ фундамента: оно можетъ быть красиво, крѣпко на видъ, но благоразумный человѣкъ все-таки не согласится поселиться въ немъ. Археологія шьетъ узоры на подготовленной раньше канвѣ; самой канвы она дать не можетъ. Начинать съ нея въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, не годится.

Намъ остается пока только путь лингвистическаго изысканія; по нему мы теперь и пойдемъ. Одна только лингвистика можетъ дать твердую основу дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ археологическаго, а можетъ быть и историколитературнаго и юридическаго характера.

Создать эту основу — составляетъ главную задачу нашего труда.

Но и здѣсь необходима нѣкоторая подготовительная работа. Мы должны прежде всего уяснить себѣ по доступнымъ намъ источникамъ, когда именно, и въ силу какихъ географическихъ и политическихъ условій могло сказаться на языкѣ и жизни славянскихъ племенъ вліяніе готовъ?

Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы можемъ взяться за лингвистическое изслѣдованіе и надѣяться, что окончательные выводы наши дѣйствительно примутъ форму доказанныхъ фактовъ.

Этими соображеніями опредѣляется планъ и программа нашей работы.

Готы и ихъ сосѣди до V вѣка.

Исторія готовъ до начала V вѣка распадается на два періода, отчетливо разъединенныхъ великимъ событіемъ. Мы назовемъ ихъ для краткости первымъ и вторымъ. Въ первый періодъ (до конца II в. по Р. Хр.) готы жили на нижней Вислѣ, во второй— на югѣ въ припонтійскихъ степяхъ, съ политическимъ центромъ, вѣроятно, на Днѣпрѣ.

I. Первый періодъ.

Готы на Вислѣ.

Географическое положеніе земли готовъ въ первый періодъ ихъ исторической жизни опредѣляется словами Тацита, Птолемея и Іордана.

Перечисляя восточно-германскія народности, Тацитъ (Germ. c. 43) называетъ къ сѣверу отъ многочисленнаго племени лугіевъ, которое распадается на нѣсколько государствъ — Lygiorum (Lugiorum) nomen in plures civitates diffusum—, готовъ: trans Lygios Gotones regnantur. . . .

Лугіи занимаютъ область верхняго и средняго Одера и простираются на востокъ до средняго и верхняго теченія Вислы, т. е. ихъ земли обнимаютъ нынѣшнюю Силезію, Познань и западную Польшу. Въ ихъ составъ входятъ и бургунды въ сѣ-

верной Познани, которыхъ не знаетъ Тацитъ. Такъ какъ побережье Балтійскаго моря на западъ отъ нижней Вислы занято ругами (см. ниже), то готовъ, очевидно, нужно помѣстить на востокъ отъ этой рѣки, внутри большой дуги, образуемой ея теченіемъ отъ Буга до впаденія въ море. Это нисколько не противорѣчитъ словамъ Тацита, хотя онъ и не говоритъ объ этомъ. Изъ его словъ скорѣе можно заключить, что, по его мнѣнію, готы жили по лѣвую сторону Вислы между лугіями и ругами, къ которымъ онъ непосредственно и переходитъ отъ готовъ. Но онъ зналъ, что и за Вислой также живутъ германцы. Правда, на востокъ отъ нижняго теченія этой рѣки имъ помѣщаются айсты Germ. c. 45: dextro Suebici maris litore Aestiorum gentes alluuntur; но онъ относитъ ихъ еще къ суевамъ (лишь послѣ нихъ cap. 46: hic Suebiae finis), и онъ спеціально отмѣчаетъ, что у нихъ ritus habitusque Sueborum. Его свѣдѣнія, очевидно, еще шатки и неясны: римляне не успѣли еще достаточно познакомиться съ этническимъ составомъ населенія этого дальняго уголка, въ которомъ германцы сталкивались съ славяно-литовскимъ племенемъ.

Извѣстно, что въ это время — впервые въ царствованіе Нерона, ср. Plin. H. N. XXXVII § 45 — уже начались прямыя торговыя сношенія Италіи съ Балтійскимъ побережьемъ между нынѣшнимъ Кенигсбергомъ и Мемелемъ [1]), куда римскіе купцы отправлялись за янтаремъ, все болѣе входившимъ въ моду и потому высоко цѣнившимся въ Римѣ.

Эти сношенія не прерывались вплоть до начала Маркоманской войны во второй половинѣ II вѣка. На основаніи топографическихъ соображеній, подтверждаемыхъ археологическими находками, мы можемъ даже опредѣлить пути, по которымъ двигались итальянскіе торговые караваны [2]). Намъ придется

---

[1]) Cp. Sadowski 30 ss., Müllenhoff D A. I, 215 ss.

[2]) Sadowski, p. 5—28; выводы 18 ss. Въ этой части своей книги Садовскій даетъ вполнѣ надежный матеріалъ, и выводы его убѣдительны. Къ сожалѣнію, онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ этнологію изучаемой области,

воспользоваться этими данными ниже, при изученіи этнологіи области между Вислой и Одеромъ.

Въ виду этихъ непрерывныхъ торговыхъ сношеній Италіи съ германскимъ сѣверо-востокомъ, мы въ правѣ ожидать какъ у Тацита, такъ и у писателей II вѣка болѣе точныхъ свѣдѣній о системахъ Вислы и Одера, такъ какъ они могли черпать ихъ изъ устныхъ разсказовъ купцовъ и воспользоваться ихъ итинераріями.

Дѣйствительно, по всему видно, что уже Тацитъ лучше знакомъ съ областью Вислы, чѣмъ напр. съ землями между Одеромъ и Эльбой; а у Птолемея именно восточной Германіи принадлежитъ довольно много такъ называемыхъ πόλεις. Это, конечно, не города въ нашемъ смыслѣ; и не во всѣхъ даже мы имѣемъ право видѣть дѣйствительно поселенія туземцевъ (ср. Tac. Germ., c. 16). Въ большинствѣ случаевъ мы должны усматривать въ нихъ болѣе или менѣе постоянныя стоянки и склады римскихъ купцовъ [1]).

Слѣдуетъ полагать, что уже Тацитъ могъ воспользоваться нѣкоторыми новыми данными о восточной Германіи. Птолемей же, или Маринъ Тирскій, трудъ котораго легъ въ основу Птолемеевой географіи, уже всецѣло находится въ зависимости отъ этихъ новыхъ источниковъ. Большинство промаховъ Птолемея объясняется его стремленіемъ согласовать новыя данныя съ тѣмъ, что говорили прежніе авторитеты, какъ напр. Тацитъ, труды котораго онъ, конечно, зналъ.

И вотъ у Птолемея мы находимъ готовъ на правомъ берегу

и изслѣдователи, интересовавшіеся этнологіей, слишкомъ мало воспользовались матеріаломъ и выводами Садовскаго, вслѣдствіе чего получаемые ими результаты частью неопредѣленны, частью прямо противорѣчатъ топографіи страны.

[1]) Чисто латинская форма города Φηλιχία Ptol. II, 11, 15 не можетъ быть приведена какъ иллюстрація этого положенія. По Птол. онъ лежитъ подъ 39° долг. и 48°30′ шир. что соотвѣтствуетъ на нашей картѣ приблизительно 16°38′ долг. 47°57′ шир., т. е. городъ этотъ попалъ въ Germania Magna Птолемея только потому, что среднее теченіе Дуная обозначено имъ невѣрно; на самомъ дѣлѣ онъ лежитъ въ Pannonia superior. См. карту.

Вислы по прямой линіи между лугіями (Λοῦγοι Ὀμανοί) и землею янтаря (III, 5, 8: παρὰ μὲν τὸν Οὐίστούλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες). Но они живутъ не на морѣ: между послѣднимъ и готами помѣщаются венеды, т. е. славяне, которымъ здѣсь не мѣсто. Недоразумѣніе, въ силу котораго они попали сюда, на мой взглядъ, выяснить не трудно, если мы станемъ на точку зрѣнія Птолемея и всмотримся въ матеріалъ, имѣвшійся подъ его рукой, матеріалъ часто противорѣчивый, который нужно было во что бы то ни стало свести къ одной стройной картинѣ.

Изъ разсказовъ купцовъ онъ зналъ, что за готами на берегу моря живетъ народъ не германскій. У Тацита здѣсь — айсты, но они ritu habituque суевы, т. е. германцы, и страна ихъ принадлежитъ къ Suebia. Очевидно Тацитъ ошибся: вѣдь суевовъ онъ, Птолемей, зналъ гораздо дальше за западъ, за Одеромъ. И вотъ Птолемей вноситъ поправку въ Тацитову карту и помѣщаетъ въ самый центръ древней Суевіи, между средними теченіями Одера и Эльбы, тамъ гдѣ живутъ семноны, vetustissimi nobilissimique Sueborum (Germ. 39), городъ Αἰστουία [2]), не находя здѣсь мѣста для цѣлаго народа айстовъ (II, 11, 12). Этотъ пріемъ практикуется имъ не разъ. Такъ напр. онъ зналъ, что на западъ отъ нижней Вислы живутъ руги; но въ одномъ изъ письменныхъ источниковъ (у Марина?) онъ находилъ на ихъ мѣстѣ загадочныхъ рутиклеевъ; для примиренія этихъ противорѣчивыхъ данныхъ онъ отмѣчаетъ на своей картѣ у западныхъ границъ рутиклейской земли «городъ» Ῥούγιον (см. ниже). Такъ онъ поступилъ и съ айстами, и этимъ, повидимому, примирялись противорѣчивыя данныя его источниковъ. Но за то надъ готами оставалось пустое мѣсто, которое нужно было заполнить народомъ близкимъ, но не германскимъ. Наиболѣе подходящими для

---

[2]) Я принимаю, какъ Zeuss 267 not., чтеніе рукописей BEZ, хотя Müller (p. 267) предпочелъ Κιστουία, очевидно, ради отожествленія его съ нынѣшнимъ Küstrin. Положеніе его опредѣляется Птолемеемъ 37°20′ долг. и 54°30′ шир., т. е. по нашему расчету 13°52′ долг. и 52°35 шир. См. карту.

этой цѣли должны были казаться венеды — славяне, которыхъ Птолемей не могъ не знать какъ ближайшихъ сосѣдей германцевъ на востокѣ.

Онъ просто передвинулъ ихъ на сѣверъ; это было тѣмъ болѣе удобно, что на его картѣ ихъ дѣйствительная родина въ центрѣ великой Сарматіи была уже занята народностями, взятыми имъ изъ другихъ болѣе древнихъ источниковъ. Это пріемъ, опять-таки часто встрѣчающійся у Птолемея: такъ онъ поступилъ съ силингами, передвинувъ ихъ на западъ, и съ другими. Вотъ почему въ эту часть Птолемеевой карты попала непонятная на первый взглядъ ошибка: ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες [1]). Она поддерживалась, можетъ быть, еще близостью языковъ литовскаго и славянскаго, бо́льшею, конечно, въ то время, чѣмъ теперь.

Какъ бы то ни было, для насъ важно то, что готы Птолемея живутъ на правомъ берегу Вислы, и что онъ отодвинулъ ихъ отъ моря лишь по недоразумѣнію.

На берегу моря знаетъ ихъ, наконецъ, Іорданъ.

По Іордану (VI вѣка), черпавшему изъ Кассіодора, пользовавшагося живымъ народнымъ преданіемъ остготовъ въ Италіи, древнѣйшимъ владѣніемъ готовъ на материкѣ была приморская страна на нижней Вислѣ: они изгнали отсюда ульмеруговъ, т. е. «островныхъ руговъ» (ср. дрсѣв. hólmr, дрсакс. агс. англ. holm), жившихъ на островахъ, образуемыхъ этой рѣкой. Iord. De orig. act. get. c. 3: Gothi. . . . promoventes ad sedes Ulmerugorum, qui tunc Oceani ripas insidebant, ... eos. . . commisso proelio propriis sedibus pepulerunt.

Ясно на основаніи всего этого, что земля готовъ обнимала восточный уголъ западной Пруссіи, восточную Пруссію и сѣверную Польшу, доходя на западѣ до Вислы, а на югѣ до Буга, приблизительно.

---

[1]) Къ тому же результату относительно Αἰστουία и венедовъ приходитъ теперь и Holz 52. 58., хотя инымъ путемъ. Ср. также Müllenhoff D A. II 16ss.; Zeuss 266. Всѣ приходятъ къ одному и тому же выводу по разнымъ путямъ.

Что касается восточной ея границы, то ее, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить съ точностью. Ее составляла, вѣроятно, рѣка Прегель, такъ какъ до нея нѣтъ естественной границы, а область между этой рѣкой и Нѣманомъ заселена, кажется, уже не готами, а айстами, предками литовцевъ, о чемъ подробнѣе ниже.

Плиній H. N. IV, 14, 100 называетъ на востокъ отъ Вислы только одну значительную рѣку: Amnes clari in oceanum defluunt Guthalus (var. Gythalus), Visculus sive Vistla, Albis..... По всей вѣроятности, Guthalus есть именно Прегель, какъ думаетъ большинство изслѣдователей [1]). Если это пріуроченіе вѣрно, то наша догадка относительно восточной границы готской земли становится еще вѣроятнѣе: дѣло въ томъ, что всѣ семь названныхъ Плиніемъ въ указанномъ мѣстѣ рѣкъ составляютъ важныя этнографическія границы. Во всякомъ случаѣ, германское происхожденіе этого имени едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Guthalus = готск. *gutals, имя прилагательное, правильно образованное отъ корня giut — gut лить (гот. giutan, дрврхнѣм. giozan, нѣм. giessen). Ср. готск. slahals къ slahan, агс. flugol къ fleón, др.-сѣв. þagall, þǫgull къ þegja. Мухъ 182 привлекаетъ къ сравненію исл. gutla клокотать. Сходство съ именемъ готовъ, вѣроятно, только случайное, на что указалъ уже Мюлленгофъ DA II. 209.

У Птолемея мы, къ сожалѣнію, не находимъ никакихъ указаній на счетъ восточныхъ предѣловъ готской области. Но если мы всмотримся въ сѣверозападный уголъ его Сарматіи, то придемъ къ тому же выводу.

Подъ его венедами живутъ не одни только готы III, 5, 8, но еще Γαλίνδαι καὶ Σουδινοί καὶ Σταυανοί III, 5, 9. Послѣдніе, въ свою очередь, сосѣдятъ съ аланами (μέχρι τῶν Ἀλανῶν), область которыхъ начинается приблизительно на 60° долг. (III, 5, 5 τὸ Ἀλανὸν ὄρος 62°30′ долг. и 55° шир.). Названныя че-

---

[1]) Zeuss 16: Memel oder Pregel; Müllenhoff DA II 209. Pregel; Much Beitr. XVII, 182: Pregel или Alle (притокъ Прегеля).

тыре народности обнимаютъ, слѣдовательно, приблизительно 15° долг. Птолемея. При его пріемахъ схематизаціи, на долю готовъ падаетъ очевидно $3^1/_2$—4°, а отъ устья Вислы до Прегеля на его картѣ именно 3 resp. 4 градуса.

Отожествлять съ Прегелемъ же рѣку Χρόνος Птолемея, какъ это дѣлаетъ Müllenhoff DA II, 19 и другіе, нѣтъ никакой возможности. Χρόνος можетъ быть только нашимъ Нѣманомъ. По Птолемею, его устье лежитъ на 50° долг. и 56° шир., т. е. отстоитъ отъ устья Вислы на 5 Птолемеевыхъ градусовъ, дѣйствительное же разстояніе отъ Вислы до Нѣмана по прямой береговой линіи 4°39′. Незначительная ошибка въ 21′ легко объясняется изгибами берега. Вѣдь въ основѣ географическихъ опредѣленій Птолемея на этомъ далекомъ сѣверовостокѣ лежатъ, конечно, не точныя астрономическія наблюденія, а приблизительный расчетъ по времени переѣзда. Тамъ, гдѣ береговая линія пряма, расчетъ вѣрнѣе, подчасъ точенъ до минуты.

Такъ, отъ Χρόνος до слѣдующей рѣки Ῥούδων у Птолемея ровно 3° долг. разстоянія, что равняется нашимъ 2°6′: а отъ Нѣмана до Виндавы по береговой линіи разстояніе равняется ровно 2°6′ нашего счета, 3° Птолемея.

Этотъ фактъ съ одной стороны подтверждаетъ нашу догадку относительно Χρόνος, а съ другой доказываетъ, что въ Ῥούδων мы должны видѣть Виндаву. Сходство этого имени съ Russ, Rusne, главнымъ рукавомъ дельты Нѣмана, только случайное; при томъ передъ нами лишь сходство, не тожество.

Литовское Rusne изъ *Rudne произойти не могло, а мѣнять изъ за этого чтеніе Ῥούδων у Птолемея III, 5, 1 въ Ῥούσων, какъ предлагаетъ Мюлленгофъ DA II, 351 — едва-ли возможно, такъ какъ первая форма съ δ хорошо засвидѣтельствована рукописями. Ῥούσων ни одна рукопись не даетъ.

Ограничивая готскую область на востокѣ рѣкою Прегель, мы имѣемъ въ виду лишь пространство, дѣйствительно заселенное готскимъ народомъ, и оставляемъ, пока, совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, не простиралась-ли политическая

власть готовъ дальше на востокъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ, можетъ быть, удастся рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, теперь же намъ предстоитъ прежде всего познакомиться съ ближайшими сосѣдями готовъ, т. е. попытаться выяснить географическое расположеніе народностей какъ германскихъ, такъ и негерманскихъ въ системахъ Одера, Вислы, Двины и верхняго Днѣпра въ I и началѣ II вѣка по Р. Х. Выясненіе это имѣетъ первостепенное значеніе для дальнѣйшаго хода нашего изслѣдованія.

Начинаю съ запада.

На островахъ, образуемыхъ дельтой Вислы, поселились гепиды, ближайшіе родичи готовъ Iord. 17, 95 s. Gepidae..... ex Gothorum prosapie.. trahent originem..... Hi ergo Gepidae.... commanerent in insulam Visclae amnis vadibus circumactam, quam patrio sermone dicebant Gepedoios.

Это фактъ, не внушающій недовѣрія, тѣмъ болѣе, что Gepidoios совершенно правильно образованная готская форма: — oios <готск. *aujōs, nom. pl. отъ *awi f. островъ, ср. дрсѣв. ey, агс. éȝ, дрврхнѣм. auwa, ouwa. Они, слѣдовательно, заняли страну, въ которой прежде жили руги.

Послѣдніе, въ свою очередь, заселили приморскую землю на западъ отъ Вислы, гдѣ ихъ знаетъ, какъ ближайшихъ сосѣдей готовъ, Тацитъ Germ. 43: protinus deinde ab oceano Rugii et Lemovii. Сюда же относитъ ихъ и Птолемей II, 11, 7: καὶ μετ' αὐτοὺς (Σιδινούς) Ῥουτίκλειοι μέχρι τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ рукописномъ чтеніи Ῥουτίκλειοι слѣдуетъ видѣть описку вм. Ῥουγίκλειοι [1]).

Послѣднее имя — правильно образованная уменьшительная форма отъ прагерм. *Rugīz: ср. дрврхнѣм. eni(n)klî внукъ отъ ano дѣдъ, дрнжненѣм. nessiklî червячекъ отъ nesso; въ готскомъ похожее, но не тожественное образованіе ainakls одино-

---

[1]) Эту поправку предлагаетъ Мюллеръ 258, за нимъ Мухъ 183.

кій отъ ains [1]). Это, очевидно, прозвище, данное побѣжденнымъ ругамъ сосѣдями въ насмѣшку. Что Рутиклеи дѣйствительно тѣ же руги, доказывается тѣмъ, что Птолемей II, 11, 12 отмѣчаетъ въ ихъ странѣ подъ 42°30′ долг. и 55°40′ шир., т. е. въ 20′ отъ морскаго берега, городъ Ῥούγιον. Тожественъ ли послѣдній съ нынѣшн. Rügenwalde въ Помераніи недалеко отъ устья рѣки Wipper, подъ 16°25′ долг. и 54°25′ шир., какъ думаетъ Мюллеръ въ своемъ изданіи Птолемея стр. 267, это для насъ безразлично. Разстояніе между обоими городами, дѣйствительно, не велико, всего на 36′ долг. и 27′ шир.; эту неточность можно было бы объяснить неправильностью очертаній берега въ данномъ мѣстѣ Птолемеевой карты. Важно также совпаденіе въ томъ отношеніи, что оба города нѣсколько отстоятъ отъ берега. Но съ другой стороны возможно, что Ῥούγιον обязанъ своимъ существованіемъ желанію примирить два противорѣчивыхъ данныхъ, на что нами уже было указано выше стр. 28.

Западную границу руговъ составляетъ, по Птолемею II, 11, 7 рѣка Οὐιαδούα, пріуроченіе которой представляетъ большія трудности. Мнѣнія изслѣдователей, занимавшихся этимъ вопросомъ, сильно расходятся. Большинство отожествляетъ ее съ Одеромъ (Zeuss 16; Müllenhoff DA II, 209; Holz 31) и думаетъ, что это та же рѣка, которую Птолемей тутъ же (II, 11, 7) называетъ Σουῆβος, отдѣляя ее по ошибкѣ отъ Οὐιαδούα и ставя ее границей между Φαραδεινοί и Σιδινοί. Одинъ только Зельманъ [2]), считая Οὐιαδούα Одеромъ, видитъ въ Σουῆβος рѣку Warnow. Наконецъ, Мухъ 185 предлагаетъ для Οὐιαδούα рѣки Grabow, Wipper или Persante (въ нынѣшн. Помераніи), отожествляя Одеръ только съ Σουῆβος. Уже простой перечень этихъ мнѣній указываетъ, на какой шаткой почвѣ мы стоимъ, изслѣ-

---

[1]) См. Kluge. Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. Halle 1886, p. 30.

[2]) Seelmann. Zur Gesch. der deutschen Volksstämme Norddeutschlands u. Dänemarks 1887, p. 44 s.

дуя этотъ вопросъ; и положеніе нисколько не улучшается, если мы всмотримся въ доводы, приводимые названными учеными въ пользу ихъ мнѣній.

Этимологія Οὐιαδούα, предлагаемая Мюлленгофомъ 210, фонетически возможна и допустима, хотя не безъ натяжки, такъ какъ параллели готск. frijaþva, fijaþva къ предполагаемому *Vijaþva далеко не безукоризненны [1]). Но за то нѣтъ положительно никакихъ данныхъ ни лингвистическихъ, ни историческихъ, говорящихъ въ пользу тожества этого имени съ позднѣйшимъ славянскимъ названіемъ той же рѣки (въ древнѣйшей формѣ Odagra, Odogra въ Annal. fuldens. ad a. 892), тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ славянскаго міра встрѣчается Одра, какъ названіе ручья (въ Хорватіи) [2]), что доказываетъ возможность самостоятельнаго возникновенія этого имени на славянской почвѣ. Скачекъ отъ *Vijaþva къ Odagra невозможенъ, даже при самомъ широкомъ примѣненіи народно-этимологическаго принципа, и Мюлленгофъ также мало обосновалъ свою идею, какъ Zeuss свою догадку, высказанную имъ мимоходомъ. Такимъ путемъ ничего не достигнешь. Если же мы безъ предубѣжденія всмотримся въ матеріалъ, имѣющійся на лицо, то получимъ слѣдующее.

Σουῆβος ποταμός долженъ быть, во всякомъ случаѣ, отожествленъ съ Одеромъ. Это — не приморская рѣчка въ родѣ Warnow; она выходитъ изъ глубины страны, отдѣляя, по Птолемею II, 11, 8, далеко отъ моря семноновъ отъ бургундовъ. Другой такой значительной рѣки, кромѣ Одера, нѣтъ между Вислой и Эльбой. Источники ея — въ Ἀσκιβούργιον ὄρος, т. е. въ Исполиновыхъ и Судетскихъ горахъ: ясно, что и это говоритъ

---

[1]) Слова, образуемые посредствомъ суфф. герм. *-twō- <индоевр. *-tu̯ā- служатъ исключительно для обозначенія отвлеченныхъ понятій. См. примѣры у Kluge, Nom. Stammb. p. 63.

[2]) См. Miklosich. Die Slavischen Ortsnamen aus Appellativen II (Denkschriften Вѣнской академіи XXIII) № 385. Ср. также Одрьскъ, на рѣкѣ Одровъ, притокѣ Днѣпра. Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, изд. 2-е Варшава 1885, стр. 186 сл.

въ пользу Одера. Что касается страннаго, на первый взглядъ, названія Σουῆβος, то оно производитъ впечатлѣніе ученой фикціи за незнаніемъ его туземнаго имени. Дѣйствительно, вѣдь до Одера римляне никогда не доходили, и среднее и нижнее теченія этой рѣки принадлежатъ къ областямъ наименѣе знакомымъ ихъ географамъ и историкамъ. Но съ суевами-семнонами римляне могли и должны были познакомиться на Эльбѣ, и могли узнать отъ нихъ, что ихъ земля на востокѣ отдѣляется отъ бургундской области большой рѣкой. Не находя въ источникахъ названія для этой рѣки, Птолемей или, вѣрнѣе, одинъ изъ его предшественниковъ назвалъ ее именемъ того народа, который казался наиболѣе могущественнымъ въ этой области [1]). На ту же самую искусственность указываетъ, можетъ быть, и форма Σουῆβος, вмѣсто ожидаемаго и болѣе естественнаго Σουηβικὸς ποταμός.

Но какъ называлась эта рѣка туземцами?

Неужели ея настоящее имя ускользнуло отъ вниманія римскихъ путешественниковъ-купцовъ?

Вышеназванные ученые даютъ на это опредѣленный отвѣтъ, отожествляя Σουῆβος съ Οὐιαδούα, и Holz 31 s. предлагаетъ очень простое и остроумное объясненіе этой двойственности именъ, на основаніи двойственности матеріала, которымъ пользовался Птолемей. Но это объясненіе находится, очевидно, подъ давленіемъ авторитета Мюлленгофа. Я не вижу ни одного факта, говорящаго въ пользу этого тожества. Напротивъ того, всѣ имѣющіяся на лицо данныя приводятъ насъ къ другому выводу.

Прежде всего нужно помнить, что Οὐιαδούα упоминается Птолемеемъ только какъ приморская рѣка: она отдѣляетъ сидиновъ отъ рутиклеевъ, въ этомъ вся ея роль. Но рѣшающее значеніе имѣетъ опредѣленность географическаго по-

[1]) Такъ объясняетъ происхожденіе этого названія и Holz 31. Мюллеръ 250 предлагаетъ читать Συῆνος, напоминающее нын. Swine, главный рукавъ дельты Одера.

ложенія ея устья. Еслибъ ея въ дѣйствительности въ данномъ мѣстѣ не было, то Птолемей безъ сомнѣнія помѣстилъ бы ее на серединѣ между Вислой и Одеромъ. Онъ этого однако не дѣлаетъ: устье Віадуи находится у него подъ 42°30′ долг. и 56° шир., т. е. оно отстоитъ отъ Одера на 3°, а отъ Вислы на 2°30′ долг. Очевидно, что въ его источникѣ имѣлись точныя указанія, которыми онъ и воспользовался. Принимая во вниманіе указанное разстояніе отъ Одера (3° = 2°6′) и отъ Вислы (2°30′ = 1°45′) мы придемъ къ заключенію, что Οὐιαδούα должна быть нынѣшн. Wipper или Stolpe. Одна изъ этихъ двухъ рѣкъ, слѣдовательно, составляла, по Птолемею, западную границу ружской земли.

У Тацита, къ сожалѣнію, эта граница не обозначена. Говорится только Germ. 43: protinus deinde ab oceano Rugii et Lemovii.

Что̀ это за лемовіи? Въ пользу отожествленія ихъ съ Ῥουτίκλειοι Птолемея (Zeuss 155) нѣтъ никакихъ данныхъ. Такое отожествленіе прямо невозможно, если наша догадка относительно послѣдняго имени вѣрна. Holz 45 ищетъ исхода въ предположеніи, что Ῥουτίκλειοι испорчено изъ Rugii : : Le : : : ii. Но натяжка, заключающаяся въ этомъ объясненіи, бросается въ глаза. Наконецъ, Much 186 думаетъ, что лемовіи тожественны съ Φαραδεινοί Птолемея II, 11, 7 (между Χάλουσος ποταμός и Σουῆβος) или обнимали, кромѣ этой народности, еще сидиновъ Ptol. ibid. (Σιδινοί); онъ же 190, на основаніи очень смѣлой этимологической комбинаціи [1]), отожествляетъ ихъ съ туркилингами, народностью, которая въ эпоху великаго переселенія является въ сообществѣ руговъ. Что касается сидиновъ, то въ нихъ обыкновенно узнаютъ народность Σιβινοί (вм. Σίδινοί?),

---

[1]) Lemovii <прагерм. *lǣmewjaz къ срврхнѣм. lüeme, слабый, вялый, въ связи съ нѣм. lahm. Turcilingi отъ прил. праг. *turkilaz, ср. дрврхнѣм. zorkolôn, быть тяжко больнымъ. Значитъ въ обоихъ случаяхъ получается одно и то же значеніе, насмѣшливое прозвище «слабый человѣкъ, нѣженка»!

входившую по Страбону (VII, 1,3) въ составъ государства Маробода. Zeuss 154, кромѣ того, думаетъ, что это тѣ же руги.

Ясно, что тутъ догадка на догадкѣ, и одна рискованнѣе другой.

Мнѣ кажется, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ проще, если мы позволимъ себя прибѣгнуть, въ видѣ исключенія, къ этимологическому пріему. Примѣненіе его къ рѣшенію этнологическихъ вопросовъ внушаетъ намъ глубокое недовѣріе, по многимъ причинамъ. Но на этотъ разъ этимологія, которую мы имѣемъ въ виду, такъ наглядна и напрашивается сама на мысль, что мы едва-ли рискуемъ впасть въ ошибку, принимая ее во вниманіе при нашемъ предположеніи.

Я исхожу отъ имени Σειδινοί (Σιδινοί) Птолемея. Оно принадлежитъ къ немногимъ именамъ древнегерманскаго этнографическаго именослова, которыя этимологически совершенно ясны. Въ основѣ лежитъ несомнѣнно прагерм. *sīđō^n, готск. *seidō, дрсѣв. síđa, дрсакс. sîda, агс. síđe, англ. side, ндрл. zijde, дрврхнѣм. sîta, нын. Seite, въ значеніи (бокъ) край, берегъ (ср. ндрл. и дрсѣв.). Имя Σιδινοί образовано отсюда совершенно правильно: *Sīđīnōz или *Seiđīnōz (*sīđ- < *sejđ-), ср. дрсѣв. Heiđnir < *Haiđīnōz.

Понятое въ такомъ смыслѣ, имя сидиновъ означаетъ только «поморскихъ жителей, поморянъ», и, не заключая въ себѣ болѣе точнаго обозначенія какой-нибудь одной народности, съ точки зрѣнія германской можетъ быть понято какъ имя нарицательное, а у готовъ могло служить названіемъ для всѣхъ мелкихъ приморскихъ племенъ на западъ отъ руговъ, ближайшихъ ихъ сосѣдей. Съ другой стороны, римлянину оно должно было казаться именемъ собственнымъ, и въ этомъ, именно, смыслѣ оно перешло къ римскимъ ученымъ. Птолемей, нашедши это имя въ источникахъ съ однимъ только общимъ замѣчаніемъ, что они живутъ на западъ отъ руговъ, не могъ долго колебаться относительно ихъ географическаго пріуроченія. На его картѣ именно въ ближайшемъ западномъ сосѣдствѣ съ ругами оказы-

валось пустое мѣсто между Οὐιαδούα и Σουῆβος ποταμός; онъ заполнилъ этотъ пробѣлъ именемъ сидиновъ, которыхъ онъ не могъ пріурочить къ другому мѣсту. Почему онъ обошелъ молчаніемъ лемовіевъ, мы услѣдить не можемъ. Можетъ быть, потому, что для нихъ уже не оставалось мѣста? Или онъ предпочелъ имъ сидиновъ изъ бóльшаго довѣрія къ болѣе современному источнику? Выяснить это мы уже не имѣемъ возможности. Впрочемъ, для нашихъ цѣлей этотъ вопросъ и не такъ важенъ, такъ какъ мы обо всѣхъ этихъ народностяхъ, за исключеніемъ руговъ, ничего кромѣ имени не знаемъ.

Значеніе имѣетъ для насъ только опредѣленіе ружской земли, которая, какъ мы видѣли, доходила на западѣ до Виппера или Стольпе, а естественную границу ея на югѣ составляетъ нижнее теченіе Варты, ея притокъ Netze и окружающія его болота. Теченіемъ Одера, по крайней мѣрѣ въ нижней и средней его частяхъ, вообще ограничивается на западѣ интересующая насъ область.

Обратимся, поэтому, теперь къ разсмотрѣнію юго-западныхъ сосѣдей готскаго народа, имѣющихъ для насъ, какъ мы увидимъ, болѣе важное значеніе.

Вотъ что говоритъ Тацитъ Germ. 43 о земляхъ на верхнемъ Одерѣ и Вислѣ и смежныхъ съ ними областяхъ, начиная съ юга:

Retro (т. е. на сѣверъ за квадами и маркоманами въ нын. Богеміи, Моравіи и отчасти Венгріи) Marsigni, Cotini, Osi, Buri terga Marcomanorum Quadorumque claudunt, e quibus Marsigni et Buri sermone cultuque Suebos referunt: Cotinos Gallica, Osos pannonica lingua coarguit non esse germanos..... omnesque hi populi pauca campestrium, ceterum saltus et vertices montium iugumque insederunt. Dirimit enim scinditque Suebiam continuum montium iugum, ultra quod plurimae gentes agunt, ex quibus latissime patet Lygiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficiet, Harios, Helveconas, Manimos, Elisios, Nahanarvalos. Apud Nahanarvalos

antiquae religionis lucus ostenditur. Praesidet sacerdos muliebri ornatu..... Trans Lygios Gotones.....

Это — самая полная картина интересующей насъ области отъ Дуная вплоть до готовъ. Совершенно ясна первая ея часть, перечисляющая народности Моравіи, австрійской Силезіи и сѣверозападной Венгріи. Marsingi (такъ вмѣсто Marsigni Тацита, ср. Reudigni вм. Reudingi Germ. c. 40) незначительная народность. Правъ-ли Much 109 ss., 112, 116 s. переводя ихъ имя «слабые» и отожествляя ихъ съ Κορκονγοί (вм. Κορκοντοί) Птолемея II, 11, 10 и съ позднѣйшими лакрингами, участвовавшими въ маркоманской войнѣ (Capitolinus, M. Aurel. 22)— это для насъ не важно. Важнѣе было бы, еслибъ мы могли выяснить ихъ происхожденіе. Къ сожалѣнію, у насъ на это слишкомъ мало данныхъ.

Вѣроятно, что они заняли свои земли до переселенія маркомановъ въ I в. до Р. Хр. Въ составъ послѣднихъ они не входятъ, это ясно; но они могли быть одного съ ними происхожденія, т. е. суевскаго. Съ другой стороны есть возможность предположить, что они вандильскаго, т. е. лугійскаго происхожденія. Правда, Тацитъ называетъ ихъ sermone cultuque Suebos; но вспомнимъ, въ какомъ широкомъ значеніи этотъ писатель употребляетъ имена Suebi, Suebia: они обнимаютъ у него почти всю неримскую Германію. Что вандиліи дѣйствительно уже успѣли нѣсколько передвинуться на югъ, въ этомъ мы сейчасъ убѣдимся.

Что касается географическаго положенія земли марсинговъ, то ихъ, по моему, нельзя отдѣлять отъ Моравы, древн. Marus. (Plin. IV, 12, 81; Tac. Ann. II, 63). На западномъ берегу ея средняго теченія, въ юго-восточной Моравіи, лежатъ Марсовы горы (Mars-Gebirge), въ названіи которыхъ сохранился, мнѣ кажется, на столько ясный слѣдъ существованія марсинговъ, что мы не имѣемъ право искать землю послѣднихъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ на средней Моравѣ. Они оказываются, такимъ образомъ, южными сосѣдями буровъ (см. ниже), и мы можемъ

видѣть въ нихъ, можетъ быть, крайній южный аванпостъ вандильскаго племени.

Слѣдующіе за марсингами котины и осы уже не германцы: по ясному свидѣтельству Тацита, мы должны видѣть въ первыхъ — остатокъ кельтовъ, нѣкогда населявшихъ эти области, а въ осахъ — народность паннонскаго происхожденія. Они упоминаются и Птолемеемъ, но относящееся сюда мѣсто его труда (II, 11, 10 и 11) нуждается въ разъясненіи, раньше чѣмъ мы можемъ воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Вотъ оно цѣликомъ:

Ὑπὸ δὲ τούτους (т. е. буровъ у верховьевъ Вислы) πρῶτοι Σίδωνες, εἶτα Κῶγνοι, εἶτα Οὐισβούργιοι ὑπὲρ τὸν Ὀρκύνιον δρυμόν..... ὑπὸ δὲ τὸν Ὀρκύνιον δρυμὸν Κούαδοι, ὑφ᾽ οὓς τὰ σιδηρωρυχεῖα καὶ ἡ Λοῦνα ὕλη, ὑφ᾽ ἣν μέγα ἔθνος οἱ Βαῖμοι μέχρι τοῦ Δανουβίου.

Ясно, что на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ между среднимъ Дунаемъ и источникомъ Вислы, т. е. приблизительно между 48° и 49°30′ сѣв. шир. не могло умѣститься такое большое число народностей, какое называетъ Птолемей въ приведенномъ спискѣ. Взглядъ на нашу карту объяснитъ намъ, какимъ образомъ такое размѣщеніе стало возможнымъ.

На интересующемъ насъ пространствѣ между среднимъ Дунаемъ и Балтійскимъ моремъ Птолемей называетъ 5 горныхъ цѣпей: Σαρματικὰ ὄρη (II, 11, 4: 42°30′ долг. 48°30′ шир. до 43°30′ долг. 50°30′ шир.); Ἀσκιβούργιον ὄρος (ibid. 5: 39° долг. 54° шир. до 44° долг. 52°30′ шир.); Σούδητα ὄρη (ibid 34° долг. 50° шир. до 40° долг. 50° шир.); Γαβρῆτα ὕλη (ibid.) къ югу отъ Судетскихъ горъ, безъ болѣе точнаго опредѣленія; и, наконецъ, Ὀρκύνιος δρυμός (ibid.) между Судетскими и Сарматскими горами. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ ἡ Λοῦνα ὕλη, мимо которой протекаетъ рѣка, впадающая подъ 39°20′ долг. въ Дунай (Морава). Изъ всѣхъ этихъ именъ однѣ только Сарматскія горы нигдѣ, кромѣ Птолемея, не встрѣчаются. Но пріурочить ихъ не трудно: наша карта доказываетъ, что подъ ними Птолемей

разумѣлъ длинную непрерывную горную цѣпь, которую составляютъ Малые и Бѣлые Карпаты и западные Бескиды, огибающіе съ юга верховья Вислы; широта южной и сѣверной оконечности отмѣчена точно и вѣрно; вѣрно также направленіе ихъ съ югозапада на сѣверовостокъ. Неточно только то, что южный конецъ отодвинутъ почти на 2° на востокъ, очевидно для того, чтобы выгадать мѣсто для баймовъ (II, 11, 11 μέγα ἔθνος οἱ Βαῖμοι), т. е. суевовъ Ваннія (Tac. Ann. XII, 63, 29). Вѣдь Сарматскія горы составляютъ по Птолемею границу Германіи въ этой области, и баймамъ, въ дѣйствительности заходившимъ за этотъ хребетъ, нужно было найти мѣсто на западѣ отъ него.

Λοῦνα ὕλη я безъ колебанія отожествляю съ нын. Manhart въ нижней Австріи, сохранившимъ до нашихъ дней древнее названіе (Mân-hart лѣсъ луны) [1]. Что это лишь незначительная возвышенность, а не важная горная цѣпь, доказывается незначительностью ея роли на Птолемеевой картѣ.

Ясна также Γαβρήτα ὕλη: она отдѣляетъ по Птолемею II, 11, 11 варистовъ въ восточной Баваріи [2] отъ маркоманновъ въ Богеміи, т. е. мы должны видѣть въ ней Богемскій лѣсъ (Шумаву). Это подтверждается Страбономъ VII, 1, 5: ὕλη μεγάλη Γαβρῆτα ἐπίταδε τῶν Σοήβων (т. е. маркоманновъ), ἐπέκεινα δ' ὁ Ἑρκύνιος δρυμός. Протяженіе и направленіе ея Птолемеемъ не обозначены, очевидно потому, что въ его источникахъ не было данныхъ на этотъ счетъ. Изъ контекста явствуетъ, повидимому, что она по его мнѣнію тянулась съ запада на востокъ, вм. сѣверо-запада и юго-востока. Если мы дадимъ ей вѣрное направленіе, то она примкнетъ на сѣверѣ къ Σούδητα ὄρη, которыя, такимъ образомъ, обозначаютъ совокупность горъ, отдѣляющихъ Богемію отъ Саксоніи, т. е. Фихтель и Рудныхъ горъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется, что на сѣверныхъ склонахъ ихъ

---

[1] Это объясненіе, принадлежащее Мюлленгофу DA. II, 324, не опровергнуто возраженіями Муха 129 ss.

[2] Къ югу отъ Фихтель Zeuss 117, DA II 302, или на рѣкѣ Regen Мухъ 69 s., безразлично.

помѣщены Τευριοχαῖμοι (II, 11, 11), т. е. эрмундуры, ср. Мухъ 58 ss. Направленіе и протяженіе обозначены въ общемъ вѣрно; ошибка однако въ томъ, что онѣ отодвинуты на югъ, на цѣлыхъ два градуса, что находится въ зависимости отъ размѣщенія народовъ въ центральной части Птолемеевой Германіи и объясняется общимъ рисункомъ ея.

Между судетскими и сарматскими горами, въ неопредѣленномъ направленіи и протяженіи, повидимому съ запада на востокъ, составляя продолженіе Судетъ, тянется Ὀρκύνιος δρυμός, на южныхъ склонахъ котораго живутъ квады. Не подлежитъ сомнѣнію, что это — система Судетъ въ нашемъ смыслѣ, т. е. Исполиновыя горы, Судеты въ узкомъ смыслѣ и такъ наз. Gesenke, примыкающее на востокѣ къ западнымъ Бескидамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не только приведенное выше мѣсто изъ Страбона (VII, 1, 5), но и все, что говоритъ о немъ Птолемей: Ὀρκύνιος δρυμός дѣйствительно примыкаетъ съ одной стороны къ Руднымъ горамъ (Σούδητα ὄρη), съ другой къ Бескидамъ на широтѣ приблизительно Яблунковыхъ горъ (сѣверная часть Σαρματικὰ ὄρη).

Разобравшись въ этой части Птолемеевой карты, мы получаемъ, въ видѣ продолговатаго четыреугольника, фигуру Богеміи и Моравіи, сильно съуженную перенесеніемъ Судетскихъ горъ; но главныя народности размѣщены въ ней вѣрно: на западѣ маркоманны, на востокѣ квады. Вся эта область оріентирована очевидно съ юга, вѣроятно, не безъ вліянія Страбона. Тутъ, у восточной оконечности Ὀρκύνιος, гдѣ онъ примыкаетъ къ Сарматскимъ горамъ, т. е. подъ 43°7′ долг. и 50°8′10″ шир. (Птолемея) долженъ бы быть отмѣченъ на Птолемеевой картѣ источникъ Вислы: здѣсь онъ находится въ дѣйствительности (19° долг. 49°36′ шир.). Вмѣсто этого у Птолемея онъ лежитъ подъ 44° долг. 52°30′ шир., т. е. долгота обозначена почти вѣрно (разница въ 5′ нашего счета), тогда какъ широта опредѣлена невѣрно почти на 2 градуса (1°54′). Отсюда на сѣверо-западъ тянется длинная цѣпь Ἀσκιβούργιον ὄρος. Что послѣдняя равна

той же системѣ Судетъ, которая уже разъ нанесена Птолемеемъ на карту въ неполномъ протяженіи, подъ именемъ 'Ορκύνιος δρυμός — фактъ неоспоримый[1]). Здѣсь рисунокъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ на югѣ; ошибка только въ обозначеніи широты. Птолемей пользовался, очевидно, двумя источниками, дававшими противорѣчивыя показанія; изъ нихъ второй, оріентировавшій страну съ сѣвера, опредѣлялъ разстояніе между устьемъ и источникомъ Вислы въ 3°30′ вм. 4°45′, и называлъ Судетскую цѣпь Аскибургіевымъ хребтомъ, тогда какъ первый, совпадающій, можетъ быть, съ Страбономъ, оріентируя съ юга, не давалъ показанія относительно источника Вислы и доходилъ вообще только до Ορκύνιος δρυμός. Птолемей, не съумѣвшій разобраться въ этихъ данныхъ и отожествить 'Ορκύνιος съ 'Ασκιβούργιον, внесъ и то и другое въ свою карту, и въ результатѣ у него получились — двѣ Богеміи и Моравіи: одна къ югу отъ 'Ορκύνιος, другая — къ сѣверу; въ первой — вѣрно размѣщены народности, во второй — рѣки, т. е. источникъ Вислы, Эльба и Влтава (Moldau)[2]), причемъ Σούδητα ὄρη въ первой обозначаютъ Рудныя горы, во второй—Шумаву, такъ какъ они даютъ начало Влтавѣ, т. е. верхней Эльбѣ Птолемея. Наконецъ, двойственность источниковъ сказывается и въ народности Βαινοχαῖμαι, помѣщаемыхъ Птолемеемъ II, 11, 10 въ центрѣ второй, т. е. сѣверной Богеміи. Имя это, въ болѣе точ-

---

[1]) Мухъ, посвящающій 'Ασκιβούργιον ὄρος очень остроумную статью Zfd A. XXXIII (1889) p. 1 ss., думаетъ, что 'Ασκιβ. ὄρ. обозначаетъ только нын. Gesenke, т. е. юго-восточные отроги всей системы, и выводитъ нѣм. Gesenke путемъ народной этимологіи изъ слав. Jasenik, Jesenik отъ «ясень». Мнѣ кажется, наоборотъ, что «Ясеникъ» обозначаетъ всю цѣпь и есть переводъ герм. 'Ασκιβούργιον отъ *aski-, древ. askr, нѣм. Esche=ясень. Что касается Gesenke, то это несомнѣнно древнее названіе, означающее «спускъ», и вполнѣ соотвѣтствующее топографіи данной мѣстности, настолько низкой, что можно бы соединить Мораву и Одеръ каналомъ. У Птолемея подъ 43° долг. 50°20′ шир., т. е. именно тамъ, гдѣ Gesenke примыкаетъ къ Бескидамъ, отмѣченъ городъ 'Ασάνκα, въ имени котораго, можетъ быть, сохранилось то же названіе. Вспомнимъ, что Gesenke <*Gasánki.

[2]) Онъ считаетъ только Влтаву за верхнюю Эльбу (II, 11, 1), а верхнюю Эльбу за притокъ послѣдней (ibid. 2).

ной формѣ Βαιο — или Βοιοχαῖμαι обозначаетъ жителей Boiohaim'а, «страны боевъ», т. е. того кельтскаго народа, который нѣкогда занималъ Богемію и далъ своимъ германскимъ сосѣдямъ поводъ назвать эту страну Boiohaim = дрнѣм. Böhaim, откуда этническое имя Böhmen «жители Богеміи», перенесенное впослѣдствіи на страну. Сравн. Franken, Bayern и т. под.. Птолемеева форма Βαι(ν)οχαῖμαι, слѣдовательно, какъ по формѣ, такъ и по содержанію соотвѣтствуетъ нѣм. Böhmen «богемцы», а богемцами въ то время были маркоманны. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно послѣдніе кроются подъ байнохаймами; подъ этимъ именемъ они были извѣстны жителямъ сѣвера, остававшимся на старыхъ мѣстахъ, помнившимъ своихъ прежнихъ сосѣдей боевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ знавшимъ, что область послѣднихъ уже занята теперь другою народностью, которую они и назвали «богемцами». Только съ ихъ точки зрѣнія мы поймемъ странное на первый взглядъ названіе Βαι(ν)οχαῖμαι. Съ другой стороны, первый источникъ Птолемея, собиравшій свои свѣдѣнія на среднемъ Дунаѣ, могъ и долженъ былъ знать настоящее имя маркоманновъ, стоя къ нимъ ближе.

Но, вслѣдствіе той же двойственности, на картѣ Птолемея оказывалось свободное мѣсто между лугійскими бурами у верховьевъ Вислы, и Ὀρκύνιος δρυμός, и вотъ этотъ-то пробѣлъ онъ заполнилъ сидонами, когнами и висбургіями, которымъ здѣсь вовсе не мѣсто. Онъ взялъ ихъ, какъ мы увидимъ, изъ новаго источника, отчасти изъ Тацита.

Сидоновъ мы находимъ у Страбона VII, 3, 17: Σιδόνες, какъ часть бастарновъ, главная масса которыхъ жила по ту сторону Карпатскихъ горъ[1]). (См. ниже). Если отожествленіе страбоновыхъ сидоновъ съ птолемеевыми вѣрно — и мнѣ кажется, что оно не можетъ подлежать сомнѣнію — то Мюлленгофъ, DA. II, 325 неправъ, ища ихъ землю въ Нейтрскомъ комитатѣ на р. Нейтрѣ (Nyitra); тутъ они слишкомъ далеки отъ бастарновъ;

[1]) Мюлленгофъ DA. II 105 not. 3 приводитъ еще Sidonicas habenas въ бастарнскомъ войскѣ, у Валерія Флакка Argon. 6, 95 ss.

да кромѣ того и порядокъ, въ которомъ Птолемей называетъ эти народности, мѣшаетъ такому пріуроченію. Ихъ несомнѣнно нужно передвинуть на сѣверъ: ихъ мѣсто на южныхъ склонахъ западныхъ Бескидовъ и Яблунковыхъ горъ, въ областяхъ верхней Вааги и Арвы. Только тутъ они окажутся «ὑπὸ τοὺς Βούρους» и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть какъ бы юго-западнымъ авангардомъ бастарновъ. Если Тацитъ не называетъ ихъ здѣсь, то очевидно именно потому, что они бастарны, а онъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ о суевскихъ, въ узкомъ смыслѣ, народностяхъ и ихъ ближайшихъ сосѣдяхъ, тогда какъ о бастарнахъ у него рѣчь лишь въ главѣ 46.

Имя когновъ, которые у Птолемея стоятъ рядомъ съ сидонами, представляетъ несомнѣнно описку вм. ΚΟΤΝΟΙ, какъ догадался уже Zeuss 123. Это тѣже Cotini Тацита [1]), которые «ferrum effodiunt». Мы имѣемъ тутъ очевидно намекъ на σιδηρωρυχεῖα Птолемея, въ странѣ квадовъ. Тацитъ въ данномъ случаѣ болѣе точенъ, а недоразумѣніе у Птолемея объясняется тѣмъ, что котины были данниками квадовъ (Germ. 43). Это рудники въ области верхняго Грана, въ Венгерскихъ Рудныхъ горахъ, гдѣ древность горнаго промысла не подлежитъ сомнѣнію. Тутъ-то несомнѣнно и слѣдуетъ искать землю котиновъ. Эта догадка Мюлленгофа, DA. II, 326 была подтверждена проф. Suess'омъ на основаніи другого матеріала (см. тамъ же 334 s.), такъ что вопросъ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Ясно также положеніе паннонскихъ осовъ, подъ котинами, на Эйпель, въ Гонтскомъ и Ноградскомъ комитатахъ. Это тѣже висбургіи Птолемея. Сомнѣніе внушаетъ только имя Οὐισβούργιοι, носящее на первый взглядъ чисто германскій характеръ, а на самомъ дѣлѣ представляющее невозможное образованіе, какъ по смыслу, такъ и по формѣ. Муху 133 пытающемуся тѣмъ не менѣе объяснить его этимологически, приходится допустить разныя натяжки. Оно мыслимо только какъ названіе мѣстности (укрѣпленнаго города?),

---

[1]) Κοτινοί Dio Cass. 71, 12 союзники Марка Аврелія въ Маркоманской войнѣ.

отъ герм. *ǔesu — хорошій, и *burgiz укрѣпленное мѣсто, городъ, да и то нужно помнить, что герм. *ǔesu- только предполагается нами на основаніи дринд. vásu-, зенд. vohu-, и не встрѣчается въ германскихъ нарѣчіяхъ [1]); притомъ остается неяснымъ, почему недостаетъ тематическаго гласнаго въ первой составной части имени. Принимая во вниманіе изложенныя соображенія, мы скорѣе приходимъ къ заключенію, что въ имени висбургіевъ заключается какая-нибудь ошибка или описка, или что мы имѣемъ дѣло съ ученой передѣлкой. Возможно и то и другое вмѣстѣ. У Тацита мы находимъ рядъ Cotini Osi Buri. Если допустить, что въ рукописи, которою пользовался Птолемей, была описка Osiburi, то изъ этой формы легко могли возникнуть Птолемеевы Οὐισβούργιοι [2]), по образцу Ἀσκιβούργιον и другихъ подобныхъ именъ, извѣстныхъ Птолемею. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Тацитовомъ перечисленіи не соблюденъ географическій порядокъ: слѣдовало бы ожидать Buri Cotini Osi, вслѣдствіе чего Птолемей и не отожествилъ его буровъ со своими Λοῦγοι Βοῦροι, такъ какъ вѣдь буры, по его совершенно вѣрному мнѣнію, живутъ къ сѣверу отъ котиновъ.

Мы можемъ теперь вернуться къ исходному пункту этой части нашего изслѣдованія, къ лугійскимъ народностямъ. Списокъ ихъ въ Германіи Тацита мы привели выше. Подобный же списокъ мы находимъ и у Птолемея. Южные сосѣди рутиклеевъ — эльвеоны II, 11, 9: Ῥουτικλείων δὲ καὶ Βουργουντῶν (μεταξὺ κεῖνται) Αἰλουαίωνες. Бургунды въ свою очередь живутъ между семнонами и Вислой II, 11, 8: τὸ τῶν Βουργουντῶν (ἔθνος) τὰ ἐφεξῆς (μετὰ τοὺς Σέμνονας) καὶ μέχρι τοῦ Οὐιστούλα κατεχόντων. Подъ ними оманы и дидуны II, 11, 10: ὑπὸ δὲ τοὺς Βουργοῦντας

---

[1]) Wisu — въ собств. личныхъ именахъ (Kōgel, Litteraturblatt 8, 108) въ родѣ дрврхнѣм. Wisumâr можетъ быть другого происхожденія.

[2]) Догадка относительно Οὐισβούργιοι <Osi Buri высказана уже въ книгѣ Wislicenus, Die Geschichte der Elbgermanen 1868, p. 9, не знаю, по какимъ соображеніямъ, такъ какъ я этой работы не читалъ, а цитирую только по отмѣткѣ у Holz'a 77 not. 35.

Λοῦγοι οἱ Ὀμανοί, ὑφ' οὓς Λοῦγοι οἱ Διδοῦνοι μέχρι τοῦ Ἀσκιβουργίου ὄρους. Наконецъ, подъ Аскибургіевымъ хребтомъ — буры ibid: ὑπὸ τῷ Ἀσκιβουργίῳ ὄρει... Λοῦγοι οἱ Βοῦροι μέχρι τῆς κεφαλῆς τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ.

Въ тотъ же списокъ необходимо включить и силинговъ, передвинутыхъ Птолемеемъ на западъ и оказывающихся такимъ образомъ южными сосѣдями семноновъ II, 11, 10: πάλιν ὑπὸ μὲν τοὺς Σέμνονας οἰκοῦσιν Σιλίγγαι, въ то время какъ они на самомъ дѣлѣ были ихъ юго-восточными сосѣдями и жили въ нын. Силезіи, провинціи, которая до сихъ поръ сохранила ихъ имя [1]). Это тѣже силинги, которые вмѣстѣ съ адзингами извѣстны впослѣдствіи подъ именемъ вандаловъ, впервые выступающихъ въ Маркоманской войнѣ врагами Рима и переселившихся въ V вѣкѣ въ Испанію. Не совсѣмъ ясно, почему Птолемей отдѣлилъ ихъ отъ прочихъ лугіевъ, къ которымъ они во всякомъ случаѣ принадлежатъ, и перенесъ ихъ за Ἀσκιβούργιον ὄρος. Вѣроятно, что на его картѣ уже не оставалось для нихъ мѣста рядомъ съ дидунами. Вѣдь область Одера была съужена невѣрнымъ опредѣленіемъ положенія аскибургіевой цѣпи; а съ другой стороны онъ, вѣроятно, зналъ, что силинги ближайшіе сосѣди семноновъ. Такія перенесенія встрѣчаются у него нерѣдко.

Плиній не знаетъ имени лугіевъ; но зато мы находимъ у него другое собирательное имя, вандиліевъ: Hist. Nat. IV, 14: Vandili quorum pars Burgodiones, Varinnae, Charini, Gutones. Отношеніе имени вандиліевъ къ лугіямъ мы подробно разберемъ ниже; намъ пока важны только имена перечисляемыхъ Плиніемъ народностей, которыя въ своей совокупности обнимаютъ, очевидно, ту же область между Богеміей и готами.

Итакъ, передъ нами три списка народовъ, населяющихъ

---

1) Средневѣковой pagus Silensis; Mons Zlenz, mons Silentii въ грамотахъ XII и XIII в., т. е. Слѧзь изъ герм. *Silingis, нынѣ Zobtenberg; рѣка Слѧза, < *Silingia нын. Lohe, притокъ Одера. Такъ уже Zeuss 663 и прим. 1; Miklosich, Denkschriften Вѣнской Академіи, Phil-histor. Classe, Bd. XV (1867), p. 126; Müllenhoff D A. II, 92.

пространство между источникомъ Вислы на югѣ и землею готовъ resp. руговъ на сѣверѣ. Они, очевидно, передаютъ въ общемъ одну и ту же этническую группировку, такъ какъ массовыя передвиженія начались въ этой области лишь во вторую половину II вѣка, т. е. со времени Маркоманской войны. Мы, поэтому, имѣемъ право сопоставить ихъ и, путемъ сравненія, попытаться выяснить ихъ взаимоотношеніе. Вотъ они въ сводной картинѣ:

Плиній	Тацитъ	Птолемей
Burgodiones	Buri	Λοῦγοι Βοῦροι
Varinnae	Nahanarvali	Σιλίγγαι
Charini	Elisii	Λοῦγοι Διδοῦνοι
	Manimi	Λοῦγοι Ὀμανοί
	Helveconae	Βουργοῦντες
	Harii	Αἰλουαίωνες
(Gutones)	(Gotones)	(Ρουτίκλειοι resp. Γύθωνες)

При первомъ же взглядѣ на эти списки намъ бросаются въ глаза слѣдующія обстоятельства:

Всего меньше именъ даетъ Плиній. Это произошло либо отъ того, что у него, какъ болѣе ранняго писателя, было меньше свѣдѣній о земляхъ на Одерѣ и Вислѣ, либо потому, что онъ съ самаго начала не имѣлъ въ виду исчерпать весь составъ вандильскаго племени, и что онъ назвалъ только важнѣйшіе отдѣлы его, какъ Тацитъ, который прямо объ этомъ заявляетъ.

Во-вторыхъ, ни одно названіе не повторяется во всѣхъ трехъ спискахъ. Мы и тутъ также допускаемъ двѣ возможности. Либо несхожія имена обозначаютъ разныя, не тожественныя народности, такъ какъ наши писатели выбирали изъ имѣвшагося матеріала тѣ изъ нихъ, которыя казались имъ поважнѣе. Такъ несомнѣнно поступаетъ Тацитъ, какъ мы видѣли, и на то́ же, повидимому, указываетъ совпаденіе нѣкоторыхъ именъ, о чемъ ниже. Или же, несмотря на несходство именъ, народности обозначенныя ими, однѣ и тѣ же; въ такомъ случаѣ

нужно допустить, что источники всѣхъ трехъ писателей сходились въ оцѣнкѣ сравнительной важности и значенія мелкихъ народныхъ единицъ разбираемой области, и что разность въ названіяхъ отражаетъ въ себѣ фактическую двойственность наименованія, причемъ одно названіе могло быть племенное, а другое — по мѣстности, занимаемой данной народностью. Такъ, дѣйствительно, полагаетъ Мухъ 25 ss., и въ пользу этого предположенія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что у Тацита и Птолемея число именъ одинаково: и здѣсь и тамъ по шести народовъ, на одномъ и томъ-же пространствѣ.

Тѣмъ не менѣе, первое предположеніе кажется намъ единственно возможнымъ и допустимымъ. Оно во всякомъ случаѣ проще и естественнѣе уже потому, что опредѣленіе относительной важности того или другого народа должно было быть, въ концѣ концовъ, субъективно и зависѣло отъ маршрута римскихъ путешественниковъ (а такихъ маршрутовъ было, безъ всякаго сомнѣнія, нѣсколько) и отъ случайныхъ столкновеній ихъ съ туземцами. Вѣдь эта отдаленная отъ центра древняго міра область не входила еще въ сферу римскихъ политическихъ интересовъ и вліянія, римское правительство не вмѣшивалось въ государственную жизнь населявшихъ ее народностей и не имѣло, поэтому, повода интересоваться политическимъ взаимоотношеніемъ ихъ и собирать болѣе точныя и надежныя свѣдѣнія объ ихъ относительномъ государственномъ значеніи или численности.

Поэтому, не оффиціальныя данныя передаютъ списки Тацита и Птолемея, а свѣдѣнія, полученныя отъ частныхъ лицъ, путешественниковъ-купцовъ, притомъ не одного, а многихъ, шедшихъ по разнымъ путямъ, а что это источникъ не надежный, особенно когда рѣчь идетъ о сравнительной важности того или другого народа — это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Однимъ словомъ, я думаю, что, выдѣливъ имена тожественныя въ разбираемыхъ спискахъ, какъ несомнѣнно принадлежащія однѣмъ и тѣмъ-же народнымъ единицамъ, мы въ правѣ видѣть

въ остальныхъ именахъ названія разныхъ, не тожественныхъ народностей. Ясно, что въ такомъ случаѣ у насъ въ окончательномъ выводѣ получится списокъ, превосходящій численностью именъ частные списки Тацита и Птолемея, а тѣмъ болѣе Плинія; а это, въ свою очередь, подтверждается свидѣтельствомъ Тацита, что Lugiorum nomen in plures civitates diffusum, и что на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо больше названныхъ въ его спискѣ.

Наконецъ, въ третьихъ, уже при бѣгломъ сравненіи вышеприведенныхъ таблицъ мы приходимъ къ апріорному заключенію, что географическій порядокъ въ нихъ не соблюденъ строго. Дальнѣйшее изложеніе наше докажетъ эту мысль положительными доводами; а пока намъ достаточно этого общаго замѣчанія, такъ какъ оно даетъ намъ право переставлять имена въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такая перестановка можетъ помочь выясненію интересующаго насъ вопроса.

Наибольшее довѣріе внушаетъ намъ въ этомъ отношеніи Птолемей, во-первыхъ потому, что онъ писалъ позже другихъ и уже въ силу этого имѣлъ больше свѣдѣній, а во-вторыхъ потому, что мы у него одного находимъ болѣе точныя географическія опредѣленія, въ родѣ того, что дидуны живутъ южнѣе омановъ, надъ аскибургіевымъ хребтомъ, а буры подъ послѣднимъ и т. д.

Чтобы упростить нашу задачу, мы можемъ, прежде всего, выдѣлить буровъ, въ силу того, что они, встрѣчаясь у Тацита и Птолемея, географически точно опредѣлимы. Они занимаютъ нын. такъ наз. Gesenke, верховья Одера, и доходятъ на востокѣ до источниковъ Вислы (ὑπὸ τῷ Ἀσκιβουργίῳ ὄρει μέχρι τῆς κεφαλῆς τοῦ Οὐϊστούλα ποταμοῦ), иначе говоря, ихъ земля обнимаетъ сѣверную Моравію и австрійскую Силезію (на нашей картѣ XIII). Въ ихъ рукахъ находилась, слѣдовательно, дорога въ Германію, по которой часто ходили римскіе купцы, и этимъ объясняется точность географическаго опредѣленія ихъ страны. Впослѣдствіи они, повидимому, были оттѣснены дальше на востокъ надвигав-

шимися на нихъ съ сѣвера вандалами. Мы узнаемъ ихъ въ Βοῦροι, упоминаемыхъ Dio Cass. 68,8 въ качествѣ союзниковъ даковъ во время борьбы послѣднихъ съ Римомъ при Траянѣ. Наконецъ, это, можетъ быть, тѣ же бораны (Zosim. 1, 27, 31 Βορανοί), которые два раза, при Галлѣ и при Галліенѣ, участвуютъ въ нашествіи готовъ на римскія владѣнія [1]). Что съ ними сталось потомъ, мы не знаемъ. Они, вѣроятно, отчасти погибли, подобно многимъ другимъ народамъ, въ бурное время великаго переселенія, отчасти слились съ близко-родственными имъ вандалами и готами.

Слѣдуя вышеуказанному пріему, мы можемъ теперь выдѣлить изъ трехъ списковъ слѣдующія имена, какъ несомнѣнно или вѣроятно тожественныя:

Burgodiones Плинія, конечно, тѣ-же Βουργοῦντες Птолемея, т. е. извѣстные въ исторіи бургунды. Точно также мы имѣемъ право отожествить Charini Плинія съ Harii Тацита. Смѣна суффиксовъ-o-,resp.-jo- и -ino-, повторяется въ Amantes Плинія = Ἀμαντινοί Птолемея (Мухъ 29). Какъ на аналогичное явленіе можно было-бы указать и здѣсь также на Goti — Gotones, т. е. *Gutōz — *Gutanez. Несомнѣнно вѣрно также уравненіе Helveconae = Αἰλουαίωνες. Ошибка въ написаніи вѣроятно на сторонѣ Птолемея, имена котораго въ этомъ спискѣ вообще являются въ очень испорченномъ видѣ [2]). На основаніи этого же наблюденія мы считаемъ себя въ правѣ отожествить Manimi Тацита съ Λοῦγοι Ὀμανοί Птолемея, не заботясь о формальномъ соотношеніи этихъ двухъ именъ: фантастическія этимологіи Муха 26 s. совершенно лишни.

Этимъ ограничивается число схожихъ именъ, и мы получаемъ, слѣдовательно, въ итогѣ 9 различныхъ этническихъ названій для интересующей насъ области, если мы исключимъ буровъ, относительно которыхъ мы уже пришли къ опредѣлен-

---

[1]) Отношеніе Βοῦροι: Βορανοί можетъ быть = Goti: Gotones; ср. также Lugii—Λογίωνες (Zosim.), Burgundi—Burgundiones.

[2]) См. варіанты въ изданіи Птолемея Müller'a.

ному выводу. Вотъ эти названія: Burgodiones (Βουργοῦντες), Charini (Harii), Helveconae (Αἰλουαίωνες), Manimi (Λ. 'Ομανοί), Varinnae, Nahanarvali, Elisii, Σιλίγγαι, Λοῦγοι Διδοῦνοι.

Къ этому списку можно еще прибавить азднинговъ, входящихъ въ составъ позднѣйшихъ вандаловъ и вышедшихъ, поэтому, несомнѣнно изъ той же области. Они упоминаются впервые въ царствованіе Марка Аврелія около 170 г. у Dio Cass. 71,12 (Ἄστιγγοι): они вторгаются въ сѣверную Дакію; но въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, они несомнѣнно сидѣли еще за Карпатскими горами. Изъ ихъ среды вышла впослѣдствіи королевская династія вандаловъ.

Наконецъ, сюда же относятся, вѣроятно, виктовалы (Victovali Capitolin. Marc. 14; Victohali Ammian. 17,12), появляющіеся въ тылу маркоманновъ въ концѣ II вѣка. Впослѣдствіи они, впрочемъ, не играютъ никакой роли.

Нашей задачей будетъ теперь, опредѣлить географическое расположеніе этихъ народностей. Къ сожалѣнію, это возможно съ большей или меньшей вѣроятностью лишь для немногихъ; относительно большинства намъ придется ограничиться догадками.

Точно пріурочить можно бургундовъ. На основаніи приведенныхъ уже мѣстъ мы безъ колебаній ограничиваемъ ихъ область на сѣверѣ нижнимъ теченіемъ Варты и ея притокомъ Netze, на югѣ — болотами, окружающими среднюю Варту и тянущимися на западѣ до Одера (такъ наз. Obra-Bruch), на западѣ Одеромъ, а на востокѣ Вислой или, лучше, верхнею Netze, которая и теперь еще окружена значительными болотами, а прежде была еще гораздо болѣе значительной рѣкой, чѣмъ теперь [1]), что доказывается массою мелкихъ озеръ, расположенныхъ около ея верхняго теченія. Иначе говоря, область бургундовъ обнимаетъ сѣверную и среднюю Познань и часть восточнаго Бранденбурга (на картѣ V).

---

[1]) Ср. Sadowski. 13.

Вполнѣ точно опредѣляется также земля силинговъ, къ югу отъ средняго теченія Одера. Къ ней, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ нын. Zobtenberg, см. выше стр. 47. Ея границу на западѣ составляетъ, вѣроятно, притокъ Одера Боберъ или западная Нейсса, такъ что они оказываются сосѣдями семноновъ (въ Бранденбургѣ); на востокѣ они доходили, можетъ быть, до Lohe, получившей отъ этого свое названіе (Слѫза, см. выше стр. 47 прим.). Естественную границу на югѣ составляютъ Исполиновыя горы, на сѣверовостокѣ—Одеръ (на картѣ VIII).

Въ сосѣдствѣ съ ними слѣдуетъ искать аздинговъ, ближайшихъ ихъ родичей, вошедшихъ вмѣстѣ съ ними въ составъ вандальскаго народа.

Съ именемъ аздинговъ связанъ вопросъ о мѣстоположеніи древняго святилища лугійскихъ народностей, священной рощи, находящейся, по Тациту, въ землѣ наганарваловъ Germ. 43: apud Nahanarvalos antiquae religionis lucus ostenditur [1]). Дѣло въ томъ, что въ религіозныхъ обрядахъ совершавшагося здѣсь культа praesidet sacerdos muliebri ornatu; а имя аздинговъ, готск. *Hazdiggōs несомнѣнно означаетъ длинноволосыхъ, «capillati». Ср. готск. *hazds, дрсѣв. haddr женскіе волосы [2]), какъ дрсѣв. gaddr жало = готск. gazds.

Память о нихъ сохранилась въ германскомъ героическомъ эпосѣ въ именахъ дрверхненѣм. Hartungâ, агс. Heardingas, дрсѣв. Haddingjar. Ср. Мюлленгофъ ZfdA. XII (1865), p. 346 ss.

Между аздингами и sacerdos muliebri ornatu, очевидно, есть связь. Но какую роль играютъ тогда Nahanarvali? Разгадку могла бы дать этимологія этого слова, еслибъ она была ясна.

---

[1]) Это, повидимому, такой же центръ лугійскаго религіознаго культа, какъ въ странѣ семноновъ—центральный пунктъ суевскаго культа (Germ. 39).

[2]) Волосы вообще, не только женскіе, обозначаются во всѣхъ герм. нар. другимъ словомъ: праг. *hǣza-, дрсѣв. hár, агс. hǣr, англ. hair, дрверхнѣм. hâr, голлнѣм. haar. Въ готскомъ оно замѣнено словами skuft n. волосы на головѣ, tagl n. волосъ вообще.

Къ сожалѣнію, всѣ попытки выяснить значеніе этого имени — а ихъ было сдѣлано очень много [1]) — ни къ чему не привели, и мы съ своей стороны отказываемся прибавить къ многочисленнымъ догадкамъ еще новую, столь же фантастическую. Замѣчу только, что въ рукописяхъ одинаково хорошо засвидѣтельствованы двѣ формы: Nahanarvali и Naharvali.

Если мы примемъ во вниманіе, что имя наганарваловъ встрѣчается исключительно только у Тацита, тогда какъ аздинги играютъ видную роль впослѣдствіи, то мы невольно придемъ къ заключенію, что первое имя обозначало не народъ, а имѣло исключительно гіератическое значеніе, служа названіемъ того рода, въ рукахъ котораго находилась священная роща, и игравшаго, поэтому, первенствующую роль въ религіозныхъ обрядахъ. Понятые такимъ образомъ, наганарвалы, можетъ быть, входили въ составъ аздинговъ, и искать ихъ на картѣ нельзя; достаточно будетъ пріурочить аздинговъ [2]). Я уже замѣтилъ выше, что ихъ нужно искать рядомъ съ силингами, а такъ какъ они уже рано выходятъ въ Карпатскую область (см. выше стр. 52), то ихъ земля должна лежать не слишкомъ далеко на сѣверѣ отъ прохода между верхними Одеромъ и Вислой, можетъ быть между Судетами и Одеромъ, отъ силинговъ до буровъ (на картѣ XI).

Что касается виктоваловъ [3]), то изъ сравненія Capitolin. Marc. Aur. 14,22 съ Dio Cass. 71,12 явствуетъ, что они либо совпадаютъ съ аздингами, либо что ихъ имя обозначаетъ весь народъ, во главѣ котораго стоялъ царскій родъ аздинговъ, имя котораго впослѣдствіи было перенесено на весь народъ. Послѣднее, пожалуй, самое вѣроятное.

---

[1]) См. между проч. толкованіе Detter'a ZfdA. т. XXXI (1887), p. 207; Much l. c. 31 s.; L. Laistner, German. Völkernamen въ Württembergische Vierteljahrshefte f. Landesgeschichte, Neue Folge I (1892), p. 25; Kögel, Anzeig. f. deutsch. Alterthum XIX (1892), p. 7 и 345.

[2]) О родовомъ и народномъ значеніи этого имени см. F. Dahn, Könige der Germanen I p. 183 s.

[3]) О формѣ ихъ имени см. Мюлленгофъ, ZfdA. IX (1853), p. 133 s., Much 29 ss.

Окончательное ихъ наименованіе «вандалы» мы находимъ уже у Capitolin. Marc. Aur. c. 17. Это такое-же собирательное имя, какъ имена франковъ, алеманновъ и т. д. на западѣ.

Къ сѣверу отъ буровъ, начиная отъ верховьевъ Вислы, находится, по опредѣленію Птолемея, земля лугіевъ дидуновъ, доходящая на сѣверѣ до манимовъ (Ὀμανοί), оказывающихся, такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ лугійскихъ областей.

Имя дидуновъ передается рукописями въ очень разнообразныхъ формахъ, см. варіанты въ изданіи Müller'а, стр. 262, который возстановляетъ для своего текста, какъ исходную форму, Λοῦγοι οἱ Διδοῦνοι, несуществующую ни въ одной рукописи. Другія попытки въ томъ-же направленіи дали разные результаты. Zeuss 125 читаетъ Λούγιοι Δοῦνοι, такъ-же Мухъ ZfdA. XXXI, 8; Мюлленгофъ German. antiqua 129 Λούγιοι Διδούνιοι и т. д. Такъ какъ разбираемое имя ни у одного писателя, кромѣ Птолемея, не встрѣчается — вѣдь поправка Δούνους вм. Σούμους у Страбона p. 290 ничѣмъ не подтверждается — то всѣ попытки возстановить первоначальную форму будутъ лишены твердаго базиса.

Наибольшую степень вѣроятія имѣетъ за себя чтеніе Zeuss'а, которое легко выводится изъ ΛΟΥΓΙΔΙΔΟΥΝΟΙ, формы, встрѣчающейся въ десяти рукописяхъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни возстановляли разбираемое имя, въ немъ окажется элементъ -dun-, resp. -dūn-, сильно напоминающій Dúnheiðr въ Hervararsag'ѣ (ed. Bugge 1873, pp. 283 ss.). Въ первой составной части этого имени кроется вѣроятно этническое названіе, такъ какъ имени нарицательнаго *dūn- древнегерманскія нарѣчія не знаютъ [1]), а кельтскаго dūno- (ср. дрирл. dún холмъ, городъ, имена городовъ на -dūnum) никто, конечно, въ этомъ несомнѣнно герман-

---

[1]) Агс. dún холмъ, англ. down заимствовано изъ кельтскаго. Англійск. слово перешло въ голл. duin, нижненѣм. dūne, откуда ново-нѣм. литерат. Dūne. Средне-вѣковой нѣм. яз. этого слова не имѣетъ, какъ не имѣютъ его и остальныя германскія нарѣчія.

скомъ имени искать не станетъ. Ср. дрсѣв. Finneiði, т. е. Finnheiði (=Finnaithae Jord. c. 3), дршведск. Finnhéð «финская пустошь», Finnvið или Finnved «финскій лѣсъ» между Halland'омъ и Småland'омъ въ южной Швеціи; и ἡ τῶν 'Ελουητίων ἔρημος Ptol. II, 11, 6. Въ виду этого мы, я думаю, въ правѣ переводить Dúnheiðr «пустошь дуновъ» [1]). Земля лугіевъ (ди)-дуновъ опредѣлялась бы, слѣдовательно, положеніемъ Dúnheiðr. Мухъ ZfdA. XXXIII, 4 ss., рядомъ остроумныхъ комбинацій, приходитъ къ заключенію, что «Dúnheiðr undir Jǫsurfjǫllum» Герварарсаги слѣдуетъ искать на сѣверныхъ склонахъ такъ наз. Gesenke, т. е. именно тамъ, гдѣ, по точному смыслу словъ Птолемея, живутъ лугіи (ди)дуны, и что разсказъ саги о происходившей здѣсь битвѣ между готами и гуннами отражаетъ въ себѣ историческій фактъ, битву лангобардовъ съ гуннами (Vulgares), о которой повѣствуетъ Павелъ Діаконъ Hist. Lang. I. 16, 17.

Такое опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ словамъ Птолемея. Если оно вѣрно, то земля (ди)дуновъ занимаетъ южную полосу интересующей насъ области, т. е. обнимаетъ пространство къ сѣверу отъ буровъ, на верхнемъ Одерѣ и верхней же Вислѣ, можетъ быть до верхней Варты на востокѣ и Барчъ на сѣверѣ.

Но нельзя считать полученный такимъ образомъ результатъ неоспоримымъ. Разсказъ Герварарсаги въ полномъ своемъ составѣ подлежитъ новому разбору по отношенію къ источникамъ и историческимъ событіямъ, легшимъ въ основу преданій, отразившихся въ немъ. Пріемъ Муха, выдѣляющаго изъ контекста одинъ мелкій фактъ и строющаго на немъ свою гипотезу, можетъ привести къ выводамъ невѣрнымъ или приводитъ, по меньшей мѣрѣ, къ заключеніямъ ненадежнымъ.

Но къ опредѣленію земли (ди)дуновъ мы можемъ привлечь

---

[1]) Толкованіе Heinzel'я (Sitzungsberichte [Wien], т. 114, 1887, p. 484): «Donauebene» не имѣетъ параллели.

еще одинъ фактъ изъ Птолемея-же: послѣдній II, 11, 13 называетъ подъ 39°30′ долг. 52°30′ шир. городъ Λουγίδουνον. На нашей картѣ онъ приходится приблизительно подъ 15°50′ долг. 51°12′ шир., т. е. недалеко отъ нын. Liegnitz въ Силезіи (16°10′ долг. 51°12′ шир.), съ которымъ, дѣйствительно, отожествляютъ его почти всѣ изслѣдователи, повидимому, только на основаніи отдаленнаго сходства именъ (Lugi- > *Lügi- > Lieg- ?). Но факты говорятъ противъ такого отожествленія. Связь между Λουγίδουνον и лугіями (ди)дунами слишкомъ ясна, чтобы можно было искать этотъ городъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ именно въ странѣ послѣднихъ[1]). Около Liegnitz'a, однако, ихъ искать нельзя: онъ лежитъ несомнѣнно въ странѣ силинговъ (см. выше стр. 53): это одинъ изъ наиболѣе обезпеченныхъ результатовъ нашего изслѣдованія. Отожествленіе было бы возможно только въ томъ случаѣ, еслибъ (ди)дуны совпадали съ силингами, а это невозможно уже потому, что Птолемей называетъ оба имени, какъ мы видѣли. Въ опредѣленіе положенія Λουγίδουνον вкралась, очевидно, ошибка; городъ этотъ подъ 39°30′ долг. 52°30′ шир. лежать не могъ, и мнѣ кажется, что источникъ ошибки ясенъ.

Въ область между Одеромъ и Вислой вели съ юга два пути: первый, черезъ Моравію и сѣверо-восточную Богемію, пересѣкалъ систему Судетъ по долинѣ рѣки Neisse, притока Одера, около нын. Glatz'a (Sadowski 17); второй шелъ черезъ землю лугіевъ буровъ, достигая верховьевъ Вислы либо по Моравѣ, огибая Бескиды съ запада, либо по Ваагъ, пересѣкая Бескиды въ Яблунковомъ ущельѣ (Jablunka-Pass) въ Австрійской Силезіи. По обѣимъ дорогамъ ходили римскіе купцы, и обѣ были, конечно, извѣстны Птолемею, пользовавшемуся итинераріями

---

[1]) Схожая форма встрѣчается нѣсколько разъ въ кельтскихъ областяхъ: Lugdunum нын. Laon Caesar B. G. II, 4; Λούγδουνον Ptol. II, 7, 13 нын. Luchon и тамъ же 8, 12 нын. Lyon; наконецъ Λουγόδουνον (-δεινον) Βαταούων Ptol. II, 9, 1, нын. Leyden. Всѣ эти имена кельтскаго происхожденія и по этимологіи ничего общаго съ нашимъ Λουγίδουνον не имѣютъ. Въ первой части этого имени правильно сохранилось тематическое i: Lugii, Λούγιοι указываютъ на прагерм. *Lugiôz, осн. -i̯o-; ср. готск. arbi-numja, осн. *arbi̯o-.

этихъ купцовъ. Имя (ди)дуновъ взято имъ, безъ сомнѣнія, изъ итинерарія, имѣвшаго въ виду второй путь; здѣсь-же долженъ былъ значиться и Λουγίδουνον, положеніе котораго опредѣлялось, конечно, не градусами и минутами долготы и широты, а разстояніемъ отъ извѣстнаго пункта въ зависимости отъ числа дневныхъ переходовъ. Норма послѣднихъ была, вѣроятно, та-же, что въ римскомъ войскѣ: нормальнымъ дневнымъ переходомъ считалось разстояніе, равное, приблизительно, 21 нашей верстѣ. По нимъ расчитаны затѣмъ уже Птолемеемъ градусы, причемъ на 1° у него приходится здѣсь приблизительно $3^1/_2$ дневныхъ перехода.

Принимая это во вниманіе, мы, при массѣ матеріала, имѣвшагося передъ нимъ, легко можемъ допустить на его картѣ ошибку въ томъ смыслѣ, что онъ перенесъ Λουγίδουνον на другую линію, т. е. на дорогу изъ Глаца. Отъ того мѣста, гдѣ Нейсса покидаетъ горы, до того, гдѣ на его картѣ значится Λουγίδουνον, приблизительно 110 километровъ = 103 версты, по прямой линіи. Если мы исправимъ предполагаемую ошибку Птолемея, т. е. перенесемъ то-же разстояніе (около 5 дневныхъ переходовъ) на второй путь, ведущій черезъ землю буровъ прямо на сѣверъ, и будемъ считать отъ того мѣста, гдѣ онъ покидаетъ Бескиды, т. е. недалеко отъ гор. Тешена (древній Ἀσάνκα, см. ниже), то проведенная здѣсь линія приведетъ насъ приблизительно на сотой верстѣ въ Петроковскую губернію, на среднее теченіе Лисъ-Варты, гдѣ она, верстахъ въ 30-ти на западъ отъ Ченстохова, описываетъ полукругъ, направляясь на сѣверо-востокъ. Если наше предположеніе вѣрно, то здѣсь, т. е. подъ 18°40′ долг. и 50°50′ шир. находилось Λουγίδουνον Птолемея, въ положеніи очень выгодномъ: на высокомъ холмѣ, близко подступающемъ къ рѣкѣ и съ трехъ сторонъ защищенномъ теченіемъ послѣдней. И именно здѣсь, на склонѣ холма, стоитъ еще теперь деревня Луги, въ имени которой древнее названіе сохранилось почти безъ измѣненій, очевидно подъ вліяніемъ народной этимологіи.

Земля (ди)дуновъ опредѣляется, такимъ образомъ, областью верхней Варты; на югѣ они сосѣдили, по Птолемею, съ бурами, на западѣ границу составлялъ, безъ сомнѣнія, Одеръ; на сѣверѣ Барчъ и окружающія его болота. На востокѣ граница неопредѣлима (на картѣ IX).

Изъ ихъ страны, черезъ нын. Острово (Sadowski 10 s.) ведетъ дорога на Калишъ. Это — Καλισία Ptol. II, 11, 13 подъ 43°45′ долг. и 52°50′ шир., т. е. по нашему счету 18°38′ долг. 51°45′ шир. Птолемей ошибся въ долготѣ всего верстъ на 25, а широта опредѣлена вполнѣ точно и вѣрно.

Калишъ находится, очевидно, уже въ землѣ лугіевъ манимовъ (Ὀμανοί), а такъ какъ по Птолемею ихъ сѣверные сосѣди — бургунды, землю которыхъ мы уже опредѣлили, то область манимовъ, въ зависимости отъ топографіи данной мѣстности, должна лежать между Obra-Bruch и средней Вартой на сѣверѣ, Барчъ на югѣ, Одеромъ на западѣ и болотами средней Варты на востокѣ (на картѣ VII).

Подъ Калишемъ путь развѣтвляется. Одна дорога, западная, направляется черезъ нынѣшнюю Лиссу къ Unruhstadt на Обрѣ, вторая черезъ Pleschen къ Schrimm на Вартѣ, третья къ Конину (Калишск. губ.) на Вартѣ же. Эти три города: Unruhstadt, Schrimm и Конинъ лежать на единственно доступныхъ въ то время переходахъ черезъ болота Обры и Варты (Sadowski 11 s.). Всѣ означенныя дороги ведутъ, очевидно, отъ манимовъ къ бургундамъ.

Но существовала еще четвертая дорога, исходный пунктъ которой также Калишъ: она вела на сѣверо-востокъ, переправлялась около нын. Кола (Калишск. губ.) черезъ болота Варты и приводила путешественника въ треугольникъ, образуемый Вислой, Гоплинскими и Слезинскими болотами (Sadowski 12) и Бзурой. Гоплинскія болота и ихъ продолженія настолько значительны, что они могли и даже должны были служить границей бургундовъ на востокѣ, хотя Птолемей и ставитъ восточной границей ихъ Вислу. Узкое пространство между послѣдней рѣ-

кой и означенными болотами могло быть заселено уже другою народностью, всего вѣроятнѣе гельвеконами (Helveconae), что не только не находится въ противорѣчіи, но вполнѣ согласуется со словами Тацита и Птолемея: у перваго они отмѣчены рядомъ съ бургундами [1]), у второго они слѣдуютъ непосредственно за манимами; и то и другое вѣрно, если вѣрна наша догадка (на картѣ VI).

Намъ удалось, такимъ образомъ, опредѣлить земли 8-ми народностей интересующей насъ области. Неопредѣленными остаются земли трехъ народовъ: Charini (Harii) Varinnae и Elisii. Они, очевидно, должны быть размѣщены на оставшемся свободнымъ пространствѣ по лѣвому берегу верхней и средней Вислы. Но какъ? Для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ.

Изъ порядка, въ которомъ Тацитъ перечисляетъ лугійскія народности, мы ничего не можемъ вывести. Такъ Elisii значутся между наганарвалами (несомнѣнно южнѣйшими изъ перечисляемыхъ имъ народовъ, см. выше) и манимами: но это мѣсто уже занято (ди)дунами. Или, можетъ быть, Elisii часть послѣднихъ, какъ наганарвалы — аздинговъ, и отголосокъ ихъ имени сохранился въ Лисъ-Вартѣ??

Не соблюденъ географическій порядокъ и у Плинія: между бургундами и готами нѣтъ мѣста для его Charini и Varinnae.

Послѣднее имя (Varini Müllenh.) напоминаетъ Αὐαρινοί Птолемея (вмѣсто Οὐαρινοί? Ср. II, 11, 9 Αὐάρποι вмѣсто Οὐάρνοι?), но народъ этотъ помѣщается Птолемеемъ на правомъ берегу Вислы. Здѣсь, отъ устья до источника, мы находимъ на Птолемеевой картѣ шесть народностей, т. е. столько-же, сколько на лѣвомъ берегу III, 5, 8: παρὰ τὸν Οὐΐστούλαν ποταμὸν ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας Γύθωνες, εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες· ὑφ' οὓς Φρουγουνδίωνες, εἶτα Αὐαρινοὶ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐΐστούλα ποταμοῦ.

---

[1]) Точнѣе: надъ бургундами, но тутъ имъ мѣста нѣтъ: вѣдь земля къ сѣверу отъ бургундовъ заселена, насколько она вообще была обитаема (ср. Sadowski p. 17) ругіями. Ошибка произошла отъ невѣрнаго опредѣленія восточныхъ границъ бургундской земли.

Въ этомъ спискѣ бросаются въ глаза два промаха: венеды не были сѣверными сосѣдями готовъ, и финны не могутъ быть ихъ южными. А эти промахи подрываютъ довѣріе ко всему ряду, производящему впечатлѣніе искусственности, ученой фикціи. Попытка Муха 39 ss. спасти его и видѣть въ этомъ спискѣ, начиная съ сулоновъ, «eine Specialdiathese der zwischen Weichsel und Karpathen sesshaften Hauptabteilung der Bastarnen» не можетъ считаться удачной, и Holz 51 s. вѣроятно правъ, возвращаясь къ идеѣ Мюлленгофа DA II, 79 s., по которой Φρουγουνδίωνες и Αὐαρινοί повторяютъ Burgodiones и Varinnae Плинія, только на правомъ берегу Вислы. Дѣйствительно, совпаденіе этихъ двухъ именъ, рядомъ стоящихъ у обоихъ авторовъ, едва-ли случайно, хотя F вмѣсто B въ первомъ имени внушаетъ нѣкоторое подозрѣніе: мы должны, можетъ быть принять описку въ томъ экземплярѣ Плинія, которымъ пользовался Птолемей? Или-же Птолемей и Плиній пользовались однимъ и тѣмъ-же источникомъ, ошибку котораго Плиній исправилъ на основаніи новыхъ данныхъ, тогда какъ Птолемей не съумѣлъ отожествить фругундіоновъ съ бургундами, тѣмъ болѣе, что и слѣдующіе за ф звуки не совпадали? Для насъ послѣднее обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ къ отожествленію: -ur- и -ru- одинаково развиваются изъ $\underset{\circ}{r}$ въ прагерм. Изъ того же источника взято, можетъ быть, указаніе на то, что Αὐαρινοί живутъ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐίστουλα ποταμοῦ; мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, что Птолемей, всегда осторожный и осмотрительный, едва-ли далъ-бы такое точное указаніе, еслибъ у него на это не было опредѣленныхъ данныхъ. Если это такъ, то мы вправѣ видѣть въ варинахъ восточныхъ сосѣдей (ди)дуновъ на верхней Вислѣ, конечно внутри большой дуги, образуемой теченіемъ послѣдней. У Птолемея они оказались внѣ этой дуги, т. е. на правомъ берегу Вислы, по той простой причинѣ, что онъ не зналъ изгиба ея, а представлялъ себѣ ея теченіе, какъ всюду, гдѣ онъ не имѣетъ точныхъ указаній, въ видѣ прямой линіи, идущей на сѣверо-востокъ. Если мы дадимъ Вислѣ на

его картѣ надлежащее направленіе, то его аварины окажутся именно тамъ, куда мы ихъ отнесли по другимъ соображеніямъ, т. е. приблизительно въ нашей губерніи Келецкой и въ южной части Петроковской (на картѣ XII). Въ такомъ случаѣ на долю Harii (Charini), народности несомнѣнно сильной, потому что Тацитъ выдѣляетъ ихъ изъ общаго состава лугійской группы и передаетъ нѣкоторыя подробности ихъ военнаго быта—на долю Harii, говоримъ мы, остаются только губерніи Радомская, часть Варшавской до Бзуры, и сѣверъ Петроковской (на картѣ X).

Я вполнѣ сознаю шаткость моихъ опредѣленій, но думаю, тѣмъ не менѣе, что они не лишены основанія; во всякомъ случаѣ, они не произвольны, и въ ихъ пользу говоритъ еще и то обстоятельство, что порядокъ у Плинія: Varini Charini Gutones оказывается теперь вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительному расположенію этихъ народностей. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что здѣсь, т. е. внизъ по Вислѣ, ходили римскіе купцы: это даже наиболѣе удобный путь, не представляющій такихъ значительныхъ препятствій, какъ дорога черезъ земли (ди)дуновъ, манимовъ и бургундовъ. Мы только не можемъ опредѣлить его точнѣе, за неимѣніемъ достаточныхъ археологическихъ данныхъ. Плиній и Птолемей или ихъ общій источникъ получили относящійся сюда матеріалъ очевидно отъ людей, ходившихъ именно по этой дорогѣ.

Если мы теперь еще разъ оглянемся на полученные нами результаты, то убѣдимся, что три приведенныхъ выше списка лугійскихъ народностей въ общемъ отражаютъ въ себѣ три разныхъ итинераріи. Всѣхъ точнѣе Птолемей: путешественникъ, шедшій по центральному пути, долженъ былъ, дѣйствительно, пройти земли буровъ, дидуновъ, омановъ (манимовъ), бургундовъ, именно въ этомъ порядкѣ, и коснуться границъ земли гельвеконовъ. Менѣе точенъ Плиній, пристегивающій бургундовъ очевидно изъ другаго источника, но во всемъ остальномъ передающій крайній восточный итинерарій: черезъ земли вариновъ и хариновъ прямо въ область готовъ. Наконецъ, наименѣе точенъ Тацитъ, хотя и

у него замѣчается нѣкоторая послѣдовательность: гельвеконы дѣйствительно сосѣдятъ съ одной стороны съ Manimi, съ другой съ Harii. Изъ его словъ, впрочемъ, явствуетъ, что онъ и не хотѣлъ вовсе дать картину географическаго распредѣленія народовъ лугійской области: онъ называетъ только важнѣйшихъ (valentissimas civitates) и пользуется для этого, естественно, всѣми тремя итинераріями. Что касается крайняго западнаго пути (черезъ Glatz), то по нему ходили, повидимому, всего рѣже: онъ, дѣйствительно, представляетъ наибольшія трудности на всемъ своемъ протяженіи. Тѣмъ не менѣе онъ далъ этнографіи имя силинговъ.

Намъ остается еще коснуться городовъ, лежащихъ, по Птолемею, въ области лугійскихъ народностей. Нѣкоторые изъ нихъ нами уже пріурочены: Λουγίδουνον = Луги, Καλισία = Калишъ. Мы, конечно, не можемъ ожидать во всѣхъ случаяхъ, какъ въ этихъ двухъ, тожества именъ древняго и современнаго. Что оно вообще встрѣчается, хотя и рѣдко, — это фактъ многознаменательный: мы выводимъ изъ него заключеніе, что выселеніе германцевъ изъ этихъ областей во II и слѣдующихъ вѣкахъ было не поголовное, что тутъ оставалось еще нѣкоторое, хотя бы и незначительное число ихъ, слившееся впослѣдствіи съ пришлымъ славянскимъ элементомъ и передавшее послѣднему нѣкоторыя мѣстныя названія. На это указываетъ и сохраненіе именъ силинговъ въ названіи Силезіи. Въ такихъ случаяхъ, какъ Καλισία = Калишъ, возможно еще другое объясненіе: этотъ городъ, не очень далеко отстоящій отъ границы тогдашняго славянскаго міра, былъ, вѣроятно, уже тогда центромъ обширной торговли, въ которой могли принимать участіе славяне, и узнать, такимъ образомъ, это имя еще до начала передвиженій.

Въ общемъ, мы, отыскивая на нашей картѣ мѣстоположеніе Птолемеевыхъ городовъ, не должны требовать обязательно тожественныхъ или схожихъ именъ, а должны руководиться исключительно данными самого Птолемея и топографическими особенностями мѣстности.

Другое указаніе на пріемы, которые мы должны примѣнять въ данномъ случаѣ, мы находимъ въ охарактеризованномъ выше методѣ, при помощи котораго Птолемей опредѣлилъ въ градусахъ и минутахъ долготу и широту каждой отдѣльной мѣстности. Не астрономическія наблюденія, а исключительно только приблизительныя данныя о разстояніяхъ лежатъ въ основѣ его расчета. Неточности при этомъ, конечно, неизбѣжны; полная точность является результатомъ скорѣе случая, чѣмъ вѣрнаго расчета, и требовать ее, значило бы требовать невозможнаго. Дороги шли, конечно, не прямыми линіями, а изгибы ихъ, въ значительной степени вліяющіе на опредѣленіе разстояній и осложнявшіе задачу географа при расчетѣ по градусамъ и минутамъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ, при очень значительныхъ отклоненіяхъ, могли доходить до свѣдѣнія Птолемея. Дѣйствительно, по всему видно, что послѣдній представлялъ себѣ эти дороги въ видѣ прямыхъ линій; на центральной дорогѣ всѣ города отмѣчены почти на одномъ меридіанѣ (между 43 и 44-мъ). Характерно, въ этомъ отношеніи, и то, что наибольшія неточности встрѣчаются въ опредѣленіяхъ широты: городъ оказывается у него обыкновенно сѣвернѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ неточность въ 20 — 25 верстъ незначительною, не препятствующею отожественію. Наибóльшая неточность, допускаемая нами въ нижеслѣдующемъ, — 40 верстъ.

Всего больше городовъ (8) отмѣчено Птолемеемъ по среднему пути, ведущему черезъ землю буровъ и (ди)дуновъ прямо на сѣверъ. Этотъ путь былъ ему, очевидно, лучше извѣстенъ, чѣмъ западный и восточный.

Послѣдній перевалъ до перехода черезъ Бескиды дѣлался въ Σετουία 42°30′ долготы 50° широты, т. е. 18°30′—49°23′: онъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки Кизуцы, притока Ваага, въ землѣ сидоновъ, вѣроятно тамъ, гдѣ начинался подъемъ изъ долины къ Яблункову ущелью. Прошедши послѣднее, караванъ спускался въ долину верхней Вислы по теченію рѣчки Ольсы, и достигалъ

перваго лугійскаго города 'Ασάνκα 43° долг. 50°20′ шир., т. е. 18°45′—49°41′, въ землѣ буровъ, верстахъ въ 10-ти отъ нынѣшняго Teschen'a (18°38′—49°45′) въ австрійской Силезіи, съ которымъ онъ, можетъ быть, тожественъ.

Отсюда дорога шла прямо на сѣверозападъ, черезъ землю (ди)дуновъ, и приводила, дней черезъ пять (105 кил.), въ Καρρόδουνον (Κρόδουνον) 42°40′ долг. 51°30′ шир., т. е. 18°15′—50°35′. Здѣсь 18°14′ д. 50°35′ ш. лежитъ еще теперь деревня Grodisko, т. е. «городище», названная такъ, очевидно, потому, что расположилась на мѣстѣ древняго поселенія. Вліяніе могло имѣть, въ данномъ случаѣ, и древнее наименованіе [1]). Повернувъ на сѣверовостокъ, караванъ приходилъ дня черезъ два (40 килом.) въ Λουγίδουνον, о которомъ см. выше, стр. 58; затѣмъ, снова черезъ 2 дня, въ 'Αρσόνιον 43°30′ долг. 52°20′ шир., т. е. 18°37′—51°19′, на Вартѣ близъ нын. Велюна Калишск. губ. 18°30′—50°12′, по дорогѣ въ Калишъ. Послѣдняго города (Καλισία, см. стр. 59) путешественники достигали дня черезъ 3 (65 верстъ), а отсюда, направляясь дальше на сѣверъ, встрѣчали черезъ два дня первое серьезное препятствіе въ топкихъ болотахъ, широкой лентой окаймляющихъ здѣсь берега Варты. Въ двухъ только мѣстахъ можно было перебраться черезъ нихъ: около нын. Конина (18°15′ д. 52°12′ ш.) или около Кола (18°42′—52°12′), оба въ Калишской губ.; Птолемей знаетъ, повидимому, только второй бродъ: онъ отмѣчаетъ въ 10 верстахъ отъ Кола, 44° долг. 53°30′ шир., т. е. 18°38′—52°18′, городъ Σετίδαυα, который либо совпадаетъ съ названнымъ польскимъ городомъ, либо обозначаетъ стоянку римскихъ купцовъ, по переходѣ черезъ болота, въ странѣ гельвеконовъ. Отъ Сетидавы, снова дня черезъ три, они приходили въ 'Ασκαυκαλίς 44° долг. 54°15 шир., т. е. 18°27′—52°53′. Мнѣ кажется, что это нын. деревня Скульскъ въ сѣверной части Калишск. губ. 18°22′ долг. 52°29′ шир. Если

1) Верстахъ въ 18-ти отъ Grodisko лежитъ дер. Sackrau, гдѣ въ 1886 г. найденъ богатый кладъ IV вѣка. См. Grempler, Der Fund von Sackrau. Brandenburg 1887.

мы примемъ Сетидаву за Коло, то разница въ разстояніи между послѣднимъ и Скульскомъ (40 верстъ) съ одной и Сетидавой — Ἀσκαυκαλίς (60 верстъ) съ другой стороны покажется намъ не слишкомъ значительною, въ виду того, что эта часть пути, ведущая черезъ болота Варты, Слезинскаго и Гоплинскаго озеръ, составляетъ труднѣйшую часть всего путешествія. Птолемей отодвинулъ Ἀσκαυκαλίς верстъ на 40 на сѣверъ, что объясняется соображеніями, приведенными нами уже на стр. 64. Гораздо непонятнѣе было-бы, еслибъ его Аскаукалисъ былъ отмѣченъ южнѣе Скульска.

Этотъ городъ, лежащій, повидимому, въ землѣ гельвеконовъ, составляетъ послѣднюю лугійскую станцію. Отсюда дорога вела либо черезъ нын. Влоцлавскъ (Варш. губ.) прямо къ готамъ, либо направлялась на сѣверозападъ и пересѣкала около нын. Бромберга болота рѣки Netze, а затѣмъ шла по правому берегу этой рѣки и достигала, дней черезъ пять, города Σκοῦργον 43° долг. 55° шир., т. е. 17°35′—53°25′ въ землѣ руговъ, на южной окраинѣ непроходимыхъ въ то время лѣсовъ, такъ наз. Tucheler Heide (ср. Sadowski p. 17) въ западной Пруссіи. Огибая эти лѣса съ запада, дорога шла отсюда широкой дугой къ устью Вислы подъ Данцигомъ (Sadowski p. 19 слѣд.) и, пройдя землю гепидовъ, достигала наконецъ готской области. Но въ этихъ мѣстностяхъ Птолемей не называетъ уже ни одного «города».

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, путь римскихъ торговыхъ karavanовъ отъ верховьевъ Вислы до земли готовъ. Разбросанные по этому пути города - стоянки находятся другъ отъ друга въ разстояніи двухъ — трехъ, много пяти дневныхъ переходовъ.

На востокъ отъ этой центральной линіи, т. е. въ землѣ вариновъ и хариновъ (гаріевъ), Птолемей никакихъ городовъ не знаетъ. А что касается западной части лугійской области, то хотя тутъ у него и отмѣчено довольно много городовъ (6), но они не расположены по одной ясной путевой линіи. Мы, поэтому, сгруппируемъ ихъ при разборѣ по тѣмъ народностямъ, въ земляхъ ко-

торыхъ они, повидимому, лежали. Мы и тутъ также замѣтимъ, что всѣ они находятся близъ важныхъ бродовъ черезъ рѣки или болота.

Раньше чѣмъ перейти къ ихъ разбору, мы должны исключить изъ ихъ числа Στράγονα, который въ Мюллеровскомъ изданіи Птолемея значится подъ 39°40′ долг. 52°20′ шир., т. е. въ землѣ силинговъ, тогда какъ всѣ безъ исключенія рукописи даютъ число λθ′γ″—να′γο″ = 39°20′ долг. 51°40′ шир., т. е. 15°58′—50°32′. Στράγονα лежитъ, слѣдовательно, въ сѣверной Богеміи, верстахъ въ 5 отъ нын. Trautenau, отсюда ведетъ удобная дорога черезъ горы къ верховьямъ Бобра, т. е. къ силингамъ [1]). Въ наше время именно здѣсь проведена желѣзнодорожная линія, соединяющая Богемію съ Силезіею.

Другой переходъ черезъ Судеты, мимо нын. Glatz, отмѣченъ Птолемеемъ городомъ Ἡγητματία 39°40′ долг. 51° шир., т. е. 16°20′—50°: онъ находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ дорога вступаетъ въ горы между двумя хребтами, такъ наз. Богемскимъ (Böhmischer Kamm) и Глатцскимъ снѣжнымъ хребтомъ (Glatzer Schnee-Gebirge). Городъ этотъ соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, Σετουία центральнаго пути. Но дальнѣйшій путь по городамъ прослѣдить нельзя.

Странѣ силинговъ принадлежитъ, можетъ быть, Κολάγκορον 39° долг. 53°30′ шир., т. е. 15°17′—51°57′: онъ отмѣченъ въ 15 верстахъ отъ Krossen'а (15°7′—52°2′) у впаденія Бобра въ Одеръ, гдѣ находился одинъ изъ удобнѣйшихъ переходовъ черезъ послѣднюю рѣку (Sadowski p. 10). Нѣсколько ниже по Одеру же, въ бургундской землѣ, отмѣченъ городъ Σουσουδάτα 38°30′ долг. 53°50′ шир., т. е. 14°51′—52°12′: вѣроятно Франкфуртъ на Одерѣ (14°34′—52°20′), гдѣ также находился древній бродъ, на что указываетъ само названіе. Разстояніе между Κολάγκορον и Σουσουδάτα (40 верстъ) почти равно разстоянію

---

1) Мюллеръ измѣнилъ рукописное чтеніе ради отожествленія Στράγονα съ Striegau въ Силезіи.

отъ Krossen'а до Франкфурта (46 верстъ), что подтверждаетъ нашу догадку.

Ближе къ центру, въ землѣ (ди)дуновъ, лежатъ два города: Βουδόριγον 41° долг. 52°40′ шир., т. е. 16°45′—51°27′, верстахъ въ 12-ти отъ нын. Herrenstadt, древняго брода черезъ Барчъ (Sadowski p. 10), и Λευκάριστος 41°45′ долг. 52°40′ шир., т. е. 17°18′—51°30′. Не знаю, куда его пріурочить. Не Острово ли это? Послѣдній городъ, очень важный для торговли (см. выше стр. 59), лежитъ подъ 17°50′ долг. 51°38′ шир., т. е. верстахъ въ 35 отъ Λευκάριστος.

Нѣсколько сѣвернѣе, подъ 41° долг. 53°30′ шир., т. е. 16°33′—52°5′, отмѣченъ Птолемеемъ въ землѣ бургундской городъ Λιμιοσάλειον: это, мнѣ кажется, нын. Schrimm на Вартѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ по дорогѣ на сѣверъ (ср. Sadowski p. 12). Что это дѣйствительно такъ и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, наша догадка относительно Βουδόριγον = Herrenstadt вѣрна, доказывается разстояніемъ между этими городами у Птолемея (70 верстъ) и въ дѣйствительности (65 верстъ).

Наконецъ, бургундскимъ же «городомъ» слѣдуетъ считать Οὐιρίτιον 41° долг. 54°30′ шир., т. е. 16°20′—52°52′: онъ отмѣченъ на картѣ верстахъ въ 16 отъ нын. Czarnikau (16°33′—52°55′), лежащаго на важномъ переходѣ черезъ Netze (Sadowski p. 13). Разстояніе между Λιμιοσάλειον и Οὐιρίτιον равно разстоянію отъ Schrimm'а до Czarnikau (85 верстъ, приблизительно).—Остальные 3 города, т. е. Οὐίρουνον, Βουνίτιον, Ῥούγιον, принадлежатъ уже ругамъ.

Мы подробно разобрали всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся о западныхъ сосѣдяхъ и ближайшихъ родичахъ готовъ, и въ итогѣ у насъ получилась ясная этнографическая карта восточной Германіи конца I—начала II вѣка по Р. Хр. Дѣломъ археологіи будетъ провѣрить и дополнить наши результаты, добытые ис-

ключительно на основаніи географическаго и историческаго, въ узкомъ смыслѣ, матеріала. Мы сами вернемся еще разъ къ лугійскимъ народамъ ниже, при разборѣ имѣющагося на лицо лингвистическаго матеріала, скуднаго, къ сожалѣнію, но всетаки достаточнаго для освѣщенія нашей карты съ этой стороны.

Раньше чѣмъ приступить къ этому, мы должны, однако, познакомиться съ восточными сосѣдями готовъ и выяснить тѣмъ-же путемъ, какъ выше, географическую группировку народовъ «Европейской Сарматіи» Птолемея къ концу I и началу II вѣка. Съ этимъ вмѣстѣ мы вступаемъ въ область славяно-литовскаго міра.

Передъ нами огромная территорія Сарматской низменности. Съ незапамятныхъ временъ она заселена множествомъ народовъ разнороднѣйшихъ этническихъ и бытовыхъ типовъ. Разобраться въ этомъ хаосѣ — составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ исторической этнографіи, задачу тѣмъ болѣе трудную, что на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Вислы до Урала, отъ Чернаго моря до Финскаго залива почти вовсе нѣтъ естественныхъ границъ, которыми могли опредѣляться области народовъ, населявшихъ его въ древности.

Первые лучи исторіи освѣщаютъ только южно-русскія степи; все, что лежитъ на сѣверѣ отъ нихъ, остается въ тѣни. Геродотъ знаетъ только ближайшихъ сѣверныхъ сосѣдей скиѳовъ: невровъ, андрофаговъ и меланхленовъ; за ними лежитъ уже необитаемая страна, гдѣ падающія съ неба перья, т. е. снѣгъ, какъ поясняетъ самъ Геродотъ, покрываютъ всю землю и наполняютъ воздухъ (IV, 7. 31).

Географическій горизонтъ Геродота, очевидно, довольно узокъ. Верхнее теченіе Днѣпра ему неизвѣстно: онъ разспрашивалъ о немъ, но никто (ἀνθρώπων οὐδείς) не могъ дать ему отвѣта (IV, 53). Источники Буга и Днѣстра указаны имъ не-

точно. Большія озера, изъ которыхъ они, по Геродоту (IV, 51. 52), берутъ начало, соотвѣтствуютъ, вѣроятно, припетскимъ болотамъ, которыми замыкалась на сѣверѣ скиѳская земля [1]). Объ этихъ сѣверныхъ окраинахъ послѣдней Геродотъ имѣлъ, очевидно, лишь очень неточныя свѣдѣнія.

Тѣмъ не менѣе, собранный имъ матеріалъ очень богатъ и, въ общемъ, надеженъ. По всему видно, что Геродотъ не принималъ на вѣру, а старался провѣрять то, что ему говорили; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ самъ не успѣвалъ убѣдиться въ истинѣ, онъ очень остороженъ въ своихъ выраженіяхъ. Разсказывая о томъ, что на сѣверъ отъ невровъ, андрофаговъ и меланхленовъ лежитъ безлюдная пустыня, ἔρημος ἀνθρώπων, онъ всякій разъ прибавляетъ: «насколько намъ извѣстно», ὅσον ἡμεῖς ἴδμεν (IV, 17. 18. 20) [2]). Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ лично побывалъ въ Скиѳіи и не оставался въ приморскихъ греческихъ колоніяхъ, а проникалъ довольно далеко въ глубь страны: онъ бывалъ напр. въ нын. Подоліи (IV, 81, ср. Cuno p. 85). Довольно часто въ его изложеніи мы наталкиваемся на черты, изобличающія человѣка, лично бывавшаго на мѣстѣ [3]). Однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Геродотъ могъ провѣрить полученное свѣдѣніе путемъ личнаго опыта или многократныхъ разспросовъ, мы имѣемъ право довѣрять ему. Мы должны теперь

---

1) Ср. Pomp. Mela II, 7, гдѣ Бугъ ex grandi palude oritur quam matrem eius accolae appellant.

2) Весьма характерно, въ этомъ отношеніи, одно мѣсто, а именно IV, 105. Каждый невръ, разсказываетъ онъ здѣсь, разъ въ году превращается въ волка на нѣсколько дней. «Мнѣ этому не вѣрится, продолжаетъ онъ, но они (т. е. скиѳы и эллины) такъ говорятъ, и даже клянутся, что это такъ (καὶ ὀμνῦσι δὲ λέγοντες)». Очевидно, скептицизмъ Геродота долго и горячо протестовалъ противъ этой небылицы, добиваясь истины въ разговорѣ съ мѣстными жителями, пока одинъ изъ послѣднихъ не заставилъ его замолчать, поклявшись въ истинѣ своихъ словъ. Сомнѣніе, однако, осталось въ силѣ.

3) Вода Днѣпра, говоритъ онъ напр. IV, 53, очень сладка на вкусъ: πίνεσθαί τε ἥδιστός ἐστι. Ср. статью Мищенка: Былъ-ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи? Кіевск. Стар. 1886.

же установить эту принципіальную точку зрѣнія на данныя, сообщаемыя Геродотомъ, такъ какъ отъ нея зависитъ рѣшеніе многихъ вопросовъ, поднятыхъ въ наукѣ на ихъ основаніи.

Извѣстно, что изученіе ихъ привело ученыхъ къ выводамъ, небезъинтереснымъ и для насъ [1]). Мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ, такъ какъ они находятся въ прямой связи съ главнымъ вопросомъ этой части нашего изслѣдованія: съ вопросомъ о древнѣйшей научно установимой родинѣ славяно-литовскаго племени.

Вдаваться въ разборъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ по поводу пресловутаго «скиѳскаго вопроса», я, конечно, не стану, тѣмъ болѣе, что разногласія между учеными зависятъ, на мой взглядъ, здѣсь, какъ и въ «варяжскомъ вопросѣ», не столько отъ неточности или неясности матеріала, сколько отъ методологическихъ ошибокъ нѣкоторыхъ ученыхъ, бравшихся за изслѣдованіе, а часто и отъ тѣхъ предвзятыхъ идей и тенденцій, съ которыми они приступали къ нему и которыя заставляли ихъ мириться съ явными натяжками. Новый трудъ по «скиѳскому вопросу» долженъ будетъ носить характеръ по преимуществу полемическій. Для нашихъ же цѣлей достаточно будетъ дать по возможности объективное рѣшеніе важнѣйшимъ пунктамъ на основаніи одного только текста Геродота, съ отстраненіемъ всѣхъ подробностей. «Скиѳскій вопросъ», самъ по себѣ, интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ лишь постольку, поскольку его рѣшеніе можетъ дать твердый базисъ нашему дальнѣйшему изслѣдованію.

Относясь, вообще, съ довѣріемъ къ разсказу Геродота о Скиѳіи, мы считаемъ правильными — въ общихъ чертахъ, ко-

---

1) Хорошій краткій обзоръ ихъ съ полными библіографическими указаніями даетъ А. Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности 1887 (Зап. Отд. Русск. и Слав. археол. Импер. Русск. Археол. Общ. т. IV). Кромѣ того см. Бруна, Опытъ соглашенія противуположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи и смежныхъ съ ней земляхъ. Черноморье II, 1—104; G. Mair, Das Land der Skythen bei Herodot. Saaz 1884—1885. (двѣ программы гимназіи въ Saaz'ѣ, Чехія).

нечно, — и тѣ указанія, которыя онъ даетъ относительно географическаго распредѣленія скиѳскихъ народностей и ихъ ближайшихъ сосѣдей. Указанія эти довольно ясны во всѣхъ важныхъ для насъ пунктахъ.

Страна скиѳовъ лежитъ между Карпатами и нижнимъ Дунаемъ на западѣ, Чернымъ и Азовскимъ морями на югѣ и Дономъ на востокѣ, тогда какъ сѣверную границу составляетъ линія, о которой см. ниже. Заключенная въ этихъ границахъ область представляется Геродоту (IV, 101) прямоугольникомъ, каждая сторона котораго равна 4000 стадіямъ, т. е. 100 геогр. милямъ = 700 верстъ. Этотъ счетъ неточенъ для южной линіи только верстъ на 60, что, конечно, очень немного, если принять во вниманіе значительность разстоянія отъ устьевъ Дуная до устья Дона и несовершенство счета по дневнымъ переходамъ [1]). Перенося это же разстояніе на боковую линію, принимая за основаніе приблиз. параллель 46° шир., мы получаемъ приблиз. 52° шир., какъ сѣверную границу скиѳской земли. Этому не противорѣчатъ болѣе подробныя указанія, которыя Геродотъ даетъ о сѣверныхъ сосѣдяхъ скиѳовъ.

Сами скиѳы дѣлятся Днѣпромъ на западныхъ, осѣдлыхъ, отчасти переходящихъ и на лѣвый берегъ этой рѣки, и восточныхъ, кочевыхъ. Вполнѣ ясно распредѣленіе скиѳскихъ народностей по Бугу и Днѣстру. Тутъ, на берегу моря, т. е. главнымъ образомъ въ нын. Херсонской губ., живутъ каллиппиды (IV, 17); за ними, сѣвернѣе, алазоны, въ странѣ которыхъ всего ближе сходятся Бугъ и Днѣстръ (IV, 52): очевидно, что земля алазоновъ обнимала, между прочимъ, Подольскую губ. На сѣверо-востокъ отъ нихъ, т. е. въ Кіевской и сѣверной части

1) Расчетъ у Сипор. 83 not. мнѣ совершенно непонятенъ, даже если принять, что устье Дона лежитъ на одномъ меридіанѣ съ Керченскимъ проливомъ. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ основѣ всѣхъ указаній подобнаго рода могъ лежать только счетъ по числу дневныхъ переходовъ. Послѣдніе представляютъ, въ данномъ случаѣ, весьма ясную величину (1 дневной переходъ = 200 стадіямъ IV, 101 = 35 верстамъ), которую мы должны, конечно, наносить на нашу современную карту, если захотимъ опредѣлить точность Геродотова счета.

Херсонской губ. мы находимъ скиѳовъ оратаевъ (ἀροτῆρες IV, 17.52), къ которымъ непосредственно примыкаютъ невры въ области Припети (IV, 17. 51).

Гораздо менѣе ясна поднѣпровская линія. Часть нижняго теченія Днѣпра населяютъ скиѳы земледѣльцы (γεωργοί), въ Екатеринославской губ. (ср. IV, 18. 53). На сѣверѣ ихъ отдѣляетъ пустыня отъ андрофаговъ (IV, 18): послѣднихъ мы должны, слѣдовательно, искать въ нын. Черниговской губ. и смежныхъ областяхъ.

Въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ кочуютъ на югѣ скиѳы номады (Таврич. и Екатериносл. губ.?), восточнѣе царскіе скиѳы (часть Харьковск. губ. и Обл. Войска Донскаго, ср. IV, 19. 20). Надъ ними, на разстояніи 20 дневнаго пути отъ моря, меланхлены (IV, 101), т. е. приблиз. въ Курской и Орловской губ. Къ нимъ на востокѣ, за Дономъ, примыкаютъ будины, сѣверные сосѣди савроматовъ, на разстояніи 15 дней пути (= 525 верст.) отъ устья Дона (IV, 21): очевидно, въ нын. Тамбовской и Саратовской губ.

Таково географическое распредѣленіе скиѳскихъ народностей и ихъ ближайшихъ сосѣдей на сѣверѣ. Оно возстановляется по нашей картѣ довольно легко. Центральныя народности невровъ, андрофаговъ, меланхленовъ и будиновъ составляютъ непрерывную цѣпь, ведущую приблизительно на одной и той же широтѣ отъ Карпатскихъ горъ (за которыми — агаѳирсы IV, 100. 104) вплоть до средней Волги.

Гораздо болѣе труднымъ представляется вопросъ этнографическій.

Скиѳы восточные между Днѣпромъ и Дономъ — несомнѣнно иранцы: это мы считаемъ доказаннымъ съ одной стороны полемикой Шифнера противъ монгольской теоріи Неймана въ 1856 г. [1]), съ другой — положительными доводами Мюллен-

---

1) K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande. Berlin 1855. — Schiefner, Bulletin de la classe hist.-phil. нашей Академіи, томъ XIII (1856), col. 194 слѣд.: Sprachliche Bedenken gegen das Mongolenthum der Skythen.

гофа [1]). А изъ этого слѣдуетъ, что славяне не могутъ быть потомками *этихъ* скиѳовъ. Но имѣемъ ли мы право распространить этотъ выводъ и на западныхъ скиѳовъ между Днѣпромъ съ одной, Карпатами и нижнимъ Дунаемъ съ другой стороны, т. е. на каллипидовъ, алазоновъ, оратаевъ и земледѣльцевъ? Весь вопросъ въ томъ, можемъ-ли мы считать скиѳовъ Геродота народомъ этнографически цѣльнымъ, или этому имени уже въ V вѣкѣ до Р. Хр. присуще такое-же собирательное, чисто географическое значеніе, какое оно имѣетъ впослѣдствіи, напр. у Страбона и Плинія? Извѣстно, что многіе ученые, начиная съ Шафарика, держались и держатся именно этого мнѣнія, указывая на особенности въ образѣ жизни, религіи, антропологическомъ типѣ, отличающія, будто-бы, западныхъ отъ восточныхъ скиѳскихъ народностей и усматривая въ скиѳахъ западныхъ — предковъ славянъ, либо считая ихъ иранцами, въ противуположность къ скиѳамъ восточнымъ, якобы Монголамъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія высказался недавно еще Мищенко, и съ нимъ соглашается, повидимому, Вс. Миллеръ.

Ясно, что этимъ опредѣляется вся этнографическая карта восточной Европы. Если западные скиѳы — славяне, то ихъ сѣверныхъ сосѣдей, которыхъ Геродотъ (IV, 51 pass.) строго отличаетъ отъ скиѳовъ, придется отнести къ другимъ племенамъ [2]). Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія невры на верховьяхъ Днѣстра и Буга оказались-бы напр. литовскимъ племе-

---

1) Его докладъ: Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten, читанный въ Берлинской Академіи въ августѣ 1866 г., вошелъ въ Monatsberichte того-же года и перепечатанъ теперь въ DA. III (1892) p. 101—125. Его выводъ не опровергается доводами Cuno, passim (см. въ особенности стр. 307—323) и осторожнымъ скептицизмомъ Вс. Миллера въ Ж. М. Н. Пр. ч. 247 (1886). Много новаго матеріала, говорящаго въ пользу нашего мнѣнія, даетъ теперь и F. Justi Iranisches Namenbuch. Marburg 1895. Послѣднимъ устраняются между проч. многія сомнѣнія, оставляемыя Миллеромъ.

2) Считать скиѳовъ и невровъ и т. д. предками славянъ, какъ это дѣлаетъ напр. Шафарикъ и друг., идетъ въ разрѣзъ съ ясными, неоднократно повторяемыми указаніями Геродота.

немъ. Но, во-первыхъ, въ текстѣ Геродота нѣтъ данныхъ, которыя могли бы оправдать такіе выводы. Мы видимъ въ этомъ роковой методологическій промахъ упомянутыхъ ученыхъ, что они, добровольно отказываясь отъ твердаго базиса историческихъ данныхъ, уходятъ въ область предположеній и догадокъ, гдѣ невозможны ни научныя доказательства, ни опроверженія. Поставленные на такую шаткую почву, относящіеся сюда вопросы могутъ получить самыя разнообразныя рѣшенія, предоставляя безграничный просторъ произвольнымъ комбинаціямъ и соображеніямъ, подчасъ очень остроумнымъ, но лишеннымъ базиса, и потому теряющимъ значеніе научныхъ гипотезъ. Во вторыхъ, эти выводы противорѣчатъ, какъ мы увидимъ, всему, что мы знаемъ достовѣрнаго о позднѣйшемъ разселеніи славяно-литовскихъ племенъ въ I и II вв. по Р. Хр. Плиній, Тацитъ, Птолемей не знаютъ славянъ на нижнемъ Дунаѣ; относящіяся къ этому времени, якобы славянскія, географическія названія въ придунайскихъ и прикарпатскихъ областяхъ (Cuno стр. 230 слѣд.) при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются призраками; а область айстовъ никогда не доходила до верховьевъ Днѣстра и Буга. Наконецъ, мнѣ a priori кажется невозможнымъ, чтобы славяне, занимая еще въ IV в., когда скиѳское могущество стало клониться къ упадку, такое сравнительно небольшое пространство, могли впослѣдствіи, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ столѣтій, заселить огромное пространство, обнимавшее добрую половину Европы. Такой небывало быстрый ростъ народонаселенія мыслимъ только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ спокойнаго, мирнаго развитія, а между тѣмъ, именно поднѣстровье и побужье въ теченіе вѣковъ, т. е. вплоть до распаденія гуннскаго государства, были ареной почти безпрерывныхъ насильственныхъ переворотовъ: вспомнимъ нашествія сарматскихъ ордъ, бастарновъ, готовъ, гунновъ. Въ этихъ переворотахъ погибли всѣ народности, участвовавшія въ нихъ, за исключеніемъ готовъ, спасшихся бѣгствомъ. Неужели-же одни только славяне не только уцѣлѣли, но и разрослись въ ту

огромную по численности народную массу, которая въ V и VI вѣкахъ по Р. Хр. широкимъ моремъ разлилась не только по восточной и центральной Европѣ, но захватила и балканскій полуостровъ и выслала часть своихъ членовъ даже въ Малую Азію? Простая логика — если только она не затемнена предвзятымъ мнѣніемъ — приводитъ насъ къ заключенію, что родина славянъ или, по крайней мѣрѣ, центръ ея, вплоть до начала великаго переселенія народовъ должна была находиться внѣ сферы переворотовъ, постигшихъ южнорусскія степи начиная IV вѣкомъ до Р. Хр. и кончая IV вѣкомъ нашей эры. Только послѣ спокойнаго развитія въ теченіе этого продолжительнаго періода времени, выступая послѣдними на историческую арену, славяне могли сыграть ту роль, которую они сыграли на самомъ дѣлѣ.

Мы приходимъ, поэтому, къ апріорному предположенію, что родина славянъ не доходила до степной полосы, и это предположеніе, которое мы надѣемся доказать ниже положительными данными, станетъ уже теперь еще болѣе вѣроятнымъ, если мы примемъ во вниманіе историческія аналогіи, говорящія намъ, что сильныя народныя передвиженія идутъ всегда въ одномъ направленіи. Я не знаю народа, который двигался бы — завоевателемъ, не колонизаторомъ — одновременно во всѣ четыре стороны; а вѣдь такую аномалію пришлось бы допустить, еслибъ родина славянъ находилась между Дунаемъ и Днѣпромъ.

Въ глазахъ припонтійскихъ грековъ — колонистовъ, находившихся въ безпрерывныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми народностями скиѳовъ, послѣдніе составляли одно этнографическое цѣлое. На собирательное значеніе ихъ имени нѣтъ ни одного намека въ изложеніи Геродота, бравшаго свои свѣдѣнія, конечно, главнымъ образомъ изъ этого источника. Это — фактъ первостепенной важности, и отстраненіе его составляетъ, именно, ту важную методологическую ошибку, на которую мы указали выше. Геродотъ объединяетъ всѣ народности отъ нижняго Дуная до Дона не только въ одномъ имени, но и въ одной этнографической характеристикѣ, противуполагая ихъ

сосѣдямъ на западѣ и сѣверѣ и даже близкимъ родичамъ на востокѣ, за Дономъ — сарматамъ (см. ниже). Единственная твердая точка, на которую могутъ опираться сторонники разноплеменности скиѳовъ, это — земледѣльческій бытъ западныхъ скиѳскихъ народностей въ противуположность къ кочевому быту восточныхъ. Всѣ остальные доводы взяты отчасти изъ области археологическихъ находокъ, недостаточныхъ и ни въ какомъ случаѣ не могущихъ рѣшить такой важный вопросъ [1]), отчасти же изъ словъ другихъ авторовъ, относящихся къ позднѣйшему времени (Страбонъ и друг.) и имѣющихъ въ виду совсѣмъ другую этническую группировку. А одного упомянутаго факта, конечно, не достаточно: историческая этнографія знаетъ много такихъ примѣровъ, гдѣ одна часть народа ведетъ кочевую жизнь, тогда какъ другая обработываетъ землю; ср., напр., персовъ у Геродота-же I, 125 и сарматовъ у Страбона VII, 3, 17.

Текстъ Геродота допускаетъ въ данномъ случаѣ только выводъ, сдѣланный нами выше, объ этническомъ единствѣ скиѳскаго народа. Такъ, онъ называетъ IV, 99 именно западную Скиѳію ἀρχαίη Σκυθική, очевидно, потому, что эти западные скиѳы явились въ южнорусскія степи дѣйствительно раньше восточныхъ. Иначе и быть не могло, и всякое другое объясненіе этого имени будетъ натяжкой, противорѣчащей естественному ходу событій и, къ тому-же, предполагающей, что мы въ этомъ вопросѣ компетентнѣе припонтійскихъ грековъ, имѣвшихъ ежедневно возможность провѣрить свои воззрѣнія. Этногоническое сказаніе IV, 8 слѣд., слышанное Геродотомъ отъ черноморскихъ грековъ, о трехъ сыновьяхъ Геракла и чудовища Ехидны, Агаѳирсѣ, Гелонѣ и Скиѳѣ, объединяетъ всю совокупность скиѳовъ въ одномъ родоначальникѣ — эпонимѣ и очень ясно проти-

---

1) Тутъ кстати будетъ замѣтить, что всѣ курганныя находки такъ называемой скиѳской поры относятся къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ Геродотъ. Среди изслѣдованныхъ до сихъ поръ «скиѳскихъ» кургановъ нѣтъ ни одного, который можно было бы съ увѣренностью считать современнымъ Геродоту или относящимся къ болѣе раннему періоду.

вуполагаетъ ихъ сосѣдямъ на западѣ и востокѣ. Другой, туземный этногоническій миѳъ IV, 5 слѣд. называетъ трехъ братьевъ Λιπόξαϊς, Ἀρπόξαϊς и Κολάξαϊς, сыновей Таргитая, родоначальниками скиѳскихъ народностей аухатовъ, катіаровъ, траспіевъ и паралатовъ, σύμπασι δὲ (λέγουσιν) εἶναι οὔνομα Σκολότους, τοῦ βασιλέος ἐπωνυμίην.

Повидимому, тутъ идетъ рѣчь объ однихъ только сколотахъ, которые выдѣляются, такимъ образомъ, изъ общаго состава скиѳскаго племени. Но, къ сожалѣнію, изложеніе Геродота въ данномъ мѣстѣ, т. е. IV, 6, такъ неясно, что основывать на немъ какой бы то ни было выводъ было-бы крайне легкомысленно. Имена катіаровъ, траспіевъ, паралатовъ совершенно неясны по своему содержанію. Аухаты встрѣчаются только еще у Плинія Hist. Nat. IV, 12, 88: Auchetae; но они помѣщаются имъ на верховьяхъ Буга (apud quos Hypanis oritur), т. е. совпадаютъ, повидимому, со скиѳами алазонами или оратаями (ἀροτῆρες); ср. Cuno p. 82. Къ тому-же, текстъ вышеприведеннаго предложенія, кажется, испорченъ: въ немъ или передъ нимъ ощущается пробѣлъ, такъ какъ объясненіе Cuno p. 324, видящаго въ этомъ доказательство народно-этимологическаго производства имени сколотовъ отъ Κολάξαϊς, едва-ли убѣдитъ кого-нибудь. Но если даже мы допустимъ, что данное преданіе относится къ однимъ только сколотамъ, то и тогда оно не можетъ служить доказательствомъ въ пользу разноплеменности западныхъ и восточныхъ скиѳовъ. Что сколоты сами выдѣляли себя изъ общаго состава, считая себя лучшими, а всѣхъ остальныхъ *скиѳовъ* своими рабами, это мы знаемъ, напр., изъ IV, 20. Такого рода отношеніе господствующей народности къ подчиненнымъ единоплеменникамъ замѣчается и у другихъ народовъ; оно даже естественно и необходимо на извѣстной ступени государственнаго развитія. Среди персовъ лучшими считались пасаргады, потому что къ нимъ принадлежалъ царскій родъ ахеменидовъ Herod. I, 125; такое-же отношеніе къ покореннымъ нѣмецкимъ-же народностямъ должно было развиться, напр., среди фран-

ковъ въ эпоху меровинговъ и первыхъ каролинговъ, хотя оно и не сказалось такъ рѣзко, какъ у скиѳовъ [1]).

Но рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь, какъ почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, языкъ.

Скиѳскій языкъ былъ, конечно, хорошо извѣстенъ греческимъ колонистамъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Ихъ города представляютъ собою первоначально вѣдь только эмпоріи торговли со скиѳами. Сношенія ихъ съ западными, осѣдлыми скиѳами начались, безъ сомнѣнія, раньше и отличались, конечно, не меньшимъ оживленіемъ, чѣмъ сношенія со скиѳами восточными. Вѣдь главнымъ предметомъ экспорта въ Грецію былъ хлѣбъ, ср. Лаппо-Данилевскій, стр. 25 сл. G. и Mair II, 37 слѣд.

Съ другой стороны, всѣ скиѳскія слова и собственныя имена, сохраненныя Геродотомъ, носятъ явно иранскій характеръ, ближе всего подходящій къ древне-персидскому, DA. III, 113. Если всѣ они принадлежатъ однимъ только восточнымъ скиѳамъ, тогда какъ западные говорили на другомъ, славянскомъ, языкѣ, то нужно допустить, либо что греки, знавшіе, напр., что у андрофаговъ γλῶσσα ἰδίη Herod. IV, 106, не замѣтили этого отличія западно-скиѳскаго отъ восточно-скиѳскаго языка, либо что Геродотъ сознательно умалчиваетъ о языкѣ скиѳовъ западныхъ, ближайшихъ сосѣдей большинства ихъ колоній, съ которыми послѣднія были наиболѣе тѣсно связаны торговыми интересами. И то и другое одинаково невѣроятно. Во всей IV книгѣ нѣтъ ни одного намека на разность въ языкѣ, и принимать таковую кажется мнѣ полнымъ произволомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ. Если же западные скиѳы говорили на томъ-же языкѣ, образчики котораго даетъ Геродотъ, то и въ нихъ также мы должны видѣть иранцевъ.

Наконецъ, если западные скиѳы были славянами, то какъ

1) Ср. Mon. Sangall. Gesta Caroli Magni I, 10; Graff. Diutiska II, 370: глосса VIII вѣка Germania = Franchōno lant. Ясно сказывается гордость франка въ предисловіяхъ Отфрида къ его поэмѣ (IX в.), какъ въ нѣмецкомъ стихотворномъ, такъ и въ латинскомъ прозаическомъ.

объяснить тотъ фактъ, что новыя названія Днѣстра, Буга, Днѣпра впервые появляются съ IV вѣка по Р. Хр., тогда какъ до этого господствуютъ исключительно скиѳскія имена Τύρας, Ὕπανις, Βορυσθένης? [1]). На это указалъ уже Мюлленгофъ D A. III, 30, и мнѣ кажется, что одного этого факта достаточно, чтобы доказать неосновательность славянской гипотезы. Перемѣна въ географическихъ названіяхъ всегда предполагаетъ смѣну населенія; если-же славяне исконные жители поднѣстровья, то тутъ коренной перемѣны не было.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ фактовъ въ пользу нашего мнѣнія, какъ, напр., названіе волоховъ, полученное славянами отъ готовъ и т. под. Но намъ кажется, что приведенныхъ доводовъ достаточно, и мы можемъ, поэтому, обратиться къ другимъ вопросамъ.

Къ какому племени принадлежали невры, андрофаги, меланхлены и будины? Ихъ образъ жизни сходенъ со скиѳскимъ: невры и меланхлены νόμοισι Σκυθικοῖσι χρέωνται IV, 105. 107, андрофаги ἐσθῆτα φορέουσι τῇ Σκυθικῇ ὁμοίην ibid. 106. Но тѣмъ не менѣе меланхлены ἄλλο ἔθνος καὶ οὐ Σκυθικόν ib. 20, андрофаги ἔθνος ἴδιον καὶ οὐδαμῶς Σκυθικόν 18, и у нихъ γλῶσσα ἰδίη 106.

Строго отличаются отъ скиѳовъ и невры 51. 100. 102 pass. и будины 21. 108 слѣд. Если въ относящихся къ нимъ мѣстахъ Геродотъ и не выражается такъ рѣзко, какъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о меланхленахъ и андрофагахъ, то все-же грань проведена имъ очень ясно. Черезъ землю невровъ пролегалъ путь къ берегамъ Балтійскаго моря ср. Sadowski 77 слѣд. 171 слѣд., черезъ область будиновъ шла дорога къ Уралу и въ среднюю

---

1) Съ Τύρας ср. скр. turá сильный, которое встрѣчается нѣсколько разъ какъ личное имя, Justi 328. Ὕπανις (два раза какъ личное имя въ надписяхъ): guten Schutz (der Götter) habend, Justi 133. Ср. Hyponis=Кубанъ. Относительно Βορυσθένης Мюлленгофъ DA. III 122 (зенд. vouru — çtāna) едва-ли правъ; скорѣе=*baru—stena? ср. зенд. bar рѣзать, сверлить, и корень sti толкаться, стремиться, откуда греч. στενός узкій.

Азію; о нихъ не могли, поэтому, сложиться такіе чудовищные разсказы, какъ, напр., о каннибализмѣ андрофаговъ IV, 106, въ лѣсныя дебри которыхъ рѣдко, вѣроятно, заходили греческіе купцы [1]). Послѣднимъ земля невровъ и будиновъ была, безъ сомнѣнія, лучше извѣстна; они знали, что невры — народъ мирный, земледѣльческій, и сходство ихъ быта съ бытомъ западныхъ скиѳовъ бросалось въ глаза. Сказка о томъ, что каждый невръ разъ въ году превращается на нѣсколько дней въ волка, передаетъ лишь въ обобщенной формѣ мѣстное суевѣріе, распространенное среди невровъ-же. Распространенность вѣры въ оборотней среди славяно-литовскихъ народностей — общеизвѣстный фактъ. Еслибъ между неврами и скиѳами было что-нибудь общее, кромѣ общихъ основъ земледѣльческаго быта, то оно, конечно, было-бы отмѣчено Геродотомъ. Вѣдь отмѣчаетъ-же онъ IV, 117 сходство языка савроматовъ со скиѳскимъ, хотя сарматы и не входятъ у него въ составъ скиѳскаго народа, ср. IV, 21.

Точно также и характеристика будиновъ 108 s. такова, что не оставляетъ сомнѣнія въ племенномъ отличіи ихъ отъ иранскихъ скиѳовъ и сарматовъ, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о хорошемъ знакомствѣ грековъ съ ихъ страной и бытомъ. У нихъ другой языкъ, чѣмъ у гелоновъ, живущихъ въ ихъ землѣ, 109, а послѣдніе говорятъ то по еллински, то по скиѳски. Къ сожалѣнію, въ этой характеристикѣ неясно одно слово: Βουδῖνοι, говоритъ Геродотъ, φθειροτραγέουσι μοῦνοι τῶν ταύτῃ. Обычный переводъ (ср., напр., Латышева, Извѣстія древн. писат., стр. 42) тотъ, что будины «одни изъ мѣстныхъ племенъ питаются сосновыми шишками». Но значеніе φθείρ — вошь, и какъ ни дика, на первый взглядъ, мысль о томъ, что будины «ѣли вшей», тѣмъ не менѣе она поддерживается, нѣкоторыми данными, приводимыми, между прочимъ, Томашкомъ стр. 25. Своеобразный вкусъ будиновъ могъ и долженъ былъ поразить греческихъ купцовъ,

---

1) Объ андрофагахъ и меланхленахъ Геродотъ знаетъ вообще гораздо меньше, чѣмъ о неврахъ съ одной, будинахъ съ другой стороны

отчасти жившихъ въ ихъ средѣ. Можетъ быть, и меланхлены и андрофаги были φθειροτραγέοντες въ этомъ, именно, смыслѣ; но съ ними греки сходились рѣже, а потому и не могли замѣтить эту мелкую подробность ихъ нравовъ.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, не имѣетъ важнаго значенія для насъ. Гораздо важнѣе — опредѣленіе этнологическаго характера.

Съ перваго же взгляда ясно, что изъ всей цѣпи сѣверныхъ сосѣдей скиѳовъ лишь крайніе западные — невры — и крайніе восточные — будины — сохранили въ изложеніи Геродота свои туземныя названія: это можетъ служить новымъ доказательствомъ лучшаго знакомства грековъ съ ними, чѣмъ съ центральными андрофагами и меланхленами. Вѣроятно, Томашекъ 8 правъ, видя въ Ἀμάδοκοι Лже-Гелланика (Steph. Byz. s. v. p. 36) и Птолемея III, 5, 10 другое названіе андрофаговъ и связывая это имя съ санскр. āmâd «ѣдящій сырое мясо». Суфф. -aka очень употребителенъ въ иранскихъ языкахъ и часто встрѣчается въ собственныхъ именахъ на южно-русскихъ надписяхъ, то въ формѣ -ak-, то въ формѣ -ag-, ср., напр., Σάρακος, Βώρακος, Δάδαγος, Ἄβραγος и т. п. Это не что иное, какъ осетинск. суф. -äg, ср. Вс. Миллеръ 271.

Но принимая это толкованіе, мы получаемъ иранское, т. е. скиѳское имя, не туземное, употребляемое самими андрофагами. Еслибъ послѣднее до насъ дошло, то вопросъ о ихъ принадлежности къ тому или другому племени былъ бы ясенъ самъ по себѣ; при настоящемъ же положеніи дѣла мы должны искать рѣшенія въ другихъ соображеніяхъ.

Что невры — славяне, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Шафарикъ I, 196 ss. первый обосновалъ это мнѣніе научно и вполнѣ убѣдительно. Къ этому позднѣйшіе изслѣдователи (Куно и друг.) добавили кое-какія дополнительныя данныя, и теперь это положеніе можетъ считаться общепринятымъ. Сохраненіе цѣлаго ряда топографическихъ названій въ родѣ Неръ, Нуръ, Нурецъ, Наревъ, Нурьская земля и т. д. въ области Припети и

Нѣмана, т. е. именно въ странѣ геродотовыхъ невровъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ въ его пользу. Не сохранилась-ли память объ этомъ древнемъ этническомъ наименованіи въ «норцахъ» нашей лѣтописи: Норци (al. Норци), еже суть словѣне Лавр. 3.? Единичное употребленіе его внушаетъ намъ нѣкоторое недовѣріе къ обычному отожествленію ихъ съ иллирцами. Провинція Noricum далеко не совпадаетъ съ Иллиріей, да къ тому же въ данномъ мѣстѣ имя норцевъ, несомнѣнно, обозначаетъ славянъ вообще.

Восточныхъ сосѣдей невровъ, андрофаговъ, Мюлленгофъ DA. III, 18 также считаетъ славянами, какъ и меланхленовъ. Съ этимъ мы, однако, согласиться не можемъ: географическая номенклатура областей, лежащихъ на востокъ отъ верхняго и средняго Днѣпра неопровержимо доказываетъ, что первоначальное населеніе было здѣсь не славянское, а финское. Мы вернемся къ этому вопросу ниже, когда поведемъ рѣчь о болѣе точномъ опредѣленіи предѣловъ славянской прародины. Теперь же замѣтимъ только, что въ пользу финскаго происхожденія андрофаговъ говорятъ и другія соображенія. Томашекъ 7 ss. приводитъ рядъ фактовъ лингвистическихъ, этнографическихъ и археологическихъ, которые, независимо отъ данныхъ номенклатуры, не только вполнѣ убѣдительно доказываютъ, что андрофаги — дѣйствительно финны, но даже дѣлаютъ вѣроятнымъ, что ихъ слѣдуетъ считать предками мордвы, сидѣвшей нѣкогда на Деснѣ. Не повторяемъ здѣсь его доказательствъ, такъ какъ его блестящая статья — лучшее, что до сихъ поръ написано о внѣ-скиѳскихъ народахъ Геродота — всѣмъ доступна. Намъ кажется только, что его производство имени мордвы отъ скиѳск. *mareta — χwā «людоѣдъ» (стр. 10) невѣроятно какъ по формѣ, такъ — еще болѣе — по содержанію: по формѣ потому, что оно предполагаетъ звуковые переходы, которые нигдѣ въ дошедшихъ до насъ остаткахъ скиѳо-сарматскаго языка не наблюдаются, а по содержанію едва-ли мыслимо, чтобы мордва, сама называющая себя этимъ именемъ, переняла послѣднее отъ скиѳовъ, да еще съ

такимъ значеніемъ, которое врядъ-ли передавалодѣйствительный фактъ, какъ сознаетъ самъ Томашекъ 9. Я бы скорѣе думалъ о самостоятельномъ возникновеніи этого имени на туземной почвѣ, отъ mord «человѣкъ» (перм. mord, зыр. mort, вот. murt и т. д), при чемъ совершенно безразлично, заимствовано-ли оно изъ иранскаго или нѣтъ. Словообразовательный элементъ -va — очень распространенъ въ финскихъ языкахъ, ср. эст. odaw отъ ода, суом. kor-va отъ kar и друг.

Если андрофаги — финны, то таковыми же должны считаться и меланхлены, непосредственно примыкающіе къ нимъ на востокѣ: тюркскихъ народностей въ это время еще не было по сю сторону Урала и Каспійскаго моря, а принять андрофаговъ за финскую энклаву среди славянъ никто, конечно, не рѣшится. Вотъ почему, въ данномъ случаѣ, отсутствіе ясныхъ доказательствъ не играетъ существенной роли. Провѣрить догадку Томашка 17 s., видящаго въ меланхленахъ предковъ мерянъ и черемисовъ, нельзя потому, что мерянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а языкъ и бытъ черемисовъ подверглись такому сильному тюркскому вліянію, что совершенно потеряли свой первоначальный чисто финскій обликъ. Въ пользу этой догадки говорятъ только общія соображенія и тотъ фактъ, что до прошлаго столѣтія черемисы носили кафтаны исключительно чернаго цвѣта (Томашекъ 18).

Яснѣе будины, по Томашку 19 предки вотяковъ, пермяковъ и зырянъ. Что эти три народности жили нѣкогда гораздо южнѣе и приходили въ частое и непосредственное столкновеніе съ иранцами, доказывается большимъ количествомъ имѣющихся въ ихъ языкѣ иранскихъ заимствованій. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что весь бассейнъ Волги вплоть до степной полосы на югѣ былъ занятъ нѣкогда финнами: не только наше слово Волга финскаго происхожденія (ср. суом. walkia, черем. wol'godo, перм. wol'kyd блестящій, гладкій), но подъ финскимъ же именемъ Ῥᾶς является эта рѣка, какъ извѣстно, у Птолемея, ср. морд. Raw = Волга, rawo вода, море; отсюда *Rawakš

приволжскій житель = Ῥοβοσκοί Птолемея? Наконецъ, единственное дошедшее до насъ будинское географическое названіе Καρίσκος (ἐν τοῖς περὶ τὸν Καρίσκον Βουδινοῖς Aelian. hist. an. XVI, 33 изъ Аристотеля) несомнѣнно финское слово, ср. перм. kar укрѣпленіе, городъ, *karysok маленькая крѣпость. Обо всемъ этомъ см. Томашекъ 20 ss.

Не сохранилось-ли названіе будиновъ въ Udy, Udmurt, имени, которымъ сами называютъ себя вотяки? Ud < wud, ср. черем. wüd, морд. wed, вог. wyt', uti и т. д. «вода».

О финнахъ на Дону мы имѣемъ, можетъ быть, еще одно свидѣтельство, до сихъ поръ незамѣченное. Въ периплѣ, приписываемомъ Скилаку Каріандскому и во всякомъ случаѣ возникшемъ въ IV вѣкѣ и не зависящемъ отъ Геродота (DA. III, 33 s.), мы находимъ въ § 68 народъ сирматовъ: μετὰ δὲ Σκύθας Συρμάται ἔθνος καὶ ποταμὸς Τάναϊς. Они сидятъ на правомъ берегу Дона, т. е. еще въ Европѣ, и *не* совпадаютъ съ сарматами, которые называются тутъ же въ § 70: Ἀπὸ Τανάϊδος δὲ ποταμοῦ ἄρχεται ἡ Ἀσία καὶ πρῶτον ἔθνος αὐτῆς ἐστὶν ἐν τῷ Πόντῳ Σαυρομάται. Эти сирматы повторяются затѣмъ еще одинъ только разъ у Евдокса Книдскаго (IV в. до Р. Хр.), котораго цитируетъ (въ V в. по Р. Хр.?) Стефанъ Византійскій. Правда, послѣдній, какъ и всѣ новѣйшіе ученые, отожествляетъ ихъ съ сарматами: Συρμάται — οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὔδοξος πρώτῳ. Но въ приводимой имъ тутъ же подлинной фразѣ Евдокса этого отожествленія еще нѣтъ: πλησίον τοῦ Τανάϊδος Συρμάτας κατοικεῖν.

Повтореніе одной и той же формы у двухъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга авторовъ исключаетъ мысль объ опискѣ, а приведенныя мѣста перипла IV вѣка до Р. Хр. доказываютъ, что сирматы не совпадаютъ съ савроматами и что ихъ въ то время еще не отожествляли съ послѣдними. Имя савроматовъ, часто встрѣчающееся и какъ личное имя, можно сопоставить съ авест. *saorōmañt «снабженный мечемъ» (Justi 293); отсюда имя *сар*матовъ возникло позже (впервые у Полибія) путемъ сокращенія. Форма-же Συρμάται предполагаетъ основное

sura- и подходящимъ явилось бы только авест. sūra сильный (ср. греч. ἄ-κῡρος); но соединенiе съ нимъ суффикса- mañt- уже по значенiю представляетъ затрудненiе, не говоря уже о томъ, что послѣ основы на -а- слѣдовало бы ожидать -vañt. Скорѣе можно было-бы считать Συρ- за неточную передачу sär- и принять за основу Sairima (ai = ä, ср. Justi 289), которымъ въ Авестѣ обозначаются «страны, лежащiя на западѣ». Такъ, безъ сомнѣнiя, объясняются среднеазiатскiе Syrmatae Плинiя VI, 16, 48, если послѣднiй, не отличающiйся точностью передачи именъ, на этотъ разъ вѣрно передалъ туземное слово: они являются крайнею западною народностью въ длинномъ рядѣ, который тянется отъ низовьевъ Аму-Дарьи въ глубь Бактрiаны. Они ничего общаго съ нашими сирматами, конечно, не имѣютъ, но все-же учатъ насъ, что этническое названiе сирматовъ на иранской почвѣ возможно [1]). Перенося этотъ выводъ на европейскихъ сирматовъ Скилака и Евдокса, мы должны прежде всего замѣтить, что они не могутъ быть скиөскою ордою, такъ какъ оказались бы здѣсь на крайнемъ востокѣ скиөской области. Не могутъ они также совпадать съ сарматами вообще, такъ какъ двойственность наименованiя сама по себѣ невѣроятна. Скорѣе они могли быть передовымъ отрядомъ сарматовъ въ ихъ движенiи на западъ.

Дѣйствительно, во 2-ой половинѣ IV в. скиөы производятъ давленiе на нижнiй Дунай (ср. ниже стр. 89), можетъ быть, подъ напоромъ другихъ ордъ, надвигавшихся съ востока. Но при такомъ объясненiи мы должны примириться съ нѣкоторою натяжкою, такъ какъ наше имя въ значенiи «людей, занявшихъ западныя земли» предполагаетъ скорѣе нѣкоторую давность занятiя этихъ земель, между тѣмъ какъ ясные слѣды сарматовъ по сю сторону Дона появляются лишь со II в. до Р. Хр. (ниже стр. 90). Въ виду всего этого мы возвращаемся къ мнѣнiю первоисточника, перипла IV в., строго отличающаго сирматовъ

1) О суфф. -ta-, осет. -tä, служащемъ къ образованiю множ. числа, см. Вс. Миллеръ 282.

отъ скиѳовъ съ одной, отъ сарматовъ съ другой стороны, и полагаемъ, что сирматы дѣйствительно не имѣли ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими: они составляли крайнюю южную часть финскихъ будиновъ и имя ихъ образовано отъ *sürma суом. sür-jä, морд. šir-ä край, бокъ, (Donner I, 183), откуда Syrialaiset зыряне=украинцы. Суффиксъ -ma, какъ въ финск. sor-ma, вес. sur-ma смерть отъ sur (Donner I, 189) или какъ въ суом. harmā<*harmatā «grau, graues Pferd» отъ sar (Donner I, 191). Окончаніе -ta можетъ быть сарматскаго происхожденія (выше стр. 86) или финскаго, ср. Вс. Миллеръ 283.

Заброшенная ураганомъ великаго переселенія народовъ на крайній сѣверо-востокъ Европы, эта часть будиновъ въ тундрахъ Архангельской губерніи сохранила имя зырянъ, гораздо болѣе подходящее къ ихъ жилищамъ за 500 лѣтъ до Р. Хр., нежели къ ихъ кочевьямъ въ наше время. Что финскіе будины были нѣкогда непосредственными сосѣдями сарматовъ, доказывается осетинскимъ языкомъ, имѣющимъ рядъ словъ, заимствованныхъ изъ финскаго. См. Осет. эт. III, 12.

Изъ остальныхъ народовъ, черезъ области которыхъ пролегалъ путь въ Среднюю Азію, одни только ѳиссагеты относятся еще къ Европѣ. Они живутъ за пустынею, которая тянется на 7 дней пути (=245 верстъ) къ сѣверо-востоку отъ будиновъ, IV, 22. 123, т. е. на средней Камѣ, гдѣ въ названіи Чусовой до сихъ поръ живетъ память о нихъ, какъ догадался уже Шафарикъ и подтвердилъ Томашекъ 34 (*Čussagäthä). Нѣтъ сомнѣнія, что и они финская народность, точно также какъ и ихъ восточные сосѣди іирки IV, 22 въ южной части Тобольской губерніи. Ἰύρκαι стоитъ вм. Ἰύκραι, а это = Jugra, угры, предки мадьяръ (Томашекъ 44).

Тюрки въ эпоху Геродота кочевали еще въ степяхъ за Алтаемъ. Ихъ передовую орду мы узнаемъ въ геродотовыхъ аргиппеяхъ, на южныхъ склонахъ Алтая (ὄρεα ὑψηλά IV, 23. 24). Характеристика ихъ внѣшняго вида и образа жизни IV, 23 не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ лицѣ

аргимпеевъ мы имѣемъ дѣло съ тюркскою народностью, даже еслибъ Геродотъ не сохранилъ намъ слово ἄσχυ, названіе напитка, который аргимпеи готовили изъ плодовъ дерева ποντικόν. Ἄσχυ — древнѣйшее тюркское слово, дошедшее до насъ. Мюлленгоффъ DA. III, 15, слѣдуя Эрману, объясняетъ его указаніемъ на atschi, atschui, встрѣчающееся еще теперь у казанскихъ татаръ въ схожемъ значеніи (ср. тур. aǧy, aču горькій); Томашекъ 60 возстановляетъ *asghu отъ корня as питать + суфф. -ghu, монг. χu. А что касается дерева ποντικόν, то названіе это (скиѳское, отъ panthan, panthi дорога? ср. Παντικάπης) обозначаетъ либо лохвину (Elaeagnus angustifolia, v. Baer), либо черемуху (Prunus padus, Heeren). Ср. Томашекъ 58 ss., Мищенко въ Ж. М. Н. Пр. ч. 308 (декабрь 1896) стр. 116.

Таковы свѣдѣнія, которыя мы могли извлечь для нашихъ цѣлей изъ повѣствованія Геродота. Во всѣхъ важныхъ для насъ пунктахъ его разсказъ оказался вполнѣ надежнымъ и могъ быть провѣренъ данными лингвистическими и этнологическими, лежащими внѣ его научнаго горизонта. Это лишній разъ оправдываетъ наше довѣріе къ нему. Ниже, при опредѣленіи прародины славянъ, мы воспользуемся этимъ результатомъ, который дастъ намъ возможно стьопредѣлить terminus a quo исторіи славянскаго міра.

Но свѣдѣнія Геродота простираются на сѣверъ лишь до верхняго теченія Днѣпра, приблизительно. Между его неврами, андрофагами, меланхленами съ одной, и балтійскимъ побережьемъ съ другой стороны лежитъ еще широкая область, совершенно невѣдомая ему. А priori вѣроятно, что и она также была отчасти заселена славянами.

Изученіе этнографическихъ данныхъ болѣе позднихъ, чѣмъ Геродотъ, дастъ намъ не только возможность провѣрки послѣдняго, но и свѣдѣнія объ этомъ сѣверномъ краѣ. Къ сожалѣнію, исходная хронологическая точка здѣсь иная: извѣстія о побережьяхъ Балтійскаго моря и о смежныхъ областяхъ начинаются, какъ мы уже знаемъ, гораздо позже, т. е. лишь съ I вѣка по Р. Хр. Въ виду этого мы, для установленія хронологической

связи, разсмотримъ теперь-же исторію южно-русскихъ степей, насколько она намъ доступна, отъ Геродота до III в. нашей эры, т. е. до прихода сюда готовъ, въ краткомъ очеркѣ, конечно, отмѣчая лишь тѣ факты, которыя могутъ намъ пригодиться въ позднѣйшихъ частяхъ нашего изслѣдованія.

Обрисованное Геродотомъ положеніе дѣлъ на югѣ Россіи оставалось, повидимому, безъ измѣненія до IV вѣка. Скиѳы успѣли занять устья Дуная и овладѣть Добруджею, получившей отъ этого названіе Малой Скиѳіи, Μικρὰ Σκυθία Strabo VII, 4, 5; 5, 12. Дмитрій изъ Каллатиса (II в. до Р. Хр.) знаетъ скиѳовъ около Діонисополя и Томи, Scymn. 755 s. 764 s. p. 399, ср. D A. III, 36. Когда, именно, они явились сюда, мы не знаемъ: можетъ быть уже въ IV вѣкѣ, когда царь Аѳія (Atheas) перенесъ центръ тяжести своего могущества на нижній Дунай; а можетъ быть и позже, подъ напоромъ сарматскихъ ордъ.

Борьба царя Аѳіи противъ Филиппа Македонскаго, въ 339 г., кончившаяся страшнымъ пораженіемъ скиѳовъ, ср. Iustin. IX, 2, есть послѣднее проявленіе скиѳскаго могущества. Съ этого времени оно стало, повидимому, клониться къ упадку. Извѣстія о внѣшнихъ судьбахъ скиѳовъ становятся все рѣже и рѣже; культурный міръ Греціи теряетъ ихъ совершенно изъ виду; южно-русскія степи вновь становятся такою же невѣдомой страною, какъ до Геродота. А когда черезъ два столѣтія, во II в. до Р. Хр., историческія данныя вновь начинаютъ проливать нѣкоторый свѣтъ на этотъ далекій край, то нашему взору представляется уже совершенно иная этнографическая картина: мѣсто скиѳовъ заняли сарматскія народности, рядомъ съ ними — бастарны; а остатки скиѳскаго населенія сохранились, повидимому, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: мы находимъ ихъ, напр., близь Ольвіи [1]) и на нижнемъ Дунаѣ [2]).

Когда и какъ произошелъ этотъ переворотъ—мы не знаемъ [3]).

---

1) Въ Протогеновомъ псефизмѣ, Inscrpt. orae septentr. Pont. Eux. ed. Latyschew, I Petrop. 1885, № 16 p. 30 ss.

2) Дмитрій изъ Каллатиса, см. выше.

3) Ср. В. Латышевъ, Изслѣдованія стр. 89; Осет. Этюды III, 84 сл.

Въ эпоху Геродота сарматы Σαυρομάται жили на востокъ отъ нижняго Дона IV, 21. 116; они состоятъ въ родствѣ со скиѳами; ихъ языкъ — скиѳскій, хотя они коверкаютъ его IV, 117: φωνῇ δὲ οἱ Σαυρομάται νομίζουσι Σκυθικῇ, σολοικίζοντες αὐτῇ ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου, ἐπεὶ οὐ χρηστῶς ἐξέμαθον αὐτὴν αἱ Ἀμαζόνες. Преданіе о происхожденіи ихъ отъ амазонокъ см. IV, 110 ss.

Только что приведенное нами замѣчаніе Геродота о языкѣ сарматовъ отражаетъ, очевидно, отношеніе къ нему скиѳовъ. Дошедшія до насъ сарматскія слова, къ которымъ относятся между проч. большинство варварскихъ именъ въ ольвійскихъ и танаидскихъ надписяхъ, также какъ и скиѳскія, явно иранскаго происхожденія, см. DA. III, 110 s. и указ. статью Вс. Миллера, а также Justi Iran. Namenb.

Первый хронологически точно опредѣленный признакъ присутствія сарматовъ на западъ отъ Дона даетъ Полибій XXVI, 6, 13, называющій, по поводу одного событія 179 г., Γάταλος ὁ Σαρμάτης какъ государя въ Европѣ: извѣстно, что границу Европы и Азіи составлялъ, по представленію древнихъ, Донъ[1]. Еслибъ мы могли хронологически точно пріурочить упомянутый нами ольвійскій псефизмъ въ честь Протогена, то мы имѣли бы въ немъ интересное указаніе на то, когда сарматскія полчища стояли уже на Бугѣ. Упоминаемые въ этой надписи саи (см. ниже стр. 92) и ихъ царь Сайтаѳарнъ (ср. Justi 279) принадлежатъ, по всей вѣроятности, уже къ сарматамъ; а ѳисаматы и саударатьі, которые, по той же надписи, намѣрены были овладѣть Ольвіей, должны также считаться сарматскими народностями: собственныя личныя имена на — φάρνης и этническія имена на — μάται встрѣчаются, преимущественно, у сарматовъ, ср. DA. III, 38. 111, а саудараты легко объясняются изъ осет. sau черный и daras одежда. Не меланхлены-ли это, увлеченные сарматами?

1) О враждѣ сарматовъ со скиѳами и о побѣдахъ первыхъ говоритъ Diod. Sic. II, 43, 7. Но время, къ которому это извѣстіе относится, остается совершенно неяснымъ. Ср. впрочемъ выше о сарматахъ, стр. 86.

Нѣсколько позже, кажется, появились главныя полчища сарматовъ, язиги и роксоланы. Попытка Мюлленгофа DA. III, 41 опредѣлить появленіе ихъ на Черномъ. морѣ временемъ между 150 и 130 гг., неубѣдительна [1]). Но хронологія этихъ событій не важна для насъ. Достаточно замѣтить, что къ началу христіанской эры переворотъ уже вполнѣ законченъ: на всемъ протяженіи южно-русскихъ степей господствуютъ исключительно сарматы, а отъ скиѳовъ не осталось другаго слѣда, кромѣ ихъ имени, получившаго теперь географическое, собирательное значеніе, удержавшись въ употребленіи въ силу историческихъ и литературныхъ традицій.

Первую діатезу восточной Европы, вполнѣ независимую отъ Геродота и ясно передающую новое положеніе вещей въ припонтійскихъ степяхъ, мы находимъ у Страбона VII, 3, 17: ἡ δὲ ὑπερκειμένη πᾶσα χώρα τοῦ λεχθέντος μεταξὺ Βορυσθένους καὶ Ἴστρου πρώτη μέν ἐστιν ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία. ἔπειτα οἱ Τυρεγέται [2]), μεθ ʼοὕς οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται καὶ οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι καὶ Οὖργοι, τὸ μὲν πλέον νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιμελούμενοι. τούτους φασὶ καὶ παρὰ τὸν Ἴστρον οἰκεῖν, ἐφ' ἑκάτερα πολλάκις... Ῥωξολανοὶ δ᾽ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Τανάϊδος καὶ τοῦ Βορυσθένους νεμόμενοι πεδία... ὑπὲρ δὲ τῶν Ῥωξολανῶν εἴ τινες οἰκοῦσιν, οὐκ ἴσμεν (стр. II, 5, 7).

Въ названіи «гетской степи» отъ устьевъ Дуная до Днѣстра сохранилось воспоминаніе о гетахъ, нѣкогда здѣсь обитавшихъ [3]). Остатки ихъ мы узнаемъ въ бессахъ, біессахъ Птолемея, о которыхъ см. ниже. Тирагеты занимаютъ, очевидно, то же мѣсто, на устьѣ Днѣстра, которое у Геродота IV, 51 занято греческими колонистами тиритами: Ἕλληνες, οἳ Τυρῖται καλέονται. Но съ послѣдними они ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ ихъ знаетъ и Плиній IV, 12, 82 Tyragetae и Птолемей III, 5, 11

---

1) Ср. ibid. 41 not. 2.

2) Codd. Τυρρε-, Τυρα-, Τυριγέται.

3) Краткій очеркъ ихъ исторіи см. у Латышева, Изслѣдованія стр. 72 сл. примѣч. 12.

Τυραγέται (codd. Τυραγγέται, -εῖται, -ίται, Ταραγγεῖται), ср. III, 10, 7; наконецъ, у того же Страбона II, 5, 12. 30; VII, 1, 1; 3, 1, повторяется то же имя. Оно легко объясняется изъ скиѳо-сарматскаго *turagā-thā т. е. жители (береговъ) Тираса. Ср. Θυσσαγέται < Čussagāthā, выше стр. 87. Слѣдуетъ-ли видѣть въ нихъ остатокъ прежняго скиѳскаго населенія или вновь прибывшую сарматскую орду — остается подъ вопросомъ. Послѣднее предположеніе поддерживается Птолемеемъ III, 10, 7: Τυραγέτας Σαρμάτας. Этимъ опровергается догадка Мюлленгоѳа DA. III, 31, по которой ἔθνος Σκυθικὸν Μυργέται Гекатея Милетскаго, [Γυργ]έται Геродіана Steph. Byz. s. v. p. 204 описка вм. Τυργέται. Составная часть mur- повторяется, кажется, въ имени Ольвійскаго стратега Μούρ-δαγ-ος Inscr. Pont. Eux. I № 81.

За тирагетами у Страбона слѣдуютъ сарматы язиги, вѣроятно по Бугу. Принадлежность ихъ къ сарматамъ не подлежитъ сомнѣнію, даже если они не тожественны съ Ἰαξαμάται Дмитрія изъ Каллатиса и Эфора Scymn. 885 ss. p. 410 s., а, можетъ быть, и Гекатея, на востокъ отъ Дона, Steph. Byz. s. v. Ἰξιβάται p. 147: Ἰξ. ἔθνος πρὸς τῷ Πόντῳ προσεχὲς τῇ Ἰνδικῇ. Ἑκαταῖος Ἀσίᾳ [1]). За язигами, очевидно ближе къ Днѣпру, царскіе сарматы. Они — не остатокъ царскихъ скиѳовъ, какъ полагалъ Zeuss 281, такъ какъ ихъ знаетъ и Аппіанъ Mithrid. 69, какъ союзниковъ Митридата, подчеркивая ихъ принадлежность къ сарматамъ: Σαυροματῶν οἵ τε Βασίλειοι καὶ Ἰάζυγες καὶ Κόραλλοι. Не сохранилось-ли въ саяхъ (Σάιοι) Протогеновой надписи сарматское названіе этихъ «царскихъ» сарматовъ? Ср. зенд. χ̌šaya властный человѣкъ, герой, отъ корня χ̌ši, санскр. kši властвовать, откуда дрперс. χ̌šayaϑiya царь и т. д. Правда, иранск. χ̌š передается обыкновенно греческимъ Ξ: Ξέρξης = Xšayāršā и т. под. Но сарматская діалектологія намъ совершенно неизвѣстна; вполнѣ возможно, что переходъ χ̌š > š, общій почти всѣмъ

1) Варіанты и коньектуры см. D A. III, 32 et nota.

иранскимъ нарѣчіямъ, прошелъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ раньше. Иранское-же š должно было дать греч. σ: Σαίτος, Σάηνος = иранск. Šāhēn, Justi 274. Вспомнимъ, кстати, что ольвійцы посылаютъ дары, очевидно Саитафарну, имя котораго едва ли можно отдѣлять отъ саіевъ, εἰς βασίλεια, не τὰ βασίλεια.

Совершенно неясны Οὖργοι. Нельзя, конечно, сопоставлять ихъ съ позднѣйшими уругундами, бурургундами и т. д. Zeuss 280. 695. Слишкомъ смѣло также отожествленіе ихъ имени съ γεωργοί у Геродота, DA. III, 35. Ихъ имя, однако, ясно: оно значитъ «сильные», могучіе», ср. санскр. ugra, зенд. ughra. Перестановка -rg- вм. -gr- какъ въ Ταργίταος Herod. IV, 5, Τιργαταώ Plyaen VIII, 55 вм. tighra-, Ἰύρκαι вм. Ἰύκραι Томашекъ 44 и т. д. Такихъ случаевъ очень много. То-же слово повторяется въ Οὐργβαζος «сильнорукій» въ ольвійской надписи, Латышевъ I, № 59, и въ Μουλίουργος, въ Ольвіи-же.

Наконецъ, самая значительная сарматская народность, повидимому, роксоланы между Днѣпромъ и Дономъ.

Таково расположеніе важнѣйшихъ сарматскихъ народовъ въ Геродотовой Скиѳіи, къ началу христіанскаго лѣтосчисленія.

Но перечисленными у Страбона народностями не исчерпывается, конечно, составъ сарматскаго племени: рядомъ съ ними существовали, безъ сомнѣнія, еще другія мелкія народныя единицы, которыя либо входили въ составъ болѣе значительныхъ народностей язиговъ и т. под., либо были такъ мелки, что не играли никакой видной роли и случайно только попадали въ труды историковъ и географовъ. Ср. слова Плинія VI, 7, 19: Sarmatae... in multa genera divisi. Нѣсколько относящихся сюда именъ мы уже знаемъ. Такъ, кораллы Аппіана (см. выше) примкнули, вѣроятно, къ язигамъ: ихъ (Coralli) знаютъ, обыкновенно рядомъ съ язигами, до передвиженія послѣднихъ на средній Дунай, Овидій e Ponto 4, 2, 37; 8, 83 и Валерій Флаккъ Argon. VI, 89. Сюда же я отношу и страбоновыхъ урговъ, никому, кромѣ Страбона, неизвѣстныхъ. Нѣсколько такихъ именъ скрывается, можетъ быть, въ спискахъ народностей у Плинія VI, 7, 19.

21. 22 и въ Птолемеевой Сарматіи. Ни одна изъ этихъ мелкихъ народностей не играла видной роли; онѣ всѣ исчезаютъ въ общей массѣ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Въ виду этого, отсутствіе болѣе подробныхъ свѣдѣній о нихъ не представляется существеннымъ пробѣломъ въ общей этнологической картинѣ южно-русскихъ степей.

Гораздо болѣе ощутительно для насъ полное незнаніе Страбона относительно сѣверныхъ сосѣдей сарматскихъ кочевниковъ: онъ не знаетъ даже, есть ли люди къ сѣверу отъ роксоланской земли (см. выше стр. 91).

Тамъ, повидимому, все оставалось по старому, а если и произошли перемѣны, то лишь незначительныя, и онѣ не коснулись степнаго пространства, иначе онѣ едва ли остались бы незамѣченными: онѣ отразились бы на припонтійскихъ колоніяхъ и придунайскихъ краяхъ, т. е. двухъ областяхъ, которыя въ это время уже входили въ сферу римскаго вліянія и римскихъ государственныхъ интересовъ. Римская исторіографія начинаетъ всматриваться въ группировку варварскихъ народностей за дунайской пограничной линіей и слѣдить за ихъ движеніями, понявъ если не опасность, то, по крайней мѣрѣ, важность ихъ. Она отмѣчаетъ, поэтому, дальнѣйшія передвиженія въ припонтійскихъ краяхъ довольно точно.

Когда въ концѣ II или началѣ III в. въ южно-русскія степи явились готы, то они уже не застали здѣсь язиговъ: послѣдніе успѣли передвинуться на западъ, на средній Дунай, въ долину Тиссы, ср. Plin. IV, 12, 80. Такъ какъ Овидій въ указанномъ мѣстѣ знаетъ ихъ, подобно Страбону, только на побережьѣ Чернаго моря, тогда какъ по Тациту Annal. XII, 29. 30 они въ 50 году были уже на среднемъ Дунаѣ, то время ихъ передвиженія опредѣляется довольно точно: оно должно относиться ко времени между 20-ми и 40-ми годами по Р. Хр. Птолемей знаетъ двѣ народности этого имени: съ одной стороны на Мэотидѣ III, 5, 7 παρ' ὅλην τὴν πλευρὰν τῆς Μαιώτιδος Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολανοί; а съ другой стороны, между Дунаемъ и Тиссой, III, 7, 1 язи-

говъ переселенцевъ Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται. Тутъ, очевидно, скомпанованы вмѣстѣ данныя двухъ источниковъ, болѣе древняго и новаго. Характерно, что при болѣе подробномъ перечисленіи народностей на Азовскомъ морѣ III, 5, 10, опредѣляя группировку ихъ, онъ уже не называетъ язиговъ, тогда какъ имя роксолановъ повторяется нѣсколько разъ.

Прозвище среднедунайскихъ язиговъ, встрѣчающееся только здѣсь и у Марціана Geogr. min. I, 558, 24 s., заимствовавшаго это имя у Птолемея, придумано ad hoc самимъ Птолемеемъ или Мариномъ.

По уходѣ язиговъ на средній Дунай, роксоланы распространили свою власть дальше на западъ, ближе къ Дунаю же. Къ 70-му году по Р. Хр. относится ихъ нашествіе на Мезію, о которомъ повѣствуетъ Тацитъ Hist. I, 79; на нижнемъ Дунаѣ имѣлъ съ ними дѣло и Адріанъ въ первой половинѣ II вѣка Spartian. Adrian. 6.

По Іордану 12, 74 ихъ земля доходила на западѣ до Дакіи, т. е. до Карпатскихъ горъ. Здѣсь, точнѣе въ Поднѣпровьѣ, знаетъ ихъ Пейтингерова карта, здѣсь же, наконецъ, застали ихъ и готы. За ними, въ придонскихъ и прикаспійскихъ степяхъ кочевали другія иранскія-же орды, ср. Plin. VI, 7, 19 ss., Ptol. III, 5, 10. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, наряду съ аорсами и сираками, аланамъ, о которыхъ впервые упоминаетъ Плиній IV, 12, 80 рядомъ съ роксоланами [1]). Ихъ родина — сѣверный Кавказъ, гдѣ до нашихъ дней сохранились ихъ прямые потомки въ лицѣ нын. осетинъ, ср. уже Zeuss, 701, 703 s. Они принадлежатъ къ той же ирано-персидской этнической группѣ, къ которой мы отнесли скиѳовъ и сарматовъ, являясь, такимъ образомъ, близкими родичами послѣднихъ [2]).

1) Имя алановъ (ср. санскр. araṇa дальній?) очень рано получило собирательное значеніе или имѣло таковое съ самаго начала. Къ нимъ принадлежали, можетъ быть, аорсы (ср. Ἀλανόρσοι Птолемея) и, во всякомъ случаѣ, роксоланы, т. е. свѣтлые аланы (отъ авест. raoχšna, осет. roxс-, см. Вс. Миллеръ 276). Впослѣдствіи ихъ имя получаетъ болѣе узкое значеніе.

2) См. Вс. Миллеръ, указ. статью, и Осетинскіе Этюды III, Москва 1887, стр. 39—101. Томашекъ 37 ss.

такимъ значеніемъ, которое врядъ-ли передавалодѣй ствительный фактъ, какъ сознаетъ самъ Томашекъ 9. Я бы скорѣе думалъ о самостоятельномъ возникновеніи этого имени на туземной почвѣ, отъ mord «человѣкъ» (перм. mord, зыр. mort, вот. murt и т. д), при чемъ совершенно безразлично, заимствовано-ли оно изъ иранскаго или нѣтъ. Словообразовательный элементъ -va — очень распространенъ въ финскихъ языкахъ, ср. эст. odaw отъ ода, суом. kor-va отъ kar и друг.

Если андрофаги — финны, то таковыми же должны считаться и меланхлены, непосредственно примыкающіе къ нимъ на востокѣ: тюркскихъ народностей въ это время еще не было по сю сторону Урала и Каспійскаго моря, а принять андрофаговъ за финскую энклаву среди славянъ никто, конечно, не рѣшится. Вотъ почему, въ данномъ случаѣ, отсутствіе ясныхъ доказательствъ не играетъ существенной роли. Провѣрить догадку Томашка 17 s., видящаго въ меланхленахъ предковъ мерянъ и черемисовъ, нельзя потому, что мерянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а языкъ и бытъ черемисовъ подверглись такому сильному тюркскому вліянію, что совершенно потеряли свой первоначальный чисто финскій обликъ. Въ пользу этой догадки говорятъ только общія соображенія и тотъ фактъ, что до прошлаго столѣтія черемисы носили кафтаны исключительно чернаго цвѣта (Томашекъ 18).

Яснѣе будины, по Томашку 19 предки вотяковъ, пермяковъ и зырянъ. Что эти три народности жили нѣкогда гораздо южнѣе и приходили въ частое и непосредственное столкновеніе съ иранцами, доказывается большимъ количествомъ имѣющихся въ ихъ языкѣ иранскихъ заимствованій. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что весь бассейнъ Волги вплоть до степной полосы на югѣ былъ занятъ нѣкогда финнами: не только наше слово Волга финскаго происхожденія (ср. суом. walkia, черем. wol'godo, перм. wol'kyd блестящій, гладкій), но подъ финскимъ же именемъ Ῥᾶς является эта рѣка, какъ извѣстно, у Птолемея, ср. морд. Raw = Волга, rawo вода, море; отсюда *Rawakš

приволжскій житель = Ῥοβοσκοί Птолемея? Наконецъ, единственное дошедшее до насъ будинское географическое названіе Καρίσκος (ἐν τοῖς περὶ τὸν Καρίσκον Βουδινοῖς Aelian. hist. an. XVI, 33 изъ Аристотеля) несомнѣнно финское слово, ср. перм. kar укрѣпленіе, городъ, *karysok маленькая крѣпость. Обо всемъ этомъ см. Томашекъ 20 ss.

Не сохранилось-ли названіе будиновъ въ Udy, Udmurt, имени, которымъ сами называютъ себя вотяки? Ud < wud, ср. черем. wüd, морд. wed, вог. wyt', uti и т. д. «вода».

О финнахъ на Дону мы имѣемъ, можетъ быть, еще одно свидѣтельство, до сихъ поръ незамѣченное. Въ периплѣ, приписываемомъ Скилаку Каріандскому и во всякомъ случаѣ возникшемъ въ IV вѣкѣ и не зависящемъ отъ Геродота (DA. III, 33 s.), мы находимъ въ § 68 народъ сирматовъ: μετὰ δὲ Σκύθας Συρμάται ἔθνος καὶ ποταμὸς Τάναϊς. Они сидятъ на правомъ берегу Дона, т. е. еще въ Европѣ, и *не* совпадаютъ съ сарматами, которые называются тутъ же въ § 70: Ἀπὸ Τανάϊδος δὲ ποταμοῦ ἄρχεται ἡ Ἀσία καὶ πρῶτον ἔθνος αὐτῆς ἐστὶν ἐν τῷ Πόντῳ Σαυρομάται. Эти сирматы повторяются затѣмъ еще одинъ только разъ у Евдокса Книдскаго (IV в. до Р. Хр.), котораго цитируетъ (въ V в. по Р. Хр.?) Стефанъ Византійскій. Правда, послѣдній, какъ и всѣ новѣйшіе ученые, отожествляетъ ихъ съ сарматами: Συρμάται — οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὔδοξος πρώτῳ. Но въ приводимой имъ тутъ же подлинной фразѣ Евдокса этого отожествленія еще нѣтъ: πλησίον τοῦ Τανάϊδος Συρμάτας κατοικεῖν.

Повтореніе одной и той же формы у двухъ различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга авторовъ исключаетъ мысль объ опискѣ, а приведенныя мѣста перипла IV вѣка до Р. Хр. доказываютъ, что сирматы не совпадаютъ съ савроматами и что ихъ въ то время еще не отожествляли съ послѣдними. Имя савроматовъ, часто встрѣчающееся и какъ личное имя, можно сопоставить съ авест. *saorōmant «снабженный мечемъ» (Justi 293); отсюда имя *сар*матовъ возникло позже (впервые у Полибія) путемъ сокращенія. Форма-же Συρμάται предполагаетъ основное

sura- и подходящимъ явилось бы только авест. sūra сильный (ср. греч. ἄ-κῦρος); но соединеніе съ нимъ суффикса- mant- уже по значенію представляетъ затрудненіе, не говоря уже о томъ, что послѣ основы на -a- слѣдовало бы ожидать -vant. Скорѣе можно было-бы считать Συρ- за неточную передачу sār- и принять за основу Sairima (ai = ā, ср. Justi 289), которымъ въ Авестѣ обозначаются «страны, лежащія на западѣ». Такъ, безъ сомнѣнія, объясняются среднеазіатскіе Syrmatae Плинія VI, 16, 48, если послѣдній, не отличающійся точностью передачи именъ, на этотъ разъ вѣрно передалъ туземное слово: они являются крайнею западною народностью въ длинномъ рядѣ, который тянется отъ низовьевъ Аму-Дарьи въ глубь Бактріаны. Они ничего общаго съ нашими сирматами, конечно, не имѣютъ, но все-же учатъ насъ, что этническое названіе сирматовъ на иранской почвѣ возможно [1]). Перенося этотъ выводъ на европейскихъ сирматовъ Скилака и Евдокса, мы должны прежде всего замѣтить, что они не могутъ быть скиѳскою ордою, такъ какъ оказались бы здѣсь на крайнемъ востокѣ скиѳской области. Не могутъ они также совпадать съ сарматами вообще, такъ какъ двойственность наименованія сама по себѣ невѣроятна. Скорѣе они могли быть передовымъ отрядомъ сарматовъ въ ихъ движеніи на западъ.

Дѣйствительно, во 2-ой половинѣ IV в. скиѳы производятъ давленіе на нижній Дунай (ср. ниже стр. 89), можетъ быть, подъ напоромъ другихъ ордъ, надвигавшихся съ востока. Но при такомъ объясненіи мы должны примириться съ нѣкоторою натяжкою, такъ какъ наше имя въ значеніи «людей, занявшихъ западныя земли» предполагаетъ скорѣе нѣкоторую давность занятія этихъ земель, между тѣмъ какъ ясные слѣды сарматовъ по сю сторону Дона появляются лишь со II в. до Р. Хр. (ниже стр. 90). Въ виду всего этого мы возвращаемся къ мнѣнію первоисточника, перипла IV в., строго отличающаго сирматовъ

---

1) О суфф. -ta-, осет. -tā, служащемъ къ образованію множ. числа, см. Вс. Миллеръ 282.

отъ скиѳовъ съ одной, отъ сарматовъ съ другой стороны, и полагаемъ, что сирматы дѣйствительно не имѣли ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими: они составляли крайнюю южную часть финскихъ будиновъ и имя ихъ образовано отъ *sürma суом. sür-jä, морд. šir-ä край, бокъ, (Donner I, 183), откуда Syrjalaiset зыряне=украинцы. Суффиксъ -ma, какъ въ финск. sor-ma, вес. sur-ma смерть отъ sur (Donner I, 189) или какъ въ суом. harmä<*harmatä «grau, graues Pferd» отъ sar (Donner I, 191). Окончаніе -ta можетъ быть сарматскаго происхожденія (выше стр. 86) или финскаго, ср. Вс. Миллеръ 283.

Заброшенная ураганомъ великаго переселенія народовъ на крайній сѣверо-востокъ Европы, эта часть будиновъ въ тундрахъ Архангельской губерніи сохранила имя зырянъ, гораздо болѣе подходящее къ ихъ жилищамъ за 500 лѣтъ до Р. Хр., нежели къ ихъ кочевьямъ въ наше время. Что финскіе будины были нѣкогда непосредственными сосѣдями сарматовъ, доказывается осетинскимъ языкомъ, имѣющимъ рядъ словъ, заимствованныхъ изъ финскаго. См. Осет. эт. III, 12.

Изъ остальныхъ народовъ, черезъ области которыхъ пролегалъ путь въ Среднюю Азію, одни только ѳиссагеты относятся еще къ Европѣ. Они живутъ за пустынею, которая тянется на 7 дней пути (=245 верстъ) къ сѣверо-востоку отъ будиновъ, IV, 22. 123, т. е. на средней Камѣ, гдѣ въ названіи Чусовой до сихъ поръ живетъ память о нихъ, какъ догадался уже Шафарикъ и подтвердилъ Томашекъ 34 (*Čussagäthä). Нѣтъ сомнѣнія, что и они финская народность, точно также какъ и ихъ восточные сосѣди іирки IV, 22 въ южной части Тобольской губерніи. Ἰύρκαι стоитъ вм. Ἰύκραι, а это = Jugra, угры, предки мадьяръ (Томашекъ 44).

Тюрки въ эпоху Геродота кочевали еще въ степяхъ за Алтаемъ. Ихъ передовую орду мы узнаемъ въ геродотовыхъ аргимпеяхъ, на южныхъ склонахъ Алтая (ὄρεα ὑψηλά IV, 23. 24). Характеристика ихъ внѣшняго вида и образа жизни IV, 23 не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ лицѣ

аргиппеевъ мы имѣемъ дѣло съ тюркскою народностью, даже если бы Геродотъ не сохранилъ намъ слово ἄσχυ, названіе напитка, который аргиппеи готовили изъ плодовъ дерева ποντικόν. Ἄσχυ — древнѣйшее тюркское слово, дошедшее до насъ. Мюлленгофъ DA. III. 15, слѣдуя Эрману, объясняетъ его указаніемъ на aschi, aschti, встрѣчающееся еще теперь у казанскихъ татаръ въ схожемъ значеніи (ср. тур. ačy, ačy горькій); Томашекъ 60) возстановляетъ *asghu отъ корня as питать + суфф. -ghu, монг. γu. А что касается дерева ποντικόν, то названіе это (скиѳское, отъ panthan, panthi дорога? ср. Παντικάπης) обозначаетъ либо лохвину (Elaeagnus angustifolia, v. Baer), либо черемуху (Prunus padus, Heeren). Ср. Томашекъ 58 ss., Мищенко въ Ж. М. Н. Пр. ч. 308 (декабрь 1896) стр. 116.

Таковы свѣдѣнія, которыя мы могли извлечь для нашихъ цѣлей изъ повѣствованія Геродота. Во всѣхъ важныхъ для насъ пунктахъ его разсказъ оказался вполнѣ надежнымъ и могъ быть провѣренъ данными лингвистическими и этнологическими, лежащими внѣ его научнаго горизонта. Это лишній разъ оправдываетъ наше довѣріе къ нему. Ниже, при опредѣленіи прародины славянъ, мы воспользуемся этимъ результатомъ, который дастъ намъ возможно стьопредѣлить terminus a quo исторіи славянскаго міра.

Но свѣдѣнія Геродота простираются на сѣверъ лишь до верхняго теченія Днѣпра, приблизительно. Между его неврами, андрофагами, меланхленами съ одной, и балтійскимъ побережьемъ съ другой стороны лежитъ еще широкая область, совершенно невѣдомая ему. A priori вѣроятно, что и она также была отчасти заселена славянами.

Изученіе этнографическихъ данныхъ болѣе позднихъ, чѣмъ Геродотъ, дастъ намъ не только возможность провѣрки послѣдняго, но и свѣдѣнія объ этомъ сѣверномъ краѣ. Къ сожалѣнію, исходная хронологическая точка здѣсь иная: извѣстія о побережьяхъ Балтійскаго моря и о смежныхъ областяхъ начинаются, какъ мы уже знаемъ, гораздо позже, т. е. лишь съ I вѣка по Р. Хр. Въ виду этого мы, для установленія хронологической

связи, разсмотримъ теперь-же исторію южно-русскихъ степей, насколько она намъ доступна, отъ Геродота до III в. нашей эры, т. е. до прихода сюда готовъ, въ краткомъ очеркѣ, конечно, отмѣчая лишь тѣ факты, которые могутъ намъ пригодиться въ позднѣйшихъ частяхъ нашего изслѣдованія.

Обрисованное Геродотомъ положеніе дѣлъ на югѣ Россіи оставалось, повидимому, безъ измѣненія до IV вѣка. Скиѳы успѣли занять устья Дуная и овладѣть Добруджею, получившей отъ этого названіе Малой Скиѳіи, Μικρὰ Σκυθία Strabo VII, 4, 5; 5, 12. Дмитрій изъ Каллатиса (II в. до Р. Хр.) знаетъ скиѳовъ около Діонисополя и Томи, Scymn. 755 s. 764 s. p. 399, ср. D A. III, 36. Когда, именно, они явились сюда, мы не знаемъ: можетъ быть уже въ IV вѣкѣ, когда царь Аѳія (Atheas) перенесъ центръ тяжести своего могущества на нижній Дунай; а можетъ быть и позже, подъ напоромъ сарматскихъ ордъ.

Борьба царя Аѳіи противъ Филиппа Македонскаго, въ 339 г., кончившаяся страшнымъ пораженіемъ скиѳовъ, ср. Iustin. IX, 2, есть послѣднее проявленіе скиѳскаго могущества. Съ этого времени оно стало, повидимому, клониться къ упадку. Извѣстія о внѣшнихъ судьбахъ скиѳовъ становятся все рѣже и рѣже; культурный міръ Греціи теряетъ ихъ совершенно изъ виду; южно-русскія степи вновь становятся такою же невѣдомой страною, какъ до Геродота. А когда черезъ два столѣтія, во II в. до Р. Хр., историческія данныя вновь начинаютъ проливать нѣкоторый свѣтъ на этотъ далекій край, то нашему взору представляется уже совершенно иная этнографическая картина: мѣсто скиѳовъ заняли сарматскія народности, рядомъ съ ними — бастарны; а остатки скиѳскаго населенія сохранились, повидимому, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: мы находимъ ихъ, напр., близъ Ольвіи [1]) и на нижнемъ Дунаѣ [2]).

Когда и какъ произошелъ этотъ переворотъ—мы не знаемъ [3]).

---

1) Въ Протогеновомъ псефизмѣ, Inscrpt. orae septentr. Pont. Eux. ed. Latyschew, I Petrop. 1885, № 16 p. 30 ss.

2) Дмитрій изъ Каллатиса, см. выше.

3) Ср. В. Латышевъ, Изслѣдованія стр. 89; Осет. Этюды III, 84 сл.

Въ эпоху Геродота сарматы (Σαυρομάται) жили на востокъ отъ нижняго Дона IV, 21. 116; они состоятъ въ родствѣ со скиѳами; ихъ языкъ — скиѳскій, хотя они коверкаютъ его IV, 117: φωνῇ δὲ οἱ Σαυρομάται νομίζουσι Σκυθικῇ, σολοικίζοντες αὐτῇ ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου, ἐπεὶ οὐ χρηστῶς ἐξέμαθον αὐτὴν αἱ Ἀμαζόνες. Преданіе о происхожденіи ихъ отъ амазонокъ см. IV, 110 ss.

Только что приведенное нами замѣчаніе Геродота о языкѣ сарматовъ отражаетъ, очевидно, отношеніе къ нему скиѳовъ. Дошедшія до насъ сарматскія слова, къ которымъ относится между проч. большинство варварскихъ именъ въ ольвійскихъ и танаидскихъ надписяхъ, также какъ и скиѳскія, явно иранскаго происхожденія, см. DA. III, 110 s. и указ. статью Вс. Миллера, а также Justi Iran. Namenb.

Первый хронологически точно опредѣлимый признакъ присутствія сарматовъ на западъ отъ Дона даетъ Поливій XXVI, 6, 13, называющій, по поводу одного событія 179 г., Γάταλος ὁ Σαρμάτης, какъ государя въ Европѣ: извѣстно, что границу Европы и Азіи составлялъ, по представленію древнихъ, Донъ[1]). Еслибъ мы могли хронологически точно пріурочить упомянутый нами ольвійскій псефизмъ въ честь Протогена, то мы имѣли бы въ немъ интересное указаніе на то, когда сарматскія полчища стояли уже на Бугѣ. Упоминаемые въ этой надписи саи (см. ниже стр. 92) и ихъ царь Саитафарнъ (ср. Justi 279) принадлежатъ, по всей вѣроятности, уже къ сарматамъ; а ѳизаматы и саудараты, которые, по той же надписи, намѣрены были овладѣть Ольвіей, должны также считаться сарматскими народностями: собственныя личныя имена на — φάρνης и этническія имена на — μάται встрѣчаются, преимущественно, у сарматовъ, ср. DA. III, 38. 111, а саудараты легко объясняются изъ осет. sau черный и daras одежда. Не меланхлены-ли это, увлеченные сарматами?

---

1) О враждѣ сарматовъ со скиѳами и о побѣдахъ первыхъ говоритъ Diod. Sic. II, 43, 7. Но время, къ которому это извѣстіе относится, остается совершенно неяснымъ. Ср. впрочемъ выше о сарматахъ, стр. 86.

Нѣсколько позже, кажется, появились главныя полчища сарматовъ, языги и роксоланы. Попытка Мюлленгофа DA. III, 41 опредѣлить появленіе ихъ на Черномъ. морѣ временемъ между 150 и 130 гг., неубѣдительна [1]). Но хронологія этихъ событій не важна для насъ. Достаточно замѣтить, что къ началу христіанской эры переворотъ уже вполнѣ законченъ: на всемъ протяженіи южно-русскихъ степей господствуютъ исключительно сарматы, а отъ скиѳовъ не осталось другаго слѣда, кромѣ ихъ имени, получившаго теперь географическое, собирательное значеніе, удержавшись въ употребленіи въ силу историческихъ и литературныхъ традицій.

Первую діатезу восточной Европы, вполнѣ независимую отъ Геродота и ясно передающую новое положеніе вещей въ припонтійскихъ степяхъ, мы находимъ у Страбона VII, 3, 17: ἡ δὲ ὑπερκειμένη πᾶσα χώρα τοῦ λεχθέντος μεταξὺ Βορυσθένους καὶ Ἴστρου πρώτη μέν ἐστιν ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία. ἔπειτα οἱ Τυρεγέται [2]), μεθ 'οὕς οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται καὶ οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι καὶ Οὗργοι, τὸ μὲν πλέον νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιμελούμενοι. τούτους φασὶ καὶ παρὰ τὸν Ἴστρον οἰκεῖν, ἐφ' ἑκάτερα πολλάκις... Ῥωξολανοὶ δ' ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Τανάιδος καὶ τοῦ Βορυσθένους νεμόμενοι πεδία... ὑπὲρ δὲ τῶν Ῥωξολανῶν εἴ τινες οἰκοῦσιν, οὐκ ἴσμεν (стр. II, 5, 7).

Въ названіи «гетской степи» отъ устьевъ Дуная до Днѣстра сохранилось воспоминаніе о гетахъ, нѣкогда здѣсь обитавшихъ [3]). Остатки ихъ мы узнаемъ въ бессахъ, біессахъ Птолемея, о которыхъ см. ниже. Тирагеты занимаютъ, очевидно, то же мѣсто, на устьѣ Днѣстра, которое у Геродота IV, 51 занято греческими колонистами тиритами: Ἕλληνες, οἳ Τυρῖται καλέονται. Но съ послѣдними они ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ ихъ знаетъ и Плиній IV, 12, 82 Tyragetae и Птолемей III, 5, 11

1) Ср. ibid. 41 not. 2.

2) Codd. Τυρρε-, Τυρα-, Τυριγέται.

3) Краткій очеркъ ихъ исторіи см. у Латышева, Изслѣдованія стр. 72 сл. примѣч. 12.

Τυραγέται (codd. Τυραγγέται, -εῖται, -ῖται, Ταραγγεῖται), ср. III, 10, 7; наконецъ, у того же Страбона II, 5, 12. 30; VII, 1, 1; 3, 1, повторяется то же имя. Оно легко объясняется изъ скиѳо-сарматскаго *turagä-thä т. е. жители (береговъ) Тираса. Ср. Θυσσαγέται < Čussagäthä, выше стр. 87. Слѣдуетъ-ли видѣть въ нихъ остатокъ прежняго скиѳскаго населенія или вновь прибывшую сарматскую орду — остается подъ вопросомъ. Послѣднее предположеніе поддерживается Птолемеемъ III, 10, 7: Τυραγέτας Σαρμάτας. Этимъ опровергается догадка Мюлленгоффа DA. III, 31, по которой ἔθνος Σκυθικὸν Μυργέται Гекатея Милетскаго, [Γυργ]έται Геродіана Steph. Byz. s. v. p. 204 описка вм. Τυργέται. Составная часть mur- повторяется, кажется, въ имени Ольвійскаго стратега Μούρ-δαγ-ος Inscr. Pont. Eux. I № 81.

За тирагетами у Страбона слѣдуютъ сарматы язиги, вѣроятно по Бугу. Принадлежность ихъ къ сарматамъ не подлежитъ сомнѣнію, даже если они не тожественны съ Ἰαξαμάται Дмитрія изъ Каллатиса и Эфора Scymn. 885 ss. p. 410 s., а, можетъ быть, и Гекатея, на востокъ отъ Дона, Steph. Byz. s. v. Ἰξιβάται p. 147: Ἰξ. ἔθνος πρὸς τῷ Πόντῳ προσεχὲς τῇ Ἰνδικῇ. Ἑκαταῖος Ἀσίᾳ [1]). За язигами, очевидно ближе къ Днѣпру, царскіе сарматы. Они — не остатокъ царскихъ скиѳовъ, какъ полагалъ Zeuss 281, такъ какъ ихъ знаетъ и Аппіанъ Mithrid. 69, какъ союзниковъ Митридата, подчеркивая ихъ принадлежность къ сарматамъ: Σαυροματῶν οἵ τε Βασίλειοι καὶ Ἰάζυγες καὶ Κόραλλοι. Не сохранилось-ли въ саяхъ (Σάιοι) Протогеновой надписи сарматское названіе этихъ «царскихъ» сарматовъ? Ср. зенд. χšaya властный человѣкъ, герой, отъ корня χši, санскр. kši властвовать, откуда дрперс. χšayaϑiya царь и т. д. Правда, иранск. χš передается обыкновенно греческимъ Ξ: Ξέρξης = Xšayāršā и т. под. Но сарматская діалектологія намъ совершенно неизвѣстна; вполнѣ возможно, что переходъ χš > š, общій почти всѣмъ

1) Варіанты и коньектуры см. D A. III, 32 et nota.

иранскимъ нарѣчіямъ, прошелъ въ нѣкоторыхъ діалектахъ раньше. Иранское-же š должно было дать греч. σ: Σαίτος, Σάηνος = иранск. Šāhēn, Justi 274. Вспомнимъ, кстати, что ольвійцы посылаютъ дары, очевидно Саитафарну, имя котораго едва ли можно отдѣлять отъ саіевъ, εἰς βασίλεια, не τὰ βασίλεια.

Совершенно неясны Οὖργοι. Нельзя, конечно, сопоставлять ихъ съ позднѣйшими уругундами, бургундами и т. д. Zeuss 280. 695. Слишкомъ смѣло также отожествленіе ихъ имени съ γεωργοί у Геродота, DA. III, 35. Ихъ имя, однако, ясно: оно значитъ «сильные», могучіе», ср. санскр. ugra, зенд. ughra. Перестановка -rg- вм. -gr- какъ въ Ταργίταος Herod. IV, 5, Τιργαταώ Plyaen VIII, 55 вм. tighra-, Ιύρκαι вм. Ἰύκραι Томашекъ 44 и т. д. Такихъ случаевъ очень много. То-же слово повторяется въ Οὐργβαζος «сильнорукій» въ ольвійской надписи, Латышевъ I, № 59, и въ Μουλίουργος, въ Ольвіи-же.

Наконецъ, самая значительная сарматская народность, повидимому, роксоланы между Днѣпромъ и Дономъ.

Таково расположеніе важнѣйшихъ сарматскихъ народовъ въ Геродотовой Скиѳіи, къ началу христіанскаго лѣтосчисленія.

Но перечисленными у Страбона народностями не исчерпывается, конечно, составъ сарматскаго племени: рядомъ съ ними существовали, безъ сомнѣнія, еще другія мелкія народныя единицы, которыя либо входили въ составъ болѣе значительныхъ народностей язиговъ и т. под., либо были такъ мелки, что не играли никакой видной роли и случайно только попадали въ труды историковъ и географовъ. Ср. слова Плинія VI, 7, 19: Sarmatae... in multa genera divisi. Нѣсколько относящихся сюда именъ мы уже знаемъ. Такъ, кораллы Аппіана (см. выше) примкнули, вѣроятно, къ язигамъ: ихъ (Coralli) знаютъ, обыкновенно рядомъ съ язигами, до передвиженія послѣднихъ на средній Дунай, Овидій e Ponto 4, 2, 37; 8, 83 и Валерій Флаккъ Argon. VI, 89. Сюда же я отношу и страбоновыхъ урговъ, никому, кромѣ Страбона, неизвѣстныхъ. Нѣсколько такихъ именъ скрывается, можетъ быть, въ спискахъ народностей у Плинія VI, 7, 19.

21. 22 и въ Птолемеевой Сарматіи. Ни одна изъ этихъ мелкихъ народностей не играла видной роли; онѣ всѣ исчезаютъ въ общей массѣ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Въ виду этого, отсутствіе болѣе подробныхъ свѣдѣній о нихъ не представляется существеннымъ пробѣломъ въ общей этнологической картинѣ южно-русскихъ степей.

Гораздо болѣе ощутительно для насъ полное незнаніе Страбона относительно сѣверныхъ сосѣдей сарматскихъ кочевниковъ: онъ не знаетъ даже, есть ли люди къ сѣверу отъ роксоланской земли (см. выше стр. 91).

Тамъ, повидимому, все оставалось по старому, а если и произошли перемѣны, то лишь незначительныя, и онѣ не коснулись степнаго пространства, иначе онѣ едва ли остались бы незамѣченными: онѣ отразились бы на припонтійскихъ колоніяхъ и придунайскихъ краяхъ, т. е. двухъ областяхъ, которыя въ это время уже входили въ сферу римскаго вліянія и римскихъ государственныхъ интересовъ. Римская исторіографія начинаетъ всматриваться въ группировку варварскихъ народностей за дунайской пограничной линіей и слѣдить за ихъ движеніями, понявъ если не опасность, то, по крайней мѣрѣ, важность ихъ. Она отмѣчаетъ, поэтому, дальнѣйшія передвиженія въ припонтійскихъ краяхъ довольно точно.

Когда въ концѣ II или началѣ III в. въ южно-русскія степи явились готы, то они уже не застали здѣсь язиговъ: послѣдніе успѣли передвинуться на западъ, на средній Дунай, въ долину Тиссы, ср. Plin. IV, 12, 80. Такъ какъ Овидій въ указанномъ мѣстѣ знаетъ ихъ, подобно Страбону, только на побережьѣ Чернаго моря, тогда какъ по Тациту Annal. XII, 29. 30 они въ 50 году были уже на среднемъ Дунаѣ, то время ихъ передвиженія опредѣляется довольно точно: оно должно относиться ко времени между 20-ми и 40-ми годами по Р. Хр. Птолемей знаетъ двѣ народности этого имени: съ одной стороны на Мэотидѣ III, 5, 7 παρ' ὅλην τὴν πλευρὰν τῆς Μαιώτιδος Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολανοί; а съ другой стороны, между Дунаемъ и Тиссой, III, 7, 1 язи-

говъ переселенцевъ Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται. Тутъ, очевидно, скомпанованы вмѣстѣ данныя двухъ источниковъ, болѣе древняго и новаго. Характерно, что при болѣе подробномъ перечисленіи народностей на Азовскомъ морѣ III, 5, 10, опредѣляя группировку ихъ, онъ уже не называетъ языговъ, тогда какъ имя роксолановъ повторяется нѣсколько разъ.

Прозвище среднедунайскихъ языговъ, встрѣчающееся только здѣсь и у Марціана Geogr. min. I, 558, 24 s., заимствовавшаго это имя у Птолемея, придумано ad hoc самимъ Птолемеемъ или Мариномъ.

По уходѣ языговъ на средній Дунай, роксоланы распространили свою власть дальше на западъ, ближе къ Дунаю же. Къ 70-му году по Р. Хр. относится ихъ нашествіе на Мезію, о которомъ повѣствуетъ Тацитъ Hist. I, 79; на нижнемъ Дунаѣ имѣлъ съ ними дѣло и Адріанъ въ первой половинѣ II вѣка Spartian. Adrian. 6.

По Іордану 12, 74 ихъ земля доходила на западѣ до Дакіи, т. е. до Карпатскихъ горъ. Здѣсь, точнѣе въ Поднѣпровьѣ, знаетъ ихъ Пейтингерова карта, здѣсь же, наконецъ, застали ихъ и готы. За ними, въ придонскихъ и прикаспійскихъ степяхъ кочевали другія иранскія-же орды, ср. Plin. VI, 7, 19 ss., Ptol. III, 5, 10. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, наряду съ аорсами и сираками, аланамъ, о которыхъ впервые упоминаетъ Плиній IV, 12, 80 рядомъ съ роксоланами [1]). Ихъ родина — сѣверный Кавказъ, гдѣ до нашихъ дней сохранились ихъ прямые потомки въ лицѣ нын. осетинъ, ср. уже Zeuss, 701, 703 s. Они принадлежатъ къ той же ирано-персидской этнической группѣ, къ которой мы отнесли скиѳовъ и сарматовъ, являясь, такимъ образомъ, близкими родичами послѣднихъ [2]).

1) Имя алановъ (ср. санскр. araṇa дальній?) очень рано получило собирательное значеніе или имѣло таковое съ самаго начала. Къ нимъ принадлежали, можетъ быть, аорсы (ср. Ἀλανόρσοι Птолемея) и, во всякомъ случаѣ, роксоланы, т. е. свѣтлые аланы (отъ авест. raoχšna, осет. roxс-, см. Вс. Миллеръ 276). Впослѣдствіи ихъ имя получаетъ болѣе узкое значеніе.

2) См. Вс. Миллеръ, указ. статью, и Осетинскіе Этюды III, Москва 1887, стр. 89—101. Томашекъ 37 ss.

Сильный толчокъ, перебросившій сарматовъ черезъ Донъ, коснулся и алановъ: они заняли теперь прежнія сарматскія кочевья до Дона. За эту рѣку аланы въ узкомъ смыслѣ, кажется, пока не заходили. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ ясныхъ слѣдовъ ихъ присутствія на правомъ берегу Дона, если не считать роксолановъ, занимающихъ болѣе самостоятельное положеніе. Всю область между Дономъ и Днѣпромъ занимали мелкія сарматскія народности, подчиненныя сперва, вѣроятно, роксоланамъ, а впослѣдствіи готамъ. Ихъ застали здѣсь и гунны, когда они около 375 года явились въ низовья Днѣпра.

Съ III вѣка по Р. Хр. аланы оказались близкими сосѣдями готовъ и другихъ германцевъ, и такъ сжились съ ними[1]), что не отстали отъ нихъ и впослѣдствіи: значительные отряды ихъ принимаютъ участіе въ великомъ переселеніи народовъ. Мы находимъ ихъ въ обществѣ скировъ, бургундовъ, готовъ, въ особенности же вандаловъ, вмѣстѣ съ которыми они дошли до Африки. Вандальскіе короли именуютъ себя (съ 418 года?) оффиціально «королями вандаловъ и *алановъ*».

Все это дало, какъ извѣстно, поводъ къ мнѣнію, будто эти аланы — германская народность[2]).

Основанное только на внѣшнемъ сходствѣ историческихъ судебъ, мнѣніе это опровергается не только языкомъ нашихъ осетинъ и многочисленными, *вѣроятно*, аланскими именами въ надписяхъ, но и тѣмъ фактомъ, что изъ девяти дошедшихъ до насъ древнихъ, несомнѣнно аланскихъ собственныхъ именъ на западѣ только одно имя можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія гер-

1) Очень вѣроятно, что эти аланы были осѣдлымъ, земледѣльческимъ, не кочевымъ народомъ: ср. слова Страбона, что часть сарматовъ занималась земледѣліемъ, выше стр. 91 и XI, 2, 1: οἱ μὲν νομάδες, οἱ δὲ καὶ σκηνῖται καὶ γεωργοί. Тамъ-же § 4: Μαιῶται γεωργοι. Ср. Eustath. ad Dionys. 163. 549.

2) Библіографическія указанія см. у F. Dahn, die Könige der Germanen. Band I, München 1861, p. 261 not. Уже Прокопій bell. Goth. I, 1; bell. Vand. I, 3 причисляетъ ихъ къ «готскимъ» народамъ (γοτθικὰ ἔθνη). K. Meyer. Die noch lebenden keltischen Völkerschaften 1863 считаетъ ихъ даже кельтами. Ср. Pallmann II, 121 not. Краткую исторію алановъ съ нѣкоторыми промахами въ частностяхъ даетъ Pallmann I, 169 ss.

манскаго языка, да и то съ натяжкой [1]). Это имя Eochar (Eochari, ferocissimo Alanorum regi, Vita S. Germani, Acta Sanct. Iul. VII, 227, 270). Но сомнѣніе въ германскомъ происхожденіи этого имени возбуждаетъ какъ eo- вм. eu-, такъ и -char вм. -harius, дат. -hario. Ср. съ одной стороны Euricus < *Ewareiks Iord. 45, 237 s. и еще въ IX вѣкѣ западногерм. Euhar Förstemann PN. 393; а съ другой стороны Vinitharius, Iord. 14, 79. Правильная восточногерм. форма V вѣка была бы *Ewaharji(s), что должно было бы дать въ латинской передачѣ *Euharius, дат. -hario. Если же принять Eochar за иранское имя, то во второй его части могло сохраниться авест. kāra, ср. 'Αχίχαρος «дѣлающій яснымъ»? (авест. āka). Первая-же часть остается подъ вопросомъ.

Изъ остальныхъ аланскихъ именъ два имѣютъ ясныя сарматскія параллели: Candac Iord. 50, 266 ср. Κάνδανον, codd. Κάνδακον, городъ въ землѣ средне-дунайскихъ язиговъ Ptol. III, 7, 2; Respendial Greg. Turon. II, 9, p. 75 ср. Ρησπινδίαλος въ ольвійской надписи Латышевъ I, № 68, Justi 260, Rasparaganus въ двухъ надписяхъ II вѣка по Р. Хр., Mommsen въ DA. III, 118, ср. Justi 259. Затѣмъ четыре имени легко объясняются при помощи иранскихъ нарѣчій, а именно: Aspar Iord. 45, 239 [2]), Addax (abl. Addace, al. atace, addacher) Idat. Chron. a. a. 418, p. 19, Beorgor Cassiod Chron. a. a. 464, p. 158 (Beorgus Iord. 45, 236), Sangibanus Iord. 37, 194 s. (Sambida

---

1) Будучи долго сосѣдями готовъ, аланы могли, конечно, заимствовать готскія имена и слова. Напр. осет. mid (медъ) вѣроятно=готск. *midus; дигорское γau (деревня) = готск. gawi. Ср. ниже имя сына Аспара: Эрманарикъ. Съ другой стороны готск. ahaks (голубь) можетъ быть аланскаго происхожденія, ср. осет. axsinak, въ связи съ авест. aχšaẹna темносиній. См. R. Loewe въ Indogermanische Forschungen Bd. III (Strassburg 1894) стр. 146 s.

2) Объ Аспарѣ и его семьѣ см. Кöрke 151 s. Тамъ же всѣ цитаты. У Аспара было 3 сына: Ardaburius (—bures), Patricius (Patriciolus) и Эрманарикъ. Изъ за двухъ послѣднихъ именъ аланское происхожденіе перваго (Ardabures) подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Оно, впрочемъ, подтвердило бы только иранское происхожденіе алановъ, ср. авест. eredhwa, дрперс. arda-, лат. arduus. — Другой Ardabures cubicularius сосланъ Юстиномъ въ 519 г. Iord Rom. 360.

Prosp. Tiro a. a. 440?), ср. DA. III, 111 et not. 2, 115. 120, Justi 46. 2. 283. Наконецъ, остающіяся необъясненными два имени Goar Greg. Tur. II, 9 p. 75, Olympiod. ed. Bonn. 454, 17. и Paria Iord. 50, 266 носятъ, конечно, не германскій характеръ. Правда, Goar встрѣчается и на западѣ нѣсколько разъ, см. Förstemann PN. 528, но только до VI вѣка включительно; лишь какъ названіе мѣстностей оно сохранилось дольше, ср. нын. St.-Goar на Рейнѣ (уже въ IX вѣкѣ: in villa Goara ср. Förstemann ON. 647). Притомъ, это имя стоитъ тамъ совершенно особнякомъ, внѣ всякой связи съ германскимъ именословомъ. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что Goar и на западѣ — не германское имя [1]). А что касается имени Paria, то оно не имѣетъ ни одной параллели на западѣ [2]).

Аланы западные, оторванные отъ родной почвы и окруженные иноплеменными народностями, не могли долго сохранить самобытность и политическую независимость. Потерявъ послѣднюю въ 418 году, они, вѣроятно, очень быстро слились съ вандалами: исторія позднѣйшаго вандальскаго государства совершенно забыла объ аланахъ; одинъ только оффиціальный титулъ королей напоминалъ о нихъ.

Тѣмъ не менѣе, самый фактъ выступленія алановъ на западѣ въ самостоятельной политической роли и то обстоятельство, что

1) Не кельтское ли? Ср. Goarec, мѣстечко въ Бретани (Dép. Côtes-du-Nord). Кельтское названіе на Рейнѣ не представляло бы ничего страннаго, конечно. Не невозможно даже кельтское имя у алановъ (отрядъ Goar'а находился именно на Рейнѣ), или, наборотъ, аланское на Рейнѣ и въ Бретани, хотя случайное совпаденіе, конечно, вѣроятнѣе.

2) По всей вѣроятности, Γωάρ = Γωβάρης Jnsti 116; Paria = Parixia Justi 243. Я оставляю совершенно въ сторонѣ Baza (Gunthicis qui et B. dicebatur Iord. 50, 266), такъ какъ принадлежность этого имени къ аланскому языку подлежитъ сомнѣнію, не смотря на авест. bāzu рука. Не аланскаго ли происхожденія имя аріанскаго епископа въ Африкѣ, въ началѣ VI вѣка, Pinta, въ Vita Fulgentii? См. Wrede, die Sprache der Wandalen, Strassburg 1886, p. 25. 75. — Относительно имени Alanoviiamuthis (gen.) Iord. 50, 266, вторая часть котораго напоминаетъ готск. *Wiljamōþs, нужно замѣтить, что рукописныя чтенія такъ разнорѣчивы, что было бы опасно основывать на немъ какіе бы то ни было выводы. Даже если форма, которую принялъ Моммзенъ, вѣрна, —

они съумѣли удержать ее въ теченіе почти полувѣка, доказываетъ силу этого народа и, можетъ быть, независимость его отъ готовъ въ первоначальной родинѣ. Объ этомъ намъ придется еще говорить подробнѣе ниже.

Господство сарматовъ надъ южно-русскими степями не исключаетъ, однако, возможности присутствія въ этихъ же краяхъ народностей не сарматскихъ. Тутъ, съ одной стороны, сохранились, какъ мы уже знаемъ, остатки прежняго, скиоскаго населенія; а съ другой стороны, въ степи могли проникнуть и новые народы, не принадлежащіе къ иранской семьѣ. Мѣста было вдоволь: сарматскія кочевья не занимали, конечно, и сотой доли степного пространства отъ Карпатъ до Дона.

Мы знаемъ четыре примѣра [1]) такихъ вторженій, которыя всѣ относятся къ западнымъ окраинамъ интересующей насъ области и характеризуютъ какъ раздробленность и пестроту населенія этого края, такъ и вниманіе, съ которымъ римляне всматривались въ его составъ.

На первомъ мѣстѣ—какъ по времени, такъ и по значенію,—стоитъ появленіе въ южно-русскихъ степяхъ германской народности бастарновъ.

Исторіографія, какъ русская, такъ и западно-европейская, до сихъ поръ мало интересовалась бастарнами. О нихъ говорили мимоходомъ, довольствуясь опредѣленіемъ ихъ происхожденія, географическаго распространенія и внѣшнихъ судебъ, не приписывая имъ никакого культурно-историческаго значенія. Между

въ чемъ можно сомнѣваться — то мы, всетаки, имѣли бы тутъ дѣло съ искусственнымъ не народнымъ образованіемъ.

1) Строго говоря пять, такъ какъ и геты не были исконными жителями Бессарабіи. Мы коснемся ихъ исторіи ниже, въ связи съ вопросомъ о бессахъ.

тѣмъ, ихъ исторія имѣетъ, на нашъ взглядъ, не только теоретическій интересъ въ томъ смыслѣ, что бастарны первый германскій народъ, пришедшій въ прямое столкновеніе съ античнымъ міромъ: она имѣетъ и практическое значеніе. При рѣшеніи вопросовъ о культурномъ взаимодѣйствіи міровъ славянскаго, германскаго и кельтскаго, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что прямой путь отъ славянъ къ кельтамъ въ теченіе многихъ вѣковъ лежалъ чрезъ землю бастарновъ и что послѣдніе, вѣроятно, еще раньше были передовою на востокѣ германскою народностью. Эти соображенія побуждаютъ насъ обратить на бастарновъ особое вниманіе.

Бастарны появляются въ исторіи впервые въ началѣ II вѣка до Р. Хр. Въ 80-хъ и 70-хъ годахъ этого вѣка съ ними велъ переговоры Филиппъ Македонскій; въ 168 году бастарны союзники Персея Македонскаго въ борьбѣ съ Римомъ; въ первой половинѣ I вѣка они ставятъ вспомогательныя войска Митридату. См. Zeuss 128 s., DA. II, 104 ss.

Изъ данныхъ, относящихся къ этому періоду времени, отмѣтимъ прежде всего, что бастарны, съ перваго же появленія въ исторіи, представляются народомъ сильнымъ и многолюднымъ: они ставятъ Персею 20000 вспомогательнаго войска, т. е. 10000 пѣшихъ воиновъ и столько же всадниковъ Plut. Aem. Paul. XII, 2; Liv. 44, 26, 3. Среди многочисленныхъ союзниковъ Митридата они — ἀλκιμώτατον γένος Appian. Mithrid. 69. Но политическаго единства у нихъ нѣтъ: они распадаются на много мелкихъ политическихъ единицъ, εἰς πλείω φῦλα διῃρημένοι Strabo VII, 3, 17, во главѣ которыхъ стоятъ князья и царьки, nobiles Liv. 40, 5, 10. 57, 3; principes ibid. 58, 5; 44, 26, 6. 8; regulus 44, 26, 11; reges Böckh II, 82. Изъ ихъ среды выбирается на время войны общій предводитель, dux Liv. 40, 58, 8; 44, 26, 4; βασιλεύς Dio Cass. 51, 24, 4.

Они воинственны и смѣлы; не зная ни земледѣлія, ни скотоводства, ни мореплаванія, они занимаются одними военными упражненіями и думаютъ только о войнѣ Plut. Aem. Paul. XII, 2. 3;

въ сраженіи каждый всадникъ имѣетъ при себѣ пѣшаго воина, парабата Plut. ibid., Liv. 44, 26, 3. Въ походахъ, за войскомъ слѣдуютъ жены и дѣти на телѣгахъ Dio Cass. 51, 24, 4. Они хвастливы и такъ высоки ростомъ, что одинъ видъ ихъ наводитъ ужасъ на враговъ Plut. l. c. 3. Наконецъ, Dio Cass. l. c. 2 отмѣчаетъ еще ихъ чрезмѣрную любовь къ вину.

Все это — черты, одинаково свойственныя какъ германцамъ, такъ и кельтамъ, ср. Zeuss 129, DA. II, 106, вслѣдствіе чего онѣ должны быть совершенно оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи бастарновъ.

О мѣстоположеніи ихъ земли мы ничего точнаго, пока, не узнаемъ: они живутъ гдѣ-то на сѣверѣ, за Дунаемъ (aquilonia regio Liv. 40, 58, 8). Ни одинъ изъ древнихъ авторовъ до Р. Хр. не отмѣчаетъ также времени ихъ прихода въ эти края. Вѣроятнѣе всего, что они появились на нижнемъ Дунаѣ въ самомъ началѣ II вѣка до Р. Хр. Это могло бы считаться доказаннымъ, еслибъ не подлежала сомнѣнію догадка Мюлленгофа DA. II, 104, по которой стихъ, сохраненный у Scymn. 795, p. 402, взятъ послѣднимъ изъ утеряннаго сочиненія Димитрія Каллатіанскаго, писавшаго около середины II вѣка: въ этомъ стихѣ бастарны называются ἐπήλυδες, т. е. пришлыми, очевидно, недавно.

Всѣ авторы вплоть до непосредственнаго столкновенія римлянъ съ бастарнами называютъ послѣднихъ, между прочимъ, галатами, т. е. кельтами: Γαλάται, Galli. Эта неточность объясняется тѣмъ, что греки не знали исходнаго пункта бастарнскаго нашествія. Такъ какъ понятіе германцевъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, установилось, какъ извѣстно, впервые на западѣ, въ I вѣкѣ до Р. Хр., то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что греки перенесли на неизвѣстныхъ доселѣ, пришедшихъ съ сѣвера, варваровъ имя галатовъ, которымъ они обозначали кельтовъ, явившихся во Ѳракію съ сѣвера же, приблизительно за столѣтіе до прихода бастарновъ.

На основаніи этого Zeuss 61. 128, а за нимъ всѣ позднѣй-

шіе нѣмецкіе изслѣдователи, не исключая и Мюлленгофа, DA. II, 110 s., отожествили бастарновъ съ тѣми галатами, которые, по Протогенову псефизму, вмѣстѣ со скирами намѣревались напасть на Ольвію (*Γαλάτας καὶ Σκίρους* Inscript. ed. Latyschew I, p. 38) и дикости которыхъ такъ боялись оизаматы, скиѳы и саудараты. Недавно только (1892) Мухъ 35 усумнился въ правильности такого отожествленія, и если онъ, на нашъ взглядъ, и неправъ въ конечныхъ своихъ выводахъ, что скиры = сулоны = часть бастарновъ, l. c. 46, то все же нельзя не признать, что мнѣніе Zeuss'а стоитъ на шаткой основѣ. Время написанія псефизма, по одному только характеру письма, не можетъ быть опредѣлено точно [1]), а если оно и относится къ началу II вѣка, что вполнѣ возможно и даже вѣроятно, то тѣмъ не менѣе связь упомянутаго въ немъ событія съ нашествіемъ бастарновъ не можетъ быть доказана этимъ путемъ. Если подъ галатами надписи надо разумѣть германцевъ — бастарновъ, то союзъ *καί*, соединяющій ихъ въ надписи со скирами, становится непонятнымъ: вѣдь и скиры — германцы, слѣдовательно и на нихъ должно было быть распространено это названіе.

Бастарны были несомнѣнно многочисленнѣе скировъ, не играющихъ въ исторіи почти никакой роли. Мыслимо ли, чтобы ольвійцы назвали меньшую часть надвигавшихся на нихъ враговъ точнымъ ихъ именемъ, тогда какъ главную массу, наиболѣе опас-

---

1) Весьма поучительны, въ этомъ отношеніи, разсужденія такого авторитетнаго знатока дѣла, какъ В. В. Латышева въ его Изслѣдованіяхъ стр. 83. Такъ какъ онъ, слѣдуя Шмидту (см. ниже), видитъ въ галатахъ псефизма ѳракійскихъ кельтовъ III в., то всѣ его усилія направлены на то, чтобы доказать, что надпись *можетъ* относиться къ III в. до Р. Хр. Это ему вполнѣ удается. Но вотъ какъ осторожно онъ выражается: «Мы сами не находимъ ни въ общемъ характерѣ письма, ни въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ серьезное препятствіе для отнесенія документа къ III в. до Р. Хр., только начертанія буквъ C и Ω могли бы показаться довольно поздними, но...»: слѣдуютъ соображенія, доказывающія, что эти C и Ω могли бы быть, пожалуй, отнесены и къ III в. Если будетъ доказано, что связь галатовъ надписи съ ѳракійскими галатами III в. болѣе чѣмъ сомнительна, то, конечно, и авторъ «Изслѣдованій» согласится съ нами, что принадлежность псефизма ко II в. гораздо болѣе вѣроятна.

ную, они обозначили общимъ и неопредѣленнымъ именемъ галатовъ? Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ мысли, что въ галатахъ ольвійской надписи слѣдуетъ разумѣть настоящихъ галатовъ. Въ появленіи ихъ подъ стѣнами Ольвіи нѣтъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго: мы можемъ доказать присутствіе кельтскаго элемента на нижнемъ Дунаѣ еще въ I вѣкѣ по Р. Хр. (см. ниже).

Странно, что Мухъ, отрицающій, какъ мы, тожество бастарновъ съ галатами надписи, силится доказать, что псефизмъ знаетъ бастарновъ подъ именемъ скировъ, и что послѣдніе, составляя главный отрядъ бастарновъ, тожественны съ сулонами Птолемея III, 5, 8. Гипотеза эта имѣетъ исходною точкою ту же идею Zeuss'а, противъ которой мы только что возражали. Мухъ думаетъ дополнить ею предполагаемую имъ у Птолемея «спеціальную діатезу бастарнскихъ народностей», ср. выше стр. 61. Всматриваясь, мы найдемъ, что она вся основана на одной изъ тѣхъ фантастическихъ этимологій, съ которыми намъ уже приходилось имѣть дѣло. Sciri, Σκίροι, конечно, = герм. *Skīrōz, а это имя, относясь къ готск. skeirs, новонѣм. прил. schier, значитъ «чистые, блестящіе». Такъ называли себя, по Муху 46, сами скиры. Съ другой стороны, имя Σούλωνες находится въ связи съ готск. bisauljan μιαίνεσθαι, дрсакс. suljan, древхрнѣм. bisulen, и т. д. ср. новонѣм. besulbern пачкать, къ срврхнѣм. sulwen; слѣдовательно, значеніе этого имени «грязные, неопрятные». Это, по мнѣнію Муха, прозвище, данное скирамъ, въ насмѣшку, ихъ сосѣдями за Вислой, лугійскими манимами.

Врядъ ли кто-либо удовлетворится такимъ доказательствомъ. Противъ отожествленія бастарновъ со скирами говоритъ все, что мы знаемъ о дальнѣйшихъ судьбахъ послѣднихъ. Плиній IV, 13, 97 знаетъ ихъ еще на восточномъ берегу Вислы, рядомъ съ венедами, т. е. славянами. Если это извѣстіе и основано на болѣе древнемъ описаніи привислянскаго края, то все же болѣе, чѣмъ невѣроятно, чтобы отъ вниманія Плинія, хорошо знающаго бастарновъ IV, 14, 100, ускользнуло ихъ тожество со скирами, если

только послѣднее имя было въ живомъ употребленіи какъ названіе главной части бастарнскаго народа (Hauptstamm der Bastarnen Мухъ 46). А что это имя, дѣйствительно, не было забыто, доказывается дальнѣйшею исторіей южнорусскихъ степей. Что Птолемей о нихъ не упоминаетъ, это, конечно, ничего не доказываетъ: пятая глава третьей книги его труда переполнена подобными недочетами.

Однимъ словомъ, мы думаемъ, что ольвійская надпись въ честь Протогена даетъ любопытный матеріалъ для исторіи скировъ и придунайскихъ кельтовъ, но что она должна быть совершенно оставлена въ сторонѣ, когда рѣчь идетъ о бастарнахъ. Единственную возможность связать событія, упомянутыя въ надписи, съ нашествіемъ бастарновъ я вижу въ предположеніи, что галаты и скиры были сдвинуты съ мѣста именно этимъ нашествіемъ. Такъ оно, несомнѣнно, и было, см. ниже.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ извѣстіяхъ о бастарнахъ мы не нашли никакихъ данныхъ для опредѣленія ихъ происхожденія и географическаго распространенія. Болѣе точныя и полныя свѣдѣнія о нихъ начинаются лишь съ того времени, когда нижнедунайскими дѣлами стали интересоваться римляне.

Первый писатель, который, на основаніи вполнѣ новаго, римскаго матеріала, рисуетъ картину южнорусской этнографіи, это—какъ мы уже знаемъ—Страбонъ. У него же мы находимъ впервые болѣе точное опредѣленіе бастарнской земли. Вотъ что онъ говоритъ VII, 3, 17:

ἐν... τῇ μεσογαίᾳ Βαστάρναι μὲν τοῖς Τυρεγέταις ὅμοροι καὶ Γερμανοῖς, σχεδόν τι καὶ αὐτοὶ τοῦ Γερμανικοῦ γένους ὄντες, εἰς πλείω φῦλα διῃρημένοι. Καὶ γὰρ Ἄτμονοι λέγονταί τινες, καὶ Σιδόνες, οἱ δὲ τὴν Πεύκην κατασχόντες τὴν ἐν τῷ Ἴστρῳ νῆσον Πευκῖνοι.

Такъ какъ островъ Πεύκη въ дельтѣ Дуная и земля тирегетовъ совершенно ясны (Ptol. III, 10, 2. 7; 5, 11), то пріуроченіе Страбоновыхъ указаній къ современной картѣ не представляетъ затрудненій.

Область между тирегетами и германцами за верхней Вислой [1]), это — ньш. Галиція. Слѣдовательно, главная масса бастарновъ занимала сѣверовосточные склоны среднекарпатскаго хребта, заходя, отчасти, и за Бескиды, см. выше стр. 44 слѣд. Они дѣлились здѣсь на сидоновъ, ближе къ верховьямъ Вислы, и атмоновъ, ближе къ верхнему Днѣстру. Другихъ подраздѣленій мы не знаемъ [2]).

Здѣсь же, т. е. въ нын. Галиціи, слѣдуетъ искать и ихъ первоначальную, т. е. доисторическую область, которая доходила на сѣверѣ, можетъ быть, до Волынскихъ болотъ. Они пришли сюда не во II вѣкѣ до Р. Хр., а сидѣли здѣсь и раньше, являясь, такимъ образомъ, крайнимъ, на юго-востокѣ, аванпостомъ германскаго міра.

Очень раннее присутствіе германскаго элемента на самыхъ Карпатахъ доказывается тѣмъ, что названіе послѣднихъ перешло въ германскія нарѣчія еще до начала перваго (германскаго) перебоя, т. е. раньше 400 г. до Р. Хр. Я имѣю въ виду дрсѣв. Harfađa, правильно получившееся изъ названія Карпатъ. Исходный пунктъ этой формы бастарны; другихъ германцевъ мы, вплоть до начала христіанской эры, близъ Карпатъ не знаемъ. Замѣчу еще, что переходъ tenuis > spirans первый по времени актъ перебоя. Я не думаю, конечно, что Harfađa уже тогда проникло въ Скандинавію: вѣроятнѣе всего, что путь этому слову проложили готскіе эпическіе сюжеты эпохи переселенія. Но сами готы могли получить данное слово, въ этой именно формѣ, только отъ бастарновъ. Мы надѣемся, что намъ удастся, со временемъ, выяснить эти важныя отношенія на почвѣ историко-литературной.

Связь бастарновъ съ вандильскими германцами по ту сторону Вислы вѣроятна; но въ чемъ она выражалась, мы не знаемъ. Остатки бастарнскаго языка слишкомъ скудны, чтобы было

---

1) Римская исторіографія признаетъ Вислу восточной границей Германіи.
2) Впрочемъ, см. ниже объ омбронахъ и бургіонахъ.

возможно дать діалектологическое опредѣленіе этой связи. Плиній IV, 14, 100 выдѣляетъ ихъ и певкиновъ въ особую группу, противополагая ихъ вандильцамъ.

Изъ Галиціи бастарны двинулись на югъ, какъ мы знаемъ, вѣроятно въ началѣ II в. до Р. Хр. Достигши нижняго Дуная, они вступили въ переговоры съ Филиппомъ Македонскимъ (см. выше стр. 100) и, по его приглашенію, переправившись черезъ рѣку, пошли на Ѳракію. Послѣ пораженія ихъ ѳракійцами, бо́льшая часть бастарновъ вернулась, однако, домой; за ними послѣдовали около 175 г. и послѣдніе 30,000, дошедшіе было до Дарданіи Liv. 40, 57 s.; 41, 19. 23, 12. При этомъ отступленіи часть народа осталась, однако, на нижнемъ Дунаѣ, занявъ островъ Πεύκη въ дельтѣ этой рѣки.

Таковою представляется намъ исторія бастарновъ до начала христіанской эры, если мы примемъ во вниманіе всѣ имѣющіяся на лицо данныя. Этой картинѣ не противорѣчатъ и слѣдующія по времени извѣстія о бастарнахъ. Плиній IV, 12, 81 знаетъ ихъ на сѣверныхъ склонахъ карпатскихъ горъ, т. е. именно въ Галиціи, въ тылу горцевъ-даковъ, отодвинутыхъ на сѣверовостокъ язигами. У Птолемея подробности нѣсколько перепутаны, но и у него также нетрудно добраться до истины. Если онъ называетъ III, 5, 7 певкиновъ и бастарновъ главными народами югозападной Сарматіи ὑπὲρ τὴν Δακίαν, то это вѣрно только относительно бастарновъ; певкины же не были «надъ Дакіей», да и вообще не входили въ составъ его Сарматіи, а принадлежали къ римской провинціи Нижней Мезіи. Дѣйствительно, онъ называетъ ихъ тамъ неоднократно: III, 10, 4 τὰ... στόματα (τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ κατέχουσι) Πευκινοί; ср. III, 10 7. Свѣдѣнія въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ болѣе надежны, что Птолемей, при изображеніи Нижней Мезіи, могъ пользоваться оффиціальными римскими данными: область отъ устьевъ Дуная до устья Днѣпра и вся нын. Бессарабія, Молдавія и Буковина входили въ составъ этой римской провинціи уже съ 55—56 г. по Р. Хр. и были окончательно предоставлены варварамъ лишь въ III вѣкѣ. Въ

Сарматію же Птолемея ошибка вкралась потому, что онъ воспользовался тутъ болѣе раннимъ, чѣмъ 55 г., источникомъ, относившимъ не только бастарновъ, но и пеукиновъ къ Сарматіи.

Гора Πεύκη, отмѣченная Птолемеемъ III, 5, 5 подъ 51° долг. и 51° шир., ср. Πευκινὰ ὄρη III, 5, 9, принадлежитъ только его схематизирующей фантазіи, что явствуетъ изъ распредѣленія другихъ горныхъ цѣпей въ Сарматіи же. Но за то вѣрно указаны III, 5, 10 μεταξὺ... Πευκινῶν καὶ Βαστερνῶν Καρπιανοί: ихъ нужно только перенести на нижній Дунай. Дѣйствительно, мы находимъ ихъ здѣсь у Птолемея же III, 10, 7 подъ именемъ Ἄρπιοι, какъ южныхъ сосѣдей сарматовъ-тирегетовъ (см. ниже). Важно для насъ, наконецъ, то обстоятельство, что бастарны, въ узкомъ смыслѣ, не упоминаются Птолемеемъ въ Мезіи: такъ какъ это умолчаніе относится къ наиболѣе надежной части Птолемеевой картины интересующаго насъ края, то мы можемъ сдѣлать изъ него выводъ, что ихъ дѣйствительно тамъ не было, т. е. что земля бастарновъ-атмоновъ начиналась лишь за предѣлами римской имперіи; иначе говоря, мы приходимъ къ тому же выводу, что главная масса бастарновъ доходила лишь до Буковины. Ср. ниже разборъ Дакіи Птолемея.

Что касается пейкиновъ, то малочисленность этого народца явствуетъ изъ незначительности занимаемой имъ земли; никто изъ древнихъ не знаетъ ихъ на материкѣ. Тѣмъ не менѣе, они сохранили свою самобытность въ теченіе столѣтій, не смотря на то, что они были отдѣлены отъ родичей иноплеменными народностями бритолаговъ, карповъ и другихъ (см. ниже). Генетическая связь ихъ съ бастарнами не была прервана, такъ какъ она сознавалась впослѣдствіи и римлянами, ср. между проч. Tac. Germ. 46: Peucini, quos quidam Bastarnas vocant. Римляне хорошо знали и закарпатскихъ бастарновъ. На Пейтингеровой картѣ Днѣстръ беретъ начало изъ Alpes Bastarnice: это, очевидно, Лѣсныя Карпаты, отдѣляющія Галицію отъ Венгріи. Къ востоку отъ нихъ отмѣчены Blastarni, конечно, вм. Bastarni. На той же картѣ верхній Днѣстръ носитъ названіе fl(umen) Agalingus, имя, по

образованію, чисто германское, вѣроятно бастарнское, см. ниже. Римскимъ войскамъ неоднократно приходилось сталкиваться именно съ закарпатскими бастарнами. Въ тѣхъ бастарнахъ, которые въ 60 г. до Р. Хр. пришли на помощь мезійскимъ гетамъ, на которыхъ неожиданно напалъ К. Антоній, римскій проконсулъ въ Македоніи, нужно видѣть, вѣроятно, пеукиновъ, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Добруджѣ: бастарны разбили римское войско подъ Истромъ (Istropolis), ἡ τῶν Ἰστριανῶν πόλις, Dio Cass. 38, 10, 3. Но за то бастарны, которые были союзниками даковъ въ борьбѣ послѣднихъ съ Римомъ при Октавіанѣ, принадлежатъ, кажется, къ закарпатской группѣ: базисомъ военныхъ дѣйствій, проэктированныхъ противъ нихъ Октавіаномъ въ 35 г. до Р. Хр., служитъ городъ Siscia (Segesta) нын. Sziszek, на средней Савѣ, Appian. Illyr. c. 23, Strabo IV, 6, 10. Когда на Балканскомъ полуостровѣ командовалъ М. Крассъ, т. е. въ 29 г. до Р. Хр., бастарны вмѣстѣ съ даками, перешедши черезъ Дунай, нападаютъ на Мезію, затѣмъ на трибалловъ и дардановъ, Dio Cass. 51, 23, 2 ss. Очевидно, и тутъ также исходный пунктъ ихъ не нижній, а средній Дунай, приблизительно между Видинымъ и Рущукомъ. Можетъ быть, бастарны входили въ составъ государства Бурвисты? См. ниже.

Во всемъ вышеизложенномъ, германское происхожденіе бастарновъ принималось нами a priori. Въ виду того, однако, что положеніе это неоднократно оспаривалось въ наукѣ, мы должны всмотрѣться и въ эту сторону вопроса, имѣющую существенное значеніе для нашихъ выводовъ.

Уже Страбонъ, въ указанномъ мѣстѣ, готовъ, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ римлянами, причислить бастарновъ къ германцамъ, но онъ выражается еще осторожно: σχεδόν τι καὶ αὐτοὶ τοῦ Γερμανικοῦ γένους ὄντες. Плиній IV, 14, 100 уже совершенно ясно относитъ ихъ къ германцамъ, а Тацитъ Germ. 46 выражается еще энергичнѣе: Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt.

Если мы примемъ во вниманіе, что понятіе германства въ

эпоху Тацита уже успѣло выясниться вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ; что самъ Тацитъ, посвятившій германцамъ цѣлую книгу, можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ судьей въ этомъ вопросѣ; если, наконецъ, мы будемъ имѣть въ виду, что онъ говоритъ, собственно, о пеукинахъ, входившихъ въ то время въ составъ римской имперіи и, потому, хорошо знакомыхъ римлянамъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что бастарны—германская народность. Приведенными цитатами и соображеніями вопросъ уже можетъ считаться рѣшеннымъ, не смотря на то, что самъ Тацитъ нашелъ нужнымъ оставить свой тезисъ подъ сомнѣніемъ, предоставляя самому читателю окончательное рѣшеніе. Но онъ тутъ же поясняетъ, почему онъ это дѣлаетъ, и его личное мнѣніе всетаки оказывается вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ. Вотъ что оно говоритъ въ началѣ 46-ой главы, если мы дополнимъ нѣкоторыми пояснительными вставками его сжатый стиль[1]).

«Тутъ конецъ Суевіи (т. е. въ данномъ случаѣ, Germania Magna въ римскомъ смыслѣ, до Вислы). Что касается пеукиновъ, славянъ и финновъ [живущихъ на востокѣ отъ предѣловъ Суевіи], то я колеблюсь, причислить ли мнѣ ихъ къ германцамъ или къ сарматамъ. Нельзя отрицать, что пеукины-бастарны какъ по языку, такъ и по всему образу жизни принадлежатъ къ германцамъ: [похожи они на германцевъ и тѣмъ, что] они живутъ въ грязи, и знать ихъ предается полному бездѣйствію[2]). [Но, съ

---

1) Hic Suebiae finis. Peucinorum Venedorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito, quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt. Sordes omnium ac torpor procerum. Connubiis mixtis nonnihil in Sarmatarum habitum foedantur. Venedi multum ex moribus traxerunt; nam quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant. Hi tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu ac pernicitate gaudent: quae omnia diversa Sarmatis sunt in plaustro equoque viventibus. Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates..... Cetera jam fabulosa.

2) Слова sordes omnium ac torpor procerum не совсѣмъ ясны и переводятся различно, въ зависимости отъ знаковъ препинанія. Мой переводъ, какъ всѣ,

другой стороны], ихъ внѣшній видъ нѣсколько обезображенъ частыми браками съ сарматками. [Болѣе похожи на сарматовъ] славяне: [они] сходятся съ ними, [до извѣстной степени] и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабежемъ. Тѣмъ не менѣе, я ихъ также скорѣе отнесъ бы къ германцамъ, такъ какъ они умѣютъ строить дома, знаютъ употребленіе щитовъ и, будучи проворными пѣшеходами, охотно ходятъ пѣшкомъ: всѣхъ этихъ чертъ нѣтъ у сарматовъ, которые, [ведя кочевую жизнь] живутъ на телѣгахъ и на коняхъ. Что касается, наконецъ, финновъ, то [у нихъ нѣтъ ничего общаго ни съ германцами, ни съ сарматами]; это народъ очень дикій и бѣдный до безобразія: они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, и у нихъ даже нѣтъ опредѣленныхъ жилищъ... [Строго говоря, ихъ нельзя относить ни къ сарматамъ ни къ германцамъ. Если я, тѣмъ не менѣе, говорю о нихъ здѣсь, то лишь потому что] за ними уже начинается область баснословнаго».

Мы привели все это мѣсто in extenso, въ виду его первостепеннаго интереса. Оно доказываетъ не только богатство и точность матеріала, имѣвшагося въ распоряженіи Тацита, но и вдумчивость и добросовѣстность этого писателя. Относительно бастарновъ оно не оставляетъ никакихъ сомнѣній: колебаніе, выраженное имъ въ началѣ, почти опровергается имъ же самимъ въ послѣдующемъ. Оно вызвано только тѣмъ, что внѣшній видъ бастарновъ не совсѣмъ такой, какъ у прочихъ, западныхъ германцевъ; но самъ Тацитъ удовлетворительно объясняетъ это отклоненіе отъ общаго типа браками съ сарматками, и мы, съ своей стороны, можемъ, не задумываясь, принять это объясненіе въ виду того, что бастарны, въ особенности-же певкины, къ кото-

---

нѣсколько произволенъ. Нѣкоторые издатели ставятъ передъ sordes точку, а послѣ procerum точку съ запятой (напр. Schweizer-Siedler). Въ такомъ случаѣ придется отнести грязь и лѣнь бастарновъ къ тѣмъ чертамъ, которыя связываютъ ихъ съ сарматами. Къ счастью, пунктъ этотъ не важенъ. Замѣчу еще, что другія (напр. Halm.) читаютъ torpor: ora procerum connubiis mixtis etc. Въ такомъ случаѣ, однако, колебаніе Тацита окажется еще болѣе лишнимъ.

рымъ, прежде всего, относятся слова Тацита, въ теченіи вѣковъ жили въ близкомъ сосѣдствѣ съ сарматами. Рѣшающее значеніе имѣютъ языкъ и образъ жизни бастарновъ, а въ этомъ они сходились съ прочими германцами, по рѣшительному и авторитетному заявленію Тацита. О языкѣ венедовъ послѣдній ничего не говоритъ; тѣмъ болѣе мы можемъ положиться на его слова относительно языка бастарновъ. Передъ нимъ былъ, очевидно, вполнѣ ясный матеріалъ, дававшій ему право высказаться относительно однихъ опредѣленнѣе, чѣмъ относительно другихъ.

Томашекъ GGA. 301 пытался умалить значеніе Тацитовыхъ словъ указаніемъ на слова Тацита же Germ. 45, по которымъ у айстовъ, т. е. предковъ литовскаго племени, ritus habitusque Suebοrum, *lingua Britannicae propior*. Разъ тутъ допущена имъ грубая ошибка, то ничто не мѣшаетъ намъ видѣть и въ его опредѣленіи языка бастарновъ результатъ «поверхностнаго наблюденія».

Но эти два свидѣтельства совершенно несоразмѣримы. Въ первомъ, рѣчь идетъ о народѣ, къ которому сравнительно рѣдко заходили одни лишь римскіе купцы, а во второмъ о народѣ, жившемъ, отчасти, на римской территоріи и потому хорошо извѣстномъ въ Римѣ. Въ первомъ случаѣ ошибочная характеристика айстскаго языка вполнѣ возможна, и выводъ о сходствѣ его съ британскимъ, т. е. кельтскимъ, есть, дѣйствительно, результатъ поверхностнаго наблюденія и случайнаго сопоставленія, имѣющаго въ виду лишь ясное различеніе его отъ языка сосѣдей — готовъ; тогда какъ во второмъ случаѣ такой промахъ болѣе чѣмъ невѣроятенъ: о языкѣ и образѣ жизни певкиновъ должно было составиться въ Римѣ болѣе ясное представленіе, такъ какъ съ ними приходилось считаться и римской центральной администраціи.

Мы можемъ, впрочемъ, доказать справедливость Тацитова опредѣленія языка бастарновъ положительными лингвистическими данными, не смотря на то, что до насъ дошло всего 6, можетъ быть 7, несомнѣнно бастарнскихъ словъ, а именно:

3 собственныхъ личныхъ имени: Clondicus Liv. 40, 58, 8; 44, 26, 11.—Cotto Liv. 40, 57, 3.—Δέλδων Dio Cass. 51, 24, 4.

3 этническихъ названія: Bastarnae, Βαστάρναι Liv. Tac., Tab. Peut., Polyb., Plut. Aem. Paul., Strabo, Dio Cass. въ указанныхъ мѣстахъ (Basternae, Βαστέρναι Plin., Appian. Mithrid. въ указанныхъ мѣстахъ).—Ἄτμονοι и Σιδόνες Strabo VII, 3, 17.

Наконецъ, одно, вѣроятно, бастарнское [1]) названіе рѣки (Днѣстра) Agalingus на Tab. Peuting [2]).

Изъ этихъ именъ, первыя три, т. е. личныя Clondicus, Cotto и Δέλδων, опредѣленнаго рѣшенія не допускаютъ. Они всѣ принадлежатъ первому періоду бастарнской исторіи, т. е. времени до прямого столкновенія ихъ съ римлянами, и перешли въ труды греческихъ и римскихъ историковъ не прямо изъ устъ бастарновъ, а черезъ кельтскихъ или ѳракійскихъ посредниковъ; неудивительно, поэтому, что они дошли до насъ въ нѣсколько испорченной формѣ.

Тѣмъ не менѣе, Zeuss 143, вѣроятно, правъ, сопоставляя Clondicus съ кимврскимъ Claodicus Oros. V, 16 [3]) и сравнивая его съ франкск. Hlodoveus и т. под. Мюлленгофъ DA. II, 109 указалъ еще на дрсакс. Hludico, дрврхнѣм. Hludihho, какъ на соотвѣтствующія формы западногерманскаго именослова. Ср. еще Förstemann PN. 691 ss.

Cotto напоминаетъ, правда, дакійскаго Cotiso Horat. od. III, 8, 18; Sueton. Octav. 63, и ѳракійскаго Cotys Liv. 42, 51, 10; 45, 42, 5 ss.; но, съ другой стороны, это имя можетъ быть сопоставлено съ западногерм. Chudo, Hudo, Hutto, Hozo, (всѣ—

---

1) Въ пользу бастарнскаго, не готскаго происхожденія этого имени говоритъ, во первыхъ. то, что Tab. Peut. еще не знаетъ готовъ на Днѣстрѣ, а во вторыхъ, исчезновеніе этого названія. Имя погибло вмѣстѣ съ народомъ, создавшимъ его.

2) Въ сторонѣ должны остаться, конечно, имена Πευκῖνοι, какъ позднее и чисто мѣстное, и Teutagonus Val. Flacc. Argon. VI, 97, какъ имя, вѣроятно придуманное самимъ поэтомъ. Ср. DA. II, 105 not. 3, 109 not. 1.

3) Любопытно, что и остальныя кимврскія имена имѣютъ кельтизированныя формы, ср. Boiorix, Cesorix Oros. l. c.

VIII вѣка) PN. 310. 700. 749 или, пожалуй, съ готск. Γώδας Proc. bell. vand.

Наконецъ, Δέλδων можетъ быть сравнено съ одной стороны съ готск. (?) Dahilo, съ другой—съ такими именами какъ готск. (?) Sanieldo VI вѣка, Adhildus VII вѣка и друг. См. Förstemann PN. 325. 1071. 134.

При испорченности традиціи, трудно дать точное этимологическое разъясненіе этихъ именъ, такъ какъ представляются различныя возможности. Но оно намъ и не нужно. Мы можемъ, въ данномъ случаѣ, довольствоваться выводомъ, что разбираемыя имена безъ натяжки *могутъ* быть объяснены изъ германскаго.

Бóльшее значеніе имѣютъ для насъ этническія названія Bastarnae, Ἄτμονοι и Σιδόνες, такъ какъ они морфологически яснѣе.

Bastarnae, точнѣе Basternae[1]), представляется прилагательнымъ, правильно образованнымъ посредствомъ суффикса -erno-, означающаго происхожденіе. Ср. нѣм. Dirne, дрврхнѣм. diorna, дрсакс. thiorna, дрсѣв. þerna, готск. *þiwairnō «служанка», собственно «дочь крѣпостнаго, раба», отъ основ. þiu̯a-, готск. þius, дрсѣв. þýr, агс. þeó, дрврхнѣм. deo «слуга» (откуда dienen, Demut и т. под.); готск. widuwaírna «сирота, собств. сынъ вдовы», отъ widuwō «вдова», и другія. Слѣдовательно, Basternae означаетъ «происходящихъ отъ *bast-». Къ объясненію этого основнаго слова Мухъ 37 привлекаетъ срангл. bast «внѣбрачное сожитіе, незаконный или смѣшанный бракъ», и видитъ въ имени бастарновъ прозвище, данное имъ въ насмѣшку сосѣдями, указывая притомъ на connubia mixta въ приведенной нами фразѣ Тацита, какъ на латинскую перефразировку этого прозвища.

Само по себѣ, такое объясненіе вполнѣ возможно и, на первый взглядъ, привлекаетъ своимъ остроуміемъ. Но если мы всмотримся въ него, то увидимъ, что оно предполагаетъ рядъ натяжекъ.

---

1) Совершенно схожее образованіе сохранилось въ имени западногерманскаго народа Cugerni.

Прежде всего мы въ правѣ спросить: кто могъ дять имъ такое прозвище? Конечно, не сами бастарны или певкины, такъ какъ съ точки зрѣнія древняго германца происхожденіе отъ незаконнаго брака позорило человѣка, дѣлая его безправнымъ. Слѣдовательно, оно могло быть дано только членами другой германской народности. Но изъ бастарновъ одни только сидоны примыкали къ другимъ германцамъ, именно къ лугіямъ, на верхней Вислѣ и около Бескидовъ. Здѣсь, однако, такое прозвище возникнуть не могло, такъ какъ именно сидоны, живя въ горахъ далеко отъ сарматовъ, менѣе другихъ бастарновъ могли вступать въ бракъ съ сарматками. Если внѣшній типъ бастарновъ, дѣйствительно, измѣнился, то, конечно, не у сидоновъ. Отсутствіе политическаго единства среди бастарновъ дѣлаетъ также невозможнымъ предположеніе, что лугіи могли назвать своихъ сосѣдей сидоновъ именемъ, которое подходило лишь къ ихъ родичамъ на дальнемъ юговостокѣ.

Но допустимъ даже, что это имя возникло среди лугіевъ для обозначенія сидоновъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы также допустить, что лугіи имѣли слово bast въ срангл. значеніи. Но это предположеніе заключало бы въ себѣ явную натяжку. Дѣло въ томъ, что всѣ германскія нарѣчія, за исключеніемъ срангл., знаютъ это слово, готск. *bastus, агс. bæst, нѣм. голл. дрсѣв. bast, исключительно только въ первоначальномъ его значеніи «мочала, веревка». Отсюда до значенія «незаконный бракъ» еще очень далеко. Срангл. bast, въ послѣднемъ значеніи, взято не изъ агс., а изъ дрфранц. bast (fils de bast=bastard), гдѣ въ свою очередь оно отвлечено, путемъ народной этимологіи, отъ bastard, которое понималось въ смыслѣ «рожденнаго на сѣдлѣ», ср. нѣм. Bankert въ связи съ Bank. Народная этимологія имѣла, въ данномъ случаѣ, въ виду срлат. bastum, итал. исп. basto, пров. bast, франц. bast, bât «вьючное сѣдло, Saumsattel», которое произошло отъ выше приведеннаго общегерм. bast «веревка». На самомъ же дѣлѣ общероманское bastard (bastardo и т. д.), перешедшее и въ герм. нарѣчія (нѣм. Bastard, дрсѣв. bastarðr), слово кельт-

скаго происхожденія: ср. ирл. bais «прелюбодѣяніе» и кимр. tardd «отпрыскъ, потомокъ» (Kluge, Etym. Wört. s. v.).

Какъ ни запутаны эти отношенія, тѣмъ не менѣе ясно, что на лугійской почвѣ прозвище basterna возникнуть не могло, если мы примемъ предположеніе Муха, что connubia mixta Тацита намекаютъ на значеніе этого слова.

Но, можетъ быть, оно создано карпатскими или — что еще возможнѣе — нижнедунайскими кельтами для обозначенія певкиновъ, которые больше другихъ бастарнскихъ народностей подвергались опасности смѣшаться съ сарматами? Дѣйствительно, имя Basternae, по образованію своему, могло быть, пожалуй, и кельтскаго происхожденія, ср. напр. Arverni и Dalcterni въ южной Галліи, Bastetani и Bastuli въ юговосточной Испаніи. Однако и это предположеніе болѣе чѣмъ неправдоподобно, во первыхъ потому, что бастарны при первомъ же появленіи въ исторіи носятъ это имя, а во вторыхъ, нужно имѣть въ виду, что кельты не знаютъ слова bast въ значеніи «сѣдла»: срлат. bastum и его романскія отраженія, какъ мы видѣли, не кельтскаго, а германскаго происхожденія; что-же касается испанскихъ Bastetani и Bastuli, то мы даже не знаемъ, кельты-ли они.

Остается предположить только одно: «Basternae» не прозвище, а имя, которымъ называли себя сами бастарны. Въ такомъ случаѣ, по приведенному уже соображенію, значеніе его должно быть другое, чѣмъ предполагаемое Мухомъ; а связь этого имени съ «connubia mixta» Тацита,— если таковая вообще существуетъ, что весьма сомнительно, — есть связь только народно-этимологическая, которая могла возникнуть, пожалуй, въ самомъ Римѣ, если вульгарный языкъ того времени уже зналъ слово «bastum». Во всякомъ случаѣ, она не выясняетъ первоначальнаго значенія этого имени.

Нашъ разборъ лишній разъ доказываетъ, какъ опасно браться за этимологическое объясненіе этническихъ именъ осѣдлыхъ народовъ. Происхожденіе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, лежитъ далеко за предѣлами исторической традиціи, а при полномъ от-

сутствіи хронологическихъ данныхъ всякая этимологія будетъ стоять на очень шаткой основѣ и носить болѣе чѣмъ гадательный характеръ. Въ подобныхъ случаяхъ мы можемъ и должны довольствоваться морфологическимъ разборомъ. Разъ мы доказали, что имя бастарновъ по морфологическому строю носитъ чисто германскій характеръ, то этотъ результатъ представляется вполнѣ достаточнымъ для дальнѣйшаго вывода о германствѣ этого народа, если только мы, какъ въ данномъ случаѣ, успѣемъ доказать, что этимъ именемъ называлъ себя самъ народъ.

Установивъ эту основную точку зрѣнія, мы можемъ не задаваться вопросомъ о первоначальномъ значеніи имени бастарновъ, и перейти къ разбору остальныхъ дошедшихъ до насъ бастарнскихъ словъ.

Ἄτμονοι, т. е. герм. *Atmunōz, представляетъ собою правильное причастіе страдательнаго залога, съ суффиксомъ- muno- < *mn̥no-, подобно Herminones Tac. Germ. 2 изъ *Ermino- рядомъ съ *Ermuno-, ср. Hermunduri < *Ermunudori, въ основѣ котораго лежитъ миѳическое имя (прозвище Ziu?) прагерм. *Ermunos < *Ermn̥nos. Ср. Müllenhoff ZfdA. N F. XI (1879), 12 ss. Правъ-ли Мухъ 36, отвлекающій отъ agс. atol, eatol «страшный и т. д.» глагольный корень at-, и думающій, что отъ этого, именно, корня образовано *Atmunōz, это для насъ, опять-таки, безразлично.

Что касается сидоновъ (Σιδόνες = *Sīdonez), то, каковъ бы ни былъ смыслъ основнаго слова (см. выше, стр. 37), морфологически это имя ясно: ср. Gotones, Vangiones, Burgundiones и т. под.

То-же самое мы можемъ сказать, наконецъ, и о бастарнскомъ имени Днѣстра, Agalingus. Мухъ 36 уже привелъ германскія параллели: нын. Elbing, дрсѣв. названія рѣкъ Ífing и Gilling, вполнѣ выясняющія морфологію интересующаго насъ имени.

Подводя итогъ, мы можемъ формулировать его такъ: морфологія всѣхъ дошедшихъ до насъ остатковъ бастарнскаго языка ясно указываетъ на германское ихъ происхожденіе, чѣмъ окон-

чательно устраняется сомнѣніе въ германствѣ этого народа. Несостоятельность другихъ возраженій Томашека, основанныхъ на названіяхъ городовъ Καρρόδουνον на Днѣстрѣ, Νουιόδουνον на Дунаѣ и т. д., будетъ доказана дальнѣйшимъ ходомъ нашего изслѣдованія.

Мы должны, пока, покинуть бастарновъ, чтобы познакомиться съ другими неиранскими народностями, явившимися въ южнорусскія степи до прихода сюда готовъ, т. е. со скирами, нижнедунайскими кельтами и карпами.

Всего меньше мы знаемъ о скирахъ. Тѣмъ не менѣе германское происхожденіе этого народа не можетъ быть оспариваемо. Оно доказывается не только всѣмъ ходомъ исторіи его, но и двумя единственными, дошедшими до насъ, несомнѣнно скирскими личными именами: Edica и Hunuulfus Iord. 54,277. Восточно- и западногерманскія параллели см. Förstemann PN 369 s., 757 ss., 762.

Скиры впервые упоминаются въ Протогеновомъ псефизмѣ, какъ народность, угрожающая, вмѣстѣ съ галатами, греческой Ольвіи (выше стр. 102). Но откуда они пришли—на это въ надписи нѣтъ даже намека. Лишь черезъ два съ половиною столѣтія объ нихъ снова упоминаетъ Плиній IV, 13,97: Quidam haec habitari ad Vistlam usque fluvium a Sarmatis, Venedis Scirisque tradunt [1]). Такъ какъ Плиній, при перечисленіи, идетъ съ юго-востока на сѣверозападъ, то скировъ нужно искать на правомъ берегу средней или нижней Вислы, къ югу отъ готовъ.

Такъ, приблизительно, разсуждалъ, кажется, и Zeuss 156, думая, что въ «финнахъ» Птолемеева списка привислянскихъ народовъ (III, 5,8: Γύθωνες, εἶτα Φίννοι, εἶτα Σούλωνες κτλ.) скрываются скиры. Дѣйствительно, по точному смыслу Плиніевыхъ

---

1) Чтеніе Scirisque вм. рукописнаго Sciris, Hirris, принятаго всѣми новыми издателями, взято изъ Liber de mensura orbis terrae, авторъ котораго, ирландецъ Dicuil, писавшій ок. 810 г., имѣлъ передъ собою несомнѣнно лучшій текстъ Плинія. Hirris — нигдѣ болѣе не встрѣчающееся этническое названіе— есть, вѣроятно, глосса, рано попавшая въ текстъ. См. Zeuss 156, Pallmann II, 113 not. 5 и друг.

словъ, финны, повидимому, заняли тутъ мѣсто скировъ, хотя описка ΦΙΝΝΟΙ вм. ΣΚΙΡΟΙ, допускаемая Zeuss'омъ, едва-ли мыслима. Безъ всякаго сомнѣнія невѣренъ и его неожиданный выводъ, что скиры были восточными сосѣдями готовъ и жили около озера Спирдингъ въ восточной Пруссіи: это мѣсто, какъ мы знаемъ, уже занято готами. Ничего не доказываетъ тотъ фактъ, что скиры впослѣдствіи (въ V вѣкѣ) являются почти всегда въ обществѣ другихъ поморскихъ германцевъ, какъ-то руговъ, туркилинговъ, геруловъ: связь эта создана лишь этническимъ хаосомъ, наступившимъ въ южнорусскомъ и прикарпатскомъ краяхъ вслѣдствіе нашествія гунновъ, и еще до этого мы находимъ скировъ-же въ обществѣ приазовскихъ алановъ (см. ниже).

По той же причинѣ намъ кажется произвольнымъ мнѣніе Мюлленгофа DA. II, 87. 91, ищущаго родину скировъ гдѣ-то на Балтійскомъ морѣ, въ сосѣдствѣ руговъ и готовъ. Мнѣніе это находится въ связи съ его предположеніемъ, что туркилинги, которыхъ онъ, подобно Zeuss'у 155, отожествляетъ съ Ῥουτίκλειοι Птолемея, — ничто иное, какъ «die königliche Phyle der Skiren», DA. III, 319.

Всѣ эти догадки подсказаны желаніемъ открыть скировъ, хотя-бы подъ другимъ названіемъ, въ этнологическихъ спискахъ Птолемея, гдѣ ихъ нѣтъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Это-же желаніе вызвало, до извѣстной степени, и натяжки Муха, о которыхъ я говорилъ стр. 103.

Между тѣмъ, въ отсутствіи скировъ у Птолемея ничего страннаго нѣтъ. Вѣдь самъ же Мюлленгофъ DA. II, 91—100 неопровержимо доказалъ, что «вся внутренняя Сарматія представлялась Марину (= Птолемею) пустымъ пространствомъ, которое онъ наполнилъ именами съ безпримѣрнымъ въ древней географіи произволомъ» (l. c. 94 s.). Мы уже успѣли иллюстрировать этотъ выводъ нѣсколькими примѣрами и убѣдимся ниже, что только югозападный уголъ Сарматіи, оріентированный съ юга, на основаніи оффиціальныхъ римскихъ данныхъ, и сѣверозападная область на востокъ отъ готовъ, оріентированная съ

сѣвера, на основаніи сообщеній римскихъ купцовъ, даютъ болѣе или менѣе надежныя свѣдѣнія. Вся-же остальная бо́льшая часть Сарматіи Птолемея представляетъ почти непригодный, въ этнологическомъ смыслѣ, матеріалъ.

И такъ, молчаніе Птолемея о скирахъ нисколько не смущаетъ насъ. Мы принимаемъ за фактъ, что на Птолемеевой картѣ они не значились ни подъ этимъ, ни подъ инымъ именемъ, и считаемъ себя даже въ правѣ сдѣлать отсюда важный для насъ выводъ, что родину скировъ нужно искать именно въ Сарматіи, т. е. на востокъ отъ Вислы, такъ какъ умолчаніе о такомъ, сравнительно значительномъ народѣ на западъ отъ этой рѣки, т. е. въ области, въ общемъ хорошо извѣстной Птолемею, представляется болѣе чѣмъ невѣроятнымъ, почти невозможнымъ.

Мы нашли, слѣдовательно, у Птолемея косвенное подтвержденіе Плиніевыхъ словъ и возвращаемся, поэтому, къ точному смыслу послѣднихъ, помѣщая скировъ на правомъ берегу Вислы, между бастарнами и готами.

Правильность этой догадки подтверждается и дальнѣйшею исторіею скировъ. Появленіе ихъ подъ Ольвіей въ началѣ II вѣка до Р. Хр. не представитъ, съ этой точки зрѣнія, ничего невозможнаго: они двинулись на югъ по слѣдамъ бастарновъ, въ обществѣ которыхъ мы увидимъ и часть подкарпатскихъ кельтовъ. Но въ то время, какъ главная масса, обойдя Карпаты, направилась на югъ, чтобы скорѣе добраться до богатой, усѣянной греческими колоніями Ѳракіи, скиры, очевидно сохранявшіе полную независимость, вмѣстѣ съ галатами, отдѣлившись отъ бастарновъ, двинулись на востокъ, надѣясь на скорую добычу въ богатой и славной Ольвіи. Послѣ удачнаго отраженія ихъ нападенія на этотъ городъ (?), галаты, повидимому, снова хотѣли примкнуть къ бастарнамъ, но застряли — безразлично, теперь-ли, или на обратномъ пути вмѣстѣ съ певкинами, на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ мы ихъ находимъ впослѣдствіи подъ именемъ бритолаговъ (см. ниже стр. 126 сл.). Что сталось со скирами, мы не знаемъ. Можетъ быть, и они также снова послѣдовали за бастарнами

и вмѣстѣ съ послѣдними вернулись домой, въ первоначальную родину, на Вислу? [1]) Ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что на югъ двинулась только меньшая часть народа, тогда какъ бо́льшая оставалась дома. Если принять эту догадку, намъ станетъ яснымъ, почему Плиній знаетъ ихъ еще на Вислѣ.

Правда, этотъ фактъ могъ бы быть объясненъ еще тѣмъ, что Плиній пользовался, въ данномъ случаѣ, источникомъ болѣе древнимъ, чѣмъ движеніе скировъ во II вѣкѣ. Но, во первыхъ, это предположеніе само по себѣ невѣроятно, а во вторыхъ, появленіе скировъ въ V вѣкѣ на среднемъ Дунаѣ рядомъ съ ругами и т. д. всего лучше объясняется, если мы предположимъ, что главная масса ихъ оставалась на Вислѣ и была увлечена лишь послѣдними восточногерманскими пришельцами съ сѣвера, т. е. именно ругами или гепидами. Можетъ быть, скировъ нужно разумѣть между прочимъ подъ тѣми aliae nonullae gentes, которыхъ побѣдили, послѣ низверженія бургундовъ, гепиды въ своемъ движеніи на югъ по слѣдамъ готовъ Iord. 17,97. Во всякомъ случаѣ, они оставались, пока, надъ Карпатами.

Къ этому же выводу приводитъ насъ еще другой, весьма интересный фактъ. Къ «списку римскихъ провинцій», впервые изданному Момзеномъ [2]) по веронской рукописи VII вѣка, прибавленъ въ концѣ, тою же рукою, любопытный списокъ народовъ, подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: Gentes barbarae quae pullulauerunt sub imperatoribus. Народы перечисляются здѣсь далеко не въ строгомъ географическомъ порядкѣ; но если всмотрѣться, то мы замѣтимъ, что ихъ можно разбить на рядъ группъ, въ

---

1) Мнѣніе Муха 47, что они, т. е. скиры, остались въ дельтѣ Дуная на островѣ Пеуке, вслѣдствіе чего они получили потомъ имя пеукиновъ, рѣшительно ни на чемъ не основано, кромѣ ихъ товарищества съ галатами. Противъ него говоритъ многочисленность скировъ (см. ниже), и тотъ фактъ, что пеукины всѣми древними причисляются къ бастарнамъ, тогда какъ скиры всегда и всюду строго отличаются отъ нихъ.

2) Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin aus dem Jahre 1862. Berlin 1863. p. 489 ss.: Verzeichniss der römischen Provinzen, aufgesetzt um 297. Интересующій насъ этническій списокъ на стр. 492.

предѣлахъ которыхъ порядокъ соблюденъ. Напр. въ самомъ началѣ: scoti picti calidoni; rugi heruli saxones; нѣсколько дальше: iothungi armilausini marcomanni quadi taifruli (вм. taifali). Вслѣдъ за этими тайфалами идетъ рядъ: hermunduri uandali sarmatae sciri; затѣмъ carpi scitae gothi, откуда списокъ переходитъ уже въ Азію, продолжая: indii armenii и т. д.

Весь списокъ составленъ, очевидно, не позже середины IV вѣка, такъ какъ въ немъ еще нѣтъ гунновъ, а ихъ мѣсто, на крайнемъ востокѣ Европы, очевидно надъ Чернымъ моремъ, занимаютъ готы, какъ замѣтилъ уже Мюлленгофъ въ объяснительномъ приложеніи къ изданію въ указанномъ мѣстѣ, теперь DA. III, 311.

Такъ какъ вандалы по этому списку восточные сосѣди гермундуровъ, то они, очевидно, занимаютъ здѣсь мѣсто лугіевъ вообще, которыхъ списокъ не называетъ, а скировъ нужно искать на востокъ отъ нихъ, т. е. на средней или верхней Вислѣ. Что касается sarmatae, стоящихъ между ними, то они обозначаютъ, можетъ быть, лишь переходъ въ Сарматію, т. е. за Вислу (sarmatae: sciri). Или скиры уже сдвинуты съ мѣста и на Вислѣ стоятъ славяне? Что въ этихъ областяхъ къ началу IV вѣка уже произошли значительныя передвиженія въ составѣ народовъ — это не подлежитъ сомнѣнію (см. ниже). Конечно, тѣми же фактическими данными могъ бы воспользоваться и Мухъ, обосновывая свою идею о тожествѣ скировъ съ певкинами: онъ могъ бы отнести скировъ къ сосѣдству карповъ. Но по изложеннымъ уже причинамъ это тожество недопустимо, и наше объясненіе остается, поэтому, въ силѣ: скиры были извѣстны составителю списка еще въ первоначальной родинѣ на правомъ берегу Вислы или въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нея[1]).

Когда въ 406 году вандалы окончательно покинули прикарпатскія области и отправились, вмѣстѣ съ суевами, на западъ,

---

1) Къ тому же выводу приходитъ, по другимъ соображеніямъ, и Мюлленгофъ DA. III, 311 ss.

то ихъ мѣсто подъ Карпатами заняли, повидимому, скиры вмѣстѣ съ ругами, съ которыми главная масса ихъ уже болѣе не разстается. Дальнѣйшая судьба скировъ насъ здѣсь уже не касается. Она гораздо яснѣе древнѣйшей ихъ исторіи, въ которой многія частности остаются темными, и даже главныя черты болѣе или менѣе гипотетичны.

Мы можемъ, впрочемъ, дополнить ее еще одною подробностью.

Выше мы оставили открытымъ вопросъ о томъ, куда дѣвались ольвійскіе скиры. Можетъ быть, отвѣтъ дастъ слѣдующее соображеніе.

Когда около 381 г. передовые гунскіе отряды, перешедши черезъ нижній Дунай, впервые напали на римскія владѣнія, то въ ихъ обществѣ мы находимъ и скировъ, рядомъ съ карподаками. Императоръ Θеодосій отразилъ ихъ нападеніе и заставилъ ихъ вернуться черезъ Дунай домой: Σκύρους γὰρ καὶ Καρποδάκας Οὔννοις ἀναμεμιγμένους ἠμύνατο (Θεοδόσιος) καὶ ἐλαττωθέντας τῇ μάχῃ περαιωθῆναι τὸν Ἴστρον καὶ τὰ οἰκεῖα καταλαβεῖν συνηνάγκασεν Zosim. IV, 34. Еще худшимъ пораженіемъ кончилась другая подобная же попытка ок. 409 г. Предводитель (ἡγούμενος) гунновъ Οὔλδις, принужденный отступить за Дунай, потерпѣлъ страшный уронъ, причемъ въ особенности пострадали скиры, составлявшіе часть его войска: (Σκιροὶ) ἔθνος... βάρβαρον, ἱκανῶς πολυάνθρωπον, πρὶν τοιᾷδε περιπεσεῖν συμφορᾷ Sozom. IX, 5. Они отчасти были перебиты во время общаго бѣгства, отчасти, захваченные въ плѣнъ, распроданы и розданы рабами въ дальнія провинціи имперіи.

Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло, кажется, не съ подкарпатскими скирами: послѣдніе жили слишкомъ далеко на сѣверозападъ, за горами, и не были еще подчинены гуннами. Скорѣе всего, скиры 381 и 409 гг. стояли до этого гдѣ-нибудь на востокѣ, такъ какъ они подпали власти гунновъ раньше самихъ готовъ. Послѣдніе въ это время еще не были покорены окончательно и не участвуютъ еще въ гунскихъ набѣгахъ, тогда

какъ скиры были сдвинуты съ мѣста первымъ-же толчкомъ со стороны гунновъ. Ихъ постигла та-же судьба, которая досталась на долю задонскихъ алановъ, отдѣльные отряды которыхъ участвовали уже въ борьбѣ остготовъ во Ѳракіи противъ императора Валента въ 378 г. Amm. Marc. XXXI, 11, 6; 12, 17.

Эти факты приводятъ насъ къ мысли, что въ моментъ гунскаго нашествія скиры распадались на двѣ ясно различимыя части: первая, сѣверозападная, сидѣла сначала на средней Вислѣ, а затѣмъ передвинулись на средній Дунай, тогда какъ вторую, юговосточную часть нужно искать въ южнорусскихъ степяхъ, въ приазовьѣ, въ сосѣдствѣ съ аланами [1]). Къ болѣе точному опредѣленію ихъ земли, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ.

Нашу догадку подтверждаетъ дальнѣйшая исторія скировъ. Среднедунайскіе скиры вмѣстѣ съ ругами подпали власти гунновъ и, послѣ смерти Аттилы, сбросивъ съ себя иго, заняли независимое положеніе рядомъ съ ругами и паннонскими остготами. Ихъ государство было разгромлено остготами Валамира, дяди Теодорика Великаго, Iord. 53, 275 s.; а когда скиры, чтобы отомстить за пораженіе, приняли участіе въ коалиціи всѣхъ среднедунайскихъ германцевъ противъ готовъ, то Тіудемиръ, отецъ Теодорика, снова разбилъ ихъ, Iord. 54, 277 s. Это пораженіе нанесло могуществу скировъ ударъ, отъ котораго они уже не могли оправиться. Самостоятельной роли они послѣ этого уже не играли: остатки народа появляются, какъ извѣстно, въ войскѣ Одоакра; а скопленіе мѣстныхъ именъ съ основнымъ Scir- (совр. Scheier-, Scheuer-, Schier-) въ юго-

---

1) Мысль эта такъ естественно вытекаетъ изъ сопоставленія фактовъ, что она должна придти на умъ всякому, всматривающемуся въ исторію скировъ. Дѣйствительно, уже Zeuss 487 замѣтилъ двоякое географическое пріуроченіе имени скировъ и близость восточной части къ аланамъ, но онъ объясняетъ эту близость невѣрно, считая южнорусскихъ скировъ — аланскою народностью. Неясность и сбивчивость толкованія, которое даетъ Pallmann II, 115 ss., объясняется его невѣрнымъ пониманіемъ аланской исторіи. Раздвоеніе скировъ не представляетъ, какъ извѣстно, единичнаго явленія: такая же судьба постигла напр. геруловъ (см. ниже) и, въ меньшихъ размѣрахъ, руговъ, что вытекаетъ изъ сопоставленія Iord. 50,266 съ 54,277.

восточной Баваріи подъ Дунаемъ, доказываетъ, повидимому, что и тутъ также были скирскія поселенія [1]).

Совсѣмъ другую судьбу имѣли скиры юговосточные. Они послѣ гунскаго погрома ни разу не выступаютъ въ самостоятельной роли. Ихъ сила была, дѣйствительно, сломлена пораженіемъ 409 г. Послѣ распаденія государства Аттилы, они окончательно поселились въ Нижней Мэзіи Jord. 50, 265: Scyri vero et Sadagarii et certi Alanorum cum duce suo nomine Candac Scythiam minorem inferioremque Moesiam acceperunt. Это тотъ самый Candac, у котораго дѣдъ Іордана, Paria, служилъ нотаріемъ: тѣмъ больше довѣрія внушаетъ эта мелкая замѣтка.

Что касается упомянутыхъ здѣсь садагаріевъ, то они, вѣроятно, тожественны съ Sadagis, qui inferiorem Pannoniam possidebant. Jord. 53, 272. Когда на ихъ землю напали паннонскіе остготы, то къ нимъ поспѣшилъ на помощь Dintzic, сынъ Аттилы, въ войскѣ котораго мы находимъ между прочимъ Angisciros. Въ послѣднемъ имени нужно, очевидно, видѣть обозначеніе части (восточныхъ) скировъ, которая была еще подвластна Динтцику и освободилась, именно, вслѣдствіе его полнаго пораженія остготами [2]). Такъ какъ годъ перехода скировъ, садагаріевъ и алановъ въ Мэзію не опредѣляется Іорданомъ 50, 265, то мы можемъ отнести это событіе ко времени послѣ пораженія Динтцика и видѣть въ этихъ скирахъ именно ангискировъ, которые нигдѣ болѣе не встрѣчаются, а въ садагаріяхъ — аланскую на-

---

1) Намекъ на возможную связь нын. Scheiern съ именемъ скировъ мы находимъ уже у Zeuss'а 156 not. Увѣреннѣе выражается Мюлленгофъ, Nordalbingische Studien I (Kiel 1844) p. 123. Сюда относятся 2 Scheuern (недалеко къ югу отъ Регенсбурга и около Rosenheim'а), и Scheyern подъ Pfaffenhofen'омъ около Фрейзинга. Всѣ три имени встрѣчаются уже въ X и XI вв. въ формахъ Skira, Skiran, Skiren, Sciri и т. д. Мы можемъ прибавить къ нимъ еще Scierstat X в. и Skirilinga X в. нын. Schierling, оба подъ Регенсбургомъ, и Skieremuntinga X в. нын. Schörging на сѣверовостокъ отъ Rosenheim'а. Источники см. у Förstemann'а ON. 1312 s.

2) Готскій aggwus, дрврхнѣм. angi, engi «узкій, незначительный», имѣетъ въ срврхнѣм. очень часто значеніе «малый». Слѣдовательно, Angisciri=Малые скиры? Ср. Gothi, qui dicuntur minores Iord. 50, 267.

родность[1]). Въ Сарматіи Птолемея III, 5, 10 мы находимъ народъ съ схожимъ именемъ Σαργάτιοι (al. Σαγάρτιοι) въ сосѣдствѣ алановъ. Ср. Amm. Marcell. XXII, 8, 38 Halani et Sargetae. Если они тожественны съ нашими садагаріями (Zeuss 703, DA. III, 99 s.), то иранское происхожденіе ихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, ср. Πέρσαι... νομάδες... Σαγάρτιοι Herod. I, 125.

Въ товариществѣ скировъ и алановъ при общемъ переходѣ ихъ на римскую почву подъ предводительствомъ Кандака, несомнѣннаго алана, въ послѣдній разъ сказалась связь между этими народами, созданная ихъ вѣковымъ сосѣдствомъ въ приазовскихъ степяхъ. А такъ какъ намъ извѣстно только *одно* событіе, несомнѣнно раздвоившее скирскій народъ, — именно, движеніе бастарновъ во II вѣкѣ до Р. Хр. — то не слишкомъ смѣлымъ покажется и конечный выводъ, что въ скирахъ, напавшихъ на Ольвію, мы должны видѣть предковъ скировъ приазовскихъ. Въ силу своего географическаго положенія, они раньше готовъ подпали гунской власти и оставались подъ нею дольше своихъ германскихъ родичей, если они тожественны съ «Малыми скирами» въ войскѣ Динтцика. Мнѣ кажется, что и этотъ выводъ оправдывается фактами и соотвѣтствуетъ естественному теченію событій: сила этого, лишь «довольно многочисленнаго (ἱκανῶς πολυάνθρωπον)» народца, была уже подорвана пораженіями 381 и 409 г.; вотъ почему они освободились изъ-подъ гунскаго ига не собственною силою, а только вслѣдствіе полнаго обезсиленія гунновъ.

Конечно, мы признаемъ за своею догадкою лишь характеръ гипотезы. Нельзя, однако, не замѣтить, что она не только не противорѣчитъ имѣющимся на лицо даннымъ, но и примиряетъ противорѣчія, скрывающіяся въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ о скирахъ, не прибѣгая къ предположеніямъ, лежащимъ внѣ

---

1) Jord. 50, 265. Нѣкоторыя очень древнія рукописи (ВХУ) даютъ чтеніе «ceteri Alanorum» (вм. certi Alanorum), принятое всѣми издателями до Момзена.

фактовъ и внося нѣкоторый свѣтъ въ очень темныя международныя отношенія интересующей насъ эпохи.

Мы исчерпали все, что мы знаемъ достовѣрнаго о скирахъ, и можемъ, поэтому, перейти къ нижнедунайскимъ кельтамъ.

Прежде всего замѣтимъ, что присутствіе кельтскихъ поселеній близъ дельты Дуная не подлежитъ сомнѣнію. О нихъ впервые говоритъ Птолемей III, 10, гдѣ онъ въ трехъ отдѣльныхъ параграфахъ 7. 8. 9 рисуетъ краткую картину той части «Нижней Мэзіи» надъ Дунаемъ, которая была пріобрѣтена римлянами сравнительно недавно (ср. выше стр. 106) и являлась крайнимъ, на сѣверовостокѣ, римскимъ владѣніемъ. Здѣсь у него отмѣчены Βριτολάγαι ὑπὲρ τοὺς Πευκινούς[1]). Такъ какъ надъ этими бритолагами живутъ Ἄρπιοι, южные сосѣди тирагетовъ, доходящихъ до Днѣстра, то опредѣленіе ихъ земли не представляетъ трудностей: она занимала узкую полосу надъ нижнимъ Дунаемъ отъ моря до Серета(?) на западѣ, и обнимала, можетъ быть, часть дунайской дельты, не занятую пеукинами. Верстъ 25 къ сѣверу отъ Килійскаго Дуная уже начиналась область карповъ (см. ниже).

Это пріуроченіе подтверждается разночтеніемъ, которое даютъ нѣкоторыя рукописи, между прочимъ одна изъ лучшихъ, Миланская D 527 (S въ изд. Мюллера): Βριτογάλλοι δὲ ὑπὲρ τὰ στόματα (τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ). См. изданіе Мюллера 463 прим. [2], 469 прим. [6].

Варіантъ этотъ интересенъ и по той формѣ, которую онъ даетъ имени даннаго народа: онъ доказываетъ, что уже средневѣковые переписчики Птолемеева труда узнали въ этомъ народѣ кельтовъ, хотя самъ Птолемей ихъ таковыми не называетъ. Можетъ быть, въ этомъ чтеніи сохранилась даже первоначальная форма?

Впрочемъ, какое бы чтеніе мы ни приняли, Βριτολάγαι, Βριγολάγαι, Βριτολάται[2]) или, наконецъ, Βριτογάλλοι, — каждая

---

1) На кельтскій характеръ бритолаговъ указалъ впервые Томашекъ GGA. 1888 p. 301.

2) См. Мюллера 463 прим. [1]. Не опечатка-ли тутъ?

изъ этихъ формъ носитъ явно кельтскій, именно кельтскій, отпечатокъ. Ср. многочисленныя этническія названія и имена городовъ, сложныя съ brit- и brig- во всѣхъ древне-кельтскихъ областяхъ и, кромѣ того, гальскихъ Latovici Caes. Bell. Gall. I, 5, 4, верхнепаннонскихъ Λατόβικοι Ptol. II, 14, 2, несомнѣнно кельтскихъ Mars Latobius, Latobius Augustus въ надписяхъ, найденныхъ въ Норикумѣ, въ землѣ кельтскихъ таурисковъ, CIL. III. № 5320 s., 5097 s.; и, пожалуй, еще рѣку Lagina, нын. Leine, притокъ Aller, впадающей въ Везеръ[1]).

Кельтское происхожденіе бритолаговъ подтверждается, кромѣ того, названіями двухъ городовъ, лежавшихъ въ ихъ землѣ, а именно Новіодунумомъ и Аліобриксомъ.

Городъ Νουιόδουνον 54°40′ долг. 46°30′ шир. Ptol. III, 10, 5 стоялъ на мѣстѣ нын. Исакчи, на правомъ берегу Дуная. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ аванпостомъ бритолаговъ къ югу отъ этой рѣки, гдѣ мы не встрѣчаемъ другихъ кельтскихъ поселеній. Это былъ очень важный, въ свое время, стратегическій пунктъ, вслѣдствіе чего о немъ часто упоминаютъ какъ историки, такъ и надписи, ср. изданіе Мюллера 467 прим.[3], 468 прим.[1]. Здѣсь между прочимъ была стоянка римскаго легіона (legio I Jovia) еще при Діоклетіанѣ; здѣсь-же переправился черезъ Дунай императоръ Валентъ, предпринимая въ 369 г. походъ противъ вестготовъ Amm. Marcell. XXVII, 5, 6.

Что Νουιόδουνον кельтское имя, доказывается не только множествомъ извѣстныхъ кельтскихъ городовъ на — dunum, но и повтореніемъ всего имени въ несомнѣнно кельтскихъ областяхъ. Въ одной Галліи мы находимъ 4 города имени Noviodunum; нын. Neuvy en Bar, недалеко отъ Bourges; Noviodunum ок. нын. Mayenne Ptol. II, 8, 7; городъ съ тѣмъ же названіемъ въ землѣ свессіоновъ, нын. Soissons; и, наконецъ, нын. Nyon на зап. берегу Женевскаго озера. Ближе къ интересующей насъ области,

---

1) Первоначальная кельто-германская граница лежала на востокъ отъ Везера, см. DA. II, 232 ss.

у кельтовъ восточныхъ, Νοουιόδουνον въ Pannonia Superior, Ptol. II, 14, 4, вѣроятно нын. Новиградъ на Добрѣ, притокѣ Кульпы, впадающей въ Саву; и, нѣсколько сѣвернѣе, въ той-же Панноніи, Neviodunum, ок. нын. Мункендорфъ, при впаденіи Гурки въ Саву, гдѣ найдено нѣсколько римскихъ надписей съ этимъ именемъ.

Что касается Аліобрикса, то имя это называется только одинъ разъ, въ припискѣ въ концѣ 10 главы III книги Птолемея (Moesia Inferior), и то только въ одной Ватиканской рукописи 191 (X у Мюллера), принадлежащей, однако, къ лучшимъ кодексамъ нашего автора: ἀπέναντι Νοουιδούνου πέραν τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ ἐστὶ πόλις τῶν Γόθθων Ἀλιόβριξ (Мюллеръ 468 прим.[1]).

Приписка эта, конечно, принадлежитъ болѣе позднему времени чѣмъ самый текстъ, такъ какъ она предполагаетъ господство вестготовъ надъ этимъ краемъ. Но что это не готское, а кельтское поселеніе, явствуетъ изъ самаго имени: ср. множество городскихъ названій на — briga, этническихъ на — briges въ Испаніи, Галліи и т. д., въ особенности же Καιτόβριξ въ Hisp. Lusitania Ptol. II, 5, 2, нын. Setúbal; Βριξία Ptol. III, 1, 27 нын. Brescia; Βρίξελλον ibid. 42, нын. Brescello, близъ Пармы; и, наконецъ, извѣстныхъ гальскихъ аллоброговъ, иначе аллобриговъ (Ptol. II, 10, 7 Ἀλλόβριγες) съ главн. гор. Vienna, нын. Vienne.

Разбираемое нами имя находится въ ближайшемъ родствѣ съ послѣднимъ названіемъ, представляя лишь діалектическую разновидность вм. *Allobrix. Ср. ирл. aile, кимр. брет. all изъ пракельтск. aljo [1]).

Во всякомъ случаѣ, кельтское происхожденіе этого имени не подлежитъ сомнѣнію. Между Новіодунумомъ и Аліобриксомъ, на Дунаѣ, происходило, вѣроятно, свиданіе вестготскаго князя Атанарика съ императоромъ Валентомъ, о которомъ разсказываетъ Amm. Marc. XXVII, 5, 9.

Если, такимъ образомъ, бритолаги — кельты, въ чемъ, мнѣ

---

1) Не знаю, имѣемъ-ли мы право отнести сюда-же гор. Aliassus ок. нын. Köprükioj въ малоаз. Галатіи, въ землѣ тектосаговъ; и Alisca въ нижней Панноніи на Дунаѣ, близъ нын. Szegzard.

кажется, сомнѣваться нельзя, то намъ остается лишь рѣшить вопросъ, откуда, когда и при какихъ обстоятельствахъ этотъ народецъ могъ быть заброшенъ сюда, въ этотъ дальній уголокъ, такъ далеко отстоящій отъ центровъ кельтскаго міра.

Высказанная нами на стр. 103 догадка, что галаты ольвійской надписи предки нижнедунайскихъ бритолаговъ, дала уже отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но раньше чѣмъ окончательно остановиться на этомъ рѣшеніи и подробнѣе обосновать его, мы должны замѣтить, что мыслимы были бы еще другія объясненія: въ бритолагахъ можно видѣть кельтовъ Ѳракійскихъ или выходцевъ изъ земли скордисковъ между Савой и Дравой. Дѣйствительно, первое мнѣніе высказалъ еще въ 1834 г. A. Schmidt, второе — Böckh[1]). Они оба имѣли въ виду не бритолаговъ, а ольвійскихъ галатовъ; но это для насъ, конечно, безразлично. Всматриваясь, мы найдемъ, что ни то ни другое объясненіе не выдерживаетъ критики.

Кельты, занявъ ок. 400 г. до Р. Хр. восточные Альпы, двинулись тогда-же дальше на югъ и овладѣли почти всѣмъ сѣверозападнымъ угломъ балканскаго полуострова къ югу отъ Савы. Здѣсь исходный пунктъ того кельтскаго посольства, которое въ 334 г. явилось въ лагерь Александра Македонскаго, воевавшаго въ то время съ гетами на нижнемъ Дунаѣ. Ихъ нашествія на Ѳракію начались въ 281 г. Pausan. X, 19, 4, и были направлены, главнымъ образомъ, на западъ и югъ полуострова. Въ 279 г. огромное войско подъ начальствомъ Бренна дошло даже до Эллады, но было разбито, какъ извѣстно, при Дельфахъ Iustin. XXIV, 6—8; Pausan. X, 19, 5 ss. — 23. По преданію, остатки этого войска основали на обратномъ пути ок. 278 г. подъ начальствомъ Комонторія, государство въ юго-восточной

1) A. Schmidt, De fontibus veterum scriptorum in enarrandis expeditionibus Gallorum adversus Delphos susceptis. 1834 p. 22.—A. Boeckhius CJG. II (1843) p. 85 s. Къ мнѣнію Шмидта примкнулъ Латышевъ, Изслѣдованія стр. 66 сл.; къ мнѣнію Бёка—Диттенбергеръ, Sylloge inscr. Graecar. 363. Послѣдній допускаетъ, впрочемъ, также рѣшеніе въ пользу ѳракійскихъ кельтовъ.

Ѳракіи, съ главнымъ городомъ Τύλη (Τύλις Steph. Byz. s. v.) между Балканами и Византіей Polyb. IV, 45, 10; 46, 1 ss. Византійцы должны были платить имъ ежегодную дань для огражденія своего города отъ ихъ нашествій, пока, наконецъ, ихъ царство не было уничтожено возставшими ѳракійцами. При этомъ τὸ γένος αὐτῶν (scil. Γαλάτων) ἐξεφθάρη πᾶν, ὑπὸ Θρακῶν ἐκ μεταβολῆς ἐπικρατηθέν. Polyb. l. c. Это событіе относится къ 213 г.[1]).

Вотъ съ этими то галатами и связываетъ Шмидтъ въ указ. мѣстѣ, а за нимъ и Латышевъ, галатовъ ольвійской надписи. Но возможно-ли это? О распространеніи кельтскихъ нашествій до устьевъ Дуная, а тѣмъ болѣе за эту рѣку, нѣтъ рѣшительно никакихъ извѣстій. Пораженіе гетовъ и трибалловъ галатами, о которомъ говоритъ Justin. XXV, 1, 2 s., имѣло мѣсто гораздо южнѣе и нанесено, вѣроятно, именно галатами Комонторія, гдѣ-нибудь около Балканскаго хребта, ср. DA. III, 144. А послѣ событій 213 г. они и подавно не могли дойти до Дуная. Не говоря уже о томъ, что они, по Полибію, всѣ были перебиты въ сраженіи, на что указалъ уже Duncker Origines 81, пришлось бы допустить, что уцѣлѣвшіе остатки ихъ проложили себѣ путь черезъ области, сплошь занятыя ихъ врагами, ѳракійскими гетами, только что нанесшими имъ пораженіе. Путь къ спасенію лежалъ не на востокъ, а на сѣверозападъ, гдѣ въ области Моравы сосредоточивались главныя силы балканскихъ кельтовъ.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что бритолаги не могли явиться на нижній Дунай съ юга.

Очень неправдоподобно также мнѣніе Böckh'a, что галаты отдѣлились отъ скордисковъ на Савѣ. Оно предполагаетъ походъ вдоль Дуная, о которомъ не осталось никакихъ слѣдовъ въ трудахъ историковъ, такъ зорко слѣдившихъ за движеніями кельтовъ. Притомъ, такое предпріятіе невѣроятно и по причинамъ

---

1) Cp. Schmidt, Das olbische Psephisma zu Ehren des Protogenes, въ Rheinisches Museum für Philologie IV (Bonn 1835—36) p. 596.

внутреннимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло побудить кельтовъ двинуться въ бѣдныя нижнедунайскія степи и, въ концѣ концевъ, даже поселиться тамъ, когда передъ ними лежала богатая Ѳракія? Мы уже замѣтили выше, что нашествія ихъ направлены, главнымъ образомъ, на югъ: это тактика вполнѣ понятная.

Наконецъ, еслибъ Schmidt или Böckh были правы, то какимъ образомъ ольвійскіе галаты могли оказаться въ обществѣ скировъ?

Однимъ словомъ, все приводитъ насъ къ заключенію, что галаты ольвійской надписи, т. е., какъ мы думаемъ, позднѣйшіе бритолаги, могли явиться сюда только съ сѣвера, и что къ сѣверу отъ Дуная лежитъ ихъ исходный пунктъ.

Отыскать послѣдній — не трудно: вся сѣверная, гористая Венгрія была, подобно Моравіи и Богеміи, нѣкогда заселена кельтскими народностями, тянувшимися непрерывною цѣпью отъ Рудныхъ Горъ до Лѣсныхъ Карпатъ. Занятіе этихъ обширныхъ областей кельтами было, безъ сомнѣнія, результатомъ того-же «похода Сиговеза», въ теченіе котораго они заняли восточные Альпы, иначе говоря, оно относится ко времени ок. 400 г. до Р. Хр. и было результатомъ, вѣроятно, *одного* движенія, не двухъ, какъ полагалъ Мюлленгофъ DA. II, 277. Дѣло въ томъ, что волковъ-тектосаговъ Юлія Цезаря Bell. Gall. VI, 24, 2 нужно искать не въ Богеміи, а въ Моравіи; они пришли не по слѣдамъ боіевъ въ покинутую ими Богемію, а предшествовали имъ въ движеніи на востокъ. Это неопровержимо доказывается тѣмъ, что вся область на западъ отъ Богеміи до Рейна была занята германцами еще до выселенія боіевъ въ Паннонію и Норикумъ, послѣдовавшаго ок. 60 до Р. Хр., ср. DA. II, 265; Мухъ 4 s., 10 s. Шварцвальдъ уже на Tab. Peut. носитъ названіе Silva Marciana, конечно, отъ герм. mark; а съ другой стороны, по свидѣтельству Юлія Цезаря, тектосаги не мѣняли разъ занятаго мѣста, Bell. Gall. VI, 24, 2: loca circum Hercy-

niam silvam... Volcae Tectosages occupaverunt atque ibi consederunt; quae gens ad hoc tempus his sedibus sese continet.

А если тектосаги заняли Моравію не позже начала IV в. до Р. Хр., то болѣе чѣмъ вѣроятно, что кельтскія народности, жившія дальше на востокъ, явились сюда около того-же времени, если не раньше. Съ одною изъ нихъ, именно съ котинами на верхнемъ Гранѣ, мы уже познакомились на стр. 45. Но они занимаютъ лишь центръ позиціи карпатскихъ кельтовъ. Если Тацитъ не знаетъ другихъ кельтовъ въ предѣлахъ Германіи (въ римскомъ смыслѣ этого слова), то это только потому, что западные, кельтскіе-же сосѣди котиновъ отчасти выселились (боіи), отчасти погибли (тектосаги) въ борьбѣ съ надвигавшимися съ запада и съ сѣвера германцами: квадами, марсингами, бурами. Да и сами котины потерпѣли уронъ въ этой борьбѣ, если Κότνοι въ сѣверовосточномъ углу Панноніи Ptol. II, 14, 2 дѣйствительно, часть этого народа, переселившаяся сюда вслѣдъ за боями, DA. II, 327 s., или спасшаяся бѣгствомъ отъ квадовъ, послѣ гибели тектосаговъ, Much 14. Котины-же на Гранѣ, не желая разстаться съ своей землей, богатой рудниками, подпали власти квадовъ (выше стр. 45).

Не такъ ясна, съ перваго взгляда, этнологія сѣверной Венгріи.

Чтобы разобраться въ очень сложномъ этнологическомъ составѣ прикарпатскихъ областей и въ географическомъ распредѣленіи его, мы не можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ, съ этой точки зрѣнія, однихъ только сѣверныхъ комитатовъ Венгріи, а должны включить въ изслѣдованіе болѣе обширное пространство: всю Венгрію, Галицію съ Буковиной и Румынію, или, по терминологіи Птолемея: всю римскую Дакію, прилегающую къ ней на сѣверѣ южную полосу Сарматіи и, отчасти, нижнюю Мэзію. Это отступленіе отъ нашей ближайшей задачи будетъ нелишнимъ уже потому, что оно приведетъ насъ къ нѣкоторымъ важнымъ для насъ результатамъ, и потому еще, что оно касается области, впослѣдствіи вошедшей въ сферу готскаго вліянія.

Нѣкоторыя части только-что очерченнаго нами края уже выяснились намъ этнологически: надъ Лѣсными Карпатами въ нын. Галиціи, отчасти и въ Бескидахъ, мы нашли бастарновъ, жившихъ тамъ уже въ доисторическое время (стр. 105), а за Прутомъ на Днѣстрѣ мы отмѣтили тирагетовъ (стр. 91 слѣд.).

Такъ какъ наша задача хронологически опредѣляется III вѣкомъ до Р. Хр., то мы должны исключить изъ интересующаго насъ пространства суевовъ Ваннія и сарматскихъ язиговъ, которые заняли свои области почти одновременно и гораздо позже: первые — равнину надъ среднимъ Дунаемъ между Моравою и Эйпелемъ — въ 19 г. по Р. Хр. Tac. Annal. II, 63; вторые — равнину Тиссы — ок. 20 — 40 гг. нашей эры (см. выше стр. 94). До этихъ событій земля суевовъ была занята кельтами [1]), а земля язиговъ — несомнѣнно даками [2]). Этимъ значительно упрощается наша задача.

Главнымъ нашимъ источникомъ будетъ и здѣсь также Птолемей, который даетъ наиболѣе полную картину интересующаго насъ края. Правда, очерчивая эту картину и распредѣляя по ней народности, онъ имѣетъ въ виду Дакію II в. по Р. Хр. Но такъ какъ въ промежутокъ времени отъ вторженія кельтовъ ок. 400 г. до Р. Хр. вплоть до Птолемея большихъ народныхъ передвиженій въ нын. Венгріи, повидимому, не было, — за исключеніемъ только что отмѣченныхъ, — то мы имѣемъ право перенести Птолемееву картину и на III в. до начала христіанскаго лѣтосчисленія.

Всматриваясь въ рисунокъ Дакіи по Птолемею III, 8, 1. 2, мы замѣтимъ, прежде всего, что онъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и далеко не точно передаетъ фактическія границы римскихъ владѣній. На югѣ его Дакія, правда, вѣрно ограничивается Дунаемъ (мы не говоримъ, пока, о не-

---

1) Всѣ среднедунайскіе города носятъ кельтскія названія, ср. Vindobona, Carnuntum, Arrabona, Brigetio.

2) Ср. Plin. IV, 12, 80: pulsi ab his (scil. Jazygibus Sarmatis) Daci.

правильности рисунка послѣдняго); но зато на западѣ границу составляетъ у него Тисса (Τιβίσκος), т. е. меридіанъ 46° до Карпатскихъ горъ (Καρπάτον Ὄρος), начало которыхъ отмѣчено подъ 46° долг. и 48° 30′ шир. (III, 5, 1); на сѣверѣ къ Дакіи примыкаетъ Сарматія по прямой линіи параллели 48° 30′ отъ Карпатъ до 53° долг., т. е. до средняго Днѣстра, гдѣ послѣдній поворачиваетъ на югъ (III, 5, 6); а на востокѣ границу составляетъ меридіональная линія отъ этого пункта до Серета (Ἱέρασος ποταμός) и теченіе этой рѣки до ея впаденія въ Дунай ок. Диногетіи (противъ нын. Галаца).

Въ дѣйствительности-же римская Дакія была значительно меньше, уже потому, что она не доходила на западѣ до средней Тиссы. Начинаясь на нижней Тиссѣ около нын. Csurog, верстахъ въ 70 отъ впаденія ея въ Дунай, граница направлялась на сѣверовостокъ, пересѣкала Марошъ подъ нын. Арадомъ, огибала дугообразной линіей съ сѣверозапада семиградскія горы и, вторично достигнувъ Тиссы въ верхнемъ ея теченіи подъ нын. Sziget'омъ, пересѣкала Лѣсныя Карпаты и, наконецъ, упиралась въ Днѣстръ повыше нын. Хотина [1]). Отсюда она шла по Днѣстру до ἐπιστροφή послѣдняго въ указанномъ пунктѣ. Мы увидимъ ниже, что подъ этимъ пунктомъ нужно разумѣть мѣсто между селеніями Сарацея и Бѣлочь, гдѣ въ Днѣстръ впадаетъ рѣчка Окны: здѣсь Днѣстръ, дѣйствительно, круто поворачиваетъ на югъ.

Правъ-ли Птолемей, указывая здѣсь крайнюю сѣверовосточную точку Дакіи, или-же не кончалась-ли Дакія уже у Хотина, гдѣ Прутъ очень близко подходитъ къ Днѣстру, либо въ точкѣ пересѣченія Прутомъ пограничной линіи въ нын. Буковинѣ — это вопросъ второстепенный. Онъ сводится къ тому, принадлежалъ-ли въ эпоху Птолемея сѣверозападный уголъ

---

1) Правильность этой линіи доказывается археологическими находками, историческими данными и т. д. См. любую историческую карту. Разногласія возможны только въ мелкихъ частностяхъ.

Бессарабіи къ Дакіи или къ провинціи Нижней Мэзіи. А это для насъ, конечно, безразлично.

Птолемей ошибся, вѣроятно, и въ томъ, что онъ указалъ Серетъ вм. Прута восточною границею Дакіи. См. объ этомъ ниже.

Но важнѣе то, что сѣверная граница римскихъ владѣній въ этой части карты, въ общемъ, вѣрно очерчена имъ: она, дѣйствительно, представляла почти прямую линію отъ устья Буга по крайней мѣрѣ до Хотина, въ сѣверной Бессарабіи (см. ниже), съ тою только разницею, что въ дѣйствительности эта линія идетъ съ юговостока на сѣверозападъ, тогда какъ у Птолемея она представлена прямою параллелью 48° 30′.

Мы должны теперь точнѣе опредѣлить эту сѣверную границу на всемъ ея протяженіи, чтобы выяснить неправильности всего рисунка и отношеніе его къ римской Дакіи. Мы не можемъ перейти къ этнологіи этого края, не рѣшивъ въ точности, что̀ именно Птолемей разумѣлъ подъ своей Дакіей.

Границу эту составляетъ у него, какъ мы уже знаемъ, продолженіе линіи, ведущей отъ устья Буга къ ἐπιστροφή Днѣстра. Съ легкимъ отклоненіемъ на сѣверъ, въ зависимости отъ теченія этой рѣки, она слѣдуетъ послѣдней приблизительно до Хотина (ἀπὸ ἐπιστροφῆς.... μέχρι τοῦ πέρατος, οὗ θέσις 49° 30′—48° 30′ III, 5, 6). Важно, что Птолемей говоритъ тутъ не объ источникѣ (πηγή) Днѣстра, а лишь объ одной точкѣ средняго его теченія. Дѣйствительно, граница покидаетъ здѣсь Днѣстръ, не достигнувъ его источника, и идетъ отсюда къ Карпатамъ до ихъ «начала» (ἡ ἀρχὴ τοῦ Καρπάτου ὄρους), подъ которымъ нужно разумѣть, какъ мы увидимъ, начало Лѣсныхъ Карпатъ, опредѣляемое теченіемъ Попрада, притока Дунайца. Верховья этой рѣки лежатъ на меридіанѣ устья Тиссы (20° 18′ отъ Гринича). Этотъ меридіанъ, идущій приблизительно, по Тиссѣ въ нижнемъ теченіи ея [1]), составляетъ западную границу его Дакіи. Пере-

1) Птолемей III, 7, 1 имѣетъ очень вѣрное и точное представленіе о теченіи этой рѣки.

сѣкая сѣверную днѣстровскую линію, онъ образуетъ съ нею острый уголъ, не прямой, какъ у Птолемея. Но причина этой ошибки ясна: карта Дакіи оріентирована съ юга, базисомъ служилъ Дунай и рисунокъ получился, въ общихъ чертахъ, вѣрный. Поднѣстровье-же оріентировано съ береговъ Чернаго моря, рисунокъ котораго невѣренъ по слѣдующей причинѣ.

Одна изъ немногихъ точекъ Европы, широта которой была опредѣлена астрономически почти совсѣмъ точно еще Пиѳеемъ въ IV в. до Р. Хр., это — Марсель (Ptol. II, 10, 5: 43° 5′, въ дѣйствительности 43° 17′). Она служила, поэтому, однимъ изъ основныхъ пунктовъ древней картографіи. Съ другой стороны Гиппархъ во II в. до Р. Хр., ища такую-же твердую точку опоры для восточной Европы, подвергъ опредѣленію, посредствомъ гномона, широту Византіи (Strabo I, 4, 4) и — сдѣлалъ грубую ошибку. Византія оказалась у него на той-же параллели 43° 5′, тогда какъ фактически она лежитъ подъ 41° 1′ шир.

Ошибку эту переняли у него всѣ позднѣйшіе географы, между проч. Маринъ и Птолемей, ср. Bunbury I, 661; II, 8. 562. Ясно, что она должна была повліять и на рисунокъ Чернаго моря, южное побережье котораго оказалось, вслѣдствіе этого, отодвинутымъ на сѣверъ на 2°. По западному берегу разность была, правда, уменьшена вслѣдствіе неточности дальнѣйшихъ вычисленій Птолемея, такъ что устье Днѣстра отмѣчено подъ 47° 40′ шир. (III, 10, 7) вм. 46° 5′, т. е. всего на 1° 35′ слишкомъ далеко на сѣверъ, а ἐπιστροφή его оказывается подъ 48° 30′ шир. вм. 47° 50′, т. е. разность уменьшена до 40′. Но тѣмъ не менѣе она и здѣсь такъ велика, что совсѣмъ видоизмѣнила рисунокъ Днѣстра, значительно приблизивъ широту ἐπιστροφή его къ параллели τῆς ἀρχῆς τοῦ Καρπάτου; а это дало Птолемею возможность изобразить сѣверную границу Дакіи въ видѣ прямой линіи по параллели 48° 30′, такъ какъ онъ передвинулъ начало Карпатъ на 40′ южнѣе, можетъ быть,

вслѣдствіе невѣрнаго рисунка Тиссы [1]) и неточныхъ вычисленій въ центральной Дакіи, или изъ желанія схематизаціи [2]). Во всякомъ случаѣ, меридіанъ въ предѣлахъ Венгріи оказался короче чѣмъ въ дѣйствительности: разстояніе отъ устья Тиссы до Карпатъ на его картѣ равно 2125 стадіямъ (1° шир.=500 стад.) т. е. 392,4 килом., фактически же оно равняется приблизительно 470 килом.

Съ другой стороны, и параллель также короче, опять-таки въ зависимости отъ неправильнаго рисунка Чернаго моря.

Извѣстно, что долгота мѣстности была, вслѣдствіе отсутствія точныхъ часовъ, почти неопредѣлима для древнихъ; она имѣетъ всегда лишь относительную точность. Неудивительно, поэтому, что гор. Тирасъ (нын. Аккерманъ) оказался у Птолемея III, 10, 8 на одномъ меридіанѣ съ Византіей, т. е. на 56° долг., тогда какъ въ дѣйствительности Византія лежитъ на меридіанѣ 29° отъ Грин. а Тирасъ на 30° 30′, т. е. на $1\frac{1}{2}$° восточнѣе. Вслѣдствіе этого, западный берегъ Чернаго моря получилъ почти меридіальное направленіе вм. значительнаго отклоненія сѣверныхъ частей его на востокъ; Днѣстръ оказался передвинутымъ на западъ на цѣлыхъ $1\frac{1}{2}$°, а это повлекло за собою съуженіе рисунка сѣверной Дакіи. При этомъ, ошибка должна была сказаться не въ восточной, а въ западной части пограничной линіи, отъ Хотина до «начала Карпатъ», которую Птолемей не могъ провѣрить на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Онъ начиналъ расчетъ съ береговъ Чернаго моря. Опредѣляя на картѣ важнѣйшіе пункты имперской границы отъ устья Буга до Хотина, онъ имѣлъ передъ собою, очевидно, точный геодезическій матеріалъ, т. е. расчетъ разстояній по стадіазмамъ. Дѣйствительно, разстояніе отъ ἐπιστροφή Днѣстра до Ольвіи и Тираса нанесено на карту совершенно вѣрно (см. ниже); точно

1) Устье Тиссы отмѣчено подъ 46° долг. 44°15′ шир. т. е. на 53′ южнѣе чѣмъ въ дѣйствительности (45° 8′ шир.).

2) Птолемей всегда старается схематизировать карту и придать каждой изъ ея частей прямолинейную фигуру.

также вѣренъ его расчетъ разстоянія отъ этого пункта до того мѣста надъ Хотинымъ, гдѣ римская граница покидала Днѣстръ.

Продолжая затѣмъ линію до начала Карпатъ, онъ уже не могъ опредѣлить длину этой части по стадіямъ, такъ какъ она лежала за предѣлами имперіи, т. е. мы имѣемъ *тутъ* дѣло съ линіей чисто геометрической, не геодезической. Разстояніе отъ πέρας Днѣстра до ἀρχή τοῦ Καρπάτου равно у него 3° 30′ долг.; а такъ какъ 1° долг. на данной шир. 48° 30′ на картѣ Птолемея равенъ 331,3 стад. (см. ниже), то, слѣдовательно, 3° 30′ = 1159,5 стад. = 214,1 кил. Фактически, однако, данное разстояніе равно приблиз. 423 кил. Слѣдовательно, ошибка выразилась въ 208,9 килом.

Этотъ минусъ, однако, слишкомъ великъ: указанная нами ошибка въ черноморскомъ рисункѣ оправдываетъ лишь минусъ въ $1\frac{1}{2}$° = 91,7 килом. Необъясненными остаются еще 117,2 килом. Мы могли бы помириться съ этимъ, такъ какъ на такихъ огромныхъ разстояніяхъ подобная разность можетъ казаться незначительною. Но, чтобы показать послѣдовательность Птолемея и тѣмъ какъ бы увеличить его научный кредитъ, мы объяснимъ и этотъ остатокъ.

Сдѣлать это не трудно. Черное море тутъ не при чемъ: основная ошибка кроется въ рисункѣ средняго Дуная отъ Κάρπις (въ точкѣ пересѣченія Дуная и меридіана 19° отъ Грин. на 47° 50′ шир.) до устья Тиссы. Между ними разстояніе по параллели 47° 50′ равно прибл. 97 килом., у Птолемея же, у котораго 1° долг. на широтѣ 48° равенъ 334,5 стадіямъ, а устье Тиссы лежитъ на 46° долг., Κάρπις на 42° 30′, это разстояніе = 1170,7 стад. = 216,2 килом., иначе говоря, меридіанъ устья Тиссы, на широтѣ 48°, проходитъ у Птолемея на 119,2 кил. восточнѣе фактическаго его меридіана. Считая все по той-же параллели, это представляетъ собою восточное отклоненіе въ 645,3 стад., т. е. 1° 55′. Такъ какъ «начало Карпатъ» лежитъ, по Птолемею, на меридіанѣ устья Тиссы то, слѣдовательно, и оно также отклонилось на востокъ на 1° 55′. Съ другой сто-

роны, на широтѣ 48° 30′, на которой лежитъ ἀρχὴ τοῦ Καρπάτου, 1° долг. = 331,3 стад.; слѣдовательно, начало Карпатъ передвинулось на востокъ на 634,9 стад. = 117,2 кил. Это тѣ самые 117,2 кил., которыхъ не хватало выше.

Мы поняли теперь рисунокъ Дакіи вполнѣ, выяснивъ причины неправильности его. А отсюда необходимо слѣдуетъ выводъ, очень важный для насъ: подъ ἀρχὴ τοῦ Καρπάτου ὄρους Птолемей разумѣлъ именно начало Лѣсныхъ Карпатъ ок. нын. селенія Muszyna на Попрадѣ, а подъ πέρας Днѣстра — нын. Хотинъ въ сѣв. Бессарабіи; т. е. его Дакія обнимаетъ, дѣйствительно, всю Венгрію на востокъ отъ меридіана нижней Тиссы (20°18′ Грин.), южный уголокъ Галиціи, всю Буковину и всю Румынію до Дуная.

Мы уже знаемъ, что эта его Дакія значительно больше римской провинціи этого имени. Но мы можемъ оправдать его рисунокъ и съ этой, такъ сказать, внутренней стороны. Онъ объясняется не однимъ только стремленіемъ его схематизировать всякую карту.

Птолемей даетъ, въ сущности, естественную границу Дакіи. Фактическая сѣверозападная граница послѣдней проходила, какъ мы видѣли, гораздо южнѣе, охватывая лишь юговосточную, горную область; но она, конечно, никогда не была намѣчена оффиціально измѣренной линіей, ни обезпечена, именно въ этомъ направленіи, договорами съ сосѣдями и т. д. Фактическіе слѣды римскаго владычества, находимые въ Венгріи, держатся всѣ въ указанныхъ нами предѣлахъ той области, въ которой, еще при Траянѣ, около 107 г., было введено провинціальное правленіе. Но не будь маркоманской войны въ концѣ II и вторженія германскихъ варваровъ въ III вѣкѣ, заставившихъ римлянъ отказаться отъ Дакіи въ 272 г., то, конечно, римское завоеваніе не остановилось бы здѣсь, а дошло бы, по меньшей мѣрѣ, до естественныхъ границъ, т. е. сѣверной части Карпатъ. Птолемей и его современники не могли, разумѣется, предвидѣть тотъ неожиданный оборотъ, который приняли въ III вѣкѣ дѣла въ Дакіи.

Правда, наступательная политика первыхъ императоровъ уже успѣла превратиться въ оборонительную, и само учрежденіе дакійской провинціи имѣло, прежде всего, оборонительную цѣль; но могущество имперіи именно тогда, къ серединѣ II вѣка, достигло зенита, и географъ, изображая на картѣ территоріальное выраженіе этого могущества, легко могъ, въ данномъ случаѣ, преувеличить его, замѣняя фактическія границы естественными. Притомъ, такое изображеніе едва-ли слишкомъ рѣзко противорѣчило дѣйствительности. Птолемей не могъ не знать, что широкая равнина Тиссы не входила въ составъ имперіи. Но, безъ сомнѣнія, римское политическое вліяніе было здѣсь очень велико. О прямыхъ враждебныхъ столкновеніяхъ Рима съ сосѣдями въ сѣверныхъ Карпатахъ мы, послѣ учрежденія провинціи, также ничего не знаемъ: очевидно, сношенія ихъ съ римскимъ правительствомъ были, въ общемъ, дружественны и носили характеръ федеративный [1]). Доказательствомъ этого можетъ служить, между прочимъ, надгробный памятникъ, поставленный койстобокскими царевичами въ Римѣ (см. ниже). Однимъ словомъ, мы думаемъ, что Птолемей былъ, конечно, неправъ, принимая сѣверныя Карпаты за оффиціальную границу римской провинціи Дакіи, но что, тѣмъ не менѣе, его карта соотвѣтствуетъ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Въ интересахъ правительства было сохранять сѣверныхъ сосѣдей въ федеративной зависимости, если можно такъ выразиться. Они служили оплотомъ отъ сѣверныхъ варваровъ, не стоившимъ ни денегъ, ни войскъ. Послѣднія можно было сосредоточить въ горной части Дакіи, т. е.

---

1) Императоръ Адріанъ хотѣлъ отозвать легіоны изъ Дакіи, т. е. отказаться отъ этой провинціи Eutrop. VIII, 6, но не вслѣдствіе столкновеній съ сосѣдями, а въ силу общаго принципа его политики, стремившейся къ консолидаціи власти въ прежнихъ предѣлахъ. Онъ отказался изъ-за этого отъ Ассиріи, Месопотаміи и Арменіи, — провинцій, созданныхъ также его предшественникомъ Траяномъ. Завоевательная политика была ему совершенно чужда.

ный. Семиградьѣ; а защитить эту область было, сравнительно, легко.

Обращаясь теперь къ болѣе важному для насъ вопросу, къ этнологіи даннаго края, мы находимъ у Птолемея-же очень богатый матеріалъ. Ища географическое положеніе каждой изъ отмѣченныхъ имъ народностей, мы должны, конечно, имѣть въ виду не римскую провинцію, а всю Птолемееву Дакію въ выяснившихся намъ предѣлахъ.

Птолемей III, 8, 3 называетъ въ ней всего 15 этническихъ именъ, располагая ихъ на картѣ, по обыкновенію, схематически, т. е. въ три ряда, по пяти именъ въ каждомъ. Вслѣдствіе этого получается слѣдующая фигура:

Ἄναρτοι	Τευρίσκοι	Κοιστοβῶκοι
Πρεδαυήνσιοι	Ῥατακήνσιοι	Καυκοήνσιοι
Βίηφοι	Βουριδαυήνσιοι	Κοτήνσιοι
Ἀλβοκήνσιοι	Ποτουλατήνσιοι	Σήνσιοι
Σαλδήνσιοι	Κειάγισοι	Πιέφυγοι

Первый горизонтальный рядъ примыкаетъ къ сѣверной границѣ Дакіи, послѣдній — къ Дунаю. Мы увидимъ, что этотъ порядокъ, въ общихъ чертахъ, совершенно вѣрно передаетъ дѣйствительное расположеніе данныхъ народностей, хотя въ частностяхъ мы можемъ, конечно, отступать отъ схематическаго рисунка Птолемея.

Прежде всего, мы должны замѣтить, что большинство данныхъ именъ взято нашимъ авторомъ изъ новаго римскаго источника. На это указываютъ 9 разъ повторяющіяся формы на — ηνσιοι = лат. -enses. Очевидно, передъ нимъ былъ матеріалъ оффиціальный, такъ какъ формы эти доказываютъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ древними этническими названіями, а съ новыми, искусственно созданными, административными: населеніе названо какъ бы по уѣздамъ [1]). Buridavenses — жители округа

1) Ср. въ Moesia Inferior Ptol. III, 10, 4: Οἰτήνσιοι, Ὀβουλήνσιοι, Διμήνσιοι, Πιαρήνσιοι.

гор. Buridava, Potulatenses — населеніе уѣзда гор. Potula. Пріурочить эти два имени нетрудно: гор. Burridava, не встрѣчающійся у Птолемея, отмѣченъ на Tab. Peuting. между Castra Trajani (нын. Dragashani на Алутѣ въ Румыніи) и Ponte Alute (ок. нын. Златины?); а Potula, также не упоминаемый Птолемеемъ, встрѣчается у Geogr. Rav. IV, 14: это нын. Potelu, прямо къ югу отъ Burridava, почти на Дунаѣ [2]). Стало быть, Buridavenses совершенно правильно отмѣчены Птолемеемъ какъ сѣверные сосѣди Potulatenses. Но такъ какъ Potula лежитъ на южномъ рубежѣ Дакіи, то подъ ними уже нельзя искать указанныхъ тутъ Птолемеемъ Κειάγισοι. Если послѣдніе были, дѣйствительно, сосѣдями Потульскаго округа, то они жили, вѣроятнѣе всего, нѣсколько западнѣе. Военная дорога Пейтингеровой карты, ведущая съ сѣвера по Алутѣ черезъ Буридаву, поворачиваетъ около Potula на западъ, направляясь къ Drubetis (нын. Turnu—Severinu) на Дунаѣ; всего вѣроятнѣе предположить, что порядокъ, въ которомъ перечислялись, въ источникѣ Птолемея, народности, опредѣлялся именно этою дорогою. Въ такомъ случаѣ Σαλδήνσιοι придется отнести въ крайній югозападный уголъ Дакіи, къ нижней Тиссѣ, и невольно возникаетъ мысль, не попали-ли они сюда по ошибкѣ, т. е. не перенесены-ли они Птолемеемъ изъ сосѣдней Панноніи? Дѣло въ томъ, что въ Pannonia Inferior у Птолемея II, 15, 4 отмѣченъ городъ Σάλδες подъ 44° долг. 44° 40′ шир., фактическое существованіе котораго именно здѣсь обезпечено упоминаніемъ его въ Tab. Peuting. (Saldis): онъ лежалъ близь нижней Савы ок. нын. Vrbanje (18° 58′ долг. Грин. 44° 58′ шир.) верстахъ въ 100 отъ устья Тиссы (Kiepert).

Относительно остальныхъ сосѣдей несомнѣнно вѣрно пріуроченныхъ нами Buridavenses и Potulatenses мы также должны ограничиться догадками, болѣе или менѣе правдоподобными. Ясны еще Ἀλβοκήνσιοι: ихъ имя указываетъ на нын. Albák

---

2) Эти два имени разгадалъ уже Мюллеръ, 444 not. 13.

22° 56′ долг. 46° 30′ шир. Но ихъ округъ, въ такомъ случаѣ, отмѣченъ Птолемеемъ невѣрно: они должны бы стоять на мѣстѣ Πρεδαυήνσιοι. Послѣднее имя, несомнѣнно образованное отъ чисто дакійскаго названія [1]) города *Predava, который, однако, ни однимъ изъ древнихъ географовъ не упоминается, напоминаетъ нын. селеніе Predeal 25° 32′ долг. 45° 30′ шир., въ имени котораго пришлось бы видѣть славянское осмысленіе древняго названія, ставшаго непонятнымъ. Predeal очень важный пунктъ, защищающій одинъ изъ немногихъ (трехъ) горныхъ проходовъ, ведущихъ изъ Румыніи въ Семиградіе. Здѣсь, безъ сомнѣнія, должна была находиться римская стоянка.

Если наше сближеніе вѣрно, то на сѣверозападѣ очистится мѣсто для Ἀλβοκήνσιοι, такъ какъ Predavenses придется перенести на юговостокъ. Наша догадка поддерживается еще однимъ обстоятельствомъ: Predavenses должны бы занять мѣсто Κοτήνσιοι, для которыхъ я здѣсь, въ юговосточной Дакіи, дѣйствительно, не нахожу ни одного болѣе или менѣе подходящаго сближенія, тогда какъ къ сѣверозападу отъ Albocenses ихъ пріурочить легко: здѣсь, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, мы находимъ три мѣстности Kót, Kótegyán и Pankota (всѣ три въ четыреугольникѣ, образуемомъ меридіанами 21° и 22°, и параллелями 46°—47°), въ именахъ которыхъ, можетъ быть, сохраняется память о Птолемеевыхъ Κοτήνσιοι.

Мы позволили себѣ очень смѣлыя перестановки и должны сознаться, что мы ихъ никакими другими данными, кромѣ при-

---

1) Изъ 44 городовъ, названныхъ Птолемеемъ въ Дакіи, 14, т. е. почти 32% оканчивается на -dava. Къ нимъ можно еще прибавить рядъ другихъ, которыхъ нѣтъ у Птолемея, какъ напр. Burridava, Rusidava, Acidava въ Tab. Peut. Внѣ Дакіи я нахожу только 4 города на -dava. Изъ нихъ Σουκίδαυα (Sucidava Tab. Peut.) и Δαούσδαυα, оба въ нижней Мэзіи недалеко отъ Дуная (Ptol. III, 10, 5. 6),—очевидно, поселенія тѣхъ даковъ, которые въ числѣ 50000 были переведены на римскую территорію при Октавіанѣ Strabo VII, 3, 10.—Σετίδαυα въ Германіи (выше стр. 65) и Θερμίδαυα въ Иллирикѣ носятъ имена лишь случайно сходныя съ дакійскими, если, вообще, формы ихъ вѣрно переданы рукописями, что очень сомнительно, по крайней мѣрѣ, относительно Thermidava.

веденныхъ, подтвердить не можемъ. Къ счастью, этнологическія подробности южной и западной Дакіи для насъ и не важны, тѣмъ болѣе, что здѣсь предполагается сплошное дакійское населеніе. Мы можемъ, поэтому, оставить въ сторонѣ имена Βιήφοι, Ῥατακήνσιοι, Σήνσιοι и Πιέφυγοι, для которыхъ я не могу указать удовлетворительныхъ сближеній. Замѣчу только, что въ первомъ и послѣднемъ изъ этихъ именъ слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть туземныя, дакійскія названія мелкихъ народностей, уже отмѣченныхъ Птолемеемъ подъ новыми административными именами.

Мы переходимъ теперь къ остающимся четыремъ народамъ, имѣющимъ для насъ первостепенное значеніе. Это: Ἄναρτοι, Τευρίσκοι, Κοιστοβῶκοι и Καυκοήνσιοι. Мы стоимъ здѣсь на гораздо болѣе твердой почвѣ.

Какъ форма этихъ именъ, такъ и расположеніе ихъ доказываетъ, что римская граница проходила между первымъ и вторымъ горизонтальнымъ рядомъ Птолемея. Caucoenses, а можетъ быть и часть койстобоковъ, мы должны искать на римской территоріи, тогда какъ теуриски и анарты лежатъ всецѣло внѣ ея.

Прежде всего о Caucoenses, о которыхъ молчатъ всѣ извѣстные мнѣ изслѣдователи этого края. Послѣдніе не замѣтили, что это имя повторяется въ названіи горнаго locus Caucalandensis, куда бѣжалъ отъ гунновъ вестготскій князь Атанарикъ въ 376 г. Amm. Marcell. XXXI, 4, 13: (Athanarichus) ad Caucalandensem locum altitudine silvarum inaccessum et montium cum suis omnibus declinavit.

Zeuss 410 not.[2] пытался объяснить этотъ Caucaland возстановленіемъ готск. *Háuhaland «Hochland». Объясненіе это, само по себѣ, вполнѣ возможно, и въ -land, дѣйствительно, сказывается германизація имени; но основное Cauca — ничего общаго съ готск. háuhs не имѣетъ: Амміанъ Марцеллинъ всегда очень точно передаетъ герм. h-, ср. нѣсколько разъ повторяющееся у него Hariobaudes, франкск. Charietto, Chnodomar и друг. Объясненіе Zeuss'а, слѣдовательно, невѣрно, тогда какъ

сближеніе съ Caucoenses объясняетъ все, и мы можемъ даже точно опредѣлить географическое положеніе этого Caucaland'а.

Атанарикъ, бѣжавшій отъ нашествія гунновъ, покинулъ свои владѣнія надъ нижнимъ Дунаемъ и двинулся на югозападъ, въ западную Румынію. Онъ находится теперь въ области Алуты и, не смѣя просить у императора позволенія перейти черезъ Дунай, по причинамъ, ясно изложеннымъ Амміаномъ въ указанномъ мѣстѣ, онъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, чтобы укрыть себя и своихъ въ Семиградьѣ, въ горахъ котораго легко было защищаться отъ всадниковъ-гунновъ. Такъ-какъ при немъ находится цѣлое войско, то онъ не можетъ пойти по опаснымъ ущельямъ и горнымъ тропинкамъ, ведущимъ черезъ трансильванскій хребетъ, и ему представляется только одинъ выходъ: воспользоваться римскою дорогою вверхъ по Алутѣ (выше стр. 142). Онъ, дѣйствительно, направляется по этой дорогѣ и, перешедши черезъ горный хребетъ по ущелью, извѣстному Пейтингеровой картѣ подъ названіемъ (Caput) Stenarum (нын. ущелье «Красной Башни»), находится на время въ безопасности, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими горами. Здѣсь-то, въ южномъ Семиградьѣ, въ области верхней Алуты, нужно искать Caucaland и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Птолемеевыхъ Caucoenses.

Дѣйствительно, я нахожу здѣсь, надъ самой Алутой, въ современной Венгріи два комитата подъ названіемъ Kokel (Gross- и Klein-Kokel; мадьярское имя, передѣланное изъ нѣмецкаго: Nagy- и Kis-Küküllö); они лежатъ на двухъ притокахъ Мароша, носящихъ тѣ-же названія; наконецъ, на рѣкѣ Kis-Küküllö лежитъ городъ Küküllövár, нѣм. Kokelburg подъ 24°10′ долг. 46°15′ шир. Очевидно, что во всѣхъ этихъ именахъ хранится память о древнемъ Каукаландѣ. Земля Caucoenses обнимаетъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, часть нын. Семиградья.

Если наша догадка доказала существованіе древняго географическаго или этническаго названія съ основнымъ Cauca- въ центрѣ Карпатской горной системы, то она можетъ пролить свѣтъ и на одно имя въ нашей лѣтописи, которое до сихъ поръ

еще не получило удовлетворительнаго объясненія, см. Барсовъ 218. Это — названіе Карпатъ «Кавкаисинскія горы, рекше Угорскія». Ср. Лавр. 3: «Дунай, Днѣстръ и Кавкаисинскія (Кавкасійскія) горы». Первые славянскіе посельники могли застать тутъ остатокъ дакійскихъ *кавковъ или, во всякомъ случаѣ, ихъ имя въ опредѣленномъ географическомъ пріуроченіи.

Къ сѣверу отъ Caucoenses живутъ Κοιστοβῶκοι.

Они упоминаются и въ другихъ источникахъ, обыкновенно въ формѣ Κοστοβῶκοι, Costoboci; но принятая нами форма обезпечивается надписью, найденною въ Римѣ CIL. VI, 1, p. 406, № 1801: D. M. Ziai Tiati fil. Dacae uxori Piepori regis Coisstobocensis Natoporus et Drilgisa aviae cariss. b. m. fecer.

Надпись эта въ высшей степени интересна и по тому обстоятельству, что памятникъ былъ поставленъ въ Римѣ, гдѣ, очевидно, жили Натопоръ и Дрильгиза, внуки койстобокскаго царя Піепора. Сынъ послѣдняго уже не былъ царемъ. Отношенія совершенно ясны: царь койстобоковъ, Піепоръ, потерявъ свое царство — въ силу-ли мирнаго договора съ Римомъ или вслѣдствіе военныхъ неудачъ, это безразлично — переселился въ качествѣ медіатизированнаго государя въ Римъ, гдѣ онъ и его ближайшіе потомки живутъ «на пенсіи»: явленіе часто повторяющееся въ исторіи Рима; вспомнимъ напр. Гелимера. На указанной страницѣ CIL. имѣются еще 4 надписи, №№ 1797—1800, указывающія на совершенно схожія отношенія. Время сооруженія интересующаго насъ памятника, къ сожалѣнію, неизвѣстно; можетъ быть, что Піепоръ лишился царства въ первые же годы завоеванія Дакіи и учрежденія тамъ провинціи, т. е. при Траянѣ ок. 107 г. Ниже выяснится, что земля его была нужна римлянамъ для закругленія и сокращенія пограничной линіи отъ Семиградья къ Днѣстру, гдѣ она примыкала къ римскимъ владѣніямъ (т. е. сѣверной части Нижней Мэзіи, присоединенной уже при Неронѣ ок. 55 г.).

Изъ вышеизложеннаго уже явствуетъ, что часть койстобок-

ской земли входила въ составъ имперіи, но именно только часть, очевидно южная, царемъ которой былъ, въ свое время, Піепоръ. Другая же часть была еще свободна или находилась лишь въ федеративной зависимости отъ Рима. На это указываетъ, прежде всего, то обстоятельство, что койстобоки упоминаются Птолемеемъ-же III, 5, 9 далеко за предѣлами римской Дакіи, въ Сарматіи. Мы увидимъ ниже, какъ они попали туда; пока достаточно указанія на нихъ, доказывающаго, что Птолемей зналъ о существованіи свободной части народа. Къ этимъ же независимымъ койстобокамъ принадлежитъ, кажется, и та многочисленная шайка ихъ, которая во второй половинѣ II в. по Р. Хр. сдѣлала набѣгъ на балканскій полуостровъ и, не находя нигдѣ серьезнаго сопротивленія, дошла даже до центра Эллады, до Элатеи въ Фокидѣ Pausan. X, 34, 5. Это событіе относится ко времени маркоманской войны, которое вообще было временемъ критическимъ для свободныхъ койстобоковъ. Они приняли участіе въ коалиціи придунайскихъ народностей противъ Марка Аврелія, Capitol. Marc. Aur. 22, 1; но въ самомъ же началѣ войны случилось событіе, имѣвшее роковое значеніе для койстобоковъ. Въ подкарпатскую область явились съ сѣверозапада вандалы-азданги, передвинутые на югъ тѣмъ же толчкомъ, который заставилъ и маркомановъ съ ихъ союзниками произвести давленіе на римскую придунайскую границу. Движеніе азданговъ было направлено противъ римской Дакіи, но имъ не удалось проникнуть сюда. Тогда они силою овладѣли землею койстобоковъ: Dio Cass. 71, 12, 1 τὴν τῶν Κοστουβώκων χώραν τοῖς ὅπλοις κτησόμενοι, νικήσαντες δὲ ἐκείνους καὶ τὴν Δακίαν οὐδὲν ἧττον ἔλιπουν. Набѣгъ койстобоковъ на Элладу былъ, вѣроятно, слѣдствіемъ этого завоеванія.

Азданги на время успокоились во вновь пріобрѣтенной ими землѣ и даже заключили договоръ съ римлянами, въ силу котораго они помогали потомъ послѣднимъ въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Марка Аврелія противъ квадовъ и маркомановъ, Dio Cass. l. c., Petrus Patric. ed. Bonn. p. 124. Иначе

говоря, овладѣвъ землею койстобоковъ, они вступили въ тѣ же федеративныя отношенія къ Риму, которыя прежде связывали ихъ предшественниковъ во владѣніи, что подтверждаетъ высказанную нами выше догадку. Не при этой-ли сдѣлкѣ потерялъ свой престолъ и Піепоръ?

Съ этого момента, имя койстобоковъ исчезаетъ изъ исторіи и мы можемъ, поэтому, обратиться къ болѣе точному опредѣленію ихъ области.

Мы увидимъ ниже, что въ эти же края, т. е. въ восточныя Карпаты, нужно отнести и народъ Σαβῶκοι (не Σαβόκοι, какъ пишетъ Zeuss 262), которыхъ Птолемей III, 5, 8 помѣщаетъ въ Сарматіи, гдѣ имъ ни въ какомъ случаѣ мѣста нѣтъ. На связь ихъ съ койстобоками указываетъ, впрочемъ, уже само имя. Сопоставленіе этихъ двухъ этническихъ названій даетъ намъ право отвлечь, какъ основное имя всего народа, форму *Βῶκοι, и видѣть въ Κοιστο—и Σα—лишь приставки, служащія къ различенію отдѣльныхъ частей его [1]). Если это такъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что имя *Βῶκοι сохранилось въ нын. *Бук*овинѣ, которая означаетъ, слѣдовательно, «страну *бōковъ». Ср. Герцеговина.

Гипотеза Шафарика I, 206, объясняющая имя сабоковъ посредствомъ слав. бокъ и указывающая на Transmontani, Zagori, Zaporozi и т. д., должна быть окончательно оставлена. Еще Мюлленгофъ DA. II, 85 ss. счелъ нужнымъ подвергнуть ее серьезному обсужденію, въ концѣ котораго онъ приходитъ къ очень нерѣшительному выводу [2]). Между тѣмъ, эта гипотеза идетъ въ разрѣзъ со всѣми законами славянской фонетики. Слав. bok- могло произойти только изъ băk-, bŏk- или bək-, ср. Brug-

---

1) Не сюда ли относятся и Ἀλβοκήνσιοι? Написаніе -βοκ- вм. -βωκ- могло бы быть объяснено тѣмъ, что Птолемей взялъ это имя изъ римскаго источника (Albocenses), на что указываетъ, вѣдь, и сама форма.

2) «Allein grosses vertrauen wird niemand auf diese deutungen setzen, der gewahrt, dass manche dakische.... namen sich unschwer aus dem slavischen deuten lassen», l. c. 87.

mann Grundriss I, 80. 95. 104. Мы же должны принять за исходную форму *bōk-, вполнѣ обезпеченную рукописными данными (Pausan., Dio Cass., Ptol.). Если это—древнѣйшая форма, то она должна была отразиться въ славянскихъ нарѣчіяхъ въ формѣ bāk-, bak-, но никакъ не bok-, Brugmann ibid. 87. Наконецъ, еслибъ мы даже приняли *bōk- за праславянскую форму эпохи славяно-балтійскаго единства, когда, дѣйствительно, индоевр. ō имѣло еще форму ō (ср. литовск. отраженіе û, указывающее на слав.-балт. ō), то и тогда изъ нея не могло произойти bŏk, такъ какъ такое сокращеніе ō>ŏ въ слав. немыслимо.

Однимъ словомъ, мы и этимъ строго фонетическимъ путемъ приходимъ къ выводу, что между именами Κοιστοβῶκοι Σαβῶκοι и слав. бокъ ничего общаго быть не можетъ. Съ другой стороны, между *Βῶκοι и Буковиной есть связь несомнѣнная, созданная, однако, не органическимъ родствомъ, а заимствованіемъ: въ древнихъ заимствованныхъ словахъ чуждое ō *всегда* переходитъ въ слав. у. Въ дальнѣйшихъ частяхъ нашего изслѣдованія намъ придется иллюстрировать этотъ законъ многими примѣрами, теперь же укажемъ только на стр. 15 этой книги и на Миклошича Vergl. Gramm.[2] I, 177.

Слѣдовательно, къ отожествленію этихъ двухъ именъ никакихъ фонетическихъ препятствій не имѣется. Но кромѣ того, оно навязывается намъ и историко-географическими соображеніями: койстобоки и сабоки жили на верхнемъ Szamos'ѣ, притокѣ Тиссы, въ нын. Буковинѣ и, вѣроятно, въ прилегающихъ доднѣстровскихъ областяхъ южной Галиціи; южнѣе койстобоки, сѣвернѣе сабоки, никогда не принадлежавшіе къ имперіи. Этимъ оправдывается Птолемей, у котораго койстобоки сѣверные сосѣди кауковъ, и съ этимъ-же находится въ полномъ согласіи то, что мы знаемъ о военныхъ дѣйствіяхъ аздинговъ.

Думать о происхожденіи имени Буковины отъ букъ (дерева), нельзя уже потому, что въ Буковинѣ вовсе не преобладаютъ буковые лѣса: на доступныхъ мнѣ картахъ я не нахожу въ Буковинѣ ни одного селенія, получившаго названіе отъ этого де-

рева, тогда какъ такихъ именъ очень много во всѣхъ западнославянскихъ земляхъ, напр. въ Богеміи. Правда, не нахожу я въ Буковинѣ и такихъ названій, которыя напоминали-бы имя койстобоковъ и сабоковъ, кромѣ развѣ очень сомнительнаго Kostestie 25° 35′—48°18′, которое произошло, безъ сомнѣнія, отъ собственнаго имени Константина въ народной передѣлкѣ или отъ румынск. costiş «склонъ горы», прилаг. «покатый», costiţă холмъ. Но это, конечно, ничего не доказываетъ противъ нашей гипотезы. Важно то, что названіе *народа* сохранилось въ имени *страны*.

Изъ вышеизложеннаго мы можемъ сдѣлать еще нѣсколько очень важныхъ для насъ выводовъ.

Первые пришедшіе въ этотъ край славяне застали здѣсь еще остатки *бōковъ, такъ какъ они заимствовали это имя непосредственно отъ нихъ или черезъ готовъ, но никакъ не черезъ бастарновъ. Мы видѣли, что бастарнскія поселенія на Карпатахъ очень древни; а такъ какъ такъ называемый первый перебой согласныхъ наступилъ сравнительно поздно, т. е. не раньше 400 лѣтъ до Р. Хр., а переходъ media>tenuis есть послѣдній актъ этого перебоя, наступившій лишь въ III в. [1]), то имя *бōковъ получило бы въ германскихъ устахъ форму *pōχ̧ōz, откуда не могла получиться слав. Буковина. Это доказываетъ, что въ моментъ появленія славянъ тутъ не было бастарновъ. Но ихъ не было и раньше. Еслибъ предшественники славянъ, готы, застали здѣсь бастарновъ, то они, конечно, заимствовали бы у нихъ и названіе *pōχ̧ōz. Очевидно, что и готы нашли здѣсь *бōковъ, имя которыхъ должно было остаться въ готскомъ языкѣ безъ перемѣны, такъ какъ въ эпоху готскаго нашествія (не раньше конца II в. по Р. Хр.) законъ перебоя давнымъ давно утерялъ свою силу: всѣ греческія и латинскія заимствованія остались въ готскомъ внѣ перебоя. Отсюда-же выводъ прямой:

---

1) Ср. Streitberg, Urgermanische Grammatik 1896, p. 132. 136 s. Литературу см. тамъ-же 135 s.

бастарнскаго осѣдлаго населенія въ Буковинѣ никогда не было. Мы нашли, слѣдовательно, новое подтвержденіе нашего опредѣленія бастарнской земли (выше стр. 105).

Но еще важнѣе другой выводъ.

Разъ славяне заимствовали отъ «ббковъ» ихъ имя и образовали изъ него названіе для обозначенія всей страны, то, слѣдовательно, койстобоки и сабоки не были славянами, а потому и койстобокскія личныя имена Pieporus, Natoporus, Drilgisa не должны быть объясняемы изъ славянскаго. Они, дѣйствительно, не поддаются славянскому объясненію. Не сопоставлять же, въ самомъ дѣлѣ, Natoporus съ слав. Надборомъ!

Съ другой стороны генетическая связь койстобоковъ съ древними даками не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на то, что ни одинъ изъ древнихъ авторовъ объ этомъ не говоритъ, и что римская надпись называетъ Ziais, супругу Піепора, «Daca», какъ бы противуполагая ее этимъ національности ея супруга койстобока. Можетъ быть, Daca значитъ здѣсь «родомъ изъ Дакіи, т. е. римской»? Во всякомъ случаѣ, койстобоки могутъ быть только дакійскаго — въ древнемъ смыслѣ — происхожденія. Можно бы думать только еще о происхожденіи кельтскомъ. Но на это нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, а личныя имена прямо говорятъ противъ этого: — porus въ кельтск. именахъ немыслимо; вмѣсто него слѣдовало бы ожидать -or, Brugmann I, 77, 271, такъ какъ въ основѣ лежитъ индоевроп. *-poros. Ср. греч. имена на -πορος, германск. -fara; пракельтск. *orkos, дрирл. orc = лат. porcus, дрврхнѣм. farah и т. д. Въ пользу-же дакійской гипотезы мы можемъ привести хоть одинъ фактъ, кромѣ уже указанныхъ: а именно, въ именахъ Natoporus, Pieporus вторая составная часть, конечно, тожественна съ poris въ ѳракійск. Rhascuporis, Ῥασκούπορις Dio Cass. 54, 34, 5; 55, 30, 6, а Pie- въ Pieporus напоминаетъ Πιέφιγοι и Πιενγῖται Птолемея. Родство же даковъ съ гетами и другими ѳракійцами можетъ считаться доказаннымъ фактомъ. Оно явствуетъ не только изъ того, что Геродотъ IV, 49. 104. 125 относитъ древнѣй-

шихъ жителей Дакіи, агаѳирсовъ, къ ѳракійцамъ, и изъ прямого заявленія Страбона VII, 3, 10. 13, что даки, геты и ѳракійцы говорятъ однимъ языкомъ; наконецъ не изъ того только, что древніе историки часто смѣшиваютъ даковъ и гетовъ, ср. DA. III, 149 ss.: мы придемъ къ тому же выводу, всматриваясь въ нѣкоторыя дошедшія до насъ дакійскія личныя имена. Къ приведеннымъ уже койстобокскимъ именамъ можно прибавить еще дак. Cotiso Horat. Od. III, 8, 18, Sueton. Oct. 63 = ѳракійск. Cotys Liv. 44, 42, 2; дак. (гетск.?) Biessi (см. ниже)=ѳракійск. Bessi въ Родопскихъ горахъ, часто упоминаемые древними. Перенося, теперь, на все племя выводъ, полученный нами для одной изъ частей его — на что мы, въ подобномъ вопросѣ, имѣемъ полное право — мы можемъ самостоятельно рѣшить вопросъ, о которомъ такъ долго спорили: древнихъ ѳракійцевъ и даковъ нельзя относить къ славянскому племени.

Укажемъ, кстати, еще одно соображеніе, приводящее къ тому же выводу. Выше (стр. 145) мы указали, что въ имени рѣки Kokel сохранилась память о дакійскихъ каукахъ (Caucoenses, Caucaland). Позднѣйшіе славянскіе посельники назвали ее Тырнавой, именемъ, которое еще теперь употребляется окрестными румынами. Такая перемѣна въ наименованіи рѣки была бы немыслима, еслибъ этотъ край съ самаго начала былъ населенъ славянами. Чтò рядомъ съ этимъ могло сохраниться и древнее названіе, перешедшее впослѣдствіи къ мадьярамъ и нѣмцамъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Едва ли славянское населеніе когда-либо было густо въ этихъ краяхъ; рядомъ съ нимъ могли и должны были сохраняться въ горахъ остатки прежняго дакійскаго населенія. Мы припомнимъ этотъ выводъ, когда рѣчь зайдетъ о прародинѣ славянъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднимъ народностямъ Птолемеевой Дакіи, къ теурискамъ и анартамъ. Какъ западныхъ сосѣдей койстобоковъ, ихъ нужно искать, очевидно, въ сѣверной части Лѣсныхъ Карпатъ и въ горахъ Татры. Вопросъ о ихъ происхожденіи рѣшается проще: они, безъ всякаго сомнѣнія, кельты.

Относительно теурисковъ это доказывается уже ихъ именемъ, которое повторяется въ несомнѣнно кельтской области, въ восточныхъ Альпахъ (Noricum): Taurisci, Ταυρίσκαι, Τευρίσται Plin. III, 20, 133, Strabo VII, 3, 2 и друг. Сравнить можно еще Ταυρινοί Ptol. III, 1, 31, Taurini Plin. III, 17, 123 въ Лигуріи, хотя Плиній l. c. называетъ ихъ antiqua Ligurum stirpe, ср. Zeuss 230 not. Самъ Плиній называетъ ихъ-же III, 20, 134 Taurisci, и подъ этимъ именемъ встрѣчаются они и у Поливія II, 15, 8 (Γαλάται..... Ταυρίσκοι), Amm. Marc. XV, 9, 6 и друг. Кромѣ того ср. личн. имя Teuriscus, Zeuss Gram. Celt. 808; Ταυροέντιον, гор. въ Gallia Narbonnensis около Массиліи, Strabo IV, 1, 5, Ptol. II, 10, 5, и Ταύρουνον на устьѣ Савы въ Pannonia Inferior Ptol. II, 15, 3. Смѣна eu — au какъ въ часто повторяющихся teuto-—touto-. Кельтами считаютъ нашихъ теурисковъ и Мухъ 15, Томашекъ GGA. 301 и большинство другихъ изслѣдователей.

А если теуриски кельты, то таковыми же должны считаться и ихъ западные сосѣди анарты, такъ какъ немыслимо, чтобы между первыми и кельтскими-же котинами и волками могла появиться такая значительная некельтская народность. Ихъ знаетъ тутъ, въ сосѣдствѣ даковъ, уже Цезарь Bell. Gall. VI, 25, 2: (Hercynia silva) oritur ab Helvetiorum..... finibus rectaque fluminis Danuvii regione pertinet ad fines Dacorum et Anartium. Мюлленгофъ DA. II, 83 думаетъ на основаніи этого, что Юлій Цезарь употребляетъ имя анартовъ коллективно для обозначенія совокупности народовъ сѣверной Венгріи, и это вполнѣ возможно. Имя ихъ легко объясняется изъ кельтскаго. Въ основѣ лежитъ, безъ сомнѣнія, пракельтск. *artos, дрирл. art камень, скала; префиксъ an(a)- = греч. ἀνά, готск. ana, такъ что имя анартовъ означаетъ какъ бы «нагорянъ», значеніе вполнѣ подходящее къ географическимъ условіямъ. Та же основа повторяется въ кельтскихъ названіяхъ какъ Artabri, sinus Artabricus, promontorium Artabrum, нын. Cap Ortegal (Ptol. II, 6, 2. 21: Ἄρταβροι, Ἀρτάβρων λιμήν); Artaunum гор. около Франк-

фурта на Майнѣ (Ptol. II, 11, 14 Ἄρταυνον [1]) гор. Ἀρτόβριγα, Artona нын. Artonne и въ личныхъ именахъ Art, Artgal и друг. ср. Fick II⁴ p. 18 s.; Holder col. 222 ss.

Этимъ, однако, не исчерпываются соображенія, говорящія въ пользу кельтскаго происхожденія анартовъ и теурисковъ. Птолемеева карта этого края содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ городовъ, имена которыхъ явно кельтскаго происхожденія, свидѣтельствуя о широкомъ распространеніи кельтовъ подъ Карпатами. Сюда относится, прежде всего, Βόρμανον 43° 40′ долг. 48°15′ шир. Ptol. III, 7, 2. Такъ какъ городъ этотъ лежитъ въ самой сѣверной части земли язиговъ метанастовъ, то его нужно искать въ Татрѣ. Кельтское-же происхожденіе его, указанное уже Мухомъ 16, явствуетъ изъ сопоставленія его съ несомнѣнно кельтскими именами Borma, Bormanus, Deus Bormanicus, Lucus Bormani и т. под., довольно часто встрѣчающимися въ надписяхъ, найденныхъ во Франціи, Испаніи и другихъ кельтскихъ областяхъ [2]).

Можетъ быть, сюда же относится сосѣднее Ἀβίητα Ptol. ib. 43° 40′—48°. Морфологически это имя носитъ чисто кельтскій характеръ, ср. Bormeta отъ Borma, Berleta, Aveta и друг. Въ основѣ лежитъ, можетъ быть корень ab- течь (Fick II⁴ 10), откуда *abona рѣка, Abobrica въ Hisp. Gall. ок. нын. Bayona, и кельтск. названіе Шварцвальда Abnoba (Ἄβνοβα Ptol. II, 11, 5); или основа avi- «хорошій»? Ср. Avicantus, Aviacus и друг. Holder 313.

Южнѣе Pessium Ptol. ibid. 44° 40′—47°, ср. Πεσσινοῦς Strabo XII, 5, 2, городъ кельтскихъ толистобоіевъ въ Галатіи.

Рядомъ съ ними мы находимъ, конечно, и имена не кельтскія, напр. сарматск. Κάνδακον (выше стр. 97), дакійск. Οὐσ-

---

1) Ἀρκτ- въ изд. Мюллера попало въ текстъ лишь благодаря искусственной конъектурѣ Укерта, см. изд. 272 not. ². Ср. впрочемъ DA. II, 220.

2) Becker. Beiträge zur römisch-keltischen Mythologie, въ Jahrbücher d. Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Bonn. № 33—34 (1863) p. 15 ss., № 42 (1867) p. 90 ss. Теперь см. также богатый матеріалъ и объясненіе у Holder'a, 491 s.

κενον Ptol. III, 7, 2 ср. Uscana въ Иллиріи, нын. Dibra въ Албаніи, Uscudama въ землѣ ѳракійскихъ бессовъ = Адріанополь, Amm. Marc. XIV, 11, 15. Iord. Rom. 221. Здѣсь вѣдь, въ южной Татрѣ, соприкасались завоеватели язиги съ вытѣсненными даками и горными кельтами. Не даромъ западныя Бескиды названы «Сарматскими горами», подъ которыми могла пониматься, конечно, вся горная область до начала собственныхъ Карпатъ.

Рядъ кельтскихъ именъ продолжается затѣмъ и въ Дакіи, заходя довольно далеко на югъ. Прежде всего, на самомъ сѣверѣ, Ῥουκόνιον 46° 30′—48° 10′ Ptol. III, 8, 4. Имена на -onium довольно часты въ кельтскихъ областяхъ, ср. Καρόνιον въ Hisp. Tarrac. Ptol. II, 6, 22, нын. La Coruña 8° 22′ зап. долг. 43° 21′ шир.; Κατουρακτόνιον въ Британніи Ptol. II, 3, 10, нын. Catterick 1° 37′ зап. долг. 54° 23′ шир., и друг. См. также ниже о Maetonium. Для основы можно бы указать на кельтск. rugha «Bergrücken», Obermüller II, 552.

Πορόλισσον 49°—48° Ptol. III, 8, 4, Tab. Peut. Porolisso, крайній сѣверный пунктъ, гдѣ кончается римская военная дорога, нын. Mojgrad въ комит. Szilágy, Mommsen CIL. III, 167. Это имя, означающее «торжище», сложное изъ poro < *qoro—отъ *qer покупать (ср. ирл. crenim, кимр. prynu и т. д.) и пракельт. *(p)l̥ssos «поселеніе, окруженное валомъ», ср. ирл. less, кимр. llŷs «aula, cura, palatium, forum judiciale» отъ корня plet-. Ср. Fick[4] II, 60. 247.

Patavissa 49°—47° 20′ Ptol. ibid.[1]), нын. Torda 23° 50′ долг. 46° 35′ шир. Ср. Patavium нын. Padua, Vindonissa нын. Windisch въ швейцарскомъ Ааргау ок. Brugg, Autissiodurum въ Галліи и друг.

Наконецъ, я нахожу въ Дакіи-же два города, въ именахъ которыхъ замѣчается странное смѣшеніе кельтскаго и дакійскаго элементовъ. Сюда я отношу

---

1) Рукоп. Πατρουίσσα, но наша форма обезпечивается Пейтингеровой картой и надписями, ср. Mommsen l. c. p. 172.

Σιγγίδαυα 48°—46° 20′ Ptol. III, 8, 4, въ которомъ окончаніе чисто дакійское (см. ниже), основа—кельтская. Ср. Singidunum въ Moesia Superior Ptol. III, 9, 3 и у друг., нын. Бѣлградъ.

Μαρκόδαυα 49° 30′—47° Ptol. ibid., ср. Marcodurum въ Gallia Belgica, нын. Düren 6° 29′—50° 48′; Marcomagus, на 30′ южнѣе, нын. Marmagen.

Не передѣланы-ли эти имена на дакійскій ладъ въ эпоху Бурвисты?

Итакъ, насколько вопросъ объ анартахъ и теурискахъ вообще рѣшимъ при настоящемъ положеніи дѣла, онъ рѣшается въ пользу ихъ кельтскаго происхожденія [1]).

А такъ какъ ихъ географическое пріуроченіе дано нами уже выше, то мы могли-бы теперь закончить нашъ разборъ Птолемеевой Дакіи, еслибъ не замѣченное нами повтореніе нѣкоторыхъ дакійскихъ именъ (Κοιστοβῶκοι Σαβῶκοι) въ его Сарматіи: повтореніе это наводитъ насъ на мысль, что и среди другихъ западно-сарматскихъ народовъ могутъ быть такіе, которые перенесены имъ сюда изъ Дакіи. Дѣйствительно, Ἀναρτόφρακτοι, отмѣченные имъ къ сѣверу отъ сабоковъ, находятся въ явной связи съ анартами въ Татрѣ. Очевидно, что весь рядъ, ведущій отъ авариновъ къ югу до язиговъ созданъ имъ искусственно, и причину объяснитъ взглядъ на его карту.

Мы уже видѣли выше (стр. 44 сл.), что онъ значительно растянулъ западную границу Сарматіи, отъ 42° 30′ долг. 48° шир. до 45°—56°, вслѣдствіе передвиженія на сѣверъ источника Вислы. Чтобы не оставлять пустымъ созданное имъ, такимъ образомъ, пространство въ восточной Германіи между

---

1) Мы убѣждены, что систематическое изслѣдованіе указало бы не мало кельтскихъ слѣдовъ въ современной географической номенклатурѣ сѣверной Венгріи и смежныхъ областей. Уже при бѣгломъ осмотрѣ нѣкоторыя формы поражаютъ своимъ чисто кельтскимъ характеромъ, какъ напр. Арва (притокъ Попрада), въ связи съ кельтск. *arvos быстрый. Имя Арвы повторяется въ Галліи какъ названіе рѣки нѣсколько разъ (Erve) и очень часто въ другихъ географическихъ именахъ. Ср. Holder col. 231 ss.

Ἀσκιβούργιον ὄρος и Ὀρκύνιος δρυμός, онъ перенесъ сюда изъ сѣверозападной Венгріи сидоновъ и котиновъ, и создалъ по ошибкѣ небывалыхъ висбургіевъ, вслѣдствіе чего получился рядъ изъ 6 народовъ отъ источника Вислы до южной оконечности сарматскихъ горъ. Но то-же самое предстояло сдѣлать и по ту сторону пограничной линіи, т. е. въ западной Сарматіи, такъ какъ его схематизирующій пріемъ требовалъ такое-же число народовъ (6) и здѣсь, гдѣ ихъ не было да и быть не могло, такъ какъ Висла, отодвинутая имъ на сѣверъ на цѣлыхъ 2 градуса, на самомъ дѣлѣ беретъ начало въ Бескидахъ. Онъ помогъ дѣлу тѣмъ, что перенесъ сюда 6 народовъ изъ Дакіи, гдѣ они, взятые изъ другаго источника, казались лишними. Въ результатѣ получились три ряда, которые по стройной схематичности, вполнѣ соотвѣтствовали его манерѣ. Если мы ихъ выпишемъ, начиная съ самаго сѣвера, то получимъ слѣдующую картину:

Море.

Ῥουτίκλειοι		Οὐενέδαι	
Αἰλουαίωνες	Граница Германіи и Сарматіи	Γύθωνες	Γαλίνδαι
Βουργοῦντες		Φίννοι	
Λοῦγοι Ὀμανοί		Σούλωνες	Ἰγυλλίωνες
Λ. Διδοῦνοι		Φρουγουδίωνες	
Λ. Βοῦροι		Αὐαρινοί	Κοιστοβῶκοι
Σίδωνες		Ὄμβρωνες	Τρανσμοντανοί
Κῶγνοι		Ἀναρτοφράκτοι	Πευκινοί
Οὐισβούργιοι		Βουργίωνες	Καρπιανοί
Κούαδοι		Ἀρσιῆται	Βαστέρναι
Βαῖμοι		Σαβῶκοι	Τάγροι
Ῥακατρίαι		Πιενγῖται Βίεσσοι	Τυραγέται
		Ἰάζυγες	Ἄναρτοι

Ясно, что весь рядъ отъ омброновъ до піенгитовъ и біессовъ долженъ быть изъятъ изъ Сарматіи, такъ какъ фактически подъ

аваринами мы нашли сидоновъ, подъ ними осовъ, за которыми слѣдуютъ на юговостокѣ уже язиги.

Имена анартофрактовъ и сабоковъ указываютъ намъ путь: мы должны искать всѣ эти народности въ Дакіи, точно также и койстобоковъ и трансмонтановъ въ третьемъ ряду, такъ какъ южныхъ ихъ сосѣдей мы уже пріурочили къ болѣе южнымъ областямъ. Притомъ, названія анартофрактовъ (Anarti fracti) и трансмонтановъ доказываютъ, что всѣ они взяты Птолемеемъ изъ тѣхъ-же римскихъ источниковъ, которые дали ему и названія народовъ, помѣщенныхъ имъ въ Дакіи.

Отыскивая народности перваго ряда въ Дакіи, мы должны, по возможности, не нарушать того порядка, въ которомъ онѣ даны Птолемеемъ.

Почему часть анартовъ была названа римлянами fracti — неясно. Всего вѣроятнѣе, что этимъ именемъ обозначалась часть народа, сохранившая въ горахъ Татры полную независимость, внѣ федераціи съ Римомъ. Они, во всякомъ случаѣ, оставались тутъ-же, такъ какъ отмѣченные рядомъ съ ними омброны и бургіоны — явно германцы.

Ὄμβρωνες = герм. *Umbrōnez, ср. Ymbre Widsiđ 32, *Ymbringar, жители острова Amrum < Ambrum, Möller 89, и извѣстные товарищи кимвровъ, амброны, имя которыхъ относится къ *Umbronez какъ Gautar къ *Gutōz.

Βουργίωνες = герм. *Burgjonez, ср. готск. baúrgjans отъ baúrgs (Мухъ 44).

Географическое положеніе дано распредѣленіемъ ихъ у Птолемея. Если анартофракты жили въ глубинѣ сѣверной Татры (Magas Tatra и Галицкая Татра), то омброны — ихъ западные сосѣди, рядомъ съ сидонами, на Арвѣ, а бургіоны — восточнѣе, на Попрадѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе должны быть, конечно, бастарнскаго рода, и мы можемъ дополнить этими двумя именами списокъ Страбона (выше стр. 104). Восточнѣе ихъ искать нельзя: если бастарны вообще проникли черезъ горы, то только здѣсь, гдѣ теченія довольно значительныхъ рѣкъ (Сола, Арва,

Дунаецъ, Попрадъ) представляли цѣлый рядъ удобныхъ переходовъ, тогда какъ восточнѣе, черезъ Лѣсныя Карпаты, ведетъ лишь нѣсколько очень трудныхъ дорогъ по ущельямъ.

Затѣмъ идутъ арсіеты (Ἀρσιῆται al. Ἀρσυῆται). Ихъ имя этимологически неясно; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что арсіеты принадлежали къ дакійскому племени. Это подтверждается сопоставленіемъ ихъ имени съ ѳракійскими географическими названіями Ἄρσα, Ἄρσαζα, Ἄρσενα, ср. Томашекъ WSB 131, 54. А что касается области арсіетовъ, то пріурочить ихъ не трудно, такъ какъ память о нихъ сохранилась въ ньш. Arszyka: такъ называется еще теперь часть сѣверозападныхъ склоновъ Лѣсныхъ Карпатъ, между Свицей и Ломницей, притоками верхняго Днѣстра.

Сосѣди ихъ — саббки въ южной Галиціи, гдѣ они примыкаютъ къ койстоббкамъ. Южнѣе послѣднихъ — піенгиты, напоминающіе, а можетъ быть и тожественное съ Πιέφιγοι Птолемеевой Дакіи, и, наконецъ, біессы (Βίεσσοι) ближе къ устью Дуная.

Жили ли біессы здѣсь еще въ эпоху Птолемея, мы провѣрить не можемъ. Быть можетъ, они взяты имъ изъ болѣе древняго источника? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что они были гетскаго происхожденія.

О гетахъ къ сѣверу отъ устьевъ Дуная мы имѣемъ рядъ совершенно ясныхъ свидѣтельствъ, см. DA. III, 134 ss., Латышевъ Изслѣдованія 72 сл. прим. [12]. Впервые о нихъ упоминаетъ Арріанъ въ разсказѣ о походѣ Александра Македонскаго на нижній Дунай въ 334 г., Anab. I, 2—4. Тутъ же упоминается о ихъ городѣ, отстоявшемъ приблизительно на одну парасангу отъ Дуная; отсюда они бѣжали въ степи (τὰ ἔρημα ср. Γετῶν ἐρημία Strab.). А въ послѣдній разъ мы слышимъ о существованіи задунайскихъ гетовъ отъ Justin. XXXII, 3 по поводу пораженія ихъ бастарнами во II в. до Р. Хр. Правда, послѣднее извѣстіе можетъ относиться и къ балканскимъ гетамъ, но, во всякомъ случаѣ, очень вѣроятно, что именно нашествіе бастар-

новъ положило конецъ гетской независимости къ сѣверу отъ нижняго Дуная. Мы о нихъ больше ничего не слышимъ, и находимъ намекъ на присутствіе гето-ѳракійскаго элемента въ Бессарабіи лишь въ словахъ Страбона VII, 3, 2, что бастарны, скиѳы и сарматы живутъ смѣшанно съ ѳракійцамм: καὶ γὰρ νῦν ἀναμέμικται ταῦτα τὰ ἔθνη (Σκύθαι καὶ Σαρμάται) τοῖς Θρᾳξὶ καὶ τὰ Βασταρνικά, μᾶλλον μὲν τοῖς ἐκτὸς Ἴστρου, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐντός.

Не подлежитъ сомнѣнію, что гетскій элементъ надъ дельтой Дуная былъ нѣкогда очень силенъ; этимъ только можетъ быть объяснена неоднократная удача ихъ въ борьбѣ съ греками (Зопиріономъ и Лисимахомъ). Что и послѣ прихода бастарновъ слѣды ихъ существованія не исчезли, доказывается вышеприведенными словами Страбона. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли видѣть въ Γετῶν ἐρημία этого писателя доказательство того, что геты фактически существовали еще тамъ, или же это названіе сохраняетъ лишь память о быломъ?

Первое предположеніе, думается намъ, вѣроятнѣе. Пейтингерова карта знаетъ надъ нижнимъ Дунаемъ народности Piti Gaete Dagae. Первое изъ этихъ именъ неясно, но во второмъ легко узнать нашихъ гетовъ, какъ въ Dagae — даковъ, т. е. карподаковъ. Изъ того же источника Cosmogr. Rav. IV, 5 взялъ patria... Getho-Githorum, гдѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ диттографіей, попавшей въ текстъ, ср. DA. III, 218. Если у позднѣйшихъ историковъ и географовъ ихъ имя уже болѣе не встрѣчается, то не только потому, что задунайскіе геты потеряли свою политическую независимость. По всему видно, что римляне имѣли очень точныя свѣдѣнія о Бессарабіи, и было-бы очень странно, еслибъ они въ I и II в. по Р. Хр. не отмѣтили здѣсь остатковъ этого народа, нѣкогда многочисленнаго. Вѣдь и полное исчезновеніе ихъ до этого времени само по себѣ невѣроятно, если не предположить поголовное выселеніе ихъ обратно за Дунай. Конечно, они отчасти абсорбировались своими побѣ-
ми сарматами и бастарнами, но намъ думается, что исчез-

новеніе имени гетовъ еще не предполагаетъ полное исчезновеніе народа въ этихъ краяхъ: мы узнаемъ остатки его именно въ тѣхъ бессахъ, о которыхъ, между прочимъ, упоминаетъ Птолемей.

Послѣ паденія галатскаго царства во Ѳракіи ок. 213 г. балканскіе геты, вновь достигнувъ независимости, основали могущественное государство, съ которымъ долго еще пришлось бороться римлянамъ, см. DA. III, 144 ss. Къ этимъ-то гетамъ и было пріурочено общее этническое названіе, тогда какъ геты задунайскіе, въ отличіе отъ нихъ, называются теперь бессами.

Что послѣднее имя чисто ѳракійскаго происхожденія, доказывается повтореніемъ его къ югу отъ Гэма. Объ этихъ ѳракійскихъ бессахъ въ Родопскихъ горахъ часто упоминаютъ древніе авторы; они играли не послѣднюю роль въ исторіи Балканскаго полуострова, и ихъ нельзя смѣшивать съ бессами Бессарабіи.

О послѣднихъ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, ставящихъ ихъ существованіе внѣ всякаго сомнѣнія. Впервые о нихъ упоминаетъ Овидій Tristia III, 10, 5 и IV, 1, 67, гдѣ бессы появляются рядомъ съ гетами (Bessi Getaeque) въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ его изгнанія, гор. Томи (нын. Анадолькой близь Кюстенджи). Конечно, тутъ идетъ рѣчь не о ѳракійскихъ бессахъ, а о нижнедунайскихъ. Затѣмъ, у Capitol. Marc. Aurel. 22, 1 въ именахъ народовъ, принимавшихъ участіе въ маркоманской войнѣ: Victualis, Sosibes, Sicobotes, Roxolani, Basternae etc. не трудно возстановить Victuales, Osi, Bessi, Saboces (?). У Исидора Севильскаго Etymol. IX, 2, 89 ss. рядомъ съ готами и даками называются Bessi, опять-таки, конечно, бессы Бессарабіи. Къ сожалѣнію, источникъ Исидора неизвѣстенъ.

Наконецъ, эти же факты бросаютъ свѣтъ на одну фразу Іордана 12, 75: (Danubius) lingua Bessorum Hister vocatur. Само собою разумѣется, что тутъ имѣются въ виду не южноѳракійскіе бессы, нигдѣ не доходившіе до Дуная; да и обычное объясненіе, что Іорданъ употребилъ здѣсь частное названіе для

обозначенія всего гето-θракійскаго племени, было бы допустимо только въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли другихъ указаній на существованіе бессовъ близь дельты Дуная. Извѣстно, что названіе Истра, обнимавшее первоначально весь Дунай, пріурочивается впослѣдствіи всегда только къ нижнему теченію этой рѣки. Она называется такъ приблизительно со впаденія въ него Савы Plin. IV, 12, 79; или съ пороговъ (Желѣзныхъ Воротъ) Strabo VII, 3, 13; еще болѣе съужено употребленіе этого имени у Птолемея III, 10, 1, по которому Дунай называется Истромъ лишь начиная съ гор. Аксіуполя (нын. Рассова въ Добруджѣ?). Наконецъ, у анонимнаго географа Geogr. Min. II, 496, § 9 это названіе пріурочивается къ одной только дельтѣ Дуная (Οὔδουνον вм. Νουιόδουνον).

То обстоятельство, что это имя сохранилось здѣсь, въ устьѣ, всего дольше, на нашъ взглядъ весьма знаменательно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно доказываетъ, что тутъ именно, на устьѣ, нужно искать и исходный пунктъ его. Это вѣроятно уже потому, что греки впервые узнали это имя, конечно, въ устьѣ, а не на среднемъ теченіи рѣки, и сначала совершенно естественно перенесли его на все теченіе ея. А во вторыхъ это же обстоятельство приводитъ насъ къ выводу, что около дельты Дуная еще очень долго держались остатки первоначальнаго гето-θракійскаго населенія этого края, сохранявшіе свой языкъ еще въ то время, когда южные родичи ихъ давно уже были романизованы и приняли кельто-римское названіе Данувія. А если Іорданъ прямо заявляетъ, что имя Hister принадлежитъ языку бессовъ, то мы не имѣемъ никакой причины не довѣрять ему, а должны, напротивъ того, видѣть въ предполагаемыхъ нами остаткахъ нижнедунайскихъ гетовъ именно бессовъ, но не южно-θракійскихъ, а самостоятельную народность того-же гето-θракійскаго происхожденія. Они, вѣроятно, съ самаго начала были крайнимъ сѣверовосточнымъ аванпостомъ гетскаго племени, доходившимъ до нижняго Дуная. Отъ нихъ, дѣйствительно, греки должны были услышать названіе этой рѣки, впервые достигнувъ

ея дельты. За Дунай-же бессы двинулись, вѣроятно, лишь послѣ того, какъ ихъ союзникъ, Филиппъ Македонскій, разбилъ въ 339 г. скиѳскаго царя Аѳію.

Наконецъ, существованіе именно бессовъ надъ нижнимъ Дунаемъ доказывается еще тѣмъ, что они и теперь еще не забыты въ краѣ: память о нихъ сохраняется въ имени Бессарабіи.

Мысль эта часто высказывалась (въ послѣдній разъ Odobescu 1877), и такъ же часто оспаривалась (Hasdeu 1874). Общепринятое объясненіе ведетъ это названіе отъ имени извѣстной молдаванской княжеской династіи Bessaraba, начинающей играть роль съ XIV в., тогда какъ областное названіе Бессарабіи встрѣчается впервые въ 1671 г., ср. Egli 109 s. v. Едва-ли можно привести серьезное возраженіе противъ этого, но намъ кажется, что это объясненіе нисколько не противорѣчитъ и нашему предположенію: имя династіи должно быть объяснено изъ имени народа, нѣкогда здѣсь обитавшаго, и затѣмъ, въ свою очередь, дало названіе всей области. Возможность такого объясненія допускаетъ и Egli l. c.

Мы выяснили весь первый рядъ сарматскихъ народовъ Птолемея и могли убѣдиться, что послѣдній цѣликомъ перенесъ его изъ Дакіи: народности, составляющія его, тянулись почти непрерывною цѣпью въ порядкѣ, указанномъ Птолемеемъ, отъ устьевъ Дуная вдоль хребта Лѣсныхъ Карпатъ до начала послѣднихъ; а передовые члены всего ряда принадлежатъ еще къ области сѣверной Татры.

Что касается второго ряда, то неясными остаются для насъ только Τρανσμοντανοί и Τάγροι.

Искусственность имени первыхъ лишаетъ насъ возможности точно пріурочить ихъ, такъ какъ такое имя могло возникнуть какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ интересующей насъ области. Можетъ быть, Transmontani представляютъ собою лишь римское названіе народности, уже извѣстной намъ подъ собственнымъ туземнымъ именемъ; но какой именно, мы, конечно, рѣ-

шить не можемъ. Съ именами Transylvania, terra ultrasilvana, трансильванскія альпы и т. д. они ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ послѣднія возникли гораздо позже, ср. уже Zeuss 756. Напомню только еще, что Amm. Marc: XVII, 12, 12 знаетъ какихъ-то Transjugitani, появляющихся въ 358 г. рядомъ съ квадами. Если они тожественны съ трансмонтанами Птолемея, то послѣднихъ придется также отнести къ сѣверной Венгріи.

Еще менѣе ясны тагры Ptol. III, 5, 11: ὑπὸ... τοὺς Βαστέρνας πρὸς τῇ Δακίᾳ Τάγροι. Въ виду сходства Г и Т можно бы предположить описку вм. TATPOI (ср. Müller 431 not. [6]) и отнести ихъ къ Татрѣ? Это вполнѣ согласовалось бы съ географическимъ опредѣленіемъ Птолемея. Но, съ другой стороны, нельзя не вспомнить о сарматскихъ тагорахъ (Tagorae) въ придонскихъ степяхъ Plin. VI, 7, 22. Они скорѣе указываютъ на сарматское происхожденіе тагровъ, вслѣдствіе чего мы могли бы съ большимъ правомъ отнести ихъ къ язигамъ метанастамъ въ равнинѣ Тиссы.

Мы должны, очевидно, отказаться отъ разгадки, такъ какъ и въ географической номенклатурѣ Венгріи я не нахожу ни одного названія, которое напоминало бы имя тагровъ.

Возвращаясь послѣ такого значительнаго, но необходимаго отступленія къ нашему исходному пункту, т. е. къ нижнедунайскимъ кельтамъ, мы напомнимъ читателю, для возстановленія связи, наши важнѣйшія положенія относительно нихъ.

Бритолаги не могли явиться ни съ юга ни съ запада; ихъ родина лежитъ къ сѣверу отъ нижняго Дуная (стр. 131). Они тожественны съ галатами ольвійской надписи, которые пришли въ южнорусскія степи въ обществѣ скировъ (стр. 103). Такъ какъ относительно послѣднихъ весьма вѣроятно, что ихъ увлекли за собою бастарны (стр. 119), то мы могли перенести этотъ выводъ апріорно и на галатовъ-бритолаговъ.

Дѣйствительно, оказалось, что вся сѣверная Венгрія была нѣкогда занята кельтами, которые въ области Татры и сѣвер

части Лѣсныхъ Карпатъ непосредственно примыкали къ тылу бастарновъ (стр. 148). А изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ получается выводъ, всесторонне, на нашъ взглядъ обезпечивающій нашу догадку относительно происхожденія и исторіи бритолаговъ: ихъ первоначальная родина — сѣверная часть Лѣсныхъ Карпатъ, которую они покинули, чтобы слѣдовать за своими сосѣдями бастарнами въ ихъ движеніи на югъ.

Главная масса ихъ родичей — кельтовъ оставалась въ Карпатскихъ горахъ и держалась здѣсь, вѣроятно, еще очень долго. Извѣстно, что нигдѣ населеніе не бываетъ такъ устойчиво, какъ именно въ горныхъ областяхъ. Здѣсь ихъ, безъ сомнѣнія, еще застали готы и гепиды. Хотя ихъ исторія и не знаетъ столкновенія съ кельтами, но зато въ ихъ языкѣ сохранился, кажется, слѣдъ близкаго сосѣдства въ этихъ, именно, краяхъ. Дѣло въ томъ, что сохраненіе имени волоховъ, заимствованнаго, какъ извѣстно, славянами изъ готск. *Walhōz = *U̯olkoi̯, древнегерманскаго обозначенія кельтовъ, вовсе не предполагаетъ ранняго и непосредственнаго перенесенія его на романизованныхъ жителей нижняго Дуная, а, напротивъ того, указываетъ скорѣе на присутствіе болѣе или менѣе значительныхъ кельтскихъ поселеній въ сосѣдствѣ готской земли второго періода, т. е. южнорусскихъ степей. Перенесеніе этого имени на волоховъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, т. е. на румынъ, станетъ, во всякомъ случаѣ, понятнѣе, если мы вспомнимъ о бритолагахъ и карпатскихъ кельтахъ, ближайшихъ сосѣдяхъ готовъ: на нихъ, именно, могли перенести послѣдніе общегерманское названіе кельтовъ, созданное еще въ германской прародинѣ, до перваго перебоя. Не будь этихъ кельтовъ, имя *Walhōz едва ли было бы перенесено на романизованныхъ даковъ и гетовъ, отличныхъ отъ кельтовъ какъ по языку, такъ и по общему типу и строю жизни. Вѣдь готы имѣли слово *Rumōneis для обозначенія римлянъ, и имя *Walhōz исчезло бы изъ употребленія. Оно удержалось, очевидно, потому, что и въ новой родинѣ оно могло быть пріурочено къ настоящимъ кельтамъ. Тоже самое находимъ мы и въ западно-

Σιγγίδαυα 48°—46° 20′ Ptol. III, 8, 4, въ которомъ окончаніе чисто дакійское (см. ниже), основа — кельтская. Ср. Singidunum въ Moesia Superior Ptol. III, 9, 3 и у друг., нын. Бѣлградъ.

Μαρκόδαυα 49° 30′—47° Ptol. ibid., ср. Marcodurum въ Gallia Belgica, нын. Düren 6° 29′—50° 48′; Marcomagus, на 30′ южнѣе, нын. Marmagen.

Не передѣланы-ли эти имена на дакійскій ладъ въ эпоху Бурвисты?

Итакъ, насколько вопросъ объ анартахъ и теурискахъ вообще рѣшимъ при настоящемъ положеніи дѣла, онъ рѣшается въ пользу ихъ кельтскаго происхожденія [1]).

А такъ какъ ихъ географическое пріуроченіе дано нами уже выше, то мы могли-бы теперь закончить нашъ разборъ Птолемеевой Дакіи, еслибъ не замѣченное нами повтореніе нѣкоторыхъ дакійскихъ именъ (Κοιστοβῶκοι Σαβῶκοι) въ его Сарматіи: повтореніе это наводитъ насъ на мысль, что и среди другихъ западно-сарматскихъ народовъ могутъ быть такіе, которые перенесены имъ сюда изъ Дакіи. Дѣйствительно, Ἀναρτόφρακτοι, отмѣченные имъ къ сѣверу отъ сабоковъ, находятся въ явной связи съ анартами въ Татрѣ. Очевидно, что весь рядъ, ведущій отъ авариновъ къ югу до язиговъ созданъ имъ искусственно, и причину объяснитъ взглядъ на его карту.

Мы уже видѣли выше (стр. 44 сл.), что онъ значительно растянулъ западную границу Сарматіи, отъ 42° 30′ долг. 48° шир. до 45°—56°, вслѣдствіе передвиженія на сѣверъ источника Вислы. Чтобы не оставлять пустымъ созданное имъ, такимъ образомъ, пространство въ восточной Германіи между

1) Мы убѣждены, что систематическое изслѣдованіе указало бы не мало кельтскихъ слѣдовъ въ современной географической номенклатурѣ сѣверной Венгріи и смежныхъ областей. Уже при бѣгломъ осмотрѣ нѣкоторыя формы поражаютъ своимъ чисто кельтскимъ характеромъ, какъ напр. Арва (притокъ Попрада), въ связи съ кельтск. *arvos быстрый. Имя Арвы повторяется въ Галліи какъ названіе рѣки нѣсколько разъ (Erve) и очень часто въ другихъ географическихъ именахъ. Ср. Holder col. 231 ss.

Ἀσκιβούργιον ὄρος и Ὀρκύνιος δρυμός, онъ перенесъ сюда изъ сѣверозападной Венгріи сидоновъ и котиновъ, и создалъ по ошибкѣ небывалыхъ висбургіевъ, вслѣдствіе чего получился рядъ изъ 6 народовъ отъ источника Вислы до южной оконечности сарматскихъ горъ. Но то-же самое предстояло сдѣлать и по ту сторону пограничной линіи, т. е. въ западной Сарматіи, такъ какъ его схематизирующій пріемъ требовалъ такое-же число народовъ (6) и здѣсь, гдѣ ихъ не было да и быть не могло, такъ какъ Висла, отодвинутая имъ на сѣверъ на цѣлыхъ 2 градуса, на самомъ дѣлѣ беретъ начало въ Бескидахъ. Онъ помогъ дѣлу тѣмъ, что перенесъ сюда 6 народовъ изъ Дакіи, гдѣ они, взятые изъ другаго источника, казались лишними. Въ результатѣ получились три ряда, которые по стройной схематичности, вполнѣ соотвѣтствовали его манерѣ. Если мы ихъ выпишемъ, начиная съ самаго сѣвера, то получимъ слѣдующую картину:

М о р е.

Ῥουτίκλειοι	и Сарматіи	Οὐενέδαι	
Αἰλουαίωνες		Γύθωνες	Γαλίνδαι
Βουργοῦντες		Φίννοι	
Λοῦγοι Ὀμανοί		Σούλωνες	Ἰγυλλίωνες
Λ. Διδοῦνοι		Φρουγουδίωνες	
Λ. Βοῦροι		Αὐαρινοί	Κοιστοβῶκοι
Σίδωνες	Граница Германіи	Ὄμβρωνες	Τρανσμοντανοί
Κῶγνοι		Ἀναρτοφράκτοι	Πευκινοί
Οὐισβούργιοι		Βουργίωνες	Καρπιανοί
Κούαδοι		Ἀρσιῆται	Βαστέρναι
Βαῖμοι		Σαβῶκοι	Τάγροι
Ῥακατρίαι		Πιενγῖται Βίεσσοι	Τυραγέται
		Ἰάζυγες	Ἄναρτοι

Ясно, что весь рядъ отъ омброновъ до піенгитовъ и біессовъ долженъ быть изъятъ изъ Сарматіи, такъ какъ фактически подъ

аваринами мы нашли сидоновъ, подъ ними осовъ, за которыми слѣдуютъ на юговостокѣ уже язиги.

Имена анартофрактовъ и сабоковъ указываютъ намъ путь: мы должны искать всѣ эти народности въ Дакіи, точно также и койстобоковъ и трансмонтановъ въ третьемъ ряду, такъ какъ южныхъ ихъ сосѣдей мы уже пріурочили къ болѣе южнымъ областямъ. Притомъ, названія анартофрактовъ (Anarti fracti) и трансмонтановъ доказываютъ, что всѣ они взяты Птолемеемъ изъ тѣхъ-же римскихъ источниковъ, которые дали ему и названія народовъ, помѣщенныхъ имъ въ Дакіи.

Отыскивая народности перваго ряда въ Дакіи, мы должны, по возможности, не нарушать того порядка, въ которомъ онѣ даны Птолемеемъ.

Почему часть анартовъ была названа римлянами fracti — неясно. Всего вѣроятнѣе, что этимъ именемъ обозначалась часть народа, сохранившая въ горахъ Татры полную независимость, внѣ федераціи съ Римомъ. Они, во всякомъ случаѣ, оставались тутъ-же, такъ такъ отмѣченные рядомъ съ ними омброны и бургіоны — явно германцы.

Ὄμβρωνες = герм. *Umbrōnez, ср. Ymbre Widsiđ 32, *Ymbringar, жители острова Amrum<Ambrum, Möller 89, и извѣстные товарищи кимвровъ, амброны, имя которыхъ относится къ *Umbronez какъ Gautar къ *Gutōz.

Βουργίωνες = герм. *Burgionez, ср. готск. baúrgjans отъ baúrgs (Мухъ 44).

Географическое положеніе дано распредѣленіемъ ихъ у Птолемея. Если анартофракты жили въ глубинѣ сѣверной Татры (Magas Tatra и Галицкая Татра), то омброны — ихъ западные сосѣди, рядомъ съ сидонами, на Арвѣ, а бургіоны — восточнѣе, на Попрадѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе должны быть, конечно, бастарнскаго рода, и мы можемъ дополнить этими двумя именами списокъ Страбона (выше стр. 104). Восточнѣе ихъ искать нельзя: если бастарны вообще проникли черезъ горы, то только здѣсь, гдѣ теченія довольно значительныхъ рѣкъ (Сола, Арва,

Дунаецъ, Попрадъ) представляли цѣлый рядъ удобныхъ переходовъ, тогда какъ восточнѣе, черезъ Лѣсныя Карпаты, ведетъ лишь нѣсколько очень трудныхъ дорогъ по ущельямъ.

Затѣмъ идутъ арсіеты (Ἀρσιῆται al. Ἀρσυῆται). Ихъ имя этимологически неясно; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что арсіеты принадлежали къ дакійскому племени. Это подтверждается сопоставленіемъ ихъ имени съ ѳракійскими географическими названіями Ἄρσα, Ἄρσαζα, Ἄρσενα, ср. Томашекъ WSB 131, 54. А что касается области арсіетовъ, то пріурочить ихъ не трудно, такъ какъ память о нихъ сохранилась въ нын. Arszyka: такъ называется еще теперь часть сѣверозападныхъ склоновъ Лѣсныхъ Карпатъ, между Свицей и Ломпицей, притоками верхняго Днѣстра.

Сосѣди ихъ — саботки въ южной Галиціи, гдѣ они примыкаютъ къ койстобокамъ. Южнѣе послѣднихъ — піенгиты, напоминающіе, а можетъ быть и тожественное съ Πιέφιγοι Птолемеевой Дакіи, и, наконецъ, біессы (Βίεσσοι) ближе къ устью Дуная.

Жили ли біессы здѣсь еще въ эпоху Птолемея, мы провѣрить не можемъ. Быть можетъ, они взяты имъ изъ болѣе древняго источника? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что они были гетскаго происхожденія.

О гетахъ къ сѣверу отъ устьевъ Дуная мы имѣемъ рядъ совершенно ясныхъ свидѣтельствъ, см. DA. III, 134 ss., Латышевъ Изслѣдованія 72 сл. прим.[12]. Впервые о нихъ упоминаетъ Арріанъ въ разсказѣ о походѣ Александра Македонскаго на нижній Дунай въ 334 г., Anab. I, 2—4. Тутъ же упоминается о ихъ городѣ, отстоявшемъ приблизительно на одну парасангу отъ Дуная; отсюда они бѣжали въ степи (τὰ ἔρημα ср. Γετῶν ἐρημία Strab.). А въ послѣдній разъ мы слышимъ о существованіи задунайскихъ гетовъ отъ Justin. XXXII, 3 по поводу пораженія ихъ бастарнами во II в. до Р. Хр. Правда, послѣднее извѣстіе можетъ относиться и къ балканскимъ гетамъ, но, во всякомъ случаѣ, очень вѣроятно, что именно нашествіе бастар-

новъ положило конецъ гетской независимости къ сѣверу отъ нижняго Дуная. Мы о нихъ больше ничего не слышимъ, и находимъ намекъ на присутствіе гето-ѳракійскаго элемента въ Бессарабіи лишь въ словахъ Страбона VII, 3, 2, что бастарны, скиѳы и сарматы живутъ смѣшанно съ ѳракійцамм: καὶ γὰρ νῦν ἀναμέμικται ταῦτα τὰ ἔθνη (Σκύθαι καὶ Σαρμάται) τοῖς Θρᾳξὶ καὶ τὰ Βασταρνικά, μᾶλλον μὲν τοῖς ἐκτὸς Ἴστρου, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐντός.

Не подлежитъ сомнѣнію, что гетскій элементъ надъ дельтой Дуная былъ нѣкогда очень силенъ; этимъ только можетъ быть объяснена неоднократная удача ихъ въ борьбѣ съ греками (Зопиріономъ и Лисимахомъ). Что и послѣ прихода бастарновъ слѣды ихъ существованія не исчезли, доказывается вышеприведенными словами Страбона. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли видѣть въ Γετῶν ἐρημία этого писателя доказательство того, что геты фактически существовали еще тамъ, или же это названіе сохраняетъ лишь память о быломъ?

Первое предположеніе, думается намъ, вѣроятнѣе. Пейтингерова карта знаетъ надъ нижнимъ Дунаемъ народности Piti Gaete Dagae. Первое изъ этихъ именъ неясно, но во второмъ легко узнать нашихъ гетовъ, какъ въ Dagae — даковъ, т. е. карподаковъ. Изъ того же источника Cosmogr. Rav. IV, 5 взялъ patria... Getho-Githorum, гдѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ диттографіей, попавшей въ текстъ, ср. DA. III, 218. Если у позднѣйшихъ историковъ и географовъ ихъ имя уже болѣе не встрѣчается, то не только потому, что задунайскіе геты потеряли свою политическую независимость. По всему видно, что римляне имѣли очень точныя свѣдѣнія о Бессарабіи, и было-бы очень странно, еслибъ они въ I и II в. по Р. Хр. не отмѣтили здѣсь остатковъ этого народа, нѣкогда многочисленнаго. Вѣдь и полное исчезновеніе ихъ до этого времени само по себѣ невѣроятно, если не предположить поголовное выселеніе ихъ обратно за Дунай. Конечно, они отчасти абсорбировались своими побѣдителями сарматами и бастарнами, но намъ думается, что исчез-

новеніе имени гетовъ еще не предполагаетъ полное исчезновеніе народа въ этихъ краяхъ: мы узнаемъ остатки его именно въ тѣхъ бессахъ, о которыхъ, между прочимъ, упоминаетъ Птолемей.

Послѣ паденія галатскаго царства во Ѳракіи ок. 213 г. балканскіе геты, вновь достигнувъ независимости, основали могущественное государство, съ которымъ долго еще пришлось бороться римлянамъ, см. DA. III, 144 ss. Къ этимъ-то гетамъ и было пріурочено общее этническое названіе, тогда какъ геты задунайскіе, въ отличіе отъ нихъ, называются теперь бессами.

Что послѣднее имя чисто ѳракійскаго происхожденія, доказывается повтореніемъ его къ югу отъ Гэма. Объ этихъ ѳракійскихъ бессахъ въ Родопскихъ горахъ часто упоминаютъ древніе авторы; они играли не послѣднюю роль въ исторіи Балканскаго полуострова, и ихъ нельзя смѣшивать съ бессами Бессарабіи.

О послѣднихъ мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, ставящихъ ихъ существованіе внѣ всякаго сомнѣнія. Впервые о нихъ упоминаетъ Овидій Tristia III, 10, 5 и IV, 1, 67, гдѣ бессы появляются рядомъ съ гетами (Bessi Getaeque) въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ его изгнанія, гор. Томи (нын. Анадолькой близъ Кюстенджи). Конечно, тутъ идетъ рѣчь не о ѳракійскихъ бессахъ, а о нижнедунайскихъ. Затѣмъ, у Capitol. Marc. Aurel. 22, 1 въ именахъ народовъ, принимавшихъ участіе въ маркоманской войнѣ: Victualis, Sosibes, Sicobotes, Roxolani, Basternae etc. не трудно возстановить Victuales, Osi, Bessi, Saboces (?). У Исидора Севильскаго Etymol. IX, 2, 89 ss. рядомъ съ готами и даками называются Bessi, опять-таки, конечно, бессы Бессарабіи. Къ сожалѣнію, источникъ Исидора неизвѣстенъ.

Наконецъ, эти же факты бросаютъ свѣтъ на одну фразу Іордана 12, 75: (Danubius) lingua Bessorum Hister vocatur. Само собою разумѣется, что тутъ имѣются въ виду не южноѳракійскіе бессы, нигдѣ не доходившіе до Дуная; да и обычное объясненіе, что Іорданъ употребилъ здѣсь частное названіе для

обозначенія всего гето-ѳракійскаго племени, было бы допустимо только въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли другихъ указаній на существованіе бессовъ близь дельты Дуная. Извѣстно, что названіе Истра, обнимавшее первоначально весь Дунай, пріурочивается впослѣдствіи всегда только къ нижнему теченію этой рѣки. Она называется такъ приблизительно со впаденія въ него Савы Plin. IV, 12, 79; или съ пороговъ (Желѣзныхъ Воротъ) Strabo VII, 3, 13; еще болѣе съужено употребленіе этого имени у Птолемея III, 10, 1, по которому Дунай называется Истромъ лишь начиная съ гор. Аксіуполя (нын. Рассова въ Добруджѣ?). Наконецъ, у анонимнаго географа Geogr. Min. II, 496, § 9 это названіе пріурочивается къ одной только дельтѣ Дуная (Οὔδουνον вм. Νουιόδουνον).

То обстоятельство, что это имя сохранилось здѣсь, въ устьѣ, всего дольше, на нашъ взглядъ весьма знаменательно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно доказываетъ, что тутъ именно, на устьѣ, нужно искать и исходный пунктъ его. Это вѣроятно уже потому, что греки впервые узнали это имя, конечно, въ устьѣ, а не на среднемъ теченіи рѣки, и сначала совершенно естественно перенесли его на все теченіе ея. А во вторыхъ это же обстоятельство приводитъ насъ къ выводу, что около дельты Дуная еще очень долго держались остатки первоначальнаго гето-ѳракійскаго населенія этого края, сохранявшіе свой языкъ еще въ то время, когда южные родичи ихъ давно уже были романизованы и приняли кельто-римское названіе Данувія. А если Іорданъ прямо заявляетъ, что имя Hister принадлежитъ языку бессовъ, то мы не имѣемъ никакой причины не довѣрять ему, а должны, напротивъ того, видѣть въ предполагаемыхъ нами остаткахъ нижнедунайскихъ гетовъ именно бессовъ, но не южно-ѳракійскихъ, а самостоятельную народность того-же гето-ѳракійскаго происхожденія. Они, вѣроятно, съ самаго начала были крайнимъ сѣверовосточнымъ аванпостомъ гетскаго племени, доходившимъ до нижняго Дуная. Отъ нихъ, дѣйствительно, греки должны были услышать названіе этой рѣки, впервые достигнувъ

ея дельты. За Дунай-же бессы двинулись, вѣроятно, лишь послѣ того, какъ ихъ союзникъ, Филиппъ Македонскій, разбилъ въ 339 г. скиѳскаго царя Аѳію.

Наконецъ, существованіе именно бессовъ надъ нижнимъ Дунаемъ доказывается еще тѣмъ, что они и теперь еще не забыты въ краѣ: память о нихъ сохраняется въ имени Бессарабіи.

Мысль эта часто высказывалась (въ послѣдній разъ Odobescu 1877), и такъ же часто оспаривалась (Hasdeu 1874). Общепринятое объясненіе ведетъ это названіе отъ имени извѣстной молдаванской княжеской династіи Bessaraba, начинающей играть роль съ XIV в., тогда какъ областное названіе Бессарабіи встрѣчается впервые въ 1671 г., ср. Egli 109 s. v. Едва-ли можно привести серьезное возраженіе противъ этого, но намъ кажется, что это объясненіе нисколько не противорѣчитъ и нашему предположенію: имя династіи должно быть объяснено изъ имени народа, нѣкогда здѣсь обитавшаго, и затѣмъ, въ свою очередь, дало названіе всей области. Возможность такого объясненія допускаетъ и Egli l. c.

Мы выяснили весь первый рядъ сарматскихъ народовъ Птолемея и могли убѣдиться, что послѣдній цѣликомъ перенесъ его изъ Дакіи: народности, составляющія его, тянулись почти непрерывною цѣпью въ порядкѣ, указанномъ Птолемеемъ, отъ устьевъ Дуная вдоль хребта Лѣсныхъ Карпатъ до начала послѣднихъ; а передовые члены всего ряда принадлежатъ еще къ области сѣверной Татры.

Что касается второго ряда, то неясными остаются для насъ только Τρανσμοντανοί и Τάγροι.

Искусственность имени первыхъ лишаетъ насъ возможности точно пріурочить ихъ, такъ какъ такое имя могло возникнуть какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ интересующей насъ области. Можетъ быть, Transmontani представляютъ собою лишь римское названіе народности, уже извѣстной намъ подъ собственнымъ туземнымъ именемъ; но какой именно, мы, конечно, рѣ-

шить не можемъ. Съ именами Transylvania, terra ultrasilvana, трансильванскія альпы и т. д. они ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ послѣднія возникли гораздо позже, ср. уже Zeuss 756. Напомню только еще, что Amm. Marc. XVII, 12, 12 знаетъ какихъ-то Transjugitani, появляющихся въ 358 г. рядомъ съ квадами. Если они тожественны съ трансмонтанами Птолемея, то послѣднихъ придется также отнести къ сѣверной Венгріи.

Еще менѣе ясны тагры Ptol. III, 5, 11: ὑπὸ... τοὺς Βαστέρνας πρὸς τῇ Δακίᾳ Τάγροι. Въ виду сходства Γ и Τ можно бы предположить описку вм. ΤΑΤΡΟΙ (ср. Müller 431 not.[6]) и отнести ихъ къ Татрѣ? Это вполнѣ согласовалось бы съ географическимъ опредѣленіемъ Птолемея. Но, съ другой стороны, нельзя не вспомнить о сарматскихъ тагорахъ (Tagorae) въ придонскихъ степяхъ Plin. VI, 7, 22. Они скорѣе указываютъ на сарматское происхожденіе тагровъ, вслѣдствіе чего мы могли бы съ большимъ правомъ отнести ихъ къ язигамъ метанастамъ въ равнинѣ Тиссы.

Мы должны, очевидно, отказаться отъ разгадки, такъ какъ и въ географической номенклатурѣ Венгріи я не нахожу ни одного названія, которое напоминало бы имя тагровъ.

Возвращаясь послѣ такого значительнаго, но необходимаго отступленія къ нашему исходному пункту, т. е. къ нижнедунайскимъ кельтамъ, мы напомнимъ читателю, для возстановленія связи, наши важнѣйшія положенія относительно нихъ.

Бритолаги не могли явиться ни съ юга ни съ запада; ихъ родина лежитъ къ сѣверу отъ нижняго Дуная (стр. 131). Они тожественны съ галатами ольвійской надписи, которые пришли въ южнорусскія степи въ обществѣ скировъ (стр. 103). Такъ какъ относительно послѣднихъ весьма вѣроятно, что ихъ увлекли за собою бастарны (стр. 119), то мы могли перенести этотъ выводъ апріорно и на галатовъ-бритолаговъ.

Дѣйствительно, оказалось, что вся сѣверная Венгрія была нѣкогда занята кельтами, которые въ области Татры и сѣверной

части Лѣсныхъ Карпатъ непосредственно примыкали къ тылу бастарновъ (стр. 148). А изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ получается выводъ, всесторонне, на нашъ взглядъ обезпечивающій нашу догадку относительно происхожденія и исторіи бритолаговъ: ихъ первоначальная родина — сѣверная часть Лѣсныхъ Карпатъ, которую они покинули, чтобы слѣдовать за своими сосѣдями бастарнами въ ихъ движеніи на югъ.

Главная масса ихъ родичей — кельтовъ оставалась въ Карпатскихъ горахъ и держалась здѣсь, вѣроятно, еще очень долго. Извѣстно, что нигдѣ населеніе не бываетъ такъ устойчиво, какъ именно въ горныхъ областяхъ. Здѣсь ихъ, безъ сомнѣнія, еще застали готы и гепиды. Хотя ихъ исторія и не знаетъ столкновенія съ кельтами, но зато въ ихъ языкѣ сохранился, кажется, слѣдъ близкаго сосѣдства въ этихъ, именно, краяхъ. Дѣло въ томъ, что сохраненіе имени волоховъ, заимствованнаго, какъ извѣстно, славянами изъ готск. *Walhōz = *U̯olkoi̯, древнегерманскаго обозначенія кельтовъ, вовсе не предполагаетъ ранняго и непосредственнаго перенесенія его на романизованныхъ жителей нижняго Дуная, а, напротивъ того, указываетъ скорѣе на присутствіе болѣе или менѣе значительныхъ кельтскихъ поселеній въ сосѣдствѣ готской земли второго періода, т. е. южнорусскихъ степей. Перенесеніе этого имени на волоховъ въ позднѣйшемъ смыслѣ, т. е. на румынъ, станетъ, во всякомъ случаѣ, понятнѣе, если мы вспомнимъ о бритолагахъ и карпатскихъ кельтахъ, ближайшихъ сосѣдяхъ готовъ: на нихъ, именно, могли перенести послѣдніе общегерманское названіе кельтовъ, созданное еще въ германской прародинѣ, до перваго перебоя. Не будь этихъ кельтовъ, имя *Walhōz едва ли было бы перенесено на романизованныхъ даковъ и гетовъ, отличныхъ отъ кельтовъ какъ по языку, такъ и по общему типу и строю жизни. Вѣдь готы имѣли слово *Rumōneis для обозначенія римлянъ, и имя *Walhōz исчезло бы изъ употребленія. Оно удержалось, очевидно, потому, что и въ новой родинѣ оно могло быть пріурочено къ настоящимъ кельтамъ. Тоже самое находимъ мы и въ западно-

германскомъ мірѣ: всюду посредствующимъ звеномъ были туземные кельты, которыхъ германцы заставали во вновь занимаемыхъ областяхъ; на нихъ, прежде всего, перенесено имя древнихъ вóлковъ, получившее затѣмъ, вообще, значеніе туземнаго, негерманскаго элемента. Лишь отсюда шагъ къ обозначенію всѣхъ романцевъ этимъ именемъ представляется понятнымъ, даже необходимымъ. Германецъ, перенесенный непосредственно въ чисто романскую или иную среду безъ кельтскаго элемента, едва ли назвалъ бы ее «волошскою».

Къ тому же выводу, что готы и славяне застали еще кельтовъ на нижнемъ Дунаѣ и въ Карпатахъ, приводятъ насъ еще другія соображенія.

Не сохранилась ли память о кельтахъ-галатахъ въ названіи Галиціи, какъ несомнѣнно въ малоазіатской Галатіи и, вѣроятно, также въ испанской Галиціи? Вопросъ этотъ сводится къ тому, откуда произошло имя города Галича, давшаго названіе Галицкому княжеству, Галичинѣ и галичанамъ. Форма «Галиція», конечно, поздняя, книжная.

Ономастическій и историческій матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи при разсмотрѣніи поднятаго вопроса, не очень великъ.

Когда и кѣмъ основанъ Галичь (при впаденіи Луквы въ Днѣстръ), мы не знаемъ. Можетъ быть, онъ находился въ числѣ тѣхъ «иныхъ градовъ», которые, кромѣ Перемышля и Червени, занялъ Владиміръ въ 981 г. Наша лѣтопись упоминаетъ о галичанахъ впервые подъ 1138 г. (Лавр. 290), когда они были союзниками Ярополка Мономашича въ его борьбѣ съ Ольговичами. Стольнымъ городомъ Галицкаго княжества Галичь сталъ при Владимірѣ Володаревичѣ ок. 1141 г., и съ этого времени онъ даетъ имя всей землѣ.

Затѣмъ, имя Галича повторяется въ Маломъ Галичѣ на нижнемъ Дунаѣ, нын. Галацѣ, Galati румынъ. Безспорно и это — древнее поселеніе, хотя подлинность грамоты, данной этому городу Иваномъ Ростиславичемъ Берладникомъ въ 1134 г.,

весьма сомнительна какъ по языку, такъ и по обозначенію даты (ср. Барсовъ 286).

Далѣе, я нахожу двѣ деревни Halič и Welkà Halič (венг. Gács и Gácsfalva) въ Венгерскихъ Рудныхъ горахъ, въ Ноградскомъ Комитатѣ (Lipsky s. v.).

Наконецъ, именемъ Галича обозначается еще теперь часть Лѣсныхъ Карпатъ и спеціально гора, у которой беретъ начало Днѣстръ. Вотъ и весь матеріалъ [1]).

О происхожденіи имени Галича существуютъ двѣ гипотезы.

Одна изъ нихъ (Egli 339), имѣя въ виду «баснословное богатство солью», отличающее восточные склоны Лѣсныхъ Карпатъ, связываетъ это имя съ hal- < *sal-, общеиндоевропейскимъ обозначеніемъ соли, которое часто привлекалось, да и теперь еще иногда привлекается къ объясненію нѣм. гор. Halle. Гипотеза эта возможна фонетически лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ за исходную точку кельтское слово. Въ британской группѣ кельтскихъ нарѣчій (кимр. корн. брет.) s въ началѣ слова передъ гласнымъ, дѣйствительно, переходитъ въ h: пракельтск. *salannos, дрир. salann соль = кимр. halan; ср. корн. haloin, брет. holen < *salên, Fick[4] II, 291. А такъ какъ языкъ карпатскихъ галатовъ въ другомъ пунктѣ, именно въ отраженіи индо-

1) «Мерскій» Галичъ Костромской губ. (въ лѣтописи впервые подъ 1237 г. Лавр. 441), конечно, сюда не относится. Его имя, всего вѣроятнѣе, финскаго происхожденія и лишь передѣлано на славянскій ладъ русскими завоевателями — колонистами по образцу днѣстровскаго Галича. Ср. ливонск. Galle, Kolle, Kollasch, Bielenstein 179. 261. 263 и схожія финскія образованія ниже. Въ Костромской губ., кромѣ мерскаго Галича и Сольгалича имѣется 3 селенія съ названіемъ Галашино, одно село Галанино, дер. Галецкая и Галецкое. — Если же Костромской Галичъ основанъ русскими, то онъ, безъ сомнѣнія названъ такъ въ честь славнаго стольнаго города на Днѣстрѣ, ср. Нижній Новгородъ и друг.; у крымскихъ переселенцевъ на Азовскомъ морѣ имѣется не только Ялта, Мангушъ и т. д., но и село Константинополь, хотя среди нихъ не было ни одного уроженца этого города (см. мою статью въ Живой Старинѣ вып. II, стр. 82); наконецъ, швейцарскій Бернъ, основанный въ XII в., названъ такъ въ честь Вероны, нѣм. Bern (Dietrich von Bern). Къ тому-же, районъ костромскаго Галича напоминалъ Галичину и богатствомъ соли. О Галицкой соли см. уже въ Печерскомъ Патерикѣ: (Василько и Володарь) не пустиша гостеи изъ Галича.. и не бысть соли во всей Роускои земли.

европ. q>p дѣйствительно совпадаетъ съ британской группой, расходясь съ гэльской (ср. выше стр. 155), то съ этой стороны затрудненій къ принятію этой этимологіи не представится. Мы можемъ допустить карпато-кельтск. *Haletio изъ Saletio (какъ Tinnetio, Brigetio и друг.), которое могло дать въ славянскихъ устахъ «Галичь». Дѣйствительно, кельтскій городъ Saletio значится на Tab. Peuting. и въ Itiner. 353 пониже Страсбурга на Рейнѣ; это — Saliso Amm. Marc. XVI, 2, 12, нын. Selz. Но именно эта прирейнская форма внушаетъ намъ и недовѣріе къ данной гипотезѣ, напоминая намъ, что древне-гальск. нарѣчія сохраняютъ s-. Ср. еще Salsulae fons non dulcibus aquis defluens sed salsioribus etiam quam marinae sunt, Mela II, 5,82; Salodurum Itin. 353 и много другихъ. Очевидно, что, принимая переходъ s->h- для карпато-кельтскаго языка, мы допускаемъ нѣкоторую натяжку, тѣмъ болѣе, что противъ этого говоритъ Singidunum на Дунаѣ.

Гипотеза эта невѣроятна, наконецъ, и потому, что она не объясняетъ Галича въ Рудныхъ горахъ, не имѣющихъ соли.

Больше довѣрія внушаетъ намъ другая гипотеза, высказанная Кетржынскимъ (Egli ibid.) и связывающая имя Галича съ польскимъ hala «гора».

Миклошичъ Etym. Wört. знаетъ только польск. hala, которое онъ переводитъ черезъ «Alpenweide» и возводитъ къ прaслав. *galja. Слово это, дѣйствительно не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, употребляется и въ польскомъ не повсемѣстно. Линде его не знаетъ. Оно распространено только въ части Татранской Польши, которой оно дало имя Подгалья. Б. Дембовскій, авторъ Słownik gwary Podhalskiej, Kraków 1894, даетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытный матеріалъ [1]).

Podhále, читаемъ мы у него на стр. 56, kraj leżący u północnego tj. polskiego podnóża Tatr, ciągnie się na północ do

1) Указаніемъ его я обязанъ любезности акад. А. А. Шахматова.

Beskidow (Nowotarszczyzna). Podhalanie, mieszkańcy Podhála, o sobie mówią górale, o innych częściach Polski mówią równie, dólskie ziemie, a najczęściej lachy, lahy.

Въ основѣ лежитъ, конечно, hála, hále, которое на стр. 22 объясняется какъ doliny górskie w Tatrach, pastwiska górskie, czasem góry same. Миклошичъ взялъ свое hala, очевидно, отсюда, изъ подгальскаго говора.

Отсутствіе мѣстныхъ словарей лишаетъ насъ возможности прослѣдить распространеніе этого слова на востокъ. У Желеховскаго имѣется «га́лява, галя́вина, Lücke, Lichtung, Waldblösse, freier Raum», и мнѣ припоминается наша «прогалина», находящаяся, очевидно, въ связи съ галявой. Но эти слова едва-ли относятся къ тому же корню, отъ котораго образовано польск. hála. Мы коснемся этого вопроса ниже; теперь же, возвращаясь къ интересующему насъ польскому слову, мы не можемъ не замѣтить, что оно занимаетъ въ лексиконѣ совершенно обособленное положеніе и, не повторяясь въ другихъ славянскихъ языкахъ, не имѣетъ славянской этимологіи. Уже въ силу этого мы вправѣ считать его заимствованіемъ. Отыскивая его источникъ, мы легко найдемъ его въ германскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ рядъ именныхъ образованій отъ корня *hel — *hal съ подходящимъ значеніемъ. Нелишне будетъ представить здѣсь всю эту семью, такъ какъ не одинъ, а нѣсколько членовъ ея перешли къ славянамъ, притомъ въ разное время, такъ что они могутъ служить хорошей характеристикой различныхъ наслоеній славяно-германскихъ заимствованій.

Въ основѣ лежитъ индоевроп. корень *qel — qol, имѣющій общее значеніе подъема; ср. лат. ex-cellere, collis, culmen, греч. κολωνός, лит. kélti поднимать, kálnas гора. Отъ него образованы:

1. Индоевроп. *qolnos (лит. kálnas, ср. лат. collis изъ *colnis) > прагерм. *χallaz > готск. *halls, дрсѣв. hallr скала, гора, камень (прасѣв. halaR въ рунической надписи V вѣка, найденной въ Steinstad, въ Норвегіи), агс. heall скала. Съ переходомъ въ основы на -u: готск. hallus скала.

2. Прагерм. осн. *χalli̯a->готск. *halleis, агс. hyll, англ. hill холмъ. Сюда же относится дрсѣв. hellir горная пещера.

Изъ обоихъ словъ (*χalla- и *χalli̯a-) могло получиться слав. польск. hála въ первую готскую (или бастарнскую?) эпоху. Къ тому же древнѣйшему слою заимствованій принадлежитъ русск. холмъ:

3. Индоевр. *ql̥mos (ср. лат. culmen)>прагерм. *χulmaz> дрсѣв. hólmr, древнѣе holmr, агс. англ. holm островъ въ рѣкѣ или бухтѣ, собств. «утесъ, выступающій изъ воды?», дрсакс. holm холмъ. Для бастарнскаго resp. готскаго мы можемъ предположить форму *hulms въ значеніи подъема почвы, холма, какъ въ дрсакс. А изъ *hulms получилось совершенно правильно русск. холмъ. Ср. гор. Холмъ, польск. Chełm Любл. губ. Предположенію, что холмъ заимствованъ изъ дрсѣв., препятствуетъ вполнѣ устойчивое значеніе, а принадлежность его къ древнѣйшему слою германскихъ заимствованій доказывается переходомъ h->x-. Во второмъ слоѣ h- даетъ г-, ср. русск. гридь изъ дрсѣв. hirð и

4. Прагерм. *χalljō^n>готск. *halljō, прасѣв. *hallio, дрсѣв. hella гладкій плоскій камень, что дало русск. галя, галька. Наконецъ,

5. Прагерм. *χalþaz>готск. *halþs, дрсѣв. hallr, агс. heald, дрврхнѣм. hald «наклонный», собств. «поднимающійся подъ наклономъ». Отсюда сущ. дрсѣв. hallr (совпавшее фонетически съ hallr подъ № 1), дрврхнѣм. halda, новонѣм. Halde склонъ горы. На языкѣ нѣмецкихъ рудокоповъ Halde обозначаетъ также «Hügel von Erde oder Gestein, beim Schacht aufgeschüttet» (M. Heyne, Deutsches Wörterbuch 1891 s. v.). Въ этомъ значеніи — очевидно, техническомъ — оно поздно перешло въ подгальск. hálnia (<*hald-nia?), которое по Дембовскому 22 значитъ «ziemia z kopalni wydobyta» [1]).

Мы уже указали выше, что съ польск. hála едва-ли можетъ

---

1) Въ подгальскомъ нарѣчіи г и х совпали въ h, см. Дембовскій 9 прим.

быть отожествлено, по корню, русск. га́лява, галя́вина, прогалина, къ которымъ можно отнести еще прога́ль, про́галь «чистое пространство, открытое мѣсто среди чего; незамерзающее мѣсто въ рѣкѣ, поляна въ лѣсу» и т. д., въ особенности, если принять во вниманіе глаголъ прога́лить, «открыть, дать куда проникнуть свѣту», и выраженія въ родѣ «на́-небѣ прогалило» (Даль). Связь съ прилаг. «голый» должна быть, кажется, отвергнута, хотя она и вносится народной этимологіей, ср. проголить лѣсокъ, вм. прога́лить. Съ другой стороны, ограниченность распространенія этихъ словъ (только въ русск. яз.) и обособленность ихъ въ словарѣ указываетъ на то, что мы и здѣсь также имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ.

Дѣйствительно, основныя значенія «свѣтлый, ясный» и «разсѣкать» сливаются въ финскомъ корнѣ sal—hal. Ср. напр. суом. salava молнія, haleva, hallava свѣтлый, halkēn разсѣкать, halkio щель, salko, halko полѣно; вепс. halg полѣно, halgnen разсѣкать; эст. haljas свѣтлый, sale жидкій, тонкій (sale mets жидкій лѣсъ) и т. д. Относящіяся сюда слова см. у Donner'a II, 10 ss., въ особенности стр. 25.

Мнѣ кажется, что мы безъ затрудненія можемъ принять, въ данномъ случаѣ, заимствованіе изъ финскаго, тѣмъ болѣе, что формы въ родѣ суом. haleva и т. под. объясняютъ намъ и своеобразное «га́лява». Въ послѣднемъ, слѣдовательно, сливаются значенія «просѣка» и «просвѣтъ».

Возвращаясь, однако, къ польскому (и угрорусскому?) hála, мы a priori можемъ предположить, что оно должно было отразиться на географической номенклатурѣ Карпатскихъ областей. Дѣйствительно, оно встрѣчается здѣсь довольно часто въ формѣ Hala, сохранившейся въ оффиціальныхъ мадьяризованныхъ именахъ потому, что легко поддавалась объясненію изъ венгерскаго, ср. венг. hal рыба, halas богатый рыбой; hálás ночевка).

Вышеупомянутая гипотеза Кетржынскаго производитъ отъ того же слова и интересующее насъ имя Галича. Такое производство, конечно, вполнѣ возможно, и если мы, тѣмъ не менѣе,

предлагаемъ другое объясненіе даннаго имени, то лишь потому, что намъ бросаются въ глаза нѣсколько обстоятельствъ, не объясняемыхъ упомянутой гипотезой.

Во первыхъ — отсутствіе слова галя въ языкѣ той части русскаго племени, которой, несомнѣнно, принадлежитъ основаніе Галича.

Во вторыхъ, то обстоятельство, что два поселенія этого имени (Днѣстровскій и Малый Галичь) лежатъ не въ горахъ, да и Ноградскій Галичь находится въ крайнихъ южныхъ, уже низкихъ отрогахъ Рудныхъ горъ.

Наконецъ, въ третьихъ, имена эти пріурочиваются только къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ мы предполагаемъ первоначальное кельтское населеніе: въ Рудныхъ горахъ сидѣли котины (см. выше стр. 45), на нижнемъ Дунаѣ бритолаги (стр. 126); наконецъ, въ Лѣсныхъ Карпатахъ теуриски и анарты, отдѣльныя поселенія которыхъ, безъ сомнѣнія, доходили до Днѣстра (ср. Eractum, Vibantavarium, и Carrodunum на Днѣстрѣ же).

Не кроется-ли объясненіе въ двойственности наименованія Galati, Galatz = Малый Галичь, и не есть-ли Галичь лишь славянизированная форма Галаца, въ которомъ ясно слышится этническое имя галатовъ? [1]). Что такая славянизація была возможна, доказывается галичанами нашей лѣтописи, гдѣ послѣдняя перечисляетъ народности Афетова колѣна (Лавр. 4): они стоятъ здѣсь между агнянами и волъхвою, и обозначаютъ прибрежныхъ жителей «галатскаго моря» персидскаго географа XIV вѣка, «варяжскаго моря» нашей лѣтописи (Барсовъ 214), т. е. населеніе Галліи и Испаніи, а не одной только испанской Галиціи, какъ думалъ Шлецеръ, Несторъ I, 103.

Съ другой стороны, обратный переходъ отъ Галича къ Ga-

---

1) Пракельтск. *Galatos храбрый Fick[4] II, 108; уже Zeuss Gramm. Celt. 997 s. not. далъ вѣрное объясненіе: viri pugnaces. Не подлежитъ сомнѣнію, что это имя служило общимъ обозначеніемъ восточно-кельтскихъ народностей. Названіе галловъ, обобщенное на западѣ, ничего общаго съ «галатами» не имѣетъ: оно произошло, повидимому, изъ *ghas-lo-s «чужеземецъ», ср. лат. hos-tis, гость, герм. *gas-ti-z и т. д. Fick l. c.

lati представляется невозможнымъ, такъ какъ ни румынскій, ни турецкій языки не даютъ подходящей народной этимологіи. Мы получаемъ, такимъ образомъ, удовлетворительное объясненіе лишь принимая за исходную форму Galati. А этимъ подтверждается наша догадка.

По многимъ соображеніямъ весьма вѣроятно, что первые славянскіе посельники — хорваты застали въ Карпатахъ еще остатки кельтовъ-галатовъ: въ горныхъ областяхъ населеніе всегда бываетъ устойчивѣе, чѣмъ въ равнинахъ. Застали они, какъ мы видѣли выше, и бастарновъ, что доказывается, между прочимъ, самымъ именемъ хорватовъ, которое, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ Карпатами черезъ посредство бастарнской формы *Harђapa<Καρπάτον.

Бастарны не могли быть, однако, посредниками между славянами и галатами при переходѣ имени послѣднихъ къ новымъ пришельцамъ. По закону перваго перебоя, кельтск. gal-, переходя къ бастарнамъ, должно было дать *kal-. [1]).

Съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что славяне пріурочили имя туземцевъ къ нѣкоторымъ поселеніямъ послѣднихъ и къ одной изъ мѣстныхъ горъ. Русская географическая номенклатура испещрена наименованіями, въ которыхъ доселѣ хранится память о мери, мордвѣ и другихъ вымершихъ или вымирающихъ инородцахъ. Еще болѣе подходящую аналогію находимъ мы въ недалекомъ разстояніи отъ галицкой земли, въ Силезіи: славяне назвали именемъ вандаловъ-силинговъ, остатки которыхъ они здѣсь застали, не только всю страну, но и рѣку (Слѧза нын. Lohe) и одну изъ мѣстныхъ горъ (Mons Zlenz=Слѧзь, нын. Zobtenberg, см. выше стр. 47 прим.). Въ той же мѣстности имя города Nimptsch произошло отъ слав.

---

1) Не сохранилась ли такая бастарнская форма въ имени Каліусъ (Ипат. 180 подъ 1241 г.), нын. Калюшъ верстахъ въ 27 отъ Галича, ближе къ Карпатамъ? Не есть ли и нашъ Калишъ < Καλισία (выше стр. 59) древняя стоянка кельтскихъ купцовъ, основанная до перебоя въ германской (лугійской) землѣ?

«нѣмцы», ср. Титмара Мерзебургскаго VII, 44: Nemzi urbs olim a nostris (i. e. germanis) condita.

Мы вернемся къ Галиціи еще разъ при опредѣленіи распространенія готовъ II періода. Теперь же мы должны обратиться къ послѣднему народу, явившемуся въ южнорусскія степи до прихода сюда готовъ, именно къ карпамъ. Мы этимъ закончимъ задачу, намѣченную нами на стр. 99.

О карпахъ впервые упоминаетъ Птолемей дважды, подъ двумя различными названіями III, 10, 7: τὴν ἀπὸ τοῦ ἀρκτικωτάτου στόματος τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ μέχρι τῶν τοῦ Βορυσθένους ποταμοῦ ἐκβολῶν καὶ τὴν ἐντὸς χώραν μέχρι τοῦ Ἱεράσου ποταμοῦ κατέχουσιν Ἅρπιοι... ὑπὸ τοὺς Τυραγέτας Σαρμάτας. III, 5, 10: μεταξὺ Πευκινῶν καὶ Βαστερνῶν Καρπιανοί.

Возможность повторенія одного и того же народа на Дунаѣ и въ Сарматіи уже выяснено нами выше на стр. 106 сл. Точное опредѣленіе земли карповъ даетъ первое изъ приведенныхъ нами мѣстъ: центръ ея — южная Бессарабія, но на востокѣ они едва-ли доходили до устья Днѣпра, тогда какъ Серетъ какъ западная граница ихъ вполнѣ возможна. Сосѣди ихъ на югѣ бритолаги и пеукины, на сѣверѣ тирагеты, которые, очевидно, прежде владѣли частью карпской земли и нѣсколько оттѣснены ими на сѣверъ. Въ ихъ области лежитъ городъ Ἅρπις 56° долг. 47° 15′ шир. Ptol. III, 10, 7, т. е. верстахъ въ 26 (151, 2 ст.) отъ крайняго сѣвернаго устья Дуная. Его слѣдуетъ искать ок. пын. селенія Эскиполосъ (= «древній городъ») у восточнаго конца нижняго Траянова вала (см. ниже). Вѣроятно, это тотъ самый Carporum vicus, въ которомъ императоръ Валентъ провелъ лѣтніе мѣсяцы 368 г., см. Amm. Marc. XXVII, 5, 5 [1]).

Что Ἅρπιοι тѣ-же Καρπιανοί, едва-ли подлежитъ сомнѣнію (см. уже Zeuss 698). Но откуда взялось птолемеево Ἁρπ- вм. Καρπ-? Всѣ позднѣйшіе авторы знаютъ только послѣднюю

1) О другихъ городахъ въ карпской землѣ, подтверждающихъ наше пріуроченіе послѣдней, см. ниже въ разборѣ птолемеевой Сарматіи.

форму. Птолемей черпалъ, очевидно, изъ двухъ разныхъ источниковъ, что явствуетъ и изъ двоякаго географическаго пріурочения карповъ. Форма Carpiani явно римскаго происхожденія. Нельзя-ли видѣть въ Harpii форму германскую, подвергшуюся первому перебою ($k < \chi$)? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы, конечно, ожидать *Harfii; но въ Harpii мы имѣемъ, можетъ быть, дѣло съ формою контаминаціонною, что было бы неудивительно при пестротѣ состава населенія даннаго края. Въ этомъ предположеніи я нахожу единственную возможность объяснить странное раздвоеніе имени. Конечно, форма *Harp- не могла возникнуть на нижнемъ Дунаѣ, куда германцы явились лишь послѣ перебоя. Но вѣдь и карпы пришли сюда сравнительно поздно [1]): ихъ имя явно связываетъ ихъ съ Карпатами; мы увидимъ, что тамъ, дѣйствительно, слѣдуетъ искать ихъ первоначальную родину. А въ Карпатахъ они были сосѣдями бастарновъ.

Карпы — народъ сильный и многочисленный. Еще въ III в. по Р. Хр. они genus hominum ad bella nimis expeditum, qui saepe fuere Romanis infesti Iord. 16, 91. Когда въ III в. готы стали получать отъ римскаго правительства ежегодные денежные подарки, то и карпы потребовали того-же: δότω ἡμῖν τοσαῦτα· ἡμεῖς γὰρ κρείττονες ἐκείνων (τῶν Γότθων) ἐσμέν Petr. Patric. p. 125. Они сохраняли въ это время, слѣдовательно, еще полную политическую независимость и были подчинены, кажется, лишь Остроготой. Они принимаютъ потомъ очень видное участіе въ готскихъ набѣгахъ на римскія провинціи.

Карпы — происхожденія дакійскаго. Zosim. IV, 34 прямо называетъ ихъ Καρποδάκαι еще въ эпоху гунскаго нашествія (выше стр. 122). Это явствуетъ, кромѣ того, изъ чисто дакійскихъ именъ городовъ, лежащихъ въ ихъ землѣ на Серетѣ

---

1) Καρπίδαι παρὰ τὸν Ἴστρον у Эфора Scymn. 841 ничего общаго съ карпами не имѣютъ. Ихъ имя описка вм. Καλπίδαι, т. е. Καλλιπίδαι Геродота. Непосредственно за Καρπίδαι идутъ Ἀροτῆρες и Νευροί. Вообще, Эфоръ находится въ полной зависимости отъ Геродота, котораго онъ отчасти повторяетъ дословно. См. DA. III, 45.

(Прутѣ?): Ζαργίδαυα, Ταμασίδαυα, Πιροβορίδαυα Ptol. III, 10, 8, ср. выше стр. 143 примѣч. Серетъ отдѣляетъ ихъ отъ прочихъ даковъ, съ которыми они стоятъ въ непрерывной связи: непосредственно за Серетомъ, въ Дакіи, мы находимъ города Καρσίδαυα, Πατρίδαυα, Οὐτίδαυα и т. д. Ptol. III, 8, 4. Ясно, что карпы крайній восточный аванпостъ даковъ. Весь вопросъ въ томъ, когда и откуда они явились сюда.

Событіе это не можетъ относиться къ царствованію Бурвисты, хотя послѣдній, соединивъ подъ своею властью, повидимому, всѣ дакійскія народности, предпринялъ рядъ походовъ за предѣлы Дакіи, между прочимъ и противъ римлянъ. Strabo VII, 3, 11 ss., Sueton. Caes. 44, Octav. 8 и друг. [1]). Мы знаемъ изъ 36 рѣчи Діона Хризостома, что онъ около 50 г. до Р. Хр. двинулся изъ Дакіи на востокъ, дошелъ до Ольвіи, взялъ этотъ городъ, и, свернувъ на югъ, опустошилъ все западное Черноморье, разграбивъ греческія колоніи вплоть до Аполлоніи во Ѳракіи. Тѣмъ не менѣе, мы затрудняемся отнести къ этому времени занятіе карпами той земли, которою они владѣли по Птолемею. Дѣло въ томъ, что Страбонъ, такъ хорошо знакомый съ этимъ краемъ, еще не знаетъ ихъ здѣсь. Страбонъ же писалъ ок. 18 г. по Р. Хр., см. Bunbury II, 272 ss. Съ другой стороны, они значились, вѣроятно, уже на картѣ Марина Тирскаго, до 114 г. [2]), отъ котораго они перешли къ Птолемею.

1) Что Бурвиста — царь даковъ, а не гетовъ, на мой взглядъ не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на полемику Латышева Изслѣд. 149 ссл., ср. его выводы стр. 160. Къ этому приводитъ насъ уже внимательное разсмотрѣніе фактическаго матеріала въ извѣстіяхъ древнихъ, приведеннаго Латышевымъ же на стр. 153 ссл., въ особенности Strabo VII, 3, 11, VII, 5, 2. Къ этому же выводу пришли всѣ изслѣдователи, спеціально занимавшіеся этимъ вопросомъ: Bessell, Müllenhoff, Roesler, Mommsen. Библіографическія указанія см. у Латышева 150 сл. прим. 16 и 18. Хронологическое пріуроченіе рѣчи Діона и набѣга «гетовъ» у Латышева 148 сл. точнѣе и лучше, чѣмъ у его предшественниковъ.

2) Онъ не зналъ еще территоріальныхъ результатовъ войнъ Траяна противъ пареянъ, DA. II, 331. Это упустилъ изъ виду Bunbury II, 519 not., подчеркивая слова Птолемея I, 6, 1: Μαρῖνος ὁ Τύριος ὕστατος τῶν καθ' ἡμᾶς. Птолемей могъ выразиться такъ хотя бы 50-ю годами послѣ появленія въ свѣтъ труда Марина. Птолемей родился никакъ не позже 110—115 гг., такъ какъ нѣкоторыя астрономическія наблюденія его относятся къ 139 г., Bunbury II, 546. Слѣдовательно, въ моментъ его рожденія Маринъ былъ, вѣроятно, еще въ живыхъ.

Несомнѣнно также, что ихъ вторженіе относится ко времени до присоединенія Бессарабіи къ римской имперіи при Неронѣ, такъ какъ послѣ этого событія появленіе такой значительной народности на римской территоріи, конечно, не прошло бы безслѣдно; между тѣмъ, никто изъ историковъ объ этомъ не говоритъ.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что передвиженіе карповъ должно относиться ко времени между 20 и 55 г. по Р. Хр.

Но къ этому, именно, времени (20—40 г. по Р. Хр.) относится, какъ мы видѣли на стр. 94, выселеніе язиговъ изъ Бессарабіи въ равнину Тиссы, о чемъ также ни одинъ изъ современныхъ историковъ не говоритъ. Эти факты наводятъ насъ на мысль, что между обоими событіями есть внутренняя связь. Появленіе многочисленнаго народа язиговъ въ равнинѣ Тиссы должно было произвести измѣненіе въ группировкѣ дакійскихъ народностей. Часть послѣднихъ — на нижней Тиссѣ — была, вѣроятно, порабощена, другая — вытѣснена, на что есть ясное указаніе у Плинія, см. выше стр. 133 прим.[2] Но въ это время римляне стояли уже на Дунаѣ; въ Татрѣ и въ сѣверныхъ Карпатахъ сидѣли сплошною массою кельты; на западѣ, за Эйпелемъ, крѣпкой стѣною поднималось недавно основанное сильное государство квада Ваннія. Очевидно, что дакійская волна, приведенная въ движеніе сарматскимъ нашествіемъ, могла отхлынуть только на востокъ, въ Бессарабію, гдѣ очистилось мѣсто вслѣдствіе ухода язиговъ. Такимъ то образомъ, дакійскіе карпы были выброшены за предѣлы собственной Дакіи, оставаясь, въ то-же время, въ непрерывной связи со своими родичами.

За принимаемую нами связь выселенія карповъ съ передвиженіемъ язиговъ говоритъ, наконецъ, и одно мѣсто у Geogr. Rav. I, 12, гдѣ Sarmatum patria, очевидно, обозначаетъ именно равнину Тиссы; а изъ этой области (ex qua patria), продолжаетъ географъ, gens Carporum, quae fuit ex praedicta, in bello egressa est.

Эти слова съ достаточной ясностью опредѣляютъ первоначальную родину карповъ. Болѣе точное опредѣленіе ея невозможно, хотя оно было бы весьма важно и для исторіи имени Карпатъ, находящагося въ несомнѣнной связи съ названіемъ карповъ.

Чтобы уже не возвращаться къ южнорусскимъ степямъ до прихода сюда готовъ, мы теперь-же всмотримся еще въ карту этого края у Птолемея.

Мы постараемся на этотъ разъ выяснить ее, такъ сказать, теоретически, при помощи математическихъ вычисленій, такъ какъ практическій пріемъ, которымъ мы могли пользоваться выше, изслѣдуя область Вислы и Одера, здѣсь непримѣнимъ.

Руководящею нитью должны служить разстоянія между отдѣльными пунктами, отмѣченными Птолемеемъ. Пріурочивая ихъ къ современной картѣ и провѣряя этимъ путемъ его данныя тамъ, гдѣ это возможно (Тирасъ, Ольвія и т. под.), мы получимъ твердые критеріи, которые дадутъ намъ возможность пріурочить къ нашей картѣ и тѣ пункты, память о которыхъ исчезла въ наши дни.

Птолемей нигдѣ не указываетъ разстояній между отдѣльными точками въ стадіяхъ, но каждый пунктъ опредѣляется географически въ градусахъ и минутахъ долготы и широты. Въ основѣ его вычисленій лежатъ, конечно, не астрономическія наблюденія, а расчетъ по стадіямъ, который онъ находилъ въ своихъ источникахъ. Наша задача сводится, слѣдовательно, къ обратному дѣйствію: къ переводу его астрономическихъ данныхъ на стадіи. Напримѣръ:

Ольвія лежитъ у него подъ 57° долг. 49° шир. (III, 5, 14), а гор. Тирасъ подъ 56° долг. 47° 40′ шир. Соединяя эти двѣ точки прямой линіей и проэктируя ее на плоскость, мы можемъ принять эту линію за гипотенузу прямоугольнаго треугольника, катетами котораго будутъ меридіональная линія 1° 20′ (49°—

47° 40′), и параллель въ 1° (57°—56°) на широтѣ 47° 40′. Если намъ даны будутъ эти двѣ величины въ стадіяхъ, то по Пиѳагоровой теоремѣ не трудно будетъ найти и гипотенузу, т. е. именно искомое разстояніе между Ольвіей и Тирасомъ. Иначе говоря, весь вопросъ въ томъ, чему равенъ въ стадіяхъ одинъ градусъ широты и долготы у Птолемея.

Земля представлялась послѣднему правильнымъ шаромъ; вслѣдствіе этого 1° широты всюду одинаково великъ, т. е. онъ равенъ всюду 500 стадіямъ, такъ какъ длина большаго круга (напр. экватора) равна 180,000 стад., по невѣрному вычисленію Посидонія, принятому Мариномъ и Птолемеемъ. (Strabo II, 2; Ptol. I, 7, 1; ср. Bunbury II, 95 s. 537). Слѣдовательно, большій катетъ нашего треугольника ясенъ: онъ равенъ 1° 20′= 666,6 стад.

Не такъ просто получается длина 1° долг., такъ какъ это— величина, уменьшающаяся по мѣрѣ приближенія къ полюсу. Лишь на экваторѣ 1° долг.=500 стад.; но уже на 36° шир. 1° долг. = 400 стадіямъ, Ptol. I, 20, 5 [1]). Птолемей опредѣляетъ длину 1° долг. лишь на четырехъ широтахъ: 16° 25′ (параллель черезъ Мероэ), 23° 50′ (черезъ Сіэну), 36° (Родосъ) и 63° (островъ Θούλη), и мы легко убѣдимся, что его расчетъ почти точно совпадаетъ съ результатами тригонометрическаго вычисленія. Мы должны, конечно, исходить при этомъ изъ того предположенія, что 1° большаго круга=500 стад.

Ptol. I, 24, 17: 1° долг. на шир. 16° 25′ содержитъ въ себѣ $4^5/_6$ такихъ частей, какихъ 1° большаго круга содержитъ 5. Т. е. x: 500=$4^5/_6$: 5; откуда x=483,3 стад.

Провѣряя этотъ расчетъ тригонометрически, мы воспользуемся общей формулой: длина 1° долг. (по параллели считая) на шир. n°=длинѣ 1° экватора, помноженной на Cos n°. Т. е.

1) Онъ прибавляетъ ἔγγιστα, т. е. почти, приблизительно. Дѣйствительно, по точному вычисленію, 1° долг. на шир. Родоса долженъ былъ уменьшиться не на 100, а лишь на 95,5 стад. См. ниже.

$$x \text{ на шир. } n^\circ = 500 \times \text{Cos. } n^\circ; \text{ откуда}$$
$$\log. x = \log. 500 + \log. \text{Cos. } n^\circ.$$

Намъ требуется узнать длину 1° долг. на шир. 16° 25′. Слѣдовательно, $\log. x = \log. 500 + \log. \text{Cos. } 16^\circ 25'$
$$= 2{,}698970 + 9{,}981924 - 10$$
$$= 12{,}680894 - 10$$

откуда $x = 479{,}6$ стад.

Итакъ, въ данномъ случаѣ Птолемей ошибся лишь на 3,7 стад., т. е. на 0,6401 версты [1]).

Еще меньше ошибка въ остальныхъ случаяхъ.

Ptol. I, 24, 17: 1° долг. на шир. 23° 50′ относится къ 1° экватора какъ $4\frac{7}{12}$ къ 5, т. е. онъ равенъ 458,3 стад. По тригонометрическому-же вычисленію мы получаемъ 457,3 стад., т. е. Птолемей ошибся на 1 стад. = 0,173 версты.

Ptol. I, 20, 8: на широтѣ 36°, 1° долг. содержитъ въ себѣ 93 части такихъ, какихъ 1° экватора содержитъ 115, т. е. онъ равенъ 404,3 стад. По тригонометрическому расчету онъ долженъ равняться 404,5 стад. Слѣдовательно, ошибка здѣсь всего на 0,2 стад. = 0,0346 версты. Наконецъ,

Ptol. I, 20, 8: x на широтѣ 63°: 500 = 52: 115, откуда $x = 226{,}08$ стад., тогда какъ онъ долженъ равняться 226,9 стад., т. е. онъ у Птолемея слишкомъ малъ на 0,82 стад. = 0,14186 верстъ.

Затѣмъ, Птолемей I, 24,5 ss. 18 s. даетъ очень точныя указанія, какъ проводить остальныя параллели, такъ что мы могли бы вычислить длину 1° долг. на любой широтѣ чисто геометрическимъ путемъ. Но мы можемъ и миновать этотъ слишкомъ затруднительный и опасный для насъ путь и ограничиться болѣе простымъ тригонометрическимъ вычисленіемъ: отклоненія отъ данныхъ Птолемея получатся, какъ мы видѣли, настолько не-

1) Въ основѣ нижеслѣдующихъ вычисленій лежитъ общепринятый теперь расчетъ: 1 стад. = 125 (124, 966) pass. rom. = 184, 7 метра = 0, 173 (0, 17313778) версты.

значительныя, что они не могутъ вредно повліять на наши конечные выводы.

Вотъ таблица искомыхъ величинъ въ широтахъ, могущихъ насъ интерессовать:

1° долготы равенъ

на широтѣ	58°30′	—261,2	стад.	на широтѣ	48°40′	—330,2	стад.
»	57°	—272,3	»	»	48°30′	—331,3	»
»	56°	—279,5	»	»	48°20′	—332,3	»
»	55°	—286,7	»	»	48°	—334,5	»
»	54°40′	—289,1	»	»	47°55′	—335,1	»
»	54°20′	—291,5	»	»	47°45′	—336,1	»
»	54°	—293,8	»	»	47°40′	—336,7	»
»	53°30′	—297,4	»	»	47°30′	—337,7	»
»	53°	—300,9	»	»	47°15′	—339,4	»
»	52°30′	—304,3	»	»	47°	—340,9	»
»	52°	—307,8	»	»	46°50′	—342	»
»	51°30′	—311,2	»	»	46°40′	—343,1	»
»	51°15′	—312,9	»	»	46°30′	—344,1	»
»	51°	—314,6	»	»	46°20′	—345,2	»
»	50°30′	—318,	»	»	46°15′	—345,7	»
»	50°15′	—319,7	»	»	46°	—347,3	»
»	50°	—321,3	»	»	45°50′	—348,3	»
»	49°50′	—322,5	»	»	45°45′	—348,9	»
»	49°45′	—323	»	»	45°30′	—350,4	»
»	49°40′	—323,6	»	»	45°	—353,5	»
»	49°30′	—324,7	»	»	44°30′	—356,6	»
»	49°15′	—326,3	»	»	44°15′	—358,1	»
»	49°	—328	»	»	44°	—359,6	»
»	48°45′	—329,6	»	»	43° 5′	—365,1	»

Вернемся теперь къ нашей первой задачѣ, къ опредѣленію разстоянія между Тирасомъ и Ольвіей.

По приведенной нами таблицѣ, 1° долг. на шир.

$47^\circ\,40' = 336{,}7$ стад. Слѣдовательно, искомая гипотенуза $x = \sqrt{666{,}6^2 + 336{,}7^2} = 746{,}8$. Иначе говоря, на картѣ Птолемея Ольвія отстояла отъ Тираса на 746,8 стад.=129,1 версты. Въ дѣйствительности же разстояніе это по прямой воздушной линіи равнялось приблизительно 123,7 верст., если же считать по берегу, принимая во вниманіе загибъ Одесской бухты, то оно равно 130 верстамъ. Т. е. Птолемей, опредѣляя разстояніе между Тирасомъ и Ольвіей, ошибся лишь на 5,4 геэр. 0,9 версты [1]).

Провѣривъ, такимъ образомъ, нашъ расчетъ и убѣдившись, что онъ даетъ результаты почти вполнѣ точные, мы можемъ теперь обратиться къ разсмотрѣнію остальныхъ данныхъ Птолемеевой карты западнаго Черноморья и попытаться пріурочить къ современной картѣ тѣ пункты, которыя сами по себѣ не такъ ясны, какъ Ольвія и Тирасъ. При этомъ мы примемъ во вниманіе, конечно, и данныя другихъ источниковъ, провѣряя ими то, что сообщаетъ Птолемей.

Насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, югозападная Сарматія и та часть нижней Мэзіи, которая лежитъ къ сѣверу отъ Дуная. Что касается дельты этой рѣки и Добруджи, то мы должны коснуться ихъ лишь постольку, поскольку онѣ могутъ выяснить намъ вопросъ о положеніи острова Πεύκη, оставленный нами открытымъ [2]).

---

1) При всѣхъ своихъ вычисленіяхъ я пользуюсь десятиверстной картой, изданной нашимъ Главнымъ Штабомъ въ 1889 и слѣд. гг. подъ редакціей ген.-маіора Стрѣльбицкаго. На этой картѣ я ставлю Ольвію, согласно съ Латышевымъ Изслѣд. 29, подъ $1^\circ\,34'$ долг. (отъ Пулк.) $46^\circ\,41'$ шир.; Тирасъ подъ 0° долг. $46^\circ\,11'$ шир., т. е. въ томъ пунктѣ, гдѣ меридіанъ 0° отъ Пулкова пересѣкаетъ возвышенности, лежащія надъ нын. гор. Аккерманомъ. Послѣднее предположеніе имѣетъ въ виду лишь установить твердую точку опоры на картѣ. Оно нѣсколько произвольно, но едва-ли сильно расходится съ истиной.

2) Внѣ этого вопроса я позволю себѣ сдѣлать лишь одно замѣчаніе мимоходомъ. Въ извѣстномъ спискѣ русскихъ городовъ, составленномъ не позже конца XIV или начала XV вѣка (Барсовъ 111) и сохранившемся въ Воскресенскомъ лѣтописномъ сводѣ (П. С. Р. Л. VII, 240 сл.), мы находимъ, между прочимъ такой рядъ: Килія, Новосель, Аколятря на морѣ, Курнака и Варна. Изъ нихъ Килія и Варна ясны сами по себѣ; а что касается именъ Новосель, Ак

Птолемей можетъ оказать намъ въ данномъ случаѣ лишь косвенную помощь. Дѣло въ томъ, что его рисунокъ Добруджи и дельты Дуная невѣренъ: онъ значительно растянулъ сѣверную линію, т. е. теченіе нижняго Дуная отъ Диногетіи до Священнаго Устья (1005,1 стад.=173,8 версты вмѣсто прибл. 612,7 стад.=106 верстъ), вслѣдствіе чего не только дорога изъ Troesmis въ Dinogetia должна была круто повернуть на сѣверозападъ, но и южная граница (линія Tomi — Axiopolis) сильно придвинулась къ сѣверной, такъ что напр. разстояніе отъ Аксіополя до Троэсмисъ, равное по Itiner. 82 m. p.= 656 стад.=113,4 верст., имѣетъ у Птолемея лишь 328 стад.= 56,7 верст. Невѣрна, вслѣдствіе этого, и восточная, береговая линія. Разстояніе отъ Tomi до Istropolis дано почти точно (301,1 стад.=52 в.). Ср. Arrian. Peripl. 300 ст.=51,9 в., Strabo 250 стад.=43,2 в., Tab. Peut. 40 m. p.=320 стад.= 55,3 в., Itiner. 36 m. p.=288 стад.=49,8 в. Но за то сильно сокращена линія отъ Istropolis до Священнаго устья: 137,6 стад.=23,8 в., ср. Arrian. Peripl. и Strabo 500 стад.= 86,5 в., Tab. Peuting. 60 m. p.=480 стад.=83 в. Невѣренъ, наконецъ, и рисунокъ дельты. У Птолемея разстояніе отъ Священнаго устья до самаго сѣвернаго (Θιάγολα ἢ Ψιλόν) по береговой линіи равно 423,4 стад.=73,2 в. тогда какъ болѣе точный Арріанъ даетъ лишь 280 стад.=48,4 в., что вполнѣ согласно съ Страбономъ, утверждающимъ, что то-же разстояніе равно *почти* 300 стад.=51,9 в. Всѣ эти данныя заставляютъ насъ отказаться, на этотъ разъ, отъ руководства Птолемея: мы должны, въ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденіяхъ, исходить изъ данныхъ, сообщаемыхъ другими источниками. Они также нѣсколько расходятся между собою, но ихъ колебанія не настолько

латря и Курнака, которыя, по Барсову 114, «остаются для насъ неразъясненными», то въ нихъ слѣдуетъ, кажется, видѣть Noviodunum на Дунаѣ (выше стр. 127), Callatis на Черномъ морѣ (Strabo VII, 5, 12, Tab. Peuting., Ptol. III, 10, 3 и друг.; нын. Мангалія) и Cruni (Plin. IV, 11, 44; Pomp. Mela II, 2, Κρουνοί Strabo VII, 6, 1 и друг.;=Dionysopolis, нын. Ekrene ок. Бальчика въ Болгаріи?). Географическій порядокъ соблюденъ вполнѣ.

значительны, чтобы нельзя было ихъ примирить. Они-же дадутъ намъ ключъ къ объясненію ошибки Птолемея.

Извѣстно, что дельта Дуная изображалась древними различно. По Арріану Peripl. 35 и Діонисію ст. 301 она имѣла 5 устьевъ, по Птолемею III, 10, 2 и Плинію IV, 12, 79 шесть, а по Страбону VII, 3, 15 и Помпонію Мелѣ II, 7 даже семь. Эти данныя нельзя согласовать съ современной картиной дельты, знающей, строго говоря, лишь 3 гирла: Св. Георгія, Сулинское и Килійское. Но мы впали-бы въ грубую ошибку, еслибъ захотѣли пріурочить приведенныя извѣстія непосредственно къ современному рисунку дельты, ошибку, въ которую, впрочемъ, впадаетъ большинство изслѣдователей. Нужно помнить, что рисунокъ этотъ «ежедневно еще измѣняется, такъ сказать, на нашихъ глазахъ» (Брунъ I, 131). При этомъ, дельта увеличивается постепенными наносами, а не уменьшается. Если мы, съ другой стороны, примемъ во вниманіе, что со времени Арріана и Птолемея прошло слишкомъ 1700 лѣтъ, а съ эпохи Александра Македонскаго, когда мы впервые узнаемъ нѣкоторыя подробности о Πεύκη, даже свыше 2200, то намъ a priori станетъ яснымъ, что въ это отдаленное время дельта не выдвигалась въ море такъ далеко, какъ теперь, т. е. что мы въ своихъ вычисленіяхъ должны искать устья Дуная западнѣе, чѣмъ теперь.

Дельта начинается у Тульчи или, точнѣе, верстахъ въ 5 ниже Исакчи. Постепенно расширяясь, начиная съ того мѣста, тдѣ Георгіевскій Дунай отдѣляется отъ Килійскаго, она образуетъ почти равнобедренный треугольникъ, основаніе котораго равно теперь приблиз. 50 верстамъ, тогда какъ каждое изъ бедеръ равняется приблиз. 70 верстамъ. Къ этому треугольнику съ юга примыкаетъ еще довольно значительный разносторонній четыреугольникъ, также образованный постепенными наносами рѣки: стороны его Дунавецъ, Георгіевскій Дунай, море и озеро Расимъ.

Все это огромное пространство, обнимающее свыше 3000 квадр. верстъ, представляетъ собою сплошное болото, покрытое

тростникомъ, лишь изрѣдка прерываемое маленькими озерами и протоками или песчаными наносами, на которыхъ ютятся жалкія хижины рыбаковъ, образующія всего 5 деревень; у Килійскаго гирла 4, да на Георгіевскомъ островѣ одну. Въ средней и западной части дельты, а также въ южной между Дунавцомъ и моремъ нѣтъ ни одного человѣческаго жилища. О земледѣліи тутъ не можетъ быть рѣчи. Во время весеннихъ и осеннихъ разливовъ, вся дельта покрывается водою, изъ которой выдвигаются, въ видѣ песчаныхъ островов, лишь тѣ мѣста, на которыхъ стоятъ упомянутыя деревеньки.

Гдѣ тутъ искать островъ Πεύκη, на которомъ нашелъ убѣжище цѣлый, хотя-бы и немногочисленный народецъ? Если мы, притомъ, примемъ во вниманіе, что въ то время рѣка была гораздо полноводнѣе, чѣмъ теперь, то намъ станетъ ясно, что здѣсь, въ *современной* дельтѣ, его искать нельзя.

Дѣйствительно, это подтверждается разсказомъ Арріана, Anab. I, 2—4, о походѣ Александра Македонскаго противъ трибалловъ и нижнедунайскихъ гетовъ. На островъ Πεύκη, говорится здѣсь, спаслись ѳракійцы и Сирмъ, царь трибалловъ, съ частью своего войска, предварительно отправивши туда-же женщинъ и дѣтей. Александръ хотѣлъ-было, прежде всего, взять этотъ островъ, но долженъ былъ отказаться отъ этого плана, такъ какъ у него не хватало кораблей и приступъ затруднялся тѣмъ, что берега острова были круты и обрывисты, а теченіе рѣки, съуженной здѣсь высокими берегами, было стремительно и препятствовало переправѣ (I, 3,4: τῆς νήσου τὰ πολλὰ ἀπότομα ἐς προσβολήν, καὶ τὸ ῥεῦμα τοῦ ποταμοῦ τὸ παρ' αὐτήν, οἷα δὴ ἐς στενὸν συγκεκλεισμένον, ὀξὺ καὶ ἄπορον προσφέρεσθαι). Вслѣдствіе этого, Александръ высадился ночью на противуположный берегъ Дуная повыше острова и неожиданнымъ появленіемъ своимъ такъ напугалъ гетовъ, расположившихся въ своемъ плохо укрѣпленномъ городѣ (I, 4,4: πόλις κακῶς τετειχισμένη) на лѣвомъ берегу Дуная, что они, захвативъ женъ и дѣтей, бросились бѣжать вглубь степей.

Разсказъ Арріана не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Πεύκη, островъ съ крутыми берегами, лежалъ внѣ современной дельты. Между тѣмъ, именно здѣсь искали его не только почти всѣ новѣйшіе ученые, но и большинство древнихъ географовъ. Уже у Scymn. 787 s. онъ лежитъ μεταξὺ τῆς θαλάσσης.... καὶ τῶν στομάτων. Тѣ-же слова повторяетъ анонимный авторъ Черноморскаго перипла V в. по Р. Хр. § 94. У Плинія IV, 12, 79 и Птолемея III, 10, 2 Πεύκη лежитъ между Георгіевскимъ Дунаемъ (ostium Peuces, Ἱερὸν στόμα) и слѣдующимъ къ сѣверу рукавомъ (Naracustoma, Ναράκιον στόμα), т. е. соотвѣтствуетъ Георгіевскому острову. У Діонисія (II в. по Р. Хр.) v. 301 островъ Πεύκη обнимаетъ всю треугольную дельту между крайними устьями: (Ἴστρος) ... πενταπόροις προχοῇσιν ἑλισσόμενος περὶ Πεύκην (ср. прозаическій пересказъ его Περιήγησις, а также комментаріи Евстаѳія). Въ этомъ же смыслѣ понялъ эпитоматоръ Страбона слова послѣдняго, говоря, что нашъ островъ, образуемый устьями Истра, имѣетъ форму треугольника, основаніемъ котораго служитъ самый сѣверный рукавъ, т. е. Килійскій Дунай. Эпитоматоръ, однако, понялъ слова Страбона невѣрно: этотъ, именно, авторъ даетъ намъ разгадку всего вопроса.

Πεύκη, говоритъ онъ VII, 3, 17, лежитъ *близъ* устьевъ (πρὸς ταῖς ἐκβολαῖς); кромѣ него, есть еще другіе острова меньшихъ размѣровъ, одни выше Πεύκη, другіе у моря (αἱ μὲν ἀνωτέρω ταύτης, αἱ δὲ πρὸς τῇ θαλάσσῃ). Стало быть, Πεύκη лежитъ не у моря. Дѣйствительно, по Священному устью нужно (отъ моря) проплыть разстояніе въ 120 стад. = 20,7 верст., пока достигнешь Πεύκη. Ясно, что если намъ удастся опредѣлить мѣсто, гдѣ находилось устье Георгіевскаго Дуная около времени Рождества Христова, то мы, тѣмъ самымъ, найдемъ и восточную оконечность острова. Мы уже знаемъ, что оно должно было находиться западнѣе современнаго устья.

Всматриваясь въ подробную карту этого края, я нахожу въ дельтѣ рядъ песчаныхъ насыпей, которыя тянутся почти пря-

мой линіей отъ нын. Вилкова (на Килійскомъ гирлѣ) на юго-западъ до Драновскаго лимана на крайнемъ югѣ; рядъ этотъ прерывается лишь современными рукавами, т. е. Сулинскимъ и Георгіевскимъ Дунаемъ, да гирломъ Тереца. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти насыпи лежали нѣкогда передъ устьями, а не за ними, какъ теперь. Онѣ представляли собою тогда такія же песчаныя мели, какія еще въ наше время образуются передъ устьями, увеличиваясь съ каждымъ годомъ. Намъ думается, что именно здѣсь, за этими насыпями, находились устья въ началѣ христіанской эры, т. е. на Килійскомъ Дунаѣ нѣсколько выше Вилкова, на Сулинскомъ тамъ, приблизительно, гдѣ къ нему съ юга примыкаетъ песчаная насыпь, идущая прямой линіей до гирла Тереца.

Провѣряя наше апріорное предположеніе на положительныхъ данныхъ древней географіи, мы приходимъ къ выводу, что послѣднія вполнѣ подтверждаютъ нашу догадку.

Мы должны взять исходной точкой расчетовъ единственный пунктъ древней карты, пріуроченіе котораго къ картѣ современной не представляетъ затрудненій. Это — Noviodunum = нын. Исакча. Отсюда до Священнаго устья черезъ Aegysum (Aegypsum и т. д.) и Salsovia 65 m. p. = 520 стад. = 89,9 верст. (Tab. Peuting. и Itiner.). То-же разстояніе равно у Птолемея по *прямой* линіи 477,5 стад. = 82,6 верст.

Ясно, что эти двѣ цифры обозначаютъ одно и то-же географическое разстояніе. Перенося, теперь, прямую линію Птолемея на нашу карту отъ Исакчи къ морю, мы получаемъ, съ ошибкою въ 5,6 верст. ту точку передъ песчаными насыпями, которую мы намѣтили выше какъ предполагаемое устье: она находится тамъ, гдѣ къ Георгіевскому Дунаю примыкаетъ лиманъ Еренчикъ. Отсюда до крайняго сѣвернаго устья по Страбону около 300, по Арріану 280 стад. = 48,4 верст. Дѣйствительно, отъ найденнаго нами пункта до предполагаемаго древняго устья повыше Вилкова 47 верстъ.

Приступаемъ теперь къ опредѣленію острова Πεύκη. Онъ

начинается въ 20,7 верст. отъ Священнаго устья, говоритъ Страбонъ. Перенося это разстояніе на нашу карту, считая отъ найденнаго нами древняго устья, мы получаемъ высоты около деревни Моругель надъ одноименнымъ озеромъ, какъ крайнюю восточную оконечность искомаго острова. Земля тутъ круто поднимается, образуя какъ бы мысъ въ окружающихъ болотахъ. Отсюда горы тянутся, возвышаясь и расширяясь, до Исакчи съ одной, Бабадагскаго озера съ другой стороны. Для римлянъ на нижнемъ Дунаѣ это былъ важный стратегическій пунктъ, и мы удивились бы, не находя здѣсь римской стоянки. Но стоянка тутъ была: здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, нужно искать Salsovia, которое по Tab. Peut. и Itin. 226 состоитъ отъ Noviodunum на 41 m. p.=56,7 верстъ: дѣйствительно, намѣченный нами крайній сѣверо-восточный мысъ острова Πεύκη состоитъ отъ Исакчи на 56,2 верст., т. е. римскіе итинераріи ошиблись лишь на полъ-версты.

Эти совпаденія достаточно доказываютъ правильность догадки, высказанной нами выше.

Островъ Πεύκη могъ лежать, конечно, только къ югу отъ линіи Исакча—Моругель, т. е. онъ обнималъ крайній сѣверо-восточный уголъ Добруджи. Правыми оказываются, слѣдовательно, въ общихъ чертахъ Бруке, а за нимъ Брунъ I, 126, полагая, что нашъ островъ ничто иное, какъ горная Бабадагская область. Что она вполнѣ подходитъ къ описанію Арріана, въ этомъ убѣждаетъ насъ взглядъ на карту.

Но если Πεύκη дѣйствительно было островомъ, то намъ надобно предполагать, по крайней мѣрѣ въ эпоху Александра, еще одно, впослѣдствіи закрывшееся устье къ югу отъ современныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, видъ береговой линіи между Георгіевскимъ Дунаемъ и Лиманомъ Синоэ, за которымъ лежало древнее Istropolis, уже самъ по себѣ предполагаетъ такое устье близъ нын. озера Разима. Болото, черезъ которое протекаетъ Дунавецъ и тянется песчаная мель черезъ Перецкое гирло къ Геор-

гіевскому Дунаю, не можетъ быть образовано послѣднимъ, точно также какъ и узкая коса, которая, расширяясь въ концѣ, отдѣляетъ Расимъ отъ моря и продолжается затѣмъ по ту сторону пролива Портица вплоть до возвышенностей материка.

Здѣсь въ двухъ мѣстахъ имѣются слѣды древняго устья: у лимана Головица, въ 20 верстахъ къ югу отъ Бабадагскаго озера, и затѣмъ у этого послѣдняго, въ болотѣ, соединяющемъ его съ озеромъ Расимомъ. У обоихъ пунктовъ могло быть древнее устье.

Окончательный отвѣтъ дастъ Плиній l. c.: Primum ostium Peuces, mox ipsa Peuce insula, in qua proximus alveus * appellatus XIX m. p. magna palude sorbetur; ex eodem alveo et supra Histropolin lacus gignitur LXIII m. p. ambitu, Halmyrin vocant.

На основаніи этихъ словъ, наиболѣе вѣроятное рѣшеніе то, что древнее русло шло къ Головицкому болоту; проливъ Портица — его устье. Отъ того же русла, гдѣ нибудь въ среднемъ его теченіи, отдѣлялся меньшій рукавъ (alveus *), который поглощался большимъ болотомъ, нын. Бабадагскимъ озеромъ, еще теперь въ двухъ концахъ кончающимся болотами. Протокъ, ведущій отсюда на востокъ, впадаетъ въ озеро Расимъ, т. е., по выраженію Плинія ex eodem alveo lacus gignitur Halmyris.

Останавливаясь на такомъ рѣшеніи, мы, прежде всего, легко объяснимъ прихотливую форму берега въ этихъ мѣстахъ. Лиманы Головица и Змѣйка были нѣкогда, вѣроятно, такими-же болотами, какія мы находимъ теперь у Дунайскихъ устьевъ. Когда древній рукавъ, пересѣкавшій сѣверную Добруджу, былъ занесенъ пескомъ, и приливъ воды и илу съ этой стороны прекратился, то волны бурнаго Чернаго моря, не встрѣчая препятствія со стороны рѣки, залили все это пространство, вслѣдствіе чего и образовались означенные лиманы, отдѣленные другъ отъ друга и отъ моря узкими косами, представлявшими нѣкогда такіе-же песчаные острова, какъ отмѣченные нами въ современной дельтѣ.

Но этого недостаточно. Предлагаемое нами рѣшеніе даетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ключъ къ уразумѣнію невѣрнаго рисунка Добруджи у Птолемея. Его изложеніе, также какъ и изложеніе Плинія, представляетъ собою контаминацію данныхъ двухъ разновременныхъ источниковъ: одного древнѣйшаго, знавшаго еще древнее Портицкое устье, и другого, новѣйшаго, начинавшаго перечень устьевъ лишь съ Георгіевскаго Дуная, древн. Священнаго устья. На послѣднее всѣ безъ исключенія географы перенесли то, что ихъ источники знали объ устьѣ Портицкомъ, древн. Πεύκη στόμα, ostium Peuces, въ ихъ время уже не существовавшемъ. Но слѣды послѣдняго все-же сохранились въ сбивчивомъ изложеніи Плинія и въ особенности у Птолемея.

Дѣло въ томъ, что Птолемей помѣщаетъ στόμα Ἱερὸν ἢ Πεύκη подъ 56° долг. 46° 15′ шир., т. е. въ 137,6 стад. = 23,8 верст. отъ Istropolis. Положеніе послѣдняго не удалось еще опредѣлить съ точностью, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ лежалъ на берегу Синяго лимана, вѣроятно близъ дер. Каранасупъ: на этотъ пунктъ указываютъ данныя Tab. Peut., Itiner., Strabo и Arrian., приведенныя выше на стр. 183. А отсюда до пролива Портицы, дѣйствительно, только 23 версты; иначе говоря, допуская наше предположеніе, что устье Πεύκη первоначально не совпадало съ Священнымъ, но что у Птолемея они слились, мы приходимъ къ выводу, что нашъ писатель ошибся лишь на 0,8 версты [1]). Совершенно также объясняется, почему разстояніе между крайними устьями Дуная у Птолемея значительно больше, чѣмъ въ дѣйствительности, т. е. равно 423,4 стад.=73,1 верст. Наконецъ, меридіанъ Византіи, проходящій, по Птолемею, черезъ Os Sacrum, въ дѣйствительности проходитъ черезъ Портицкое устье. Во всѣхъ этихъ случаяхъ

1) Уже названіе города Istros, Istropolis предполагаетъ бóльшую близость его къ устьямъ Дуная. Еслибъ онъ съ самаго начала былъ основанъ почти въ 100 верстахъ отъ южнѣйшаго устья, то онъ едва-ли получилъ бы это имя. Дѣйствительно, Геродотъ II, 33 ставитъ нашъ городъ близъ устьевъ Дуная: τελευτᾷ δὲ ὁ Ἴστρος..... τῇ Ἰστρίην οἱ Μιλησίων οἰκέουσιν ἄποικοι. Очевидно, что онъ еще зналъ Портицкое устье.

Птолемей, какъ это часто съ нимъ случалось, не съумѣлъ примирить вполнѣ вѣрныя данныя своихъ древнѣйшихъ источниковъ съ неменѣе вѣрными данными источниковъ позднѣйшихъ, признававшихъ южнѣйшимъ устьемъ Дуная — Священное. Онъ помогъ себѣ тѣмъ, что отожествилъ послѣднее съ исчезнувшимъ въ его время, но упоминавшимся въ древнихъ источникахъ устьемъ Πεύκη, т. е. Портицкимъ, иначе говоря, онъ прямо вычеркнулъ изъ своей карты древній островъ Πεύκη, лежавшій между ними, вслѣдствіе чего и получилось, какъ у всѣхъ позднѣйшихъ географовъ, невозможное Πεύκη въ современной дельтѣ.

Но это сокращеніе должно было имѣть роковое послѣдствіе для всего рисунка Добруджи, придавъ ему именно тотъ видъ, который былъ охарактеризованъ нами уже выше на стр. 183, т. е. значительно сокративъ его длину и расширивъ его на сѣверѣ. Не очень добросовѣстенъ и Плиній, который, отожествивъ, какъ Птолемей, ostium Peuces съ Ostium Sacrum, вышелъ изъ затрудненія двусмысленнымъ выраженіемъ mox ipsa Peuce insula etc., сохранивъ при этомъ нѣкоторыя вѣрныя данныя древняго источника.

Не такъ поступилъ энергичный Страбонъ, который, основываясь на однихъ только новыхъ данныхъ, любитъ полемизировать со своими предшественниками: онъ совершенно отказывается отъ прежняго изображенія дельты, сохраняя лишь традиціонное названіе «острова» для обозначенія области, которую въ его время скорѣе слѣдовало назвать полуостровомъ. Что въ его время Портицкое устье уже не имѣло прямой связи съ Дунаемъ, не подлежитъ сомнѣнію: иначе отожествленіе его съ Священнымъ было-бы невозможно. Но такъ-же несомнѣнно и то, что въ эпоху Александра Македонскаго оно еще существовало: по нему проѣхали византійскіе корабли, призванные македонскимъ завоевателемъ, не по Георгіевскому Дунаю, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они должны бы были объѣхать непріятеля съ тылу, безъ связи съ главнымъ войскомъ; а это болѣе чѣмъ невѣроятно.

Вопросъ о томъ, по какой линіи проходитъ предполагаемый нами рукавъ, послѣ всего сказаннаго, въ сущности, лишній. Никакихъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія мы не имѣемъ. Очень вѣроятно, что Александръ переправился черезъ Дунай именно у Новіодунума-Исакчи: здѣсь и впослѣдствіи обыкновенно переправлялись римскія войска (см. выше стр. 127), очевидно потому, что здѣсь удобное мѣсто для переправы. Вѣроятно также, что плохо укрѣпленный городъ гетовъ по ту сторону Дуная совпадаетъ съ дер. Карталъ (она-же = Аліобриксъ, выше стр. 128?). Такъ думалъ уже Брунъ I, 130 (ср. Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. I, 627), и въ пользу этого мнѣнія можно привести еще то обстоятельство, что, послѣ переправы, македонское войско, направляясь къ гетскому городу, имѣла Дунай на лѣвомъ флангѣ: Карталъ лежитъ нѣсколько выше по Дунаю, чѣмъ Исакча.

Такъ какъ Александру одинъ только разъ пришлось переправиться черезъ Дунай, то ясно, что развѣтвленія его дельты начинались ниже Исакчи, вѣроятно тамъ, гдѣ они начинаются и въ наше время, т. е. верстахъ въ 5 ниже Исакчи; тутъ начинается болото, черезъ которое течетъ, параллельно Дунаю, такъ называемое гирло Сомово, соединяя между собою нѣсколько мелкихъ болотистыхъ озеръ. Такимъ представлялось начало дельты и Птолемею III, 10, 2, у котораго πρῶτος μερισμὸς τῶν στομάτων находится подъ 54° 50′ долг. 46° 30′ шир., т. е. въ 57,3 стад. = 9,9 верст. ниже Новіодунума. Вѣроятно, что здѣсь, именно, отдѣлялся отъ главнаго теченія предполагаемый нами Портицкій рукавъ. Всматриваясь въ топографію сѣверовосточной Добруджи, намъ кажется, далѣе, вѣроятнымъ, что въ нижнемъ своемъ теченіи онъ шелъ по довольно широкой долинѣ, по которой еще теперь течетъ рѣчка, впадающая около дер. Чамурлы въ Головицкое болото. Около дер. Ортакіой, на шир. 45° 2′, отъ нея отдѣлялся proximus alveus Плинія: отсюда на юговостокъ ведетъ долина, по которой еще теперь течетъ рѣка (Таица), впадающая въ Бабадагское озеро. Верхнее теченіе уже неопредѣлимо.

Островъ Πεύκη, слѣдовательно, представлялъ собою пространство вполнѣ достаточное для застрявшей здѣсь части бастарновъ — позднѣйшихъ певкиновъ.

Перешагнувъ теперь черезъ Дунай, мы остаемся пока еще въ предѣлахъ римской имперіи, и нашей первой задачей будетъ точнѣе опредѣлить сѣверную границу послѣдней отъ Буга до Карпатъ.

Рѣшеніе этой задачи предвосхищена нами уже выше на стр. 137 сл., но намъ остается оправдать наши опредѣленія разстояній отъ Буга до ἐπιστροφή Днѣстра и отсюда до той точки, гдѣ граница покидаетъ Днѣстръ, направляясь къ «началу Карпатъ».

Замѣтимъ, прежде всего, что мы имѣемъ здѣсь двѣ вполнѣ надежныя точки опоры, Тирасъ и Ольвію, взаимное разстояніе которыхъ, какъ мы уже знаемъ, почти вполнѣ точно опредѣлено Птолемеемъ. Онѣ-то и послужатъ намъ базисомъ для дальнѣйшихъ расчетовъ.

Отъ Тираса до загиба (ἐπιστροφή) Днѣстра на картѣ Птолемея 1092,6 стад. = 189 верстъ; отъ Ольвіи до той же точки 1348,5 стад. = 233,2 версты. Если мы перенесемъ эти двѣ линіи на нашу карту, считая отъ названныхъ городовъ, то онѣ встрѣтятся около с. Рыбницы, въ 8 верстахъ отъ пункта, гдѣ Днѣстръ, державшійся до того, въ общемъ, юговосточнаго направленія, дѣйствительно круто поворачиваетъ на югъ. Если мы примемъ этотъ пунктъ, т. е. мѣсто, гдѣ въ Днѣстръ впадаетъ рѣчка Окны, за ἐπιστροφή Птолемея, то отсюда до Тираса будетъ 192,7 в., до Ольвіи 232,6 версты; иначе говоря, Птолемей ошибся лишь на 3,7 resp. 0,6 версты. Этого достаточно, чтобы убѣдить насъ въ правильности нашего предположенія.

Отъ «загиба» до того пункта, гдѣ римская граница покидаетъ Днѣстръ, по Птолемею 1159,1 стад. = 200,5 верст. Линія эта идетъ по Днѣстру, такъ какъ между двумя конечными пунктами лежитъ городъ Maetonium на Днѣстрѣ-же. Мы дол-

жны, поэтому, принять во вниманіе значительный изгибъ рѣки около Калюса (между Хотинымъ и Могилевымъ), не слѣдуя, однако, мелкимъ извилинамъ ея. Днѣстръ здѣсь не судоходенъ, и римскій счетъ по стадіямъ, держась, въ общемъ, его теченія, не слѣдовалъ, конечно, всѣмъ мелкимъ его изгибамъ. Принимая это въ соображеніе, мы легко убѣдимся, что искомый пунктъ совпадалъ съ нын. Хотинымъ: отъ ἐπιστροφή до Калюса 142,7 в., а отсюда до Хотина 57,5 в. — итого 200,2 в., т. е. Птолемей ошибся лишь на 0,3 в.

Этимъ мы оправдали нашъ расчетъ на стр. 137 сл. и можемъ обратиться къ другимъ задачамъ, связаннымъ съ картой интересующаго насъ края у Птолемея.

Въ предыдущемъ мы могли убѣдиться, что Птолемей работалъ въ высшей степени добросовѣстно на основаніи точнаго матеріала. Это налагаетъ на насъ обязанность не удовлетворяться констатированіемъ той или другой ошибки его рисунка, а попытаться выяснить *причину* ея, кроющуюся, какъ мы видѣли, почти всегда въ неудачныхъ попыткахъ его примирить противорѣчивыя данныя его источниковъ. Что это необходимо—доказалъ нашъ разборъ дельты Дуная: ошибка Птолемея помогла намъ установить важное измѣненіе, происшедшее въ рисункѣ дельты въ промежутокъ времени отъ Геродота до начала христіанской эры. Тотъ-же принципъ мы постараемся примѣнять и далѣе, и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ не удастся окончательно и всесторонне выяснить тотъ или иной вопросъ, то лишь потому, что намъ недостаетъ данныхъ относительно его источниковъ.

Важенъ, прежде всего, вопросъ, оріентирована-ли вся его карта сѣверозападнаго Черноморья съ одного пункта, или нѣтъ. Естественно было бы ожидать, что онъ сперва начертитъ береговую линію, отмѣтитъ на ней важнѣйшія точки на основаніи существовавшихъ въ его время перипловъ, а затѣмъ приметъ ихъ за базисъ дальнѣйшаго рисунка. Этого, однако, онъ не сдѣлалъ: береговая линія его невѣрна, и невѣрна настолько, что

производитъ впечатлѣніе, будто онъ при своей работѣ и не пользовался периплами.

Отъ крайняго сѣвернаго устья Дуная (Θιάγολα) до устья Днѣстра по его расчету 390,1 стад. = 67,4 в.; на самомъ дѣлѣ это разстояніе, даже по прямой, не береговой линіи, равно приблизительно 88,5 в. Отъ того же дунайскаго устья до устья Днѣпра (у Очакова, см. ниже) на его картѣ 862,5 стад. = 149,2 в.; на самомъ же дѣлѣ ихъ ок. 187,4. Вся ошибка кроется въ линіи Дунай-Днѣстръ, такъ какъ дальнѣйшія очертанія вѣрны: отъ устья Днѣстра до Днѣпра по прямой линіи 572,5 стад. = 99 в., въ дѣйствительности 99,2; отъ Днѣпра до Херсонеса Таврическаго 1409,2 стад. = 243,7 в., въ дѣйствительности ок. 240 верстъ. И даже основаніе этого огромнаго треугольника, т. е. разстояніе отъ Thiagola до Херсонеса, которое у Птолемея равно 1619,2 стад. = 280,1 в., въ дѣйствительности немногимъ меньше 300 в.

Намъ остается, слѣдовательно, только объяснить ошибку, допущенную Птолемеемъ въ измѣреніи разстоянія отъ Дуная до Днѣстра.

Она произошла отъ того, что его меридіаны не совпадаютъ съ нашими, и что широта Византіи опредѣлена невѣрно.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы должны возстановить на нашей картѣ сѣть Птолемеевыхъ меридіановъ и параллелей. Она обусловливается линіей отъ ἐπιστροφή до πέρας Днѣстра (т. е. отъ впаденія въ него р. Окны — до Хотина), которая составляетъ сѣверную границу Moesia Inferior и принимается за параллель 48° 30′. Съ этой линіи Птолемей, очевидно, началъ свой чертежъ. Если мы нанесемъ ее на нашу карту, то она далеко не попадетъ въ устье Днѣпра, а пройдетъ сѣвернѣе и коснется сѣвернаго берега гавани г. Николаева. Проведемъ теперь такія-же параллели черезъ устье Днѣпра [1]), Аккерманъ и т. д., и пер-

---

1) Точка, принимаемая Птолемеемъ за устье Днѣпра, лежитъ въ устьѣ лимана, тамъ, приблизительно, гдѣ линія, соединяющая дер. Кинбурнъ съ Оча-

пендикулярно къ нимъ меридіаны черезъ тѣ-же точки — и сѣть готова.

Что она вѣрна, доказывается напр. тѣмъ, что Ordessos (на Тилигульскомъ лиманѣ близъ нын. села Коблева), съ ошибкою въ 2,3 в., дѣйствительно окажется на 57° долг., 48° 30′ шир., какъ у Птолемея, и отъ Аккермана до Днѣпра по меридіану будетъ ровно 72 в., какъ у нашего писателя. Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, доказываетъ, что эта часть берега (отъ Днѣстра до Днѣпра) оріентирована совершенно вѣрно. За то отъ Аккермана до устья Дуная Thiagola (на Килійскомъ Дунаѣ, нѣсколько выше Вилкова, см. стр. 187), все по тому же меридіану, оказывается 95,5 в., тогда какъ на картѣ Птолемея значится только 40′=333,3 стад.=57,6 в. Мы, слѣдовательно, и этимъ путемъ приходимъ къ выводу, сдѣланному уже выше, что здѣсь, именно, кроется вся ошибка рисунка. Наша задача сводится, поэтому, къ рѣшенію вопроса, почему меридіональное разстояніе отъ гор. Тираса до Thiagola сокращено съ 95,5 до 57,6 верст., т. е. на 37,9 в.

Прежде всего, мы должны помнить, что устье Днѣпра передвинуто на сѣверъ до линіи Окны-Хотинъ, т. е. по меридіану на 47,8 в. Такъ какъ рисунокъ между Тирасомъ и Днѣпромъ, какъ мы видѣли, вѣренъ, то такому-же передвиженію, на то-же разстояніе, по меридіану подвергся и весь западный берегъ Чернаго моря съ Аккерманомъ включительно. Вслѣдствіе этого, между послѣднимъ пунктомъ и Thiagola оказывается уже не 95,5, а 95,5+47,8=143,3 в. За то, съ другой стороны, южный берегъ сильно передвинутъ на сѣверъ вслѣдствіе невѣрнаго опредѣленія широты Византіи (см. выше стр. 136).

Въ дѣйствительности, древняя Византія лежитъ на 41°1′ шир. (центръ современнаго города 41° 1′ 27″), Птолемей же, отожествляя ея широту съ широтою Марсели (въ дѣйствит. 43°15′),

---

ковымъ, пересѣкаетъ границу Таврической губерніи на 10-верстной картѣ Главнаго Штаба (изд. 1892 г.).

ставить ее на параллели 43° 5′, т. е. онъ дѣлаетъ ошибку, по *своему* меридіану, на 2° 4′=1033,3 стад.=178,7 в. Слѣдовательно, если мы проведемъ его меридіанъ на Византію, то на его картѣ этотъ городъ будетъ лежать по меридіану на 178,7 в. сѣвернѣе фактической Византіи. Отсюда до Thiagola, по его расчету, на меридіанѣ 3° 55′=1958,3 стад.=338,7 в. Слѣдовательно, отъ фактической Византіи Thiagola отстоитъ по меридіану на 517,4 в. Но въ дѣйствительности, по его меридіану отъ Византіи до Thiagola всего 443,1 в.[1]), иначе говоря, его Thiagola отодвинуто на сѣверъ отъ дѣйствительнаго Thiagola на 517,4—443,1=74,3 версты.

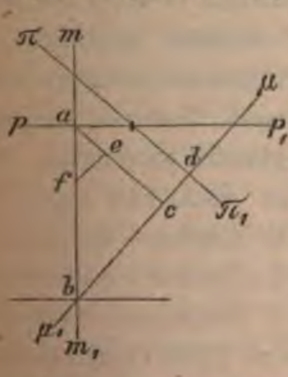
Итакъ, на это число сократился, вслѣдствіе передвиженія Византіи, меридіанъ отъ Тираса до параллели Thiagola. А такъ какъ этотъ меридіанъ, вслѣдствіе передвиженія Днѣпра, рав-

---

1) Это число получено нами слѣдующимъ образомъ.

Если мы проведемъ на нашей картѣ дѣйствительный меридіанъ Константинополя (29° отъ Грин.) и отъ точки, гдѣ онъ пересѣкаетъ параллель Thiagola, опустимъ перпендикуляръ на меридіанъ Птолемея, ведущій на Византію, то получимъ, при проекціи на плоскость, прямоугольный треугольникъ, одинъ изъ катетовъ котораго составляетъ часть искомаго разстоянія. Все дѣло въ томъ, чтобы найти длину этого катета, такъ какъ недостающая часть (до птолемеевой параллели Thiagola) можетъ быть установлена путемъ геометрическимъ.

Пусть на прилагаемомъ рисункѣ точка b будетъ Византія, mm_1 ея меридіанъ, а pp_1 параллель Thiagola на нашей картѣ; $\mu\mu_1$ меридіанъ Византіи и $\pi\pi_1$ параллель Thiagola на картѣ Птолемея. Вопросъ въ томъ, чему равно меридіональное разстояніе отъ Византіи до Thiagola по Птолемею, т. е. чему равна линія bd. Опустивъ на нее изъ a перпендикуляръ, получаю прямоугольный треугольникъ, въ которомъ легко узнать гипотенузу ab, равную фактическому меридіональному разстоянію между Константинополемъ и Thiagola. Такъ какъ Византія лежитъ прибл. на 41°1′ шир., а Thiagola на 45° 24′ 30″, то меридіональнаго разстоянія между ними 4° 23′ 30″; считая 1° шир. приблиз. въ 105 верстъ, получаемъ для ab=461,1 версты.—Чтобы узнать длину линіи ac, откладываю на ней отъ точки a любое разстояніе, напр. ae=35 верстъ. Перпендикуляръ ef раздѣлитъ гипотенузу на части пропорціональныя частямъ катета ac, причемъ af будетъ равно 93,8 в., т. е. $ac : ae = ab : af$; $ac=\frac{ae \cdot ab}{af}$=172 версты.

На основаніи пиѳагоровой теоремы мы получаемъ теперь: $bc = \sqrt{461,1^2 - 172^2} = 427,8$. А такъ какъ $cd = 15,3$ версты, то искомая линія $bd = 443,1$ версты.

нялся, какъ мы видѣли, 143,3 в., то въ концѣ концовъ на его картѣ для этого пространства оставалось мѣста лишь въ 143,3—74,3=69 верстъ. Такъ какъ у него отмѣчено, вмѣсто этого, 57,6 верстъ, то въ конечномъ результатѣ оказывается, что Птолемей, на огромномъ разстояніи отъ Константинополя до Николаева, ошибся лишь на 11,4 версты.

То обстоятельство, что Птолемей допустилъ сокращеніе именно здѣсь, между Дунаемъ и Днѣстромъ, а не между Днѣстромъ и Днѣпромъ, доказываетъ, что по линіи, подвергшейся сокращенію, въ его время не было значительныхъ поселеній и что, вслѣдствіе этого, онъ не имѣлъ подробныхъ данныхъ объ этой части побережья. Дѣйствительно, его старшій современникъ Арріанъ, совершившій свое плаваніе вокругъ Чернаго моря въ 134 г. по Р. Хр., въ § 31 своего перипла прямо заявляетъ, что между гаванью Исіаковъ (нын. Одессой) и Узкимъ устьемъ (Ψιλὸν στόμα = Θιάγολα) Дуная, т. е. на разстояніи 1200 стад. = 207,6 верст., нѣтъ ни одного селенія: *τὰ δὲ ἐν μέσῳ ἔρημα καὶ ἀνώνυμα*. Онъ, конечно, ошибался. Въ это время еще существовалъ городъ Тирасъ, хотя онъ уже потерялъ свое прежнее значеніе. Правда, онъ лежитъ не на морѣ, но всетаки къ нему могло-бы быть примѣнено выраженіе *ἐν μέσῳ* при плаваніи изъ Одессы къ Дунаю. Арріанъ, очевидно, проѣхалъ открытымъ моремъ: это было бы новымъ доказательствомъ того, что здѣсь не было значительныхъ эмпорій. Этимъ-же я объясняю себѣ странную ошибку въ опредѣленіи разстоянія. Отъ Thiagola до Одессы открытымъ моремъ около 148 верстъ = 855,4 стад. Можетъ быть, 1200 стадій Арріана объясняются теоретическимъ расчетомъ, что береговое плаваніе увеличиваетъ разстояніе приблизительно на половину? Расчитывая такъ, онъ получилъ-бы круглымъ счетомъ именно тѣ 1200 стадій, о которыхъ онъ говоритъ.

Во всякомъ случаѣ, въ это время тутъ не было хоть сколько-нибудь значительныхъ поселеній. Вѣдь и Страбонъ VII, 3,1[...] ни одного имени здѣсь не называетъ, а замѣчаетъ только, ч[...]

между Дунаемъ и Днѣстромъ «есть два большихъ озера; одно изъ нихъ имѣетъ сообщеніе съ моремъ, такъ что имъ можно пользоваться какъ гаванью, тогда какъ другое не имѣетъ устья».

Этому нисколько не противорѣчитъ то, что говорятъ объ этомъ краѣ Плиній IV, 12, 82, относящій сюда oppida Cremniscos, Aepolium, и еще въ V в. по Р. Хр. анонимный авторъ перипла, который въ § 89 называетъ между Дунаемъ и Днѣстромъ τὰ Ἀντιφίλου, Κρημνίσκοι и τὰ Νεοπτολέμου. Онъ пользовался древними источниками, рисовавшими картину прошлой, лучшей поры черноморской торговли. А, можетъ быть, что подъ этими именами скрываются вовсе не селенія, а лишь пункты, такъ или иначе важные морякамъ какъ удобныя гавани, опасные рифы и т. под. Область между Дунаемъ и Днѣстромъ лежала въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ интересовъ, сосредоточивавшихся между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

На изслѣдуемомъ нами пространствѣ, Птолемей III, 10, 7 отмѣчаетъ только два пункта: Ἅρπις πόλις и Ἑρμώνακτος κώμη. Изъ нихъ только послѣдній встрѣчается еще разъ, у Страбона, рядомъ съ Неоптолемовою башнею на устьѣ Днѣстра. У Птолемея разстояніе его отъ устья также не велико, вслѣдствіе чего мы въ правѣ предположить, что пріуроченіе этого пункта дано именно его разстояніемъ отъ Днѣстра, а не отъ Harpis.

Послѣдній пунктъ, наоборотъ, мы должны искать близь Дуная, отъ послѣдняго устья котораго онъ отстоитъ, по Птолемею, лишь на 151,2 стад.=26,1 в. Я думаю, что Harpis совпадаетъ съ нын. дер. Эскиполосъ («древній городъ») на берегу озера Сасика («открытаго озера» Страбона), тамъ, гдѣ къ нему примыкаетъ нижній Трояновъ валъ: здѣсь уже апріорно можно предположить римскую стоянку. Отсюда до Thiagola лишь 33,5 в., а если мы будемъ считать отъ озера подъ дер. Жебріяны, которое питается дунайскими болотами и весною дѣйствительно играетъ роль крайняго сѣвернаго устья Дуная (Беккеръ), то получимъ до Эскиполоса ок. 25 верстъ, т. е.

почти въ точности то число (26, 1), которое даетъ Птолемей.

Между Harpis и Гермонактовой деревней лежитъ сокращеніе, выясненное нами выше. Нетрудно доказать, что числовыя данныя Птолемея вполнѣ отражаютъ дѣйствительность.

Гермонактову деревню, лежавшую рядомъ съ Неоптолемовой башней, мы, вмѣстѣ съ Беккеромъ 15 сл. и Бруномъ I, 240 прим.[7] должны искать на мысѣ, образуемомъ лиманомъ Шабалатскимъ (ин. Будацкимъ) и маленькимъ заливомъ Кимбецкимъ (Акембетскимъ?), гдѣ Беккеръ (точнѣе: Бюньонъ, см. Беккеръ 23 сл.) дѣйствительно открылъ слѣды древней башни. Въ древности не было еще пересыпи, отдѣляющей теперь Шабалатскій лиманъ отъ моря (ср. Neumann 355), и мѣсто, гдѣ мы предполагаемъ башню или, вѣрнѣе, маякъ Неоптолема и Гермонактову деревню, могло и, пожалуй, даже должно было считаться западной оконечностью Днѣстровскаго лимана. Это пріуроченіе окончательно доказывается, наконецъ, Птолемеемъ, у котораго отсюда до гор. Тираса 118,5 стад.=20,5 версты; въ дѣйствительности это-же разстояніе при береговомъ плаваніи равно 19,8 в., т. е. Птолемей сдѣлалъ ошибку лишь въ 0,7 версты.

Если мы теперь передвинемъ параллель Thiagola на сѣверъ на 37,9 в., т. е. выразимъ на картѣ выясненное выше сокращеніе меридіана Тираса и отмѣтимъ на 21,6 в. сѣвернѣе, все по тому же меридіану, или на 36 в. къ югу отъ Аккермана Птолемеевъ гор. Harpis, то отсюда до того пункта, гдѣ мы ищемъ Гермонактову деревню, будетъ по прямой линіи 25,9 в., вм. Птолемеевыхъ 26,1 в., т. е. мы замѣтимъ незначительную ошибку въ 0,2 в. Это совпаденіе можетъ служить лишнимъ доказательствомъ вѣрности нашихъ соображеній относительно сокращенія береговой линіи отъ Дуная до Днѣстра.

Нѣсколько труднѣе рѣшаются вопросы, связанные съ устьемъ и нижнимъ теченіемъ послѣдней рѣки, хотя и тутъ, въ большинствѣ случаевъ, Птолемей окажется болѣе точнымъ

чѣмъ всѣ его предшественники; мы должны только вѣрно посмотрѣть на его данныя.

Такъ его опредѣленіе устья Тираса — на одной параллели съ одноименнымъ городомъ, въ 112,2 стад.=19,4 в. отъ послѣдняго, объясняется просто тѣмъ, что онъ не находитъ нужнымъ отмѣтить на своей картѣ ширину Днѣстровскаго лимана у его устьевъ. Если для моряка, плывущаго съ Дуная, Днѣстръ начинался уже у Неоптолемовой башни (Страбонъ), то, наоборотъ, для ѣдущаго съ сѣвера устье Днѣстра должно было находиться на противуположномъ берегу, тамъ, гдѣ, между нын. дер. Терновой и Буазъ берегъ начиналъ загибать къ лиману. Черезъ эту точку, дѣйствительно, проходитъ параллель Тираса съ ошибкою лишь въ 2 версты; отсюда, съ ошибкою въ 1,1 версты, дѣйствительно 19,4 в. до гор. Тираса; наконецъ, отсюда дѣйствительно ровно 15,2 в. до Гермонактовой деревни, какъ у Птолемея. Разстояніе отъ этой деревни до «устья» выражаетъ, слѣдовательно, лишь ширину лимана у его устья. Зналъ-ли Птолемей о ширинѣ послѣдняго, не находя лишь нужнымъ подробнѣе излагать положеніе дѣла, или-же мы имѣемъ дѣло съ недочетомъ, объясняющимся тѣмъ, что Птолемей опредѣлилъ устье Днѣстра на основаніи перипла, шедшаго съ сѣвера — это безразлично; важно лишь то, что онъ даетъ вполнѣ вѣрную картину этой части Черноморскаго побережья.

Но за то города, лежащіе на нижнемъ Днѣстрѣ или его лиманѣ, распредѣлены такъ невѣрно, что ошибки бросаются въ глаза съ перваго-же взгляда.

Положеніе главнаго города — Тираса — опредѣлено вѣрно (см. выше стр. 182), но отсюда до Офіусы 166,6 стад.=28,8 в.; отъ Офіусы до Никопіума 139,1 стад. = 24 в.; отъ послѣдняго города до Тираса по прямой линіи 274 стад.=47,4 в., до устья Днѣстра 250 стад.=43,2 в. Эти данныя невозможно помирить съ тѣмъ, что мы знаемъ о положеніи этихъ городовъ по другимъ источникамъ. Правда, при разборѣ послѣднихъ мы также наталкиваемся на нѣкоторыя затрудненія; но, тѣмъ не менѣе,

мы должны начать съ нихъ при опредѣленіи фактическаго положенія искомыхъ городовъ.

Страбонъ VII, 3, 16, полагающій устье Днѣстра у Гермонактовой деревни, считаетъ отсюда 140 стад.=24,2 в. до двухъ городовъ, лежащихъ другъ противъ друга: Νικωνία на правомъ, Ὀφιοῦσσα на лѣвомъ берегу лимана, считая отъ моря. Города Тираса онъ вовсе не называетъ, но его слѣдуетъ, конечно, разумѣть подъ Офіусой, представляющей лишь древнее названіе того-же города, ср. Plin. IV, 12, 82 ubi antea Ophiusa dicebatur; Steph. Byz. s. v. Τύρας. Затѣмъ отсюда въ 120 стад.= 20,7 в. выше по рѣкѣ [1]) лежитъ какой-то другой городъ, имени котораго Страбонъ, къ сожалѣнію, не называетъ.

Кромѣ него, одинъ только Peripl. Anon. § 87. 89 даетъ кое-какія свѣдѣнія, которыми мы можемъ воспользоваться съ легкой поправкой.

Дѣло въ томъ, что у него ἀπὸ Τύρα ποταμοῦ до Неоптолемовой башни 120 стад.=20,7 версты, и отсюда-же до Νικώνιον 30 стад.=5,1 в. Ясно, что тутъ разумѣется не *рѣка* Тирасъ, а одноименный съ нимъ городъ: если мы вставимъ πόλις вмѣсто ποταμός, то всѣ числовыя данныя вполнѣ подойдутъ къ дѣйствительности.

Ошибка безъименнаго автора, въ данномъ случаѣ, весьма характерна. Она указываетъ на причину неясности, несомнѣнно существовавшей въ представленіи древнихъ географовъ о Днѣстровскомъ лиманѣ: причина эта кроется, именно, въ одноименности города и рѣки. Неясность эта еще увеличивается тѣмъ, что тотъ-же городъ носилъ раньше другое названіе Ὀφιοῦσσα.

Когда и почему произошла эта перемѣна въ наименованіи, мы не знаемъ. Подчиненіе области Риму не могло быть ея причиною, такъ какъ уже Pomp. Mela II, 1 знаетъ городъ только подъ именемъ Tyra. Впослѣдствіи, это имя вошло въ исключи-

1) Конечно, выше, не ниже, какъ думалъ Гроскурдъ, Strabos Erdbeschreib. I, 538. Неправъ и Neumann 357, полагающій, что это число представляетъ лишь болѣе точную мѣру разстоянія Тираса отъ устья.

тельное употребленіе, и позднѣйшіе авторы знаютъ только его, тогда какъ нѣкоторое время употреблялось какъ то, такъ и другое, что явствуетъ изъ сличенія Мелы съ Страбономъ. Офіуса, однако, сознавалось какъ болѣе древнее имя (ср. Plin., Steph. Byz. ll. cc.).

Вотъ въ этихъ-то запутанныхъ отношеніяхъ и не съумѣлъ разобраться Птолемей; онъ самъ сознаетъ неясность и ненадежность своего пониманія, выражаясь очень осторожно и неопредѣленно: μεταξὺ τοῦ Ἱεράσου (καὶ τοῦ Τύρα) ποταμοῦ Νικώνιον Ὀφιοῦσσα Τύρας πόλις [1]).

Брунъ I, 88 сл. высказалъ догадку о существованіи древнѣйшей Офіусы не тамъ, гдѣ впослѣдствіи стоялъ Тирасъ, а сѣвернѣе, тамъ, гдѣ у Страбона лежитъ безъименный городъ. Отсюда, по мнѣнію того-же ученаго, жители переселились къ нын. Аккерману, и новый свой городъ назвали именемъ своего прежняго селенія.

Намъ думается, что Брунъ правъ, такъ какъ его гипотезой лучше всего объясняется, почему Страбонъ оставилъ сѣверный городъ безъ имени, не повѣривъ одноименности его съ новымъ поселеніемъ, и почему у Птолемея Офіуса лежитъ гораздо сѣвернѣе Тираса. Неправъ Брунъ только въ географическомъ пріуроченіи древней Офіусы: онъ полагаетъ, что она находилась близь нын. села Коротнаго, верстахъ въ 8-ми выше впаденія Кучургана въ Днѣстръ. Здѣсь, дѣйствительно, была найдена греколатинская надпись (l. c. 82 ss., CIL. III, 1 p. 147), относящаяся къ началу III в. по Р. Хр. Но, тѣмъ не менѣе, древняя Офіуса здѣсь лежать не могла, такъ какъ безъименный городъ отстоитъ отъ Тираса (Офіусы) по Страбону на 120 стад. = 20,7 в., по Птолемею отъ Тираса до Офіусы 166,6 стад. = 28,8 в., въ дѣйствительности-же отъ Аккермана до села Коротнаго даже по прямой линіи около 56 верстъ. Къ тому-же, най-

---

1) Слова, стоящія въ скобкахъ, вставлены издателемъ Мюллеромъ. Изъ рукописей однѣ даютъ только τοῦ Ἱεράσου, другія только τοῦ Τύρα ποταμοῦ.

денная надпись вовсе не предполагаетъ существованія здѣсь города: по всѣмъ признакамъ, памятникъ этотъ отмѣчалъ только сѣверную границу владѣній тирановъ (CIL. III, 2, 1009), т. е. черту, до которой простирались льготы, дарованныя имъ императоромъ. Если Брунъ, въ принципѣ, правъ, то мы должны искать древнѣйшую Офіусу гораздо ниже по Днѣстру. Измѣренія Страбона и Птолемея оба указываютъ на мѣстность, гдѣ теперь расположено село Маяки. Здѣсь, повидимому, находилось въ древности одно изъ устьевъ Днѣстра въ лиманъ (ср. Брунъ I, 79 сл.): мѣсто, очевидно, важное для торговли. Отсюда до Аккермана по прямой линіи ок. 22,5 в. (= Страбонъ 20,7); по берегу, если переѣхать отъ Аккермана къ нын. Овидіополю, ок. 29 в. (= Птолемей 28,8 в.). Наконецъ, если мы примемъ болѣе чѣмъ вѣроятное предположеніе Беккера 28 сл., Neumann'а 361 и Бруна 241, что древній Никоніумъ лежалъ близь нын. дер. Отарикъ, то отсюда до Маяковъ ок. 25 верстъ (= Птолемей 24 в. отъ Никоніума до Офіусы).

Неправильнымъ оказывается, слѣдовательно, лишь географическое соотношеніе послѣднихъ двухъ пунктовъ другъ къ другу и Никоніума къ Тирасу: Никоніумъ лежитъ, по Птолемею, на сѣверо-востокъ отъ Офіусы, тогда какъ въ дѣйствительности оно находилось на юго-востокъ отъ этого мѣста. Можетъ быть, вверхъ по Днѣстру, у устья Кучурганскаго лимана, дѣйствительно лежало какое нибудь селеніе, съ которымъ Птолемей смѣшалъ Никоніумъ вслѣдствіе равенства разстояній отъ Офіуса Дѣло въ томъ, что отъ Маяковъ до названнаго лимана ок. 27 верстъ, и у устья его лежитъ село Граденица, имя котораго указываетъ, можетъ быть, на стоявшее здѣсь древнее поселеніе Вопросъ этотъ мы, за неимѣніемъ данныхъ, должны оставить открытымъ, надѣясь на археологическія раскопки, которыя со временемъ, можетъ быть, дадутъ отвѣтъ на него.

Раньше, чѣмъ перейти къ Днѣпру, мы должны коснуться еще тѣхъ городовъ, которые отмѣчены Птолемеемъ въ Бессарабіи и по Днѣстру. Ученые изслѣдователи до сихъ поръ не об-

ратили на нихъ вниманіе: между тѣмъ, точное пріуроченіе хотя бы одного изъ нихъ было бы весьма важно для археологіи этого мало изслѣдованнаго края.

Въ области Прута, который Птолемей здѣсь несомнѣнно разумѣетъ подъ Ἱέρασος, лежатъ города Piroboridava, Tamasidava и Zargidava. Мы уже видѣли выше стр. 143 прим., что имена эти явно дакійскаго происхожденія, и вывели отсюда заключеніе, что въ городахъ, ими обозначаемыхъ, слѣдуетъ видѣть поселенія дакійскихъ карповъ (стр. 175 сл.). Первый изъ нихъ, Piroboridava, въ имени котораго, можетъ быть, слышится еще древнее названіе Прута (Herodot. IV, 48 Σκύθαι Πόρατα, Ἕλληνες δὲ Πυρετόν [καλέουσι]), отстоитъ отъ гор. Тираса на 758,9 стад.=131,2 в. и лежитъ на параллели Thiagola. Ища этотъ пунктъ на нашей картѣ, мы найдемъ дер. Карпешты верстахъ въ 12 отъ Прута. Отсюда до Аккермана 140,8 в., т. е. Птолемей ошибся лишь на 9,6 в., и черезъ этотъ же пунктъ проходитъ, съ ошибкою въ 8 в., птолемеева параллель Thiagola.

Изъ Пироборидавы до Тамасидавы 337,8 ст.=58,4 в. на сѣверъ. На нашей картѣ въ томъ же направленіи и въ 52,2 в. отъ Карпештъ лежитъ большое село Карпиняни на озерѣ, образуемомъ рѣкою Лопушною, впадающею въ Прутъ. Если мы отожествимъ это село съ Тамасидавой Птолемея, то допустимъ ошибку лишь въ 6,2 в.

Въ правильности нашихъ пріуроченій насъ убѣждаетъ поразительный и едва-ли случайный фактъ сохраненія имени карповъ въ обоихъ современныхъ наименованіяхъ.

Что касается третьяго города Zargidava, то точное пріуроченіе его, за неимѣніемъ данныхъ, невозможно. Онъ отстоитъ отъ Тамасидавы въ сѣверовосточномъ направленіи на 168,1 ст.= 29 в. Можетъ быть, его слѣдуетъ искать въ нын. Городкѣ, деревенькѣ, отстоящей отъ Карпинянъ на 30,5 в.: названіе ея указываетъ на древнее поселеніе. Впрочемъ, общій рисунокъ Бессарабіи у Птолемея такъ испорченъ вслѣдствіе невѣрной

оріентировки Прута и средняго Днѣстра, что весь верхній Прутъ исчезъ съ его карты. Очень можетъ статься, что Zargidava лежало именно въ этой части, въ которой также имѣются слѣды карпскихъ поселеній; такъ, на верхнемъ Прутѣ, тамъ, гдѣ его теченіе пересѣкается нашей параллелью 48°, стоитъ въ очень выгодномъ положеніи, на склонѣ горы, съ трехъ сторонъ окруженной рѣкой, дер. Карпачъ. Не здѣсь-ли слѣдуетъ искать Царгидаву Птолемея?

Наконецъ, по Днѣстру или, точнѣе, надъ Днѣстромъ (ὑπὲρ τὸν Τύραν ποταμόν), уже въ Сарматіи, лежитъ (III, 5, 15) 5 городовъ: Ἤρακτον, Οὐιβανταυάριον, Κληπίδαυα, Μαιτώνιον и Καρρόδουνον; изъ нихъ Maetonium, согласно рисунку, нужно искать на самой рѣкѣ, тогда какъ остальные лежатъ, повидимому, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея.

Относительно положенія первыхъ трехъ городовъ мы должны довольствоваться самыми общими предположеніями, такъ какъ мы не можемъ провѣрить указаній Птолемея ни данными современной карты, ни какими бы то ни было другими соображеніями.

Ἤρακτον отстоитъ отъ города Тираса на 884,4 стад. = 153 в., отъ ἐπιστροφή Днѣстра на 288,2 стад. = 49,8 в., отъ Ольвіи на 1058,7 стад. = 183,1 в. На основаніи этихъ данныхъ, его слѣдуетъ искать ок. нын. Ананьева на верхнемъ Тилигулѣ, откуда до Аккермана 158,8 в., до впаденія Окны въ Днѣстръ 65 в., до Ольвіи 172 в.

Οὐιβανταυάριον (до Тираса 979 стад. = 169,3 в., до Ольвіи 1167,6 стад. = 201,9 в., до ἐπιστροφή 185,3 стад. = 32 в.) всего вѣроятнѣе ок. нын. Балты на Кодымѣ, откуда до Аккермана 185 в., до Ольвіи 203 в., до Окны 42 в.

Κληπίδαυα (до Тираса 1277,9 стад. = 221 в., до ἐπιστροφή 185,3 стад. = 32 в., до Вибантаваріона 330,2 стад. = 57,1 в.), нужно искать, по даннымъ Птолемея, у нын. села Студенаго Подольск. губ. (до Аккермана 225 в., до Окны 33 в., до Балты 57 в.), или верстахъ въ 19 отсюда на сѣверовостокъ ок. села

Городище (до Аккермана 230,5 в., до Окны 43,5 в., до Балты 51 в.).

Всѣ эти пріуроченія, конечно, лишь гадательны. Болѣе твердую почву имѣемъ мы подъ ногами, отожествляя Μαιτώνιον съ нын. Могилевымъ на Днѣстрѣ: отсюда до Аккермана по прямой линіи 292 в. (Птол. 1734,2 стад. = 300 в.), до ἐπιστροφή 105 в. (Птол. 662,6 стад. = 114,6 в.), до Хотина 88,2 в. (Птол. 496,9 стад. = 85,9 в.), до Студенаго 79, до Городища 89 в. (Птол. 503,8 стад. = 87,1 в.).

Наконецъ, еще болѣе обезпеченнымъ кажется намъ тожество Καρρόδουνον съ нын. Каменецъ-Подольскимъ: отсюда до Хотина 18 в. (Птол. 83,3 стад. = 14,4 в.), до Могилева 86,5 в. (Птол. 503,8 стад. = 87,1 в.). Оно поддерживается еще тѣмъ, что меридіанъ Хотина, по Птолемею 49° 30′, пройдетъ какъ разъ черезъ Каменецъ-Подольскъ.

Какимъ народностямъ принадлежатъ эти города?

Мы не станемъ, пока, вдаваться въ разборъ этого вопроса, чтобы не отвлечься въ сторону отъ нашей ближайшей задачи, тѣмъ болѣе, что намъ придется вернуться къ нему ниже, при разборѣ географической номенклатуры поднѣстровья, которая дастъ намъ весьма цѣнный матеріалъ къ опредѣленію доисторическаго разселенія народовъ этой области. Замѣтимъ лишь мимоходомъ, что всѣ отмѣченные нами города за Днѣстромъ носятъ явно кельтскія имена, за исключеніемъ карподакійской Клепидавы.

Теперь-же мы должны, прежде всего, кончить географическій разборъ Птолемеевой Сарматіи и возвращаемся, поэтому, къ Черноморскому побережью.

Та часть послѣдняго, которая лежитъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, начерчена имъ, какъ мы видѣли, въ общемъ вѣрно. Онъ только отмѣчаетъ въ ней гораздо меньше пунктовъ, чѣмъ его предшественники. У него нѣтъ ни «гавани Исіаковъ», нын. Одессы (Беккеръ 56 сл., Neumann 362, Брунъ I, 238 s.), которую называютъ Arrian. Peripl. 31, Peripl. Anon. 87; ни «га-

вани Истріанъ» тѣхъ же источниковъ, ок. нын. Жевахова при древнемъ устьѣ Гаджибейскаго лимана (Беккеръ 54 сл., Neumann 363, Брунъ I, 238 сл.). Нѣтъ у него, наконецъ, и селенія (?) Σκόπελοι, которое, на основаніи Peripl. Anon. 87 нужно искать между Куяльницкимъ и Большимъ Аджалыкскимъ лиманами, приблизительно тамъ, гдѣ теперь находится селеніе Фонтанъ.

За то онъ отмѣчаетъ Φύσκη πόλις. Ея нѣтъ ни у одного изъ древнихъ, и это навело Neumann'a 364 на мысль, что ее слѣдуетъ искать не на берегу, а въ глубинѣ страны. Онъ едва-ли правъ. Указанное Птолемеемъ разстояніе этого селенія отъ устья Днѣстра (112,2 стад.=19,4 в.) заставляетъ насъ пріурочить его къ устью такъ называемаго Сухого Лимана, т. е. къ такой мѣстности, въ какой греки любили селиться, пріобрѣтая этимъ хорошую безопасную гавань и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удобное сообщеніе съ внутренней страной.

До Днѣпра намъ остается только еще Ἀξιάκης ποταμός и лежащій на немъ городъ Ὀρδησσός (Ptol. III, 5, 14). Положеніе послѣдняго легко опредѣляется при помощи Arrian. Peripl. 31, Peripl. Anon. 87: по словамъ обоихъ авторовъ, Ὀδησσός, конечно совпадающій съ Ордессомъ Птолемея и Плинія, отстоитъ на 80 стад.=13,8 в. отъ острова Березани (νῆσος σμικρά, μικροτάτη); мы должны искать его у сел. Коблева на Тилигульскомъ лиманѣ, нѣкогда открытомъ съ моря (ср. Neumann 363, Брунъ I, 237). Здѣсь, дѣйствительно, были найдены слѣды древняго поселенія. Выше (стр. 196) мы могли убѣдиться, что и Птолемей почти вполнѣ точно опредѣляетъ положеніе этого города; онъ ставитъ его притомъ въ 28,6 верстахъ отъ устья Днѣпра; на нашей картѣ отъ «устья» до Коблева, дѣйствительно, по прямой линіи около 27 верстъ, по берегу около 30. Однимъ словомъ, въ правильности отожествленія его съ Коблевымъ не можетъ быть сомнѣнія, а этимъ, въ сущности, уже рѣшается вопросъ о рѣкѣ Аксіакѣ, которая должна совпадать съ нын. Тилигуломъ. Ее знаетъ и Mela II, 1, 7 какъ Asiaces proximus (ab

Нурані). Между тѣмъ, Птолемей III, 10, 7 полагаетъ устье его въ 250 стад. = 43,2 в. отъ Ордесса, т. е. перемѣщаетъ его къ древнему устью Гаджибейскаго лимана и увѣряетъ III, 5, 6, что онъ протекаетъ по Сарматіи повыше Дакіи и беретъ начало въ Карпатахъ. Послѣднее увѣреніе, конечно, ошибочно; оно объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что теченіе Куяльника, который въ древности былъ рѣкой гораздо болѣе значительной, чѣмъ теперь, — параллельно Днѣстру, берущему начало въ Карпатахъ. Что же касается отожествленія Аксіака съ Гаджибейскимъ лиманомъ или, точнѣе, съ Куяльникомъ, то и тутъ причины ошибки ясны. Онѣ кроются, прежде всего, въ словахъ Плинія IV, 12, 82, по которымъ между нимъ и Ордессомъ помѣщаются еще Crobiggi, flumen Rhode, sinus Saggarius. Уже Neumann 364 и Брунъ I, 237 догадались, что кробинги, по крайней мѣрѣ, попали сюда по ошибкѣ изъ Ѳракіи, вслѣдствіе смѣшенія нашего Ордесса съ Одессомъ близь Варны. Птолемей этого, однако, не зналъ и, довѣряясь Плинію, долженъ былъ отодвинуть устье Аксіака на западъ. А Гаджибейскій лиманъ, именно, казался подходящимъ потому, что у его устья лежалъ вѣдь λιμὴν Ἰσιακῶν: созвучіе этого имени съ Аксіакомъ (Асіакомъ Мелы и Плинія) дало Птолемею мысль примирить разнорѣчивыя данныя его источниковъ перенесеніемъ сюда устья Аксіака, при сохраненіи вѣрнаго опредѣленія Ордесса какъ города, лежащаго на берегу этой рѣки [1]).

Перехожу теперь къ важнѣйшей части Птолемеевой Сарматіи, къ системѣ Днѣпра.

Взглядъ на карту убѣдитъ насъ, что направленіе его теченія указано Птолемеемъ невѣрно. Хотя ошибка его — сѣверное направленіе вмѣсто восточнаго — покажется намъ нѣсколько менѣе значительною, если мы вспомнимъ, что меридіаны Птолемея

---

1) Что Гаджибейскій лиманъ былъ нѣкогда доступенъ съ моря даже большимъ кораблямъ, доказывается тѣмъ, что въ немъ были найдены большіе якори о четырехъ лапахъ. См. Одесскій Вѣстникъ 1858, № 67; Брунъ I, 239 прим.

отклоняются сильно на востокъ, тѣмъ не менѣе она еще очень велика.

Не смотря, однако, на этотъ основной промахъ его рисунка, мы найдемъ, что подробности его поразительно вѣрны и даютъ богатый, вполнѣ точный историко-археологическій матеріалъ.

Въ томъ, что онъ называетъ устьемъ Днѣпра, слѣдуетъ видѣть устье лимана. Таковъ былъ общій взглядъ въ древности: какъ Arrian. Peripl. 31, такъ и Peripl. Anon. 87 отмѣчаютъ устье Днѣпра въ 60 стад. = 10,3 в. отъ острова Березани. Отыскивая этотъ пунктъ на картѣ, мы найдемъ опредѣленную нами уже на стр. 195 сл. точку между дер. Кинбурнъ и Очаковымъ. Провѣркою могутъ служить слова Страбона VII, 3, 17, по которымъ Ольвія отстоитъ отъ устья Борисѳена на 200 стад. = 34,6 в.: отъ найденнаго нами пункта до Ольвіи, дѣйствительно, 34,5 в. Что и Птолемей раздѣлялъ этотъ взглядъ, явствуетъ изъ полагаемаго имъ разстоянія Ордесса отъ устья Днѣпра (28,6 в.).

Отсюда на востокъ, на разстояніи 165,6 стад. = 28,6 в., лежитъ, по Птолемею, устье Гипаниса — Буга. Дѣйствительно, откладывая данное разстояніе въ указанномъ направленіи по берегу, мы получимъ именно ту точку, гдѣ береговая линія рѣзко загибаетъ къ бугскому лиману; здѣсь, слѣдовательно, полагалъ Птолемей устье Буга. Но онъ не зналъ даже, что Бугъ впадаетъ въ Днѣпровскій лиманъ, вслѣдствіе чего его Гипанисъ превратился въ незначительную рѣчку къ востоку отъ Днѣпра и не играетъ никакой роли, если онъ не повторяется въ правомъ притокѣ Днѣпра, о чемъ ниже. Птолемей упоминаетъ о Гипанисѣ лишь какъ-бы мимоходомъ, отмѣчая его устье — и только.

Произошло это, конечно, отъ того, что онъ, какъ всѣ древніе, за исключеніемъ Геродота IV, 18, 53 и Діона Хрисостома (въ началѣ 36 рѣчи), считалъ Ольвію лежащею на Днѣпрѣ. См. Strabo VII, 3, 17; Plin. IV, 12, 82; Arrian. Peripl. 31; Ammian. Marc. XXII, 8, 40; нѣсколько ближе къ истинѣ Scymn. 804 ss., Peripl. Anon. 86, Steph. Byzant. s. v. Βορυσθένης. Объ

этомъ, а также о другихъ названіяхъ Ольвіи: Olbiopolis, Βορυσθενίς и Miletopolis см. Латышева Изслѣдованія 23 ss., 33 ss.

Оставляя, пока, въ сторонѣ вопросъ, почему Птолемей невѣрно опредѣляетъ разстояніе отъ Ольвіи до устья Днѣпра (51,8 в. вм. 34,5), будемъ помнить лишь, что весь Днѣпровскій лиманъ и часть Бугскаго до Ольвіи включались какъ имъ, такъ и его предшественниками въ теченіе Борисѳена, и прослѣдимъ, прежде всего, города, лежащіе по этой рѣкѣ, насколько ихъ положеніе явствуетъ изъ показаній Птолемея.

Что тутъ дѣйствительно были греческія селенія, доказали уже археологическія находки.

Отъ Ольвіи на разстояніи 51,7 в. вверхъ по теченію Днѣпра лежитъ, по Птолемею, городъ Μητρόπολις. Если мы отложимъ это разстояніе на нашей картѣ, то 52-ая верста приведетъ насъ къ дер. Бѣлозеркѣ на берегу озера Бѣлаго, образуемаго теченіемъ Днѣпра, верстахъ въ 12 по прямой линіи на западъ отъ Херсона. Здѣсь, дѣйствительно, найдены слѣды древняго селенія, «каменная мостовая въ 5 футахъ ниже горизонта земли», и мѣстное преданіе гласитъ, что здѣсь стоялъ нѣкогда «городъ Бѣлозерка, построенный владѣтельницею другого города сего имени.... по взятіи Мамаемъ сего города». (Брунъ I, 232 прим.). Все это—несомнѣнные признаки древняго поселенія, и мы не затрудняемся отнести сюда, именно, Метрополисъ Птолемея. Названіе свое городъ могъ получить отъ лежащаго по близости, ок. нын. Станислава, знаменитаго храма «Матери боговъ», о которомъ говоритъ уже Геродотъ IV, 53: ἱρὸν Μητρός[1]). Что культъ этой богини существовалъ въ Ольвіи, доказывается надписью у Латышева Inscrpt. I, № 107, p. 138. Совпадаетъ-ли этотъ городъ, называемый такъ однимъ только Птолемеемъ и Steph. Byz. s. v., съ древнѣйшимъ Борисѳенисомъ, котораго Mela II, 1, 6, Iord. 5, 32, Geogr. Rav. IV, 3. V, 11 и Guid. Cosmogr. 105 строго

1) Таково, однако, чтеніе лишь трехъ рукописей ABC. Остальныя читаютъ Δήμητρος. Надпись, изданная Латышевымъ, вновь ставитъ на очередь вопросъ о томъ, которое изъ двухъ чтеній вѣрнѣе.

отличаютъ отъ Ольвіи—это вопросъ нерѣшимый, но, къ счастью, и не важный. За эту гипотезу Бруна II, 18 сл. говоритъ само названіе; предполагая, что этотъ городъ рано потерялъ свое значеніе, мы легко могли бы объяснить перенесеніе этого названія на болѣе счастливую Ольвію. Противъ нея говорятъ, однако, слова Геродота IV, 17. 18, что ольвійцы назывались Βορυσθενεῖται, а ихъ городъ Βορυσθενειτῶν ἐμπόριον, а также свидѣтельство Діона Хрисостома въ 36-ой рѣчи, гдѣ Ольвія «получила названіе отъ Борисѳена». Лучше будетъ, поэтому, отказаться отъ этой догадки и объяснить позднѣйшее различеніе двухъ городовъ у Мелы и друг. простымъ недоразумѣніемъ, вызваннымъ двойственностью наименованія одного и того-же города.

Метрополисъ Птолемея оказывается, слѣдовательно, въ дельтѣ Днѣпра между Херсономъ и устьемъ въ лиманъ. Какъ при Дунаѣ (см. выше стр. 184), такъ и здѣсь мы въ правѣ предположить, что дельта эта въ началѣ нашей эры была гораздо меньше, чѣмъ теперь, т. е. что Метрополисъ лежалъ въ то время у самаго устья. И невольно напрашивается на умъ мысль, не полагалъ-ли одинъ изъ неизвѣстныхъ намъ источниковъ Птолемея *здѣсь*, именно, устье Борисѳена? Отсюда до Ольвіи, какъ мы уже знаемъ, 52 версты, а по Птолемею отъ Ольвіи до устья Борисѳена 51,7 в., Попыткою примирить этотъ фактъ съ данными прочихъ источниковъ очень легко объяснилась бы странная ошибка, допущенная нашимъ географомъ при опредѣленіи разстоянія этого города отъ устья Днѣпра; ошибка тѣмъ болѣе непонятная, что Ольвія принадлежала къ самымъ извѣстнымъ и наиболѣе посѣщавшимся пунктамъ сѣвернаго Черноморья.

Напрасно Брунъ II, 18 говоритъ, что Метрополисъ лежалъ по Птолемею III, 5 «при сліяніи обоихъ рукавовъ Борисѳенеса»: объ этомъ у нашего географа нѣтъ ни единаго слова, а сказано лишь (III, 5,15) что слѣдующій затѣмъ городъ Νίοσσον лежитъ на безъименномъ правомъ притокѣ Днѣпра. Если мы пройдемъ

теперь разстояніе, полагаемое Птолемеемъ отъ Метрополиса до Ніоссона, т. е. 31,5 в. то оно приведетъ насъ какъ разъ къ впаденію Ингульца въ Днѣпръ. Здѣсь, по соображеніямъ топографическимъ на лѣвомъ берегу Ингульца, близь нын. села Никольскаго, лежало, слѣдовательно, Νίοσσον, а споръ о пріуроченіи Птолемеева притока Днѣпра окончательно рѣшается въ пользу Ингульца.

Слѣдующій по Днѣпру городъ — Σέριμον, отстоящій отъ Ніоссона на 62,9 в.: разстояніе это приводитъ насъ къ кол. Мильгаузендорфъ, верстахъ въ 12 выше Бериславля, на правомъ берегу Днѣпра. Отсюда до устья Ингульца по Днѣпру ок. 60 в. Взглядъ на карту убѣдитъ насъ, что это мѣсто весьма выгодно для поселенія. Въ справедливости нашей догадки убѣждаетъ насъ и то обстоятельство, что именно здѣсь Днѣпръ круто поворачиваетъ на сѣверъ; на картѣ Птолемея Серимонъ лежитъ у крутого загиба Борисѳена.

За Серимономъ, на разстояніи 59,6 в. вверхъ по Днѣпру, слѣдуетъ городъ Σάρον: это либо нын. село Нижній Рогачикъ, у впаденія одноименнаго лѣваго притока въ Днѣпръ (58,5 в. отъ Мильгаузендорфа), либо нын. дер. Бабина, на семь верстъ выше. Не знаю, имѣются-ли здѣсь слѣды древняго селенія; на моей картѣ по близости деревни отмѣчено нѣсколько высокихъ кургановъ: изслѣдованіе ихъ окончательно рѣшитъ этотъ вопросъ. Что Саронъ, дѣйствительно, совпадаетъ съ дер. Бабиной, становится вѣроятнымъ еще потому, что и этотъ городъ лежитъ по Птолемею у рѣзкаго загиба Борисѳена: у Бабина Днѣпръ круто поворачиваетъ на востокъ. Допускаемая нами ошибка въ 6,1 верстъ, конечно, незначительна. Наконецъ, въ правильности этого пріуроченія окончательно убѣдятъ насъ дальнѣйшія данныя.

Выше Сарона, въ 21,6 в. отъ него, лежитъ городъ Ἀμάδοκα; отмѣряя это разстояніе на картѣ, мы должны пріурочить этотъ городъ къ такъ называемому Бѣлозерскому городку, близь нын. села Большой Знаменки между Бѣлозерскимъ лиманомъ и

Конкою; онъ отстоитъ отъ Бабина ровно на 22 в. Здѣсь еще теперь видны земляные окопы, каменная кладка и масса кирпича, а также найденъ рядъ богатыхъ золотыхъ предметовъ, погребальныя урны и т. д. Все это не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что тутъ, дѣйствительно, стоялъ нѣкогда греческій городъ. Планъ и описаніе его см. въ статьѣ Вертильяка, Зап. Од. Общ. Ист. и Др. IV (1858), стр. 143 сл. и таблица IV. Наконецъ, послѣдній городъ по Днѣпру, Ἀζαγάριον, отстоитъ отъ Амадоки на 14,4 в.; это разстояніе приводитъ насъ къ окрестностямъ Малой Знаменки, противъ Никополя, отстоящей отъ Большой Знаменки верстъ на 10, гдѣ также безъ всякаго сомнѣнія стоялъ греческій городъ. Тутъ еще теперь видны слѣды искусственныхъ каналовъ, водоемовъ и окоповъ, найдено не только рядъ погребеній, но и множество золотыхъ и другихъ предметовъ превосходной греческой работы. См. Уваровъ, Изслѣдованія 20 сcл., Терещенко, Очерки стр. 82 сcл. Намъ кажется, что, въ виду этихъ данныхъ, правильность нашего пріуроченія послѣднихъ двухъ городовъ не подлежитъ сомнѣнію, а этимъ, въ свою очередь, не только снова оправдывается наше довѣріе къ Птолемею, но и подтверждаются всѣ наши догадки относительно положенія городовъ между этими пунктами и устьемъ.

Чтобы закончить разборъ системы Днѣпра, намъ остается лишь еще остановиться на его правомъ притокѣ, которому Птолемей не даетъ особаго имени. Важенъ онъ потому, что и на немъ также лежитъ нѣсколько городовъ.

Мы могли уже убѣдиться выше, что Птолемей, отмѣчая его устье, несомнѣнно имѣлъ въ виду Ингулецъ. Послѣдній и теперь еще одна изъ самыхъ значительныхъ степныхъ рѣкъ (ср. Брунъ II, 15), а въ то время онъ, несомнѣнно, былъ еще гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Само по себѣ вполнѣ возможно, что на немъ, именно, стояли города Σάρβακον и Λήϊνον, отмѣчаемые Птолемеемъ. Принимая цѣликомъ его данныя, мы должны бы пріурочить Сарбаконъ, отстоящій отъ Ніоссона на 62,9 в., къ

окрестностямъ нын. Малой Александровки или, если считать всѣ изгибы рѣки, приблизительно къ впаденію Висуна въ Ингулецъ. Обѣ точки топографически весьма выгодны для поселенія. Λήϊνον (въ 59,6 в. отъ Сарбакона) пришлось бы помѣстить либо на мѣстѣ нын. Кривого Рога, при впаденіи Саксаганя, либо ок. нын. Загродовки на Ингульцѣ. А что касается озера Амадока, изъ котораго рѣка беретъ начало, то мы могли бы отожествить его съ болотистою долиною, которая образуется Ингульцемъ въ верхнемъ теченіи, или съ болотами повыше Александріи.

Но всѣ эти догадки кажутся намъ самимъ крайне невѣроятными. Насъ смущаетъ, прежде всего, тотъ фактъ, что по другому лѣвому притоку Днѣпра, по Бугу, на картѣ Птолемея не отмѣчено ни одного города. Между тѣмъ, Бугъ былъ, есть и останется рѣкою во сто разъ болѣе значительной, чѣмъ Ингулецъ. Неужели-же на немъ не было греческихъ поселеній, кромѣ Ольвіи? Конечно, это немыслимо. Мы должны предположить въ этой части Птолемеевой карты значительный пробѣлъ или-же допустить недоразумѣніе, въ силу котораго города, лежащіе по Бугу, перенесены имъ на другой притокъ Днѣпра, Ингулецъ. Послѣднее кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ. Что Ингулецъ, Геродотовъ Παντικάπης, часто смѣшивался съ Бугомъ, объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство Плинія IV, 12, 83: Quidam Panticapem confluere infra Olbiam cum Borysthene tradunt, diligentiores Hypanim.

Вотъ въ эту-то ошибку впалъ и Птолемей, превративъ Бугъ въ незначительную рѣчку на востокъ отъ Днѣпра. Онъ былъ введенъ въ нее цѣлымъ рядомъ совпаденій въ разстояніяхъ: Ингулецъ впадаетъ въ Днѣпръ въ 30 верстахъ отъ древняго устья у Метрополя; почти на томъ же разстояніи отъ устья Днѣпровскаго лимана (28,6 в.) впадаетъ въ него Бугъ; наконецъ, въ 30 верстахъ отъ Ольвіи въ Бугъ (Борисѳенъ) впадаетъ значительная рѣка Ингулъ. На основаніи всего этого, мы могли бы даже возстановить съ нѣкоторою вѣроятностью дан-

ныя источниковъ Птолемея, изъ комбинаціи которыхъ легко объяснились-бы всѣ сдѣланные имъ промахи, если только допустить высказанную нами уже выше догадку, что онъ нашелъ въ нихъ два различныхъ опредѣленія устья Днѣпра (лимана и рѣки).

Принимая это предположеніе, мы должны искать Сарбаконъ и Леинонъ, а можетъ быть и Ніоссонъ, на Бугѣ. Нельзя не замѣтить, что попытка пріуроченія ихъ приводитъ здѣсь къ результатамъ гораздо болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ при Ингульцѣ.

Ніоссонъ, въ 31,5 в. отъ Метрополиса, вѣрнѣе отъ Ольвіи (= Miletopolis), займетъ мѣсто нын. Николаева у впаденія Ингула (ок. 30 верстъ отъ Ольвіи); Сарбаконъ, въ 62,9 в. отсюда, придется отожествить съ нын. Вознесенскимъ [1]), однако, съ ошибкою въ 12,1 в.; наконецъ, Леинонъ совпадетъ съ Ольвіополемъ, отстоящимъ отъ Вознесенска по прямой линіи на 59,5 в. (по Птолемею отъ Сарбаконъ до Леинонъ 59,6 в.).

Озеро Амадока останется, въ такомъ случаѣ, необъясненнымъ. Но оно, можетъ быть, и не существовало вовсе, а представляетъ собою лишь результатъ теоретическаго взгляда, что всѣ значительныя рѣки берутъ начало либо изъ горъ, либо изъ озера. На это неоднократно указывалось изслѣдователями. Впрочемъ, можетъ быть, правъ Брунъ II, 26 сл., видя въ озерѣ, «матери Гипаниса», нижнее теченіе Кодыми, которая и теперь еще въ полую воду имѣетъ видъ обширнаго озера.

И такъ, въ вопросѣ о мѣстоположеніи Ніоссона, Сарбакона и Леинона мы не достигли вполнѣ яснаго, убѣдительнаго результата. Совпаденія взаимныхъ разстояній ихъ (62,9—59,6 в.) съ разстояніями между среднеднѣпровскими городами (Ніоссонъ 62,9 Серимонъ 59,6 Саронъ), уже сами по себѣ внушаютъ намъ нѣкоторое недовѣріе къ цифровымъ даннымъ относительно городовъ по притоку Днѣпра. Мы должны, поэтому, оставить

1) Такъ пріурочиваетъ Ніоссонъ и Сарбаконъ уже Брунъ II, 18 сл. прим.

этотъ вопросъ открытымъ, указавъ лишь наиболѣе вѣроятное его рѣшеніе. Нужно надѣяться, что археологическія находки дадутъ со временемъ окончательный отвѣтъ.

Мы переходимъ теперь къ послѣдней части нашей ближайшей задачи, къ разсмотрѣнію области, лежащей между нижнимъ Днѣпромъ, Сивашемъ и Азовскимъ моремъ. Край этотъ важенъ намъ потому, что и здѣсь также Птолемей называетъ въ глубинѣ степей шесть, а по берегу 4, т. е. всего 10 городовъ, изъ которыхъ только 2 извѣстны другимъ писателямъ (Navarum Carcine Plin. IV, 12, 84; Καρκινῖτις Herod. IV, 55. 99, Steph. Byz. s. v. со словъ Гекатея).

Всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки географическаго пріуроченія послѣднихъ двухъ пунктовъ должны считаться вполнѣ неудачными, а остальныхъ городовъ изслѣдователи вовсе и не касались, не съумѣвъ воспользоваться богатыми и точными данными Птолемея. Мы увидимъ, что именно эти данныя проливаютъ неожиданный свѣтъ на прошлое этого края, важнаго уже потому, что здѣсь, вѣроятно, нужно искать страну Герросъ, гдѣ хоронились скиѳскіе цари.

Рисунокъ береговой линіи отъ Днѣпра до Перекопа у Птолемея совершенно невѣренъ: полуостровъ, кончающійся Ахилловымъ Бѣгомъ, растянутъ на югъ верстъ на 45. Я могу объяснить себѣ эту ошибку только тѣмъ, что ломанная линія западнаго берега полуострова, по недоразумѣнію, вытянута въ прямую [1]), и эта ошибка не была исправлена рисункомъ восточнаго берега потому, что моряки очень рѣдко причаливали къ этому негостепріимному берегу: Каркинитскій заливъ очень неглубокъ, и уже въ этомъ отношеніи представлялъ мореплавателямъ большія затрудненія (Neumann 365 s.); притомъ береговая линія его не имѣетъ ни одной удобной гавани, и значительныхъ греческихъ поселеній тутъ не было. Вотъ почему моряки, обо-

1) См. мою замѣтку «Нѣсколько словъ о Ὑλαία и Ἀχιλλέως δρόμος» въ Commentationes Philologicae. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго. Спб. 1897, стр. 108.

гнувъ Таврическій полуостровъ, направлялись изъ Καλὸς λιμὴν (Акмечеть) прямо къ восточной оконечности Ахиллова Бѣга, минуя заливъ (Arrian. Peripl. 31, Peripl. Anon. 83). О самомъ заливѣ у нихъ были самыя неопредѣленныя представленія. По Страбону VII, 3, 19 онъ простирался къ сѣверу приблизительно на 1000 стадій =173 в., «но другіе, прибавляетъ Страбонъ, увѣряютъ, что до внутренняго угла залива втрое больше». Арріанъ вовсе не упоминаетъ о заливѣ, а Peripl. Anon. 83 утверждаетъ, что его окружность равнялась 2250 стад.=389,2 в. Птолемей же гораздо ближе къ истинѣ: разстояніе отъ восточной оконечности Ахиллова Бѣга до глубины залива равно у него приблиз. 87 верстамъ, что вполнѣ вѣрно, если только мы будемъ считать это разстояніе не по прямой, а по береговой линіи. Цифровыя данныя Птолемея вѣрны и для западнаго берега полуострова [1]).

Въ данный моментъ насъ интересуетъ, однако, не береговая линія, а глубь страны, гдѣ отмѣчены вышеупомянутые города.

Въ наше время пространство между Днѣпромъ и Молочной представляетъ собою глухую степь, не орошаемую ни одной хоть сколько-нибудь значительной рѣкой. Большихъ селеній тутъ очень мало, если не считать селъ по берегамъ Днѣпра, Конки и Молочной. Въ центральной части нѣтъ ни одного города, и одна лишь Сѣрогозская балка и ближайшія окрестности ея отличаются нѣсколько бóльшимъ оживленіемъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что это не всегда было такъ, и что гидрографическая картина края подверглась, въ теченіе вѣковъ, очень значительнымъ измѣненіямъ. Это доказывается, прежде всего, довольно значительнымъ количествомъ болотъ («падовъ»), разсѣянныхъ по всему интересующему насъ пространству и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [2]) образующихъ большія группы, которыя

1) См. объ этомъ вышеуказанную мою статью.

2) Между «Черной Долиной» и Сѣрогозской балкой, затѣмъ къ югу и, въ особенности, къ сѣверовостоку отъ послѣдней вокругъ села Гавриловки.

охватываютъ, съ незначительными промежутками, пространство въ десятки верстъ. Въ полую воду эти болота еще теперь сливаются между собою, образуя обширныя озера; въ древности, при бо́льшемъ количествѣ влаги, они несомнѣнно круглый годъ имѣли видъ озеръ.

Къ тому-же убѣжденію — о значительныхъ гидрографическихъ измѣненіяхъ — приводитъ насъ разсмотрѣніе многочисленныхъ, мѣстами очень широкихъ и глубокихъ балокъ, вдоль и поперекъ перерѣзывающихъ степь. Наиболѣе значительная изъ нихъ — Сѣрогозская балка — нами уже названа выше. Она, конечно, представляетъ собою русло древней рѣки, нѣкогда довольно значительной, бравшей начало въ Гавриловскихъ болотахъ, непосредственно примыкающихъ къ ней съ сѣвера. Рѣка эта, направляясь къ морю, дѣлила край на двѣ почти равныя части.

Наконецъ, о томъ-же единогласно свидѣтельствуютъ всѣ историческія данныя.

Эфоръ (Scymn. 850) зналъ о существованіи озеръ «по ту сторону Пантикапа», такъ какъ одна изъ скиѳскихъ народностей этого края, часть скиѳовъ номадовъ, называется имъ Λιμναῖοι, «озерянами».

Что именно здѣсь слѣдуетъ искать и рѣку Ὑπάκυρις, о которой говоритъ Геродотъ IV, 47. 55, въ этомъ, я думаю, всѣ изслѣдователи теперь согласны. Показанія отца исторіи такъ ясны, что можно только удивляться, какъ эту рѣку могли искать то въ Ингулѣ, то въ Ингульцѣ, то въ другихъ мѣстахъ. Одного города Καρκινῖτις, лежащаго, по Геродоту 55, у его устья, достаточно для опредѣленія послѣдняго. Каркинитскій заливъ, о которомъ упоминаетъ и Страбонъ VII, 3, 18, отожествляя его съ Тамиракскимъ и указывая его близость къ Перекопскому перешейку (καθ' ὅν ὁ ἰσθμὸς τῆς μεγάλης Χερρονήσου), можетъ совпадать только съ тѣмъ заливомъ, къ которому пріурочиваютъ это названіе и наши карты, т. е. съ заливомъ, лежащимъ между сѣверозападнымъ берегомъ Крыма, Перекопскимъ перешейкомъ

и южнымъ берегомъ интересующей насъ степи до Ахиллова Бѣга. Это подтверждается и анонимнымъ периплом § 83, по которому κόλπος Καρκινίτης начинается за Прекрасною Гаванью и простирается до Тамираки. Напрасно Брунъ II, 7 сл. и другіе изслѣдователи смѣшиваютъ Καρκινῖτις съ крымскимъ городомъ Κερκινῖτις или Κορονῖτις Arrian. peripl. 31, Peripl. Anon. 83, Crichiniri и т. д. итальянскихъ картъ. Послѣдній городъ совершенно вѣрно пріуроченъ Бруномъ въ указанномъ мѣстѣ къ Донгуславскому озеру, верстахъ въ 25 къ сѣверозападу отъ Евпаторіи [1]). Эту догадку высказалъ впервые Бурачковъ въ Зап. Од. Общ. IX. 122 сл. Но этотъ городъ Κορονῖτις — Κερκινῖτις съ Геродотовымъ Каркинитисомъ ничего общаго не имѣетъ. Слова Геродота IV, 99 истолкованы Бруномъ l. c. явно невѣрно. Даже имена не вполнѣ тожественны, и анонимный авторъ перипла l. c. совершенно правильно отличаетъ, по формѣ именъ, гор. Κορονῖτις ἤτοι Κερκινῖτις отъ Каркинитскаго залива за Прекрасною Гаванью.

И такъ, устье Гипакиря нужно искать по берегу между таврическимъ перешейкомъ и Ахилловымъ Бѣгомъ. А такъ какъ на этой линіи одинъ только Каланчакъ изливается въ море, то съ этой, именно, рѣкой мы и должны отожествить Гипакирь, какъ догадались уже Пейсонель и друг., ср. Брунъ II, 46. Каланчакъ дѣйствительно «протекаетъ среди земли скиѳовъ-номадовъ» и впадаетъ въ море, «оставляя вправо Гилею и Ахилловъ Бѣгъ» (Herod. IV, 55). Неяснымъ остается, пока, лишь «озеро», изъ котораго, по Геродоту, онъ беретъ начало. Брунъ II, 47 предлагалъ видѣть въ немъ Сивашъ или Гнилое озеро, точнѣе, ту часть его, которая называется Чокракскимъ лиманомъ: съ послѣднимъ еще теперь въ полую воду, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, сливается Каланчакъ.

---

1) Всю библіографію о Керкинитидѣ см. у Латышева, въ Матеріалахъ по Археологіи Россіи, издав. Императ. Археол. Комм. № 9 (1892) стр. 9 сл. См. теперь также статью Н. Ф. Романченка въ Зап. Импер. Русск. Археол. Общ. VIII, 1—2 (Труды Отдѣл. Русск. и Слав. Археол. I). Спб. 1896, стр. 219—235.

Но тогда Гипакирь превратился бы въ незначительную или, во всякомъ случаѣ, очень короткую степную рѣку. Между тѣмъ, Геродотъ IV, 47 называетъ его въ числѣ восьми наиболѣе значительныхъ рѣкъ Скиѳіи, да и все остальное, что онъ говоритъ о Гипакирѣ опровергаетъ догадку Бруна. Мы должны искать «озеро» въ другомъ мѣстѣ, и легко найдемъ его, если примемъ во вниманіе отмѣченное выше сочетаніе балокъ и болотъ нашей области.

Каланчакъ — нынѣ незначительная степная рѣчка — въ полую воду еще теперь «принимаетъ видъ значительной рѣки; тѣмъ болѣе она могла быть таковою въ дни Геродота». Отъ нынѣшнихъ его верховьевъ тянется широкая балка къ селу Чаплинкѣ, близъ котораго еще теперь видны остатки каменнаго моста (Брунъ II 46), очевидно, предполагающаго значительную рѣку. За селомъ балка идетъ все въ томъ-же направленіи до Чаплинскаго болота, входящаго въ составъ цѣлой группы болотистыхъ впадинъ, за которыми непосредственно начинается Сѣрогозская балка. Послѣдняя, безъ сомнѣнія, составляла часть теченія Гипакиря, а непосредственно примыкающая къ ней на сѣверовостокъ группа болотъ, имѣющая въ діаметрѣ ок. 25 верстъ, представляетъ собою именно то озеро, изъ котораго беретъ начало Геродотовъ Гипакирь.

Такимъ образомъ, на основаніи сличенія показаній Геродота съ современными намъ гидрографическими условіями края, мы уже приходимъ къ гипотезѣ, всесторонне удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ: не противорѣча даннымъ традиціи, она выясняетъ ихъ безъ остатка. Но мы можемъ пойти еще дальше и превратить ее въ доказанный фактъ, при помощи указаній Птолемея. — На картѣ послѣдняго (III, 5,2), на берегу моря, лежитъ гор. Тамирака Ταμυράκη, въ 19 в. отъ устья рѣки Καρκινίτης; вверхъ по этой рѣкѣ (III, 5,13), въ 23,6 вер. отъ устья, городъ Κάρκινα, затѣмъ — 60,9 в. — Τόροκκα — 14,4 в. — Πασυρίς — 7,1 вер. — Ἔρκαβον — 43,2 в. — Τρακάνα — 21,6 в. — Ναύαρον.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что рѣка Каркинитъ, въ

данномъ случаѣ, ничто иное, какъ Геродотовъ Гипакирь. Память о прежнемъ наименованіи сохранился въ имени гор. Πασυρίς вм. *Πακυρίς [1]). Ср. Plin. IV, 12,84: sinus Carcinites appellatur, flumen Pacyris, oppida Navarum, Carcine. Принимая устье Каланчака за исходный пунктъ нашихъ измѣреній, мы, прежде всего, замѣтимъ, что оно находится на разстояніи 124,5 вер. по прямой линіи отъ устья Днѣпровскаго лимана: по Птолемею, отъ устья Каркинита до устья Борисѳена ровно 124 вер.

Это, можетъ быть, случайное совпаденіе; неважно также и то, куда мы помѣстимъ Тамираку. Данныя Птолемея указываютъ на глубину Каржинскаго залива, близъ нын. дер. Емануиловки. Недалеко отъ этого пункта лежитъ маленькое озеро: дѣйствительно, по Arrian. Peripl. 31 «внутри Тамираки есть небольшое озеро».

Гораздо важнѣе для насъ города, лежащіе, по Птолемею, по теченію Каркинита—Гипакиря.

У самаго устья Каланчака еще теперь видны слѣды древняго города или укрѣпленія, называемаго татарами Кале-кучукъ, отъ котораго, по словамъ обывателей, получили названіе какъ рѣка Каланчакъ, такъ и одноименное селеніе въ 7 верстахъ выше по рѣкѣ (Брунъ II, 7.45). Въ этомъ Кале-кучукѣ нельзя не узнать Καρκινῖτις Геродота.

Въ эпоху Птолемея, здѣсь, однако, уже не было города, или Птолемей его не зналъ. *Его* городъ Каркина лежитъ на 23,6 вер. выше по рѣкѣ, т. е. тамъ именно, гдѣ еще теперь въ глухой степи видны остатки каменнаго моста (выше стр. 221), близъ с. Чаплинки, отстоящаго на 25 в. отъ устья Каланчака.

Если наше предположеніе о дальнѣйшемъ теченіи древняго Гипакиря вѣрно, то мы должны искать въ 60,9 в. отсюда вверхъ по рѣкѣ городъ Торокка; и дѣйствительно, въ указанномъ направленіи, приблиз. на 65 в. отъ Чаплинки, лежитъ сел. Торгаевка, въ имени которой еще теперь ясно слышится древнее

1) Рукопись X (Vaticanus 191) читаетъ Παγυρίς.

наименованіе. Торгаевка — лишь славянизированное, не славянское имя: селеніе это лежитъ у самаго входа балки—т. е. древней рѣчки — Торгай въ Сѣрогозскую балку, т. е. въ Гинакирь. Сохраненіе древняго имени, въ данномъ случаѣ, высоко знаменательный фактъ, свидѣтельствующій о непрерывной преемственности населенія этого края отъ сарматскихъ временъ вплоть до нашихъ дней.

14,4 в. выше Торокки лежитъ гор. Пакирисъ (Пасирисъ): это нын. Нижнія Сѣрогозы, центръ которыхъ отстоитъ на 13 в. отъ Торгаевки.

Дальше въ 7,1 в. Эркабонъ — Верхнія Сѣрогозы, въ 7 вер. отъ Нижнихъ.

Верстахъ въ 18 отсюда уже начинается озеро-болото, дающее начало Гипакирю. Если перебраться черезъ это озеро, то въ 42 в. отъ Верхнихъ Сѣрогозъ лежитъ обширное село Большая Бѣлозерка: это Птолемеевъ городъ Тракана, въ 43,2 вер. отъ Эркабонъ.

Наконецъ, Навaронъ (21,6 вер. отъ Тракана) должно совпадать съ нын. сел. Балки на Конкѣ отстоящимъ отъ Большой Бѣлозерки на 21 версту.

Если мы вспомнимъ о малочисленности селеній въ центральной полосѣ изслѣдуемаго края и о распредѣленіи ихъ въ разстояніяхъ, далеко не равныхъ между собою; если мы, затѣмъ, сравнимъ рядъ Птолемеевыхъ разстояній

23 — 60 — 14 — 7 — 43 — 21

съ тѣмъ, что еще теперь даетъ дѣйствительность:

25 — 65 — 13 — 7 — 42 — 21

то мы, конечно, исключимъ всякую мысль о случайности и сочтемъ нашу догадку о теченіи Гипакиря и о расположеніи по нему городовъ — доказанною въ полномъ ея объемѣ.

Тракана и Навaронъ лежатъ, повидимому, уже не на самомъ Гипакирѣ. Это нисколько не противорѣчитъ Птолемею, который

III, 5, 13 говоритъ о пріуроченныхъ нами городахъ лишь, что они μεσόγαιοι ἐν ταῖς ποταμίαις περὶ τὸν Καρκινίτην ποταμόν.

Вполнѣ возможно, впрочемъ, что подъ «озеромъ», дающимъ начало Гипакирю, слѣдуетъ видѣть то обширное, пересѣкаемое безчисленными протоками и озерами, болото, которое образуется здѣсь Конкою и Днѣпромъ, и извѣстно подъ названіемъ «Великаго Луга».

Здѣсь еще въ 1772 г. найдены остатки древняго селенія, между прочимъ «жилые мраморомъ выложенные покои» (Уваровъ, Изслѣдованія 25; Брунъ II, 64). Гдѣ именно сдѣлана эта находка, мы въ точности не знаемъ; но такъ какъ Чертковъ въ своемъ письмѣ (Брунъ l. c.) прибавляетъ, что камни и т. д. найдены «близъ Александровской и Никитинской крѣпости (нын. Никополя) на пространствѣ 30 верстъ... по направленію къ великимъ пескамъ», т. е. къ интересующимъ насъ степямъ, то мы, вѣроятно, въ правѣ отнести ее къ окрестностямъ того мѣста, къ которому мы, по указаніямъ Птолемея, пріурочили городъ Наваронъ. Можетъ быть, слова «на пространствѣ 30 верстъ» въ письмѣ Черткова должны быть поняты въ смыслѣ: «на разстояніи 30 верстъ»? Отъ Александровска до сел. Балки около 37 верстъ по прямой линіи. Весь Великій Лугъ имѣетъ въ длину около 70 верстъ, при 25 верстахъ наибольшей ширины. Ср. Эварницкій, Запорожье I, 268. Если бы слова Черткова относились къ окрестностямъ Малой Знаменки, какъ думалъ гр. Уваровъ и, кажется, Брунъ въ указанномъ мѣстѣ, то онъ, безъ сомнѣнія, выразился бы точнѣе: «близъ Никитинской крѣпости». Неточнымъ остаются только выраженія «между Кучукумомъ и Конскою», которыя могутъ быть отнесены къ любому пункту Великаго Луга.

Получивъ такіе ясные и, на нашъ взглядъ, убѣдительные результаты относительно Гипакиря и городовъ, по его теченію расположенныхъ, мы можемъ теперь, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, взяться за рѣшеніе наиболѣе спорнаго и наиболѣе важнаго, въ археологическомъ отношеніи, вопроса о рѣкѣ Гер-

росѣ и одноименной области, въ которой въ эпоху Геродота (IV, 71) хоронились скиѳскіе цари.

Птолемей и въ этомъ случаѣ также не допускаетъ никакихъ сомнѣній: рѣка Герросъ совпадаетъ съ нынѣшн. Молочной. Доказать это не трудно.

Въ 14,4 в. къ сѣверу отъ наиболѣе узкаго мѣста таврическаго перешейка (невѣрно имъ измѣреннаго) лежитъ по Птолемею III, 5, 4, на берегу Сиваша, Νέον Τεῖχος, которое нужно, слѣдовательно, искать въ самой глубинѣ залива, приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ дер. Перво-Константиновка, верстахъ въ 15 (по сушѣ) отъ Перекопа.

Отсюда 17,2 в. до устья рѣки Πασιάκης и 57,9 в. до города Λείανον. Такъ какъ Сивашъ несудоходенъ и никогда не былъ таковымъ (ср. Strabo VII, 4, 1), то мы, отмѣряя эти разстоянія на нашей картѣ, не должны принимать во вниманіе изгибы береговой линіи, а должны считать по сушѣ, приблизительно по линіи современной большой дороги, ведущей изъ Перекопа черезъ Перво-Константиновку и Громовку въ Геническъ. Нетрудно будетъ, въ такомъ случаѣ, установить тожество Пасіака съ незначительной, въ наше время, степной рѣчкой, впадающей въ Сивашъ около нын. Строгоновки, въ 17 в. отъ Перво-Константиновки (по Птолемею 17,2 в.). Городъ Лейанонъ нужно пріурочить къ пункту, теперь уже не имѣющему селенія, не доходя версты четыре до дер. Ново-Михайловки по указанной дорогѣ. Отсюда 57,9 в. до Перво-Константиновки (по Птолемею 57,9 в.) и 28,5 в. до Геническа, т. е. до устья Сиваша (Птол. 28,6 в. отъ Лейанонъ до устья Βύκου ποταμοῦ). Что Βύκης (λιμήν и ποταμός) совпадаетъ съ Сивашомъ, а его устье—съ Геническимъ проливомъ, извѣстно и по другимъ источникамъ, ср. Plin. IV, 12, 84. Данныя Птолемея, опредѣляющія разстояніе отъ Перекопа до Геническа въ 14,4+57,9+28,6=100,9 в., оказываются, слѣдовательно, вполнѣ точными.

Мы отнесемся, поэтому, съ довѣріемъ и къ наиболѣе важнымъ для насъ указаніямъ, непосредственно слѣдующимъ за этимъ.

Отъ Βύκου ποταμοῦ ἐκβολαί, т. е. Геническаго пролива, 17,1 в. до Ἄκρα πόλις, откуда 31,4 в. до Γέρρου ποταμοῦ ἐκβολαί.

Едва-ли Neumann 541 правъ, пріурочивая Ἄκρα къ нын. острову Бирючему[1]). Быстрое обмеленіе Азовскаго моря, указанное самимъ Нейманномъ 536 сл., внушаетъ намъ нѣкоторое сомнѣніе, существовалъ-ли этотъ островъ уже въ эпоху Птолемея. Мы, поэтому, скорѣе будемъ искать Акру на материкѣ въ 17,1 в. отъ Геническа, т. е. на берегу Утлюцкаго лимана. Для опредѣленія устья Герроса это, впрочемъ, безразлично: къ какому бы изъ этихъ двухъ пунктовъ мы ни пріурочили Акру, мы непремѣнно придемъ къ выводу, что Герросъ, устье котораго отстоитъ отъ Акры на 31,4 в., совпадаетъ съ Молочной.

Такимъ образомъ, мы, на основаніи вполнѣ точнаго матеріала, можемъ доказать правильность догадки, неоднократно уже высказывавшейся въ наукѣ.

Но, можетъ быть, этому результату противорѣчитъ то, что говоритъ о Герросѣ и одноименной ему области наиболѣе надежный изъ всѣхъ нашихъ источниковъ, Геродотъ? Съ нимъ однимъ намъ придется считаться, такъ какъ всѣ остальные (Scymn., Mela, Plin.) берутъ свои свѣдѣнія изъ его труда и не могутъ, въ данномъ случаѣ, играть роль самостоятельныхъ источниковъ.

Если Геродотовы данныя окажутся несогласными съ тѣмъ, что говоритъ Птолемей, то придется допустить либо, что Птолемеевъ Герросъ другая рѣка, т. е. что въ этихъ краяхъ существовали двѣ рѣки этого имени, либо, что въ изложеніе Геродота вкралась ошибка. Отнести послѣднюю на счетъ Птолемея мы-бы всетаки не могли, такъ какъ указанія этого географа, столь блестяще оправдавшаго наше довѣріе, слишкомъ ясны и опредѣленны.

Но намъ не придется прибѣгнуть къ такому смѣлому предположенію, смѣлому потому, что и у Геродота до сихъ поръ ни

1) Очевидно, что онъ имѣетъ въ виду этотъ островъ, говоря о «косѣ Федотова». Послѣднее названіе примѣняется теперь лишь къ узскому, часто заливаемому водою острову между селомъ Горѣлымъ и островомъ Бирючимъ.

одной ошибки не оказалось. Мы увидимъ, что показанія отца исторіи не только не противорѣчатъ нашему выводу, сдѣланному на основаніи словъ Птолемея, но во всѣхъ пунктахъ подтверждаютъ его.

Въ виду важности вопроса, позволимъ себѣ привести всѣ мѣста, гдѣ Геродотъ говоритъ о рѣкѣ и области Герросъ, in extenso.

IV, 19: Τὸ δὲ πρὸς τὴν ἠῶ τῶν γεωργῶν τούτων Σκυθέων διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμὸν νομάδες ἤδη Σκύθαι νέμονται... ψιλὴ δὲ δενδρέων ἡ πᾶσα αὕτη [γῆ] πλὴν τῆς Ὑλαίης. οἱ δὲ νομάδες οὗτοι τὸ πρὸς τὴν ἠῶ ἡμερέων τεσσέρων καὶ δέκα ὁδὸν νέμονται χώρην κατατείνουσαν ἐπὶ ποταμὸν Γέρρον. (20) πέρην δὲ τοῦ Γέρρου ταῦτα δὴ τὰ καλεύμενα βασιλήιά ἐστι καὶ Σκύθαι οἱ ἄριστοί τε καὶ πλεῖστοι.

IV, 47: Ἥ τε γῆ [Σκυθική] ἐοῦσα πεδιὰς αὕτη ποιώδης τε καὶ εὔυδρός ἐστι, ποταμοί τε δι' αὐτῆς ῥέουσι οὐ πολλῷ τεῳ ἀριθμὸν ἐλάσσονες τῶν ἐν Αἰγύπτῳ διωρύχων. ὅσοι δὲ ὀνομαστοί τέ εἰσι αὐτῶν καὶ προσπλωτοὶ ἀπὸ θαλάσσης, τούτους ὀνομανέω. Ἴστρος μὲν πεντάστομος, μετὰ δὲ Τύρης τε καὶ Ὕπανις καὶ Βορυσθένης καὶ Παντικάπης καὶ Ὑπάκυρις καὶ Γέρρος καὶ Τάναϊς.

IV, 53. Μέχρι μὲν νυν Γέρρου χώρου, ἐς τὸν τεσσεράκοντα ἡμερέων πλόος ἐστί, γινώσκεται [Βορυσθένης] ῥέων ἀπὸ βορέω ἀνέμου, τὸ δὲ κατύπερθε δι 'ὧν ῥέει ἀνθρώπων οὐδεὶς ἔχει φράσαι· φαίνεται δὲ ῥέων δι 'ἐρήμου ἐς τῶν γεωργῶν Σκυθέων τὴν χώρην· οὗτοι γὰρ οἱ Σκύθαι παρ' αὐτὸν ἐπὶ δέκα ἡμερέων πλόον νέμονται.

IV, 56: Ἕβδομος δὲ Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται μὲν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος κατὰ τοῦτο τῆς χώρης, ἐς ὃ γινώσκεται ὁ Βορυσθένης· ἀπέσχισται μέν νυν ἐκ τούτου τοῦ χώρου, οὔνομα δὲ ἔχει τό περ ὁ χῶρος αὐτός, Γέρρος, ῥέων δὲ ἐς θάλασσαν οὐρίζει τήν τε τῶν νομάδων χώρην καὶ τὴν τῶν βασιληίων Σκυθέων, ἐκδιδοῖ δὲ ἐς τὸν Ὑπάκυριν.

IV, 71: Ταφαὶ δὲ τῶν βασιλέων ἐν Γέρροισί εἰσι, ἐς ὃ ὁ Βορυσθένης ἐστὶ προσπλωτός.... ἐπεὰν.. πάντας περιέλθωσι τὸν νέκυν κομίζοντες, ἐν Γέρροισι ἔσχατα κατοικημένοισί εἰσι τῶν ἐθνέων τῶν ἄρχουσι καὶ ἐν τῇσι ταφῇσι.

Первый и основной вопросъ, отъ котораго зависитъ рѣшеніе всѣхъ остальныхъ, можетъ быть формулированъ такъ: до какого пункта Днѣпра доходили греки? По вышеприведеннымъ цитатамъ видно, что Геродотъ неоднократно пользуется этимъ пунктомъ при опредѣленіи географическаго положенія Герроса.

Мы уже получили отвѣтъ на этотъ вопросъ на основаніи данныхъ Птолемея, независимо отъ Геродота: крайнимъ греческимъ поселеніемъ вверхъ по Днѣпру [1]) оказался Навaронъ, на берегу «Великаго Луга»; послѣдній тянется почти до Александровска, гдѣ дѣйствительно прекращается судоходность Днѣпра. Дальше уже нѣтъ греческихъ селеній; иначе говоря, свѣдѣнія грековъ простираются только до этого мѣста.

Это всесторонне подтверждается словами Геродота.

Послѣдній ничего не зналъ о Днѣпровскихъ порогахъ, какъ неоднократно уже указывалось изслѣдователями (ср. напр. Neumann 211). Еслибъ онъ зналъ объ ихъ существованіи, то конечно не преминулъ бы упомянуть о нихъ при неоднократномъ сравненіи Борисѳена съ Ниломъ. Мы можемъ къ этому прибавить, что греки и послѣ Геродота не узнали о существованіи пороговъ. Такъ напр. Скимнъ, упомянувъ, что Борисѳенъ судоходенъ на пространствѣ около 40 дней пути, прибавляетъ 817 ss.: εἰς δὲ τοὺς ἄνω τόπους ἄπλωτός ἐστι κοὐ περάσιμος· ὑπὸ χιόνος γὰρ καὶ πάγων ἐξείργεται, т. е. причина дальнѣйшей несудоходности — снѣга и ледъ; о порогахъ опять — ни слова.

Геродотъ, отмѣчая IV, 18 распредѣленіе народовъ по Борисѳену, начиная отъ его устья, слѣдуетъ его теченію лишь на 14 дней пути. Если считать отъ устья Днѣпровскаго лимана [2]), принять во вниманіе многочисленные изгибы Днѣпра и помнить, что мы, вмѣстѣ съ Геродотомъ, идемъ *противъ* теченія Днѣпра, то мы поймемъ, что, проплывъ 14 дней, Геродотъ останавливается въ своемъ описаніи именно у Великаго Луга, т. е. тамъ,

1) Конка въ этомъ мѣстѣ представляетъ собою боковое русло Днѣпра.

2) Что такъ, именно, слѣдуетъ считать, доказывается тѣмъ, что Пантикапъ=Ингулецъ отстоитъ отъ устья Днѣпра на 3 дня пути, IV. 18.

гдѣ останавливается и Птолемей. За этимъ мѣстомъ, прибавляетъ Геродотъ, уже тянется пустыня.

Въ другомъ мѣстѣ, IV, 19 рѣчь идетъ о странѣ «которая лишена деревьевъ, за исключеніемъ Полѣсья». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра и что безлѣсная страна совпадаетъ съ областью Гипакиря [1]).

Здѣсь живутъ скиѳы-номады «διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμόν, т. е. «если перейти черезъ Ингулецъ». Это значитъ лишь, что путь изъ Ольвіи — исходнаго пункта почти всѣхъ Геродотовыхъ указаній — къ номадамъ пролегалъ черезъ Ингулецъ, а не черезъ Днѣпровскій лиманъ къ Кинбурнскому мысу. Это мы могли-бы предположить и по соображеніямъ чисто топографическимъ: на песчаной береговой линіи между Кинбурномъ и дельтой Днѣпра негдѣ было пристать греческому кораблю, греческимъ торговымъ караванамъ было гораздо удобнѣе пройти сухимъ путемъ до Ингульца и уже за нимъ (около Берислава?) переправиться черезъ Днѣпръ. Этимъ значительно сокращался путь по глухой степи и, перешедши черезъ Днѣпръ, караванъ оказывался гораздо ближе къ центру земли номадовъ — къ опредѣленнымъ нами городамъ по Гипакирю.

Въ той же главѣ Геродотъ говоритъ, что въ этой странѣ номады занимаютъ область на 14 дней пути до Герра: это тѣ самые 14 дней, которые извѣстны ему на правомъ берегу, тѣ самые 14 дней, о которыхъ онъ говоритъ въ предыдущей главѣ. Именно по этому направленію (сѣверо-восточному, отчасти прямо восточному), вдоль берега Днѣпра, считаетъ онъ, и если въ главѣ 18, проплывъ 14 дней, онъ останавливается у Великаго Луга, то и здѣсь, конечно, мы должны принять то-же самое: скиѳы номады занимаютъ степи по лѣвому берегу Днѣпра на 14 дней пути, т. е. отъ Кинбурнской Косы до Великаго Луга — до того

---

1) О Полѣсьѣ, примыкающемъ къ безлѣсной степи на западѣ, см. нашу статью, указанную выше.

мѣста, гдѣ прекращаются греческія селенія и гдѣ къ Днѣпру примыкаетъ Герросъ.

Въ главѣ 53 говорится, что до земли Герросъ по Днѣпру сорокъ дней пути. Но тутъ, конечно, исходный пунктъ счета не устье Днѣпра, а предполагаемый на далекомъ сѣверѣ источникъ его. Большинство изслѣдователей стараются выйти изъ затрудненія при помощи предположенія, что въ текстъ Геродота вкралась описка τεσσεράκοντα вм. τεσσέρων καὶ δέκα ἡμερέων, и думаютъ, что здѣсь повторяется лишь указаніе на ту часть нижняго теченія, которая была извѣстна грекамъ. Но это предположеніе прямо невозможно.

Къ чему было Геродоту повторять лишній разъ указаніе, данное уже дважды: для праваго берега въ главѣ 18-ой, для лѣваго въ 19-ой? При томъ же непосредственно за этимъ онъ прибавляетъ, для большей ясности, что за этимъ пунктомъ, т. е., очевидно, внизъ по теченію, на 10 дней пути живутъ скиѳы земледѣльцы. Неужели-же онъ въ одной главѣ сталъ бы дважды говорить объ одномъ и томъ пространствѣ? Въ главахъ 18 и 19 онъ имѣетъ въ виду лишь ту часть Борисѳена, которая была извѣстна грекамъ, т. е. посѣщалась ими. Здѣсь, въ главѣ 53, онъ имѣетъ въ виду *весь* Днѣпръ и счелъ, поэтому, нужнымъ, сказать два слова и о верхнемъ его теченіи, хотя народы, черезъ земли которыхъ верхній Днѣпръ протекаетъ, ему неизвѣстны. Правъ-ли онъ, считая именно 40 дней пути до намѣченнаго пункта — это совершенно безразлично: Геродотъ хотѣлъ дать лишь приблизительное представленіе о длинѣ Борисѳена.

Противъ вышеозначенной поправки, предлагаемой большинствомъ ученыхъ, говоритъ и то, что Скимнъ (выше стр. 228) и Мела II, 1 также упоминаютъ о сорокадневномъ плаваніи по Борисѳену. Правда, оба писателя, взявъ свои свѣдѣнія изъ Геродота, поняли его превратно, какъ большинство новѣйшихъ ученыхъ, думая, что исходный пунктъ счета — устье Днѣпра. Но ихъ слова, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что уже въ тѣхъ

текстахъ Геродота, которыми они пользовались, упоминалось именно о сорока дняхъ. Ср. Брунъ II, 73.

Наконецъ, и построеніе всей фразы Геродота требуетъ именно предлагаемаго нами толкованія. Слова μέχρι μέν νυν Γέρρου χώρου, ἐς τόν τεσσεράκοντα ἡμερέων πλόος ἐστι, γινώσκεται ῥέων ἀπὸ βορέω ἀνέμου и т. д.—могутъ быть переведены только такъ: «извѣстно, что онъ течетъ съ сѣвера до Герра на 40 дней пути, а черезъ чьи земли онъ протекаетъ—неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ входитъ въ страну земледѣльцевъ, прошедши черезъ пустыню».

И такъ, область Герросъ примыкаетъ къ Днѣпру около Великаго Луга. Остается, слѣдовательно, только рѣшить, съ какой стороны.

Отвѣтъ дадутъ указанія Геродота о рѣкѣ Герросъ. Послѣдняя отдѣляетъ номадовъ отъ царскихъ скиѳовъ (гл. 56). Такъ какъ кочевья номадовъ занимаютъ степи на лѣвомъ берегу Днѣпра, то здѣсь нужно искать и Герросъ; а такъ какъ сюда, именно, пріурочиваетъ его и Птолемей, то этого, въ сущности, достаточно, для окончательнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса.

Геродотъ даетъ, однако, еще болѣе точныя указанія.

Молочная въ верхнемъ своемъ теченіи довольно близко подходитъ къ Днѣпру близъ Великаго Луга. Это-же, именно, говоритъ и Геродотъ въ 56-ой главѣ: Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος κατὰ τοῦτο τῆς χώρης, ἐς ὃ γινώσκεται ὁ Βορυσθένης: «Герросъ *отдѣленъ* (ἀπέσχισται, а не ἀποσχίζεται!) отъ Борисѳена въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѳенъ (намъ) извѣстенъ». Для большей ясности та-же мысль повторяется тутъ-же еще разъ: «ἀπέσχισται μέν νυν ἐκ τούτου τοῦ χώρου, οὔνομα δὲ ἔχει τό περ ὁ χῶρος αὐτός, Γέρρος»: передъ ἐκ тутъ, по смыслу, подразумѣвается «ῥέων», и мы получаемъ переводъ: «онъ отдѣленъ, вытекая изъ той-же страны (которою онъ отдѣляется отъ Борисѳена), и имя онъ носитъ то́-же, что и страна (дающая ему начало), т. е. Герросъ».

Глава 56 заканчивается, однако, словами, которыя никакъ

Недалеко (31,4 в.) отъ устья Герроса лежитъ, по Птолемею III, 5, 4 городъ Ἄκρα. Не стояло-ли въ текстѣ Геродота первоначальнаго ἐκδιδοῖ δὲ ἐς αὐτὴν (scil. θάλασσαν) ὑπ' Ἄκρᾳ «подъ Акрой»? Предполагая это, мы получаемъ безукоризненный оборотъ рѣчи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко объяснимъ описку [1]). А что Геродотъ *могъ* знать о существованіи Акры, т. е. что онъ имѣлъ свѣдѣнія объ этой части азовскаго побережья, доказывается упоминаніемъ гор. Κρημνοί въ главахъ 20 и 110 (см. ниже).

Вѣрна-ли предлагаемая поправка, или нѣтъ—тожество Герроса съ Молочной остается, тѣмъ не менѣе, обезпеченнымъ, а этимъ окончательно рѣшается и вопросъ о странѣ, одноименной этой рѣкѣ: страна Герросъ, отдѣляющая рѣку отъ Борисѳена, должна быть область къ сѣверу отъ верховьевъ Гипакиря, между Великимъ Лугомъ, верхней Молочной и средней Конкой. Можетъ быть, она простиралась еще нѣсколько дальше по верховьямъ послѣдней рѣки, но ни по ту ни по другую сторону ея она не доходила до моря, такъ какъ ни гор. Каркинитъ, ни гор. Кремны не лежатъ уже въ области Герросъ.

Что предполагаемый нами Герросъ усѣянъ курганами — и притомъ весьма значительными, — въ этомъ убѣждаетъ насъ взглядъ на подробную карту, помимо разсказовъ путешественниковъ, напр. гр. Потоцкаго. Этотъ фактъ, самъ по себѣ, конечно, ничего не доказываетъ, такъ какъ и другія мѣстности нашей степной полосы имѣютъ не меньше кургановъ. Но изслѣдованіе ихъ не дало еще ни одного погребенія Геродотовой поры (см. выше стр. 77 прим.), тогда какъ нашъ Герросъ представляетъ собою, въ археологическомъ отношеніи, почти еще нетронутую почву. Мы убѣждены, что заступъ археолога откроетъ именно здѣсь могилы царей, владѣвшихъ южнорусскими степями въ эпоху Геродота.

Судя по картѣ, область между средней Конкой и Молочной можетъ быть названа гористою въ сравненіи съ окружающими

---

1) Намекъ на возможность такого объясненія есть уже у Müller'a 417 not.

степями. Не находится-ли имя Γέρρος въ связи съ авест. gairi, санскр. giri «гора»?

Рѣшая вопросъ о Герросѣ, мы оставили въ сторонѣ одно замѣчаніе Геродота, какъ маловажное. Ради полноты, упомянемъ о немъ здѣсь.

Геродотъ IV, 71 говоритъ, что Герры — крайняя изъ подвластныхъ царскимъ скиѳамъ народностей: ἔσχατα κατοικημένοι τῶν ἐθνέων τῶν ἄρχουσι. Эта фраза могла бы насъ нѣсколько смутить, еслибъ въ той-же главѣ не было и обычнаго пріурочeнія Герровъ къ тому мѣсту, до котораго судоходенъ Борисѳенъ. Чтобы понять слово ἔσχατα, намъ стоитъ лишь стать на точку зрѣнія ольвійскаго грека: отсюда герры дѣйствительно окажутся *«крайнимъ* изъ *подвластныхъ»* царскимъ скиѳамъ народовъ, такъ какъ непосредственно за этой землей начинаются уже кочевья самихъ царскихъ скиѳовъ, а другіе ихъ сосѣди на сѣверѣ и востокѣ (меланхлены, будины, савроматы) имъ не подвластны.

Иначе говоря, Геродотъ выражаетъ этимъ лишь мысль, которую онъ выразилъ уже въ главѣ 20 и затѣмъ повторяетъ еще разъ въ главѣ 56: что земля царскихъ скиѳовъ тянется съ востока до Герра, а по сю сторону этой рѣки, вплоть до Дуная, живутъ уже другія скиѳскія народности, подвластныя «царскимъ». Объѣхавъ, по смерти царя, съ трупомъ послѣдняго всѣ народы, которыми владѣлъ покойный, они, на обратномъ пути, останавливаются въ области послѣдняго изъ нихъ, непосредственно передъ границей собственныхъ владѣній: это и есть страна Герросъ; здѣсь — могилы ихъ царей.

Подводя итогъ подъ всѣ наши разсужденія о Герросѣ, мы сдѣлаемъ это всего лучше въ формѣ перевода тѣхъ мѣстъ Геродотова изложенія, которыя были приведены нами выше.

IV, 19: Если перейти черезъ Ингулецъ, то къ востоку отъ скиѳовъ-земледѣльцевъ живутъ скиѳы номады...; вся страна ихъ лишена деревьевъ, за исключеніемъ Полѣсья. А номады эти занимаютъ по направленію къ востоку [по Днѣпру] область на 14

дней пути, которая простирается до рѣки Молочной. (20) А по ту сторону Молочной находятся такъ называемыя царскія владѣнія и [тамъ обитаютъ] самые благородные и многочисленные скиѳы [т. е. царскіе].

IV, 47. Вся земля [скиѳская], будучи равниной, богата травою и обильна водою, и рѣки черезъ нее протекаютъ, по числу лишь немногимъ уступающія египетскимъ каналамъ. Я назову [только] тѣ изъ нихъ, которыя [самыя] славныя и доступны плаванію съ моря: Дунай пятиустный, затѣмъ Днѣстръ и Бугъ и Днѣпръ и Ингулецъ и Каланчакъ и Молочная и Донъ.

IV, 53. Извѣстно, что Днѣпръ течетъ съ сѣвера на 40 дней пути до страны Герросъ, а черезъ какія земли онъ выше [Герра] протекаетъ, никто сказать не можетъ; извѣстно [лишь], что онъ входитъ въ область скиѳовъ земледѣльцевъ, [прошедши] черезъ пустыню. Эти-же скиѳы [земледѣльцы] живутъ по его теченію [ниже страны Герросъ] на 10 дней пути.

IV, 56. Седьмая-же [рѣка Скиѳіи] Молочная отдѣлена отъ Днѣпра въ томъ мѣстѣ, до котораго [намъ] извѣстенъ Днѣпръ. Она отдѣлена [вытекая] изъ той-же страны [которая ее отдѣляетъ отъ Днѣпра], и имя она носитъ тó-же, что и страна [которая даетъ ей начало]; теча въ море, она отдѣляетъ землю номадовъ отъ [области] царскихъ скиѳовъ, впадаетъ же она въ него [т. е. въ море] подъ [городомъ] Акрой.

IV, 71. Гробницы-же царей находятся въ землѣ герровъ, до которой Днѣпръ судоходенъ... Когда [скиѳы, сопровождающіе печальную колесницу] объѣдутъ всѣхъ [подвластныхъ имъ], везя съ собою трупъ [царя], то они оказываются [наконецъ] у герровъ, самаго послѣдняго изъ подвластныхъ имъ народовъ, и у [находящихся тамъ царскихъ] могилъ.

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ.

Вдаваться въ разборъ сѣвернаго побережья Азовскаго моря мы не станемъ: это было бы совершенно безполезный трудъ. Примирить показанія древнихъ о Мэотидѣ съ современной кар-

тиной Азовскаго моря, нѣтъ никакой возможности, по двумъ причинамъ.

Во первыхъ, быстрое обмеленіе этого моря приводитъ еще теперь, на нашихъ глазахъ, къ значительнымъ и очень замѣтнымъ измѣненіямъ береговой линіи, особенно въ сѣверо-восточной части ея. Это явленіе было замѣчено уже древними, такъ что напр. Аристотель Meteorol. I, 14, 29 предвидитъ то время, когда Мэотида исчезнетъ, и Донъ будетъ впадать непосредственно въ Черное море. Но мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить размѣры измѣненій, происшедшихъ со временъ грековъ до нашихъ дней.

Во вторыхъ, Мэотида вообще мало посѣщалась греками: плаваніе по ней представляло слишкомъ большія опасности и трудности, которыя не искупались торговыми выгодами. Торговля съ номадами и царскими скиѳами велась, повидимому, сухимъ путемъ изъ Ольвіи и Керчи. Осѣдлаго населенія, въ области котораго, ради поддержки непрерывныхъ сношеній, стоило строить эмпоріи, не было ни на сѣверномъ, ни — еще менѣе — на южномъ побережьѣ. Лишь одинъ пунктъ, устье судоходнаго Дона, представлялъ въ этомъ отношеніи большія выгоды, такъ какъ Донъ соединялъ бассейнъ Средиземнаго Моря съ системой Волги и съ Ураломъ: здѣсь, дѣйствительно, греки основали городъ, достигшій высокой степени благосостоянія и могущества. Остальныя-же части берега не были заселены греками. Страбонъ VII, 4, 5 прямо называетъ европейскій берегъ пустыннымъ: οὗτος μὲν οὖν ὁ παράπλους ἔρημος πᾶς ὁ παρὰ τὴν Εὐρώπην. Намъ кажется, поэтому, что Neumann 537 сл. правъ, думая, что этотъ берегъ посѣщался лишь рыбаками въ извѣстныя времена года, и что цѣлямъ рыболовства служили и тѣ немногіе пункты, которыхъ называетъ Птолемей. Ср. названіе одного изъ нихъ: Ἄλσος Ἁλίευμα Θεοῦ III, 5, 4. Болѣе значительнымъ поселеніемъ былъ, повидимому, только городъ Κρημνοί, о которомъ упоминаетъ уже Геродотъ IV, 20. 110, какъ о городѣ, лежащемъ въ землѣ свободныхъ, т. е. царскихъ скиѳовъ. По Птоле-

мею, онъ отстоитъ на 84,1 вер. отъ устья Молочной, т. е. его нужно искать около нын. Ногайска. Что до этого пункта, по крайней мѣрѣ, указанія Птолемея вѣрны, доказывается тѣмъ, что отъ Кремновъ въ 28,8 в. къ востоку на его картѣ выдвигается въ море значительный мысъ Ἄγαρον ἄκρον: въ 30 в. отъ Ногайска на востокъ, дѣйствительно, выдвигается очень широкій Бердянскій мысъ.

Но дальше на востокъ все невѣрно, т. е. растянуто вдвое противъ дѣйствительныхъ разстояній.

По изложеннымъ уже причинамъ, географы Греціи и Рима имѣли очень невѣрныя представленія о протяженіи Мэотиды. Правда, древнѣйшее изъ нихъ — будто Мэотида сливается на далекомъ сѣверѣ съ безграничнымъ океаномъ, рано было исправлено: уже Геродотъ зналъ, что она имѣетъ только одно устье — у Киммерійскаго Боспора, но онъ думалъ, что она лишь немногимъ меньше Чернаго Моря (IV, 86). Другія данныя собраны между прочимъ Neumann'омъ 535.

Единственный писатель древности, который даетъ почти точное свѣдѣніе о длинѣ Мэотиды, это — Плиній II, 108, 245: отъ устья Мэотиды до устья Дона онъ считаетъ 266 тыс. шаговъ= 2128 стад.=368,1 в. [1]). Это почти вѣрно, если считать не по прямой линіи (около 300 верстъ отъ Керчи до Ростова на Дону, близъ котораго находилась древняя Танаида), а принять во вниманіе объѣздъ Долгой Косы (около 340 в.). Близокъ къ истинѣ и Страбонъ VII, 4, 5, считая отъ Парѳенія (у входа въ Боспоръ) до Танаиды 2200 стад.=380,6 в.

Но Птолемей почему-то не принялъ этихъ данныхъ, а предпочелъ имъ болѣе древнія, но менѣе точныя цифры: разстояніе отъ Пантикапея до города Танаиды на его картѣ равно 609,2 в., отъ Парѳенія до того-же пункта 564,9 в. А если мы примемъ во вниманіе нашъ выводъ, что до Бердянской косы его счетъ

---

1) Но у него-же IV, 12, 78 то-же самое разстояніе равно 375 mil. pass. =3000 стад.=519 в.

вѣренъ, то ошибка окажется еще болѣе значительною: отъ Ἄγαρον ἄκρον до Танаиды по его счету 487 в., тогда какъ въ дѣйствительности отъ Бердянской косы до Ростова на Дону около 215 верстъ.

Отсюда ясно, что мы должны отказаться отъ точнаго пріуроченія отмѣченныхъ у Птолемея по этому берегу пунктовъ. Относительныя разстоянія между ними даютъ намъ лишь возможность угадать приблизительное ихъ положеніе.

Намъ кажется вѣроятнымъ, что Ἄγαρος ποταμός совпадаетъ съ нынѣшней Бердой, что Ἄλσος Ἁλίευμα Θεοῦ лежитъ въ бухтѣ подъ Бѣлосарайской косой. Можетъ быть, Λύκος ποταμός—нынѣшній Калміусъ, Ὑγρεῖς πόλις лежитъ близъ нынѣшней Кривой косы, Πόριτος ποταμός — нын. Міусъ. Наконецъ, возможно, что Καροία κώμη нужно искать около Таганрога. Такъ опредѣляютъ эти пункты большинство изслѣдователей, но прямыхъ доказательствъ въ пользу правильности этихъ опредѣленій мы привести не можемъ, такъ какъ одинъ только Птолемей называетъ искомые пункты, а его показанія явно невѣрны. Правда Appian. Mithrid. 88 называетъ Ἄγαροι σκυθικὸν ἔθνος; Dioscorid. III, 1 — сарматскую область Ἀγαρία; Плиній VI, 7,20 упоминаетъ о народности Cares близъ устьевъ Дона; но эти имена ничего намъ не даютъ, такъ какъ не сопровождаются болѣе точными географическими указаніями. А Геродотовы рѣки Λύκος, Ὄαρος, Σύργις, впадающія въ Мэотиду (IV, 123) и Ὕργις, притокъ Дона (IV, 57, ср. Ὑγρεῖς πόλις Ptol.) лишь затемняютъ вопросъ.

Подчиняясь хронологіи историческихъ извѣстій, мы начали разборъ Сарматіи съ юга. Между послѣднимъ и балтійскимъ побережьемъ — исходной точкой нашего изслѣдованія — лежитъ не только этнологическій, но и значительный хронологическій пробѣлъ, обнимающій около пяти столѣтій. Мы восполнили этотъ пробѣлъ, прослѣдивъ исторію степной этнологіи отъ начала тра-

диціи до того момента, когда приподнимается завѣса, покрывавшая сѣверъ.

Въ Черноморьѣ скиѳовъ замѣнили сарматы: ихъ кочевья занимаютъ широкую степную полосу надъ Понтомъ отъ Днѣстра до Каспія. Надъ ними, въ глуши средне-русскихъ лѣсовъ, тѣснятся финскія племена, къ которымъ на западѣ — повидимому, по всей линіи отъ степей до Финскаго залива — примыкаетъ славяно-балтійское племя.

Гдѣ проходитъ граница, отдѣлявшая здѣсь индоевропейскій міръ отъ финскаго?

Вполнѣ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только «языкъ земли», географическая номенклатура. Довѣріе къ номенклатурному методу изслѣдованія историко-этнологическихъ вопросовъ было недавно нѣсколько поколеблено у насъ работою Филевича (Исторія древней Руси, Варшава 1896). Дѣйствительно, книга эта страдаетъ нѣкоторыми существенными недостатками: прежде всего, сбивчивой и, отчасти, прямо невѣрной постановкой основнаго вопроса; затѣмъ, невѣрнымъ примѣненіемъ метода въ томъ смыслѣ, что онъ привлекается съ цѣлью доказать предвзятую мысль. Но, рядомъ съ этимъ, книга Филевича имѣетъ и свои очень важныя заслуги: она напомнила нашимъ историкамъ и этнологамъ о блестящей инціативѣ Надеждина, она энергично и краснорѣчиво указала на необходимость номенклатурныхъ изслѣдованій и, собравъ богатый матеріалъ, даже своими промахами доказала важность такихъ работъ. Если мы и не можемъ согласиться съ методическими пріемами и обусловленными ими выводами Филевича, то мы, тѣмъ не менѣе, примыкаемъ къ нему въ твердомъ убѣжденіи, что номенклатурнымъ работамъ принадлежитъ будущность русской историко-этнологической науки: онѣ однѣ нарисуютъ намъ ясную этнографическую карту древней Руси, онѣ однѣ дадутъ намъ возможность въ точности прослѣдить завоевательное и колонизаціонное движеніе русскихъ на сѣверъ, востокъ и югъ.

Первымъ и существеннѣйшимъ условіемъ успѣшнаго хода

такихъ работъ является полный географическій словарь Россіи — pium desiderium не однихъ только географовъ. До выполненія этой главной задачи лучше отложить всѣ номенклатурныя работы: онѣ дали бы только отрывочныя и, по существу, ненадежные выводы.

Намѣченная задача навязывается намъ современнымъ положеніемъ нашей науки съ непреодолимой силой. За какой историко-этнологическій вопросъ мы бы ни брались — всюду мы, въ концѣ концевъ, наталкиваемся на географическую номенклатуру и останавливаемся передъ неразгаданнымъ еще языкомъ земли. Историческій — въ узкомъ смыслѣ слова — матеріалъ болѣе или менѣе исчерпанъ; онъ, во всякомъ случаѣ, разработанъ настолько, что можетъ быть непосредственно примѣненъ къ рѣшенію вопросовъ номенклатуры. Мы уже имѣемъ нѣсколько хорошихъ примѣровъ успѣшной разработки номенклатурнаго матеріала въ связи съ исторіей соотвѣтствующаго края: вспомнимъ объ Очеркахъ русской исторической географіи Барсова (1873, [2]1885) и, въ особенности, о книгѣ Биленштейна (Die Grenzen des lettischen Volksstammes 1892). Но какъ ни полезны, какъ ни поучительны такого рода работы — онѣ отрывочны и неполны; ихъ выводы подлежатъ провѣркѣ, которую можетъ дать только полный географическій словарь.

Послѣдній долженъ быть построенъ на возможно широкомъ основаніи; въ него должны войти не только списки населенныхъ мѣстъ, но и названія урочищъ, пустошей, горъ и холмовъ, долинъ и балокъ, озеръ, болотъ, рѣкъ, ручейковъ и т. д. и т. д. И не только современную номенклатурную сѣть долженъ регистрировать онъ, но исчерпать, по возможности, также номенклатурные источники прошлаго.

Только въ такомъ видѣ географическій словарь послужитъ прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, неисчерпаемымъ источникомъ богатѣйшаго матеріала для географа, историка, этнолога, лингвиста.

Взяться за выполненіе этой задачи должны, прежде всего,

филологи-лингвисты, притомъ представители различнѣйшихъ отраслей лингвистическаго знанія, которые сообща выработаютъ подробный планъ какъ подготовительныхъ работъ, такъ и самого словаря. Не имѣемъ-ли мы право надѣяться, что наше высшее ученое учрежденіе пойдетъ па встрѣчу указанной потребности нашей науки, что недалеко то время, когда, подъ эгидою нашей Академіи Наукъ, осуществится завѣтная мечта всѣхъ насъ, работающихъ въ этой области?

Возвращаясь къ вопросу, который нами поставленъ выше, т. е. къ вопросу о границѣ, отдѣлявшей въ доисторическую эпоху финскій міръ отъ славяно-балтійскаго, намъ кажется, что вѣрное рѣшеніе его, въ общей формѣ, уже намѣчено немногими изслѣдованіями, имѣющимися въ нашей наукѣ.

Надеждину (Опытъ 53) принадлежитъ заслуга перваго указанія на то, что на югѣ границею служило теченіе Днѣпра: всѣ лѣвые притоки его, за исключеніемъ Десны, носятъ финскія названія, въ противуположность къ правымъ съ названіями чисто славянскими.

Послѣ него, Барсовъ въ своихъ Очеркахъ 54 прослѣдилъ, на основаніи номенклатурнаго матеріала, распространеніе финновъ на западъ до Смоленской губерніи включительно. Далѣе на сѣверъ, по направленію къ Ильменю и Чудскому озеру, слѣды пока теряются: ихъ выведетъ на свѣтъ географическій словарь. Всего вѣроятнѣе, что граница на всемъ своемъ протяженіи до степей совпадала, въ общемъ, съ меридіаномъ 0° Пулк. Между нимъ, Вислою и Карпатами мы ищемъ колыбель славянскаго міра. Единственно-мыслимую естественную границу славянской прародины на юго-западѣ составляютъ Лѣсныя Карпаты, за которыя славяне едва-ли заходили когда-нибудь въ доисторическое время.

Но когда во II в. до Р. Хр. прикарпатскій край освѣщается первыми лучами исторіи, то славянъ на Карпатахъ уже не было: они оттѣснены на востокъ, и мы, кажется, еще въ состояніи опредѣлить, въ общихъ очертаніяхъ, время и причины

этого передвиженія и установить, такимъ образомъ, terminus a quo исторіи славянскаго міра.

Геродотъ IV, 105 повѣствуетъ о томъ, что невры, въ которыхъ мы узнали предковъ славянъ, за одно поколѣніе до похода Дарія на скиѳовъ должны были покинуть свою страну, принужденные къ этому громаднымъ количествомъ змѣй, которыя отчасти народились въ ихъ-же землѣ, но, главнымъ образомъ, явились съ сѣвера, изъ пустынныхъ земель надъ ними (ἄνωθέν σφι ἐκ τῶν ἐρήμων ἐπέπεσον). Геродотъ прибавляетъ, что они двинулись на востокъ и поселились въ странѣ будиновъ (οἴκησαν μετὰ Βουδίνων).

Мы не имѣемъ права не довѣрять этому преданію, представляющемуся намъ въ столь опредѣленной, хотя и нѣсколько легендарной формѣ. Очистивъ его отъ фантастическихъ прикрасъ, мы получимъ крупный историческій фактъ, подтверждаемый побочными соображеніями.

Неоднократно въ наукѣ уже высказывался взглядъ, что въ змѣяхъ неврскаго преданія слѣдуетъ видѣть враговъ, напавшихъ на землю невровъ съ сѣвера. Мы присоединяемся къ этому мнѣнію и думаемъ, что на невровъ дѣйствительно произвели давленіе какіе-то сѣверные варвары, заставившіе часть ихъ покинуть родину.

Выселилась, однако, именно только часть, такъ какъ Геродотъ знаетъ еще главную массу народа надъ скиѳами оратаями въ области Припети, см. выше стр. 73.

Переселеніе шло на востокъ, «къ будинамъ», говоритъ Геродотъ. Но вѣдь страна будиновъ лежитъ далеко на востокѣ за Дономъ, по очень ясному опредѣленію того-же Геродота IV, 21. Чтобы добраться до нихъ, переселенцамъ неврамъ пришлось бы пройти разстояніе въ 800 слишкомъ верстъ, черезъ земли, занятыя иноплеменными народностями, андрофагами, меланхленами. Очевидно, что передъ нами какое-то недоразумѣніе: будины неврскаго преданія не могутъ совпадать съ будинами за Дономъ; первыхъ мы, безъ сомнѣнія, должны искать много за-

паднѣе и допустить, что географическій горизонтъ Геродота обнимаетъ двѣ народности этого наименованія.

Такое предположеніе, само по себѣ, вполнѣ возможно, если мы вспомнимъ о частомъ повтореніи однихъ и тѣхъ-же этническихъ названій въ предѣлахъ одной и той-же племенной группы. Въ данномъ же случаѣ оно до очевидности подтверждается разсказомъ Геродота о походѣ Дарія.

Дарій дошелъ, по преданію, до страны будиновъ (IV, 122 ss.), сжегъ ихъ деревянный городъ и достигъ, наконецъ, пустыни, лежащей надъ будинскою землею; здѣсь онъ расположился лагеремъ на берегу Оара-Волги и началъ строить 8 большихъ стѣнъ (τείχεα μεγάλα). Не окончивъ, однако, эту постройку, онъ вновь отправился въ погоню за скиѳами, прошелъ земли меланхленовъ, андрофаговъ и невровъ, пока, наконецъ (IV, 128), скиѳы не измѣнили свою тактику и, совершенно истощивъ персидское войско, не перешли къ наступленію. Съ трудомъ добрался Дарій до Истра, потерпѣвъ страшный уронъ.

Вся обстановка, въ которой происходитъ походъ, уже сама по себѣ внушаетъ намъ нѣкоторое недовѣріе къ разсказу Геродота; но въ легендарности его мы убѣждаемся вполнѣ, когда узнаемъ, что весь походъ длился не многимъ дольше двухъ мѣсяцевъ: Дарій находится уже на обратномъ пути, онъ уже успѣлъ пройти черезъ земли меланхленовъ, андрофаговъ и невровъ, — а, между тѣмъ, назначенный имъ іонійцамъ срокъ въ 60 дней еще не истекъ (c. 133), не смотря на то, что персидское войско состоитъ главнымъ образомъ изъ пѣхоты (c. 136: τοῦ Περσικοῦ... τοῦ πολλοῦ ἐόντος πεζοῦ στρατοῦ).

Несостоятельность разсказа Геродота давно уже была замѣчена въ наукѣ (Kolster, Müllenhoff DA III, 3 ss. и друг.). Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ, скиѳскимъ преданіемъ; весь вопросъ только въ томъ, какъ оно создалось. Мюлленгофъ l. c. 6 видитъ исходный пунктъ легенды въ томъ, что какіе нибудь поражавшіе своей величиной земляные валы близь Волги ставились въ связь

съ походомъ Дарія, т. е. сооруженіе ихъ стало приписываться этому царю, вслѣдствіе чего и возникла легенда о томъ, что Дарій дошелъ до Волги. Намъ думается, однако, что этого недостаточно: гораздо болѣе правдоподобный исходъ найдемъ мы, если допустимъ двойное пріуроченіе имени будиновъ, которое предполагается и преданіемъ о выселеніи невровъ. Страну западныхъ будиновъ мы должны искать близь Днѣпра, въ сосѣдствѣ съ Невридою. До Борисѳена Дарій могъ дойти въ указанный Геродотомъ промежутокъ времени; позднѣйшее-же скиѳское преданіе, замѣнивъ будиновъ западныхъ на Днѣпрѣ восточными за Дономъ, растянуло походъ персовъ до Волги.

Подобную-же гипотезу о двойственности локализаціи имени будиновъ предложилъ, для объясненія неврскаго преданія, уже Томашекъ 5. Невѣрна лишь его ссылка на Птолемея; для оправданія нашей гипотезы совершенно достаточно разсказа Геродота, въ особенности, если мы прибавимъ къ этому, что у Страбона VII, 3, 14 мѣсто дѣйствія Даріева похода — только «гетская пустыня» между Дунаемъ и Днѣстромъ: по Страбону Дарій не дошелъ даже до Днѣпра. Что-же касается Птолемея, то мы уже знаемъ, что его этнологическая картина центральной Сарматіи скомпанована настолько произвольно, что строить на ней какіе бы то ни было выводы представляется невозможнымъ. Форма Βωδινοί большинства рукописей (al. Βοδινοί) ничего не доказываетъ; это несомнѣнно тѣ-же будины Геродота.

Останавливаясь на днѣпровскихъ будинахъ, мы должны признать и въ нихъ также финскую народность, вслѣдствіе полнаго тожества ихъ имени съ несомнѣнно финскими будинами на востокѣ. Имѣя въ виду возможность производства ихъ имени отъ *wud «вода» (выше стр. 85), мы невольно вспоминаемъ о «рѣчной области», въ которой лежитъ «градъ Днѣпра», т. е. Кіевъ (ср. выше стр. 8), а эта «рѣчная» область несомнѣнно совпадаетъ съ «водною страною», Oium (готск. *Aujōm) Іордана IV, 27, которую занимаютъ пришедшіе съ сѣвера готы. Намъ придется подробно разобрать всѣ относящіяся сюда данныя въ

одной изъ послѣдующихъ частей нашего изслѣдованія; намъ подтвердится тогда высказанное впервые Вигфуссономъ и поддержанное Веселовскимъ мнѣніе, что «градъ Днѣпра» скандинавскаго преданія есть именно Кіевъ, и мы выяснимъ, что большая рѣка, черезъ которую должны были перейти готы (Iord. ibid.), можетъ быть только Днѣпромъ. Чтобы не отвлекаться въ сторону, мы довольствуемся указаніемъ на этотъ конечный выводъ и воспользуемся имъ для опредѣленія земли днѣпровскихъ будиновъ: ее слѣдуетъ искать на среднемъ Днѣпрѣ, притомъ на лѣвомъ его берегу, такъ какъ правый уже былъ въ рукахъ невровъ. Выселеніе послѣднихъ въ страну будиновъ означаетъ, слѣдовательно, лишь переходъ ихъ черезъ Днѣпръ, подъ Кіевомъ, въ область Десны.

Мы указали выше стр. 242, что изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра одна только Десна носитъ чисто славянское имя. Не указываетъ-ли и это обстоятельство на раннее заселеніе ея береговъ славянами? Въ именахъ притоковъ Десны вновь ясно выступаетъ финскій характеръ; въ одномъ изъ нихъ, именно въ Нерусѣ, впадающей въ Десну подъ Трубчевскомъ, прямо сохраняется память о древней мери. Это, конечно, не «не-русская рѣка», какъ понималъ ее Надеждинъ 54: переходъ *мер- въ Нер- здѣсь такой-же, какъ въ Нерской рѣчкѣ (на границѣ Владимірской и Рязанской губ.), которую лѣтопись подъ 1176 г. называетъ еще «Мерскою», ср. Барсовъ 54. Если наша догадка вѣрна, то поселенія невровъ на Деснѣ — эта первая по времени колонія славянъ внѣ древнѣйшей прародины — врѣзывались клиномъ въ сплошную финскую массу. Это могло бы также объяснить намъ, почему Геродотъ не упоминаетъ о нихъ.

Такъ какъ время этого передвиженія славянъ опредѣляется второю половиною VI вѣка, то остается спросить, чѣмъ оно могло быть вызвано.

Намъ кажется, что сопоставленіе фактовъ, намъ уже извѣстныхъ, дастъ удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Мы видимъ непосредственную причину выселенія части

невровъ въ появленіи бастарновъ по сю сторону Вислы и Карпатъ, относящемся приблизительно къ тому-же самому времени, ср. выше стр. 105. Во всякомъ случаѣ, бастарнами, именно, славяне были отодвинуты отъ своихъ естественныхъ границъ— Лѣсныхъ Карпатъ. Это доказывается не только приведеннымъ выше стр. 173 фактомъ заимствованія славянами имени Карпатъ въ германской формѣ *Harƀáp- (resp. *Horƀáp-), но еще болѣе тѣмъ, что славяне заимствовали у германцевъ-же обозначеніе для кельтовъ-волоховъ. Еслибы они, т. е. славяне, въ моментъ занятія сѣверной Венгріи кельтами, стояли еще на Карпатахъ, то они несомнѣнно имѣли бы свое туземно-славянское слово для обозначенія своихъ новыхъ сосѣдей. Этотъ-же фактъ лишній разъ доказываетъ, что бастарны заняли сѣверную Галицію до прихода кельтовъ. Можетъ быть, въ броженіи среди кельтовъ центральной Германіи, несомнѣнно значительно предшествовавшемъ великимъ завоевательнымъ движеніямъ ихъ на востокъ, слѣдуетъ видѣть конечную причину передвиженія бастарновъ, отразившагося на выселеніи невровъ-славянъ въ область Десны.

Переходя теперь на сѣверъ, къ берегамъ Балтійскаго моря, мы снова можемъ воспользоваться данными Птолемея, свѣдѣнія котораго и здѣсь также довольно точны, по крайней мѣрѣ поскольку они относятся къ географическимъ контурамъ края.

Береговая линія, идущая отъ Вислы на востокъ, совершенно правильно поворачиваетъ на сѣверъ у устья Хроноса — Нѣмана (см. первую карту). Данное нами на стр. 31 пріуроченіе птолемеевыхъ рѣкъ къ современной картѣ вполнѣ подтвердится, если мы примѣнимъ и здѣсь также расчетъ разстояній. Отъ Vistula до Chronos по Птолемею 241,7 верстъ. Если мы отъ устья Вислы (подъ Данцигомъ) пройдемъ по берегу на востокъ, то 242-ая верста приведетъ насъ къ устью Куришгафа, которое до извѣстной степени можетъ считаться устьемъ Нѣмана въ море. Полная точность вычисленія Птолемея, въ данномъ случаѣ, не

должна насъ удивлять: именно эта часть балтійскаго побережья, мѣсто добыванія янтаря, наиболѣе часто посѣщалась купцами съ юга. Послѣдніе проходили, однако, и дальше, что явствуетъ изъ дальнѣйшихъ данныхъ Птолемея.

Отъ Хроноса до Рудона 168,8 верстъ: подъ Рудономъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть Виндаву, отстоящую отъ устья Куришгафа приблизительно на 182 версты. Дальше на сѣверовостокъ въ 191,8 в. слѣдуетъ Turuntos = нынѣшняя Двина, устье которой находится приблизительно въ 205 верст. по берегу отъ Виндавы. Рижскаго залива Птолемей не отмѣчаетъ; его источники давали ему, очевидно, лишь разстоянія между устьями наиболѣе значительныхъ рѣкъ, по которымъ совершалась торговля съ внутренней страной.

Послѣдняя рѣка, извѣстная Птолемею на сѣверѣ,—Chesinos, въ 142,2 версты отъ Турунта: это нынѣшняя Пернава, устье которой отстоитъ отъ Двины на 145 верстъ. Географическія знанія древнихъ доходили, слѣдовательно, до Эстляндіи.

Приступая теперь къ выясненію этнологіи прибалтійскаго края, мы стоимъ передъ однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской этнологіи вообще. Онъ интересуетъ насъ, однако, не во всемъ своемъ объемѣ, и мы можемъ ограничиться опредѣленіемъ общаго географическаго отношенія славяно-балтійцевъ къ финскому міру съ одной, къ германцамъ съ другой стороны.

На первый изъ этихъ вопросовъ Биленштейнъ въ своей образцовой работѣ, о которой мы упомянули выше стр. 241, уже далъ вполнѣ убѣдительный отвѣтъ, окончательно доказавъ хронологическое первенство индоевропейскихъ айстовъ передъ финнами въ интересующемъ насъ краѣ (стр. 348 сл.), послѣ того, какъ уже Ширренъ, а за нимъ Коскиненъ [1]) высказали и отчасти обосновали ту-же мысль. Возраженія Бецценбергера [2]),

---

1) C. Schirren, Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen Küstenländer des baltischen Meeres, Riga. 1852. — Y. Koskinen, Sur l'antiquité des Lives en Livonie (Actes de la Société des Sciences de Finlande), Helsingfors 1866.

2) A. Bezzenberger, Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über

касающіяся, впрочемъ, лишь сѣверовосточной части прибалтійскаго края, не только не опровергаютъ этихъ выводовъ, но скорѣе подтверждаютъ ихъ, такъ какъ результаты работы Томсена, на которые онъ ссылается, нисколько не противорѣчатъ положеніямъ Биленштейна; напротивъ того, лишь со стороны этихъ положеній выводы Томсена получаютъ надлежащее освѣщеніе.

Въ той части нашего изслѣдованія, которую мы посвятимъ спеціальному изученію доисторическихъ взаимоотношеній прибалтійскихъ народовъ, поскольку они выясняются заимствованіями въ области языка, мы должны будемъ вернуться къ этому вопросу. Теперь же намъ важно лишь установить исходную точку для дальнѣйшихъ нашихъ соображеній.

Мы можемъ воспользоваться выводами Биленштейна, однако, только въ томъ случаѣ, если вторженіе куроновъ и вообще начало передвиженій финновъ на югозападъ относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ Птолемей. Дѣйствительно, къ такому выводу приводитъ насъ сопоставленіе всѣхъ данныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, приведутъ впослѣдствіи и факты лингвистическихъ заимствованій. Коскиненъ 9.22 относилъ появленіе финновъ на берегахъ Балтійскаго моря лишь къ VIII вѣку по Р. Хр. Къ нѣсколько иному опредѣленію пришелъ Куникъ (см. его примѣчаніе на стр. 494 сл. книги Биленштейна), но и по его мнѣнію также финны появились въ Курляндіи и Лифляндіи лишь послѣ того, какъ готы покинули свои земли на Вислѣ. Въ дальнѣйшемъ намъ, можетъ быть, удастся опредѣлить это движеніе еще точнѣе.

Въ айстахъ Тацита и другихъ писателей этнологи уже давно узнали общее названіе всей балтійской группы, перешедшее впослѣдствіи къ чудскому населенію нашей Эстляндіи. Этотъ переходъ — фактъ немаловажный, доказывающій, что въ айст-

---

die ethnologische Geographie des Lettenlandes (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences à St. Pétersbourg, Nouvelle Série IV [XXXVI], 1895, p. 502 ss).

скую область входила нѣкогда и часть южнаго побережья Финскаго залива, такъ какъ подобный переходъ въ значеніи имени необходимо предполагаетъ прямую географическую преемственность: эстляндская чудь могла получить новое наименованіе лишь какъ прямая преемница айстовъ во вновь занятыхъ земляхъ.

Когда, именно, произошла эта замѣна — для насъ безразлично, какъ безразлично и рѣшеніе вопроса, откуда взялось названіе айстовъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не протестовать, съ точки зрѣнія лингвистики, противъ этимологіи, предлагаемой Куникомъ и повторенной Биленштейномъ (373 и примѣч.[2]), по которой слово «айсты» содержитъ въ себѣ лишь географическое опредѣленіе, обозначая «людей, живущихъ на востокѣ». Дифтонгъ ai-, ae- никоимъ образомъ не можетъ быть «испорченъ (Entartung)» изъ au-; наоборотъ, aust- (поздн. ōst-) вм. aist- подсказывается германскою народною этимологіей. Не подлежитъ сомнѣнію, что такимъ, именно, путемъ возникли формы Eástland, Éste, употребляемыя Вульфстаномъ у Эльфреда Великаго Oros. I, 1,20, тогда какъ aist- должно было дать агс. *ást, а aisti-> *ǽste-. Скандинавы еще долго удерживаютъ правильныя древнія формы Eistir, Eistland, рядомъ съ народно-этимологическимъ Eystir, Eystland (цитаты см. DA. II, 15 not.[2]). Можетъ быть, правъ Мюлленгофъ l. c. 30, ставя имя айстовъ въ связь съ готск. aistjan «aestimare» и указывая, для объясненія, на характеристику ихъ у Iord. 5,36: Aesti... pacatum hominum genus omnino; ср. то, что Адамъ Бременскій IV, 18 говоритъ о жителяхъ Самландіи и о пруссахъ: Sembi vel Pruzzi homines humanissimi.

Какъ бы то ни было, названіе это служило нѣкогда къ обозначенію всей балтійской группы. Ср. Tacit. Germ. 45 Aestiorum gentes; Iord. 23,120 Aestorum... natio, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident.

Птолемей не знаетъ этого общаго имени, но за то онъ III 5, 10 даетъ рядъ названій составныхъ частей группы: отъ

Вислы на востокъ, за венедами, населяющими ближайшую часть побережья одноименнаго съ ними залива, онъ называетъ Οὐέλται, за ними по берегу Ὄσσιοι, наконецъ, на крайнемъ сѣверѣ извѣстной ему земли (ἀρκτικώτατοι) Κάρβωνες. Кромѣ того, подъ этимъ рядомъ имъ указывается нѣсколько названій, которыя безъ сомнѣнія относятся къ той-же этнической группѣ, а именно (III, 5, 9) рядомъ съ готонами Γαλίνδαι καί Σουδινοί καί Σταυανοί, и подъ ними Ἰγυλλίωνες.

Принадлежность двухъ изъ этихъ народностей — галиндовъ и судиновъ—къ айстской семьѣ самоочевидна.

Γαλίνδαι, безъ всякаго сомнѣнія, голядь нашей лѣтописи, о которой послѣдняя упоминаетъ впервые подъ 1058 г., по поводу побѣды, одержанной надъ ними Изяславомъ, ср. Барсовъ 43. Въ XIII в. названіе Галиндіи пріурочивается къ окрестностямъ озера Спирдингъ въ нынѣшней восточной Пруссіи, (Zeuss 271, DA. II, 19), гдѣ названія Goldap (рѣка и городъ), Goldapgar (озеро), можетъ быть, еще сохраняютъ память о нихъ въ народно-этимологической передѣлкѣ. Но для географическаго опредѣленія галиндовъ въ интересующую насъ эпоху эти данныя ничего не доказываютъ, такъ какъ они отражаютъ уже значительно болѣе позднее положеніе дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что все айстское племя передвинулось на югъ передъ надвигавшимися съ сѣверовостока финскими эстами и ливами-куронами. Для галиндовъ мы предполагаемъ, поэтому, болѣе сѣверную родину: можетъ быть, они сидѣли въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія непосредственно за Прегелемъ, въ Самландіи, гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій (Goldbach, Goldschmiede, Galtgarben) могли бы быть такого-же происхожденія, какъ Goldap далѣе на югъ.

Во всякомъ случаѣ, галинды были нѣкогда передовою на западѣ айстскою народностью и ближайшими сосѣдями готовъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ не только Птолемей, ставящій эти двѣ народности рядомъ, но и поразительный фактъ сохраненія

собственнаго имени Galindo у вестготовъ въ Испаніи (ср. DA. II, 19) [1]).

Не менѣе ясны сосѣди галиндовъ, судины Птолемея: ихъ имя (въ формѣ Sudowenses, Sudowitae; Sudauen) сохранилось впослѣдствіи какъ названіе области, примыкающей съ востока непосредственно къ землѣ галиндовъ и тянущейся до Нѣмана, который составлялъ ихъ восточную границу (Zeuss, DA. l. c.). Порядокъ, котораго Птолемей придерживается при перечисленіи, оказывается, слѣдовательно, вѣрнымъ.

Переходя къ восточнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ судиновъ, мы уже теряемъ твердую почву подъ ногами.

Имя ставановъ не повторяется ни въ средневѣковой ни въ новѣйшей географической номенклатурѣ. Съ другой стороны, однако, само имя не подаетъ поводовъ къ сомнѣнію въ айстскомъ его происхожденіи; а въ пользу принадлежности этого народа къ айстской, именно, семьѣ говоритъ то обстоятельство, что Птолемей связываетъ его съ галиндами и судинами въ одну группу.

Поморяне Οὐέλται, Ὄσσιοι и Κάρβωνες сами по себѣ совершенно неясны. Во всякомъ случаѣ, Οὐέλται не можетъ быть опискою вм. Λετούαι, какъ полагалъ Мюлленгофъ DA. II, 24 [2]), а Ὄσσιοι не могутъ имѣть ничего общаго съ островомъ Oesel'емъ (Osilia), какъ думалъ Zeuss 270 [3]).

Что касается перваго изъ этихъ именъ, то намъ кажется почти необходимымъ измѣненіе его въ *Οὐένται. Съ точки зрѣ-

---

1) Собственныя личныя имена, повторяющія названіе сосѣдняго народа, встрѣчаются у германцевъ чрезвычайно часто, напр. Sido, князь квадовъ, Tacit. Ann. XII, 30, ср. бастарнскихъ Sidones выше стр. 116; Semno Zosim. I, 67, ср. Semnones; норвежск. JuþingaR (рунич. надпись изъ Reidstad'a), ср. Juthungi ниже; герульскій предводитель Ἄρουθ < *Haruþ ср. Harudes въ Ютландіи (см. ниже); вандалъ Ambri (см. ниже) ср. амбороновъ, выше стр. 158; Ἴγγλλος (см. стр. 253) и множество другихъ. Ср. также такія имена, какъ готск. Vinitharius и его сынъ Vandalarius Jord. 14, 79 и passim, изъ *Vinidaharі и *Vandala-hari.

2) Древнѣйшая форма Lëtawa. См. Куникъ, у Биленштейна, стр. 485 сл.

3) Oesel < древн. Eysýsla, см. DA. II, 350.

нія палеографіи, описка Λ вм. N объясняется легко. А что эта поправка болѣе чѣмъ вѣроятна, докажетъ нашъ экскурсъ о вентахъ-венедахъ въ нижеслѣдующемъ.

Если принимаемое нами чтеніе Ὄσσιοι (Müller Ὄσιοι, al. Ὄσιοι, Σόσσιοι) вѣрно, то можно бы сопоставить это имя съ названіемъ двухъ рѣкъ Ossa: одна изъ нихъ притокъ Вислы, другая—притокъ Laukne, впадающей въ Куришгафъ къ югу отъ Нѣмана, ср. DA. II, 350. Но какіе бы то ни было, выводы изъ этого сопоставленія невозможны по той-же причинѣ, по которой средневѣковая Галиндія едва-ли совпадаетъ съ древнѣйшей родиной этого народа.

Карбоновъ Птолемей помѣщаетъ на крайній сѣверъ, т. е. за Пернаву, въ Эстляндію. Это было бы ясно, даже еслибъ онъ не прибавилъ къ ихъ имени опредѣленіе ἀρκτικώτατοι. Его этническая цѣпь обрывается, конечно, тамъ, гдѣ кончается извѣстная ему земля, т. е. верстахъ въ 200 за Пернавой. Здѣсь, именно, въ Эстляндіи и нужно искать его карбоновъ. Но въ пользу ихъ принадлежности къ айстской семьѣ мы можемъ сослаться лишь на то, что мы сказали выше стр. 249 сл. о вѣроятной принадлежности Эстляндіи къ первоначальной родинѣ айстовъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о южныхъ сосѣдяхъ галиндовъ, игилліонахъ. Если мы вычеркнемъ на картѣ Птолемея финновъ, отдѣляющихъ игилліоновъ отъ Вислы, но оказавшихся здѣсь лишь по недоразумѣнію, то игилліоны по необходимости придвинутся къ Вислѣ, гдѣ они окажутся въ ближайшемъ сосѣдствѣ бургундовъ: одна только Висла отдѣлитъ ихъ отъ послѣднихъ. Что это пріуроченіе вѣрно, доказывается тѣмъ фактомъ, что у бургундовъ, именно, сохранилась память о нихъ въ собственномъ имени Ἴγιλλος: такъ называется одинъ изъ предводителей (ἡγούμενος) бургундо-вандальскаго отряда, съ которымъ столкнулся во второй половинѣ III в. императоръ Пробъ, Zosim. I, 68. То-же имя (въ формѣ Igila) повторяется у остготовъ въ Италіи, гдѣ мы находимъ его въ одной изъ подписей подъ извѣстною Неаполитанскою купчею крѣпостью. Оно не

имѣетъ ничего общаго съ Igo, Igmar, Igulf, стоящими за Ingo, Ingmar и т. д., тогда какъ рядомъ съ Igila нѣтъ ни одного восточно-германск. *Ingila. Встрѣчаемый у Goldast'a II, a, 116 (PN. 89) Ingilo несомнѣнный алеманнъ, на что указываетъ уже форма окончанія. Его не слѣдуетъ также смѣшивать съ готск. Agila, позднѣе Egila, особенно часто встрѣчаемымъ у вестготовъ въ VI—IX вѣкахъ, см. напр. Dietrich 31 not., PN. 22 s. Въ Ἰγῖλλος мы имѣемъ, кажется, дѣло съ такимъ же явленіемъ, какъ въ Sido, Semno, *Harud и др.

Вопросъ о принадлежности ихъ къ айстской этнической группѣ долженъ остаться открытымъ, такъ какъ мы никакихъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія не имѣемъ. По ихъ географическому положенію это вѣроятно, но не болѣе.

И такъ, мы полагаемъ, что все побережье балтійскаго моря было занято, въ эпоху Птолемея, айстскимъ, т. е. литолатышскимъ племенемъ, вплоть до финскаго залива на сѣверѣ, а на востокѣ до той линіи, пока еще неопредѣлимой, по которой къ айстамъ примыкали финны. На западъ отъ Прегеля до Вислы обитаютъ между проч. и готы (ср. выше стр. 31 сл.). Но господство послѣднихъ простиралось, несомнѣнно, и дальше на востокъ. Прямые слѣды его укажетъ, со временемъ, разборъ географической номенклатуры этого края. Единичные попытки въ этомъ направленіи не дали и не могли дать надежныхъ результатовъ [1]), и мы, поэтому, не считаемъ возможнымъ входить

1) Я имѣю въ виду, напр., примѣчаніе Grewingk'a въ Sitzungsberichte d[er] gel. estn. Gesellsch. 1885 (Dorpat 1886) p. 311. Здѣсь авторъ, со словъ Биле-штейна, приводитъ 16 географическихъ названій Курляндіи, въ которыхъ, по его мнѣнію, слышится имя готовъ (Gudi), какъ-то Gudeni, Gudinji, Gudeneeki Gudi и т. под. Эти названія разсѣяны по всей Курляндіи и доходятъ до Двины.—Я не берусь рѣшать вопросъ, находятся-ли они въ связи съ имене[мъ] готовъ. Такой авторитетный знатокъ дѣла, какъ Бецценбергеръ, въ докладѣ читанномъ на Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ 1896 г., высказался противъ связи лито-лат. *guda- («бродяга, бурлакъ», недругъ) съ готами, см. Археол. Изв. и Зам. изд. Импер. Моск. Археол. Общ. т. IV (1896) стр. 299. Предлагаемая имъ собственная этимологія этого слова (отъ русск. гуда, гу[...] однако, еще менѣе удовлетворяетъ. Накопленіе указанныхъ географичес[...]

теперь же въ обсужденіе такихъ вопросовъ, какъ о происхожденіи названій, въ родѣ Goldingen и т. под.

Сильное культурное воздѣйствіе готовъ — именно готовъ, а не скандинавовъ, опредѣлившихъ лишь послѣдующій культурный слой — на весь прибалтійскій край давно уже выяснилось на почвѣ языка, главнымъ образомъ благодаря извѣстнымъ работамъ Томсена, къ которымъ мы прибавимъ еще остроумныя замѣчанія Куника [1]), къ сожалѣнію, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ и не дающія, поэтому, цѣльныхъ выводовъ. Мы должны однако, подчиняясь общему плану нашей работы, уклониться, пока, отъ обсужденія и этого вопроса, приберегая его для одной изъ слѣдующихъ частей нашего изслѣдованія. Оставаясь на почвѣ матеріала, намѣченнаго къ обслѣдованію въ предлагаемой книгѣ, мы можемъ привести къ выясненію занимающаго насъ вопроса лишь одно соображеніе.

Въ готскихъ преданіяхъ VI вѣка, сохранившихся у Іордана 23,116, въ составъ царства Эрманарика входилъ между проч. народъ, который у Іордана называется Thiudos Inaunxis (al. inauxis, inaunxes etc.), т. е., повидимому, «in Aunxis»: это — чудь между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами (Aunuksen-maa), какъ уже въ 1862 г. догадался Коскиненъ 20, мнѣніе котораго было принято Мюлленгофомъ, Томашкомъ и друг. Готское преданіе приписываетъ покореніе этой чуди Эрманарику, т. е. относитъ его къ самому концу второго періода готской исторіи. Но едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этомъ имени сохранился отзвукъ факта перваго періода, т. е. того времени, когда центръ тяжести готской власти лежалъ на нижней Вислѣ. Готская политика *второго* періода тяготѣла на югъ, а не на сѣверъ.

названій именно въ Курляндіи заставляетъ насъ задуматься и, по меньшей мѣрѣ, считать вопросъ открытымъ впредь до болѣе широкихъ и систематичныхъ номенклатурныхъ изысканій.

2) Ср. напр. экскурсъ Куника о kiligunda, эстонск. kihlakond, финск. kihlakunta въ книгѣ Биленштейна стр. 273—275 прим.

Правда, мы не знаемъ, можемъ-ли мы вѣрить этому преданію, поскольку оно говоритъ о прямомъ *подчиненіи* чуди. Но во всякомъ случаѣ оно доказываетъ, что сфера готскихъ политическихъ и культурныхъ интересовъ обнимала въ эту эпоху и Приладожье; тѣмъ болѣе въ нее долженъ былъ входить прибалтійскій край.

Мы приступаемъ теперь къ послѣднему вопросу, подлежащему разсмотрѣнію въ этой части нашего труда: къ вопросу о томъ, когда и откуда явились готы въ низовья Вислы.

Готское преданіе, сохраненное Іорданомъ 4,25 ведетъ ихъ родъ изъ Скандинавіи: ex... Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi. То-же преданіе носитъ болѣе легендарный характеръ у Іордана-же 17,94 сл.: они прибыли къ устью Вислы на трехъ корабляхъ, при чемъ третій корабль занимала та часть переселенцевъ, которая впослѣдствіи получила названіе гепидовъ, отъ готск. gepanta «лѣнивый»: корабль этотъ присталъ къ берегу послѣднимъ.

Здѣсь, въ устьѣ Вислы, жили до этого островные руги (Iord. 4,26; ср. выше стр. 29 и 32), которые теперь были вытѣснены новыми пришельцами. Гепиды заняли дельту Вислы (17,96), готы поселились на востокъ отъ нихъ, и ихъ область получила названіе Gothiscandza.

Если мы отбросимъ легендарную окраску, въ которой это преданіе является у Іордана, то передъ нами остается крупный и несомнѣнно историческій фактъ: готы не считали себя автохтонами прибалтійскаго края; они знали, что ихъ предки выселились сюда сравнительно поздно.

Принимая во вниманіе общую склонность всѣхъ народовъ считать себя автохтонами той страны, въ которой окрѣпло ихъ національное самосознаніе, мы должны видѣть въ сохраненіи, до VI вѣка, преданія о переселеніи извнѣ доказательство въ

пользу того, что переселеніе это дѣйствительно произошло сравнительно недавно и что на Вислу они явились уже какъ готовый народъ, консолидировавшійся, какъ таковой, уже въ предшествующій періодъ. А если готское преданіе дополняетъ свой разсказъ даже нѣкоторыми косвенными хронологическими указаніями, то у насъ нѣтъ повода отнестись къ нимъ съ апріорнымъ недовѣріемъ; наоборотъ, мы должны видѣть въ этихъ указаніяхъ новое подтвержденіе нашей гипотезы.

Дѣйствительно, Іорданъ даетъ такого рода указанія, притомъ въ такой формѣ, что они исключаютъ мысль о произвольномъ построеніи съ его стороны: они не могутъ быть придуманы имъ ad hoc, а взяты имъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ труда Кассіодора, который, съ своей стороны, почерпнулъ ихъ изъ устъ народа, хотя бы и не непосредственно.

Первый готскій царь, котораго помнитъ народное преданіе, это — Беригъ (Berig 4,25 s., Berich 17,94), при которомъ произошло переселеніе на нижнюю Вислу. Какова бы ни была этимологія этого имени, не подлежитъ сомнѣнію, что это готское личное имя: при дворѣ Аттилы живетъ ἀνὴρ τῶν λογάδων (т. е. отборный мужъ = ближній служилый, дружинникъ?) по имени Βέριχος, Prisc. 203. 209, въ которомъ мы смѣло можемъ видѣть одного изъ многочисленныхъ готскихъ дружинниковъ гунскаго царя [1]).

И такъ, при Беригѣ произошло выселеніе на Вислу. Занятіе новыхъ земель, борьба за существованіе въ новой родинѣ стерли изъ народной памяти воспоминанія о его предшественникахъ: ихъ именъ преданіе не сохранило.

Слѣдующій по времени крупный фактъ, сообщаемый Іорданомъ 4,27, это дальнѣйшее передвиженіе готовъ на югъ, фактъ, происшедшій уже на памяти исторіи: мы въ правѣ отнести его ко второй половинѣ II вѣка по Р. Хр. (см. ниже). Онъ совершился при царѣ Филимерѣ, сынѣ Гадарика Великаго (Fili-

1) Уже Мюлленгофъ сопоставляетъ его съ Berig'омъ. См. Index къ Iord. ed. Mommsen, p. 147, s. v.

mer filius Gadarigis 4,26; безъ имени отца 5,39; Filemer 4,28; Filimer... Gadarici magni filius 24,121). Оба имени носятъ чисто готскія формы (вульф. *Filumērs, *Gadareiks).

Всего важнѣе, однако, хронологическое указаніе: Филимеръ pene quintus rex regnans post Berig.

Къ сожалѣнію, Іорданъ выразился не совсѣмъ удачно. Нарѣчіе pene у него всегда имѣетъ значеніе «почти», ср. 32,166; 34,178; 55,282; Rom. 132. 143 et passim. Но что значитъ «почти пятый царь послѣ Берига»? Моммзенъ въ своемъ изданіи Іордана стр. 194 замѣчаетъ, что этотъ авторъ употребляетъ интересующее насъ нарѣчіе всегда, когда онъ протестуетъ противъ данныхъ своего источника, полагая, что послѣдній преувеличиваетъ тотъ или иной фактъ. Иначе говоря, имъ просто выражается нѣкоторое недовѣріе Іордана къ источнику [1]). Если такъ, то мы въ правѣ предположить, что въ народной пѣснѣ, являющейся конечнымъ источникомъ разсказа, Филимеръ назывался просто пятымъ царемъ; а еще болѣе подходитъ къ народно-эпическому стилю предположеніе, что въ пѣснѣ приводились всѣ имена преемниковъ Берига до Филимера [2]) и что числовое выраженіе внесено лишь Кассіодоромъ, сократившимъ широковѣщательный эпическій разсказъ. Что это было дѣйствительно такъ, на это указываетъ сохраненіе имени отца Филимера, великаго Гадарика.

Сколько бы мы ни полагали лѣтъ на одно царствованіе, мы, относясь, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, съ довѣріемъ къ даннымъ готской пѣсни, придемъ къ выводу, что народное преданіе относило занятіе готами привислянскаго края приблизительно къ серединѣ I вѣка по Р. Хр.

Что готы пришли къ нижней Вислѣ извнѣ и что они могли занять этотъ край лишь вытѣснивъ или покоривъ первоначаль-

1) Совершенно такъ же неудачно, какъ въ разбираемой фразѣ, выразился Іорданъ 10, 63: Дарій выстроилъ мостъ изъ кораблей черезъ Боспоръ pene a Chalcedona usque ad Bizantium. Очевидно, и здѣсь также pene выражаетъ лишь недовѣріе.

2) Ср. генеалогію династіи амаловъ у Iord. 14, 79.

ныхъ жителей — это никогда никѣмъ не оспаривалось. Впрочемъ, это неопровержимо доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что не они дали Вислѣ ея имя. Каково бы ни было его происхожденіе, названіе этой рѣки германцы заимствовали у славяно-балтійцевъ, ср. DA. II, 207 ss., статью Брюкнера въ Ateneum за 1895, № VIII и друг. Слѣдовательно, прибывъ къ Вислѣ, они застали здѣсь славянъ или айстовъ.

Съ востока они, т. е. готы, прійти не могли; это ясно само собою. Они никогда не теряли географической связи съ остальными германцами, а прародина послѣднихъ лежитъ на западъ отъ Вислы.

Но невѣроятно также, чтобы они пришли прямо съ запада, такъ какъ они, побѣдивъ «островныхъ» руговъ въ дельтѣ Вислы, оттѣснили ихъ именно на западъ, см. выше стр. 29. 32.

Остаются сѣверъ и югъ, какъ возможныя исходныя точки перваго готскаго движенія. За сѣверъ говоритъ народное преданіе, и съ провѣрки его мы и должны начать разсмотрѣніе даннаго вопроса.

За послѣдніе годы это преданіе нашло среди нѣмецкихъ германистовъ-этнологовъ рядъ защитниковъ, между которыми наиболѣе энергичный и самоувѣренный — Kossinna въ своей статьѣ Die ethnologische Stellung der Ostgermanen, JF. VII (1896) р. 276—312. Намъ не лишне будетъ нѣсколько остановиться на этой статьѣ, такъ какъ въ ней всего лучше и полнѣе сгруппированы факты, говорящіе въ пользу готскаго преданія. Выводы Коссинны чрезвычайно категоричны.

Центръ германской культуры въ каменномъ и бронзовомъ вѣкахъ — Данія. Къ концу каменнаго вѣка, т. е. къ серединѣ II тысячелѣтія до Р. Хр., германцы уже успѣли занять, кромѣ Даніи, южную Скандинавію до южнаго берега Mälar, а на материкѣ Шлезвигъ и Гольштинію, Мекленбургъ и западную Померанію до Одера. Въ теченіе бронзоваго вѣка предѣлы германскаго міра значительно расширяются, такъ что въ концѣ этого періода, около 300 г. до Р. Хр., германцы дошли въ Скандина-

должна насъ удивлять: именно эта часть балтійскаго побережья, мѣсто добыванія янтаря, наиболѣе часто посѣщалась купцами съ юга. Послѣдніе проходили, однако, и дальше, что явствуетъ изъ дальнѣйшихъ данныхъ Птолемея.

Отъ Хроноса до Рудона 168,8 верстъ: подъ Рудономъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть Виндаву, отстоящую отъ устья Куришгафа приблизительно на 182 версты. Дальше на сѣверовостокъ въ 191,8 в. слѣдуетъ Turuntos = нынѣшняя Двина, устье которой находится приблизительно въ 205 верст. по берегу отъ Виндавы. Рижскаго залива Птолемей не отмѣчаетъ; его источники давали ему, очевидно, лишь разстоянія между устьями наиболѣе значительныхъ рѣкъ, по которымъ совершалась торговля съ внутренней страной.

Послѣдняя рѣка, извѣстная Птолемею на сѣверѣ,—Chesinos, въ 142,2 версты отъ Турунта: это нынѣшняя Пернава, устье которой отстоитъ отъ Двины на 145 верстъ. Географическія знанія древнихъ доходили, слѣдовательно, до Эстляндіи.

Приступая теперь къ выясненію этнологіи прибалтійскаго края, мы стоимъ передъ однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской этнологіи вообще. Онъ интересуетъ насъ, однако, не во всемъ своемъ объемѣ, и мы можемъ ограничиться опредѣленіемъ общаго географическаго отношенія славяно-балтійцевъ къ финскому міру съ одной, къ германцамъ съ другой стороны.

На первый изъ этихъ вопросовъ Биленштейнъ въ своей образцовой работѣ, о которой мы упомянули выше стр. 241, уже далъ вполнѣ убѣдительный отвѣтъ, окончательно доказавъ хронологическое первенство индоевропейскихъ айстовъ передъ финнами въ интересующемъ насъ краѣ (стр. 348 сл.), послѣ того, какъ уже Ширренъ, а за нимъ Коскиненъ [1]) высказали и отчасти обосновали ту-же мысль. Возраженія Бецценбергера [2]),

---

1) C. Schirren, Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen Küstenländer des baltischen Meeres, Riga. 1852. — Y. Koskinen, Sur l'antiquité des Lives en Livonie (Actes de la Société des Sciences de Finlande), Helsingfors 1866.

2) A. Bezzenberger, Bemerkungen zu dem Werke von A. Bielenstein über

касающіяся, впрочемъ, лишь сѣверовосточной части прибалтійскаго края, не только не опровергаютъ этихъ выводовъ, но скорѣе подтверждаютъ ихъ, такъ какъ результаты работы Томсена, на которые онъ ссылается, нисколько не противорѣчатъ положеніямъ Биленштейна; напротивъ того, лишь со стороны этихъ положеній выводы Томсена получаютъ надлежащее освѣщеніе.

Въ той части нашего изслѣдованія, которую мы посвятимъ спеціальному изученію доисторическихъ взаимоотношеній прибалтійскихъ народовъ, поскольку они выясняются заимствованіями въ области языка, мы должны будемъ вернуться къ этому вопросу. Теперь же намъ важно лишь установить исходную точку для дальнѣйшихъ нашихъ соображеній.

Мы можемъ воспользоваться выводами Биленштейна, однако, только въ томъ случаѣ, если вторженіе куроновъ и вообще начало передвиженій финновъ на югозападъ относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ Птолемей. Дѣйствительно, къ такому выводу приводитъ насъ сопоставленіе всѣхъ данныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, приведутъ впослѣдствіи и факты лингвистическихъ заимствованій. Коскиненъ 9.22 относилъ появленіе финновъ на берегахъ Балтійскаго моря лишь къ VIII вѣку по Р. Хр. Къ нѣсколько иному опредѣленію пришелъ Куникъ (см. его примѣчаніе на стр. 494 сл. книги Биленштейна), но и по его мнѣнію также финны появились въ Курляндіи и Лифляндіи лишь послѣ того, какъ готы покинули свои земли на Вислѣ. Въ дальнѣйшемъ намъ, можетъ быть, удастся опредѣлить это движеніе еще точнѣе.

Въ айстахъ Тацита и другихъ писателей этнологи уже давно узнали общее названіе всей балтійской группы, перешедшее впослѣдствіи къ чудскому населенію нашей Эстляндіи. Этотъ переходъ — фактъ немаловажный, доказывающій, что въ айст-

die ethnologische Geographie des Lettenlandes (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences à St. Pétersbourg, Nouvelle Série IV [XXXVI], 1895, p. 502 ss).

скую область входила нѣкогда и часть южнаго побережья Финскаго залива, такъ какъ подобный переходъ въ значеніи имени необходимо предполагаетъ прямую географическую преемственность: эстляндская чудь могла получить новое наименованіе лишь какъ прямая преемница айстовъ во вновь занятыхъ земляхъ.

Когда, именно, произошла эта замѣна — для насъ безразлично, какъ безразлично и рѣшеніе вопроса, откуда взялось названіе айстовъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не протестовать, съ точки зрѣнія лингвистики, противъ этимологіи, предлагаемой Куникомъ и повторенной Биленштейномъ (373 и примѣч.[2]), по которой слово «айсты» содержитъ въ себѣ лишь географическое опредѣленіе, обозначая «людей, живущихъ на востокѣ». Дифтонгъ ai-, ae- никоимъ образомъ не можетъ быть «испорченъ (Entartung)» изъ au-; наоборотъ, aust- (поздн. ōst-) вм. aist- подсказывается германскою народною этимологіей. Не подлежитъ сомнѣнію, что такимъ, именно, путемъ возникли формы Eástland, Éste, употребляемыя Вульфстаномъ у Эльфреда Великаго Oros. I, 1,20, тогда какъ aist- должно было дать агс. *ást, а aisti- > *ǽste-. Скандинавы еще долго удерживаютъ правильныя древнія формы Eistir, Eistland, рядомъ съ народно-этимологическимъ Eystir, Eystland (цитаты см. DA. II, 15 not.[2]). Можетъ быть, правъ Мюлленгофъ l. c. 30, ставя имя айстовъ въ связь съ готск. aistjan «aestimare» и указывая, для объясненія, на характеристику ихъ у Iord. 5,36: Aesti... pacatum hominum genus omnino; ср. то, что Адамъ Бременскій IV, 18 говоритъ о жителяхъ Самландіи и о пруссахъ: Sembi vel Pruzzi homines humanissimi.

Какъ бы то ни было, названіе это служило нѣкогда къ обозначенію всей балтійской группы. Ср. Tacit. Germ. 45 Aestiorum gentes; Iord. 23,120 Aestorum... natio, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident.

Птолемей не знаетъ этого общаго имени, но за то онъ III, 5, 10 даетъ рядъ названій составныхъ частей группы: отъ

Вислы на востокъ, за венедами, населяющими ближайшую часть побережья одноименнаго съ ними залива, онъ называетъ Οὐέλται, за ними по берегу Ὄσσιοι, наконецъ, на крайнемъ сѣверѣ извѣстной ему земли (ἀρκτικώτατοι) Κάρβωνες. Кромѣ того, подъ этимъ рядомъ имъ указывается нѣсколько названій, которыя безъ сомнѣнія относятся къ той-же этнической группѣ, а именно (III, 5, 9) рядомъ съ готонами Γαλίνδαι καί Σουδινοί καί Σταυανοί, и подъ ними Ἰγυλλίωνες.

Принадлежность двухъ изъ этихъ народностей — галиндовъ и судиновъ—къ айстской семьѣ самоочевидна.

Γαλίνδαι, безъ всякаго сомнѣнія, голядь нашей лѣтописи, о которой послѣдняя упоминаетъ впервые подъ 1058 г., по поводу побѣды, одержанной надъ ними Изяславомъ, ср. Барсовъ 43. Въ XIII в. названіе Галиндія пріурочивается къ окрестностямъ озера Спирдингъ въ нынѣшней восточной Пруссіи, (Zeuss 271, DA. II, 19), гдѣ названія Goldap (рѣка и городъ), Goldapgar (озеро), можетъ быть, еще сохраняютъ память о нихъ въ народно-этимологической передѣлкѣ. Но для географическаго опредѣленія галиндовъ въ интересующую насъ эпоху эти данныя ничего не доказываютъ, такъ какъ они отражаютъ уже значительно болѣе позднее положеніе дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что все айстское племя передвинулось на югъ передъ надвигавшимися съ сѣверовостока финскими эстами и ливами-куронами. Для галиндовъ мы предполагаемъ, поэтому, болѣе сѣверную родину: можетъ быть, они сидѣли въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія непосредственно за Прегелемъ, въ Самландіи, гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій (Goldbach, Goldschmiede, Galtgarben) могли бы быть такого-же происхожденія, какъ Goldap далѣе на югъ.

Во всякомъ случаѣ, галинды были нѣкогда передовою на западѣ айстскою народностью и ближайшими сосѣдями готовъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ не только Птолемей, ставящій эти двѣ народности рядомъ, но и поразительный фактъ сохраненія

собственнаго имени Galindo у вестготовъ въ Испаніи (ср. DA. II, 19) [1]).

Не менѣе ясны сосѣди галиндовъ, судины Птолемея: ихъ имя (въ формѣ Sudowenses, Sudowitae; Sudauen) сохранилось впослѣдствіи какъ названіе области, примыкающей съ востока непосредственно къ землѣ галиндовъ и тянущейся до Нѣмана, который составлялъ ихъ восточную границу (Zeuss, DA. l. c.). Порядокъ, котораго Птолемей придерживается при перечисленіи, оказывается, слѣдовательно, вѣрнымъ.

Переходя къ восточнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ судиновъ, мы уже теряемъ твердую почву подъ ногами.

Имя ставановъ не повторяется ни въ средневѣковой ни въ новѣйшей географической номенклатурѣ. Съ другой стороны, однако, само имя не подаетъ поводовъ къ сомнѣнію въ айстскомъ его происхожденіи; а въ пользу принадлежности этого народа къ айстской, именно, семьѣ говоритъ то обстоятельство, что Птолемей связываетъ его съ галиндами и судинами въ одну группу.

Поморяне Οὐέλται, Ὄσσιοι и Κάρβωνες сами по себѣ совершенно неясны. Во всякомъ случаѣ, Οὐέλται не можетъ быть опискою вм. Λετοῦαι, какъ полагалъ Мюлленгофъ DA. II, 24 [2]), а Ὄσσιοι не могутъ имѣть ничего общаго съ островомъ Oesel'емъ (Osilia), какъ думалъ Zeuss 270 [3]).

Что касается перваго изъ этихъ именъ, то намъ кажется почти необходимымъ измѣненіе его въ *Οὐένται. Съ точки зрѣ-

1) Собственныя личныя имена, повторяющія названіе сосѣдняго народа, встрѣчаются у германцевъ чрезвычайно часто, напр. Sido, князь квадовъ, Tacit. Ann. XII, 30, ср. бастарнскихъ Sidones выше стр. 116; Semno Zosim. I, 67, ср. Semnones; норвежск. JuþingaR (рунич. надпись изъ Reidstad'a), ср. Juthungi ниже; герульскій предводитель Ἄρουθ < *Haruþ ср. Harudes въ Ютландіи (см. ниже); вандалъ Ambri (см. ниже) ср. амброновъ, выше стр. 158; Ἴγιλλος (см. стр. 253) и множество другихъ. Ср. также такія имена, какъ готск. Vinitharius и его сынъ Vandalarius Jord. 14, 79 и passim, изъ *Vinida-hari и *Vandala-hari.

2) Древнѣйшая форма Lātawa. См. Куникъ, у Биленштейна, стр. 485 сл.

3) Oesel < древ. Eysýsla, см. DA. II, 350.

нія палеографіи, описка Λ вм. N объясняется легко. А что эта поправка болѣе чѣмъ вѣроятна, докажетъ нашъ экскурсъ о вентахъ-венедахъ въ нижеслѣдующемъ.

Если принимаемое нами чтеніе Ὄσσιοι (Müller Ὄσιοι, al. Ὄσιοι, Σόσσιοι) вѣрно, то можно бы сопоставить это имя съ названіемъ двухъ рѣкъ Ossa: одна изъ нихъ притокъ Вислы, другая—притокъ Laukne, впадающей въ Куришгафъ къ югу отъ Нѣмана, ср. DA. II, 350. Но какіе бы то ни было, выводы изъ этого сопоставленія невозможны по той-же причинѣ, по которой средневѣковая Галиндія едва-ли совпадаетъ съ древнѣйшей родиной этого народа.

Карбоновъ Птолемей помѣщаетъ на крайній сѣверъ, т. е. за Пернаву, въ Эстляндію. Это было бы ясно, даже еслибъ онъ не прибавилъ къ ихъ имени опредѣленіе ἀρκτικώτατοι. Его этническая цѣпь обрывается, конечно, тамъ, гдѣ кончается извѣстная ему земля, т. е. верстахъ въ 200 за Пернавой. Здѣсь, именно, въ Эстляндіи и нужно искать его карбоновъ. Но въ пользу ихъ принадлежности къ айстской семьѣ мы можемъ сослаться лишь на то, что мы сказали выше стр. 249 сл. о вѣроятной принадлежности Эстляндіи къ первоначальной родинѣ айстовъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о южныхъ сосѣдяхъ галиндовъ, игилліонахъ. Если мы вычеркнемъ на картѣ Птолемея финновъ, отдѣляющихъ игилліоновъ отъ Вислы, но оказавшихся здѣсь лишь по недоразумѣнію, то игилліоны по необходимости придвинутся къ Вислѣ, гдѣ они окажутся въ ближайшемъ сосѣдствѣ бургундовъ: одна только Висла отдѣлитъ ихъ отъ послѣднихъ. Что это пріуроченіе вѣрно, доказывается тѣмъ фактомъ, что у бургундовъ, именно, сохранилась память о нихъ въ собственномъ имени Ἴγιλλος: такъ называется одинъ изъ предводителей (ἡγούμενος) бургундо-вандальскаго отряда, съ которымъ столкнулся во второй половинѣ III в. императоръ Пробъ, Zosim. I, 68. То-же имя (въ формѣ Igila) повторяется у остготовъ въ Италіи, гдѣ мы находимъ его въ одной изъ подписей подъ извѣстною Неаполитанскою купчею крѣпостью. Оно не

имѣетъ ничего общаго съ Igo, Igmar, Igulf, стоящими за Ingo, Ingmar и т. д., тогда какъ рядомъ съ Igila нѣтъ ни одного восточно-германск. *Ingila. Встрѣчаемый у Goldast'а II, a, 116 (PN. 89) Ingilo несомнѣнный алеманнъ, на что указываетъ уже форма окончанія. Его не слѣдуетъ также смѣшивать съ готск. Agila, позднѣе Egila, особенно часто встрѣчаемымъ у вестготовъ въ VI—IX вѣкахъ, см. напр. Dietrich 31 not., PN. 22 s. Въ Ἰγῖλλος мы имѣемъ, кажется, дѣло съ такимъ же явленіемъ, какъ въ Sido, Semno, *Harud и др.

Вопросъ о принадлежности ихъ къ айстской этнической группѣ долженъ остаться открытымъ, такъ какъ мы никакихъ положительныхъ данныхъ для его рѣшенія не имѣемъ. По ихъ географическому положенію это вѣроятно, но не болѣе.

И такъ, мы полагаемъ, что все побережье балтійскаго моря было занято, въ эпоху Птолемея, айстскимъ, т. е. литолатышскимъ племенемъ, вплоть до финскаго залива на сѣверѣ, а на востокѣ до той линіи, пока еще неопредѣлимой, по которой къ айстамъ примыкали финны. На западъ отъ Прегеля до Вислы обитаютъ между проч. и готы (ср. выше стр. 31 сл.). Но господство послѣднихъ простиралось, несомнѣнно, и дальше на востокъ. Прямые слѣды его укажетъ, со временемъ, разборъ географической номенклатуры этого края. Единичные попытки въ этомъ направленіи не дали и не могли дать надежныхъ результатовъ [1]), и мы, поэтому, не считаемъ возможнымъ входить

---

1) Я имѣю въ виду, напр., примѣчаніе Grewingk'а въ Sitzungsberichte der gel. estn. Gesellsch. 1885 (Dorpat 1886) p. 311. Здѣсь авторъ, со словъ Биленштейна, приводитъ 16 географическихъ названій Курляндіи, въ которыхъ, по его мнѣнію, слышится имя готовъ (Gudi), какъ-то Gudeni, Gudinji, Gudenecki, Gudi и т. под. Эти названія разсѣяны по всей Курляндіи и доходятъ до Двины.—Я не берусь рѣшать вопросъ, находятся-ли они въ связи съ именемъ готовъ. Такой авторитетный знатокъ дѣла, какъ Беценбергеръ, въ докладѣ, читанномъ на Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ 1896 г., высказался противъ связи лито-лат. *guda- («бродяга, бурлакъ», недругъ) съ готами, см. Археол. Изв. и Зам. изд. Импер. Моск. Археол. Общ. т. IV (1896) стр. 299. Предлагаемая имъ собственная этимологія этого слова (отъ русск. гуда, гудѣть), однако, еще менѣе удовлетворяетъ. Накопленіе указанныхъ географическихъ

теперь же въ обсужденіе такихъ вопросовъ, какъ о происхожденіи названій, въ родѣ Goldingen и т. под.

Сильное культурное воздѣйствіе готовъ — именно готовъ, а не скандинавовъ, опредѣлившихъ лишь послѣдующій культурный слой—на весь прибалтійскій край давно уже выяснилось на почвѣ языка, главнымъ образомъ благодаря извѣстнымъ работамъ Томсена, къ которымъ мы прибавимъ еще остроумныя замѣчанія Куника [2]), къ сожалѣнію, разсѣянныя по разнымъ изданіямъ и не дающія, поэтому, цѣльныхъ выводовъ. Мы должны однако, подчиняясь общему плану нашей работы, уклониться, пока, отъ обсужденія и этого вопроса, приберегая его для одной изъ слѣдующихъ частей нашего изслѣдованія. Оставаясь на почвѣ матеріала, намѣченнаго къ обслѣдованію въ предлагаемой книгѣ, мы можемъ привести къ выясненію занимающаго насъ вопроса лишь одно соображеніе.

Въ готскихъ преданіяхъ VI вѣка, сохранившихся у Іордана 23,116, въ составъ царства Эрманарика входилъ между проч. народъ, который у Іордана называется Thiudos Inaunxis (al. inauxis, inaunxes etc.), т. е., повидимому, «in Aunxis»: это — чудь между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами (Aunuksen-maa), какъ уже въ 1862 г. догадался Коскиненъ 20, мнѣніе котораго было принято Мюлленгофомъ, Томашкомъ и друг. Готское преданіе приписываетъ покореніе этой чуди Эрманарику, т. е. относитъ его къ самому концу второго періода готской исторіи. Но едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ этомъ имени сохранился отзвукъ факта перваго періода, т. е. того времени, когда центръ тяжести готской власти лежалъ на нижней Вислѣ. Готская политика *второго* періода тяготѣла на югъ, а не на сѣверъ.

названій именно въ Курляндіи заставляетъ насъ задуматься и, по меньшей мѣрѣ, считать вопросъ открытымъ впредь до болѣе широкихъ и систематичныхъ номенклатурныхъ изысканій.

2) Ср. напр. экскурсъ Куника о kiligunda, эстонск. kihlakond, финск. kihlakunta въ книгѣ Биленштейна стр. 273—275 прим.

Правда, мы не знаемъ, можемъ-ли мы вѣрить этому преданію, поскольку оно говоритъ о прямомъ *подчиненіи* чуди. Но во всякомъ случаѣ оно доказываетъ, что сфера готскихъ политическихъ и культурныхъ интересовъ обнимала въ эту эпоху и Приладожье; тѣмъ болѣе въ нее долженъ былъ входить прибалтійскій край.

Мы приступаемъ теперь къ послѣднему вопросу, подлежащему разсмотрѣнію въ этой части нашего труда: къ вопросу о томъ, когда и откуда явились готы въ низовья Вислы.

Готское преданіе, сохраненное Іорданомъ 4,25 ведетъ ихъ родъ изъ Скандинавіи: ex... Scandza insula quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum cum rege suo nomine Berig Gothi quondam memorantur egressi. То-же преданіе носитъ болѣе легендарный характеръ у Іордана-же 17,94 сл.: они прибыли къ устью Вислы на трехъ корабляхъ, при чемъ третій корабль занимала та часть переселенцевъ, которая впослѣдствіи получила названіе гепидовъ, отъ готск. gepanta «лѣнивый»: корабль этотъ присталъ къ берегу послѣднимъ.

Здѣсь, въ устьѣ Вислы, жили до этого островные руги (Iord. 4,26; ср. выше стр. 29 и 32), которые теперь были вытѣснены новыми пришельцами. Гепиды заняли дельту Вислы (17,96), готы поселились на востокъ отъ нихъ, и ихъ область получила названіе Gothiscandza.

Если мы отбросимъ легендарную окраску, въ которой это преданіе является у Іордана, то передъ нами остается крупный и несомнѣнно историческій фактъ: готы не считали себя автохтонами прибалтійскаго края; они знали, что ихъ предки выселились сюда сравнительно поздно.

Принимая во вниманіе общую склонность всѣхъ народовъ считать себя автохтонами той страны, въ которой окрѣпло ихъ національное самосознаніе, мы должны видѣть въ сохраненіи до VI вѣка, преданія о переселеніи извнѣ доказательство и

пользу того, что переселеніе это дѣйствительно произошло сравнительно недавно и что на Вислу они явились уже какъ готовый народъ, консолидировавшійся, какъ таковой, уже въ предшествующій періодъ. А если готское преданіе дополняетъ свой разсказъ даже нѣкоторыми косвенными хронологическими указаніями, то у насъ нѣтъ повода отнестись къ нимъ съ апріорнымъ недовѣріемъ; наоборотъ, мы должны видѣть въ этихъ указаніяхъ новое подтвержденіе нашей гипотезы.

Дѣйствительно, Іорданъ даетъ такого рода указанія, притомъ въ такой формѣ, что они исключаютъ мысль о произвольномъ построеніи съ его стороны: они не могутъ быть придуманы имъ ad hoc, а взяты имъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ труда Кассіодора, который, съ своей стороны, почерпнулъ ихъ изъ устъ народа, хотя бы и не непосредственно.

Первый готскій царь, котораго помнитъ народное преданіе, это — Беригъ (Berig 4,25 s., Berich 17,94), при которомъ произошло переселеніе на нижнюю Вислу. Какова бы ни была этимологія этого имени, не подлежитъ сомнѣнію, что это готское личное имя: при дворѣ Аттилы живетъ ἀνὴρ τῶν λογάδων (т. е. отборный мужъ = ближній служилый, дружинникъ?) по имени Βέριχος, Prisc. 203. 209, въ которомъ мы смѣло можемъ видѣть одного изъ многочисленныхъ готскихъ дружинниковъ гунскаго царя [1]).

И такъ, при Беригѣ произошло выселеніе на Вислу. Занятіе новыхъ земель, борьба за существованіе въ новой родинѣ стерли изъ народной памяти воспоминанія о его предшественникахъ: ихъ именъ преданіе не сохранило.

Слѣдующій по времени крупный фактъ, сообщаемый Іорданомъ 4,27, это дальнѣйшее передвиженіе готовъ на югъ, фактъ, происшедшій уже на памяти исторіи: мы въ правѣ отнести его ко второй половинѣ II вѣка по Р. Хр. (см. ниже). Онъ совершился при царѣ Филимерѣ, сынѣ Гадарика Великаго (Fili-

1) Уже Мюлленгофъ сопоставляетъ его съ Berig'омъ. См. Index къ Iord. ed. Mommsen, p. 147, s. v.

mer filius Gadarigis 4,26; безъ имени отца 5,39; Filemer 4,28; Filimer... Gadarici magni filius 24,121). Оба имени носятъ чисто готскія формы (вульф. *Filumērs, *Gadareiks).

Всего важнѣе, однако, хронологическое указаніе: Филимеръ pene quintus rex regnans post Berig.

Къ сожалѣнію, Іорданъ выразился не совсѣмъ удачно. Нарѣчіе pene у него всегда имѣетъ значеніе «почти», ср. 32,166; 34,178; 55,282; Rom. 132. 143 et passim. Но что значитъ «почти пятый царь послѣ Берига»? Моммзенъ въ своемъ изданіи Іордана стр. 194 замѣчаетъ, что этотъ авторъ употребляетъ интересующее насъ нарѣчіе всегда, когда онъ протестуетъ противъ данныхъ своего источника, полагая, что послѣдній преувеличиваетъ тотъ или иной фактъ. Иначе говоря, имъ просто выражается нѣкоторое недовѣріе Іордана къ источнику [1]). Если такъ, то мы въ правѣ предположить, что въ народной пѣснѣ, являющейся конечнымъ источникомъ разсказа, Филимеръ назывался просто пятымъ царемъ; а еще болѣе подходитъ къ народно-эпическому стилю предположеніе, что въ пѣснѣ приводились всѣ имена преемниковъ Берига до Филимера [2]) и что числовое выраженіе внесено лишь Кассіодоромъ, сократившимъ широковѣщательный эпическій разсказъ. Что это было дѣйствительно такъ, на это указываетъ сохраненіе имени отца Филимера, великаго Гадарика.

Сколько бы мы ни полагали лѣтъ на одно царствованіе, мы, относясь, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, съ довѣріемъ къ даннымъ готской пѣсни, придемъ къ выводу, что народное преданіе относило занятіе готами привислянскаго края приблизительно къ серединѣ I вѣка по Р. Хр.

Что готы пришли къ нижней Вислѣ извнѣ и что они могли занять этотъ край лишь вытѣснивъ или покоривъ первоначаль-

1) Совершенно такъ же неудачно, какъ въ разбираемой фразѣ, выразился Іорданъ 10, 63: Дарій выстроилъ мостъ изъ кораблей черезъ Боспоръ pene a Chalcedona usque ad Bizantium. Очевидно, и здѣсь также pene выражаетъ лишь недовѣріе.

2) Ср. генеалогію династіи амаловъ у Iord. 14, 79.

ныхъ жителей — это никогда никѣмъ не оспаривалось. Впрочемъ, это неопровержимо доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что не они дали Вислѣ ея имя. Каково бы ни было его происхожденіе, названіе этой рѣки германцы заимствовали у славяно-балтійцевъ, ср. DA. II, 207 ss., статью Брюкнера въ Ateneum за 1895, № VIII и друг. Слѣдовательно, прибывъ къ Вислѣ, они застали здѣсь славянъ или айстовъ.

Съ востока они, т. е. готы, прійти не могли; это ясно само собою. Они никогда не теряли географической связи съ остальными германцами, а прародина послѣднихъ лежитъ на западъ отъ Вислы.

Но невѣроятно также, чтобы они пришли прямо съ запада, такъ какъ они, побѣдивъ «островныхъ» руговъ въ дельтѣ Вислы, оттѣснили ихъ именно на западъ, см. выше стр. 29. 32.

Остаются сѣверъ и югъ, какъ возможныя исходныя точки перваго готскаго движенія. За сѣверъ говоритъ народное преданіе, и съ провѣрки его мы и должны начать разсмотрѣніе даннаго вопроса.

За послѣдніе годы это преданіе нашло среди нѣмецкихъ германистовъ-этнологовъ рядъ защитниковъ, между которыми наиболѣе энергичный и самоувѣренный — Kossinna въ своей статьѣ Die ethnologische Stellung der Ostgermanen, JF. VII (1896) p. 276—312. Намъ не лишне будетъ нѣсколько остановиться на этой статьѣ, такъ какъ въ ней всего лучше и полнѣе сгруппированы факты, говорящіе въ пользу готскаго преданія. Выводы Коссинны чрезвычайно категоричны.

Центръ германской культуры въ каменномъ и бронзовомъ вѣкахъ — Данія. Къ концу каменнаго вѣка, т. е. къ серединѣ II тысячелѣтія до Р. Хр., германцы уже успѣли занять, кромѣ Даніи, южную Скандинавію до южнаго берега Mälar, а на материкѣ Шлезвигъ и Гольштинію, Мекленбургъ и западную Померанію до Одера. Въ теченіе бронзоваго вѣка предѣлы германскаго міра значительно расширяются, такъ что въ концѣ этого періода, около 300 г. до Р. Хр., германцы дошли въ Скандина-

віи до Dalelf'a, на материкѣ — до Вислы, по крайней мѣрѣ въ нижнемъ ея теченіи (p. 279). Занятіе этой восточной полосы произошло при участіи скандинавовъ, при чемъ послѣдніе явились на материкъ не разомъ, а выселялись постепенно (281) изъ южной Скандинавіи и датскихъ острововъ Seeland, Möen, Falster и Laaland (285). Начало этихъ движеній относится ко времени между 600 и 300 гг. до Р. Хр. Жители югозападной Сканіи или Зеланда — вандалы, — и выходцы съ острова Борнгольма — бургунды — выселились на нижнюю Вислу, гдѣ между прочимъ основали поселеніе *Codaniska (ср. sinus Codanus, Mela, Plin.; это = Gothiscandza Іордана 4, 25; 17, 94, нын. Данцигъ), которое впослѣдствіи застали готы, выселившіеся изъ восточныхъ областей южной Швеціи (288 s.).

Эти выводы основаны почти исключительно на археологическомъ матеріалѣ. Насколько онъ надеженъ, насколько, прежде всего, безотносительныя хронологическія опредѣленія скандинавскихъ археологовъ, которыми Коссинна пользуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, могутъ считаться доказанными — это вопросы, которые далеко еще не нашли въ наукѣ окончательнаго рѣшенія. Мы должны, однако, отказаться отъ обсужденія ихъ, какъ не входящихъ въ нашу ближайшую задачу [1]).

Предположимъ, пока, что хронологическія грани, устанавливаемыя большинствомъ сѣверныхъ археологовъ, въ общихъ своихъ чертахъ вѣрны. Въ такомъ случаѣ все же передъ нами возникаетъ еще другой, не менѣе важный вопросъ, слишкомъ

1) Прежняя увѣренность въ хронологическихъ опредѣленіяхъ за послѣднее время даже среди скандинавскихъ археологовъ уступила мѣсто колебаніямъ и осторожнымъ оговоркамъ. Ср. напр. новѣйшій обширный трудъ въ этой области, связывающій весь матеріалъ въ одну картину: Sophus Müller, Nordische Altertumskunde. Deutsche Ausgabe (Jiriczek), I, Strassburg 1897. — Въ Германіи же ведутъ горячую борьбу другъ съ другомъ двѣ школы, изъ которыхъ одна, всецѣло принимая выводы скандинавскихъ ученыхъ, относитъ занятіе германцами Скандинавіи къ III тысячелѣтію до Р. Хр. (кромѣ Коссинны см. напр. F. Kauffmann въ AfdA. XVIII, 1892, p. 26 ss.), другая — къ послѣднимъ столѣтіямъ до начала христіанской эры (DA. II, pass., Bremer, AfdA. l. c. 413 ss).

легко упускаемый изъ виду при примѣненіи археологическихъ выводовъ къ рѣшенію задачъ этнологическихъ: совпадаютъ ли археологическія грани съ этнологическими?

Археологическія нити, связывающія отдѣльныя области между собою, иногда черезъ огромныя разстоянія, должны считаться непреложными свидѣтелями культурныхъ воздѣйствій. Но всегда ли онѣ доказываютъ связи этнологическія? Обозначаютъ ли эти нити пути, по которымъ двигались народы?

Что смѣна культуръ, даже рѣзкая, почти не имѣющая переходныхъ ступеней, не доказываетъ смѣны народовъ, въ этомъ должны были убѣдиться даже скандинавскіе археологи, принимавшіе прежде цѣлый рядъ переселеній въ Скандинавію для объясненія перехода отъ камня къ бронзѣ, отъ бронзы къ желѣзу; теперь, повидимому, окончательно установился взглядъ, что со времени каменнаго вѣка составъ населенія скандинавскаго сѣвера не мѣнялся, что современные скандинавы прямые потомки носителей скандинавской же неолитической культуры, и лишь вопросъ о носителяхъ палеолитическаго періода и эпохи «кухонныхъ отбросовъ» (kjøkkenmøddinger) остается, пока, открытымъ.

«Торговля и культурное общеніе легко влекутъ за собою переселеніе» (Коссинна 280), — конечно, это такъ. Но отъ возможности къ необходимости еще далеко; во всякомъ случаѣ, такими соображеніями даже не опредѣляется направленіе передвиженій. Если бронзовая культура проникаетъ на скандинавскій сѣверъ двумя путями — на западѣ черезъ Ютландію, а на востокѣ изъ Помераніи моремъ въ южную Швецію (Коссинна 279), то выводить отсюда заключеніе, что передвиженіе народовъ шло въ діаметрально противуположномъ направленіи, съ сѣвера на югъ, по меньшей мѣрѣ рисковано. Ужъ если принимать переселенія, то не вѣрнѣе ли было бы предположить, что народы двигались за культурою или вмѣстѣ съ нею, т. е. что материкъ выслалъ на сѣверъ часть своего населенія, а не наоборотъ?

Въ какое изъ этихъ положеній, основанныхъ на археологіи,

мы бы ни вдумывались, насъ не покидаетъ чувство, что подъ нами колеблется почва, и что мы должны искать другихъ устоевъ.

Неоднократно—между прочимъ, и Коссинной 281—указывалось, что готское преданіе поддерживается повтореніемъ нѣкоторыхъ восточно-германскихъ этническихъ названій на скандинавскомъ сѣверѣ.

Прежде всего, имя материковыхъ готовъ повторяется въ жителяхъ острова Готланда (Gutar); очень близко подходитъ и названіе жителей южной Швеціи (Gautar); можетъ быть, на сѣверѣ есть даже греутунги [1]). Но совпаденія этимъ далеко не исчерпываются: имя бургундовъ указываетъ на островъ Борнгольмъ (<Burgundarholm), имя силинговъ, думаетъ Коссинна, можно связать съ названіемъ Зеланда (<Silund путемъ народной этимологіи?); общее названіе вандаловъ несомнѣнно повторяется въ имени жителей сѣверной Ютландіи, въ вендлахъ; южнонорвежскіе Rygir повторяютъ материковыхъ руговъ; наконецъ, тацитовыхъ лемовіевъ (Lemovii, al. Lemonii) можно бы связать съ скандинавскими Λευῶνοι Птолемея II, 11, 16, что, дѣйствительно, и дѣлаетъ Коссинна 281 сл., предлагая принимать описку въ послѣднихъ вм. *Λενῶνοι или въ тацитовыхъ лемовіяхъ вм. *Leuonii.

Всмотримся и въ эти доводы.

Изъ приведеннаго списка совпаденій мы должны, прежде всего, исключить нѣсколько случаевъ, полученныхъ лишь съ натяжкою и потому слишкомъ сомнительныхъ, чтобы можно было строить на нихъ какіе бы то ни было выводы.

Сюда относятся, прежде всего, лемовіи, въ пользу отожествленія которыхъ съ левонами говоритъ лишь та, именно, гипотеза, которую надлежитъ доказать. Тожество ихъ можетъ быть предположено, — именно, только предположено — если эта гипотеза превратится въ аксіому, но никакъ не можетъ быть приведено какъ доказательство.

1) Ostrogothae Iord. 3, 23 конечно=гауты.

Не лучше обстоитъ дѣло съ греутунгами. Имя ихъ получается въ Скандинавіи только путемъ довольно смѣлой конъектуры въ текстѣ Іордана 3, 22. Не подлежитъ сомнѣнію, что списокъ скандинавскихъ народностей у этого писателя 3, 19—24 взятъ изъ хорошаго источника; вѣроятно даже, что онъ записанъ со словъ южнонорвежскаго короля Родвульфа, бѣжавшаго къ Теодорику Великому въ Италію или посѣтившаго его тамъ (Iord. 3, 25). Но нѣкоторыя части этого списка искажены до неузнаваемости, и къ нимъ, именно, принадлежитъ то сочетаніе словъ, изъ котораго многіе изслѣдователи хотѣли вычитать имя греутунговъ. Но если Мюлленгофъ DA. II, 63 s. читаетъ «dehinc (послѣ Gautigoth acre hominum genus et ad bella promptissimum) mixti Evagreotingis», и видитъ въ Eva- такой же эпическій префиксъ какъ Here- въ Herescyldingas и т. под., то Момзенъ, въ своемъ изданіи, предпочелъ, на основаніи точнаго сличенія рукописей, чтеніе «dehinc Mixi, Evagre, Otingis»; Holder читаетъ dehinc Mistienae Greotingique; Zeuss 503 читалъ mixti Evagrae Otingis и узнавалъ въ нихъ испорченныхъ Maurae Blecingi и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, и эта форма должна, пока, остаться подъ вопросомъ.

Наконецъ, болѣе чѣмъ сомнительна связь силинговъ съ Зеландомъ: имя этого острова произошло, путемъ поздней народной этимологіи, изъ *Selhund (Bugge Arkiv VI [N. F. II], 237 ss.) отъ selh «тюлень», съ которымъ имя силинговъ не можетъ имѣть ничего общаго.

Остаются, однако, имена готовъ, бургундовъ, вандаловъ и руговъ, къ отожествленію которыхъ съ соотвѣтствующими скандинавскими этническими названіями со стороны ихъ *формы* препятствій не встрѣчается.

Скандинавскіе руги (Rugi) встрѣчаются уже у Іордана 3, 24. Это, безъ всякаго сомнѣнія, древ. Rygir въ Rogaland'ѣ, югозападномъ углу Норвегіи, о которыхъ неоднократно упоминаютъ литературные памятники сѣвера. Мы находимъ тамъ даже

Hólmrygir Heimskr. I, 98. Что касается англосаксонскихъ Holmrygeas, надъ которыми, по Widsið 22, царствовалъ Hagena, то неясно, относятся ли они къ Норвегіи или къ нижней Вислѣ. Въ стихѣ 69 того же памятника они называются просто Rugas. Въ обоихъ случаяхъ они стоятъ рядомъ съ загадочными Glommas. Но такъ какъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними англосаксонская поэма называетъ исключительно материковыя народности (грековъ, финновъ v. 20, суевовъ 22, румваловъ 69, т. е. волоховъ? Rumwalum вм. Rumwalhum?), то мы скорѣе отнесемъ и этихъ «островныхъ руговъ» къ материку. Смѣна формъ агс. Rygeas дрсѣв. Rygir — агс. Rugas та же, какъ и на материкѣ Rugii (Tacit.) — Rugi (Jord.), т. е. прагерм. *Rugjōz resp. *Rugiz — *Rugōz. Какъ бы то ни было, руги материка несомнѣнно повторяются именно въ этой формѣ на сѣверѣ.

Венды, въ древнѣйшей формѣ *Wandilōz, — жители области Vendill, нын. Vendsyssel на крайнемъ сѣверѣ Ютландіи, между Limfjord'омъ и моремъ. Въ дрсѣв. сагахъ они называются Vandilsbyggjar, Vendilfolk, у Саксона Грамматика область — Wendala, Wendila (481. 820), жители — Wendilenses (807. 908), и разъ даже Wandali (588), очевидно, подъ вліяніемъ имени материковыхъ вандаловъ. Относятся ли сюда и Wendlas Беовульфа 348, остается подъ сомнѣніемъ, ср. Müllenhoff, Beówulf 89 s.; Bugge PBB. XII, 7 s., ten Brink 203. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о Wenlas (вм. *Wendlas) Wídsíð 59: они стоятъ здѣсь между южными данами и варнами, но вслѣдъ за ними идутъ Gefþas т. е. гепиды, и Winedas, т. е. славяне.

Что касается бургундовъ и предполагаемой связи ихъ съ Борнгольмомъ, то мы тутъ наталкиваемся на весьма существенное затрудненіе. Дѣло въ томъ, что древнѣйшія формы имени острова Burgundarholm, Borghundarholm и т. под., но никогда не Burgundaholm, т. е. первая составная часть этого имени — gen. sing. личнаго имени, а не gen. plur. этническаго. На это указалъ уже Zeuss 465 not.[1], и его слова остаются въ силѣ и теперь. Ср. DA. II, 56 not., Much 42. Но допустимъ даже, что

первоначальная форма имени была Burgund [1]), откуда мыслимы агс. Burgendan у Эльфреда, и Burgundiones материка. Всетаки и тогда также останется рядъ сомнѣній. Дѣло въ томъ, что названіе Бургундъ далеко не единично: оно довольно распространено на сѣверѣ и встрѣчается также на материкѣ независимо отъ имени народа. Сюда относятся датскій островъ Borren < Borghund (около острова Möen), два норвежскихъ острова (Burgundö); въ Норвегіи же городъ Burgund и церковь того же имени; въ Швеціи, наконецъ, мелкое областное названіе Borna < Borghunda. Ср. Much 42, Коссинна 283. На материкѣ Burgunthart (VIII в.), въ Оденвальдѣ, ON. 366; фризское Burcund? (Zeuss 465 not.). Разъ это имя столь распространено, то оно, очевидно, могло возникнуть въ разныхъ мѣстахъ самостоятельно, и тожество имени бургундовъ материка съ жителями острова Борнгольма (агс. Burgendan) само по себѣ ничего не доказываетъ.

Остаются самые важные для насъ готы — гуты — гауты. Ихъ имена мы подробно разберемъ ниже. Предположимъ, пока, полное ихъ тожество и вернемся къ точкѣ зрѣнія Коссинны.

Онъ полагаетъ, какъ мы видѣли, что вся восточная Германія заселена выходцами изъ Скандинавіи. Дѣйствительно, если готы выселились оттуда, то необходимо принять то же самое и относительно руговъ, бургундовъ, вандаловъ и вообще лугіевъ, т. е. относительно всей восточной, вандильской, отрасли германскаго племени. Мы увидимъ ниже, что они связаны между собою тѣсными лингвистическими узами и уже въ I в. по Р. Хр. они выдѣляются изъ общаго состава германскихъ народовъ въ отчетливо обособленную вандильскую группу, см. Plin. IV, 14, 99: Vandili quorum pars Burgodiones, Varinnae, Charini, Gutones. Въ послѣдующіе вѣка эта обособленность лишь усилилась. Особенно поучительно то, что говоритъ о нихъ въ VI в. Прокопій, который, участвуя въ походахъ Велизарія противъ

---

1) Ср. Vambarholmr изъ Vömb, нын. Vomma, Коссинна 283.

вандаловъ и готовъ, могъ лучше другихъ историковъ того времени изучить готовъ и ихъ ближайшихъ родичей. Онъ объединяетъ ихъ подъ общимъ названіемъ Γοτθικὰ ἔθνη. Ихъ много, говоритъ онъ (bell. vandal. I, 2); они отличаются между собою именами, но во всемъ прочемъ они сходны: внѣшній видъ ихъ одинаковъ, и обычаи одни и тѣ же, и вѣра одна, такъ какъ они всѣ аріане; наконецъ, и языкъ у нихъ общій, такъ называемый готскій (φωνή.... Γοτθικὴ λεγομένη); они всѣ, повидимому, составляли нѣкогда одинъ народъ и дифференцировались лишь впослѣдствіи. Къ нимъ принадлежатъ готы въ узкомъ смыслѣ, т. е. остготы, затѣмъ вестготы, гепиды и вандалы (ср. bell. got. IV, 5). Кромѣ того, сюда же относятся руги (bell. got. III, 3). Бургундовъ Прокопій среди «готскихъ» народовъ не называетъ; они къ этому времени уже успѣли отдѣлиться, да и съ самаго начала они стоятъ нѣсколько въ сторонѣ, о чемъ см. ниже [1]).

На почвѣ языка мы можемъ прослѣдить процессъ обособленія довольно ясно. Первый, по времени, матеріалъ даютъ слова, заимствованныя финнами у германцевъ. Въ нихъ отчетливо выдѣляются два наслоенія: болѣе древнее, готское, и болѣе позднее, скандинавское.

Къ первому относятся такія слова какъ финск. miekka < готск. mēki (nom. mēkeis; ср. дрсѣв. mǣker < *mākiz, дрсакс. māki); niekla < готск. nēpla (дрсѣв. nál, resp. nǫ́l < *nāplō, дрврхнѣм. nādala). Оба слова, точно также какъ и слав. мьчь, предполагаютъ въ первоисточникѣ ẹ̄, т. е. такую звуковую ступень, черезъ которую соотвѣтствующій скандинавскій звукъ никогда не проходилъ.

Въ финскихъ словахъ, взятыхъ изъ скандинавскаго и также несомнѣнно весьма древнихъ (на что указываетъ сохраненіе древнихъ полныхъ окончаній), мы всегда находимъ уже ā <

1) На основаніи bell. vand. I, 3 и bell. got. I, 1 можно бы полагать, что Прокопій относитъ къ готамъ-жеалановъ. Но въ первомъ изъ названныхъ мѣстъ γοτθικὸν ἔθνος должно быть отнесено къ Βανδίλοι, а во второмъ καὶ ἄλλα ἄττα Γοτθικὰ ἔθνη должно быть переведено: и другіе, *т. е.* готскіе, народы.

прагерм. ǣ: paanu<прасѣв. *spānuR, дрисл. spǫ́nn, готск. *spēnus.

Что niekla заимствовано именно изъ готскаго, а не изъ скандинавскаго, доказывается и его окончаніемъ. Только въ готскомъ языкѣ -ō въ подобныхъ случаяхъ перешло въ -a, тогда какъ въ скандинавскомъ и западногерманскомъ оно даетъ -u: прагерм. *geƀō (nom. sing.)>готск. giba, но дрсѣв. gjǫf, агс. giefu<*geƀu, ср. рунич. giƀu на Зеландскомъ брактеатѣ, An. Gr. I², 262. Это отличіе ясно отразилось на финскихъ заимствованіяхъ. Послѣднія имѣютъ -a, если источникъ ихъ вандильская форма: niekla, akana<готск. ahana (дрсѣв. ǫgn, агс. egenu)<прагерм. *aganō; но они оканчиваются на -u, -o, если въ основѣ лежитъ скандинавское слово: runo<сѣв. rún<прагерм. *rūnō; arkku<сѣв. *arku (-ō), дрисл. ǫrk и т. д.

Такъ какъ готы покинули прибалтійскій край не позже конца II в. по Р. Хр., то указанныя общефинскія заимствованія должны относиться къ эпохѣ болѣе ранней, значитъ и ẹ̄ было свойственно готскому языку уже въ I вѣкѣ по Р. Хр.

Въ это время западные германцы также имѣютъ еще ē (ср. Σεγίμηρος Strabo VII, 1, 4 Segimerus Tac. ann. I, 71, Inguiomerus ibid. XI, 16 и друг.), но ē *открытое*, какъ доказываетъ его дальнѣйшее развитіе въ чистое ā, которое появляется у ближайшихъ сосѣдей вандильцевъ на западѣ, у суевовъ, впервые во II в.: ср. маркоманновъ Βαλλομάριος Petr. Patr. 124, Marcomarus Aurel. Vict. de Caesar. 16. Болѣе отдаленные западные германцы (напр. франки) сохраняютъ ẹ̄ до VI вѣка. Обо всемъ этомъ см. статью Bremer'a, PBB. XI, 1 ss.

Что касается скандинавскихъ нарѣчій, то здѣсь переходъ ǣ>ā проведенъ вполнѣ уже въ древнѣйшихъ руническихъ надписяхъ (напр. Thorsbjærg: mariR); вообще эти надписи являютъ уже вполнѣ ясный скандинавскій характеръ. Съ другой стороны, единственная несомнѣнно готская руническая надпись, относящаяся, вѣроятно, еще къ III в. (Ковельскій наконечникъ копья: Tilarids, см. Henning 1 ss. и tab. I) даетъ, по крайней мѣрѣ въ

окончанія им. пад. муж. р., специфически вандильскую форму съ выпаденіемъ краткаго a передъ s при сохраненіи послѣдняго. Въ скандинавской рунической надписи мы прочли бы въ этомъ словѣ *-ridaR, въ западно-германской *-rida, изъ прагерм. *-riđaz.

Такъ какъ мы увидимъ ниже, что и другія характерныя черты вандильскихъ нарѣчій выразились ясно не раньше I в. по Р. Хр., то сопоставленіе этихъ данныхъ приведетъ насъ къ выводу, что съ этого только времени вандильскіе германцы отдѣлились болѣе рѣзкою гранью отъ западныхъ сосѣдей. Это, конечно, не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ извѣстное стремленіе къ отклоненіямъ въ сторону позднѣйшихъ звуковыхъ переходовъ уже въ предшествующую эпоху, т. е., скажемъ, въ I и II вв. до начала христіанской эры.

Но какъ вяжется этотъ выводъ съ мнѣніемъ сторонниковъ скандинавскаго происхожденія вандильцевъ? Если предки послѣднихъ прошли въ Скандинавію уже въ III тысячелѣтіи до Р. Хр. и, пробывъ здѣсь два тысячелѣтія, вернулись инымъ путемъ на материкъ, то мыслимо ли, чтобы они сохранили, въ теченіе этого огромнаго промежутка времени, свой языкъ настолько неприкосновеннымъ, что онъ ничѣмъ существеннымъ не отличался отъ языка ихъ новыхъ сосѣдей, суевовъ? Мыслимо ли, чтобы они, подождавъ еще нѣсколько столѣтій, только *тогда* стали замѣтно отклоняться отъ общегерманской нормы?

Но вѣдь позднѣйшія вандильскія звуковыя особенности распространились только на тѣ народности, которыя, по мнѣнію Коссинны, вышли изъ Скандинавіи, т. е. онѣ остановились на порогѣ вандильскаго мірка и не коснулись ни одного изъ западно-германскихъ народовъ, не коснулись напр. семноновъ, непосредственно примыкавшихъ къ бургундамъ съ запада. Уже это одно выдѣляетъ ихъ изъ общегерманскаго этническаго состава.

Если такъ, то необходимо предположить, что вандильцы составляли уже въ Скандинавіи болѣе замкнутую группу, и что они вынесли уже изъ этой своей родины зародыши звуковыхъ

особенностей своего позднѣйшаго языка. Само по себѣ, это вполнѣ возможно, хотя оно и не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что праязыкъ другихъ скандинавскихъ народовъ навѣрное никогда не проходилъ черезъ тѣ звуковыя ступени, которыя предполагаются въ правандильскомъ языкѣ. Мы можемъ, тѣмъ не менѣе, допустить, что уже въ Скандинавіи вандильская группа выдѣлилась кое-какими особенностями.

Это необходимо, однако, предполагаетъ, что они составляли на сѣверѣ одно географическое цѣлое, въ противуположность къ другой группѣ, скандинавской въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Между тѣмъ, указанныя нами выше двойники материковыхъ германцевъ разсѣяны по всему сѣверу: гуты на Готландѣ, бургунды на Борнгольмѣ, силинги на Зеландѣ, вандалы въ Ютландіи, руги въ Норвегіи. Если совпаденія въ именахъ имѣютъ то значеніе, которое приписывается имъ Коссинною, то необходимо предположить, что и эта разбросанность по всему сѣверу есть уже результатъ позднѣйшихъ разселеній и что первоначально гуты Готланда соединялись съ ругами Норвегіи непрерывною цѣпью бургундовъ, силинговъ, вандаловъ. Это предполагается, впрочемъ, и одинаковымъ направленіемъ ихъ переселеній: еслибъ переселенцы пришли съ разныхъ пунктовъ скандинавскаго сѣвера, то стеченіе ихъ именно на нижней Вислѣ было бы необъяснимо, такъ какъ славою, которою пользовался янтарь, этихъ массовыхъ передвиженій не объяснишь.

Допустимъ, что это было именно такъ, т. е. что вандильцы уже въ Скандинавіи составляли замкнутую группу. Тогда возникаетъ вопросъ: гдѣ же жила эта группа народовъ? Небольшою областью мы ограничиться не можемъ. Если мы вспомнимъ, какую выдающуюся, первенствующую роль эти народности играли въ исторіи Европы въ теченіе III—VI вв., то мы, конечно, должны допустить, что уже въ моментъ переселенія онѣ составляли крупныя этническія единицы, тѣмъ болѣе, что онѣ обособились не на материкѣ, а въ Скандинавіи. На материкъ

выселились лишь *части* народовъ, а оставшiяся на родинѣ части ихъ были настолько еще значительны, что онѣ могли обезпечить существованiе народныхъ особей въ теченiе вѣковъ.

Они занимали, однако, не весь скандинавскiй сѣверъ: рядомъ съ ними тутъ же жили могущественные шведы, силу которыхъ подчеркиваетъ ужъ Тацитъ Germ. 44; гауты, борющiеся съ ними не безъ успѣха (см. ниже), даны, не говоря уже о герулахъ на датскихъ островахъ (ср. Iord. 3, 23; Procop. bell. got. II, 15), ютахъ и другихъ болѣе мелкихъ народныхъ единицахъ.

Между тѣмъ, германская Скандинавiя этого времени гораздо меньше нынѣшней: она лишь къ концу бронзоваго перiода достигаетъ на сѣверѣ Dalelf'a. Да и въ этихъ сравнительно тѣсныхъ границахъ она на добрую половину состоитъ изъ морей и озеръ. Гдѣ тутъ могли умѣститься огромныя народныя массы, которыя предполагаются разбираемой гипотезой?

Допустимъ, однако, что мы преувеличиваемъ многолюдность данныхъ народностей въ доисторическую эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, если выселенiе на материкъ относится къ VI—III вв. до Р. Хр., то, можетъ быть, въ это время онѣ и могли умѣститься, скажемъ, въ южной Швецiи рядомъ съ гаутами и шведами. Но какимъ образомъ, въ такомъ случаѣ, могли развиться вандильскiя особенности въ языкѣ?

А когда имъ стало тѣсно въ южной Скандинавiи, то отчего выбрали они опасный путь черезъ море, хотя на сѣверѣ было еще довольно мѣста? Политика скандинавскихъ германцевъ, явившихся сюда черезъ Ютландiю и датскiе острова, обращена фронтомъ на сѣверъ; медленно раздвигаютъ они въ этомъ направленiи свои границы, вытѣсняя, мало по малу, туземцевъ-финновъ [1]). Отчего же они вдругъ мѣняютъ фронтъ и отважно

1) Что область финновъ заходила далеко на югъ, доказывается тѣмъ, что еще въ историческое время въ центрѣ, нын. Götarike между Småland'омъ и Halland'омъ, небольшая область называется «финскою пустошью», Finnei∂i Knytl. saga c. 110 (Fornm. s. 11, 358), т. е. Finnheiði; у Саксона Грамм. 699 Finnia; ея жители у него же Finnenses, у Jord. 3, 22 Finnaithae, Adam. Brem. IV, 2

пускаются въ море? Готы и ихъ ближайшіе родичи никогда не были мореходами; въ I в. по Р. Хр., когда въ ихъ рукахъ была значительная часть южнаго побережья Балтійскаго моря, не они господствуютъ на этомъ морѣ, а шведы (Tacit. Germ. 44), на что неоднократно уже указывалъ Куникъ. Въ III и IV вѣкахъ, на югѣ Россіи, они могли предпринять свои морскіе набѣги только благодаря тому, что въ ихъ рукахъ оказались богатыя греческія колоніи съ ихъ привыкшимъ къ морю предпріимчивымъ населеніемъ. Тѣмъ не менѣе, они пускаются въ море, но не всѣ. Цѣлый рядъ народностей какъ то раздваивается. Одна за другою отдѣляются части бургундовъ, силинговъ, вандаловъ, руговъ, готовъ; не одновременно, но всѣ одинаково стремятся къ низовьямъ Вислы. Здѣсь они, какъ въ прародинѣ, вновь оказываются сосѣдями. А оставшіяся части тоже не остаются на мѣстѣ; они разбѣгаются во всѣ четыре стороны: готы и бургунды оказываются (или застряли по пути?) на Готландѣ и Бориігольмѣ, руги перебрасываются черезъ Скагеръ-ракъ въ южную Норвегію, вандалы черезъ Каттегатъ въ сѣверную Ютландію.

Откуда такой хаосъ? возможенъ ли онъ вообще? Передъ нами вѣдь не позднѣйшіе викинги, не знающіе предѣловъ своей удали, пробѣгающіе земли и моря въ исканіи добычи и славы; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переселеніемъ народныхъ массъ настолько значительныхъ, что онѣ несутъ съ собою не только имя и языкъ, но и національное самосознаніе, дающее имъ возможность основывать въ чужой землѣ національныя государства, которыя какъ таковыя призваны играть весьма видную роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ материка.

Возможенъ только еще одинъ исходъ, а именно, предположеніе, что шведовъ, гаутовъ, дановъ въ то время еще не было въ южной Скандинавіи, что они жили еще гдѣ нибудь западнѣе,

---

Finnedi al. Finvedi (Finnvið=Finnheiði). Очевидно, тутъ еще держалось нѣкоторое время первоначальное населеніе, когда окрестныя области уже были заняты германцами.

на датскихъ островахъ напр., или въ Ютландіи, и что вандильцы были, такъ сказать, передовымъ отрядомъ германскаго племени, который, прошедши черезъ датскіе острова, остановился на нѣкоторое время въ южной Швеціи, распался здѣсь на нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, вырабатывая, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ и кое-какія общія черты, а затѣмъ двинулся дальше черезъ море, тѣснимый, можетъ быть, надвигавшимися съ запада шведами, гаутами, данами.

Такое предположеніе устранило бы, дѣйствительно, нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ нами возраженій. Но за то, съ другой стороны, намъ пришлось бы допустить смѣну въ населеніи Скандинавіи, отъ которой отказались даже археологи, и въ силѣ остались бы другія возраженія. Какимъ образомъ могли, въ такомъ случаѣ, руги оказаться въ Норвегіи, венды въ Ютландіи, когда именно съ запада надвигались все новыя и новыя народныя массы?

Наконецъ, если Скандинавія была для вандильцевъ не родиной, а лишь, такъ сказать, попутной станціей, и если съ самаго начала они отдѣлились не отъ скандинавской, въ узкомъ смыслѣ, семьи, а были самостоятельною вѣтвью германскаго племени, то къ чему, вообще, эта скандинавская гипотеза? Только для того, чтобы объяснить совпаденія въ этническихъ названіяхъ? Но дѣло въ томъ, что эти совпаденія, сами по себѣ, ничего не доказываютъ.

Намъ неоднократно уже приходилось указывать на случаи повторенія частныхъ этническихъ названій въ предѣлахъ одной племенной группы, хотя бы народности, обозначаемыя ими, не имѣли ничего общаго между собою, кромѣ принадлежности къ одной и той же племенной семьѣ. Въ германскомъ мірѣ подобные факты наблюдаются въ размѣрахъ не менѣе широкихъ, чѣмъ напр. въ мірѣ славянскомъ, гдѣ названія полянъ, древлянъ, лютичей и друг. встрѣчаются въ разныхъ областяхъ, см. Kr 330 not.[2].

Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ.

Птолемей II, 11, 7 называетъ въ средней Ютландіи народъ Χαροῦδες. Что это пріуроченіе вѣрно, доказывается тѣмъ, что ихъ имя сохранилось какъ областное названіе не только въ средніе вѣка (Hǫrđ á Jótlandi), но еще и въ наше время: Harsyssel. Harudes встрѣчаются и въ войскѣ суева Аріовиста, Caes. bell. gall. I, 31. 37; они повторяются еще разъ въ юго-западной Норвегіи, гдѣ мы находимъ народъ Hǫrđar < *Haruđōz (= Arothi вм. Arochi Iord. 3, 24? Ср. DA. II, 66) и, наконецъ, въ центральной Германіи Harudi, Annal. Fuld. ad ann. 852. Ср. также Rothari genere Arodus (= Harodus? ср. Arudes вм. Harudes Oros. VI, 7, 7), Paul. Diac. IV, 42, 10; начальникъ герульскаго отряда въ войскѣ Нарзеса Ἄρουθ вм. Ἀρουθ, Proc. bell. got. IV, 26 и друг. Въ основѣ лежитъ, вѣроятно, то же слово, что въ имени лугійскихъ гаріевъ-хариновъ (выше стр. 62).

Не менѣе поучительный примѣръ представляютъ Eudoses Tac. Germ. 40. Это — Eucii, т. е. *Eutii въ письмѣ Теодеберта къ Юстиніану, Zeuss 357, позднѣе Iutae Beda I, 15, 36, Iuti ibid. IV, 16, 299, агс. Giótas, Geótas рядомъ съ Ýtas или Ýte Wídsíđ 26, дрсѣв. Iótar, т. е. юты, см. ten Brink 204 ss., Much 208 s., Erdmann 19 ss. Ихъ имя повторяется на крайнемъ юговостокѣ въ Εὐδουσιανοί Peripl. Anon. 62 (ср. Εὐλυσία вмѣсто *Εὐδουσία Proc. bell. got. IV, 4) на кавказскомъ побережьѣ близъ Анапы (Σινδικὸς λιμήν); они — τῇ γοτθικῇ καὶ ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ, несомнѣнные германцы, см. Loewe 19 ss. 32 ss. Если даже они герульскаго происхожденія, какъ полагаетъ этотъ ученый, то все же они съ тацитовыми Eudoses фактически не совпадаютъ. Замѣтимъ еще, что то же основное слово (*eųþo-) кроется еще въ алеманнахъ-ютунгахъ, Iuthungi Amm. Marc. XVII, 6, Ἰούθουγγοι Dexipp. ed. Bonn. p. 11 и т. д. = герм. *Eųþungōz. Въ свое время Мюлленгофъ ZfdA. X, 564 прямо отожествлялъ ихъ съ Eudusii. Ср. наконецъ рунич. личн. имя nom. sing. IuþingaR (Reidstad въ Норвегіи), An. Gr. I², 261; Burg 114.

Точно также имя варновъ одно изъ наиболѣе часто встрѣчаемыхъ въ германскомъ мірѣ. Въ области Вислы мы уже знаемъ (выше стр. 60 сл.) вариновъ по Плинію и Птолемею (*Uarenīz = *Uarnōz). Птолемей же знаетъ въ сѣверной Германіи II. 11. 9 Αὔαρποι, повидимому, вм. Οὔαρνοι, ср. Warnemünde около Ростока. У Тацита Germ. 40 варны стоятъ за англами въ сѣверномъ Шлезвигѣ: это, кажется, тѣ же варны, о которыхъ упоминаетъ Proc. bell. got. II. 15. III. 35. Другихъ варновъ мы находимъ на Рейнѣ (ibid. IV. 20): съ ними, вѣроятно, воевалъ въ 595 г. франкъ Хильдебертъ. Fredeg. IV. 15.

Наконецъ, упомянемъ еще объ омбронахъ, имя которыхъ слышится на крайнемъ сѣверозападѣ и крайнемъ юговостокѣ германскаго міра (см. выше стр. 158): о маркоманнахъ въ Чехіи и Швеціи (древ. Markamenn), и о скандинавскихъ Hillevionеs Plin. IV. 13. 96, повторяющихся, кажется, въ Helveconae вм. *Helveonae = Αἰλουαίωνες. См. выше стр. 51.

Эти и подобные факты лишаютъ готоскандинавскія совпаденія того значенія, которое имъ приписывается Коссинною. Мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ общегерманскимъ этническимъ именословомъ, выработаннымъ еще въ прародинѣ, гдѣ бы послѣдняя ни находилась, и разнесеннымъ германцами по всему огромному пространству, по которому они впослѣдствіи разсѣялись. Для характеристики скандинаво-вандильскихъ отношеній они рѣшительно ничего не даютъ.

Этими соображеніями данный вопросъ, въ сущности, уже исчерпывается. Но мы не можемъ перейти къ другому, не разсмотрѣвъ его еще съ одной стороны, которой мы коснулись выше лишь мимоходомъ.

Связь вандильскихъ германцевъ съ Скандинавіей могла бы быть установлена вполнѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать ее на почвѣ языка. Мы возвращаемся къ наиболѣе надежному критерію, убѣдившись, что всѣ остальные даютъ лишь шаткіе и ненадежные выводы.

Въ области общихъ разсужденій о большей близости гот-

скаго языка къ скандинавскому въ противуположность къ западногерманскимъ нарѣчіямъ интересующій насъ вопросъ, однако, не рѣшается. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ, дѣлящихъ всю совокупность германскихъ языковъ на двѣ только группы, объединяя вандильскіе и скандинавскіе языки въ одну группу (восточно-германскую, Ostgermanisch) и противуполагая ее западно-германской [1]). Но еслибъ мы даже приняли это дѣле-

---

1) Вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли дѣлить германскія нарѣчія на двѣ только группы, восточную и западную, включая въ первую и скандинавскія нарѣчія, или же вѣрнѣе выдѣлить послѣднія въ особую, третью группу, сѣверную, отдѣляя ее одинаково рѣзкою гранью какъ отъ восточной, такъ и отъ западной группъ. Перваго дѣленія, высказаннаго, кажется, впервые Holtzmann'омъ (Ad. Gr. I, 1, 1870 p. VI) держался Мюлленгофъ DA. II, 78 et pass., Шереръ ZGDS.[2] p. 7; попытка всесторонне научно обосновать такое дѣленіе была сдѣлана Циммеромъ ZfdA. XIX, 393 ss. Съ другой стороны, дѣленіе на три группы было проведено впервые Шлейхеромъ DS.[3] p. 91, за которымъ пошло теперь большинство новѣйшихъ ученыхъ, какъ напр. Brugmann Grdr. I, 10, Noreen Ab. Gr. 1^2, 1 s., Streitberg Urg. Gr. 13 s. 17 и друг. Наконецъ, третья группа ученыхъ предпочитаетъ формулировать свое мнѣніе такъ осторожно, что оно опредѣленнаго отвѣта на вопросъ не дастъ: см. напр. Behaghel DS. p. 9, Kluge въ Paul Gr. I, 362 ss.—Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ теорій стоятъ J. Grimm, который связывалъ готскій языкъ съ верхненѣмецкимъ, GDS. p. 482 et pass., и Joh. Schmidt, Vocal. II, 451, подчеркивающій черты, которыя связываютъ скандинавскія нарѣчія съ англосаксонскимъ, т. е. западногерманскимъ. Ср. также Förstemann KZ. XVIII, 163 s., Bezzenberger GGN. 1880, 152 ss., Kluge l. c. 363.

Изъ всѣхъ явленій, которыя приводились въ пользу обособленности гото-скандинавской группы, критику выдерживаетъ только одно, а именно развитіе, полученное прагерм. -u̯- между двумя гласными въ готскомъ и скандинавскомъ съ одной, въ западногерманскомъ съ другой стороны. Въ первыхъ двухъ оно одинаково даетъ -ggw-, тогда какъ въ западногерманскомъ развивается только -uu̯-: прагерм. *glau̯us, *treu̯as > готск. *glaggwus (cf. glaggwuba), triggws; дрсѣв. glǫggr, tryggr (acc. sg. tryggvan); — дрврхнѣм. glaunêr, triuui, агс. gleáw, дрсакс. glau (acc. sg. glauuan) и т. д. Нѣкоторыя частности западногерманскихъ отраженій см. Kögel PBB. IX, 523 ss. Фактъ, дѣйствительно, весьма важный, который не даромъ подчеркивается сторонниками гото-скандинавской теоріи. Къ нему можно еще прибавить развитіе, въ томъ же положеніи, праг. -i̯- (*tu̯ejōn) > готск. -ddj- (twaddjē), дрсѣв. -ggj- (tveggja), западногерм. -ii- (дрврхнѣм. zweio = zweijo), если только правъ Braune PBB. IX, 545 s., думая, что готск. -ddj- предполагаетъ болѣе древнее небное -ggj-. Послѣднее, однако, лишь возможно, ничуть не обязательно. — Но даже принимая цѣликомъ эти доводы, мы затрудняемся строить на такомъ единичномъ фактѣ гипотезу о гото-скандинавскомъ единствѣ, такъ какъ, не говоря уже о возможности случайнаго совпаденія въ развитіи, этотъ фактъ допускаетъ и дру-

ніе, то все же мы не считали бы возможнымъ вывести изъ него какія бы то ни было заключенія относительно этнической генеалогіи, т. е. хронологической послѣдовательности выдѣленія той или иной частной группы изъ общей. Во всякомъ случаѣ, подобными критеріями не рѣшается вопросъ, въ данный моментъ насъ интересующій, не рѣшается вопросъ о томъ, вышли ли восточные германцы изъ Скандинавіи, такъ какъ тѣ же критеріи допускаютъ и обратное рѣшеніе, что колыбель готоскандинавскаго единства лежитъ на материкѣ и что отсюда вышли скандинавы.

Мы должны подойти къ вопросу съ другой стороны, намѣченной нами уже выше, на стр. 268 сл. Разбираемая нами гипотеза предполагаетъ, что вандильцы вынесли уже изъ скандинавской родины зародыши звуковыхъ особенностей своего позднѣйшаго языка. А это налагаетъ на насъ обязанность всмотрѣться въ древнѣйшіе памятники восточно-скандинавскихъ нарѣчій, чтобы убѣдиться, не имѣется ли здѣсь какихъ либо слѣдовъ тѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя характеризуютъ вандильскія нарѣчія материка. Лишь въ томъ случаѣ, если такіе слѣды найдутся, мы въ правѣ поставить рѣшающій вопросъ: перенесены ли они изъ Скандинавіи на материкъ, или наоборотъ?

Мы можемъ ограничиться южной Швеціей и Готландомъ. Въ болѣе западныхъ областяхъ уже въ древнѣйшихъ руниче-

---

гое еще объясненіе, намѣченное уже Holtzmann'омъ l. c. I, 1 p. 29. 42 s., 2 p. 60 s.: развитіе по направленіи къ ggw, ddj и т. д. несомнѣнно началось уже въ прагерманскомъ, остановившемся на ступени -ṷṷ-, -i̯i̯-, изъ которой готскій и скандинавскій языки, независимо другъ отъ друга, могли развить вышеуказанныя звуковыя сочетанія. Вѣдь и западногерманскія нарѣчія не оставили -ṷ- и -i̯- безъ измѣненія. — Наконецъ, этотъ единичный фактъ блѣднѣетъ, когда мы всматриваемся въ многочисленныя совпаденія, связывающія скандинавскія нарѣчія съ западногерманскими, см. выше въ этомъ же примѣчаніи. Если, вообще, подобные факты не указываютъ только на географическую непрерывность въ расположеніи народностей, но допускаютъ и этнологическіе выводы въ смыслѣ генеалогіи народовъ, то мы, всматриваясь безъ предубѣжденія въ указанныя отношенія, стали бы скорѣе на сторону гипотезы о ближайшемъ родствѣ скандинавовъ съ западными германцами. Ср. также Noreen въ Paul Gr. I, 419 s.

скихъ надписяхъ выступаетъ характерно-скандинавскій типъ, предполагающій подготовительный періодъ, рѣзко расходящійся съ вандильскимъ. Въ южной же Швеціи насъ должны заинтересовать гауты, вслѣдствіе близости ихъ названія къ имени готовъ материка, и въ особенности гуты острова Готланда, вслѣдствіе полнаго тожества именъ. Если гдѣ нибудь сохранились на сѣверѣ слѣды вандильскіе, то именно только здѣсь.

Гауты южной Швеціи встрѣчаются впервые уже у Птолемея II, 11, 16, гдѣ вмѣсто Γοῦται несомнѣнно слѣдуетъ читать *Γαῦτοι. Мы узнаемъ ихъ затѣмъ въ Gautigoth Iord. 3, 22, Ostrogothae ibid. 23, Γαυτοί Procop. bell. got. II, 15. Въ дрисл. памятникахъ они зовутся Gautar, ихъ страна Gautland, прилаг. gauzkr; въ дршведск. Gøthar, Østgiøtar, Wæstgiøtar, ср. нын. Götar, область Götarike, Östergötland, Wästergötland, Göteborg, рѣка Götaelf; у англосаксовъ Geátas, Wídsíð 58 между шведами и южными данами (въ Скандинавіи), Beówulf passim.[1]). Всѣ эти формы безъ исключенія указываютъ на прагерм. *Gau̯tōz, основа *gau̯ta-.

Жители острова Готланда называютъ свою родину Gutland, себя Gutar (Norrgutar, Sudergutar), род. пад. Gutna, чаще Guta; дршведск. Gutar, но чаще Gotar, род. Gotna и Gota, островъ Gutland, прилаг. gutisk; дрисл. Gotar, род. Gota, adj. gotneskr; агс. Gotland. Въ русскихъ памятникахъ Готы (ср. Куникъ, Caspia 244 not.). Въ основѣ лежатъ прагерманскія формы *Gutanez и *Gutōz (основы gutan- и guta-), при чемъ, однако, первая, повидимому, древнѣе. Ср. Gutnalþing<Gutna alþing (Gutasaga c. 1).

Представимъ, кстати, тутъ же для сравненія формы имени готовъ материка. Онѣ представляютъ такую же смѣну основъ на -a и на -n, какъ и имя гутовъ, при чемъ и здѣсь также основа на согласный явно древнѣе. Она исключительно господствуетъ

1) У историковъ они, конечно, часто смѣшиваются съ готами. См. напр. Adam. Brem. Descriptio ins. aquil. 23: Gothi occidentales и orientales, Westragothia, Ostrogothia. Уже раньше у Іордана Ostrogothae.

въ первый періодъ готской исторіи: Plin. IV, 14, 99 Gutones; Tacit. Germ. 43 Gothones, Ann. II, 62 Gotones; Strabo VII, 1, 3 Βούτωνες вм. *Γούτωνες; Ptol. III, 5, 8 Γύθωνες. Сюда же относятся агс. Gotan, род. Gotena, Hréđgotan (выше стр. 7 сл.); дрисл. прилаг. gotneskr (Guđrúnarkviđa II, 16, 2: Grímhildr gotnesk kona). Всѣ эти формы указываютъ на основу *gutan-, которая исчезаетъ во второмъ періодѣ готской исторіи, уступая мѣсто основѣ на -a: Trebell. Poll., Flav. Vop., Amm. Marc., Idat., Iord. Goti, Gotti, Gothi; Zosim. и друг. Γότθοι, каковыя формы (-th-, -τθ-) вскорѣ устанавливаются окончательно. См. Wrede Ostgot. 44 ss. Сюда же относятся дрсѣв. Gotar, Reiđgotar и т. д. (выше стр. 7 сл.). Всѣ эти формы сводятся къ готск. *Gutōs, основа guta-. Слѣды древняго слабаго склоненія сохранились во второмъ періодѣ только въ Ostrogothae Iord. 5, 42 et pass., несомнѣнно изъ-за готскаго nom. sing. *guta, род. *gutins, ср. личное имя муж. р. Ostrogotha Iord. 14, 79, женск. р. Ostrogotho ibid. 58, 297. Единственныя дошедшія до насъ готскія свидѣтельства Gutþiuda (въ отрывкахъ готскаго календаря Cod. Ambr. A) и Gutaniowi (на Букарештской шейной гривнѣ) ничего не рѣшаютъ, такъ какъ могутъ указывать на обѣ формы основы.

И такъ, названіе жителей Готланда вполнѣ совпадаетъ съ именемъ готовъ материка: прагерманскіе прототипы одинаково *Gutanez, позднѣе *Gutōz.

Сложнѣе отношеніе этого имени къ гаутамъ южной Швеціи, имя которыхъ, въ основѣ, представляетъ собою, однако, лишь высшую ступень того же корня gut—gaut, ср. готск. giutan—gaut—gutum. Отношеніе совершенно то же, что въ дрисл. hlutr, агс. hlot, рядомъ съ дрисл. hlautr, готск. hlauts, дрврхнѣм. lōz (ср. глаг. дрсѣв. hlióta—hlaut—hlutom—hlotenn).

Весьма возможно, что мы имѣемъ дѣло съ дифференціаціей основъ въ зависимости отъ падежныхъ удареній въ предѣлахъ одного и того же слова, на что указалъ мимоходомъ уже Erdmann 18. Но тѣмъ не менѣе связь *Gautōz съ *Gutanez не та

ясна, какъ думаетъ этотъ ученый. Затрудненіе представляетъ основа на -n, которая на материкѣ предшествуетъ основѣ на -a, тогда какъ въ Скандинавіи нѣтъ слѣдовъ типа *Gautanez. Образованіе *gutan- морфологически совершенно ясно, ср. готск. nuta ловецъ, рыбакъ, отъ niutan. Но что касается значенія его, то ни одно изъ предложенныхъ до сихъ поръ толкованій не можетъ считаться удовлетворительнымъ. См. подробное изложеніе ихъ у Erdmann'а, стр. 1—11. Во всякомъ случаѣ, къ выясненію его нельзя привлекать дрсѣв. gotar, resp. gotnar, имѣющее въ языкѣ скальдовъ значеніе «мужи, войны»: это слово чисто эпическое; этническое имя, ставшее нарицательнымъ, см. Bugge NI. 153.

Намъ думается, однако, что не въ узко-германскихъ предѣлахъ слѣдуетъ искать рѣшенія вопроса о значеніи разбираемаго имени. Даже если мы примемъ за исходную точку вполнѣ возможныя параллели *Gautōz—*Gutōz, допустимъ переходъ послѣднихъ въ категорію основъ на -n, явленіе весьма частое въ германскихъ языкахъ, и затѣмъ обратный переходъ въ первичную форму, явленіе еще болѣе частое [1]), или, наоборотъ, предположимъ первоначальное *Gautanez рядомъ съ *Gutanez [2]),— въ обоихъ случаяхъ мы должны отнести двоякое обобщеніе смѣняющихся въ парадигмѣ основъ къ эпохѣ, лежащей за предѣлами германской жизни, такъ какъ прагерманскій языкъ уже болѣе не знаетъ свободной смѣны акцента въ зависимости отъ падежнаго ударенія, см. Streitberg 196 s., 211. Такое же точно двоякое обобщеніе съ послѣдующимъ переходомъ въ различныя категоріи основъ мы имѣемъ въ готск. qēns, рядомъ съ qinō, гдѣ мы можемъ доказать праиндоевропейское обобщеніе параллельными формами родственныхъ языковъ: qinō, дрсѣв. kona и т. д. (съ переходомъ, какъ въ *gutōz, въ категорію основъ

---

1) Впрочемъ, возможно также, что Gothi, Γότθοι неточно отражаютъ германскую форму. Ср. Franci, Φράγγοι = дрврхнѣм. Frankon.

2) Аналогичныя, хотя не совсѣмъ тожественныя параллели представляютъ *Ambronez—*Umbronez, см. выше стр. 158.

на -n) = слав. жена < праиндоевр. *gĕnā; рядомъ съ нимъ qēns (дрсѣв. kuǽn) = дринд. jāniṣ, авест. jainiš < праиндоевр. *gēnis.

Если такъ, то параллельныя формы gaut- и gut- существовали уже въ догерманскую эпоху и доказываютъ лишь, что уже тогда рядомъ съ гаутами стояли гуты.

Но вѣроятнѣе, что *gaúta- и *gután- съ самаго же начала ничего общаго между собою, кромѣ корня, не имѣли. Въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе нельзя опираться на сходство именъ въ вопросѣ о генеалогическомъ отношеніи двухъ интересующихъ насъ народностей. Вопросъ же о значеніи этихъ именъ становится лишнимъ [1]).

---

1) Лишнимъ считаемъ мы и подробный разборъ другихъ данныхъ, которыя могли бы быть приведены въ пользу ближайшаго родства гаутовъ съ готами. Впрочемъ, они и сами по себѣ не вѣски.

Въ германскомъ эпосѣ гауты всегда строго отличаются отъ шведовъ и дановъ. Граничащая съ Götarike на сѣверѣ область Södermanland, имя которой встрѣчается уже въ древнѣйшихъ сагахъ (напр. Ynglingasaga 40, cf. Zeuss 513), могло получить такое названіе конечно только съ точки зрѣнія шведской, въ противуположность къ гаутамъ. Послѣдніе составляютъ еще въ VI в. могущественное государство, которое то дружитъ, то вступаетъ въ борьбу со шведами. Очень ярко отразились гауто-шведскія отношенія въ поэмѣ о Беовульфѣ, въ которой геаты безъ всякаго сомнѣнія тѣ же гауты, не смотря на возраженія Fahlbeck'а въ ATfS. VIII (1884) и Bugge PBB. XII (1887), 1 ss. См. объ этомъ Müllenhoff'а, Beówulf 13 ss, ten Brink 207 ss. и друг. Вѣроятно вскорѣ послѣ описанныхъ въ поэмѣ событій гауты потеряли свою независимость и подпали власти шведскихъ королей. Точное хронологическое опредѣленіе этого событія не возможно, но намекъ даетъ Ynglinga s. 38. 40. Она разсказываетъ, что гауты были покорены королемъ Ingjald'омъ, убившимъ гаутскаго царя Allgaut'а, на дочери котораго Gauthild'ѣ онъ былъ женатъ. Ингьяльдъ — сынъ Ǫnund'а, правнука царя Aðils'а, т. е. Eadgils'а, играющаго нѣкоторую роль въ историческихъ частяхъ Беовульфа и несомнѣнно относящагося къ первой половинѣ VI в. Считая 4 царя на столѣтіе, мы получаемъ середину VII в. какъ вѣроятную эпоху покоренія гаутовъ шведами. Ранней гибелью гаутскаго государства объясняется забывчивость позднѣйшихъ скандинавскихъ преданій, уже не помнящихъ о гаутахъ, какъ о независимыхъ сосѣдяхъ. Они быстро слились со шведами, и когда въ XIII вѣкѣ началось развитіе общешведскаго литературнаго языка, то особое значеніе для нарождающейся лингвистической нормы получило именно нарѣчіе гаутское (Östergötland), ср. Noreen An. Gr. II, 2 s. 21. Впрочемъ, уже раньше ихъ языкъ представляетъ лишь весьма незначительныя діалектическія особенности въ сравненіи съ шведскимъ въ узкомъ смыслѣ, см. Noreen l. c. 17. Руническихъ надписей, относящихся ко времени до паденія гаутскаго госу-

Совершенно иначе представляется, съ перваго же взгляда, отношеніе материковыхъ готовъ къ гутамъ на островѣ Готландѣ. Полное тожество именъ при довольно близкомъ географическомъ сосѣдствѣ не можетъ быть случайностью. Окончательное рѣшеніе вопроса дастъ намъ языкъ.

дарства, немного. Въ Västergötland'ѣ ихъ двѣ: 1) на камнѣ, найденномъ въ Vånga, относящаяся къ первой половинѣ VI в., т. е. современная Беовульфу. Она читается HaukoþuR (собств. имя муж. р.) и имѣетъ какъ въ основѣ, такъ и въ окончаніи чисто скандинавскую форму, см. Burg 95 s., An. Gr. I[2], 266; но 2) на камнѣ, найденномъ въ Kinnèvad: SiRaluh. О значеніи этой надписи см. теперь Bugge NJ. 162 ss., 232. Она содержитъ слово (alu), употребляющееся, кажется, только на сѣверѣ, ср. ibid. 165. — Изъ Östergötland'a сюда относится только знаменитый Рёкскій камень (выше стр. 7 примѣч. [3]), на которомъ, кромѣ поздней надписи X в., есть, на обратной сторонѣ, нѣсколько болѣе древнихъ руническихъ знаковъ; но они имѣютъ только значеніе стариннаго таинственнаго орнамента и, повидимому, ничего не означаютъ, см. Burg 97 s., Wimmer у него же стр. 162. — Наконецъ, ничѣмъ не выдѣляются изъ скандинавскаго типа также надписи, найденныя южнѣе въ Блекингіи Tjörkö (VI в.) Burg 86 ss.; Istaby (ок. 700 г.) Burg 80 ss., NJ. 98 s.; Gommor (того же времени) Burg 84 ss.; Sölvesborg (VIII в.) Burg 55 ss. — и въ Сканіи Lindholm (VI в.) Burg 54 s., NJ. 130. Сохраняя, въ общемъ, прагерманскій типъ, онѣ въ отклоненіяхъ отъ него носятъ исключительно черты, характерныя для скандинавскихъ нарѣчій.

Во главѣ генеалогіи амаловъ Jord. 14, 79 стоитъ Gapt, имя котораго обыкновенно принимается за описку вм. Gaut. Съ другой стороны, Гаутъ по Yngl. s. 38 первый царь — эпонимъ гаутовъ, что на первый взглядъ связываетъ послѣднихъ непосредственно съ готами материка. Но Gaut — Geát обычная фигура въ родословныхъ не только скандинавскихъ, но и англосаксонскихъ королей, см. Grimm. DM. III [4], 377 ss, всегда въ связи съ Woden'омъ, то какъ предокъ, то какъ потомокъ его. Кентская генеалогія начинается съ Geta (т. е. Geáta) qui, ut ajunt filius fuit dei, l. c. 387; совершенно также у Іордана въ указанномъ мѣстѣ Gapt... primus heroum, quos non puros homines, sed semideos id est Ansis vocaverunt. Передъ нами общегерманское божество или, точнѣе, общегерманское прозвище Одина-Вуотана, такъ какъ оно встрѣчается и у южныхъ нѣмцевъ въ формѣ Gōz, Caoz и т. д. въ многочисленныхъ личныхъ и географическихъ именахъ, см. ZfdA. VII, 30; PN. 495 ss., ON. [2] 622 ss. Здѣсь первоначальное значеніе его уже стерто; оно сохранилось на сѣверѣ, см. въ старшей Эддѣ Grimn. 54, 4, гдѣ Одинъ говоритъ о себѣ: hétomk... Gautr... meþ goþom; Vegtamskv. 2, 1. 13, 2: Óþenn aldenn gautr. Каково бы ни было его нарицательное значеніе, «творецъ» (отъ giuta), какъ думаютъ обыкновенно, или «sermones serens, sermocinator» (Egilsson Lex. poet. 226), можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь исходный пунктъ этническаго имени гаутовъ. Ср. Skáldskaparm. 65. Впрочемъ, отношенія здѣсь неясны и требуютъ спеціальнаго изслѣдованія.

Къ сожалѣнію, всестороннее разслѣдованіе его исторіи пока не возможно, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Такъ, современный языкъ острова вовсе еще не обслѣдованъ; нѣтъ въ научной литературѣ матеріала номенклатурнаго (кромѣ небольшого списка у Lindström I, стр. 47 ссл.); имѣющійся рукописный матеріалъ (ibid. 38 s.) еще не изданъ, и т. д. Приходится довольствоваться тѣмъ немногимъ, что до сихъ поръ сдѣлано. Но и этого немногаго совершенно достаточно, чтобы выдѣлить языкъ острова изъ общаго состава шведскихъ нарѣчій и указать ему особое мѣсто не столько среди послѣднихъ, сколько рядомъ съ ними. Нореенъ, печатая въ прошломъ году первый выпускъ своей древнешведской грамматики, счелъ нужнымъ отмѣтить въ заглавіи ея, что она обнимаетъ древнешведскій языкъ «со включеніемъ древнегутскаго (An. Gr. II: Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen. Lfrg 1; Einleitung, Sonanten 1897). На стр. 22 своей книги этотъ лучшій, въ наше время, знатокъ скандинавскихъ нарѣчій такъ характеризуетъ языкъ острова: «Древнегутское нарѣчіе настолько своеобразно, что оно отличается отъ языка древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ шведскаго и датскаго сильнѣе, чѣмъ эти два языка расходятся между собою».

Этимъ опредѣляется отношеніе дргутск. языка къ ближайшимъ скандинавскимъ родичамъ: онъ представляетъ собою самостоятельную вѣтвь скандинавской семьи. Его оригинальность выступаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ глубже мы уходимъ въ его прошлое. Но и теперь еще онъ сильно расходится съ шведскими нарѣчіями въ узкомъ смыслѣ этого слова. См. Lundell, Om de svenska folkmålen, p. 16 (NI. 154 not. [3]). Естественно возникаетъ вопросъ, вышелъ ли онъ вообще изъ скандинавскаго корня? Не привитъ ли онъ лишь впослѣдствіи извнѣ къ скандинавскому стволу? Если онъ мало по малу только превратился въ нарѣчіе, въ общихъ своихъ чертахъ скандинавское, то это можетъ быть результатомъ того подавляющаго культурнаго вліянія, которое имѣло на островъ Швеція съ древнѣйшихъ вре-

менъ. Не слѣдуетъ забывать, что готы покинули прибалтійскій край уже въ концѣ II в., что уже съ этого момента готландцы, слѣдовательно, были отрѣзаны отъ своихъ ближайшихъ вандильскихъ родичей—если они были таковыми—и, предоставленные сами себѣ, должны были оказаться беззащитными передъ все усиливавшейся шведской волной. Ср. NI. 154. Подобнаго рода явленія наблюдались и наблюдаются еще теперь, напр. въ Германіи, гдѣ нижненѣмецкія нарѣчія отступаютъ все дальше и дальше передъ надвигающимся на нихъ верхненѣмецкимъ языкомъ, налагая на него, однако, характерную мѣстную окраску.

A priori, мы, слѣдовательно, можемъ допустить такой переходъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣются ли въ гутскомъ языкѣ данныя, которыя указывали бы на него.

Древнѣйшій памятникъ языка, найденный на Готландѣ—руническая надпись на фибулѣ изъ Айтеляйма (Etelhem). Всѣ изслѣдователи единогласно относятъ ее ко времени около 500 г., между прочимъ и Монтеліусъ, на основаніи чисто археологическихъ примѣтъ (NI. 154), такъ что это опредѣленіе можетъ считаться вполнѣ надежнымъ.

Что касается чтенія надписи, то и оно также должно считаться окончательно установленнымъ изслѣдованіемъ Bugge NI. 148 ss. Мы читаемъ, вмѣстѣ съ нимъ: mkmrlawrta [1]).

Бугге такъ дополняетъ недостающіе послѣ второй, третьей, четвертой и седьмой рунъ гласные звуки: «mik (или mek) Mārila worta» и переводитъ «меня Марила сдѣлалъ», всесторонне обосновывая свое пониманіе надписи палеографически, морфологически и синтаксически.

Не повторяя его вполнѣ убѣдительныхъ доводовъ, мы остановимся лишь на тѣхъ пунктахъ, которые важны для насъ въ данный моментъ: это—гласные элементы надписи, имѣющіе рѣшающее значеніе въ интересующемъ насъ вопросѣ. Относительно же согласныхъ замѣтимъ только, что отсутствіе h (worta

1) Noreen An. Gr. I^2, 258 и Kock, Undersökningar i svensk språkhistoria (Lund 1887), p. 108 ss. читали еще ekerlawrta. См. ниже.

вм. *worhta) вовсе не безусловный признакъ скандинавскаго языка, какъ думалъ еще Burg 111. Уже Бугге NI. 152 правильно указалъ, что и въ готскомъ часто недостаетъ, въ подобныхъ положеніяхъ, знака для h: uswaurts вм. uswaurhts II Кор. 9, 9, drausnos вм. drauhsnos Ев. отъ Іоанна 6, 12 и т. под. Не подлежитъ сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ съ VI в. h передъ согласными вообще начинаетъ исчезать (см. теперь и Wrede Ostgot. 175), послѣ того какъ уже раньше оно выпадаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, ср. готск. waúrstw<*wurχstwa-. Впослѣдствіи, древнее h совершенно исчезло въ готскомъ; ср. крготск. seis=вульф. saíhs, ano=вульф. *hanjō и т. под. [1]). Съ другой стороны, въ норвежской надписи на камнѣ изъ Tune, которая приблизительно современна разбираемой, находимъ worahto, dohtriR Burg 125 ss., NI. 7. 26 s. 40.

Что касается гласнаго послѣ перваго m, то мы можемъ смѣло настаивать на i, не e: ср. Gutasaga c. 1 mir, mic, и ниже.

Неважно также, стояло-ли послѣ w—u или o, такъ какъ яснаго діалектическаго признака оно не даетъ, ср. worahto выше, wurte на брактеатѣ изъ Tjörkö VI в., готск. waúrhta. Вѣроятнѣе, что надо читать worta, такъ какъ въ дргутск. u>o передъ r+cons., см. ниже.

Нѣсколько труднѣе рѣшается вопросъ объ a, заканчивающемъ всю надпись. Окончаніе 3 л. ед. ч. слабаго претерита на -a немыслимо въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, такъ какъ прагерм. *-ēđ даетъ рунич. -e: wurte (Tjörkö), sate (Gommor). Это, въ сущности, единственный фактъ, который могъ бы говорить въ пользу толкованія Noreen'a и Kock'a (выше), такъ какъ въ первомъ лицѣ -a<*-ōm было бы правильно. Дѣло, однако, въ томъ, что такое пониманіе надписи идетъ въ разрѣзъ съ ихъ же хронологическимъ опредѣленіемъ. Если разбираемая надпись

1) Указываемые Bugge l. c. Gisebertus и т. д. ничего не доказываютъ, такъ какъ они отражаютъ латинское произношеніе. См. Seelmann, Aussprache 252 ss.

дѣйствительно относится ко времени не позже начала VI вѣка (Noreen An. Gr. I², 3: с. 500), то этимъ уже исключается подобное толкованіе: въ это время, древнее ō еще сохраняется во всѣхъ положеніяхъ. Ср. не только выше worahto, но и runoR (Varnum и Tjörkö VI в.) и еще около 700 г. род. пад. множ. ч. haiðRruno (Björketorp). Впервые сокращеніе ō>a встрѣчается на камнѣ изъ Istaby, т. е. около 200 лѣтъ послѣ Айтеляймской надписи. Noreen противорѣчитъ самъ себѣ, ставя An. Gr. I², 72 эти двѣ надписи на одну линію. Палеографически наша надпись должна быть отнесена къ древнѣйшему типу руническаго письма, что вполнѣ согласуется съ обычнымъ опредѣленіемъ. Предположить описку a вм. o, также не представляется возможнымъ: эти два знака никогда, въ древнихъ надписяхъ, не смѣшиваются. Мы должны, поэтому, вернуться къ первой точкѣ зрѣнія, видѣть въ -a отраженіе древняго -ē и согласиться, что оно не укладывается въ скандинавскія рамки. Единственный германскій языкъ, который знаетъ сокращеніе -ē>-a по меньшей мѣрѣ уже съ IV вѣка, это—готскій; только съ *готской* точки зрѣнія спорное worta нашей надписи представляется не только возможнымъ, но и необходимымъ (вульф. waúrhta). Естественно предположить, что передъ нами готская, не скандинавская форма (ср. Bugge NI. 152).

Этимъ, однако, вопросъ еще не рѣшается окончательно. Важнѣйшая часть всей надписи для насъ сочетаніе знаковъ mrla. Между r и l безусловно нужно предположить i: окончаніе -ila въ собственныхъ личныхъ именахъ встрѣчается у всѣхъ германцевъ (западногерм. -ilo) и неоднократно засвидѣтельствовано на сѣверѣ руническими надписями: ср. Wiwila (Veblungsnæs VI в.), Niuwila (Næsbjerg VII в.).

Но что предполагается между m и r? Въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ надпись отказываетъ въ отвѣтѣ. Читая Mārila мы получаемъ чисто скандинавскую форму; читая Mērila — типичную готскую.

Намъ думается, что не слишкомъ смѣло будетъ предполо-

жить послѣднюю форму: помимо worta, она поддерживается еще двумя другими соображеніями.

Пропускъ i въ mik и -ila легко объясняется тѣмъ, что оно стояло непосредственно передъ и послѣ сильнаго ударенія, т. е. само ударенія не носило и, можетъ быть, уже произносилось неясно [1]). Въ wrta r могло слышаться какъ главный носитель слоговаго ударенія, при безусловной краткости предшествующаго гласнаго (ur<r̥). Такого рода неточности встрѣчаются часто въ руническихъ надписяхъ. Ср. напр. на Мюнхебергскомъ копьѣ, вѣроятно готскомъ, но, во всякомъ случаѣ, вандильскомъ: ranng͡a вм. *raninga, Henning 9 ss.

Не въ такихъ условіяхъ стоитъ гласный послѣ второго m. Онъ былъ, во всякомъ случаѣ, дологъ и носилъ не только главное удареніе слова, но и логическое удареніе всей надписи. Пропускъ его я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что писецъ не зналъ, какъ ее обозначить, т. е. не зналъ соотвѣтствующей руны. А если такъ, то необходимо предположить ē, а не ā, такъ какъ руна a была ему извѣстна.

Наконецъ, имя Mārila (позднѣе *Mǣrle) нигдѣ на сѣверѣ не встрѣчается; нѣтъ его и въ западногерманскомъ именословѣ. Кромѣ нашей надписи, оно встрѣчается всего одинъ только разъ еще, а именно у остготовъ въ Италіи. Подъ такъ называемой Неаполитанской купчей крѣпостью мы находимъ подпись: Ik Mērila bókareis handau meinai ufmēlida. Подпись эта почти современна Айтеляймскимъ рунамъ: она совершена въ Равеннѣ ок. 550 г.

Конечно, мы и въ этомъ также не можемъ видѣть прямого доказательства готскаго происхожденія надписи, такъ какъ имена на -ila секундарнаго образованія и представляютъ собою лишь ласкательную форму отъ любого полнаго имени на -mār, -mērs, а таковыхъ у всѣхъ германцевъ сотни. Но они могли войти и въ оффиціальное употребленіе, что доказывается, кромѣ

---

1) Ср. позднѣйшую смѣну i—e внѣ ударенія, An. Gr. I², 76, II, 127.

только что приведенной подписи, еще множествомъ другихъ примѣровъ. Ср. Totila qui (et) Baduila Iord. Rom. 380 и т. под. Въ этомъ смыслѣ формы на -ila особенно въ ходу у готовъ, такъ что совпаденіе, въ данномъ случаѣ, можетъ быть знаменательно.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ доводовъ даетъ намъ, на нашъ взглядъ, право, читать Айтеляймскую надпись Mik Mērila wor(h)ta и видѣть въ ней памятникъ чисто готскаго языка.

Но—мы и тутъ спѣшимъ оговориться. Фибула съ надписью могла быть занесена на островъ съ материка. За болѣе надежными критеріями мы должны обратиться къ тѣмъ памятникамъ дргутск. языка, которые несомнѣнно написаны на самомъ островѣ. А таковымъ представляется, прежде всего, рукопись cod. Holm. B 64, написанная ок. 1350 г. и содержащая въ себѣ древнѣйшую редакцію гутскихъ законовъ (Gutalag) и, въ видѣ приложенія, Гутасагу.

Не касаясь, пока, содержанія послѣдней, на которомъ намъ придется подробнѣе остановиться ниже, мы ограничимся характеристикой языка, выдвигая на первый планъ черты, привлекающія наше вниманіе съ точки зрѣнія «готской» гипотезы [1]).

Что намъ прежде всего бросается въ глаза при чтеніи дргутскихъ текстовъ, это — архаичность ихъ языка. Послѣдній значительно отсталъ въ своемъ развитіи отъ шведскаго, сохраняя болѣе древнія формы. Такъ, онъ не знаетъ перегласовки подъ вліяніемъ слѣдующаго u (u-Umlaut) или w; онъ сохранилъ древніе дифтонги ai и au (за немногими исключеніями, о

1) Памятниковъ дргутскаго языка немного. Кромѣ вышеназванной старшей редакціи Гуталагъ съ Гутасагой, имѣется еще младшая редакція ея, въ рукописи 1587 г. (копія съ утерянной рукописи 1470 г.). О составѣ этихъ законовъ см. Amira въ Paul Gr. II, 2 p. 95 s. Руническій календарій 1328 г., также утерянный, существуетъ только въ изданіи 1626 г. (O. Worm. Fasti danici). Въ виду ненадежности текста я имъ не пользовался вовсе.—Gutalag съ Gutasag'ой изданы всего лучше Schlyter'омъ въ Corpus Juris Sueo-Gotorum Antiqui t. VII, Lund 1852, съ шведскимъ переводомъ и словаремъ. Томъ XIII этого изданія—glossarium (Lund 1877), куда вошелъ и лексическій составъ Gutalag'a, къ сожалѣнію, безъ точныхъ цитатъ. Хуже изданъ тотъ же текстъ у Säve, Gut-

которыхъ см. ниже), и т. под. Если мы сравнимъ получаемыя такимъ образомъ дргутскія формы съ соотвѣтствующими дршведскими и готскими:

дргутск.	дршведск.	готск.
þau	þó	þáuh
laupa	løpa	hlaupan
auga	øgha	augō
stain	stén (рунич. stin Herened)	stains
aiga	égha, ǽgha	aigan
stinqva	stiunka	stigqan

то сходство перваго ряда съ третьимъ не можетъ не поразить насъ. Гутскія формы производятъ, такъ сказать, готское впечатлѣніе. Но подобное сохраненіе древнихъ чертъ, конечно, не доказываетъ ближайшаго родства и можетъ быть объяснено географическою обособленностью острова (ср. Исландію).

Съ другой стороны, мы не можемъ не замѣтить и многихъ совпаденій въ развитіи съ скандинавскими и, спеціально, съ шведскимъ языкомъ. Сюда относится, въ области вокализма, знаменательный переходъ прагерм. $\bar{\text{æ}} > \bar{a}$: ráþa, дршв. ráþa, готск. rēdan; полное проведеніе перегласовки подъ вліяніемъ i (i-Umlaut): namn — nemna, готск. namō, nom. pl. namna — namnjan, дршв. nam(p)n—næm(p)na [1]); въ консонантизмѣ пере-

---

niska Urkunder, Stockholm 1859, который за то даетъ текстъ всѣхъ руническихъ надписей (въ транскрипціи), найденныхъ на островѣ до выхода въ свѣтъ его книги, и интересное вступленіе. — Три отрывка Гуталага и начало Гутасаги вошли и въ Altschwedisches Lesebuch Noreen'a (Halle 1894) p. 36 ss.— Гутской фонетикѣ посвящена добросовѣстная, но теперь значительно устарѣлая работа Söderberg'a, Forngutnisk Ljudlära въ Lunds Universitets Årsskrift, t. XV, 1878—79. Кромѣ того см. Noreen въ Paul. Gr. I, 439 s., Bugge NJ 148 ss.; послѣдняя работа въ этой области указанная выше дршведская грамматика Noreen'a An. Gr. II. Наконецъ, я пользовался еще Lindström'омъ, Anteckningar om Gotlands Medeltid, Stockholm 1892. Онъ, впрочемъ, даетъ мало матеріала для интересующаго насъ вопроса.

1) Сохраненіе въ полной чистотѣ группы -mn- вм. шв. -mpn-, приводимое Нореномъ Paul Gr. I, 440 какъ характерный признакъ дргутскаго, не можетъ считаться таковымъ, такъ какъ и дршв. далеко не всегда вставляетъ p: hæmna, næmna и т. под. Ср. впрочемъ и Noreen'a l. c.

ходъ z>R, r во всѣхъ положеніяхъ: lengr, дршв. længer, готск. laggiza; Graiþr, дршв. Grépr, готск. *Graiþs; flairi, дршв. flére, готск. *flaiza-; наконецъ, въ области морфологіи напр. образованіе новаго mediopassiv'а посредствомъ личнаго resp. возвратнаго мѣстоименія: hailsas (уже въ рунич. надписи XII в. изъ Åkirkeby), дршв. hélsas; baiþas, дршв. bédhas и т. под.

Наконецъ, въ третьихъ, гутское нарѣчіе развиваетъ нѣкоторыя фонетическія особенности совершенно независимо отъ шведскаго съ одной, готскаго съ другой стороны. Такихъ чертъ, однако, немного; строго говоря, я вижу только два явленія, которыя безусловно должны быть отнесены къ этой категоріи: 1) древній дифтонгъ iu развивается въ iau: fliauga, дршв. flýgha, готск. *fliugan; diauþr, дршв. diuper, dyuper, готск. diups; и 2) дифтонги ai, au подвергаются сокращенію въ a передъ удвоеннымъ согласнымъ: adj. masc. braiþr — neutr. brat (<bratt)=дршв. brédher — bret, готск. braids (=þs) — braidata; masc. dauþr — ntr. datt = дршв. døþer — døt, готск. dauþs — dauþata.

Приведенная нами выше категорія совпаденій гутскаго съ шведскимъ побуждаетъ скандинавскихъ ученыхъ видѣть въ интересующемъ насъ языкѣ лишь своеобразно развившееся нарѣчіе шведскаго языка. Съ этой точки зрѣнія гутскій языкъ занялъ бы, такъ сказать, среднее положеніе между скандинавскими нарѣчіями съ одной и вандильскими съ другой стороны, примыкая къ первымъ извѣстными фонетическими и морфологическими нововведеніями и сохраняя вмѣстѣ со вторыми рядъ характерныхъ древнихъ чертъ.

Но на вопросъ о томъ, почему, при очень рано начавшемся и все возраставшемъ вліяніи шведскаго языка, не всѣ звуковые законы послѣдняго подчинили себѣ языкъ острова, могутъ быть только два отвѣта: либо, что эти законы были проведены и закончены раньше, чѣмъ гутское нарѣчіе подпало вліянію шведскаго; либо, что въ гутскомъ не было тѣхъ подготовительныхъ

звуковыхъ переливовъ, которые естественно должны предшествовать всякому замѣтному и отражающемуся въ письмѣ переходу, или, вѣрнѣе, что эти легкія звуковыя отклоненія шли тутъ въ иномъ направленіи. Въ обоихъ случаяхъ — совпадающихъ, въ концѣ концовъ, — мы должны предположить за началомъ письменной традиціи промежуточный фазисъ развитія, въ которомъ послѣднее не сходится, а расходится въ интересующихъ насъ языкахъ; періодъ же первоначальнаго общаго развитія придется отодвинуть далеко за предѣлы исторіи, въ эпоху общегерманскую.

На указанной промежуточной стадіи развитія должно быть сосредоточено все наше вниманіе; здѣсь, очевидно, мы должны искать рѣшенія, интересующаго насъ вопроса, и если намъ удастся доказать, что въ эту эпоху гутское нарѣчіе имѣло черты общія съ вандильскимъ и расходящіяся съ скандинавскимъ языкомъ, то тѣмъ самымъ мы докажемъ принадлежность гутскаго языка къ вандильской семьѣ.

Наиболѣе характерная черта, придающая всему вокализму вандильскихъ нарѣчій специфическую, имъ однимъ свойственную окраску, это — стремленіе къ крайнимъ точкамъ вокализаціи a, i, u; всѣ промежуточные звуки (e—o) во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ (æ, ę, ẹ, å, ǫ, ọ) какъ бы избѣгаются. Это стремленіе проведено всего рѣзче и стройнѣе въ языкѣ Вульфилы, гдѣ всѣ e и o перешли въ i и u [1]), всѣ $\bar{æ}$ и ē совпали въ ẹ̄ очень закрытомъ (ср. рукописныя чтенія azitizo Marc. X, 25 вм. azētizo, usdrebi ibid. V, 10 вм. usdribi и т. д. [2]); наконецъ, ō въ своемъ произношеніи приблизилось къ u, съ которымъ впослѣдствіи совпадаетъ (см. выше стр. 14 сл.).

Языкъ Вульфилы еще не довелъ этого движенія до конца: въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всѣ ē достигли чистаго i,

---

1) Только передъ r и h индоевр. i, u, какъ и вновь возникшія изъ e, o, переходятъ въ ĕ, ŏ (ai, aú), очевидно подъ вліяніемъ гортаннаго произношенія r, h.

2) Всѣ относящіяся сюда описки см. Leo Meyer p. 586.

всѣ ō — чистаго u: ср. преобладающее уже съ VII в. написаніе собственныхъ именъ на -mirus<-mērs; крымско-готск. schliepen, mine = вульф. slēpan, mēna; крымско-готск. stul, plut= вульф. stōls, blōþ. См. также выше стр. 15, Bremer PBB. XI, 7 ss., Wrede Wand. 91. 93 s., id. Ostgot. 161. 164.

Съ другой стороны, однако, переводъ Вульфилы — вѣроятно вестготскій въ основѣ — нѣсколько забѣжалъ впередъ въ развитіи краткаго е, по крайней мѣрѣ графически, сравнительно съ другими вандильскими нарѣчіями. Уже Шереръ ZGDS.[2] 51 s. not. догадался, что за однообразнымъ i Вульфиловой ороографіи могутъ скрываться два различныхъ звука i и ẹ; и эта догадка была подтверждена подробнымъ разборомъ остготскаго именослова. Оказалось, что остготы въ Италіи еще въ VI в. фактически имѣли ẹ рядомъ съ ę (= вульф. ai) и i (индоевр. i и е передъ i, j), см. Wrede Ostgot. 162 s. Намъ нечего обращаться за аналогіей къ срврхнѣм. е, какъ это дѣлалъ Шереръ: болѣе близкую и вполнѣ подходящую аналогію представляетъ нововѣм. i — ie, которыя въ литературномъ произношеніи означаютъ два ясно различаемыхъ звука į (или ẹ̆) и ī̤: ср. ist, finden, tinte — schiesst, gibt, lied. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что именно въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и замѣченную двойственность остготскаго i, съ тою только разницею, что тамъ закрытое произношеніе не предполагаетъ долготу звука, какъ въ нѣмецкомъ. Когда Вульфила писалъ swinþs, то онъ подразумѣвалъ то į, которое слышится въ нѣмецкомъ finden: это доказывается частою передачею готскихъ именъ Amalaswinþa, Mataswinþa черезъ Amalasuentha, Matesuentha. Объ этихъ именахъ см. Wrede Ostgot. 66. 96.

Такимъ образомъ, переходъ индоевр. е>i передъ n+cons. не только не есть прагерманскій законъ, но даже не можетъ считаться общегерманскимъ.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ прагерм. началось съуженіе индоевр. е въ i при извѣстныхъ условіяхъ. Передъ į оно уже тогда успѣло перейти въ i (ej>ij>ī: готск. steigan,

дрсѣв. stíga, агс. stīgan, дрфризск. stīga, дрсакс. дрврхнѣм. stīgan<прагерм. *stīga-<*steįgho-, ср. греч. στείχω и т. д.) [1]).

На этомъ остановилось прагерманское развитіе. Переходъ e>i передъ i, į слѣдующаго слога законченъ лишь на почвѣ обособленныхъ, но еще *всѣхъ* германскихъ языковъ. Ср. одно изъ древнѣйшихъ финскихъ заимствованій teljo изъ готск. *peljō; у Тацита Segimerus, Segimundus. Къ тому же времени относится переходъ e>i передъ n+cons., проведенный, какъ мы видѣли, не такъ рѣзко. Ср. финск. rengas изъ праготск. *hrengas, вульф. *hriggs; у Тацита Fenni, тогда какъ у Птолемея уже исключительно Φίννοι.

Здѣсь остановилось общегерманское развитіе. То, что впослѣдствіи развилось въ такъ называемый i- Umlaut, уже началось; сюда относится напр. вышеуказанный переходъ e>i передъ i, į въ слѣдующемъ слогѣ. Въ другихъ положеніяхъ мы можемъ предположить уже общегерманскую палатализацію посредствующаго согласнаго, передавшаго затѣмъ палатальную окраску стоявшему передъ нимъ гласному звуку (Sievers, Phon.[4] p. 257). Этимъ, вѣроятно, объясняются слѣды перегласовки a>e въ вестготскомъ языкѣ VI и слѣд. вѣковъ. Примѣры см. у Bezzenberger'a A-Reihe p. 9. Ср. также Dietrich 61.

Дальнѣйшій шагъ переноситъ насъ уже на почву вполнѣ обособленныхъ языковъ, которые съ этого момента начинаютъ расходиться.

Съ одной стороны, въ вандильской группѣ продолжается процессъ съуженія открытыхъ гласныхъ, который приводитъ, какъ мы видѣли, къ крайнимъ результатамъ.

Съ другой стороны, скандинавскія и западногерманскія нарѣчія развиваются въ діаметрально противуположномъ направленіи, расширяя, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже тѣ гласные звуки, которые первоначально были узки. Наиболѣе характернымъ проявленіемъ этого процесса представляется такъ назы-

1) Индоевр. ĕ въ абсолютномъ концѣ слова не перешло въ i, а отпало уже въ прагерманскую эпоху, см. Streitberg 55.

ваемая перегласовка подъ вліяніемъ a (a-Umlaut, Brechung), въ силу которой всѣ индоевр. i и u основы переходятъ въ e, o, если въ слѣдующемъ слогѣ стояло ă, ǣ или ŏ [1]). Напр. индоевр. *u̯iros (рядомъ съ *u̯īros = дринд. vīras) > дрсѣв. verr, агс. дрсакс. дрврхнѣм. wer (готск. waír произошло изъ *wir изъ-за r); индоевр. *jugom (ζυγόν, jugum, иго) > дрсѣв. ok, агс. gioc, дрврхнѣм. joh (дрсакс. juk вслѣдствіе перенесенія основного гласнаго изъ тѣхъ падежей, гдѣ окончаніе не имѣло звука, производящаго данную перегласовку, напр. род. ед. ч.). Другіе примѣры см. Noreen Urg. Ltl. 18 ss., Streitberg 56. 58.

Вандильскія нарѣчія этого закона не знаютъ. Тацитовы Gotones и позднѣйшія формы Gothi, Γότθοι ничего рѣшительно не доказываютъ. Въ нихъ мы либо имѣемъ дѣло съ неточностью написанія, ставшею традиціонною въ литературѣ, либо о отражаетъ въ себѣ первоначально произношеніе посредниковъ между Римомъ и готами, т. е. западныхъ германцевъ. Имъ можно противупоставить болѣе раннихъ и доказательныхъ Gutones Плинія, *Γούτωνες Страбона и болѣе позднихъ Γύθωνες Птолемея, не говоря уже о ґотской формѣ *Gutans (Gutþiuda календаря, рунич. Gutanio на Букарештской шейной гривнѣ). Этотъ фактъ имѣетъ, какъ мы увидимъ, первостепенное значеніе для рѣшенія интересующаго насъ вопроса.

Другой законъ, отражающій въ себѣ то же стремленіе къ расширенію, мы уже знаемъ. Это переходъ ǣ > ā, опять-таки свойственный только скандинавскимъ и западногерманскимъ языкамъ. На сѣверѣ уже древнѣйшія руническія надписи не знаютъ ни одного æ.

За отсутствіемъ яснаго матеріала мы, къ сожалѣнію, не можемъ опредѣлить хронологію перехода ǣ > ę̄ въ вандильской группѣ. Что и этотъ переходъ относится къ эпохѣ общевандильской, доказывается, съ одной стороны, финскими заимствованіями (см. выше стр. 266), съ другой—проведеніемъ его въ ван-

[1]) Исключенія составляютъ, конечно, тѣ случаи, гдѣ за i слѣдовало i или n+conп. См. выше.

дальскомъ языкѣ, см. Wrede Wand. 91. Мы видѣли, однако, что процессъ съуженія здѣсь далеко не законченъ въ моментъ передвиженія готовъ на югъ.

Все сказанное до сихъ поръ относится къ гласнымъ подъ удареніемъ. Что касается тѣхъ же звуковъ внѣ главнаго ударенія, то они представляютъ нѣсколько иную картину.

Прагерм. ǣ даетъ первоначально во всѣхъ нарѣчіяхъ ē, которое въ готскомъ языкѣ сохраняется (nasidēs) или, въ абсолютномъ концѣ слова, переходитъ въ ă, см. выше стр. 285. Въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ оно даетъ e, i, см. Noreen, An. Gr. I² 74. 76.

Прагерм. ō сохраняется какъ таковое въ готскомъ (gibōs) и переходитъ въ ă лишь въ абсолютномъ концѣ слова (gibă). Въ скандинавскихъ нарѣчіяхъ ō сохраняется въ древнѣйшихъ руническихъ надписяхъ еще во всѣхъ случаяхъ и лишь впослѣдствіи переходитъ въ a, resp. o (см. выше стр. 267).

Прагерм. ĕ даетъ во всѣхъ нарѣчіяхъ i, сохраняясь лишь передъ индоевр. r (Streitberg 54); совпавъ съ прагерм. i, оно затѣмъ видоизмѣняется въ зависимости отъ законовъ, дѣйствующихъ въ отдѣльныхъ языкахъ. Они для насъ уже не важны.

Прагерм. ŏ переходитъ въ ă во всѣхъ германскихъ языкахъ; оно сохраняется какъ ŏ только передъ m въ скандинавскихъ и западныхъ нарѣчіяхъ, тогда какъ въ готскомъ и въ этомъ положеніи также является a.

Остается замѣтить, что въ консонантизмѣ вандильскія нарѣчія сохраняютъ, въ общемъ, прагерманскій типъ; иначе говоря, для интересующаго насъ вопроса вандильскій консонантизмъ безразличенъ.

Подводя итогъ, мы подчеркнемъ положеніе, съ котораго мы начали характеристику вандильской группы: отличительная черта послѣдней—стремленіе къ крайнимъ точкамъ вокализаціи, сказывающееся весьма характерными фактами уже въ правандильскую эпоху, т. е. до переселенія готовъ на югъ и вызванныхъ имъ передвиженій другихъ вандильцевъ. Чѣмъ объяснить

эту звуковую окраску, налагающую на весь вандильскій вокализмъ такую специфическую печать, — объ этомъ два слова ниже. Пока, намъ достаточно установить этотъ фактъ, выдѣляющій вандильскую группу изъ общегерманской семьи. Въ то время, какъ остальныя германскія нарѣчія продолжаютъ жить общегерманскою жизнью, сообща проводя напр. a- Umlaut, вандильская группа уже остается въ сторонѣ, хотя географическое сосѣдство еще сохраняется. A- Umlaut'а вандильскіе языки потому и не провели, что въ это время указанная характернѣйшая черта ихъ уже развилась въ полной силѣ; не провели они, вслѣдствіе этого, и u- Umlaut'а и другихъ законовъ, характеризующихъ скандинавскіе и, отчасти, западногерманскіе языки. Въ эту эпоху обще-вандильской жизни — въ противуположность къ общегерманской, еще связывающей скандинавскія нарѣчія съ западными,—начался уже переходъ ǣ̨>ē, но не законченъ; начался i- Umlaut, но остановился на первыхъ шагахъ; ĕ перешло въ ĭ, ŏ въ ŭ, сохраняя, однако, въ извѣстныхъ случаяхъ, болѣе открытую артикуляцію (į).

Обращаясь теперь къ гутскому языку, мы должны, очевидно, сосредоточить и здѣсь также наше вниманіе на вокализмѣ.

Уже Бугге NJ. 158 отмѣтилъ, что «гутскій языкъ вообще раздѣляетъ съ готскимъ тенденцію къ переходу отъ болѣе открытыхъ гласныхъ къ болѣе закрытымъ».

Основываясь на выясненныхъ нами особенностяхъ вандильскаго вокализма, мы можемъ теперь опредѣлить эту «тенденцію» точнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить ее.

Мы дѣлимъ относящіеся сюда факты дргутскаго языка на двѣ категоріи.

I. Данныя, доказывающія, что въ гутскомъ вокализмѣ безусловно господствуютъ крайніе a, i, u во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не были видоизмѣнены позднѣйшими звуковыми законами (переломомъ и т. под.).

1) Дргутскій языкъ вовсе не знаетъ краткаго ŏ, вмѣсто ко-

тораго всюду находимъ ŭ, за исключеніемъ только случая, когда оно стоитъ передъ r+cons. Напр. mulka=дршв. molka, þunki=дршв. þokke, Gutar=дршв. Gotar, fulk=дршв. folk, bughi=дршв. boghi, ustr=дршв. oster [1]). Съ другой стороны, дргутск. bort=дршв. bort, vorþin=дршв. vurþin (vordhin). Другіе примѣры см. Söderberg 16 s. Нельзя не обратить вниманія на то, что дргутскій языкъ, превращая u>o передъ r+cons., слѣдуетъ чисто вандильскому закону, лишь нѣсколько съуживая его дѣйствіе, ср. напр. дргутск. partic. skurin отъ skiera, вульф. *skaúrans отъ *skaíra (откуда вульф. winþiskaúrō) изъ прагерманск. *skuranaz resp. *skurenaz.

Единственное исключеніе изъ указаннаго закона представляетъ дргутск. burg;—но это едва ли не одно изъ многочисленныхъ въ гутскомъ языкѣ заимствованій изъ нѣмецкаго (ср. гутск. kloster и т. под.), тѣмъ болѣе, что въ географическихъ названіяхъ мы находимъ правильное borg: Gullborg, Thorsborg, Wisborg (Lindström I, 51. 55).

Внѣ ударенія, древнія u и o сливаются въ дргутскомъ u: gangnum, handum, hafþu, gierþu и т. д. Строгое проведеніе этого закона представляетъ собою рѣзкую противуположность къ колебаніямъ, характеризующимъ внѣ ударенія дршведскую смѣну u—o, которая находится въ зависимости отъ сосѣднихъ гласныхъ и условій ударенія (Vokalharmonie и Vokalbalanz, Noreen An. Gr. II, 124 ss.) [2]).

2) Совершенно аналогичную судьбу имѣли въ гутскомъ языкѣ древнія e и i. Въ общемъ, e является въ гутскомъ только

1) Большинство относящихся сюда примѣровъ объясняется отсутствіемъ a- Umlaut'a, о которомъ см. ниже.

1) Случаи въ родѣ ok, os, tolf объясняются иначе. Ok<auk, еще исключительно господствующаго въ руническихъ надписяхъ до XII в., см. напр. надписи изъ Sjonhem'a, Hauggrän'a и друг., тогда какъ въ надписи изъ Atlingbo находимъ уже ok. Надписи эти см. Säve 44 s. Здѣсь, какъ въ os (изъ us), мы имѣемъ, вѣроятно, дѣло съ дѣйствіемъ проклизы. Знаменательно, что новогутскій языкъ знаетъ только uk и us! Что касается tolf (готск. twalif, дршв. tolf), то это слово имѣетъ свою особую исторію, см. ниже. Можетъ быть, впрочемъ, o развилось на почвѣ гутскаго языка правильно изъ -wa-?

какъ результатъ i- Umlaut'а изъ a: lengr=дршв. længer, segia=дршв. sæghia, sæya; тогда какъ въ отраженіяхъ прагерм. e безусловно преобладаетъ i, совпавшее, такимъ образомъ, съ древнимъ i, гдѣ его не видоизмѣнили позднѣйшіе звуковые законы, какъ-то преломленіе и т. под. Такъ, мы имѣемъ въ дргутск. dat. sing. mir, þir, sir=дршв. mær, þær, sær; дргутск. þinna, þitta = дршв. þænna, þætta; miþan, niþan = дршв. mæþan, nædhan; niþar=дршв. næþar и т. д. Само собою разумѣется, что передъ n+cons. также исключительно i: brinna, stinqva, drikka и т. д. Нельзя, однако, не замѣтить, что переходъ e>i проведенъ не такъ строго какъ o>u. Колебанія въ сторону e (сравнительно, впрочемъ, рѣдкія) отчасти объясняются дѣйствіемъ полной неударяемости (meþ), сводящей, въ концѣ концовъ, всѣ гласные внѣ ударенія въ шведскомъ языкѣ къ безразличному e (ср. An. Gr. II, 137 s.)[1]); отчасти же они должны быть отнесены къ заимствованіямъ изъ шведскаго, нося чисто шведскія формы, необъяснимыя съ точки зрѣнія гутскаго языка (lesa, fem и т. под.). Объ этомъ см. ниже.

Въ окончаніяхъ гутскій языкъ знаетъ только i, въ противуположность къ шведскому, смѣняющему e—i какъ u—o. Примѣры см. Söderberg 25.

3) ō подъ удареніемъ сохранилось: blota=готск. blōtan, дршв. blóta. Но что въ дргутск. это ō произносилось очень узко, какъ готск. ọ̄, а не какъ дрсѣв. ó, доказывается тѣмъ, что оно подъ вліяніемъ i- Umlaut'а даетъ ȳ, а не ǿ̄ какъ въ шведскомъ; напр. byta=готск. bōtian, дршв. bǿta; fyþa (уже на рунич. надп. изъ Åkirkeby)=дршв. fǿþa. Иначе говоря, перегласовка дала здѣсь тотъ же результатъ, какъ при основномъ ū (дргутск. дршв. hús—hýsa).

ō внѣ главнаго ударенія дало u. Этимъ объясняются единичныя, не подпавшія шведской морфологіи формы nom. pl. augun, oygun, сводящіяся непосредственно къ чисто готскимъ формамъ

1) Такъ, несомнѣнно, объясняются и совершенно незаконныя et, þet, вм. at, þat.

augōna, ausōna. Съ этой точки зрѣнія объясняется и загадочное, специально гутское окончаніе род. пад. ед. ч. основъ на -ōn: -ur (kirkiur и т. п.) изъ -ōs (gibōs), причемъ мы должны допустить перенесеніе его сюда изъ склоненія основъ на -ō.

4) ē подъ удареніемъ большею частью секундарнаго происхожденія (<ai и т. д.). Тамъ, гдѣ оно древне, ему соотвѣтствуетъ въ дргутск. i: дргутск. hier (<*hīr)=дршв. hǽr, прагерм. *hēr; Grikir, Grikland<прагерм. *Grēka-, готск. Krēks, дршв. Græker. Стремленіе перехода ē>i сказывается и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ē возникло позже. Такъ, дршв. hǽt (praeterit. отъ hæta) всегда соотвѣтствуетъ дргутск. hit (inf. haita; готск. háita—haíháit); дргутск. litu=дршв. lǽtu, дргутск. kni=дршв. knǽ. Передъ гласными ē всегда переходитъ въ i: sia=дршв. séa; Swiar=дршв. Swéar. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, находимъ колебанія: дргутск. fé=дршв. fǽ, готск. faíhu, но сложное дргутск. fileþi=дршв. fælaþi, fælædhe, вульф. *faíhu-lēdi.

II. Вторая категорія фактовъ древнегутскаго языка, еще болѣе доказательная, объяснима только съ точки зрѣнія готской гипотезы и можетъ быть подведена подъ слѣдующую общую формулу:

Когда гутскій языкъ, отдѣленный отъ вандильскихъ родичей, примкнулъ къ скандинавскому развитію, то онъ подпалъ не всѣмъ законамъ, опредѣлившимъ послѣднее, такъ какъ 1) нѣкоторые изъ этихъ законовъ были уже проведены вполнѣ и утратили свою силу, и 2) проведенію другихъ мѣшалъ развившійся въ вандильской прародинѣ вокализмъ, представлявшій совершенно неподготовленную почву для ихъ проведенія. Наконецъ, 3) вполнѣ проведены перегласовка подъ вліяніемъ i и однородная съ нею палатализація подъ вліяніемъ R, такъ какъ по крайней мѣрѣ первое изъ этихъ движеній началось уже въ общевандильскую эпоху.

1) Не проведенъ вовсе a- Umlaut, одинъ изъ древнѣйшихъ звуковыхъ законовъ, значительно видоизмѣнившій вокализмъ

скандинавскихъ и западногерманскихъ языковъ. Онъ проведенъ уже въ древнѣйшихъ руническихъ надписяхъ: horna (Gallehus), worahto (Tune) и друг. [1]). Когда къ скандинавскимъ языкамъ примкнулъ гутскій, то процессъ этотъ былъ, повидимому, уже законченъ; во всякомъ случаѣ, гутскій вокализмъ его не знаетъ. Самый яркій примѣръ Gutar въ сравненіи съ общескандинавскимъ Gotar; другіе примѣры см. выше стр. 296.

2) Не проведенъ также u- (resp. w-) Umlaut. Этотъ процессъ, начавшійся приблизительно въ VIII в. по Р. Хр. (ср. Noreen въ Paul Gr. I, 446) и продолжавшійся, съ перерывомъ, приблизительно до 1200 года (id. An. Gr. I³, 54 ss.), относится, слѣдовательно, къ эпохѣ, когда Готландъ давно уже подпалъ шведскому вліянію. Если, тѣмъ не менѣе, онъ не былъ проведенъ на островѣ, то причину слѣдуетъ видѣть въ томъ, что языкъ послѣдняго не былъ подготовленъ къ нему, что здѣсь отсутствовала та склонность къ лабіализаціи гласныхъ, которая на сѣверѣ должна была предшествовать проведенію этой перегласовки. Такъ напр. не было вовсе древнихъ открытыхъ ę, такъ какъ они уже раньше перешли или приблизились къ i; а новое e, происшедшее изъ a вслѣдствіе вліянія слѣдующаго i, было закрытымъ. Примѣрами могутъ служить дргутск. hagga = дршв. hugga, дрисл. hǫggva, готск. *haggwan; дргутск. markum, lagum и т. д. См. Söderberg 26 ss.

Единственное исключеніе представляетъ собою дргутск. yx, предполагающее уже u-Umlaut *ǫxi, ср. дршв. øx, готск. aqizi. Въ виду единичности случая, мы должны предположить заимствованіе изъ шведскаго, подчинившееся затѣмъ спеціально-гутскимъ переходамъ ǫ > ọ > y.

3) Вполнѣ проведенъ i-Umlaut, такъ какъ этотъ законъ, представляющій собою палатализацію основныхъ гласныхъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ общему движенію вандильскаго вокализма и начался, какъ мы видѣли, уже въ общевандильскую

1) Его считаютъ часто прагерманскимъ, см. напр. Noreen Urg. Ltl. 19 ss., Streitberg 56. 58. Ср., однако, съ этимъ Wrede, Ostgot. 164 s.

эпоху. Особеннаго вниманія заслуживаетъ отмѣченный нами выше стр. 297 фактъ, что i-Umlaut уже не засталъ древнихъ o, ō, успѣвшихъ настолько приблизиться къ u, ū, что они въ перегласовкѣ дали не ø, ǿ, какъ во всѣхъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ, а y, ý, т. е. именно тѣ звуки, которые несомнѣнно получились бы и въ готскомъ, если бы въ этомъ языкѣ продолжался начавшійся въ прародинѣ процессъ палатализаціи. Примѣры см. выше стр. 297. Въ томъ же точно направленіи идетъ перегласовка подъ вліяніемъ R, дающая тѣ же результаты.

Что касается страннаго, на первый взглядъ, перехода (при i- и R-Umlaut) au>oy, напр. hoyra=дршв. høra изъ høyra, готск. hausjan; droyma = дршв. drøma, готск. *draumjan; oyra=дршв. ǿra, готск. ausō и т. д.—то вмѣсто oy слѣдовало бы ожидать ey (какъ въ дрисл.). Мы имѣемъ здѣсь, вѣроятно, дѣло съ секундарнымъ сближеніемъ компонентовъ дифтонга ey. Дѣйствительно, въ рунической надписи изъ Åkirkeby (ок. 1200 г.) встрѣчается еще правильное leysti, и еще въ младшей рукописи Гуталага døyr, очевидно вм. deyr. Оба случая сохранили древнюю форму и понятны только съ этой точки зрѣнія[1]).

Къ древнимъ звуковымъ законамъ, распространившимся изъ Скандинавіи на Готландъ, принадлежитъ переходъ ǣ>ā—единственный случай расширенія гласнаго, первоначально болѣе узкаго въ гутскомъ языкѣ. Для объясненія его мы должны вспомнить, что палатализація прагерм. ǣ не могла зайти далеко въ моментъ предполагаемаго нами отдѣленія готландцевъ отъ готовъ, разъ напр. въ остготскомъ языкѣ VI вѣка ē еще отличается отъ ī (см. Wrede, Ostgot. 161). Мы можемъ и должны предположить, что въ томъ нарѣчіи, которое принесли съ собою переселенцы, движеніе это еще не сказывалось такъ рѣзко, чтобы помѣшать возвращенію къ болѣе открытому звуку въ моментъ проникновенія на островъ скандинавскаго закона ǣ>ā. Во всякомъ случаѣ, древнее ǣ еще строго отличалось отъ древняго ē̜, давшаго правильно i, какъ мы видѣли на стр. 290 сл.

1) Noreen An. Gr. II, 117 отказывается отъ ихъ пониманія.

По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, сопротивленіе со стороны гутскаго вокализма, если можно такъ выразиться, уменьшается: болѣе поздніе скандинавскіе законы проводятся цѣликомъ, какъ и на почвѣ консонантизма, гдѣ съ самаго начала сопротивленіе не сказывалось. Проводятся, напр., такъ называемое преломленіе (Brechung), причемъ, однако, снова сказалась особенность гутскаго вокализма въ томъ смыслѣ, что въ обоихъ случаяхъ (a-Brechung и u-Brechung) въ результатѣ получилось не ia, resp. iu, io, какъ въ дршведскомъ, а однообразное ie: iek=дршв. iak, mielk=дршв. miolk. Ср. въ рунахъ изъ Hauggrän (Säve 44) kierwa, biern и друг.

И тутъ также мы наталкиваемся на единичныя исключенія: дргутск. iorþ, fingur, tingu=дршв. iorþ, fingur, tingu; дргутск. þiana, þianosta заимствовано изъ дрсакс. thianōn, thianust.

Эти факты приводятъ насъ къ послѣднему вопросу, котораго намъ остается коснуться.

Выше намъ неоднократно приходилось прибѣгать къ предположенію о заимствованіи готовыхъ словъ изъ шведскаго языка. Что при наличныхъ условіяхъ такія заимствованія были неизбѣжны, это ясно a priori, и мы въ правѣ предположить ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прошли-ли они книжнымъ путемъ, встрѣчаясь только въ письменныхъ памятникахъ, или-же проникли и въ народный языкъ — это вопросъ иной, который можетъ быть рѣшенъ только путемъ изслѣдованія современнаго гутскаго нарѣчія, намъ, къ сожалѣнію, недоступнаго. Но заимствованія, во всякомъ случаѣ, были; ихъ пришлось бы предположить даже еслибъ мы считали гутскій языкъ органическимъ отпрыскомъ скандинавскаго, такъ какъ такія формы какъ flestr, iorþ, fem никоимъ образомъ не укладываются въ гутскія рамки, и намъ кажется, что съ этой точки зрѣнія заимствованій или исключеній пришлось бы предположить еще гораздо больше. Исходя же изъ «готской» гипотезы, мы получаемъ несомнѣнно болѣе стройную картину и можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до извѣстной степени даже установить относительную хронологію

заимствованій, отличая болѣе древнія изъ нихъ, подпавшія послѣ перехода на островъ еще нѣкоторымъ особенностямъ гутскаго языка (ух), отъ тѣхъ, болѣе позднихъ, которыя сохранились въ полной неприкосновенности (lesa, iorþ и друг.). Наконецъ, за заимствованіе въ нашемъ смыслѣ слова говоритъ и то обстоятельство, что таковыми оказываются напр. рядъ однородныхъ, по значенію, словъ, имена числительныя tueir resp. tuēr, fingur, fem, tolf, tiugu.

Если древнее wr- даетъ въ дргутск. то r- (raiþi), то br- (briska<готск. ga-wrisqan), то и здѣсь также мы должны видѣть въ сохраненіи w- въ видѣ b- внѣшнее шведское вліяніе, а то обстоятельство, что новогутскій народный языкъ знаетъ больше случаевъ этого сохраненія, чѣмъ языкъ древней письменности (см. Säve XXVII: brak, brala, bräida), повидимому, подтверждаетъ высказанную выше догадку, что заимствованія шли двумя путями, книжнымъ и народнымъ.

Многое остается, пока, неяснымъ. Мы коснулись лишь немногихъ явленій гутскаго языка и не исчерпали даже имѣющагося у насъ древняго матеріала. Намъ важно было только указать на нѣкоторые основные законы гутскаго вокализма, достаточно, на нашъ взглядъ, подтверждающіе нашу гипотезу, что исторической жизни гутскаго языка предшествовалъ періодъ, въ который онъ, въ области вокализма, по крайней мѣрѣ, развивался въ направленіи противуположномъ скандинавскому развитію и совпадающемъ съ вандильскимъ. Всестороннее обсужденіе и разъясненіе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ возможно будетъ лишь послѣ основательнаго фонетическаго, морфологическаго и лексическаго обслѣдованія современнаго гутскаго языка, — а за эту работу никто еще не брался. Тотъ матеріалъ, который уже собранъ въ этомъ направленіи, еще не изданъ и покоится въ рукописныхъ фоліантахъ въ библіотекахъ Копенгагена, Упсалы, Стокгольма и Висби (см. Lindström I, 38 s.). Съ привлеченія его слѣдовало бы начать работу. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ дастъ много фактовъ, интересныхъ не для одной только исторіи языка.

Возвращаясь къ послѣднему и подводя итогъ подъ наши разсужденія, мы могли бы раздѣлить исторію гутскаго вокализма на три періода:

1. Періодъ вандильскій. Система гласныхъ характеризуется чертами общевандильскаго вокализма, расходясь съ скандинавскими нарѣчіями. Это тотъ промежуточный фазисъ развитія, о которомъ шла рѣчь на стр. 290.

2. Первый скандинавскій періодъ. Проводится переходъ $\bar{æ} > \bar{a}$ и перегласовка подъ вліяніемъ i, подготовленная въ первый періодъ. Проведенію a-Umlaut и u-Umlaut препятствуетъ вандильская окраска вокализма. Слова, заимствуемыя изъ шведскаго, подчиняются гутскому типу.

3. Второй скандинавскій періодъ. Сопротивленіе со стороны гутскаго вокализма ослабѣваетъ; проводится преломленіе (Brechung) и друг. Къ концу этого періода гутскій языкъ принимаетъ все болѣе скандинавскій характеръ. Число заимствованій увеличивается, причемъ они остаются безъ измѣненій.

Самое важное заключеніе, представляющееся необходимымъ выводомъ изъ всего того, что мы сказали о гутскомъ языкѣ, это то, что готландцы пришли на островъ съ материка: здѣсь только могли развиться тѣ особенности вандильскаго вокализма, которыя, перенесенныя на Готландъ, до извѣстной степени опредѣлили дальнѣйшее развитіе гутскаго языка. Обратный ходъ событій былъ бы немыслимъ.

Къ тому же выводу приводятъ насъ, впрочемъ, и другія соображенія еще.

Bugge NI. 154 ss. указываетъ на нѣсколько гутскихъ словъ, которыя, отсутствуя въ скандинавскомъ лексиконѣ или имѣя здѣсь иное значеніе, повторяются въ готскомъ словарѣ въ болѣе схожей формѣ или съ болѣе близкимъ значеніемъ. Но они большею частью допускаютъ иное объясненіе, какъ сознаетъ самъ Bugge 158. Мы убѣждены, что болѣе внимательное разсмотрѣніе новогутскаго лексикона увеличило бы число такихъ совпаденій и тѣмъ самымъ отняло бы у нихъ характеръ случайности,

который имъ пока присущъ. Но для подобнаго рода работы необходимъ, прежде всего, словарь новогутскаго языка, котораго еще нѣтъ.

Не вдаваясь въ обсужденіе всѣхъ приводимыхъ Бугге случаевъ, мы остановимся лишь на трехъ изъ нихъ, для того, во первыхъ, чтобы внести легкую поправку въ его разсужденія, а во вторыхъ потому, что эти слова имѣютъ, на нашъ взглядъ, еще иное значеніе чѣмъ то, которое приписывается имъ Бугге.

Новогутск. lukarnastaki, дѣйствительно, несомнѣнно совпадаетъ съ lukarnastaþa (Ев. отъ Матѳ. V, 15, Марк. IV, 21, Лук. VIII, 16: подсвѣчникъ), хотя staki, конечно, не произошло изъ staþa: мы имѣемъ, очевидно, дѣло съ народно-этимологическимъ осмысленіемъ. Ср. staki Schlyter Gloss. s. v., аллитераціонная формула staki ok sten=нѣм. Stock (собств. Stecken) und Stein, тогда какъ staþa получило значеніе «остановки», см. ibid. s. v.

Что касается первой составной части, то готск. lukarn заимствовано не изъ вульгарной латыни, какъ думалъ Бугге NI. 155, а изъ кельтскаго, ср. дрир. lócharn, lúacharn. корн. lugarn. Оно, слѣдовательно, не доказываетъ, что готы, послѣ передвиженія на югъ, еще поддерживали связь съ родичами на далекомъ островѣ. Это одно изъ многихъ кельтскихъ словъ, перешедшихъ къ готамъ еще въ доисторическій періодъ; оно указываетъ намъ путь, по которому готландцы достигли острова: съ материка на островъ, а не наоборотъ.

О томъ же свидѣтельствуютъ и два остальныя слова: дргутск. kleti (Gutalag 17: til kletis) «förrådshus», нѣм. перев. «spicher», т. е. новонѣм. Speicher, кладовая, амбаръ; и новогутск. mausä «Flue», муха: оба слова несомнѣнно заимствованы изъ айстскихъ языковъ, см. лит. klētis, латыш. klēts (Säve XXX); лит. musė, латыш. musa, прусск. muso.

Конечно, возможно, что каждое изъ этихъ словъ въ отдѣльности занесено съ материка, съ которымъ готландцы и впослѣдствіи также поддерживали живыя сношенія. Но сопоставленіе

ихъ съ Inkarnastaki скорѣе приведетъ насъ къ предположенію, что всѣ три слова пришли на островъ, вмѣстѣ съ первыми переселенцами и ихъ языкомъ, съ материка, гдѣ лежитъ исходный пунктъ ихъ.

И такъ, изъ скандинавскихъ языковъ одно только нарѣчіе Готланда носитъ явные признаки ближайшаго родства съ вандильской семьей. Но выяснившееся намъ отношеніе его къ послѣдней таково, что оно никоимъ образомъ не можетъ служить доводомъ въ пользу гипотезы Коссинны и друг. о скандинавскомъ происхожденіи материковыхъ вандильцевъ, а скорѣе служитъ доводомъ противъ нея, такъ какъ оно расширяетъ и углубляетъ борозду, отдѣляющую вандильцевъ отъ скандинавовъ.

Указанными соображеніями, строго говоря, уже опровергается готское преданіе, — послѣдній доводъ, на которомъ намъ остается остановиться.

На первый взглядъ, та форма его, которую мы передали выше на стр. 256 со словъ Іордана, поддерживается и дополняется Гутасагой, повѣствующей между прочимъ о заселеніи Готланда и о позднѣйшемъ выселеніи части гутовъ на материкъ [1]).

Островъ Gutland, говорится здѣсь, до прихода перваго человѣка всплывалъ изъ моря только по ночамъ, тогда какъ днемъ онъ погружался въ морскія волны. Открылъ островъ нѣкій мужъ, который звался Þieluar; онъ же первый принесъ сюда огонь, и съ тѣхъ поръ островъ больше уже не погружался въ море.

Первымъ поселился на островѣ сынъ Тьельвара Hafþi со своею женою Huitastiërna (Бѣлая Звѣзда), и въ первую же ночь, которую они тамъ вмѣстѣ провели, женѣ приснился сонъ, «будто

---

1) Полный переводъ Гутасаги далъ Сыромятниковъ въ Живой Старинѣ, годъ 2-ой, вып. I (Спб. 1892) стр. 41—48.

три змѣи свились въ ея груди, и казалось ей, что онѣ выползли изъ груди ея». Этотъ сонъ разсказала она Гафти, мужу своему. Онъ истолковалъ сонъ этотъ такъ:

Все кольцами связано [1]).
Заселенной страной это (т. е. островъ) будетъ,
и будетъ у насъ три сына.

Имъ далъ онъ по имени всѣмъ (хотя еще) нерожденнымъ:

Guti будетъ Готландомъ владѣть,
Graipr будетъ зваться второй
и Gunfiaun третій.

Они раздѣлили потомъ Готландъ на три трети, такъ что Грайпъ, старшій, получилъ сѣверную треть и Гути среднюю треть, а Гунфіаунъ, младшій, получилъ южную. Потомъ отъ этихъ трехъ умножился народъ на Готландѣ такъ значительно въ долгое время, что земля не могла ихъ всѣхъ прокормить. Тогда назначили они по жребію (выселиться) изъ страны каждому третьему человѣку, съ тѣмъ, чтобы они (т. е. тѣ, на которыхъ палъ жребій) получили и увезли съ собою все, что они имѣли надъ землею (свое движимое имущество). Тогда хотѣли они (хотя) неохотно уѣхать, но пріѣхали въ Торсборгъ [2]) и поселились тамъ. Но не захотѣли земляки (land) ихъ терпѣть и прогнали ихъ оттуда. Потомъ поѣхали они на Faroy [3]) и стали тамъ жить. Но и здѣсь также они не могли прокормиться, а поѣхали на одинъ островъ около Айстланда, который называется Dagaiþi [4]) и поселились тамъ и соорудили городъ, который еще виденъ. Тамъ однако они также не могли удержаться, а поѣхали вверхъ къ рѣкѣ, которая зовется Dyna и вверхъ (по ней) черезъ Ryzaland».

---

1) Alt ir baugum bundit, т. е. во всемъ есть связь какъ въ кольцахъ-звеньяхъ цѣпи.

2) На восточномъ берегу острова.

3) Островокъ Fårö надъ сѣверной оконечностью острова Готланда.

4) Нын. Dagö.

Далѣе сага повѣствуетъ въ самыхъ общихъ чертахъ о дальнѣйшихъ судьбахъ переселенцевъ-готовъ.

«Такъ далеко проѣхали они, что они пришли въ Gricland». Они просятъ у греческаго царя (cunungr) позволенія остаться тамъ «отъ новолунія до ущерба луны». Царь позволилъ, думая, что они останутся только мѣсяцъ; но когда послѣдній прошелъ, переселенцы тѣмъ не менѣе остаются, увѣряя, что «отъ новолунія до ущерба луны значитъ — вѣчно». Между ними и царемъ возникаетъ споръ, который рѣшается царицею (drytning) въ пользу переселенцевъ. «Такъ поселились они тамъ и еще живутъ, и говорятъ еще на языкѣ схожемъ съ нашимъ» [1]).

Дальнѣйшій разсказъ, возвращающійся къ Готланду, насъ уже не интересуетъ.

Послѣдняя приведенная нами фраза Гутасаги весьма знаменательна: она доказываетъ, повидимому, что гуты знали о судьбахъ своихъ родичей на дальнемъ югѣ и что вплоть до выселенія готовъ на Балканскій полуостровъ въ V вѣкѣ между ними и гутами поддерживалась связь непосредственная, такъ какъ иначе замѣчаніе о ихъ языкѣ было бы необъяснимо. Дальній отголосокъ этой связи съ сѣверомъ находимъ мы еще столѣтіемъ позже, когда къ великому Теодорику въ Италію являются послы айстовъ, для поднесенія ему въ даръ янтаря. Ср. Cassiod. var. V, 2.

Но эта же фраза доказываетъ, что преданіе, отложившееся въ Гутасагѣ, возникло въ этой формѣ сравнительно поздно, т. е. не раньше V вѣка, когда готы дѣйствительно были уже í Griclandi и когда память о первоначальномъ отношеніи гутовъ къ готамъ уже должна была поблѣднѣть, вслѣдствіе чего дана была возможность новаго истолкованія этого отношенія.

Отожествленіе готландскихъ выходцевъ съ материковыми готами, впрочемъ, далеко не необходимо. Разсказъ Гутасаги скорѣе относится къ позднѣйшимъ колонизаціоннымъ выселені-

1) Oc enn hafa þair sumt af waru mali: «и еще имѣютъ они кое-что отъ нашего языка».

ямъ, на что указываетъ точное обозначеніе маршрута переселенцевъ: черезъ Торсборгъ на Faroy, отсюда на Dagaipi и, наконецъ, къ устью Двины. Если этотъ маршрутъ и не обозначаетъ собою обычнаго пути гутскихъ купцовъ, — такъ какъ дорога изъ Готланда къ Двинѣ лежитъ не черезъ Dagö, — то во второй своей части онъ, во всякомъ случаѣ, отмѣчаетъ два пункта, къ которымъ преимущественно направлялась гутская торговля: черезъ Dagö на Новгородъ и черезъ Ригу по Двинѣ къ бассейну Днѣпра.

Гутасага не указываетъ страны, откуда вышелъ Тьельваръ и его сынъ. Мы съ одинаковымъ правомъ можемъ видѣть въ немъ скандинава или гота съ Вислы. Въ послѣднемъ случаѣ разсказъ Гутасаги вполнѣ примиримъ съ ходомъ историческихъ событій, выяснившимся намъ выше.

На этой почвѣ интересующій насъ вопросъ, очевидно, рѣшенъ быть не можетъ, такъ какъ онъ допускаетъ различные отвѣты. Мы должны нѣсколько раздвинуть рамки матеріала, чтобы получить болѣе надежный базисъ для нашего изслѣдованія.

Не одни готы считали себя выходцами изъ-за моря, и не они одни видѣли въ Скандинавіи свою родину: то же самое мы находимъ у лангобардовъ, суевовъ, бургундовъ и саксовъ.

Всего полнѣе это преданіе сохранилось у лангобардовъ, притомъ въ трехъ редакціяхъ[1]), сводящихся, въ концѣ концовъ, къ одному общему источнику — утерянной теперь Origo gentis Langobardorum, написанной около середины VII в. и прибавленной къ эдикту короля Ротари[2]). Она была извѣстна, въ первоначальной формѣ, Павлу Діакону, который внесъ ея содержаніе, повидимому, цѣликомъ въ свою «Исторію», разбивъ ее лишь на

1) То, что Prosp. Aquit. Chron. даетъ подъ 379 г., не имѣетъ самостоятельнаго значенія, такъ какъ оно вставлено лишь въ XV вѣкѣ, со словъ Павла Діакона и Іордана. См. MGH. Auct. antiquiss. IX, 1 p. 498. Изъ Павла же черпалъ отчасти Саксонъ Грамматикъ VIII, p. 418 s.

2) О взаимоотношеніи источниковъ см. L. Schmidt, Älteste Gesch. d. 1 p. 8 ss. Тамъ же и другія библіографическія указанія.

части и снабдивъ ее нѣкоторыми объяснительными вставками (Hist. Lang. I, 1. 2. 3. 7—9. 13 ss.). Въ нижеслѣдующемъ мы назовемъ эту наиболѣе полную редакцію преданія A.

Нѣсколько сокращенную редакцію (B) даютъ три рукописи X—XI в., по которымъ текстъ Origo изданъ Waitz'омъ въ MGH. SS. Lang. et Ital. saec. VI—IX (1878) p. 1 ss. Такъ какъ эти рукописи расходятся между собою лишь въ неважныхъ для насъ мелочахъ, то мы можемъ принять цѣликомъ нормальный текстъ, возстановленный въ указанномъ изданіи. Редакція B особенно важна для насъ потому, что она, повидимому, въ точности передаетъ первоначальный текстъ Origo, по крайней мѣрѣ въ первой — наиболѣе важной для насъ — главѣ. Въ этомъ текстѣ изъ-за латинской фразы еще вполнѣ ясно просвѣчиваютъ формулы и аллитераціонные стихи древней народной пѣсни [1]), изъ которой неизвѣстный авторъ взялъ свой матеріалъ, переводя ее только на ученый языкъ, тогда какъ Павелъ Діаконъ парафразируетъ древній текстъ, придавая ему болѣе изящную латинскую форму.

Наконецъ, третья редакція (C) представляется одною только рукописью (Cod. Gothanus, XI вѣка, ed. Waitz l. c. p. 7 ss.). Она является, строго говоря, самостоятельною работою, написанною между 807—810 гг. и доведенною до паденія лангобардскаго государства. Изъ той части Origo, которая насъ, въ данный моментъ, интересуетъ, въ нее перешло лишь очень немного.

По всѣмъ тремъ версіямъ, первоначальное имя народа не лангобарды, а Winnili (иначе -iles, Winnoli, -uli: очевидно, въ связи съ дрврхнѣм. прилаг. winnul «воинственный»). Ихъ первоначальная родина Скандинавія (A: Scadinavia, Scandinavia, Scadanavia; B: Scadanan [вм. Scadanau=-awi].... in partibus aquilonis, ubi multae gentes habitant) [2]).

1) На это указалъ уже Kögel GddL. I, 1 p. 107 s. Попытку возстановить части древней пѣсни сдѣлалъ W. Bruckner 19 ss. и ZfdA. 43 (1899) p. 46 ss.

2) По C они первоначально жили на берегахъ Vindilicus amnis, откуда перешли въ Scatenauge Albiae fluvi ripa. Названіе Скандинавіи (въ нѣсколько

О причинѣ выселенія ихъ подробно разсказываетъ только A (Paul. Diac. I, 2 s.). Въ Скандинавіи народы такъ умножились, что они уже не могли жить вмѣстѣ (....populi dum in tantam multitudinem pullulassent, ut iam simul habitare non valerent...). Тогда они раздѣлили все населеніе на три части и бросили жребій, которой трети покинуть родину и искать новыхъ земель. Назначенная, такимъ образомъ, треть выбрала себѣ въ предводители двухъ братьевъ-юношей Ibor и Aio, у которыхъ была мать Gambara, mulier.... et ingenio acris et consiliis provida (ср. дрврхнѣм. cambrî sagacitas Graff Diut. IV, 208).

Переселенцы достигаютъ, прежде всего, страны, которая зовется Scoringa (ср. агс. score=ripa, Müllenhoff Nordalb. Stud. I, 141), и живутъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Но вотъ предводители (duces) вандаловъ Ambri и Assi, опустошавшіе въ то время сосѣднія съ лангобардами области, требуютъ и отъ винниловъ дани, грозя, въ случаѣ отказа, войною. Виннилы, по совѣту мудрой Гамбары, рѣшаютъ дать отпоръ и, дѣйствительно, побѣждаютъ болѣе многочисленныхъ и сильныхъ вандаловъ, благодаря хитрости богини Фреи, къ которой они обратились съ просьбою о помощи. Это же событіе дало поводъ къ тому, что виннилы стали называться лангобардами, т. е. длиннобородыми.

Однако, не смотря на побѣду, они недолго остаются въ Скорингіи: голодъ (famis penuria) снова заставляетъ ихъ покинуть эту страну. Прошедши черезъ Mauringa, гдѣ они справляются съ Assipitti, преграждавшими имъ путь, они послѣдовательно овладѣваютъ странами Golanda (Golada, Godolanda), Anthab (Anthaib, Antaib, Anthabus), Banthaib (Bantaib) и Vurgundaib (Burgundaib). Въ каждой изъ этихъ странъ они остаются по нѣсколько лѣтъ. Ibor и Aio умираютъ, и лангобарды выбираютъ

романизованной формѣ) перенесено на историческую родину лангобардовъ въ низовьяхъ Эльбы, такъ какъ Vindilicus amnis оказался родиной лишь все[...] ствіе смѣшенія винниловъ съ вандалами, обитающими на берегахъ этой р[...] по Isid. Etym. IX, 226. Cf. Waitz, ed. cit. p. 8, not. 2.

себѣ царемъ ad ceterarum instar gentium Агельмунда, сына Аіона, при которомъ они уходятъ дальше на востокъ, сталкиваются здѣсь съ амазонками (гл. 15) и болгарами (Vulgares, Bulgares, гл. 16 сл.) и достигаютъ, наконецъ, земли руговъ (Rugiland на Дунаѣ, гл. 19). Дальнѣйшій разсказъ насъ уже не касается.

Въ редакціи В разсказъ значительно упрощенъ. Надъ виннилами уже въ Скандинавіи господствуютъ Ybor и Agio, сыновья мудрой Gambara. Къ прародинѣ же пріурочивается и эпизодъ борьбы съ вандалами, разсказанный здѣсь подробнѣе и лучше, т. е. ближе къ источнику — пѣснѣ (см. выше стр. 309). Послѣ побѣды, лангобарды, по неизвѣстной причинѣ, выселяются и приходятъ непосредственно въ Golaida, et postea possiderunt aldones Anthaib (Anthabus, Anthaip) et Bainaib (Banayb, Baynaib) seu et Burgundaib (Burgathaibus). При пятомъ царѣ послѣ Агильмунда они достигаютъ Rugiland'a.

Наконецъ, еще короче редакція С, представляющая и нѣкоторыя немаловажныя отступленія. Лангобарды вышли изъ прародины по совѣту Гамбары, изъ-за змѣй, народившихся тамъ (serpentibus.... breviati). О юношахъ-предводителяхъ здѣсь нѣтъ ни слова; опущенъ также эпизодъ борьбы съ вандалами, вслѣдствіе чего остается неяснымъ, почему они стали впослѣдствіи называться лангобардами. Объясненіе, что они были названы такъ «a prolixa barba et nunquam tonsa», взято изъ Исидора (см. выше стр. 310 прим.). Пробывъ нѣкоторое время въ Scatenauge, они переходятъ въ Saxoniae patria. Здѣсь они избираютъ Агельмунда, при которомъ они овладѣваютъ страною народа Beowinidi (т. е. Богеміей?), а затѣмъ переходятъ во Ѳракію, Паннонію, Rugiland (cod. Rudilanda).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Павелъ Діаконъ полнѣе другихъ передаетъ содержаніе древней Origo, хотя по формѣ онъ отступаетъ отъ нея сильнѣе редакціи В.

Если мы всмотримся въ его разсказъ, то намъ бросится въ глаза сходство его съ гутскимъ преданіемъ. Основная схема одна и та же: прародина въ Скандинавіи, голодъ, дѣленіе народа

на три части, выселеніе одной трети по жребію — вотъ общіе обоимъ мотивы. При полномъ тожествѣ послѣднихъ, мы должны предположить либо общій источникъ, либо заимствованіе ихъ однимъ народомъ у другого.

Оставляя въ сторонѣ первую возможность, которая будетъ опровергнута дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, мы остановимся на второй.

О томъ, что первоисточникъ — лангобардское преданіе, заимствованное готами, думать нельзя. Лангобарды оказались въ сосѣдствѣ готовъ и вообще вандильскихъ германцевъ (гепидовъ) никакъ не раньше конца V вѣка, т. е. когда связь материковыхъ готовъ съ гутами прекращается окончательно и перенесеніе лангобардской саги на далекій островъ становится невозможнымъ.

Поэтому, обратный ходъ заимствованія представляется уже a priori болѣе вѣроятнымъ.

Но, независимо отъ этого, нѣкоторыя подробности преданія въ A доказываютъ то же самое.

По Павлу Діакону I, 15 ss. лангобарды, прошедши черезъ Vurgundaib, сталкиваются на какой то рѣкѣ съ амазонками (Amazones) и, за рѣкою, съ болгарами (Vulgares). Послѣднія два имени указываютъ далеко на востокъ, въ Сарматію, куда лангобарды фактически никогда не заходили. Эту часть преданія они, слѣдовательно, навѣрное заимствовали у другого народа, вѣроятнѣе всего у готовъ, знавшихъ, конечно, амазонокъ не только въ книжномъ, но и въ живомъ народномъ преданіи (Iord. 5, 44; 7, 49 ss.; 8, 56 s.; 24, 121 s.?). А что касается болгаръ, то, каково бы ни было отношеніе ихъ къ гуннамъ, имя ихъ было хорошо извѣстно готамъ. См. Iord. 5, 37: supra mare Ponticum Bulgarum sedes; Cassiod. Var. VIII, 10,4: Bulgares toto orbe terribiles. Ихъ побѣдилъ, между прочимъ, Теодорикъ, Ennod. Paneg. Theod. p. 266.

Такимъ образомъ, заимствованіе этой послѣдней части данія изъ готскаго источника крайне вѣроятно.

Но и въ первой части есть такая же черта: это — борьба лангобардовъ съ вандалами, совершенно необъяснимая съ точки зрѣнія лангобардской, такъ какъ вандалы въ Силезіи находились далеко за горизонтомъ лангобардской земли, при чемъ совершенно безразлично, относится ли столкновеніе съ ними къ скандинавской прародинѣ (B) или къ Scoringa, «области на берегу моря» (A).

Съ другой стороны, столкновеніе *готовъ* съ вандалами не только вѣроятно по соображеніямъ географическимъ (см. ниже), но прямо засвидѣтельствовано исторически: по Iord. 4, 26 готы еще въ низовьяхъ Вислы побѣдили вандаловъ. Выраженіе Іордана: Vandalos iam tunc subiugantes оставляетъ открытымъ вопросъ, относится ли эта побѣда ко времени *до* окончательнаго занятія низовьевъ Вислы, или непосредственно послѣ него. Первое предположеніе, какъ мы увидимъ, вѣроятнѣе.

Что побѣда надъ вандалами послужила къ объясненію имени лангобардовъ, нисколько не противорѣчитъ нашей гипотезѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что объясненіе это — позднѣйшаго происхожденія, уже потому, что оно основано на невѣрномъ народноэтимологическомъ истолкованіи народнаго имени. Названіе лангобардовъ ничего общаго съ bard- (готск. *barda, агс. англ. beard, дрврхнѣм. bart борода) не имѣетъ: оно выдѣляетъ лишь часть изъ общаго племеннаго имени «бардовъ», ср. Paul. Diac. III, 19 (въ стихотвореніи въ честь Droctulf'a) Bardi; Helmold I, 25 s. Bardi bellicosissimi; ихъ область на нижней Эльбѣ Bardangawi, городъ Bardanwich, Bardenwic, нын. Bardowick близъ Люнебурга, см. Bluhme 16. 22; ON.[2] 209 s. Ср. также географическія названія, сохраняющія память о бардахъ въ Англіи, у Bruckner'a стр. 32 прим. На другую этимологію указываютъ и агс. Longbeardnas рядомъ съ Heaðobeardnas Wídsíð 32. 49. 80, Beów. 2033. 2038. 2068 [1]).

---

1) Къ выводу о позднемъ происхожденіи эпизода борьбы съ вандалами въ лангобардскомъ преданіи приходитъ и Kögel GddL. I, 1, p. 108, по соображеніямъ внутреннимъ.

Этимъ, конечно, не отрицается древность самаго имени. Форма Langobardi засвидѣтельствована уже у Vell. Paterc. II, 106; ср. Strabo VII, 1, 3, Tacit. Germ. 40, Ptol. II, 11, 6. 9 и друг. Возможно также, что уже тогда существовало то народно-этимологическое объясненіе, которое мы находимъ въ A и B. Наша догадка предполагаетъ лишь, что объясненіе это пріурочено къ побѣдѣ надъ вандалами не раньше VI вѣка.

Если мы, такимъ образомъ, нашли какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ лангобардскаго преданія явные слѣды заимствованія его изъ готскаго, то мы въ правѣ предположить то же самое и для средней части.

Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія загадочныя доселѣ имена Golanda, Anthaib, Banthaib (Bainaib) и Vurgundaib (Burgundaib) [1]) получаютъ совершенно неожиданное освѣщеніе.

Golanda я понимаю какъ германскую народно-этимологическую передѣлку изъ слав. голѧдь, т. е. какъ страну айстскихъ галиндовъ [2]), о которыхъ была рѣчь выше на стр. 251.

Anthaib явно область антовъ, т. е. юговосточныхъ славянъ (Iord. 5, 34 et pass.).

Vurgundaib [3]) — земля вуругундовъ, тюркской народности

---

1) Я безъ колебанія принимаю для послѣднихъ трехъ именъ окончаніе -aib, такъ какъ оно, несомнѣнно, представляетъ собою дрврхнѣм. eiba (pagus) въ Wedereiba, Wetareiba, нын. Wetterau; Wingarteiba. Ср. ON.[2] 1592. 1618; Waitz Verfssgsgsch. II[2], 327; L. Schmidt Ält. Gesch. 49.

2) Golanda — чтеніе огромнаго большинства рукописей Павла Діакона. B даетъ непонятное Golaida, изъ котораго исходятъ Мюлленгофъ Beow. 102 и Bruckner 94 (Gōlhaida = «das mit Freuden begrüsste, herrliche, Heideland», ср. готск. gōljan). Ихъ толкованіе кажется мнѣ искусственнымъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію. При нашемъ объясненіи единственнымъ затрудненіемъ представляется go- вм. ожидаемаго ga-; оно устраняется, однако, возможностью поздняго, сравнительно, перехода этого имени къ готамъ изъ *славянскаго* источника, предполагаемаго также второю частью -land.

3) Таково, безъ сомнѣнія, первоначальное чтеніе. Это явствуетъ не только изъ сопоставленія рукописныхъ разночтеній у Paul. Diac. I, 13 (ed. Waitz p. 54), но поддерживается еще и тѣмъ соображеніемъ, что имя бургундовъ — одно изъ наиболѣе извѣстныхъ именъ германскаго этническаго именослова — лег[ко] могло замѣнить, подъ перомъ переписчика, неизвѣстныхъ, почти, и давно [ис]чезнувшихъ вуругундовъ, тогда какъ обратная замѣна немыслима.

близъ Мэотиды, съ которою готамъ неоднократно приходилось сталкиваться. Въ союзѣ съ готами, боранами и карпами уругунды (Οὐρουγοῦνδοι) опустошаютъ римскія владѣнія при императорахъ Галлѣ и Галліенѣ, Zosim. I, 27. 31. Около 290 г. ихъ разбиваютъ остготы; см. Mamert. Paneg. Genethl. Maxim. 17, гдѣ подъ Burgundii безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ разумѣть вуругундовъ, какъ вѣрно догадался уже Zeuss 465. 695. Они живутъ въ сосѣдствѣ алановъ (Mamert. Alamanni), такъ какъ послѣдніе спѣшатъ къ нимъ на помощь [1]). Agathias V, 10 прямо причисляетъ Βουρούγουνδοι къ «скиѳамъ и гуннамъ». Колебанія между Βουρ- и Οὐρ- у греческихъ историковъ предполагаетъ въ первоисточникѣ *u̯ur-, что и передается вполнѣ вѣрно нашимъ Vurgundaib.

Не такъ ясно четвертое имя Bantaib, resp. Bainaib. Мюлленгофъ ZfdA. IX, 243, исходя изъ послѣдней формы, объясняетъ ее изъ Bajina aib «страна боіевъ». Мы имѣли бы, въ такомъ случаѣ, параллель къ Beowinidi, въ областъ которыхъ заводитъ лангобардовъ версія С. Much 65, а за нимъ и Bruckner 99, связываютъ Bainaib съ агс. Bánings, Wídsíđ 19. Этимъ, однако, вопросъ не разъясняется, а скорѣе осложняется. Въ наиболѣе надежномъ источникѣ, у Павла Діакона, мы находимъ только такія разночтенія, которыя единогласно указываютъ на первоначальное Bantaib, да и въ версіи В лучшая рукопись (Cod. Mutinens., ed. Waitz p. 3), читаетъ Banayb, повидимому, вм. Bantayb, и лишь два худшихъ кодекса даютъ ясное Bainaib.

Давать предпочтеніе именно этой формѣ передъ единогласнымъ свидѣтельствомъ лучшихъ источниковъ, это пріемъ по меньшей мѣрѣ неосторожный. Намъ кажется, поэтому, безусловно необходимымъ принять за исходную точку форму Bantaib.

Если наше пріуроченіе Vurgundaib къ вуругундамъ (герм. *Wurgundōz) вѣрно, и если, съ другой стороны, интересующій

1) Германскихъ бургундовъ Мамертинъ тутъ же называетъ Burgundiones.

насъ рядъ именъ взятъ изъ народной пѣсни — что едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, — то законъ аллитераціи требуетъ измѣненія Bantaib въ *Wantaib (aldonēz — Antaib, Wantaib — Wurgundōz), и мы имѣемъ передъ собою явное германское отраженіе славянскихъ вѧт-ичей, — имени, о которомъ подробнѣе будетъ рѣчь ниже. Формально, переходъ вѧт- > want- аналогиченъ переходу голѧдь > goland. По содержанію же мы получаемъ теперь стройный рядъ этническихъ наименованій голядь, анты, вятичи, вуругунды, въ которомъ, можетъ быть, сохраненъ даже строгій географическій порядокъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онъ начинается съ голяди въ восточной Пруссіи и кончается вуругундами около Мэотиды.

Сопоставленіе же этого вывода съ тѣмъ, что мы сказали выше о вандалахъ, амазонкахъ и болгарахъ лангобардскаго преданія, даетъ намъ право вывести заключеніе, что весь этотъ рядъ этническихъ именъ заимствованъ лангобардами изъ *готскаго* преданія: передъ нами отзвукъ готской пѣсни, пѣвшей о побѣдахъ готовъ надъ вандалами, голядью, антами, вятичами, вуругундами, амазонками и болгарами; одной изъ тѣхъ пѣсенъ, о которыхъ говоритъ Іорданъ 4, 28, повѣствуя о передвиженіи готовъ на югъ: velut victores ad extremam Scythiae partem, que Ponto mari vicina est, properant, quemadmodum et in priscis eorum carminibus pene storicu ritu in commune recolitur.

Что касается имени винниловъ, то вопросъ о его источникѣ долженъ остаться открытымъ. Такъ какъ оно нигдѣ въ исторіи не встрѣчается, то мы, вѣроятно, въ правѣ видѣть въ немъ эпическое прозвище, на что указываетъ и ясность его значенія («воинственные», см. выше стр. 309): древнія этническія имена рѣдко бываютъ столь ясными по значенію, эпическія же прозвища почти всегда. Можетъ быть, и оно также взято изъ готскаго преданія; въ такомъ случаѣ, эпизодъ съ Воданомъ и Фреей (A. B) могъ быть присочиненъ впослѣдствіи къ мотиву о борьбѣ съ вандалами, какъ бы вводя готскій эпическій сюжетъ въ новое лангобардское русло.

Мы вовсе еще не коснулись трехъ именъ лангобардской саги: Scoringa, Mauringa и Assipitti (Paul. Diac. I, 10 ss.). Такъ какъ они не извѣстны ни B ни C, то ихъ, вѣроятно, не было и въ первоначальной Origo, и лишь Павелъ Діаконъ ввелъ ихъ въ общее теченіе разсказа. Дѣйствительно, они составляютъ здѣсь какъ бы эпизодическую вставку между выходомъ изъ Скандинавіи и переходомъ въ Goland, и по содержанію своему они указываютъ въ другую сторону, на другой источникъ.

Точку опоры даетъ второе имя — Mauringa. Каково бы ни было его происхожденіе и первоначальное значеніе [1]), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно обозначаетъ центральную часть Германіи на правомъ берегу средней Эльбы; вѣроятно, болотистую область на Havel и Spree. Ср. Geogr. Rav. I, 11 patria Albis: Maurungani [2]). О готахъ тутъ не можетъ быть рѣчи.

Такъ какъ лангобарды пришли сюда изъ Scoringa, явно обозначающей «прибрежную страну» (выше стр. 310), и такъ какъ, съ другой стороны, лангобарды только въ своей родинѣ въ низовьяхъ Эльбы сидѣли на морѣ, которое они затѣмъ увидали вновь лишь въ Италіи, то отсюда, на мой взглядъ, возможенъ только одинъ выводъ: что переселеніе изъ Scoringa въ Mauringa отражаетъ въ себѣ историческій фактъ — передвиженіе лангобардовъ изъ родины близъ нижней Эльбы на юговостокъ, по правому берегу этой рѣки. Столкновеніе ихъ, въ этой странѣ, съ ассипиттами остается неяснымъ; можетъ быть, и оно также принадлежитъ исторіи, но даже приблизительное пріуроченіе этой народности къ какому нибудь опредѣленному пункту невозможно при имѣющемся на лицо матеріалѣ. О возвышенностяхъ Asse подъ Вольфенбюттелемъ (Bluhme 23) не можетъ быть рѣчи, какъ безусловно невѣрно и то, будто Moringa сохранилось въ нын. Moringen близъ Northeim'a (ibid.).

1) Вѣроятно «болотистая страна». См. Bruckner 106 s. Иначе толкуютъ это имя Мюлленгофъ DA. II, 97, Möller 26 ss. not., Much 82 s.

2) О славянскомъ характерѣ этой формы см. Heinzel WSB. 99, 23 ss.

Такимъ образомъ, оказывается, что разсказъ Павла Діакона о родинѣ и древнѣйшихъ судьбахъ лангобардовъ представляетъ собою контаминацію данныхъ двухъ источниковъ. Первый изъ нихъ — готское преданіе, сохранившееся у остготовъ въ Италіи и перешедшее, вѣроятно, лишь здѣсь къ лангобардамъ [1]) въ формѣ народной пѣсни. Изъ этого источника къ Павлу, или, точнѣе, въ утерянную Origo gentis Langobardorum, перешли Скандинавія, какъ прародина народа, Голандъ, земля антовъ и т. д.

Второй источникъ — пѣсни или, вообще, преданіе лангобардовъ, сохранявшее память о фактической родинѣ на Эльбѣ. Павелъ Діаконъ вставилъ этотъ эпизодъ въ разсказъ Origo въ томъ мѣстѣ, въ какомъ онъ казался примиримымъ съ общимъ ходомъ разсказа, между Скандинавіей и Голандомъ, перенесши сюда столкновеніе съ вандалами и повторивъ побудительную причину выселенія — голодъ.

Онъ, однако, этого второго источника, повидимому, не исчерпалъ, такъ какъ нѣкоторыя черты, сохранившіяся въ редакціи С, должны быть отнесены сюда же.

Авторъ этой редакціи въ первыхъ двухъ главахъ (Cod. Gothan. cap. 1. 2, ed. Waitz p. 7 s.), повѣствующихъ о древнѣйшихъ судьбахъ лангобардовъ, не зависитъ ни отъ Origo, ни, еще менѣе, отъ Павла Діакона. Онъ значительно сократилъ имѣвшійся передъ нимъ матеріалъ, произвольно комбинируя между собою имена и факты. Вслѣдствіе неудачнаго отожествленія винниловъ съ вандалами, исходнымъ пунктомъ передвиженій лангобардовъ оказывается Vindilicus amnis, обозначающій собою родину вандаловъ у Исидора (см. выше стр. 309 примѣч.), котораго авторъ С по ошибкѣ называетъ Іеронимомъ. Скандинавія, какъ прародина народа, этимъ уже исключалась и должна была очутиться на второмъ мѣстѣ. Дѣйствительно, съ береговъ рѣки Виндилика лангобарды переходятъ въ Scatenauge, по по-

1) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ моментъ прихода въ Италію лангобардовъ (568 г.) здѣсь оставались еще многочисленные остатки готскаго на[рода], особенно въ сѣверной Италіи, позднѣйшей Ломбардіи.

слѣдняя тутъ же поясняется какъ Albiae fluvi ripa, т. е. отожествляется съ Scoringa лангобардскаго преданія. Слова «берега рѣки Эльбы» представляютъ собою лишь вѣрное поясненіе Scoringa, имени, ставшаго непонятнымъ. Того же пріема придерживается авторъ и въ послѣдующемъ, переводя Mauringa черезъ Saxoniae patria... locus ubi Patesprunа cognominantur. Падерборнъ же попалъ въ текстъ только потому, что этотъ городъ незадолго до этого прославился сеймомъ 777 года (ср. L. Schmidt, Ält. Gesch. 12 s.). Фактически, здѣсь лангобардовъ никогда не было и быть не могло, не смотря на Bluhme 22 ss.

Помимо этихъ переводовъ и поясненій, редакція C придерживается, слѣдовательно, лангобардскаго преданія, и мы въ правѣ отнести къ послѣднему и слѣдующую затѣмъ станцію лангобардовъ, страну народа Beowinidi, т. е. венедовъ-славянъ въ Baiohaim, черезъ которую они, по соображеніямъ географическимъ, должны были пройти, раньше чѣмъ обосноваться временно въ Ругиландѣ [1]). Съ этого момента C цѣликомъ слѣдуетъ Origo, внося лишь нѣкоторыя поправки и дополненія [2]).

Мы пришли, слѣдовательно, къ выводу, что лангобардское преданіе совершенно вѣрно, въ общихъ чертахъ, рисовало маршрутъ народа изъ низовьевъ Эльбы, по правому берегу этой рѣки, въ Богемію, откуда они (подъ давленіемъ баюваровъ или славянъ?) перешли въ Ругиландъ, незадолго до этого опустошенный Одоакромъ.

Какъ мотивировало преданіе выселеніе изъ прародины? Если наша догадка вѣрна, то мотивъ голода, выдѣленіе одной трети народа по жребію и т. д. принадлежатъ готамъ. Дѣйствительно, въ редакціи C—наиболѣе полномъ отраженіи *лангобардскаго* сказанія — выселеніе мотивируется иначе: лангобарды притѣсняются змѣями и, вслѣдствіе этого, покидаютъ родную

1) Ѳракія и Паннонія, оказывающіяся между Богеміей и страной руговъ, лишь предвосхищаютъ то, что въ главѣ пятой разсказывается болѣе подробно.

2) См. изданіе Waitz'а стр. 8 сл., гдѣ эти вставки и поправки выдѣлены шрифтомъ.

страну. О дѣленіи народа на три части и т. д. здѣсь и рѣчи нѣтъ.

Мы можемъ остановиться на этомъ выводѣ, не входя въ обсужденіе подробностей, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей ближайшей задачи. Мы оставимъ, поэтому, въ сторонѣ вопросъ о томъ, какова была роль юношей-предводителей въ первоначальномъ сказаніи, принадлежатъ ли они лангобардскому или готскому преданію. Не прослѣдимъ мы и нитей, связывающихъ лангобардскій мотивъ змѣй съ невр-скимъ преданіемъ на почвѣ индоевропейскаго фольклора, и тройственность дѣленія готскаго народа съ тремя варяжскими братьями, основателями русскаго государства, съ одной стороны, и съ тремя кораблями англосаксовъ, завоевателей Британіи, съ другой. Всѣ эти вопросы требуютъ спеціальнаго изслѣдованія, которое мы думаемъ посвятить имъ въ будущемъ.

А пока, намъ достаточно будетъ вкратцѣ очертить дальнѣйшую исторію мотива о скандинавской прародинѣ.

Дѣло въ томъ, что итальянская Лангобардія послужила базисомъ дальнѣйшаго его распространенія.

Прежде всего онъ проникъ въ Данію, двумя путями, народнымъ и книжнымъ. Первый путь привелъ къ датской народной пѣснѣ (Grundtvig I, 321 ss.), передающей тотъ же фактъ въ нѣсколько осложненной формѣ. Дѣйствіе происходитъ въ Даніи въ царствованіе короля Snede (Snedigh); во время голода собраніе старшинъ (herre-dag, rigens raadt) рѣшаетъ убить треть народа, но мудрая жена Innger (Ingeborgh), родомъ съ Зеланда (Siellandt, Sellandt) совѣтуетъ лучше выселить эту треть. Переселенцы выбираютъ ея сыновей (безъименныхъ) въ предводители (høffuitzmenndt), которые и ведутъ ихъ черезъ Блекингію, или Галландію и Блекингію (Hallindt; Blegenn, Blegint) въ Ломбардію, «что лежитъ въ волошской землѣ (Lumerdi, Lunbardi, som liger i Vallanndt inde)». Ср. тотъ же разсказъ въ стихотворной хроникѣ XV вѣка у Grundtvig'a III, 797.

Сохраненіе имени Ломбардіи «въ Валандѣ» не остав.

никакихъ сомнѣній относительно исходнаго пункта этого преданія, лишь пріуроченнаго теперь къ Даніи. А что пѣсня эта древняя, доказывается тѣмъ, что ею могъ воспользоваться Саксонъ Грамматикъ 418 s., который лишь дополнилъ ея разсказъ нѣкоторыми чертами и именами изъ Павла Діакона. Саксонъ самъ указываетъ на Павла, какъ на свой источникъ (Paulo teste). Во время голода, говоритъ онъ, народъ рѣшилъ-было сперва убить стариковъ и дѣтей, т. е. всѣхъ, кто неспособенъ носить оружіе и работать въ полѣ. Но мудрая Gambaruc, мать князей Aggo и Ebbo предупреждаетъ выполненіе этого безчеловѣчнаго рѣшенія совѣтомъ, чтобы часть народа, назначенная по жребію, выселилась изъ родины. Вторичное народное собраніе постановляетъ слѣдовать этому мудрому совѣту. Переселенцы идутъ черезъ Blekingia, Moringia, Gutlandia (=Goland), Rugia и достигаютъ наконецъ Италіи.

Изъ Даніи этотъ мотивъ переходитъ затѣмъ въ Исландію. Въ Vemundar saga ok Vígaskútu c. 7 (Islendinga sögur II, 248 s.) онъ пріурочивается къ Reykjardalr въ Исландіи, хотя въ нѣсколько поблѣднѣвшей формѣ, при чемъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является нѣкій Askell, по совѣту котораго отмѣняется жестокое постановленіе народнаго собранія. Отголосокъ того же мотива находимъ мы, наконецъ, и въ сагѣ объ Олафѣ Триггвасонѣ, гл. 226 (Fornmanna sögur II, 225 ss.).

На скандинавскій же источникъ указываетъ суевское преданіе въ анонимномъ отрывкѣ о происхожденіи суевовъ, изданномъ впервые Goldast'омъ (Suevic. rer. script. 1604 p. 15 ss.), затѣмъ Мюлленгофомъ въ ZfdA. XVII (1874), p. 57 ss.

Родина суевовъ, говорится здѣсь, лежитъ на морѣ (adiacet mari) и называется Суевіей. Суевы были язычниками и ежегодно приносили своимъ идоламъ въ жертву двѣнадцать христіанъ. Въ наказаніе за это, Богъ посылаетъ имъ голодъ. Тогда король ихъ, Rûdolfus, собираетъ на совѣщаніе всѣхъ старшинъ (optimates) съ тѣмъ, чтобы они явились туда безъ своихъ сыновей. Собраніе приходитъ къ рѣшенію, чтобы всѣ отцы, имѣющіе нѣ-

сколько сыновей, убили ихъ всѣхъ за исключеніемъ одного, самаго любимаго. Въ собраніи принимаетъ участіе и нѣкто Anshelmus, у котораго 5 сыновей. Грустный приходитъ онъ домой, гдѣ одинъ изъ сыновей, Ditwinus, замѣтивъ его грусть, спрашиваетъ его, въ чемъ дѣло. Отецъ сперва отказывается дать отвѣтъ, но потомъ, уступая просьбамъ сына, разсказываетъ ему о состоявшемся рѣшеніи. Дитвинъ понимаетъ, что и ему грозитъ смерть, такъ какъ онъ не любимый сынъ. «Еслибъ я присутствовалъ въ собраніи, я далъ бы лучшій совѣтъ», говоритъ онъ. Когда черезъ нѣкоторое время царь созываетъ вторичное собраніе, чтобы объявить о рѣшеніи перваго (ut diram sententiam prioris sessionis...... promulgarent), Anshelm беретъ съ собою и Дитвина, которому легко удается убѣдить какъ царя, такъ и всѣхъ присутствующихъ, что лучше послать за море всѣхъ, кого рѣшено было убить. Тотчасъ же начинаются сборы, и когда все готово, то тѣ, что раньше были приговорены къ смерти, садятся на корабли и пускаются въ море. Сильной бурей ихъ прибиваетъ къ датскому берегу—eiecti sunt in portu Danorum in loco Sleswic nominato. Разбивъ всѣ корабли, — чтобы никто не могъ вернуться домой, — они идутъ дальше, черезъ всю страну дановъ (regio Danorum) и, перешедши черезъ Эльбу, разсѣеваются по окрестнымъ землямъ.

Дальнѣйшій разсказъ о томъ, какъ они помогаютъ франкскому королю Теодерику въ борьбѣ противъ тюринга Ирменфрида, уже не представляетъ для насъ интереса: онъ взятъ изъ саксонскаго источника, см. ZfdA. XVII, 63 ss. Что же касается пересказанной нами части, то на скандинавское происхожденіе ея указываетъ не только роль, которую въ ней играетъ Данія и portus Danorum, locus Sleswic, но и имя Anshelm'a, дающее намъ нѣкоторое основаніе связать этотъ изводъ съ исландской сагой (Islendingas. II, 248), въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, убѣждающимъ народъ не убить, а выселить лишнихъ, является Askell. Послѣднее имя, совершенно не извѣстное на материкѣ, было замѣнено здѣсь схожимъ по звукамъ Ans-

helm'омъ, особенно часто встрѣчающимся у алеманновъ-швабовъ. Суевское и исландское преданія восходятъ, очевидно, къ одному и тому же общему источнику [1]).

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, суевское преданіе дало сказаніе о шведскомъ происхожденіи нын. швейцарцевъ (Grimm DS. № 508), отразившееся въ драмѣ Шиллера (Wilh. Tell II, 2) и слышанное мною лично, въ нѣсколько сокращенной формѣ, въ Haslithal'ѣ еще въ 1885 году.

Отголосокъ того же преданія, но въ болѣе ученой обстановкѣ, находимъ мы въ Annolied'ѣ (конца XII в.), ст. 281: суавы, которыхъ побѣдилъ Юлій Цезарь, пришли когда-то изъ за моря (ubir meri) и поселились подъ горой Суебо (ane dem berge Suêbo), отъ котораго они и получили свое названіе Suâbo. Тутъ, повидимому, слышится вліяніе Плинія IV, 13, 96, у котораго mons Saevo.... immensus.... inmanem ad Cimbrorum usque promunturium efficit sinum, qui Codanus vocatur, refertus insulis, quarum clarissima est Scatinavia incompertae magnitudinis. На это указалъ уже Uhland VIII, 49. Посредствующимъ звеномъ могъ служить Исидоръ, который говоритъ (Etymol. IX, 413, 98), что суевы названы такъ a monte Suevo, qui ab ortu initium Germaniae facit.

Такъ распространяется древнее преданіе, возникшее у готовъ. Оно переходитъ между прочимъ къ саксамъ (Widukind I, 2). По Фрекульфу (IX в.) и франки также пришли съ острова Scanzia, de quo Gothi et caeterae nationes theotiscae exierunt, quod et idioma linguae eorum testatur. Въ житіи св. Сигизмунда (ed. Bolland. 1 Mai I, 88) оттуда же ведутся бургунды: Tempore Tiberii senioris Augusti.... egressa est quaedam gens de insula, quam mare Oceanum cingit, cui vocabulum est Scandania (Scanavia, Scandabia)—вѣроятно, подъ вліяніемъ Павла Діакона и его разсказа о лангобардахъ.

---

1) Въ датской хроникѣ (см. выше стр. 320) также встрѣчаются имена Eskildhoch Akildh.

Однимъ словомъ, выселеніе изъ Скандинавіи стало, очевидно, общимъ мѣстомъ средневѣковой исторіографіи, на что прямо указываютъ приведенныя слова Фрекульфа.

Разъ намъ выяснилось, что исходный пунктъ преданія лангобардовъ и другихъ материковыхъ германцевъ о скандинавской родинѣ, выселеніи по жребію вслѣдствіе голода и т. д. слѣдуетъ искать у готовъ и, конечно, у готовъ материка, а не Готланда, то и отношеніе Гутасаги къ этому материковому преданію представится намъ теперь въ иномъ свѣтѣ: она не дополняетъ, а повторяетъ его, притомъ въ формѣ болѣе полной, чѣмъ та, въ которую облекаетъ его Іорданъ въ VI вѣкѣ. А если это такъ, то отсюда необходимъ выводъ, что въ сознаніи какъ готовъ, такъ и гутовъ, островъ, изъ котораго вышелъ готскій народъ, былъ именно Готландъ, а не Скандинавскій полуостровъ.

Правда, у Іордана 4, 25 подъ Scandza insula [1]) разумѣется, конечно, скандинавскій полуостровъ, на что указываетъ какъ описаніе ея въ предшествующихъ параграфахъ, такъ и ея эпитеты: officina gentium aut certe velut vagina nationum. Но это, безъ сомнѣнія, позднее пріуроченіе, вызванное преувеличеннымъ представленіемъ о величинѣ и населенности полуострова, существовавшимъ у материковыхъ германцевъ и явно отражающимся въ повѣствованіи древнихъ историковъ и географовъ. См. Plin. IV, 13, 96 (alter orbis terrarum), Tacit. Germ. 44 s. (Suionum civitates, Sitonum gentes), Ptol. II, 11, 16 и друг.

По содержанію, необходимо отличать Scandinavia отъ Scandia. Только первое имя всегда обозначаетъ скандинавскій полуостровъ, тогда какъ второе имѣло, первоначально, болѣе общее значеніе. Уже Плиній IV, 16, 104 знаетъ не одну, а нѣсколько Scandiae (insulae). У Птолемея l. c. еще точнѣе τέσσαρες νῆσοι αἱ καλούμεναι Σκανδίαι, изъ которыхъ самый большой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый восточный, лежитъ κατὰ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Οὐιστούλα ποταμοῦ. Но «противъ устьевъ Вислы» лежитъ не Скандинавія,

---

1) Scandza вм. Scandia, какъ Burgundzones вм. Burgundiones у Іордана же.

въ нашемъ смыслѣ этого слова, а прежде всего Готландъ. Мы имѣемъ здѣсь, повидимому, то же смѣшеніе Готланда съ Скандинавіей, которое предполагается нашей догадкой.

Наконецъ, и соотвѣтствующее агс. Scedeland обозначаетъ не одну только Скандинавію и употребляется обыкновенно во множественномъ числѣ, ср. Beów. 19.

Формально, Scandia, конечно, не можетъ быть отдѣлена отъ Scadin-avia (=-auja). Такъ какъ для послѣдняго имени правильность формы Scadi- доказывается не только сопоставленіемъ древнѣйшихъ греко-латинскихъ свидѣтельствъ, но и германскими данными (ср. агс. Scedeland, Scedenîg<*scadi- и выше стр. 309), то мы и для Scandia должны предположить болѣе древнее *Scadnia, представляющее собою правильно образованное прилагательное. Объясненіе изъ финск. skadesi suolo (DA. II, 357 со словъ Томсена) несостоятельно, см. Much ZfdA. XXXVI (1892) p. 126. Удачнѣе была мысль Мюлленгофа DA. II, 56 связать это имя съ миѳическою Skaði, мысль, развитая дальше Мухомъ въ только-что указанной статьѣ.

Skaði олицетворяетъ собою зимнюю бурю и стужу; ея жилище на сѣверѣ въ Þrymheim'ѣ, странѣ вѣчнаго мороза. Ср. Meyer GM. 150 s. 154 s., Much l. c. 126 ss. Именемъ Скандій, т. е. «островомъ Скади» могли быть названы, первоначально, всѣ острова къ сѣверу отъ материка, пока оно не было пріурочено къ одной только Скандинавіи въ нашемъ смыслѣ этого слова. Скандинавскій полуостровъ, такимъ образомъ, совершенно устраняется изъ первоначальнаго готскаго преданія: послѣднее связываетъ материковыхъ готовъ съ островомъ Готландомъ—и только; внесеніе же Скандинавіи въ сагу обозначаетъ собою лишь секундарную форму послѣдней.

А такъ какъ намъ выяснилось выше, что Готландъ былъ заселенъ съ юга, то этимъ уничтожается послѣдній доводъ, говорившій въ пользу скандинавскаго происхожденія готовъ, и намъ остается лишь отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ могло сложиться преданіе о выходѣ готовъ съ Готланда.

Оно представляетъ собою, очевидно, историческій фактъ на изнанку и предполагаетъ время, когда истинный ходъ событій уже успѣлъ поблѣднѣть въ народной памяти. При сохраненіи — съ одной стороны — воспоминаній о томъ, что готы не исконные жители низовьевъ Вислы (выше стр. 256), и — съ другой стороны — при живыхъ сношеніяхъ материка съ Готландомъ (стр. 308), естественно могло возникнуть предположеніе, что этотъ, именно, островъ и есть прародина народа. На этомъ фазисѣ развитія стоитъ уже сказаніе въ Гутасагѣ, не знающей еще Скандинавіи; она добавила лишь географическія указанія при помощи обычныхъ маршрутовъ готландскихъ купцовъ (выше стр. 308).

Что такой процессъ образованія саги, ставящій историческій фактъ какъ бы на голову, вполнѣ возможенъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, даже необходимъ, доказывается высокознаменательною аналогіею на западѣ. Въ Translatio Sancti Alexandri, памятникѣ IX вѣка, принадлежащемъ Рудольфу Фульдскому, мы читаемъ о саксахъ (MGH. Script. II, 674): Saxonum gens, sicut tradit antiquitas, ab Anglis Britanniae incolis egressa, per Oceanum navigans Germaniae litoribus studio et necessitate quaerendarum sedium appulsa est:...

Для рѣшенія нашего вопроса совершенно безразлично, существовало ли у германцевъ вообще или у готовъ въ частности, уже до возникновенія гото-гутской саги, общій мотивъ о дѣленіи народа на три части, о выходѣ изъ родины вслѣдствіе голода и о выдѣленіи переселенцевъ по жребію, или же послѣдніе два мотива возникли у готовъ ad hoc для выясненія гото-гутскихъ отношеній. Первое предположеніе кажется, по нѣкоторымъ признакамъ, вполнѣ возможнымъ. Но какъ ни интересенъ этотъ вопросъ самъ по себѣ, мы должны отложить его разборъ до другого раза, такъ какъ, повторяемъ, онъ для частнаго вопроса, интересующаго насъ въ данный моментъ, безразличенъ. Замѣтимъ лишь мимоходомъ, что нѣкоторыя подробности западногерманскихъ преданій ставятъ послѣднія въ какую-то неясну

пока, связь съ миѳомъ о Sceáf'ѣ, прототипѣ «рыцаря съ лебедемъ», Лоэнгрина. Sceafa, по Widsíð 32, правилъ лангобардами. По разсказу англосаксонскихъ лѣтописцевъ, у которыхъ Sceáf повторяется почти во всѣхъ генеалогіяхъ англосаксонскихъ королевскихъ династій, онъ мальчикомъ былъ нѣкогда, невѣдомо откуда, прибитъ волнами моря къ берегу Скандинавіи (Scandea, Scania и т. д.), спящимъ на кораблѣ безъ руля; впослѣдствіи онъ сталъ (первымъ) царемъ въ Slaswich (Sleswyk) [1]. Послѣднее имя встрѣчается, однако, и въ преданіи о выселеніи суевовъ изъ Скандинавіи, см. выше стр. 322. Здѣсь, въ Шлезвигѣ, слѣдуетъ, кажется, искать исходный пунктъ этого преданія, общаго лангобардамъ и саксамъ и слившагося впослѣдствіи съ мотивомъ о выходѣ всего народа изъ Скандинавіи. Онъ, можетъ быть, и далъ поводъ къ введенію готскаго мотива въ лангобардскую пѣсню.

Наше изслѣдованіе спѣшитъ къ концу.

Выше (стр. 258) мы высказали предположеніе, что готы заняли низовья Вислы не раньше начала христіанскаго лѣтосчисленія. Рядомъ съ этимъ, мы, на основаніи соображеній, приведенныхъ на стр. 259, пришли къ выводу, что исходный пунктъ готскаго движенія слѣдуетъ искать либо къ сѣверу, либо къ югу отъ той области, въ которой ихъ впервые застаетъ исторія въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр.

Такъ какъ гипотеза о скандинавскомъ происхожденіи готовъ не нашла подтвержденія въ имѣющихся на лицо данныхъ, то необходимо предположить, что готы пришли съ юга.

Намъ остается теперь провѣрить этотъ апріорный выводъ, насколько такая провѣрка вообще возможна при скудости историческаго и лингвистическаго матеріала.

---

1) Англосаксонскій матеріалъ о Sceáf собранъ всего полнѣе у Grimm'a, DM.[4] III, 337 ss. Ср. также Simrock HddM.[5] 292 ss., Leo, Beów. 20 ss. и друг.

Первый фактъ, указывающій на то, что готы до прихода на устья Вислы сидѣли южнѣе, это—приведенное выше (стр. 313) свидѣтельство Іордана о побѣдѣ ихъ надъ вандалами. Область послѣднихъ лежитъ на лѣвомъ берегу верхняго Одера, въ нын. Силезіи (выше стр. 53). Послѣ занятія готами праваго берега нижней Вислы, они уже не были сосѣдями ихъ, и столкновеніе съ ними въ эту эпоху, когда готская политика естественно тяготѣла на востокъ, къ славяно-балтійцамъ и финнамъ, представляется болѣе чѣмъ невѣроятнымъ. Мы необходимо должны предположить, что столкновеніе это предшествовало занятію низовьевъ Вислы, т. е. произошло при передвиженіи готовъ на сѣверъ, когда они мечемъ прокладывали себѣ путь къ странѣ янтаря.

Правда, по точному смыслу Іордановыхъ словъ, вандалы были въ это время сосѣдями руговъ: (Ulmerugos) pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos.... suis aplicavere victoriis. Но, не говоря уже о томъ, что подобная стилистическая погрѣшность (eorum вм. suos) вполнѣ мыслима у автора, пишущаго на языкѣ далеко не безукоризненномъ, — мы, можетъ быть, имѣемъ дѣло съ фактическимъ недоразумѣніемъ, возникшимъ въ эпоху, когда южная родина готовъ была уже забыта и лежавшая за предѣлами точныхъ историческихъ воспоминаній борьба съ вандалами могла быть объяснена лишь при условіи сосѣдства ихъ съ ругами. Во всякомъ случаѣ, такое сосѣдство идетъ въ разрѣзъ съ имѣющимися у насъ данными исторической географіи.

У насъ есть, однако, еще другія свидѣтельства, указывающія на югъ.

Когда при Октавіанѣ Августѣ маркоманъ Марободъ основалъ сильное государство, центръ котораго лежалъ въ Богеміи, то онъ подчинилъ себѣ рядъ окрестныхъ племенъ, между которыми Страбонъ VII, 1, 3 называетъ Λουίους τὸ μέγα ἔθνος, Ζούμους, Βούτωνας, Μουγίλωνες, Σιβινούς и, наконецъ, семноновъ. Текстъ Страбона въ этомъ мѣстѣ, очевидно, сильно испорченъ: ни одно изъ перечисляемыхъ имъ именъ въ этой формѣ не

вторяется въ другихъ источникахъ. Тѣмъ не менѣе, одни только мугилоны остаются совершенно неясными, тогда какъ въ остальныхъ не трудно узнать извѣстныя намъ въ сосѣдствѣ съ Богеміей народности. Такъ, въ лyяхъ мы узнаемъ лугіевъ, въ зумахъ — дуновъ (? см. выше стр. 55), въ сибинахъ — сидиновъ (стр. 36 сл.), а въ бутонахъ — гутоновъ.

Если поправка *Γούτωνες вм. Βούτωνες вѣрна (она, дѣйствительно, принимается *всѣми* изслѣдователями), то передъ нами здѣсь первое упоминаніе имени готовъ, пріуроченнаго, очевидно, не къ нижней Вислѣ, а къ области гораздо болѣе южной.

Правда, въ войнѣ Маробода противъ Арминія (17 г. по Р. Хр.) принимаютъ участіе и лангобарды на нижней Эльбѣ, отстоящіе отъ центра маркоманскаго государства такъ же далеко, какъ готы на нижней Вислѣ. Но приравненіе ихъ, въ этомъ отношеніи, къ готамъ всетаки было бы неправильно. О связи лангобардовъ съ Марободомъ мы узнаемъ только по поводу борьбы, долженствовавшей рѣшить дальнѣйшую судьбу Германіи. Страбонъ не называетъ ихъ въ спискѣ народностей, подчиненныхъ Марободу; мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ подчиненіемъ, а съ союзомъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что лангобарды были ближайшими сосѣдями херусковъ, вслѣдствіе чего имъ, въ случаѣ побѣды Арминія, могла грозить опасность съ этой стороны. Впрочемъ, какъ извѣстно, лангобарды въ рѣшительный моментъ отказались отъ союза съ маркоманами и вмѣстѣ съ семнонами перешли на сторону херусковъ (Tacit. Annal. II, 45).

Въ совершенно иномъ положеніи готы. Если они въ это время уже сидѣли за нижней Вислой, то ихъ политическіе интересы несомнѣнно тяготѣли въ другую сторону; разыгравшаяся въ центральной Германіи борьба за гегемонію не могла увлечь ихъ подобно лангобардамъ, и поводовъ къ союзу съ Марободомъ у нихъ не было никакихъ. Участіе ихъ въ этой борьбѣ мыслимо только при полномъ подчиненіи ихъ маркоманскому государю, засвидѣтельствованномъ Страбономъ; а это подчиненіе, въ свою

очередь, допустимо лишь въ томъ случаѣ, если они, въ это время, жили не за нижней Вислой, а на лѣвомъ берегу ея и притомъ южнѣе.

Наша догадка поддерживается, наконецъ, еще однимъ соображеніемъ, которымъ, кажется, окончательно рѣшается этотъ вопросъ.

Когда, вслѣдствіе пораженія херусками, сила Маробода была уже сломлена (fracto iam Maroboduo), то первымъ отложились отъ него готы (въ 19 г. по Р. Хр.) и тѣмъ окончательно погубили могущественнаго нѣкогда маркомана. Между готами (inter Gotones), разсказываетъ Тацитъ Annal. II, 62, былъ знатный юноша по имени Катуальда (nobilis iuvenis nomine Catualda) [1]), нѣкогда силою изгнанный (изъ своей страны) Марободомъ. Видя, что дѣла послѣдняго плохи, онъ рѣшилъ отомстить ему, повидимому, не безъ тайной поддержки Рима. Съ сильнымъ отрядомъ (valida manu) онъ вторгся въ область маркомановъ, подкупилъ нѣсколько маркоманскихъ вождей (primores) и взялъ резиденцію Маробода, послѣ чего послѣдній долженъ былъ бѣжать къ римлянамъ.

Эти отношенія мыслимы, опять-таки, лишь при условіи болѣе близкаго сосѣдства готовъ съ Богеміей.

Распаденіе государства Маробода несомнѣнно привело въ движеніе германскій міръ въ области верхняго Одера и Вислы. Если мы предположимъ, что оно, именно, послужило толчкомъ къ передвиженію готовъ на сѣверъ, то мы получимъ хронологическое соотношеніе, вполнѣ подтверждающее соображенія, высказанныя нами на стр. 258.

Но мы можемъ пойти еще дальше и дать, съ точки зрѣнія этой гипотезы, новое освѣщеніе географическимъ извѣстіямъ нашихъ древнѣйшихъ источниковъ, внося этимъ нѣкоторыя поправки въ наши выводы въ началѣ этой книги.

---

1) Ср. имя князя хаттовъ Catumēr Tacit. Annal. XI, 17.

Оказывается, что римская исторіографія прослѣдила готское движеніе на сѣверъ шагъ за шагомъ.

Первый писатель, упоминающій о готахъ, Страбонъ, умершій ок. 23 г. по Р. Хр., знаетъ ихъ, какъ мы видѣли, еще близъ верховьевъ Вислы. Двинувшись на сѣверъ, они прокладываютъ себѣ дорогу черезъ земли другихъ лугійцевъ: воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ готскихъ пѣсняхъ въ формѣ преданія о побѣдѣ надъ вандалами. Выше лугійцевъ, — еще на лѣвомъ берегу Вислы — ихъ застаетъ Плиній старшій, закончившій свою «Естественную исторію» въ семидесятыхъ годахъ перваго вѣка. Снаряженіе, при Неронѣ, римскаго посольства на нижнюю Вислу, о которомъ говоритъ Плиній XXXVII, 3,45, вызвано, можетъ быть, этими передвиженіями, видоизмѣнившими политическую карту привислянскаго края, и имѣло цѣлью обезпечить свободное сообщеніе Италіи съ страною янтаря. Въ самомъ концѣ I в. по Р. Хр. Тацитъ Germ. 43 знаетъ ихъ все на томъ же мѣстѣ. Его осторожное выраженіе trans Lygios Gotones оставляетъ открытымъ вопросъ, сидятъ ли готы еще по лѣвому берегу Вислы: его новые источники (ср. выше стр. 26 сл., 47 сл.), очевидно, не давали ему отвѣта на него. Первый писатель, ясно свидѣтельствующій о совершившемся переходѣ готовъ черезъ Вислу—Птолемей III, 5, 8, во II в. по Р. Хр.

Мы получаемъ, слѣдовательно, выводъ, что готы появились на правомъ берегу Вислы и достигли моря не раньше второй половины I вѣка, выводъ, какъ нельзя болѣе подходящій къ тому хронологическому опредѣленію, который полученъ нами выше (стр. 258) инымъ путемъ.

Если онъ вѣренъ, то и вопросъ о птолемеевыхъ венедахъ на побережьѣ Балтійскаго моря получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, которое мы ему дали выше на стр. 28.

Первоначальный объемъ имени венедовъ неясенъ. Если впослѣдствіи оно и пріурочивается спеціально къ славянамъ, то, всетаки, раньше оно могло имѣть и болѣе общее значеніе, т. е. обнимать всю славяно-балтійскую семью. Широкое собиратель-

ное значеніе имѣетъ оно у Іордана 5, 34: ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venetharum natio populosa consedit. quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur. Иначе говоря, имя венедовъ обнимаетъ далеко не однихъ славянъ, въ узкомъ смыслѣ, и антовъ. Переходя отъ послѣднихъ къ видиваріямъ, въ дельтѣ Вислы, и къ айстамъ, Іорданъ въ указанномъ мѣстѣ не ставитъ рѣзкой грани, которая исключала бы возможность причисленія послѣднихъ къ венедамъ. Правда, нѣтъ такой грани и между айстами и акацирами; но едва ли самъ Іорданъ имѣлъ вообще ясное представленіе о родственныхъ взаимоотношеніяхъ тѣхъ народностей Сарматіи, о которыхъ онъ говоритъ. Приведенныя слова его не рѣшаютъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону.

У Тацита айсты стоятъ рядомъ съ венедами и не причисляются къ послѣднимъ. Но и это не рѣшаетъ вопроса. Айсты могли и должны были выдѣлиться, въ сознаніи римскаго исторіографа, изъ общаго міра венедовъ потому, что они одни были ближе извѣстны въ Римѣ какъ обладатели балтійскаго побережья, родины янтаря. Сюда только направлялись римскіе торговые караваны, тогда какъ весь славянскій міръ оставался въ тѣни, сохраняя то названіе, которымъ германцы нѣкогда обозначали всѣхъ своихъ негерманскихъ сосѣдей за Вислой.

Что это дѣйствительно такъ, покажетъ разборъ самаго имени. На германской почвѣ оно этимологіи не имѣетъ. Всѣ догадки, высказанныя по этому поводу [1]), не удовлетворяютъ ни формально ни по содержанію. Остается предположить, что оно заимствовано германцами у славянъ. На заимствованіе указываютъ и колеблющіяся формы его въ древнѣйшихъ источникахъ: Tab. Peut. Venedi, Venadi; Plin. IV, 13,97 Venedi; Tacit. Germ. 46 Veneti; Ptol. III, 5,7 s. Οὐένεδαι; Iord. 5,34 Venethae; 23,119

1) Zeuss 67 not.[2]: готск. winja пастбище; Schade s. v. Winid: прагерм. *p[illegible] дрврхнѣм. дрсакс. wini другъ.

Venethi (cod. B. uuinidae). Ср. еще Iord. 14,79. 48,246. 248 ss. Vinitharius (uenetharius).

Возстановить изъ этихъ чтеній первоначальную форму имени—нельзя. Можно лишь установить, что e передъ и послѣ n древнѣе чѣмъ i. Послѣднее могло возникнуть изъ e только на германской почвѣ, притомъ только передъ n+cons., а не передъ простымъ n (за исключеніемъ, конечно, готскаго, гдѣ всѣ e перешли въ i). Ср. готск. winds, дрврхнѣм. wint, агс. wind, дрсѣв. windr=лат. ventus; но дрсакс. дрврхнѣм. quena (готск. qinō)=дрирл. ben<праиндоевр. *genā. А такъ какъ, съ другой стороны, формы Venedi, Οὐένεδαι могутъ быть связаны съ дрсѣв. Vindir, дрврхнѣм. Winidā (ср. Beowinida выше на стр. 311) только при условіи d<đ<þ, то мы съ математическою точностью можемъ установить, какъ исходную форму, *U̯ento-. Что же касается второго i (между n и зубнымъ), то оно возникло секундарно вслѣдствіе морфологическаго отожествленія имени *U̯inþōz съ многочисленными именными образованіями съ суффиксомъ -þ-<-t-, передъ которымъ развивается то i (resp. e), то u (resp. o). Ср. дрврхнѣм. helid, дрсакс. helith, агс. hæleþ, дрсѣв. hǫlđr; дрврхнѣм. leitid рядомъ съ leitud отъ leitan.

Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ агс. Winedas, Winedaland рядомъ съ Weonodland (изъ *Winud-) у Эльфреда.

Такое подчиненіе суффиксу -iþ-, -uþ- объясняется, вѣроятно, желаніемъ отдѣлить этническое имя отъ нарицательнаго winds и т. д., съ которымъ оно вполнѣ совпадало: *Winþōz дало бы значеніе «вѣтры».

Мы получаемъ, слѣдовательно, какъ правильное отраженіе чуждаго *U̯ento-, прагерм. *U̯iniđōz, откуда непосредственно объясняются готск. *Winiđōs (Winitharius = *Winida-harjis), дрврхнѣм. Winidā и т. д.

Тацитовы Veneti, и Venethi, -thae Iордана находятся, безъ сомнѣнія, подъ прямымъ вліяніемъ кельтскихъ и иллирійскихъ венетовъ, тогда какъ Venedi, Οὐένεδαι передаютъ лишь нѣсколько неточно германскую форму *Winiđōz.

Находится ли имя венедовъ, древнее *Vento-, въ связи съ только что упомянутыми неславянскими венетами, какъ думалъ Куникъ (Bielenstein 477 s.), это насъ здѣсь не касается. Важнѣе вернуться къ вопросу, поставленному нами выше: каковъ былъ объемъ этого имени въ интересующее насъ время?

Отвѣтъ вытекаетъ теперь самъ собою изъ возстановленной нами исходной формы.

*Vento- сохранилось, безъ сомнѣнія, въ русскихъ вятичахъ (ВѦТ-), имя которыхъ, помимо секундарнаго суффикса, представляется прямымъ и вполнѣ правильнымъ отраженіемъ найденной нами древнѣйшей формы. Но важно не это, а то, что оно не ограничивается предѣлами славянскаго міра: мы находимъ его и среди айстовъ, въ туземномъ (латышскомъ) названіи рѣки и города Виндавы—Wenta, имѣвшаго въ средніе вѣка и областное значеніе (Bielenstein 193 ss.). Жители этой области называются еще теперь Wentińi (ibid. 344). Отсюда вышли и тѣ венды, которые, переселившись въ Лифляндію, дали здѣсь свое имя городу Вендену. Что они были айстскаго, а не финскаго происхожденія, доказалъ Биленштейнъ 334 сл.

Кромѣ того, и южнѣе также, близь впаденія Миньи въ Нѣманъ, сидѣли Wentenēki: нѣмецкіе завоеватели выстроили по сосѣдству свою Windenburg (Bielenstein 335). Звуковая группа -nt- должна была, въ нѣмецкихъ устахъ, перейти въ -nd- [1]).

Разъ имя вентовъ сохранилось не только въ вятичахъ, но и въ рядѣ айстскихъ названій, то отсюда возможенъ только одинъ выводъ: что именемъ венетовъ или, точнѣе, *вентовъ обозначалось нѣкогда все славяно-балтійское племя. Впослѣдствіи значеніе его съузилось и осталось лишь за нѣкоторыми отраслями славянской семьи (вятичами и нѣмецкими вендами) и айстскими вентами подъ Виндавой, подобно тому, какъ имя вандиліевъ

---

1) Уже съ XI в. всѣ древнія -nt- перешли въ nd, ср. дрврхнѣм. bintan и т. под. Этимъ объясняется и новонѣм. Wenden, представляющее собою новое, сравнительно, заимствованіе, не прошедшее черезъ законы e+nas.+cons>i, и t>þ>ð.

осталось за вандалами, имя славянъ за новгородскими словенами и т. д. Въ эпоху арабскихъ географовъ прежнее значеніе его уже давно исчезло; вотъ почему они и не знаютъ его. Переходную ступень представляетъ, можетъ быть, Іорданъ, который въ вышеприведенномъ мѣстѣ называетъ славянъ и антовъ частями племени венетовъ, тогда какъ въ другомъ (23, 119) онъ ставитъ венетовъ на одну линію съ антами и славянами.

Уже Куникъ (Bielenstein 477 s.) указалъ мимоходомъ на возможную связь «венедскаго залива» Птолемея съ Виндавой и т. д. Мы пришли инымъ и, кажется, болѣе надежнымъ путемъ къ тому же выводу, лишь нѣсколько иначе формулируя его. Птолемеевы венеды попали на берега Балтійскаго моря не по ошибкѣ, какъ намъ казалось выше; они здѣсь вполнѣ у мѣста, сохраняя древнее имя, нѣкогда общее славянамъ и айстамъ — исконнимъ жителямъ этого края. Если у Птолемея въ средней Сарматіи венеды отсутствуютъ совершенно, то это объясняется, вѣроятно, именно тѣмъ, что онъ зналъ ихъ на берегу моря.

Что же касается готовъ ὑπὸ τοὺς Οὐενέδας, то и они нисколько не противорѣчатъ нашему выводу. Мы, вѣроятно, были неправы, ища выше (стр. 29 сл.) точнаго опредѣленія готской земли. Не подлежитъ сомнѣнію, что готы, перешедши черезъ Вислу, застали и покорили здѣсь по крайней мѣрѣ часть айстовъ, pacatum hominum genus omnino. Но едва ли они достигли здѣсь, между Вислой, Нѣманомъ и Бугомъ, полной осѣдлости. Эта область служила лишь исходнымъ пунктомъ и базисомъ ихъ дальнѣйшихъ передвиженій и перекочевокъ по направленію къ сѣверо- и юговостоку. Лишь съ этой точки зрѣнія мы вполнѣ поймемъ теперь широкое политическое и культурное воздѣйствіе ихъ на *весь* славяно-балтійскій и финскій міръ, поймемъ также, почему они черезъ столѣтіе такъ легко снялись съ мѣста. Великое событіе, отдѣляющее первый періодъ готской исторіи отъ втораго, не есть неожиданное переселеніе всего народа разомъ, въ силу внезапнаго рѣшенія: оно обозначаетъ собою лишь перенесеніе центра тяжести готской силы съ сѣвера на югъ, съ ниж-

ней Вислы на средній Днѣпръ, послѣ того какъ отдѣльныя части народа, въ продолженіе своихъ перекочевокъ, уже раньше могли познакомиться съ благодатнымъ югомъ и увлечь, мало по малу, за собою и другихъ. Къ началу III вѣка главная масса народа уже оказывается на югѣ, сюда же переносится политическій центръ — и на горизонтѣ римской имперіи грозной тучей поднимается готская сила.

Перешедши черезъ Вислу, готы, однако, не теряли связи со своими родичами по ту сторону рѣки. Это доказывается фактами ихъ языка.

Характеризуя выше (стр. 290 ссл.) отличительныя особенности вокализма вандильской діалектической группы, мы имѣли случай указать, что не всѣ онѣ проведены во всѣхъ нарѣчіяхъ съ одинаковой силой и интенсивностью. Тотъ фактъ, что всего рѣзче онѣ проведены въ готскомъ, доказываетъ, что здѣсь именно, на востокѣ, за Вислой онѣ и возникли. Отсюда онѣ постепенно распространяются на западъ. Чѣмъ дальше мы прослѣдимъ ихъ въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ интенсивность ихъ проведенія.

Матеріалъ нашъ скуденъ, но его, тѣмъ не менѣе, достаточно для установленія границъ распространенія интересующихъ насъ звуковыхъ явленій, такъ какъ онъ относится почти исключительно къ крайнимъ западнымъ звеньямъ вандильской цѣпи, къ вандальскому и бургундскому [1]).

---

1) О языкѣ гепидовъ у насъ такъ мало данныхъ (всего 18 именъ), что мы не можемъ составить себѣ по нимъ ясное представленіе о гепидскомъ вокализмѣ. Отъ языка руговъ сохранилось еще меньше: всего 8 именъ. Наконецъ, о языкѣ лугійскихъ народностей, кромѣ вандаловъ и бургундовъ, традиція молчитъ совершенно. — Вандальскому языку посвящена работа Wrede, Wand., часто нами упоминавшаяся. Очеркъ у Förstemann'a GddSprst. II, 184—191 лишенъ всякаго значенія, точно также, какъ его характеристика языка бургундовъ тамъ же 191—205. О языкѣ бургундовъ мы имѣемъ устарѣлую теперь работу Wackernagel'я у Binding'a p. 331—404, и хорошую статью Kögel'я въ ZfdA. XXXVII (1893) p. 223—231.

На нѣкоторыя особенности вандальскаго вокализма мы уже указали.

Прагерм. ǣ подъ главнымъ удареніемъ сохранилось въ видѣ ē (Swesaon, Etemund); внѣ этого ударенія оно перешло въ ī (Geilamir, Witarith).

Прагерм. ō подъ удареніемъ произносится такъ закрыто, что оно пишется то ō (Godagisl), то ū (Blumarith); внѣ ударенія оно имѣетъ исключительно форму ū (Gamuth, Fronimuth), ср. выше стр. 15.

Древнее ĕ перешло въ ĭ, какъ въ готскомъ (Gibamund), но сохранилось въ дифтонгѣ eu (Theudarix). Равнымъ образомъ, древнее ŏ перешло, повидимому, въ ŭ, или, во всякомъ случаѣ, произносится очень закрыто, вызывая этимъ колебанія въ написаніи: Γοτθαῖος Proc.=ванд. Guþ-þeus, Stuzas Vict. Tunn. рядомъ съ Στότζας Proc. (ванд. Stutja?) и друг.

Передъ нами, очевидно, вокализмъ, котораго коснулось теченіе, идущее съ готскаго востока; но оно сказалось лишь въ легкой специфической окраскѣ гласной системы и не привело уже къ полному видоизмѣненію ея, какъ въ готскомъ.

Еще ярче сказывается это въ бургундскомъ языкѣ, представляющемъ во всѣхъ отношеніяхъ переходную ступень отъ вандильскаго типа къ западногерманскому. Недавно (1893) Kögel пытался доказать полную принадлежность его къ первому изъ нихъ; но большинство приводимыхъ имъ доказательствъ сводится къ сохраненію древнихъ фонетическихъ чертъ, которыя не говорятъ ни за ни противъ предлагаемаго имъ рѣшенія. Сюда относится напр. сохраненіе ƀ въ формѣ v (morginegiva, ср. готск. giba, т. е. giƀa, въ противуположность къ западногерм. geba, дрврхнѣм. morgangeba; nom. propr. Silva=дрврхнѣм. Selbo); или отсутствіе a-Umlaut'a (Gudomarus), сохраненіе древнихъ дифтонговъ ai (Aisberga, Gaisaldus) и au (Maurigutus, Audericus), отсутствіе западногерманскаго удвоенія согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующаго ĭ (Viliaric, Sunia).

Если же мы станемъ искать въ бургундскомъ языкѣ фоне-

тическихъ нововведеній, которыя одни только могутъ явиться рѣшающими критеріями, то мы получимъ слѣдующіе результаты:

Прагерм. ǣ подъ главнымъ удареніемъ сохранилось какъ ẹ̄, перешедшее потомъ въ ā, какъ въ западногерманскомъ и скандинавскомъ. Отсюда колебанія feramanni, Senila, Uuenaharius рядомъ съ fara, Vanaharius. Внѣ главнаго ударенія оно съуживается, какъ въ готскомъ, до ẹ̄, близкаго къ ī, въ которое оно, въ концѣ концовъ, переходитъ: Uindemeris, Uuiliemeris, Leuvera, Leubaredus,—позднѣе Augemirus, Uuistrimirus. Если, рядомъ съ этимъ, встрѣчаются формы вродѣ Leudomarus (надпись 547 г.), Uidemarus, Gundomares и т. д., то на нихъ сказалось вліяніе самостоятельнаго имени прилагательнаго *mārī, въ которомъ ā<ǣ правильно, въ силу только что указаннаго звуковаго закона.

Древнее е перешло, какъ въ готскомъ, всюду въ i (Ingildus, novigildus, -giva). Но оно сохранилось въ eu (leudus, Theudelinda).

Съ другой стороны, древнее ō сохранилось во всѣхъ положеніяхъ: Chrotechildis, Balthamodus, Theudemodus.

Сопоставляя всѣ эти данныя, мы получаемъ довольно ясную картину діалектическихъ переливовъ. На западной окраинѣ вандильскаго міра характерныя черты готскаго вокализма блѣднѣютъ, и бургундскій языкъ, со своимъ ā<ǣ, представляетъ собою уже ступень переходную къ западногерманскому типу. А въ этомъ мы усматриваемъ новое доказательство того, что географическая связь между восточными и центральными германцами никогда не обрывалась, т. е. что бургунды, какъ и готы и вандалы, исконніе жители материка.

Выше намъ выяснилось, что особенности вандильскаго вокализма, возникающія, какъ мы сейчасъ видѣли, у готовъ, начинаютъ проявляться сравнительно поздно, т. е не раньше перваго вѣка по Р. Хр.; иначе говоря, начало выдѣленія вандильскихъ нарѣчій въ обособленную группу совпадаетъ, по времени, съ передвиженіемъ готовъ и переходомъ ихъ черезъ Вислу.

Естественно должна явиться мысль, что между обоими фактами существуетъ причинная связь.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что скорость звуковыхъ измѣненій языка прямо пропорціональна силѣ и продолжительности географическихъ перемѣщеній народа, являющагося его носителемъ. Достаточно указать на литовскій языкъ съ одной, кельтскія нарѣчія съ другой стороны. Иллюстраціей того же основного закона можетъ служить, въ германскомъ мірѣ, нарѣчіе фризское.

Подобная зависимость жизни языка отъ внѣшней жизни народа объясняется, можетъ быть, извѣстными, неподдающимися, пока, точному опредѣленію психо-физіологическими процессами, которые вызываются бо́льшимъ напряженіемъ народныхъ силъ, какъ слѣдствіемъ передвиженій, занятій новыхъ земель, обострющейся борьбы за существованіе и т. д. Но, помимо этого, меньшая устойчивость языка при подобныхъ условіяхъ должна быть объясняема, прежде всего, вліяніемъ тѣхъ новыхъ этническихъ элементовъ, съ которыми народъ приходитъ въ столкновеніе или смѣшивается при занятіи новыхъ земель. Языкъ побѣдителей подвергается вліянію языка побѣжденныхъ, если послѣдніе стоятъ на низшей ступени культурнаго развитія; если же бо́льшая культурная сила лежитъ на сторонѣ побѣжденныхъ, то языкъ послѣднихъ навязывается побѣдителямъ, принимая лишь сравнительно мало особенностей ихъ языка. Случай перваго рода мы имѣемъ въ языкѣ нѣмецкихъ завоевателей-колонистовъ нашего прибалтійскаго края, принявшемъ рядъ особенностей — особливо въ области вокализма, музыкальнаго акцента и ритма рѣчи — отъ покоренныхъ финскихъ и айстскихъ туземцевъ. Наоборотъ, случай второго рода представляетъ языкъ франковъ, завоевателей Галліи, уступавшихъ покореннымъ туземцамъ какъ въ культурномъ развитіи, такъ и въ численности. Наконецъ, если сталкивающіеся элементы равносильны, то въ результатѣ долженъ получиться смѣшанный типъ: примѣромъ можетъ служить языкъ Англіи послѣ норманскаго завоеванія.

Таковъ общій законъ. Примѣняя его къ объясненію интересующаго насъ явленія, мы a priori можемъ предположить, что возникшія не раньше I вѣка особенности готскаго вокализма находятся въ зависимости отъ особенностей вокализма тѣхъ народностей, съ которыми ихъ свела новая родина, т. е. айстовъ. Являясь сюда въ качествѣ завоевателей, болѣе сильные по своему культурному развитію и, во всякомъ случаѣ, съ окрѣпшимъ уже національнымъ самосознаніемъ (см. выше стр. 21), готы подчиняются языку побѣжденныхъ лишь въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ рѣчи, т. е. они подпадаютъ тому же закону, которому подпали черезъ тысячелѣтіе ихъ отдаленные родичи, явившіеся, какъ они, изъ-за Вислы, въ тотъ же прибалтійскій край. И результаты получились въ обоихъ случаяхъ почти одинаковые, по крайней мѣрѣ въ области вокализма, единственной, гдѣ мы можемъ провѣрить этотъ процессъ на его результатахъ, вслѣдствіе большей гибкости готскаго алфавита въ обозначеніи гласныхъ, нежели согласныхъ: т. е. въ результатѣ получилось какъ въ нѣмецкихъ говорахъ прибалтійскаго края, такъ и въ готскомъ,—общее стремленіе къ съуженію гласныхъ.

Насколько въ этомъ отношеніи въ интересующую насъ готскую эпоху сказалось вліяніе айстскаго вокализма, мы въ точности опредѣлить не въ состояніи, такъ какъ оттѣнки произношенія въ гласной системѣ праайстовъ во многихъ случаяхъ неизвѣстны. Но въ двухъ пунктахъ, притомъ весьма важныхъ и характерныхъ, мы можемъ указать въ айстскомъ языкѣ явленія, вполнѣ совпадающія съ отмѣченными нами особенностями вандильскихъ нарѣчій и, спеціально, готскаго языка:

Индоевроп. ē дало въ айстск. ė т. е. ẹ̄ настолько закрытое, что въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ оно едва отличается отъ y (=i, ср. Brugmann I, 66).

Индоевроп. ō дало въ литовскихъ и латышскихъ говорахъ подъ удареніемъ ů (<ộ?); въ концѣ слова ō>u; -ōm, -ōn>*-ūn, откуда литовское ų.

Не здѣсь ли лежитъ исходный пунктъ движенія, превра

шаго прагерм. ǣ въ готск. ę̄, прагерм. ō въ готск. ǭ, близкое къ ū?

Мы прослѣдили исторію готовъ и ихъ сосѣдей отъ начала исторической традиціи до конца II вѣка по Р. Хр., т. е. до того момента, когда центръ тяжести готской силы переносится на средній Днѣпръ.

Съ перваго столкновенія готовъ съ римской имперіей близъ нижняго Дуная начинается второй періодъ готской исторіи.

Онъ продолжается недолго. Готы и въ южно-русскихъ степяхъ также не достигли полной осѣдлости, не создали прочнаго государственнаго организма; передвинулся лишь базисъ ихъ предпріятій, расширился лишь, вслѣдствіе этого, ихъ горизонтъ па югѣ: онъ обнимаетъ теперь весь бассейнъ Чернаго моря. Они прошли бы еще дальше, еслибъ имъ не преграждала путь грозная громада римской имперіи, все еще всесильной, хотя въ ней и сказываются уже признаки разложенія. Смѣло задуманнымъ и проведеннымъ набѣгамъ со стороны готовъ она уже не можетъ противупоставить ту силу и энергію, которая не довольствуется минутнымъ отпоромъ, а стремится обезпечить безопасность и на будущее время, отъ защиты переходя къ нападенію.

Пройдетъ лишь два столѣтія,—и сильный неожиданный толчекъ переброситъ готовъ черезъ Дунай. Широкой волной разольются они по западной Европѣ, и лишь въ Испаніи и Италіи они достигнутъ конца своего бѣга, начавшагося въ низовьяхъ Вислы. Здѣсь они создадутъ могущественныя государства, и, не смотря на кратковременность послѣднихъ, они внесутъ свою долю въ сокровищницу западноевропейской культуры, какъ они внесли ее въ культуру міра славянскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Объяснительная записка къ картамъ.

Тѣ отдѣлы моей книги, которые относятся къ исторической географіи Сарматіи и прилегающихъ областей, являются въ значительной степени результатомъ внимательнаго изученія капитальнаго труда Птолемея Γεωγραφικὴ ὑφήγησις.

Слѣпое довѣріе, которымъ пользовался этотъ писатель въ послѣдніе два вѣка античнаго міра и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, смѣнилось въ наше время, среди историковъ и этнологовъ, столь же слѣпымъ недовѣріемъ и даже полнымъ отрицаніемъ его достоинствъ. Достаточно указать на Мюлленгофа, который въ другихъ случаяхъ умѣетъ пользоваться самыми неясными указаніями и извлекать истину изъ комбинаціи самыхъ противорѣчивыхъ данныхъ традиціи: Птолемеемъ онъ почти никогда не пользуется и оправдываетъ свое отрицательное отношеніе къ нему весьма нелестной для нашего географа характеристикой послѣдняго. Его работа — «ремесленная, лишенная мысли», онъ — «настоящій пачкунъ древней географіи»: diese systematiker (т. е. Маринъ Тирскій и Птолемей) sind erst die wahren sudelköche der alten geographie, und alles, was der admiral Plinius etwa ähnliches geleistet hat, ist gegen sie nur ein kinderspiel (DA. III, 95).

Эти слова, высказанныя въ 1866 г., опредѣлили отношеніе большинства ученыхъ къ Птолемею, доходящее, какъ сказано,

до полнаго отрицанія: am besten wird man... thun, говоритъ въ 1884 г. L. Schmidt p. 7, seine (des Ptolemäos) Angaben überhaupt vollständig zu ignorieren, da dieselben zu leicht auf Irrwege führen können.

Подобное сужденіе производило бы въ ученомъ изслѣдованіи впечатлѣніе нѣкоторой наивности, еслибъ оно не являлось лишь рѣзкимъ выраженіемъ общей точки зрѣнія, установившейся среди ученыхъ на Птолемея.

Между тѣмъ, эта точка зрѣнія можетъ быть оправдана — и то лишь до извѣстной степени, — только по отношеніи къ нѣкоторымъ этнологическимъ отдѣламъ его труда, напр. къ списку и размѣщенію народовъ въ центральной Сарматіи (ср. выше стр. 118). Отдѣлы эти составляютъ, однако, лишь второстепенную часть его работы; центръ тяжести послѣдней лежитъ на географіи въ узкомъ смыслѣ слова: его трудъ γεωγραφική, а не ἐθνογραφικὴ ὑφήγησις. По отношенію же къ географическимъ даннымъ и ихъ группировкѣ, указанная точка зрѣнія представляется вопіющею несправедливостью. Не говоря уже объ огромномъ значеніи, присущемъ его труду въ исторіи картографіи вообще, мы должны, разъ на всегда, замѣтить, что оцѣнка фактическаго значенія его картъ не должна находиться въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей вѣрности ихъ рисунковъ. Мы увидимъ ниже, что онъ не могъ дать дѣйствительно вѣрный рисунокъ какой бы то ни было области, даже при самыхъ совершенныхъ картографическихъ пріемахъ, которыхъ у него, конечно, не было и быть не могло. Главное значеніе его для историка-географа состоитъ не въ томъ, что его карты болѣе или менѣе вѣрно передаютъ дѣйствительность; важнѣйшая его заслуга въ томъ, что онъ сохранилъ огромный, собранный имъ или Мариномъ Тирскимъ [1]), матеріалъ во всей его точности,

1) Вопросъ объ отношеніи Птолемея къ Марину насъ здѣсь не касается. Въ общихъ чертахъ оно опредѣляется словами самого Птолемея I, 6 ss., въ особенности I, 19. Въ частностяхъ же вопросъ этотъ нерѣшимъ, вслѣдствіе того, что оригинальный трудъ Марина до насъ не дошелъ, Птолемей-же, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ, давшихъ ему то или иное свѣдѣніе.

не внося никакихъ произвольныхъ поправокъ, а стараясь лишь примирять данныя своихъ источниковъ тамъ, гдѣ послѣдніе расходились въ своихъ показаніяхъ Если въ географическихъ частяхъ его труда есть нѣкоторый произволъ, то только въ этомъ; притомъ онъ настолько незначителенъ и, въ большинствѣ случаевъ, такъ прозраченъ и ясенъ, что онъ ничуть не нарушаетъ общей стройности и систематичности его работы.

Все дѣло въ томъ, чтобы съумѣть вѣрно воспользоваться этимъ огромнымъ матеріаломъ.

Всѣ попытки, дѣлавшіяся до сихъ поръ въ этомъ направленіи, (напр. Садовскимъ, Куно и мног. друг.), всегда оканчивались неудачей, т. е. давали въ результатѣ лишь предположенія и догадки, а не отчетливые выводы. Виноватъ въ этомъ, однако, не Птолемей, а изслѣдователи, которымъ не удалось найти ключъ къ его шифрамъ. Въ большинствѣ случаевъ, они видѣли свою главную задачу въ прінсканіи такой формулы приведенія птолемеевыхъ градусовъ долготы и широты къ соотвѣтствующимъ величинамъ нашей карты, которая была бы примѣнима ко всей картѣ Птолемея [1]). Нашедши ее и примѣнивъ къ тому или другому птолемееву рисунку, они переводили послѣдній, такъ сказать, на современный картографическій языкъ, радуясь весьма рѣдкимъ, совершенно случайнымъ совпаденіямъ и пожимая плечами надъ многочисленными промахами Птолемея, которые приходилось констатировать при этомъ. Но вѣдь это значитъ—переводить съ чужого языка на родной не живую мысль, облеченную въ живую форму, а мертвую фразу, притомъ даже не какъ синтаксическую фигуру, а какъ мертвое сочетаніе формъ, слово за словомъ. Можетъ-ли такой переводъ дать мало-мальски удовлетворительные результаты?

Такой пріемъ, очевидно, принципіально невѣренъ. Въ примѣненіи къ птолемеевой картографіи онъ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы все отличіе птолемеевой карты

1) Такова, напр., формула Садовскаго, по которой 3^{0} долг. Птол. равны $2^{0}6'$ нашего счета.

отъ нашей заключалось только въ различномъ опредѣленіи объема земного шара, т. е. длины экватора. Между тѣмъ, дѣло вовсе не въ этомъ или, по крайней мѣрѣ, не въ этомъ одномъ. Коренное и принципіальное отличіе заключается въ пріемахъ составленія карты; а пріемы эти, съ своей стороны, обусловлены характеромъ имѣвшагося передъ нимъ матеріала.

Хорошій переводчикъ долженъ, прежде всего, всесторонне понять мысль, выразившуюся въ фразѣ, которую онъ собирается перевести, а затѣмъ уже примѣнить свой родной языкъ къ передачѣ той-же мысли,—именно мысли, а не готовой фразы; выражаемаго, а не выраженія. Принципъ этотъ цѣликомъ примѣнимъ и къ изслѣдованію птолемеевой карты. Выраженіе здѣсь—самый рисунокъ; его никоимъ образомъ «переводить» нельзя, такъ какъ онъ почти всегда искаженъ, по причинамъ, которыя выяснятся намъ ниже; необходимо вникнуть глубже въ дѣло, постараться всесторонне понять мысль, выражаемую рисункомъ, т. е. матеріалъ, который подлежалъ передачѣ на картѣ. Только этотъ матеріалъ можетъ быть переведенъ на нашъ картографическій языкъ, т. е. примѣненъ къ современной картѣ, а не готовый рисунокъ Птолемея. Къ возсозданію этого матеріала сводится вся задача изслѣдователя. А для выполненія ея послѣдній долженъ просто продѣлать ту-же работу, которую продѣлалъ самъ Птолемей, но только въ обратномъ направленіи, идя отъ готовой карты къ сырому матеріалу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Птолемей имѣлъ передъ собою источники двухъ типовъ. Во первыхъ — труды своихъ предшественниковъ, географовъ и историковъ, дававшихъ матеріалъ уже въ обработанной формѣ, въ болѣе или менѣе стройной картинѣ. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ дошли до насъ (напр. Геродотъ, Страбонъ, Плиній и т. п.), другіе утеряны (Эратосѳенъ, Пиѳей, Гиппархъ, Артемидоръ и друг.)

Второй, наиболѣе важный для насъ рядъ источниковъ, наоборотъ, давалъ матеріалъ сырой: это были итинераріи путешественниковъ и купцовъ, таблицы разстояній и, можетъ быть,

карты въ родѣ пейтингеровой. Птолемей самъ, въ первой книгѣ своего труда, неоднократно указываетъ на итинераріи, какъ на важнѣйшіе свои источники. Точность его указаній въ особенности тамъ, гдѣ они относятся къ областямъ, входившимъ въ составъ имперіи, доказываетъ, что источники эти носили отчасти оффиціальный характеръ (ср. напр. выше на стр. 193 сл.); въ другихъ случаяхъ, относясь къ областямъ, куда, насколько намъ извѣстно, никогда не заходили римскіе легіоны, это были итинераріи купцовъ, дававшіе, въ общемъ, конечно, менѣе точныя указанія. Птолемей относился къ нимъ, впрочемъ, не безъ критики, хотя, конечно, строго-научной критики, въ нашемъ смыслѣ этого слова, отъ него ожидать нельзя. Но онъ ясно понималъ напр., что разстоянія, указанныя въ итинераріяхъ, нельзя переносить на карту цѣликомъ, въ видѣ прямыхъ линій, такъ какъ путешественники по сушѣ обыкновенно слишкомъ мало принимаютъ во вниманіе изгибы дороги, а мореплаватели — неблагопріятные вѣтры (I, 2,4). У него вырабатывается, путемъ наблюденій и провѣрокъ, вполнѣ опредѣленная точка зрѣнія на эти условія, и результаты его работы доказываютъ, что онъ былъ, въ общемъ, правъ (ср. выше стр. 222 сл.).

Таковъ былъ его матеріалъ. Его задача сводилась къ перенесенію его на развернутую поверхность земного шара, т. е. къ переводу стадіазмовъ на градусы и минуты долготы и широты; а для этого ему необходимо было, прежде всего, создать сложную сѣть меридіановъ и параллелей.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе того, при помощи какихъ пріемовъ Птолемей получилъ эту сѣть. Онъ самъ подробно излагаетъ эти пріемы въ первой книгѣ своего труда. Намъ же достаточно имѣть въ виду выяснившійся намъ выше (стр. 179 сл.) фактъ, что сѣть эта въ принципѣ вѣрна. Если она, тѣмъ не менѣе, не совпадаетъ съ нашей, то ошибка кроется въ основной посылкѣ, т. е. въ невѣрномъ опредѣленіи длины большого круга, перенятомъ у Посидонія; отношеніе-же параллелей къ меридіанамъ вычислено вполнѣ точно, или, по крайней

мѣрѣ, неточности настолько незначительны, что онѣ не могутъ вредно отозваться на нашихъ выводахъ: онѣ вызваны, очевидно, стремленіемъ Птолемея закруглять числа, т. е. считать всегда лишь круглыми десятками и пятками, избѣгая промежуточныя единицы и дробныя числа (ср. напр. выше примѣчаніе на стр. 179).

Такъ какъ онъ полагаетъ длину 1° экватора въ 500 стадій, т. е. 86,5 версты, тогда какъ въ дѣйствительности онъ равенъ 104,3 в., и такъ какъ, съ другой стороны, всѣ построенныя на этомъ дальнѣйшія вычисленія вѣрны, то получаемое здѣсь отношеніе его градусовъ къ нашимъ = 86,5 : 104,3 = 1 : 1,2 должно быть одинаково во всѣхъ частяхъ карты. Дѣйствительно, возьмемъ напр. 1° долг. на широтѣ 54°: у Птолемея онъ равенъ 293,8 стад. = 50,8 в., на нашей картѣ онъ-же = = 61,3 в.; т. е. мы получаемъ отношеніе 50,8 : 61,3 = 1 : 1,2.

Передъ нами, дѣйствительно, вполнѣ надежный и простой способъ «редукціи»: намъ стòитъ лишь увеличить сѣть Птолемея въ 1,2 раза или уменьшить нашу карту во столько же разъ, чтобы, при одинаковомъ масштабѣ, сдѣлать широты и долготы Птолемея равными картѣ нашей.

Еслибъ Птолемей нанесъ на свою карту всѣ отдѣльные пункты на основаніи точныхъ астрономическихъ данныхъ, то, возстановивъ его карту и увеличивъ ее въ 1,2 раза, намъ оставалось бы только наложить ее на современную карту, составленную въ томъ-же масштабѣ, — и мы дали бы разомъ наглядное рѣшеніе всѣмъ вопросамъ птолемеевой географіи. Но въ томъ-то и дѣло, что такихъ астрономическихъ данныхъ у него небыло, или, вѣрнѣе, онъ имѣлъ таковыя только для двухъ пунктовъ Европы, для Массиліи и Византіи [1]).

На этихъ двухъ точкахъ, опредѣленныхъ безотносительно, построена вся карта нашей части свѣта; отъ нихъ исходятъ и къ нимъ же возвращаются, въ концѣ концевъ, всѣ линіи, опре-

---

1) Да и то широта Византіи была опредѣлена невѣрно. См. стр. 136, 196 сл.

дѣляющія какъ контуры рисунка, такъ и разстоянія всѣхъ пунктовъ его другъ отъ друга. Изъ подобныхъ линій составлена вся карта, такъ какъ матеріалъ, которымъ владѣлъ Птолемей, носилъ исключительно геодезическій характеръ, т. е. онъ опредѣлялъ лишь разстояніе одной точки отъ другой и, вѣроятно, давалъ указаніе на общее направленіе по странамъ свѣта. Притомъ, нужно помнить, что это были простые итинераріи, а не стройныя діатезы, оріентированныя съ опредѣленнаго, астрономически надежнаго базиса. Ему приходилось самому создавать этотъ базисъ для каждой части своей карты отдѣльно. Напр., для южной Сарматіи нуженъ былъ иной базисъ, чѣмъ даже для сѣверной Сарматіи, такъ какъ между ними лежитъ центральная полоса, о которой Птолемей рѣшительно никакихъ даже геодезическихъ свѣдѣній не имѣлъ. Идя съ юга и покоясь на линіи Черноморскаго побережья какъ на базисѣ, въ общихъ чертахъ правильномъ, его рисунокъ западной Сарматіи долженъ былъ остановиться на 53° шир., т. е. на широтѣ источника Борисѳена. Разстояніе отсюда до Балтійскаго побережья опредѣлилось чисто графически. Базисомъ рисунка сѣверозападной Сарматіи могла служить только береговая линія «Οὐενεδικὸς κόλπος», положеніе которой опредѣлено опять таки не астрономически, а геодезически, причемъ исходнымъ пунктомъ служило устье Вислы, которое въ свою очередь опредѣлялось линіей, идущей отъ Дуная (Κάρπις) черезъ Сарматскія горы къ Вислѣ. Что при такомъ способѣ черченія картъ грубые промахи были неизбѣжны, это ясно само собою. Въ большинствѣ случаевъ уже самый базисъ того или другого рисунка невѣренъ; кромѣ того, Птолемею часто приходилось передвигать его, во избѣжаніе пробѣловъ на картѣ, а этимъ измѣнялся, растягивался или съуживался и общій рисунокъ, получая иное направленіе по компасу. Иллюстраціей можетъ служить, напр., рисунокъ западнаго Черноморья и Дакіи (выше стр. 136 сл.).

Итинераріи даетъ всегда лишь одинъ рядъ пунктовъ, черезъ которые ведетъ дорога, не оглядываясь ни направо, ни налѣво.

Если онъ указывалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее направленіе пути и важнѣйшіе его изгибы, то перенести его на карту было нетрудно и общая правильность рисунка была обезпечена.

Иное дѣло, когда съ этимъ итинераріемъ нужно было сочетать другой, когда, напр., надлежало соединить въ одну картину правильную линію днѣпровскихъ городовъ съ не менѣе правильнымъ рядомъ стоянокъ на Каркинитѣ. Разстоянія отъ Torokka до Pasyris съ одной, Karkina съ другой стороны даны вѣрно (выше стр. 222 сл.); линія же, соединяющая тотъ-же городъ съ Ольвіей (492 стад. = 85,1 в.) невѣрна на цѣлыхъ 80 верстъ = 462,4 стадій, такъ какъ въ дѣйствительности эта линія равна приблиз. 165 верстамъ. Произошло это оттого, что эти два пункта не соединялись прямымъ торговымъ трактомъ и линія Ольвія—Торокка получилась, поэтому, на картѣ Птолемея путемъ графическимъ, т. е. путемъ сочетанія двухъ итинераріевъ при невѣрной оріентировкѣ какъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и общаго обоимъ базиса — береговой линіи Чернаго моря отъ устья Днѣпра до устья Каланчака (= Каркинита).

Эти соображенія налагаютъ на изслѣдователя обязанность всматриваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ базисъ птолемеевой оріентировки и разсматривать его карту не въ цѣломъ ея составѣ, а разбивать ее, по возможности, на тѣ-же составныя части, изъ которыхъ ее, такъ сказать, склеилъ самъ Птолемей. Линіи, по которымъ склейка произошла, настолько еще ясны на его картѣ, что эта часть задачи существенныхъ затрудненій не представляетъ. Руководящими нитями явно служатъ теченія большихъ рѣкъ и береговыя линіи морей. Относительно тѣхъ и другихъ нужно, однако, замѣтить, что онѣ вѣрны лишь въ своемъ протяженіи, да и то не всегда (ср. выше стр. 195). Что-же касается ихъ изгибовъ, то они вѣрно переданы лишь въ самыхъ общихъ, грубыхъ чертахъ; мелкіе-же изгибы растянуты въ прямыя линіи, въ чемъ убѣдитъ насъ, напр., взглядъ на форму полуострова, къ которому примыкаетъ

Ἀχιλλέως δρόμος (ср. выше, стр. 217), или на западную часть Азовскаго моря (Βύκης λίμνη, выше, стр. 225).

Разъ подготовительная работа выполнена, т. е. карта Птолемея разбита на ея составныя части, и для каждой изъ нихъ опредѣленъ базисъ оріентировки, то изслѣдователь можетъ перейти къ главной части своей задачи, къ переводу птолемеевыхъ данныхъ на нашу карту. При этомъ ему представляются на выборъ два пріема.

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ онъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ могъ убѣдиться въ правильности птолемеевой оріентировки, онъ можетъ воспользоваться пріемомъ чисто графическимъ, т. е. наложить рисунокъ Птолемея на соотвѣтствующую часть нашей карты и довѣриться, въ общемъ, получаемымъ такимъ путемъ совпаденіямъ. Само собою разумѣется, что этотъ пріемъ примѣнимъ лишь въ видѣ исключенія, и получаемые результаты не всегда могутъ быть приняты безъ оговорокъ; подчасъ они сами по себѣ неясны и требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, причемъ субъективнымъ соображеніямъ изслѣдователя предоставленъ довольно значительный просторъ.

Гораздо надежнѣе, поэтому, второй пріемъ, который можетъ быть названъ геодезическимъ. Онъ примѣнимъ къ любой части птолемеевой карты и пользуется рисункомъ послѣдней лишь постольку, поскольку это необходимо для возстановленія геодезическаго матеріала, изъ котораго карта создалась подъ рукою Птолемея. Возстановивъ его въ видѣ таблицы разстояній [1]), изслѣдователь переноситъ его на современную карту, совершенно независимо отъ оріентировки Птолемея. Рисунокъ послѣдняго указываетъ лишь въ общихъ чертахъ направленіе, въ которомъ должно отмѣрять данное Птолемеемъ разстояніе, чтобы найти на нашей картѣ ту или иную точку его рисунка.

Само собою разумѣется, что указанные общіе пріемы часто окажутся недостаточными. Въ извѣстныхъ случаяхъ изслѣдова-

1) Примѣненный нами способъ вычисленія разстояній изложенъ нами выше, на стр. 178—182.

телю придется развить ихъ въ ту или иную сторону, принимая въ соображеніе детальныя условія каждаго отдѣльнаго случая. Причины той или иной ошибки или непослѣдовательности Птолемея всегда выясняются безъ особаго труда (ср. стр. 190 сл., 195 сл.): онъ работалъ строго-методически; обвиненіе въ «безпримѣрномъ произволѣ», къ счастью для насъ, ни на чемъ не основано.

Оба указанные пріема изслѣдованія Птолемея нашли примѣненіе въ моей книгѣ.

I. Графическій пріемъ иллюстрируется первою изъ прилагаемыхъ картъ («Область Одера и Вислы по современной картѣ и по картѣ Птолемея»).

Какъ указано выше, онъ можетъ быть примѣненъ только въ исключительныхъ случаяхъ, къ отдѣльнымъ частямъ — вырѣзкамъ изъ карты Птолемея.

Въ данномъ частномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ областью, представляющею собою сравнительно узкую полосу, которая тянется отъ Чехіи прямо на сѣверъ до Балтійскаго моря. Она не входитъ въ сферу римскихъ политическихъ интересовъ, вслѣдствіе чего нашъ географъ могъ имѣть о ней лишь однородный матеріалъ, т. е. итинераріи купцовъ, шедшихъ съ юга за янтаремъ. Пути, по которымъ идутъ торговые караваны, тянутся въ общемъ въ одномъ только направленіи, параллельно другъ другу, безъ значительныхъ отклоненій на востокъ или западъ; едва-ли они скрещивались, едва-ли рѣзко расходились. Опасность невѣрныхъ указаній относительно направленія тракта по странамъ свѣта здѣсь, въ силу этого, сводится къ минимуму.

Эти соображенія уже выдѣляютъ данную область изъ общей карты Германіи какъ нѣчто цѣльное, скомпанованное отдѣльно отъ прочихъ частей карты и оріентированное съ одного базиса, т. е. съ юга, по одному направленію, на сѣверъ. Вотъ почему мы вправѣ примѣнить къ ней графическій способъ дешифровки, т. е. наложить карту Птолемея на современную и довѣриться совпаденіямъ, которыя получатся при этомъ.

Непосредственно сдѣлать это, однако, нельзя: необходима нѣкоторая подготовительная работа.

Прежде всего, требуется, чтобы проекція на обѣихъ картахъ была одна и та-же. Выбирая прямолинейную (меркаторовскую), которую, впрочемъ, примѣняетъ и самъ Птолемей для частныхъ картъ отдѣльныхъ областей, я имѣлъ въ виду лишь бóльшую легкость практическаго исполненія карты. Что-же касается отношенія параллели къ меридіану, то базисъ обобщенія для нашей цѣли безразличенъ. Руководствуясь опять-таки соображеніями практическими, я обобщилъ на современной картѣ отношеніе параллели къ меридіану на широтѣ 54°, проходящаго черезъ дельты какъ Одера, такъ и Вислы (т. е. 1 : 1,701). На картѣ Птолемея также обобщена мною параллель, проходящая черезъ устья этихъ рѣкъ (т. е. птолемеевъ 56°), причемъ, однако, длина ея градусовъ получилась графически. Дѣло въ томъ, что, для наложенія птолемеева рисунка на нашъ, намъ необходимы по меньшей мѣрѣ три общія точки опоры, лежащія не на одной линіи. Такихъ точекъ, однако, птолемеева карта не даетъ, даже еслибъ мы увеличили ее въ 1,2 раза (ср. выше стр. 348). Приходится, поэтому, создать ихъ искусственно, нѣсколько жертвуя точностью рисунка Птолемея. Первыми двумя пунктами естественно представляются устья Одера и Вислы. Но ихъ нѣсколько. Выбирая по одному для каждой изъ этихъ рѣкъ, мы, очевидно, не можемъ обойтись безъ нѣкотораго произвола.

По соображеніямъ топографическимъ и гидрографическимъ, древнѣйшимъ устьемъ Одера представляется самое восточное (Камминское) подъ 14° 48′ 30″ долг. Грин., и 54° 1′ 30″ шир.; важнѣйшимъ же устьемъ Вислы несомнѣнно было самое западное (Данцигское) подъ 18° 39′ 30″ долг. Грин., и 54° 24′ шир. Соединяя эти двѣ точки прямою линіею, я принимаю ее за параллель 56° Птол. и кладу ее въ основаніе всего рисунка.

Меридіаны создать не трудно. Черезъ отмѣченныя точки пройдутъ, конечно, меридіаны 39°30′ resp. 45° Птол. (см. Ptol. II, 11,2). Раздѣливъ лежащую между ними параллель на 5°30′,

мы проведемъ черезъ точки дѣленія прямыя линіи, перпендикулярныя къ ней, и меридіаны готовы. Они-же дадутъ намъ и необходимую третью точку опоры. Дѣло въ томъ, что птолемеевъ меридіанъ 42°30′ пройдетъ на нашей картѣ какъ разъ черезъ тотъ рѣзкій загибъ Дуная, въ которомъ, по Птолемею, лежитъ Karpis: а Птолемей II, 11,3 отмѣчаетъ этотъ загибъ именно подъ 42°30′ долг. Это поразительное совпаденіе оправдываетъ нашъ рисунокъ и сглаживаетъ допущенный нами на сѣверѣ произволъ.

Разъ загибъ Дуная подъ Karpis оказался надежной точкой, то мы можемъ воспользоваться имъ для проведенія параллелей. Черезъ эту точку пройдетъ параллель 48° (Ptol. II, 11, 3); намъ остается лишь раздѣлить меридіанъ между нею и параллелью 56° шир. на 8 равныхъ частей, которыя и обозначутъ собою градусы широты.

Получаемое этимъ путемъ отношеніе параллели къ меридіану (= 1 : 2) несовсѣмъ точно. При обобщеніи 56° шир., вѣрнѣе было бы отношеніе 279,5 : 500 = 1 : 1,788. Но эта неточность вознаграждается другими, уже отмѣченными выгодами, представляемыми такимъ именно рисункомъ, который, впрочемъ, и съ точки зрѣнія геодезической не сильно расходится съ истиной. На картѣ Птолемея отъ Вислы до Одера по прямой линіи 265,8 версты, на нашей — около 237 верстъ; иначе говоря, мы расширили рисунокъ Птолемея, при сравнительно значительномъ разстояніи Одера отъ Вислы, лишь на 28,8 в. Что же касается меридіановъ, то здѣсь ошибка еще меньше: на картѣ Птолемея разстояніе отъ Karpis до параллели 56°, по меридіану,—692 в., а на нашей картѣ около 681 в., т. е. мы допускаемъ, на огромномъ разстояніи, ошибку лишь въ 11 верстъ.

Всматриваясь теперь въ получаемыя при этомъ наложеніи совпаденія, мы приходимъ къ результатамъ, уже отмѣченнымъ нами на стр. 59, 63—68.

Они, конечно, неточны. Лишь въ очень немногихъ случаяхъ полученныя пріуроченія подтверждаются сходствомъ или то

ствомъ именъ, какъ въ Καρρόδουνον (al. Κρόδουνον) — Grodisko, Καλισία—Калишъ. Тѣмъ не менѣе, подобный графическій пріемъ имѣетъ и свои выгодныя стороны: онъ ярко оттѣняетъ достоинства и недостатки птолемеевыхъ картъ и можетъ служить къ выясненію и оцѣнкѣ его картографическихъ пріемовъ. Независимо отъ этого, получаемые такимъ путемъ фактическіе результаты далеко не безцѣнны, напр., по вопросу о горныхъ цѣпяхъ, отмѣчаемыхъ Птолемеемъ. Что-же касается городовъ, то мы должны довольствоваться догадками; наши пріуроченія могутъ претендовать лишь на бóльшую или меньшую степень вѣроятія, за исключеніемъ, конечно, случаевъ въ родѣ Καλισία и т. под.

Провѣрка этихъ выводовъ при помощи геодезическаго пріема, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подтвердитъ намъ наши догадки, въ другихъ—она приведетъ насъ къ болѣе точнымъ пріуроченіямъ.

Asanka, которое мы на стр. 65 искали близъ Тешена, мы пріурочимъ теперь точнѣе къ городку Iablunkau на Ольсѣ, съ которымъ птолемеевъ городъ совпадаетъ и графически. Здѣсь могла быть первая стоянка послѣ перехода черезъ горы. Отсюда до Гродиско 109,2 в., тогда какъ у Птолемея отъ Asanka до Karrodunon 102,5 в., т. е. имъ сдѣлана ошибка въ 6,7 верстъ.

Отъ Karrodunon до Arsonion 84,9 в. Отожествляя послѣдній городъ съ нын. Росоржъ (верстахъ въ 12 на сѣверозападъ отъ Велюна), отстоящимъ отъ Grodisko на 77 верстъ (по прямой линіи, а съ обходомъ верховьевъ Просны, приблизительно на 85 верстъ), мы допускаемъ ошибку лишь въ 7,9 resp. 0,1 в. и получаемъ совпаденіе, поддерживаемое нѣкоторымъ сходствомъ именъ (*arso- > *roso-?). Кромѣ того, за это пріуроченіе говоритъ то обстоятельство, что и въ другую сторону отъ него получается удовлетворительный результатъ: отъ Arsonion до Kalisia по Птолемею 45,2 в., — отъ Росоржа до Калиша около 50 в., т. е. Птолемей ошибся лишь на 4,8 в.

Отъ Kalisia путь идетъ на сѣверъ до Setidaua, котораго достигаетъ черезъ 59 верстъ: это несомнѣнно нын. Коло, какъ мы уже предположили на стр. 65. Онъ лежитъ на одномъ изъ

важнѣйшихъ древнихъ бродовъ черезъ Варту и отстоитъ отъ Калиша на 56 верстъ, т. е. Птолемей ошибся въ опредѣленіи этого разстоянія лишь на 3 версты. Отъ Setidaua дорога достигаетъ, прошедши 64,8 в., города Askaukalis. Сохраняя для этого города пріуроченіе къ нын. Скульску (выше, стр. 65 сл.), мы должны допустить ошибку въ 29,3 в., слишкомъ значительную для даннаго небольшого разстоянія, даже если допустить необходимость далекихъ обходовъ вокругъ Гоплинскихъ болотъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ остановиться на этомъ, вспомнивъ, что рисунокъ всей этой области скомпанованъ по даннымъ двухъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ шелъ, въ своемъ изложеніи, съ сѣвера на югъ, другой — въ обратномъ направленіи (ср. выше, стр. 43) Линія, гдѣ обѣ діатезы сталкивались, должна пройти приблизительно черезъ среднюю Варту, вслѣдствіе чего и могло произойти удлиненіе разстоянія между Коло и Скульскомъ, если только допустить, что два источника Птолемея не сходились въ своихъ показаніяхъ и что онъ равномѣрно пользовался обоими.

Дальнѣйшій путь на сѣверъ обозначенъ, кажется, точнѣе. Отъ Askaukalis до Skurgon 82,2 в. Едва-ли послѣдній пунктъ слѣдуетъ искать на окраинѣ такъ наз. Tucheler Heide (выше, стр. 66) около нын. Цемпельбурга, куда указываетъ графическое совпаденіе. Вѣрнѣе пріурочить Skurgon къ нын. Корсину или Крушину между Бромбергомъ и Накелемъ, близъ одного изъ важнѣйшихъ въ древности переходовъ черезъ болота, окружающія верхнюю Нетцу. Корсинъ и Крушинъ находятся отъ Скульска первый въ разстояніи 76 в., второй — 75,5 верстъ; т. е. мы допустили ошибку только въ 6,2, resp. 6,7 в. Догадка эта, повидимому, подтверждается тѣмъ, что отъ Skurgon до устья Вислы у Птолемея 131,6 в., а отъ Корсина до Данцигскаго устья 140, отъ Крушина 136 верстъ; иначе говоря, мы имѣли бы дѣло съ ошибкою въ 8,4 resp. 4,4 в. Наконецъ, если Skurgon лежитъ около Бромберга, то это могло бы намъ служить указаніемъ на направленіе, которое имѣло, на оригинальной картѣ Птолемея, теченіе Вислы.

Таковъ, кажется, главный трактъ. Дороги, проходящія западнѣе, менѣе ясны.

Если Budorigon = нын. Herrenstadt (стр. 68), то Limiosaleion, дѣйствительно, должно совпасть съ нын. Шримъ: между означенными двумя городами Птолемея 72 версты разстоянія, а между тѣми пунктами нашей карты, къ которымъ мы ихъ пріурочиваемъ—62 версты, т. е. мы допустимъ ошибку въ 10 в. Что-же касается Leukaristos, отстоящаго отъ Budorigon на 39,3 в., а отъ Arsonion на 96,8 в., то вопросъ о немъ долженъ остаться открытымъ.

Наконецъ, крайняя западная линія идетъ слѣдующимъ образомъ:

Galaigia — 128,3 в. — Kolagkoron — 38,6 — Susudata — 139,9 — Viritіon — 109,3 — Skurgon.

Сохраняя наши пріуроченія, полученныя на основаніи графическихъ совпаденій (стр. 67 сл.), за исключеніемъ Skurgon, принимаемаго нами теперь за Корсинъ или Крушинъ близъ Бромберга, мы получаемъ:

Румбургъ — 119 в. — Кроссенъ — 45 — Франкфуртъ — 137 — Чарниковъ[1]) — 92 — Бромбергъ, т. е. ошибки выразятся въ такихъ цифрахъ:

9,3, — 6,4 — 2,9 (resp. 0,4) — 17,3 в.

Центральный путь соединялся съ западнымъ, повидимому, линіей Limiosaleion—86,5 в.—Viritіon, т. е. на нашей картѣ Шримъ—87,5—Брисенъ.

Чтобы уже не возвращаться къ нашей первой картѣ, прибавимъ тутъ-же списокъ народностей, обозначенныхъ на ней римскими цифрами:

---

1) Вѣрнѣе, можетъ быть, Брисенъ (=Viritіon?), въ 2,5 в. на востокъ отъ Чарникова, т. е. въ 139,5 в. отъ Франкфурта.

I готы	VII манимы	XIII буры
II гепиды	VIII силинги	XIV марсинги
III руги	IX (ди)дуны	XV сидоны
IV лемовіи (?)	X гаріи	XVI котины
V бургунды	XI аздинги	XVII осы.
VI гельвеконы	XII варины	

II. Геодезическій пріемъ. Наша вторая карта (Южная часть Европейской Сарматіи и прилегающія къ ней области по Птолемею), служащая къ уясненію его, составлена нами непосредственно по тексту Птолемея II, 11 (Γερμανία Μεγάλη), 15 (ἡ κάτω Παννονία); III, 5 (ἡ ἐν Εὐρώπῃ Σαρματία), 6 (ἡ Ταυρικὴ Χερσόνησος), 7 (Ἰάζυγες οἱ Μετανάσται), 8 (Δακία), 10 (ἡ κάτω Μυσία).

Обобщая отношеніе параллели къ меридіану 11 : 20, имѣющее мѣсто на 56°38′ шир. (274,99 : 500), я имѣлъ въ виду частный рисунокъ Сарматіи самого Птолемея, который чертитъ карту этой страны съ этимъ именно обобщеніемъ.

Еслибъ мы имѣли возможность съ полною графическою точностью возстановить карту Птолемея, то мы могли-бы считывать съ нея всѣ разстоянія, какъ мы ихъ считываемъ съ карты современной, при помощи масштаба, извѣстнаго намъ и для карты Птолемея. Но такъ какъ подобная задача представляла бы слишкомъ значительныя графическія затрудненія [1]), то мы предпочли болѣе легкій и надежный, хотя и очень утомительный способъ вычисленія разстояній, изложенный нами выше на стран. 178—182. Къ тому, что мы сказали тамъ, намъ остается добавить лишь нѣсколько словъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Птолемей закруглялъ цифры при перенесеніи ихъ на карту, подобно тому, какъ и въ астрономическихъ указаніяхъ наименьшая величина, съ которою онъ считается,—5′. Такъ напр., если мы получаемъ по нашему рас-

1) Я сдѣлалъ попытку такого возстановленія для таврическаго полуострова и думаю издать ее въ недалекомъ будущемъ.

чету разстоянія въ 151 стад. (Harpis-Hermōnaktos kōmē), 299,8 (Olbia—Borysthenēs), 1058,7 (Olbia — Eraktōn), 1397,5 (Chronos—Rudōn), то мы, вѣроятно, подошли бы ближе къ счету Птолемея (или его источниковъ), еслибы считали 150—300—1060—1400. Но такія закругленія всегда носили бы характеръ произвола; притомъ въ большинствѣ случаевъ мы бы не знали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ закруглять. Такъ, если по нашему расчету отъ Ольвіи до Tamyrakē 812,4 стадія, отъ Mētropolis до Sarbakon 547,4, то мы можемъ предположить у Птолемея 810 или 815, 545 или 550 стадій. Вотъ почему мы предпочли разъ на всегда сохранять точныя цифры нашихъ вычисленій, останавливаясь въ нихъ на десятыхъ доляхъ, также, какъ и при переводѣ стадій на версты.

Для справокъ и въ видахъ облегченія провѣрки нашихъ выводовъ, мы прилагаемъ еще таблицу разстояній на картѣ Птолемея, какъ тѣхъ, которыя вошли въ нашъ текстъ, такъ и тѣхъ, которыя были вычислены нами попутно, но не нашли примѣненія въ самомъ изслѣдованіи. Вторыя поучительны не менѣе первыхъ: они, большею частью, мѣтко характеризуютъ ошибки птолемеева рисунка и дадутъ читателю возможность провѣрить общія положенія, изложенныя нами на стр. 346 сл.

Приложенie II.

ТАБЛИЦА РАЗСТОЯНІЙ

НА КАРТѢ ПТОЛЕМЕЯ.

Южная и сѣверозападная Сарматія. Сѣверовосточная часть нижней Мэзіи. Сѣверовосточная Германія.

Имена расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Такъ, напр., разстояніе отъ Ольвіи до Тираса слѣдуетъ искать подъ Olbia; отъ Ольвіи до Метрополиса подъ Mētropolis. Имена городовъ и вообще поселеній не обозначены особо; отмѣтка pol. (=πόλις) прибавлена лишь въ немногихъ случаяхъ, чтобы отличить городъ отъ одноименной рѣки (Tanais, Tyras). Если при именахъ рѣкъ, всегда помѣченныхъ отмѣткою pot. (=ποταμός, — οῦ) нѣтъ другого указанія, то имѣется въ виду устье. Словомъ stoma (στόμα) отмѣчены лишь устья Дуная.

Принимаемыя мѣры: 1 стад. = 125 pass. roman. = 184,7 метра = 0,173 версты.

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Agaron akron	Agaros pot.	446,9	77,3
» »	Krēmnoi.	167	28,8
» »	Neon Teichos.	965,1	166,9
» »	Tanais pol.	2815,2	487
» »	Zēnōnos Chersonēsos.	458,3	79,2
Agaros pot.	Alsos Halieuma theū.	378,7	65,5
» »	Gerros pot.	587,4	101,6
Akra	Bykēs pot.	99,3	17,1
»	Gerros pot.	181,9	31,4
»	Neon Teichos	500	86,5
Alsos Halieuma theū .	Lykos pot.	162,7	28,1
Alsos Hekatēs	Borysthenēs pot. . . .	503,5	87,1
» »	Hieron akron	257,4	44,5
» »	Hypanis pot.	410,9	71
» »	Isthmos tū Achilleōs dromu.	173,3	29,9
Amadoka limnē	Lēinon.	165,1	28,5
Amadoka pol.	Azagarion	83,3	14,4

отъ	до	стадии.	версты.
Amodoka pol.	Saron	125	21,6
Arsonion.	Kalisia.	261,3	45,2
»	Karrodunon (Germ). .	490,8	84,9
»	Leukaristos.	560	96,8
Asanka.	Hēgētmatia.	1114,5	192,8
»	Karrodunon (Germ.) .	592,9	102,5
»	Setouia	231,4	40
Askaukalis	Setidaua.	375	64,8
»	Skurgon	475,3	82,2
Axiakēs pot.	Borysthenēs pot. . . .	300,7	52
» »	Fyskē	200,8	34,7
» »	Ordēssos	250	43,2
Axiupolis	Karsum	71,4	12,3
»	Tomoi.	236,2	40,8
»	Troismis.	313,9	54,3
Boreion stoma	Pseudostomon	88	15,2
» »	Thiagola stoma	88	15,2
Borysthenēs pot.	Chersonēsos	1409,2	243,7
» »	Hypanis pot.	165,6	28,6
» »	Olbia.	299,8	51,8
» »	Ordēssos.	165,6	28,6
» »	Tamyrakē.	607,3	105
» »	Thiagola stoma	862,5	149,2
» »	Tyras pot.	572,5	99
Budorigon.	Hēgētmatia.	932,8	161,3
»	Leukaristos.	227,4	39,3
»	Limiosaleion	416,7	72
»	Lugidunon *).	463,9	80,2
»	Stragona	719,1	124,4
Bykēs pot.	Leianon	165,6	28,6
» »	Neon Teichos	420,2	72,6
Byzantion	Thiagola.	1960,2	339,1

*) Lugidunon берется здѣсь въ томъ положеніи, въ которомъ оно значится у Птолемея, т. е. подъ 39°30′ долг. 52°30 шир.

отъ.	до.	стадіи.	версты.
Chersonēsos	Thiagola	1619,2	280,1
Chesinos pot.	Turuntos pot.	822,4	142,2
Chronos pot.	Rudōn pot.	976,2	168,8
» »	Uistula pot.	1397,5	241,7
Dinogeteia	Nouiodunon	522,8	90,4
»	Troismis	332,3	57,4
Erakton	Olbia	1058,7	183,1
»	Tyras pol.	884,4	153
»	Tyras pot. epistrofē	288,2	49,8
»	Uibantauarion	110	19
Erkabon	Olbia	507,6	87,8
»	Pasyris	41,6	7,1
»	Trakana	250	43,2
Fyskē	Tyras pot.	112,2	19,4
Galaigia	Kolagkoron	741,7	128,3
»	Lugidunon *)	616,6	106,6
»	Stragona	659	114
Gerros pot.	Krēmnoi	486,2	84,1
» »	Nauaron	810,4	140,1
Harpis	Hermōnaktos kōmē	151	26,1
»	Nouiodunon	592,5	102,5
»	Thiagola stoma	151,2	26,1
»	Tyras pol.	208,3	36
Hēgētmatia	Karrodunon (Germ.)	976,3	168,8
»	Stragona	349,2	60,4
Hermōnaktos kōmē	Tyras pot.	87,9	15,2
Hieron akron	Isthmos tū Achilleōs dromu	402,6	69,6
» »	Mysaris akron	647,3	111,9

*) См. примѣчаніе на стр. 362.

отъ	до	стадіи.	версты.
Hieron (Peukē) stoma.	Istros pol.	137,6	23,8
» » » .	Narakion stoma	71	12,2
» » » .	Nouiodunon.	477,5	82,6
» » » .	Sitioenta	367,6	63,5
» » » .	Tomoi	403,6	69,8
» » » .	Troismis.	692,6	119,8
Hygreis	Lykos pot.	523,6	90,5
»	Poritos pot.	393,8	68,1
Hypanis pot.	Leianon.	761,3	131,7
» »	Neon Teichos.	832,3	143,9
» »	Olbia.	415	71,7
» »	Ordēssos	331,3	57,3
» »	Tamyrakē.	441,7	76,4
» »	Torokka.	299,8	51,8
Isthmos tēs Taurikēs Chersonēsu 60°20′ long. 48°20′ lat. . .	60°30′ long. 48°30′ lat..	99,9	17,2
Isthmos tū Achilleōs dromu.	Kalos limēn.	173,3	29,9
Isthmos tū Achilleōs dromu.	Mysaris akron.	266,5	46,1
Istros pol.	Nouidunon	476	82,3
» »	Tomoi	301,1	52
Istru pot. prōtos merismos	Nouiodunon.	57,3	9,9
Kalisia.	Leukaristos.	612	105,8
»	Setidaua.	341,6	59
Kalon stoma	Narakion stoma	88,1	15,2
» »	Pseudostomon	83,3	14,4
Kalos limēn.	Tamyrakē.	379,1	65,5
Karkina	Karkinitēs pot.	136,6	23,6
»	Olbia.	833,4	144,1
»	Tamyrakē.	136,6	23,6

отъ	до	стадіи.	версты.
Karkina	Torokka	352,5	60,9
Karkinitēs pot.	Tamyrakē	110,4	19
Karoia	Poritos pol.	291,7	50,4
»	Tanais pol.	833	144,1
»	Tanais pot. dytikon stoma	575,1	99,4
Karpaton oros	Tyras pot. peras 49°30′ long. 48°30′ lat.	1159,5	200,5
Karpis	Setouia	1000	173
»	42°30′ long. 56° lat.	4000	692
Karrodunon (Sarmat.)	Klēpidaua	990,6	171,3
» »	Maitōnion	503,8	87,1
» »	Tyras pot. peras 49°30′ long. 48°30′ lat.	83,3	14,4
Karsum	Troismis	256,6	44,3
Klēpidaua	Maitōnion	503,8	87,1
»	Tyras pol.	1277,9	221
»	Tyras pot. epistrofē	185,3	32
»	Uibantauarion	330,2	57,1
Kolagkoron	Susudata	223,3	38,6
Leianon	Neon Teichos	335	57,9
Lēinon	Olbia	1165,7	201,6
»	Sarbakon	344,7	59,6
»	Tyras pot. epistrofē	935,6	161,8
Leukaristos	Limiosaleion	474,7	82,1
Limiosaleion	Uirition	500	86,5
Lugidunon*)	Stragona	419,8	72,5
Maitōnion	Tyras pol.	1734,2	300
»	Tyras pot. epistrofē	662,6	114,6
»	Tyras pot. peras 49°30′ long. 48°30′ lat.	496,9	85,9
Mētropolis	Nauaron	695,8	120,3

*) Lugidunon берется здѣсь въ томъ положеніи, въ которомъ оно значится у Птоломея, т. е. подъ 39°30′ долг. 52°30′ шир.

ОТЪ	ДО	СТАДІИ.	ВЕРСТЫ.
Tanais pol.	Tanais pot. dytikon stoma.	255,9	44,2
Thiagola stoma.	Tyras pot.	334,5	57,8
Tomoi	Troismis.	428,7	74,1
Tyras pol.	Tyras pot.	112,2	19,4
» »	Tyras pot. epistrofē	1092,6	189
» »	Tyraspot.peras49°30′ long. 48°30′ lat.	2227,7	385,3
» »	Uibantauarion	979	169,3
» »	Zargidaua.	450,8	77,9
Tyras pot.	Tyras pot. epistrofē. .	1197,1	207
Tyras pot. epistrofē. .	Uibantauarion	185,3	32
» » » . .	Zargidaua	674	116,6
Uiadua pot.	Uistula pot.	698,7	120,8

Поправки и дополненія.

Стран.	Строка (сверху).	
6	2	вм. снова читай основа.
»	4	вм. Раулдъ чит. Руалдъ.
8	14 сл.	«Градъ Днѣпра въ Рѣчной области... въ то время главный городъ въ странѣ Reiðgot'овъ.
»	17	вм. произоцло чит. произошло.
11	8-10	«Въ то время весь материкъ, которымъ онъ (О́динъ) владѣлъ, назывался страною Reiðgot'овъ, а всѣ острова страною островныхъ готовъ, что теперь называется Даніей и Швеціей».
17	23	вм. Готландіи чит. Готланда.
28 сл.		Разсужденіе о венедахъ-славянахъ на балтійскомъ побережьѣ должно быть исправлено на основаніи стр. 331—336: венеды совершенно вѣрно отмѣчаются Птолемеемъ на берегу моря, но этимъ именемъ обозначаются здѣсь не славяне, а айсты.
29	25	вм. с. 3 чит. IV,26.
»	28 сл.	Опредѣленіе земли готовъ и восточной ея границы (стр. 30 сл.) должно быть измѣнено согласно стр. 335 сл.: готы не достигли въ низовьяхъ Вислы полной осѣдлости.
41	2	вм. Малые... Бѣлые чит. Малыя... Бѣлыя.
43	12	вм. Ορκύνιος чит. 'Ορκύνιος.
55	17	вм. Σούμους... p. 290 чит. Ζούμους... VII,1,3.
62	13	вм. Varini чит. Varinnae.

Стран.	Строка (сверху).	
65	1-4	'Ασάνκα вѣроятно тождественно съ гор. Яблунковымъ на Ольсѣ, см. стр. 355.
65	14-16	'Αρσόνιον вѣроятно нын. Росоржъ, въ 12 верстахъ отъ Велюна. См. стр. 355.
66	16-17	Σκοῦργον вѣрнѣе пріурочить къ нын. Корсину или Крушину близъ Бромберга. См. стр. 356.
68	20-22	Οὐιρίτιον вѣроятно нын. Брисенъ близъ Чарникова. См. стр. 357.
79	12	вм. G. и чит. и G.
80	примѣч.	вм. Hyponis-Кубанъ чит. Hypanis-Кубань.
83	4	вм. al. Норци чит. al. Нарци.
87	6	О суффиксѣ -ma въ финскихъ этническихъ названіяхъ см. замѣчаніе Куника, у Биленштейна стр. 463.
88	2	вм. назваені чит. названіе.
93	12	вм. Plyaen чит. Polyaen.
97	6	вм. s. и чит. s., Evarix Greg. Turon. II,25, и
»	13	Возможно, однако, что мы въ Eochar имѣемъ дѣло съ *кельтскимъ* именемъ, въ виду дрбрет. Euhocar Fick II[4] p. 23. Ср. стр. 98 примѣч. [1].
100	29	уничтожить цитату reges Böckh II,82.
114	1	вм. дять чит. дать.
»	3 сл.	вм. незаконнаго чит. незаконнаго или смѣшаннаго.
116	17	вм. *Ermunudori чит. *Ermunoduri.
123	9	вм. передвинулись чит. передвинулась.
144	20 сл.	Когда стр. 144 уже была отпечатана, я замѣтилъ, что уже Roesler въ Romänische Studien стр. 72 связываетъ Caucoenses съ Caucaland. Впрочемъ, онъ не входитъ въ обсужденіе вопроса, хотя и пріурочиваетъ Caucaland къ области Kokel.
151	23	послѣ немыслимо прибавить: (ср. уже Мухъ 17).
156	2	вм. ниже чит. выше стр. 143.
162	10	вм. Аксіуполя чит. Аксіополя.

Стран.	Строка (сверху).	
193	32	вм. 1159,1 чит. 1159,5.
206	8	вм. Царгидаву чит. Заргидаву.
213 сл.		Производя лѣтомъ 1898 г., по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, курганныя раскопки близъ Большой Бѣлозерки (см. стр. 223 и дополненіе къ ней), я имѣлъ случай посѣтить Большую и Малую Знаменку на Днѣпрѣ (Конкѣ) и долженъ, на основаніи личнаго знакомства съ мѣстностью, внести легкую поправку въ мои пріуроченія Амадоки и Азагаріона. Послѣдній городъ несомнѣнно вѣрно пріуроченъ мною къ кучугурамъ близъ Малой Знаменки (Каменки) противъ Никополя. Подъ громадными песочными насыпями, покрывшими весь древній, повидимому довольно обширный городъ, еще видны слѣды мостовой широкой улицы, пересѣкающей городище, кажется, во всю его длину. Мѣстами виднѣются остатки большихъ каменныхъ сооруженій, домовъ и городской стѣны (?). Вся площадь кучугуръ усѣяна здѣсь безчисленными черепками древнихъ красноглиняныхъ амфоръ, бронзовыми и кремневыми наконечниками стрѣлъ; часто встрѣчаются также черноглиняные черепки и древнія ольвійскія, херсонесскія и друг. монеты. Сильные вѣтры, разнося песочные холмы, нерѣдко обнаруживаютъ древнія погребенія, и мѣстные обыватели разсказываютъ чудеса о богатыхъ золотыхъ предметахъ, которые когда-то здѣсь были находимы. Въ этомъ (1899) году мѣстный учитель села Каменки, Д. Я. Сердюковъ, подарилъ Императорской Археологической Коммиссіи небольшую коллекцію вещицъ и монетъ, найденныхъ имъ самимъ въ предѣлахъ древняго

24*

Стран. Строка (сверху).

городища и свидѣтельствующихъ о существованіи города въ древнегреческую эпоху (см. отчетъ Коммиссіи за 1899 г.). Ему же Коммиссія поручила въ этомъ году развѣдочныя раскопки, которыя, будучи произведены въ незначительныхъ лишь размѣрахъ, не привели, пока, къ выясненію топографіи древняго города. Я убѣжденъ, что болѣе обширныя раскопки выяснятъ планъ Азагаріона и дадутъ интересныя и богатыя находки греческаго дѣла.—Къ библіографическимъ указаніямъ о Каменскихъ кучугурахъ на стр. 214 нужно добавить еще статью Соколова «Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ» въ «Дѣлѣ» за 1892 г., и статью Д. Сердюкова «Каменскіе кучугуры и ихъ древности», въ Крымскомъ Вѣстникѣ отъ 3 апрѣля 1896 г. (№ 73). — Что же касается валовъ и окоповъ, описанныхъ Вертильякомъ (см. стр. 214), то они болѣе поздняго происхожденія и сооружены лишь въ прошломъ вѣкѣ Минихомъ, какъ сообщилъ мнѣ Д. Я. Сердюковъ. Въ древности здѣсь находился, можетъ быть, поздній некрополь Азагаріона, такъ какъ мѣстность эта отдѣлена отъ городища лишь узкимъ рукавомъ, соединяющимъ Бѣлозерскій лиманъ съ Конкою. Этимъ объяснились бы находки урнъ и т. под. въ этомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, къ нему нельзя пріурочивать птолемеевой Амадоки, тѣмъ болѣе, что и указанное Птолемеемъ разстояніе этого города отъ Азагаріона (14,4 в.), какъ я могъ лично убѣдиться, не подтверждаетъ моего пріуроченія. Амадока находилась несомнѣнно верстахъ въ 10 ниже по Днѣпру, въ противоположномъ концѣ Большой Знаменки, гдѣ

Стран.	Строка (сверху).	
		теперь виднѣется такъ наз. «Мамаево городище» и гдѣ, по разсказамъ обывателей, также сдѣлано не мало находокъ древнегреческихъ предметовъ и монетъ. Пріурочивая Амадоку къ этому мѣсту, мы получаемъ почти вполнѣ точное разстояніе отъ Азагаріона, т. е. около 12 верстъ. Надо надѣяться, что заступъ археолога и здѣсь также окончательно рѣшитъ занимающій насъ вопросъ.
215	13	вм. лѣвому чит. правому.
222 сл.		Мои опредѣленія городовъ по Гипакирю вполнѣ подтвердились мнѣ, когда я, лѣтомъ 1897 и 1898 гг., лично посѣтилъ этотъ край. Большіе греко-скиѳскіе (точнѣе, вѣроятно, сарматскіе) курганы сгруппированы именно около тѣхъ только селъ, къ которымъ мною пріурочены птолемеевы города. Такъ какъ въ Мелитопольской степи около другихъ, новѣйшихъ селъ (какъ-то Гавриловки, Демьяновки и т. д.) такихъ кургановъ нѣтъ, то этимъ неопровержимо доказывается, что именно только на мѣстахъ нын. Торгаевки, Нижнихъ и Верхнихъ Сѣрогозъ и т. д. существовали поселенія въ греческую пору. Около *Нижнихъ Сѣрогозъ* высится величественный курганъ Огузъ, раскопанный Н. И. Веселовскимъ въ 1891—1894 гг. и представляющій еще теперь, послѣ раскопки, одну изъ самыхъ значительныхъ насыпей нашего юга. Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ него, ближе къ селу, находился такъ наз. Дѣевъ курганъ, скрывавшій въ своихъ нѣдрахъ богатѣйшее женское погребеніе съ замѣчательными золотыми предметами греческаго дѣла III—II вв. до Р. Хр. и дослѣдованной въ 1897 г. К. Е. Думбергомъ. Имъ же въ томъ же году

Стран. Строка (сверху).

раскопанъ третій курганъ, близъ Огуза, также съ глубокою катакомбою и золотыми предметами того же, приблизительно, времени. Между Нижними и *Верхними Сѣрогозами* и около послѣдняго села мною разслѣдовано лѣтомъ 1898 г. нѣсколько кургановъ, къ сожалѣнію, уже разграбленныхъ въ древности, но относящихся, судя по плану находившихся подъ ними катакомбъ, приблизительно къ той же культурной эпохѣ. — Близъ *Большой Бѣлозерки* находится очень значительный курганъ «Цымбалка», раскопанный въ 1867—1868 гг. Забѣлинымъ и давшій также богатыя находки скиѳо-сарматской поры. Въ двухъ верстахъ отъ него, около самаго центра села, мною раскопанъ лѣтомъ 1898 г. большой курганъ, носящій въ народѣ названіе «Чмыревой могилы». Хотя центровая катакомба въ немъ и оказалась раззоренною въ древности, тѣмъ не менѣе боковое конское погребеніе, найденное мною нетронутымъ, дало богатѣйшія золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія конской сбруи, превосходной греческой работы, относящіяся приблизительно къ II—III в. до Р. Хр. и во многомъ напоминающія предметы, найденные въ знаменитомъ Чертомлыцкомъ курганѣ. Въ $1/2$ верстѣ отъ Чмыревой могилы стоитъ еще не изслѣдованная, довольно значительная «Орлова могила». — Что касается, наконецъ, села *Балокъ* на Конкѣ, то и около него также сгруппировано большое количество высокихъ кургановъ. Всѣ они находятся на частной землѣ и ни одинъ изъ нихъ, пока, не изслѣдованъ научно. О находкахъ въ самомъ селѣ я, несмот[рѣ] на разспросы, ничего не могъ узнать. Зато

Стран.	Строка (сверху).	
		чрезвычайно заинтересовалъ камень, находящійся на одномъ изъ крестьянскихъ дворовъ села: камень этотъ представляетъ собою продолговатую четырехугольную плиту изъ Днѣпровскаго известняка; съ одной стороны гладкій, онъ съ другой стороны превосходно отдѣланъ глубокими желобами и производитъ впечатлѣніе триглифа. Во всякомъ случаѣ, онъ — остатокъ зданія, какихъ теперь не строятъ въ степи и не строили со временъ греческихъ. Имъ иллюстрируется то, что говоритъ Чертковъ въ своемъ письмѣ (см. стр. 224) и подтверждается мое пріуроченіе упоминаемой имъ находки къ селу Балки. По разсказу крестьянина-владѣльца, камень этотъ найденъ имъ въ полѣ, въ $^1/_2$ верстѣ отъ села. Такъ какъ тамъ стояла высокая рожь, то я не могъ осмотрѣть мѣсто находки, и недостатокъ времени не позволилъ мнѣ продолжать мои изысканія. Я убѣжденъ, что тщательные розыски приведутъ и здѣсь, въ крайнемъ пунктѣ греческой жизни на Днѣпрѣ, къ интереснымъ и важнымъ результатамъ. — Подробныя свѣдѣнія о вышепоименованныхъ раскопкахъ читатель найдетъ въ отчетахъ Археологической Коммиссіи за соотвѣтствующіе годы.
223	3	вм. Гинакирь чит. Гипакирь.
225	23	вм. пе чит. не.
253	8	вм. было, выводы чит. было выводы
270 пр.	2	вм. центрѣ, нын. чит. центрѣ нын.
273	14	вм. ῾Αρουθ чит. ῞Αρουθ.
281 пр.	24	вм. Grimn. чит. Grimm
» »	33 сл.	«звался я Gautr среди боговъ».
286	23 сл.	«Я Мерила книжникъ рукой моей подписалъ».

Стран.	Строка (сверху).	
303	24	Что Готландъ заселенъ не изъ Скандинавіи, а съ юга, доказывается и археологическими данными. См. H. Hildebrand. Das heidnische Zeitalter in Schweden, übers. v. Mestorf, Hamburg 1873 p. 179 s.
320	13	вм. Британіи чит. Британніи.
323 пр.		вм. Eskildhoch чит. Eskildh och.
334	15	послѣ точки вставить: А это даетъ намъ право читать у Птолемея III,5,10 вм. Οὐέλται—Οὐένται (см. выше стр. 252) и пріурочить этотъ народецъ именно къ этому пункту балтійскаго побережья: у Птолемея они, дѣйствительно, отмѣчены между Рудономъ и Турунтомъ, т. е. между Виндавой и Западной Двиной.

УКАЗАТЕЛЬ.

Слова расположены по русскому алфавиту, причемъ греч. Z, ζ см. подъ з; греч. η подъ -е, э-; лат. ħ, греч. ʽ подъ г; греч. χ подъ х; ξ подъ кс; υ подъ и, і; герм. þ подъ т. Діакритическіе знаки (ͅ, ᾿ и т. п.) въ расчетъ не приняты. Числа, выдѣленныя шрифтомъ, указываютъ на важнѣйшія страницы.

Абіэта (Ἀβίητα) гор. 154.
Абноба см. Шварцвальдъ.
Аварины (Αὐαρινοί) нар. вм. варины? 60—62. 156—158.
Аварпы (Αὐάρποι) нар. вм. варпы? 60 274.
Aħaks готск. 97.
Агалингъ рѣка 107. 112. *116*. См. Днѣстръ.
Агар-ія обл., -осъ рѣка, -ы нар. 239; -онъ мысъ 238 сл.
Агаѳирсы нар. 73; родство съ ѳракійцами 152.
Аддаксъ аланск. 97.
Аджалыкскій Большой лиманъ 208.
Адріанополь гор. 155. См. Ускудама.
Aegy(p)sum гор. 187.
Aepolium гор. 199.
Aestii см. айсты.
Азагаріонъ(Ἀζαγάριον)гор.214.371—373
Аздинги(Ἄστιγγοι 52; Haddingjar дрсѣв., Hartungā дрврхнѣм. 53;) 19. 47. 52. 60. 147. 149; имя и область 53 сл. (на первой картѣ XI). См. вандалы.
Азовское море (Μαιῶτις 94; Мэотида) 217; представленія древнихъ о немъ вообще 236—239; отъ Перекопскаго перешейка до Молочной 225 сл. 351. Древнія селенія по сѣверному берегу 237—239.
Aio (Aggo, Agio) лангоб. 310 сл. 321.
Айстландъ см. Эстляндія.
Айстуя гор. 28 сл.
Айсты племя (Aesti(i) 26. 250; дрсѣв. Eistir, Eystir, Eistland, Eystland; агс. 'Este, Eástland 250) 26. 28. 30. 75. 111. 259. 307. 314. 332. 335. 339 сл.; имя 250; дѣленіе 250—254; предшествуютъ финнамъ въ Прибалтійскомъ краѣ 248 сл. 334; прародина см. славяно-балтійцы.
Айтеляймъ, (Etelhem) сел. на Готландѣ. Надпись найденная тамъ 283—287.
-ака-, -ага- иранск. суфф. 82.
Акациры нар. 332.
Akildħ датск. 323.
Аккерманъ гор. 137. 182. 195 сл. 203—207.
Акмечеть гор. Тавр. губ. 218. См. Прекрасная Гавань.
Аколятря на морѣ гор. = Каллатисъ 182 сл.
Акра гор. *226*. 234. 236.
Аксіакъ (Ἀξιάκης, Asiaces) рѣка 208 сл.
Аксіополисъ гор. *162*. 183.
Алазоны нар. см. Скиѳы.
Alanoviiamuthis аланск. 98.
Аланскія горы 30.
Аланы нар. (Alani 124 сл., Ἀλανοί 30, Halani 125) 118. 123. 266. 315; родина и имя 95; происхожденіе и позднѣйшія судьбы 96—98; отношеніе къ готамъ 97. 99.
Albák гор. въ Венгріи 142 сл.

Albia, Albis см. Эльба.
Александровка Малая сел. на Ингульцѣ 215. См. Сарбаконъ.
Александръ Македонскій. Походъ на трибалловъ и гетовъ 185. 192.
Аліобриксъ гор. 127. *192*; имя 128.
"Αλσος 'Αλίευμα Θεοῦ сел. 237. *239*.
Алута рѣка 142. 145.
Альбокенсіи ('Αλβοκήνσιοι) 141; область 142 сл.; имя 148.
Амадока гор. 213 сл. 371—373; озеро 215 сл.
Амадоки нар. 82.
Амазонки 90; въ готск. (лангоб.) преданіи 311 сл. 316.
Амалы царская династія остготовъ 281.
Амбри ванд. 310.
Амброны нар. 158.
Ананьево сел. на Тилигулѣ 206. См. Эрактонъ.
Анапа гор. 273. См. Σινδικὸς λιμήν.
Анартофракты нар. 156 сл.; имя и область 158.
Анарты нар. (Anartes 153, "Αναρτοι 141) 144. 157 сл.; кельты 152—156; имя 153, область 152. 172.
Ангискиры нар. (Angisciri) 124. См. Скиры Малые.
Андрофаги нар. 69 сл. 80 сл. 88. 243 сл.; финны 83 сл.; область 73;=амадоки 82.
Anshelm суевск. 322 сл.
Антайбъ обл. (Anthaib, Anthab и т. д. 310 сл.) *314*. 316.
Анты нар. (Antes 332) 335; въ готск. преданіи *314*. 316. 318.
'Αντιφίλου, τὰ сел. 199.
Аорсы нар. 95.
Арва рѣка 45. 158; имя 156.
Arheimar дрсѣв. см. Рѣчная область.
Аргиппеи нар. 87 сл.
Ардабуръ аланск.? 97.
Арпоксаисъ скиѳск. 78.
Арсіеты нар. ('Αρσιῆται, 'Αρσυῆται 157) 159.
Арсоніонъ гор. 65. *355*. 357. 370.
Arszyka часть Карпатъ 159.
Археологія. Примѣнимость къ рѣшенію этнологическихъ вопросовъ 22. 260—262.
Асанка гор. 58. 65. *355*. 370; имя 43.
Асіакъ см. Аксіакъ.
Аскаукалисъ гор. *65 сл.* 356
Аскель дрисл. 321 сл.
Аскибургіевы горы 34. 40. *42 сл.* 46 сл. 50. 157; имя 43.
Аспаръ аланск. 97.
Асси ванд. 310.
Ассипитты нар. 310. 317.
Астинги см. азинги.
ἄτχυ тюрк. 88.
Атанарикъ вестготск. 6. 128. 144 сл.
Атмоны нар. 101. *105*. 107. 112; имя 116.
*Ausahriggs готск. 15.
Аухаты нар. (Auchetae) 78.
Ахилловъ Бѣгъ ('Αχιλλέως δρόμος 217) 218. 220. 351.
Аѳія скиѳск. (Atheas 89) 163.

Бабадагъ озеро и область. 188 сл. 192.
Бабино сел. на Днѣпрѣ 213 сл. См. Саронъ.
Баймы нар. (Βαῖμοι) *40 сл.* 157.
Байнайбъ (Bainaib, Banayb) см. Бантайбъ.
Байнохаймы нар. см. Маркоманны.
Балки сел. на Конкѣ 223 сл. 374 сл. см. Наваронъ.
Балта гор. на Кодымѣ 206 сл. См. Вибантаваріонъ.
Балтійское побережье см. Прибалтійскій край.
Бантайбъ (Banthaib 310, Bainaib, Banayb 311.) 314 пм. *Бантайбъ 315 сл.
Барды (Bardi, агс.—beardnas) Bardangawi, Bardanwich 313.
Барчъ рѣка 56. 59; древній бродъ черезъ Б. 68.
Bastard(o)общером. 114 сл.
Бастарнскія альпы (Alpes Bastarnicae) 107.
Бастарны нар. (формы имени 112, Blastarni 107) 60. 89. 113. 119 сл. 157. 159—161. 164 сл. 173—175. Значеніе въ исторіи славянскаго міра 99 сл. 246 сл.; общая характеристика 100 сл.; исторія 100. 106. 108; не совпадаютъ съ галатами Протогенова псефизма 101—104; германцы 108—117; связь съ вандиліями 105 сл.; древнѣйшая родина 101. 104 сл. 133. 150 сл. 247; имя 113—115; языкъ 111—116. Составныя части: см. атмоны, бургіоны, омброны, певкины, сидоны.
Бастерны см. бастарны.
Baza аланск.? 98.
Беовиниды (Beowinidi) см. славяне въ Богеміи.
Беоргоръ (Beorgor, Beorgus аланск. 97.
Берда рѣка 239. См. Агаросъ.
Бердянскій мысъ 238 сл. См. Агаросъ.
Березань остр. 208. 210.
Беригъ (Berig, -ich, Βέριχος) готск. 256—258.
Бериславъ на Днѣпрѣ 213. 229.

Бескиды 41—43. 45. 57 сл. 64. 105. 133. 155. 157; имя 16.
Бессараба молдав. династія 163.
Бессарабія 99. 135. 160 сл. 174; входила въ составъ римск. имперіи 106. 177; рисунокъ у Птолемея 205 сл.; города по Птол. 204 — 206; имя 163.
Бессы (Біессы) нар. близъ устьевъ Дуная (Bessi 161; Βίεσσοι 157) 91. 99. 152. 157; геты 161—163.
Бессы ѳракійскіе (Bessi 152) 155. 161.
Бзура рѣка 59. 62.
Біессы см. бессы.
Біефы (Βίηφοι) нар. 141. 144.
Бикесъ (Βύκης) рѣка и заливъ 225 сл.
Бирючій остр. 226.
Бластарны см. Бастарны.
Боберъ притокъ Одера 53. 67.
Богемія (Boiohaim, Bōhaim 44) 41. 57. 150. 328. 330; рисунокъ у Птолемея 42 сл.; этнологія 38. 131; славяне 311. 315. 319; лангобарды 319; имя 44.
Богемскій лѣсъ (Шумава) 41.
Бодины см. будины.
Боіи нар. 131 сл.
*Бōки (*Βῶχοι) нар 148—152. См. койстобоки, сабоки, альбокенсіи.
Болгаре (Vulgares 56, Bulgares 311). въ готскомъ (лангобард.) преданіи 311 сл. 316.
Бораны см. Буры.
Борисѳениты 212.
Борисѳенисъ гор. см. Ольвія.
Борисѳенъ рѣка см. Днѣпръ.
Бормановъ гор. 154.
Борнгольмъ остр. (Burgundarholm, Borghundarholm 264) 269. 271; имя 262. 264 сл.
Brig-, brit- въ кельтскихъ именахъ 127 сл.
Брисенъ сел. въ Познани 357. См. Виритіонъ.
Бритолаги нар. (Βριτολάγαι, Βριτογάλλοι 126) 107. 119. 174; кельты 126—128; галаты Протогенова псефизма 103. 164; родина 129—131. 164 сл.; область 126. 172.
Бромбергъ гор. 66. 357.
Буажъ сел. на Днѣстровскомъ лиманѣ 201.
Бугъ западный 26. 335.
Бугъ южный (Ὕπανις 227, Hypanis 78. 209. 215) у Геродота 69 сл. 236, Птолемея 210 сл. *215 сл.*; смѣшивается съ Ингульцомъ и Кубанью 215. 233; имя Гипанисъ 80.
Будиловичъ, А. С. Постановка готскаго вопроса 2—5. Критика его гипотезы о происхожденіи имени «Русь» 5—18.
Будины нар. (Βουδῖνοι 81; Βωδινοί 245) 80. 82. 87. 235; характеристика у Геродота 81; финны 84 сл.; имя 85; область за Дономъ 78. 243; б. на Днѣпрѣ 243 — 246. См. сарматы.
Будоригонъ гор 68. 357.
Буковина обл. 107. 149; входила въ составъ римской имперіи 106. 139; имя 148—150.
Букы, буква 15.
Бунитіонъ гор. 68.
Вурвиста дак. 108. 156. 176.
Бургіоны нар. (Βουργίωνες 157) 105. *158.*
Бургундайбъ см. Вургундайбъ.
Бургундіоны см. Бургунды.
Бургунды нар. (Burgundi, Burgundiones 51, Φρουγουνδίωνες 60 сл., Burgodiones 47 сл., Βουργοῦντες 46) 48. 60—62. 68. 96. 120. 157. 253. 260. 262. 265 сл. 268. 314. 324; въ Скандинавіи 262—265. 269. 271; преданіе о выходѣ изъ Скандинавіи 308. 323; языкъ 336—338; область 25 сл. 46. *52* (на первой картѣ V) 59. — Бургунды-вуругунды 315.
Бургундъ. Распространеніе имени 265.
Буридава гор. 142.
Буридавенсіи нар. 141 сл.
Буругунды см. вуругунды.
Буры нар. (Buri, Βοῦροι 38. 47; Βορχνοί 51) 39. 44—48. *50 сл.* (на первой картѣ XIII) 54—59. 62. 64. 132. 157. 315.
Бутоны нар. (Βούτωνες 278) вм. гутоны.
Бѣлозерка дер. Херс. губ. 211. См. Метрополисъ.
Бѣлозерка Большая, сел. Тавр. г. 223. См. Тракана.
Бѣлозерскій городокъ и лиманъ 213. 372.
Бѣлосарайская коса 239.

Ваага рѣка 45. 57. 64.
Валандъ (Италія) 320.
*Валхи (*Walhōz) общегерм. названіе кельтовъ 165. См. волки, волохи.
Вандаларій готск. 252.
Вандалы нар. (Uandali, Vandali 121. 313; Βανδίλοι 266) 19 сл. 51 сл. 55. 96. 121 сл. 147. 173. 260. 266. 335. 338; вопросъ о выходѣ изъ Скандинавіи 262 — 264. 269. 271 (ср. вендлы); область 47; языкъ 293 сл. 336 сл.; въ готскомъ (лангоб.)

преданіи 310 сл. 313 сл 316. 318. 328. См. также силинги и азднінги.
Вандалы въ Ютландіи см. венды.
Вандиліи, вандильцы, вандильскіе (восточные) германцы (Vandili 47. 265, Γοτθικὰ ἔθνη 266) 25. 39 сл. 47 сл. 312. 334; вопросъ о выходѣ изъ Скандинавіи 265—305. 338; характеристика вандильскаго языка 266—269. 290—295. 336—338; причины его выдѣленія 338—341, время выдѣленія 267 сл. 338; отношеніе его къ скандинавскимъ нарѣчіямъ 275 сл.
Ванній квад. 41. 133. 177.
*Вантайбъ обл. 316. См. вятичи.
Варины нар. (Varinnae 47 сл.) 52. 66. 265; область 60—62 (на первой картѣ XII);=варны 274. См. аварины.
Варисты нар. 41.
Варна гор. 182. 209.
Варны нар. 274. См. Аварны.
Варта, притокъ Одера 38. 52. 56. 65; древнія переправы 59. 65 сл. 68. 356.
Варшавская губ. 62.
Варяжское море 172.
Васильевскій В. Г. 3.
Великій Лугъ 224. 228 сл. 231. 234.
Вельты нар. (Οὐέλται 251) вм. венты 252 сл. 376.
Велюнъ гор. Калишск. губ. 65.
Венгрія см. Дакія у Птолемея.
Венденъ гор. 334.
Венды нар. (Wandali, Wendilenses, Wendlas 264) 262. 272.
Венды нар. имя 334 См. венеды.
Венедскій заливъ (Οὐενεδικὸς κόλπος) 335.
Венеды племя (формы имени 332 сл.) 60. 103. 109. 117. 157; первоначальный объемъ имени 331—335; происхожденіе его 333; сохраненіе въ имени вятичей, Виндавы и т. д. 334; венеды на балтійскомъ побережьѣ 335. 369. Ср. славяне, славяно-балтійцы.
Венеты см. венеды.
Вента см. Виндава.
Вентины нар. 334.
Венты нар. 252 сл. 334. 376. См. венеды.
Веселовскій А. Н. 1.
Веселовскій Н. И. 373.
Вестготы нар. 20. 127 сл. 266; языкъ 292.
Віадуа рѣка (Οὐιαδούα 33) 34—36. 38.
Вибантаваріонъ гор. (Οὐιβανταυάριον) 172. *206*.
Видиваріи нар. 332.
Византія гор. Невѣрное опредѣленіе древними широты и долготы 136 сл.; у Птолемея 196 сл. 348.
Виктовалы нар. (Victuales 161 Victovali) 52. 54.
Вилково мѣст. на Килійск. Дунаѣ 187. 196.
Виндава рѣка (Ῥούδων 31, Wenta 334) 248. 376; имя 334 сл.
Windenburg 334.
Виндиликъ рѣка (Vindilicus) 309. 318.
Винитарій готск. (Vinitharius) 97. 333. имя 252.
Виннилы нар. (Winnili, Winnuli) = эпическое прозвище лангобардовъ *309*. 310 сл. 316. 318.
Випперъ рѣка 36. 38. См. Віадуа.
Виритіонъ гор. (Οὐιρίτιον) 68. *357*. 370.
Вирунонъ гор. 68.
Висбургіи нар. (Οὐισβούργιοι 40) 44. 157; имя 45 сл.
Висла рѣка (Vistula 332, Οὐιστίουλα 28. Visculus, Vistla 30; Viscla 32) 25 сл. 28 сл. 46 сл. 50. 60 сл. 105. 109. 117. 121. 242. 247. 253. 256 сл. 260. 269. 313. 324. 326—332. 335 сл. 338. 340 сл. 349. 353 сл.; у Птолемея 42 сл. 61. 157. 356; имя 259; торговые пути на сѣверъ черезъ область Вислы 62—68.
Влоцлавскъ гор. на Вислѣ 66.
Влтава притокъ Эльбы 43.
Вознесенское село на южномъ Бугѣ 216. См. Сарбаконъ.
Волга (Ὄαρος 239, Ρᾶς, Raw 84) 237. 244 сл.; имя 84.
Волки нар. Общегерм. названіе кельтовъ 164 сл. (ср. *валхи, волохи);—тектосаги (Volcae Tectosages 132) 131 сл. 153.
Волохи. Происхожденіе и исторія имени 165 сл. 247.
Восточно-германскія народности см. вандиліи.
Вотяки (Udmurt, Udy) нар. 84 сл.
Вульфила вестготск. 290 сл.
Вургундайбъ обл. (Vurgundaib 310, Burgundaib 311) 312. *314 сл.*
(В)уругунды нар. (Βουρούγουνδοι, Οὐρουγοῦνδοι, Burgundii 315) 93; въ готскомъ (лангоб.) преданіи 314. 316. См. Вургундайбъ.
Вятичи нар. имя 334; въ готскомъ (лангоб.) преданіи 316. См. Вантайбъ.

Н-герм. въ словахъ, заимствованны славянами 15 сл. 170.

Γαβρήτα ὕλη 40 сл.
Гавриловка село Таврич. губ. 218 сл. 373.
Гадарикъ Великій готск. 257 сл.
Haddingjar дрсѣв. см. азднити.
Гаджибейскій лиманъ 208 сл.
Gaete нар. см. геты.
Hála польск. 168—171.
Hala венг. 171.
Галайгія гор. (Γαλαιγία) 357.
Halani см. аланы.
Галапино, Галашино дер. Костр. губ. 167.
Галатія обл. Малой Азіи 166.
Галатское море 172.
Галаты нар. 153; = бастарны 101; въ Протогеновомъ псефизмѣ 102—104. 117. 119 сл. 129—131. 164; на Карпатахъ 166 сл. 172 сл. 247; ѳракійскіе 129 сл. 161; на Савѣ 130 сл.; имя 172.
Галати, Галацъ см. Галичь Малый.
Hald, Halde нѣм. 170.
Haleva, hallava суом. 171.
Galindo вестготск. 352.
Галинды нар. (Γαλίνδαι 30) 157. *251 сл.* 253. 314.
Галиція обл. на Карпатахъ 132 сл. 149. 159. 174; родина бастарновъ 105 сл. 247; входитъ отчасти въ составъ Дакіи Птол. 139; имя 166, см. Галичь.
Галиція испанская 166. 172.
Галичане, Галичина 166; въ Галліи и Испаніи 172.
Галичь гор. на Днѣстрѣ 166; имя 167—174.
Галичь Малый (Galati, Галацъ 166) 134; имя 172 сл.
Галичь Мерскій гор. Костр. губ. 167.
Галичь (Halič) дер. въ Венгерск. Рудныхъ горахъ 167 сл. 172.
Галичь гора въ Карпатахъ 167. 173.
Hall-герм. Отраженія въ германскихъ нарѣчіяхъ и славянскихъ заимствованіяхъ 169 сл. См. галя, холмъ.
Галлы нар. неточное обозначеніе бастарновъ 101; имя 172.
Halmyris lacus 189.
Hálnia польск. 170.
Галя, галька 170.
Галява, галявина 169. 171.
Гамбара лаиг. (Gambara 310, Gambaruc 321) *310 сл.*
Handugs готск. 15.
Gapt вм. Gaut 281.
Гаріи нар. (Harii 38; Charini 47. 51) 48. 52. 60. *62.* 63. 66. 265. 273. (На первой картѣ X).
Гарпіи нар. см. карпы.
Гарписъ гор. (Ἅρπις, Carporum vicus 174) 199 сл.
Harfaða герм. (Карпаты) 105. 173.
Гартунги см. азднити.
Гаруды нар. (Harudes, Χαροῦδες) 273.
Гаталъ сарм. 90.
Гаутиготъ нар. см. гауты.
Гаутландъ обл. 277.
Гауты нар. (формы имени 277) 10. 17. 262 сл. 270—272, исторія и языкъ 280 сл; отношеніе къ имени готовъ 158. 278—280.
Геаты = гауты (280)
Гегетматія гор. (Ἡγητματία) 67.
Гелоны нар. 81.
Гельвеконы нар. (Helveconae 38, Αἰλουαίωνες 46. 51) 48. 52. *60.* (на первой картѣ VI) 62 сл. 65. 157. 274.
Геническій проливъ 225 сл. См. Бикесъ.
Gepedoios готск. 32.
Гепиды нар. (Gepidae 32, arc. Gefþas 264) *32.* 66. 120. 165. 266. 312; языкъ 336; имя 256. На первой картѣ II.
Гернарарсага 56.
Геркинієвъ лѣсъ (Ἑρκύνιος δρυμός 41; Hercynia silva 131 сл.) 153.
Германцы. Раннее появленіе на Карпатахъ 105; заселеніе южной Германіи 131; вопросъ о прародинѣ 259 сл.; дѣленіе на восточныхъ и западныхъ 275 сл.; имя 101.
Гермонактова деревня (Ἑρμώνακτος κώμη 199) *200.* 201 сл.
Гермундуры нар. см. Эрмундуры.
Геродотъ. Географическій горизонтъ 69 сл.; критическіе пріемы 70; надежность свѣдѣній 88.
Герренштадтъ (Herrenstadt) 68. 357. См. Будоригонъ.
Герросъ рѣка и область 217. 224—236. (*234*); имя 235.
Герры нар. 227. 235 сл.
Герулы нар. (Heruli 121) 118. 123. 270.
Gesenke обл. 42. 50. 56; имя 43. См. Ясеникъ.
Гетская степь (Γετῶν ἐρημία 91) 159 сл. 245.
Геты нар. (Γέται 91, Getae 161, Gaete, Getho—Githi 160) 99. 108. 129 сл. 165. 185; родство съ даками и ѳракійцами 151 сл.; къ сѣверу отъ устьевъ Дуная 159—163 (см. бессы); городъ 185. *192*; геты балканскіе 159. 161.
Гигрейсъ гор. (Ὑγρεῖς) 239.

-ηνσιοι суффиксъ этническихъ именъ у Птол. 141 сл.
Eochar алан. 97. 370.
Etelhem см. Айтеляймъ.
Eudoses, Εὐδουσιανοί нар. 273.
Eygotaland дрсѣв. «страна островныхъ готовъ» 11.

Жевахово сел. Херсонск. г. 208. См. Истріанъ гавань.

Забѣлинъ И. Е. 374.
Загродовка сел. на Ингульцѣ 215. См. Леинонъ.
Заргидава гор. (*Ζαργίδαυα* 176) *205 сл.*
Зеландъ остр. 269; имя 262 сл.
Змѣйка лиманъ 189.
Знаменка Большая село Тавр. г. 213. 371—373. См. Амадока.
Знаменка Малая (Каменка) сел. Тавр. г. 214. 22*4*. 371 сл. См. Азагаріонъ.
Зумы нар. (Ζοῦμοι) вм. дуны? 55. 328 сл.
Зыряне нар. = будины—сирматы? 84—87.

Иборъ (Ibor, Ebbo) лангоб. 310 сл. 321.
Игилліоны нар (Ἰγυλλίωνες 157). 251. *253 сл.*
Игиллъ (Ἴγιλλος) бург. 253 сл.
Иксибаты нар. 92.
Ильмень озеро 242.
Имена: личныя на -ila 286 сл.; личныя изъ этническихъ 252. 254; повтореніе этническихъ именъ въ предѣлахъ одной племенной группы 272—274.
Ингулецъ рѣка 213 — 216. 21*9*. 228 сл. 232 сл. 235 сл. См. Пантикапъ.
Ингулъ рѣка 215 сл. 219.
Исакча гор. 127. 184. 187 сл. 192. См. Новіодунонъ.
Исіаковъ гавань (Ἰσιακῶν λιμήν 209) 198. *207.*
Исполиновыя горы 34. 42. 53.
Истріанъ гавань (Ἰστριανῶν λιμήν) 207 сл.
Истрополисъ гор. (Ἰστρόπολις 183, Ἰστρίη 190, Ἰστριανῶν πόλις 108) 188 сл. *190.*
Истръ рѣка см. Дунай.

Іирки нар. (Ἰύρκαι 87) 93.
Іорданъ 21.
Iosurfjoll дрсѣв. 56.

Кавкаисинскія (Кавкасійскія) горы, рекше Угорскія 146.
Каланчакъ рѣка 220—222. 232. 236. 350. См. Гипакирь.
Каланчакъ село Тавр. г. 222.
Кале-кучукъ городище на Каланчакѣ 222. См. Каркинитисъ.
Каллиппиды нар. См. Скиөы.
Καλισία гор. см. Калишъ.
Калишская губ. 65.
Калишъ гор. (Καλισία 59) 63. 65. 355; имя 173.
Каліусъ, Калюшъ гор. 173. 194.
Каллатисъ гор. (Callatis) 183.
Калміусъ рѣка 239. См. Ликосъ.
Καλὸς λιμήν см. Прекрасная Гавань.
Каменецъ—Подольскъ 207. См. Карродуновъ въ Сарматіи.
Каменка см. Знаменка Малая.
Кандакъ (Candac) алан. 97. 124 сл.
Канданонъ гор. (Κάνδανον, -κον) 97. 154.
Caput Stenarum 145.
Каранасупъ дер. 190. См. Истрополисъ.
Карбоны нар. (Κάρβωνες) 251—253.
Каржинскій заливъ 222.
Карискосъ гор. 85.
Каркина гор. (Κάρκινα, Carcine) 217. 221. *222.* 350.
Каркинитисъ гор. (Καρκινῖτις 217) 219. *222.* 234; не совпадаетъ съ Керкинитисъ—Коронитисъ 220.
Каркинитскій заливъ (Καρκινίτης κόλπος 220. Carcinites sinus 222) *217 сл.* 219.
Каркинитъ рѣка см. Гипакирь.
Кароя дер. (Καροία κώμη) 239.
Карпаты (Καρπάτον ὄρος 134; Alpes Bastarnicae 107) 121. 155. 159. 163. 165. 166. 172. 175. 177. 209; къ исторіи имени 105. 173. 178. 247; славяне на Карпатахъ 173. 242. 247; германцы 105. 150 (ср. бастарны, древнѣйшая родина; кельты 152. 164—166. 172 сл.; «начало» К. у Птолемея 135—138. *139.*
Карпачъ дер. Бессар. губ. 206. См. Заргидава.
Карпешты дер. Бессар. губ. 205. См. Пироборидава.
Карпиняни село Бессар. губ. 205. См. Тамасидава.
Карписъ гор. на Дунаѣ 138. 349. 355.
Карпіаны нар. См. Карпы.
Карподаки нар. См. Карпы.
Карпы нар. (Carpi 177, Καρποδάκαι 121, Καρπιανοί, Ἄρπιοι 107) 121. 128. 157. 160. 315; имя 175. 178; исходный пунктъ 175. 177 сл.; даки 175 сл.; время передвиженія на востокъ 176 сл.; новая обл. 174; города 175 сл. 205 сл.
Carporum vicus см. Гарписъ.

Карродунонъ въ Сарматіи 172. *206 сл.*
Карродунонъ въ Германіи *65*. 355.
Карталъ дер. Бессар. губ. 192. См. геты (городъ).
Кары нар. (Cares) 239.
Кассіодоръ 21. 29. 257 сл.
Castra Trajani 142.
Катіары нар. 78.
Катуальда (Catualda) готск. 330.
Каукаландъ (Caucalandensis locus 144) *145*. 152. 370.
*Кауки, *Канки нар. (Καυκοήνσιοι 141) 144—146. 149. 152. 370. См. Кавкасинскія горы.
Каукоенсіи см. кауки.
Квады нар. (Κούαδοι 40, Quadi 121) 38. 42. 45. 132. 147. 157. 164.
Келецкая губ. 62.
Кельты на Балканск. полуостровѣ 101. 129 сл.; на среднемъ Дунаѣ 130. 133; на нижнемъ Дунаѣ см. бритолаги; въ Чехіи, Моравіи и Венгріи 100. 131 сл. 152—156. 164—174. 177. 247; на Днѣстрѣ 172. 207.—Кельты центральной Германіи 247, см. Волки; первоначальная кельто - германская граница на западѣ 127.—См. галаты.
Керкинитисъ гор (Κερκινῖτις, Κορονῖτις, Crichiniri 220.
Керчь гор. 237 сл. См. Пантикапей.
Кеягизы нар. (Κειάγισοι) 141 сл.
Кизуца притокъ Вааги 64.
Килія гор. 182.
Кимбецкій заливъ 200.
Кинбурнъ дер. 195. 210. 229.
Китины нар. 132.
Кіевская губ. 72.
Кіевъ 8. 245 сл. См. Днѣпръ (Градъ Днѣпра).
Клепидава гор. (Κληπίδαυα) 206.
kleti гутск. 304.
Клондикъ (Clondicus) баст. 112.
Коблево село Херсонск. губ. 196. 208. См. Ордессосъ.
Ковельская руническая надпись 267 сл.
Когны (Κῶγνοι) см. котины.
Койстобоки нар. (Κοιστοβῶκοι 141, Coistoboci 146, Κοστουβῶκοι 147) 144. 150. 156—158; даки 151 сл.; имя 148 сл.; область 149. 159; памятникъ въ Римѣ 140. 146. 151. См. *бѳки.
Kokel рѣка 145. 152.
Κολάξαϊς скиѳ. 78.
Коланкоронъ гор. (Κολάγκορον) 67 сл. 357.
Коло гор. Калишск. губ. 59. 65 сл. 355 сл. См. Сетидава.
Комонторій кельт. 129.
Конинъ гор. Калишск. губ. 59. 65.
Конка рѣка 224. 228. 234.
Кораллы нар. (Κόραλλοι) 92 сл.
Корконги вм. Корконты? нар. 39.
Коронитисъ см. Керкинитисъ.
Коротное село Херсонск. губ. 203.
Корсинъ сел. 356 сл. (Познань) См. Скургонъ,
Коссинна 259—276.
Kostestie сел. (Буковина) 150.
Kót Kótegyán гор. (Венгрія) 143.
Котенсіи нар. (Κοτήνσιοι) 141. *143*.
Котины нар. (Cotini, Κοτινοί 45, Κῶγνοι 40) 38. 44. 46. 153. 157; кельты 40; область *45*. (на первой картѣ XVI) 172;=Κύτνοι? 132.
Cotiso дак. 112. 152.
Cotto баст. 112.
Кремниски сел. (Κρημνίσκοι, Cremniscos) 199.
Кремны гор. (Κρημνοί) 234. *237 сл.*
Кривая коса 239. См. Гигрейсъ.
Кривой Рогъ мѣст. на Ингульцѣ 215. См. Леинонъ.
Crichiniri см. Керкинитисъ.
Кробинги нар. 209.
Кроссенъ гор. 67 сл. 357. См. Коланкоронъ.
Круны гор. (Κρουνοί, Cruni) 183.
Крушинъ сел. (Познань) 356 сл. См. Скургонъ.
Кубань рѣка (Hypanis) 233.
Küküllő венг.=Kokel. 145.
Куникъ А. А. 1. 3. 5.
Куришгафъ 247 сл.
Курляндія 249; готы въ К. 254 сл.
Курнака гор. 182 сл.
Куроны нар. 249. 251.
Курская губ. 73.
Küstrin гор. 28.
Куяльникъ рѣка и лиманъ 208 сл.

Лакринги 39.
Лангобарды нар. 56. 329; родина на Эльбѣ и передвиженіе на юго-востокъ 310. 317—319; преданіе о выходѣ изъ Скандинавіи и дальнѣйшихъ переселеніяхъ 308—311; источники этого преданія 311—320; миѳъ о Скеафѣ 327; имя 313. Ср. виннилы.
Левоны нар. (Λευῶνοι) 262.
Лейанонъ гор. (Λείανον) 225.
Леинонъ гор. (Λήϊνον) 214—216.
Лемовіи нар. 32. 36. 38. 262. На первой картѣ IV.

Леукаристосъ гор. 68. 357.
Лигницъ гор. 57.
Ликосъ рѣка (Λύκος) 239.
Лимiосалейонъ гор. 68. 357.
Лимнэи нар. (Λιμναῖοι) 219.
Λιπόξαϊς скиѳ. 78.
Лисса гор. (Познань) 59.
Лисъ—Варта рѣка 58. 60.
Лифляндія 249. 334.
Логе (Lohe) притокъ Одера 47. 53. 173. См. Слѧза.
Логiоны см. Лугiи.
Ломбардія 318. 320.
Луги дер. Петрок. губ. 58. 63. См. Λουγίδουνον.
Лугидунонъ гор. 57. *58*. 63. 65.
Лугiи, лугiйцы племя (Lugii, Lygii 25, Λούγιοι, Λοῦγοι 55, Λούιοι 328, Λογίωνες 51) 28. 39. 114. 121. 329. 331; составъ и область 25 сл. 38 сл. 46—63; языкъ 336; города 63—68. Ср. буры, гарiи, гельвеконы, (ди)дуны, манимы, нагаварвалы, элисiи.
lukarn готск., lukarnastaki гутск. 304.
Λοῦνα ὕλη 40 сл.

Маіоты нар. (Μαιῶται) 96.
Майтонiонъ гор. (Μαιτώνιον) 193. *206 сл.*
Мангалія гор. 183. См. Каллатисъ, Аколятря.
Мангартъ возв. 41. См. Λοῦνα ὕλη.
Манимы нар. (Manimi 38, Λοῦγοι Ὀμανοί 47) 28. 48. 50—52. 55. 60. 62 сл. 103. 157; область 59 (на первой картѣ VII)
Маринъ Тирскiй. 27 сл. 136. 176. 343; отношенiе къ нему Птолемея 344.
Маркодава гор. 156.
Маркоманны нар. (Marcomanni 121, Βαινοχαῖμαι 43 сл.) 38 сл. 41 сл. 52. 147. 274. 328—330.
Маркоманская война *26*. 39. 45. 47 сл. 147.
Марободъ марком. 37. 328—330.
Марсель гор. Значенiе въ древней картографiи 136. 348 сл.
Марсигны, марсинги нар. 38. *39 сл.* (на первой картѣ XIV) 132.
Марсовы горы (Mars-Gebirge) 39.
Маурингія обл. (Mauringa 310, Moringia 321) 317. 319.
Маурунгане (Maurungani) нар. 317.
Mausā гутск. 304.
Маяки село Херсонск. губ. 204. См. Офiуса.
Меланхлены нар. 69 сл. 80—82. 88. 235. 243 сл.; финны 84; = саударaты? 90; область 73.
Мерила готск. 286 сл. 375.
Меря нар. 84. 173.
Метрополисъ гор. *211 сл.* 213. 215 сл.
Μητρὸς ἱρόν 211.
Мечь 266.
Милетополисъ см. Ольвія.
Мильгаузендорфъ на Днѣпрѣ 213.
Миргеты нар. (Μυργέται) 92.
Мiусъ рѣка 239. См. Поритосъ.
Могилевъ на Днѣстрѣ 207. См. Майтонiонъ.
Молдавія 106.
Молочная рѣка 218. 225 сл. 231 сл. 234. 236. 238. См. Герросъ (рѣка).
Морава рѣка (Marus 39) 40. 57.
Моравія 38 сл. 42. 50. 57. 131.
Mord финск. 84.
Мордва нар. *83 сл.* 173.
Моругель дер. и озеро (Румынія) 188. См. Сальсовія.
Мугилоны нар. (Μουγίλωνες) 328 сл.
Muszyn гор. на Попрадѣ 139.
Мэзія Нижняя обл. *106*. 108. 124. 126. 135. 146. 195.
Мэотида (Μαιῶτις) см. Азовское море.
Мэтонiонъ см. Майтонiонъ.

Навaронъ гор. (Ναύαρον 221, Navarum 217) 222. *223 сл.* 228.
Наганарвалы нар. 38. 48. 52. *53 сл.* 60.
Наревъ рѣка 82.
Нарци см. Норци.
Натопоръ койстоб. 146. 151.
Невры нар. 69 сл. 74 сл. 80 сл. 88; славяне 82 сл.; область 73; переселенiе къ будинамъ 243—247.
Нейсса рѣка 53. 57 сл.
Nemzi см. Нимптшъ.
Νέον Τεῖχος 225.
Неоптолемова башня (τὰ Νεοπτολέμου 199) *200*. 201 сл.
Нерская (Мерская) рѣчка 246.
Неруса притокъ Десны 246.
Нетца притокъ Варты 38. 52; древнiя переправы 66. 68. 356.
Никитинская крѣпость (Никополь) 224.
Николаевъ гор. 216. См. Нiоссонъ.
Никольское село на Ингульцѣ 213. См. Нiоссонъ.
Никонiонъ гор. (Νικώνιον, Νικωνία 242 сл.) 201. 204.
Нимптшъ гор. въ Силезiи (Nemzi) 173 сл.
Нiоссонъ гор. (Νίοσσον) *212 сл.* 214. *216*.
Новiодунонъ гор. (Νουϊόδουνον, Noviodunum 127 Νοουίδουνον 128, Новосель 182) = Исакча 183. 187 сл. 192; = Новиградъ на Добрѣ 128.
Ногайскъ гор. 238. См. Кремны.
Номенклатура географическая. Знач

для рѣшенія этнологическихъ вопросовъ 240—242.
Норманнизмъ: сильныя и слабыя стороны 2—4.
Норци, нарци нар. 83.
Нурецъ, Нурская земля, Нуръ 82.
Нѣманъ рѣка (Χρόνος 31) *247 сл.* 252. 335.

ō въ словахъ, заимствованныхъ славянами изъ герм. 15, изъ дакійск. 147; ō герм. въ финск. заимствованіяхъ 267; колебанія въ сторону *u* въ вандильск. нарѣчіяхъ. 14 сл. 290. 297. 337 сл.
Оаръ см. Волга.
Обра рѣка 59.
Огузъ курганъ Мелит. у. Тавр. г. 373 сл.
Одеръ рѣка (Συῆβος, Odagra 34) 33. 35 сл. 53 сл. 59. 330. 353 сл.; древнія ререпраны 67; Swine рукавъ устья 35.
Одесса 198. См. Исіаковъ гавань.
Одессосъ гор. во Ѳракіи 209.
Одессосъ гор. въ Сарматіи см. Ордессосъ.
Одра ручей, Одровъ притокъ Днѣпра 34.
Одрьскъ гор. 34.
Oium обл. см. Рѣчная область.
Окны притокъ Днѣстра 134. 193. 195. 206 сл.
Ольвіополь гор. на Бугѣ 216. См. Леинонъ.
Ольвія гор. (Olbia 215, Olbiopolis, Βορυσθενίς, Miletopolis 211) 89 сл. 102—104. 117. 119. 125. 137. 176. 193. 206. 210. 212. 215 сл. 229. 237; у Птолемея 178 сл. 181 сл. 350; у древнихъ вообще 210 сл.; на современной картѣ 182.
Ольса рѣка 64.
Оманы см. Манимы.
Омброны нар. (Ὄμβρωνες 157) 105. *158.*
Ордессосъ гор. (Ὀρδησσός, Ὀδησσός 208) 196. *208.* 209 сл.
Ὀρκύνιος δρυμός 40. *42 сл.* 157.
Орловская губ. 73.
Осетины нар. 95.
Осса рѣка 253.
Оссіи нар. (Ὄσσιοι) 251 сл. *253.*
Остготы нар. 19. 123 сл. 266. 291.
Острово гор. (Познань) 59. 68. См. Леукаристосъ?
Острогота готск. 175.
Остроготы въ Скандинавіи 262. 277.
Осы нар. (Osi 38) 46. 158. 161; паннонцы 40; область 45 (на первой картѣ XVII).
Отарикъ дер. Херсонск. губ. 204. См. Никоніонъ.
Офіуса гор. (Ὀφιοῦσσα, Ophiusa 202). 201; = Тирасъ 202 сл.; древнѣйшая Офіуса=село Маяки 203 сл.
Очаковъ гор. 195 сл. 210.

Пакирисъ (Pacyris) рѣка см. Гипакирь; гор. см. Пасирисъ.
Панкота гор. въ Венгріи 143.
Пантикапей гор. 238.
Пантикапъ рѣка (Παντικάπης, Panticapes) *215.* 219. 227—229. 232; имя 88. См. Ингулецъ.
Паралаты нар. 78.
Парія (Paria) алан. 98. 124.
Пароеніонъ гор. 238.
Пасаргады нар. 78.
Пасирисъ гор. (Пакирисъ, Πασυρίς 221 сл.) *223.* 350.
Пасіакъ рѣка (Πασιάκης) 225.
Патависса гор. (Patavissa, Πατρουίσσα) 155.
Патруисса см. Патависса.
Перво-Константиновка дер. Тавр. г. 225, см. Νέον Τεῖχος.
Перебой первый (германскій) 105. 150.
Перегласовка (Umlaut): i—292. 295. 297 —300; u—295. 299. 303; a—293. 295. 298 сл. 303; R—298. 300.
Перекопскій перешеекъ (ἰσθμὸς τῆς μεγάλης Χερρονήσου 219). 217. 225.
Пермяки нар. 84.
Пернава рѣка (Χέσινος) *248.* 253.
Пессіумъ гор. 154.
Петроковская губ. 62.
Пеукэ остр. (Πεύκη 104, Peuce 189) 106. 120. *182—193*; гора (Πεύκη, Πευκινὰ ὄρη) 107.
Пеукины (Πευκῖνοι 104, Πευκινοί 106, Peucini 107) 106—112. 114 сл. 120 сл. 126. 157. 174. *193.*
Пивта алан.? 98.
Пироборидава гор. (Πιροβορίδαυα 176) *205.*
Питы (Piti) нар.? 160.
Піенгиты нар. (Πιενγῖται 151) 157. *159.*
Піепоръ койстобок. (Pieporus 146) 147 сл. *151.*
Піефиги нар. (Πιέφυγοι 141) 144. 151. 159.
Плешенъ гор. (Познань) 59.
Плиній 331.
Подгалье обл. (Podhále) 168 сл.
Подольская губ. 72.
Полѣсье см. Гилея;
Ponte Alute 142.
Ποντικόν дерево 88.

Попрадъ притокъ Дунайца 135. 139. 158 сл.
Пората см. Прутъ.
Поритосъ рѣка 239.
Пороліссонъ гор. (Πορόλισσον) 155.
Портица проливъ: древнее устье Дуная 189—192.
Потула гор. 142.
Потулатенсіи нар. (Ποτουλατήνσιοι) 141 сл.
Прегель рѣка (Guthalus 30) 251. 254.
Предавенсіи нар. (Πρεδαυήνσιοι) 141. *143*.
Predeal сел 143.
Прекрасная гавань (Καλὸς λιμήν) гор. *218*. *220*.
Преломленіе гласныхъ (Brechung) 301. 303.
Прибалтійскій край 332. 335; начало исторіи 88. 239; по Птолемею 31. 247 сл.; этнологія 248—254 (ср. айсты); нѣмецкіе говоры 339 сл.
Приладожье 256.
Припеть 70. 73. 82. 243.
Прогалина, прогаль 169. 171.
Протогеновъ псефизмъ 89 сл. *102*.
Прутъ рѣка (Πόρατα, Πυρετός; см. Гіерасъ) 205 сл.
Птолемей. Время 176; источники и пріемы составленія картъ 27—29. 31. 64. 137. 191. *346—350*; основныя ошибки въ опредѣленіи широтъ и долготъ 136 сл.; значеніе его труда 343—345; геодезическій пріемъ изслѣдованія 351. 358 сл.; способъ вычисленія разстояній на картѣ Птолемея 178—182 (таблица долготъ 181); таблица разстояній 361—368; графическій пріемъ 351—355.

Raw см. Волга.
Радомская губ. 62.
Ракатріи нар. (Ῥακατρίαι) 157.
Ῥᾶς см. Волга.
Расимъ озеро 184. 188 сл. См. Halmyris.
Ратакенсіи нар. 141. 144.
Reiðgotaland, Reiðgotar см. *hraiþ-
Рёкская руническая надпись 7. 11.
Респендіалъ аланск. 97.
Рижскій заливъ 248.
Робоски нар. (Ῥοβοσκοί) 85.
Рогачикъ Нижній сел. на Днѣпрѣ 213.
Рогаландъ обл. Норвегіи 263.
Родэ (Rhode) рѣка 209.
Роксоланы нар.(Ῥωξολανοί 91, Roxolani 161) 93 сл. *95*.
Росоржъ сел. Калишск. губ. 355. См. Арсоніонъ.
Ростовъ на Дону 238 сл. См. Танаида.
Руалдъ 6. 16.
Руаръ 16.
Rügenwalde гор. 33.
Руги нар. на нижней Вислѣ (Rugi[i] 32. 121, Ulmerugi 29, Holmrygeas? 264) 26. 28. 36 сл. 48. 66. 68. 118. 120. 122 сл. 256. 259. 262. 264. 266. 328; область 32 сл. (на первой картѣ III) 38; языкъ 336. На Дунаѣ 311. 319.—См. рутиклеи.
Руги нар. въ Скандинавіи (Rygir, Rugi 263, Hólmrygir 264) 262—264. 269. 271 сл. См. Рогаландъ.
Ругиландъ на Дунаѣ (Rugiland, Rugia) 311. 319. 321.
Ругіонъ гор. 28. *33* 68.
Рудныя горы богемскія 41 сл., венгерскія 45. 168. 172.
Рудонъ см. Виндава.
Рукoніонъ гор. (Ῥουκόνιον) 155.
Румбургъ гор. (Богемія) 357. См. Галайгія.
Румвалы=волохи? 264.
Румынія 139. 143. 145. См. Дакія.
Ruotsi, Rôtsi и т. д. финск. 17.
Руссъ (Russ, Rusne) рукавъ Нѣмана 31.
Русь. Вопросъ о происхожденіи имени 4—18. (Русь изъ *hrōþ-? 14—17).
Рутиклеи нар. (Ῥουτίκλειοι) вм. *ругиклеи=руги 28. *32 сл.* 36. 46. 48. 118. 157. См. руги.
«Рѣчная область» на Днѣпрѣ (Árheimar, Oium) 8. 245 сл. 369.

Сабоки нар. (Σαβῶκοι 148, Saboces? 161) 150. 156—158; даки 151 сл.; область 149. 159; имя 148 сл.
Савроматы 73. 81. 85. 235. См. сарматы.
Сагартіи нар. 125.
Saggarius sinus 209.
Садагаріи, садаги нар. 124 сл.
Saevo mons 323.
Саіи (Σαίοι) 90. *92*. См. сарматы царскіе.
Sairima авест. 86.
Саитафарнъ сарм. 90. 93.
Саксы нар. (Saxones 121, Saxoniae patria 311) 319; преданіе о выходѣ изъ Скандинавіи 308. 323. 327, изъ Британніи 326.
Сальденсіи нар. (Σαλδήνσιοι) 141 сл.
Сальсовія гор. (Salsovia 187). *188*.
Сангибанъ (Sangibanus) алан. 97.
Саратовская губ. 73.
Сарбаконъ гор. (Σάρβακον) 214—216.
Саргатіи нар. (Σαργάτιοι, Sargetae) 125.
Сарматія 69. 125. 146. 148. 174. 312. 332. 335; по Птолемею: центра[...] 28. 118 сл. 245. 344, юго-зап[...] 106 сл. 156—164 (см. такж[...]

старпы, карпы, бессы, скиры), южная 134. 178—239. 349 (см. Черное море, Азовское море); сѣверозападная см. Прибалтійскій край.
рматскія горы (Σαρματικὰ ὄρη 40) 41 сл. 155. 157. 349.
рматы племя (Σαρμάται 160, Sarmatae 121, Σαυρομάται 85, Sarmates 177) 77. 89. 91. 99. 160. 174. 240; у Геродота 73. 81. 235; переходъ черезъ Донъ 86. 90; у Страбона 91—93; у Плинія 93 сл. 117; у Тацита 109 сл.; иранцы 90; имя 85. Сарматы царскіе (Σ. Βασίλειοι) 91 сл. См. аланы, аорсы, кораллы, роксоланы, саіи, саударaты, урги, язиги, ѳизаматы.
ронъ гор. (Σάρον) 213.
сикъ озеро 199.
ударaты нар. 90. 102.
йдины см. сидины.
миградье обл. 141. 143. 145 сл.
мноны нар. 28. 46 сл. 53. 268. 329.
нсіи нар. (Σήνσιοι) 141. 144.
рдюковъ Д. Я. 371 сл.
ретъ рѣка 174—176. См. Гіерасъ.
римонъ гор. 213.
тидава гор. (Σετίδαυα) *65 сл.* 355 сл.
туя гор. (Σετουία) 64. 67.
бины=сидины? 36 сл. 328 сл.
вашъ 217. 220. 225.
говезъ кельт. 131.
дины нар. (Σιδινοί 32, Σειδινοί 37) 33. 36; имя 37.
доны нар. (Σίδωνες 40, Σιδόνες 44) 104. 112. 114. 157 сл.; область *44 сл.* (на первой картѣ XV) 64. 105; имя 116.
cobotes 161.
лезія (Silensis pagus 47) 25. 50. 63. 173. 313. 328; имя 47.
линги нар. (Σιλίγγαι 47) 48. 52. 54. 57. 63. 67. 173. 262 сл. 269. 271; область 47. *53* (на первой картѣ VIII); сохраненіе памяти о нихъ въ имени Силезіи 47. См. вандалы.
νδικὸς λιμὴν 273.
ній лиманъ 188. 190.
нгидава гор. (Σιγγίδαυα) 156.
нгидунумъ гор. (Бѣлградъ) 156. 168.
раки нар. 95.
ргисъ (Σύργις) рѣка 239.
рматы нар. (Συρμάται) 85—87.
rialaiset 87 см. зыряне.
ади (Skaði дрсѣв.) 325.
андинавія, Скандіи. Формы и происхожденіе имени 309. 323—325; время занятія германцами 259—261; преданіе о Скандинавіи, какъ прародинѣ германцевъ 256. 308—327; защитники этого преданія въ наукѣ и критики ихъ доводовъ 259—274 (см. готы); характеристика скандинавскихъ нарѣчій въ противуположность къ вандильскимъ 292 сл.; отношеніе къ готамъ и гутамъ см. гауты, гуты.
Скандія (Scandia, Scanza), Скандіи (Σκανδίαι νῆσοι) см. Скандинавія.
Скеафъ (Sceáf) агс. 327.
Скеделанды (Scedeland, Scedenig) см. Скандинавія.
Скиры нар. (Σκιροί, Σκύροι 122, Sciri 117, Scyri 124) 96; германцы 117; имя 103; родина 117—121; раздвоеніе скировъ 123; скиры Протогенова псефизма — восточные 102—104. 117. 119 сл. 122. *123—125* (Малые скиры 124 сл.) 131. 164; скиры среднедунайскіе — западные: 123 сл.
Скиѳія. Границы у Геродота 27; Ἀρχαίη Σκυθική 77; Μικρὰ Σκυθία, Scythia minor 89. 124; этнологія см. скиѳы, сарматы; значительныя рѣки по Геродоту 221. 227. 232 сл. 236.
Скиѳскій вопросъ въ наукѣ 71. 73—80.
Скиѳы племя (Σκύθαι 160, Scitae 121). Иранцы 73—80 (восточные скиѳы 73 сл., вопросъ о славянствѣ западныхъ скиѳовъ 74—76. 79 сл., этнологическая цѣльность племени въ глазахъ грековъ 76, земледѣльческій бытъ западныхъ скиѳовъ 77, этногоническія сказанія 77 сл., языкъ 79 сл.).—Дѣленіе скиѳовъ: царскіе (сколоты) *73*. 78. 227. 232. 235—237; номады *73*. 219 сл. 227. 229. 231—233. 235—237; земледѣльцы (γεωργοί) *73*. 227. 235 сл.; оратаи (ἀροτῆρες) *73*. 78. 243; каллиппиды 72; алазоны *72*. 78. См. также аухаты, герры, катіары, паралаты, траспіи. — Походъ Дарія на скиѳовъ 243—245; ск. въ Добруджѣ 89; отношеніе къ сарматамъ 81. 90; передвиженіе на западъ и замѣна сарматами 86. 89 сл. 240; ск. Протогенова псефизма 89. 102; собирательное значеніе имени ск. впослѣдствіи 74. 91. 315.—Сѣверные сосѣди скиѳовъ см. амадоки, андрофаги, будины, меланхлены, невры.
Сколоты см. скиѳы царскіе.
Скопелы сел.? (Σκόπελοι) 208.

Скордиски нар. 129 сл.
Скорингія обл. (Scoringa) 310. 313. *317.* 319.
Скульскъ дер. Калишск. губ. 65 сл. 356. См. Аскаукалисъ.
Скургонъ гор. 66. *356 сл.* 370.
Славяне 63. 100. 109 сл. 121. 259. 332. 335. Прародина и древнѣйшее обозначеніе см. славянобалтійцы, венеды. Отношеніе къ скиѳамъ 74—76. 79 сл., къ дакамъ и ѳракійцамъ 151 сл. — Terminus a quo исторіи славянъ (переселеніе къ будинамъ) 242—247; славяне застали на Карпатахъ даковъ 150. 152, кельтовъ 166. 173 сл., бастарновъ 173. — Славяне въ Богеміи (Beowinidi 311) 315 *319.* 333.
Славяно-балтійцы 259. 328. Прародина 75 сл. 152. 240. *242.* 248 сл. 254. 335; древнѣйшее обозначеніе 331—335 (ср. венеды); вліяніе готовъ на славянобалтійцевъ и наоборотъ см. готы. Ср. также славяне, айсты.
Слезинскія болота 59. 65.
Sleswic locus 322. 327.
Слѧза рѣка (Lohe), Слѧзь (Zlenz mons) 47. 53. 173. Ср. Логе, Силезія (имя), Цобтенбергъ.
Смоленская губ. 242.
Сола рѣка 158.
Сольгаличь гор. 167.
Sosibes 161.
Спирдингъ озеро 118. 251.
Ставаны нар. (Σταυανοί 30) 251 сл.
Стадій 180.
Станиславскій мысъ 211. См. Μητρὸς ἱρόν.
Стольпе рѣка 36. 38. См. Віадуа.
Страбонъ. Время 176; отношеніе къ традиціи 191; діатеза восточной Европы 91. 94.
Страгона гор. 67.
Строгоновка дер. Тавр. губ. 225.
Студеное село Подольск. губ. 206 сл. См. Клепидава.
Судавія (Sudauen) обл. 252.
Судеты 34. 42 сл. 54. 57. 67.
Σούδητα ὄρη 40—43.
Судины нар. (Σουδινοί 30) *251 сл.*
Судовиты (Sudowitae, Sudowenses) 252.
Суебъ (Σουῆβος) см. Одеръ.
Суевія (Suebia 28) 38 сл. 109. 321.
Суевы нар. (Suebi 26. Σοῆβοι 41) 28. 38 сл. 111. 121. 267; преданіе о выходѣ изъ Скандинавіи 308. 321—323; суевы Ваннія 133.
Сулоны нар. (Σούλωνες 60) 102 сл. 117. 157.
Сусудата гор. (Σουσουδάτα) 67 сл. 357.
Сухой лиманъ 208. См. Фиска.
Сѣрогозская балка 218 сл. 221. 223.
Сѣрогозы Верхніе и Нижніе сел. Мелит. у. Тавр. г. 223. 373 сл. См. Эрвабонъ, Пасирисъ.

Таврическая губ. 73.
Таганрогъ 239. См Карояа.
Тагоры нар. (Tagorae) 164.
Тагры нар. (Τάγροι 157) *163 сл.*
Тайфалы нар. 121.
Тамасидава гор. (Ταμασίδαυα 176) 205.
Тамирака гор (Ταμυράκη 221) 220. 222.
Тамиракскій заливъ 219.
Танаида гор. 238 сл.
Танаисъ см. Донъ.
Таргитай скиѳ. (Ταργίταος 93) 78.
Татра 152. 154—156. 158. 163 сл. 168 сл. 177.
Тектосаги см. волки.
Терновая дер. Херсонск. губ. 201.
Теуриски нар. (Τευρίσκοι 141) 144; кельты 152—156; область 152. 172.
Теутагонъ (Teutagonus) баст.? 122.
Тешенъ гор. (Австр. Силезія) 58. 65. 355. См. Асанка.
Тилигулъ рѣка 208. Аксіакъ.
Тилигульскій лиманъ 196. 208.
Тирагеты нар. (Τυρα-, Τυρεγέται, Tyragetae 91 сл.) 104 сл. 107. 126. 133. 157. 174; область и имя 91 сл.
Тирасъ гор. (Τύρας, Tyra) 137. 178 сл. 181. *182.* 193. 196—198. 201. 204—206; = Офіуса 202 сл.
Тирасъ рѣка см. Днѣстръ.
Тириты нар. (Τυρῖται) 91.
Тисса рѣка 177; у Птолемея 135. 137 сл.
Thiudos Inaunxis нар. 255. См. Чудь.
Тобольская губ. 87.
Томи гор. 89. *161.* 183.
Торгаевка сел. Мелит. у. Тавр. губ. 222 сл. 373. См. Торокка.
Торокка гор. (Τόροκκα 221) *222 сл.* 350.
Тракана гор. (Τρακάνα 221) *223.*
Transjugitani нар. 164.
Трансмонтаны нар. 157; имя 158. 163; область 163 сл.
Траспіи нар. 78.
Траутенау гор. (въ Богеміи) 67. См. Страгона.
Трояновъ валъ 174. 199.
Трибаллы нар. 108. 130. 185.
Троэсмисъ гор. 183.
Тульча гор. 184.
Турквлинги нар. 36. 118.
Турунтъ рѣка см. Двина западн.
Тырнава рѣка = Kokel 152.
Тюркскія народности 84. 87.

ры нар. (югра) 87.
murt, Udy см. вотяки.
внонъ вм. Новіодунонъ 162.
.меруги (Ulmerugi) см. руги.
uhstadt гор. (Познань) 59.
ги нар. (Οὖργοι 91) имя 93.
гунды см. вуругунды.
ражъ 15.
кенонъ гор. (Οὔσκενον) 154 сл.
кудама гор. 155.
тюцкій лиманъ 226. См. Акра.

радейны нар. (Φαραδεινοί 33) 36.
дотова коса 226.
икія гор. (Φηλιχία) 27.
ины см. финны.
имеръ готск. 257 сл.
иппъ Македонскій. Борьба съ скиѳами 89.
инайты см. финны.
ины племя 61. 328. 339; у Тацита (Fenni 109) 109 сл. 292; у Птолемея (Φίννοι 60) *117 сл.* 157. 253. 292; граница на западѣ 240. 242. 254; занятіе балтійскаго побережья 248 сл.; финны на Волгѣ 84 сл., на Дону 85—87.—Финны въ южной Швеціи (Finnaithae, Finnenses, Finnia, Finneiði и т. д.) 56. 270 сл.—Вліяніе готовъ 255 сл. 266 сл. 292. 335. См. Thiudos Inaunxis.
ска гор. (Φύσκη) 208.
хтель горы 41.
итанъ дер. Херсонск. губ. 208. См. Скопелы.
анки нар. 78 сл. 339; преданіе о выходѣ изъ Скандинавіи 328.
анкфуртъ на Одерѣ 67 сл. 357. См. Сусудата.
ургундіоны см. бургунды.

лусъ рѣка (Χάλουσος) 36.
рины см. гаріи.
рьковская губ. 73.
имъ гор. Любл. губ. 170.
рсонесъ Таврическій гор. 195.
рсонская губ. 73.
руски нар. 329 сл.
синъ (Χέσινος) см. Перпава.
жина, хызъ 15.
ѣбъ 15.
ѣвъ 15.
лмъ 170.
рваты нар. имя 173.
ругъ 15.
тинъ гор. Бессар. губ. 134 сл. 137 сл. 194 сл. 207. См. Днѣстръ (πέρας).
оносъ (Χρόνος) см. Нѣманъ.

Худогій 15.

Царгидава см. Заргидава.
Ziais дак. 146. 151.
Цобтенбергъ въ Силезіи 47. 53. 173. См. Слазь.
Цымбалка кург. Мелит. у. Тавр. г. 374.

Чадо 16.
Чаплинка село Тавр. губ. 221 сл. См. Каркина.
Чарниковъ гор. (Czarnikau въ Познани) 68. 357. См. Виритіовъ.
Черемисы нар. 84.
Черная долина Тавр. г. 219. 233.
Черниговская губ. 73.
Черное Море 237 сл. 240. 341; у Птолемея 136 сл. 349; отъ Дуная до Днѣпра 194—204, отъ Днѣпра до Перекопскаго перешейка 217—221. 350.
Чмырева могила кург. Мелит. у. Тавр. г. 374.
Чокракскій лиманъ 220.
Чудское озеро 242.
Чудь приладожская 255 сл. См. Thiudos Inaunxis.
Чусовая рѣка. Имя 87.

Шабалатскій лиманъ 200.
Шафарикъ 1.
Шварцвальдъ: Silva Marciana 131; Abnoba 154.
Шведы нар. (Ruotsi, Rôtsi 17; Gúð-, Headoscilfingas 14) 270—272. 280. Sviaveldi=Швеція 11. См. скандинавы, гауты. Отношеніе шведскаго языка къ вандильскимъ нарѣчіямъ см. вандиліи, гуты.
Швейцарцы. Преданіе о выходѣ изъ Скандинавіи 323.
Шейер-, Шир- въ именахъ южнобаварскихъ городовъ 123 сл. См. скиры западные.
Шлезвигъ 327. См. Sleswic.
Шримъ гор. (Познань) 59. 68. 357. См. Лиміосалейонъ.

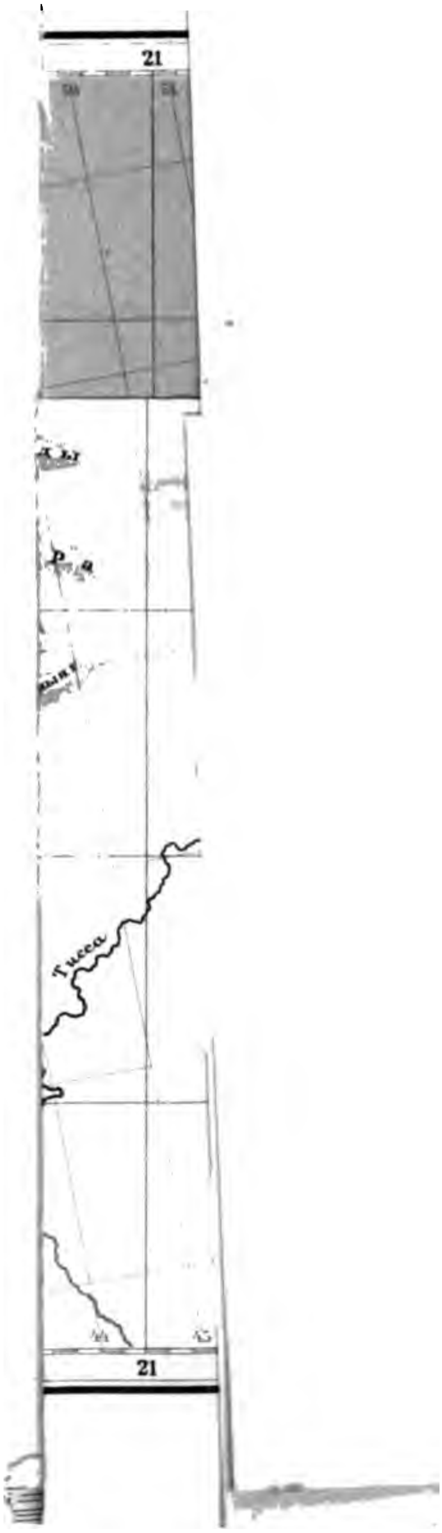
Эвагреотинги? нар. 263.
Эзель остр. (Ösel, Osilia, Eysýsla) 252.
Эйпель рѣка 45.
Экрене сел. въ Болгаріи 183. См. Круны.
Эльба рѣка (Albis 30, Albia 309) 317. 319; у Птолемея 43.
Элисіи нар. (Elisii) 39. 48. 52. *60*.
Эльвеоны (Αἰλουαίωνες) см. гельвеконы.
Эрактонъ гор. (Ἤρακτον) 172. *206*.
Эркабонъ гор. (Ἔρκαβον) 221. *223*.
Эрманарикъ готск. 7 сл. 255.
Эрмундуры нар. 42. 121; имя 116.

Эскильдъ датск. (Eskildh) 323.
Эскиполосъ дер. Бессар. губ. 174. 199. См. Гарписъ.
Эстляндія (Айстландъ 306, Eástland 250) 248. 253; имя 249 сл.
Эсты нар. 251. См. Эстляндія, айсты.

Югра см. угры.
Ютунги нар. (Iothungi 121, Iuthungi, Ἰούθουγγοι) 273.
Юты нар. (Iutae, -i, Iótar, Giótas) 270. 273.

Яблунково ущелье 57. 64; горы 42. 45.
Яблунковъ (Iablunkau) гор. (Австр. Силезія) 355. См. Асанка.
Язиги нар. (Ἰάζυγες 91, Iazyges 133) 93. 156 сл.; область 92; перехо[д] средній Дунай 94 сл. 133. среднедунайскіе язиги (Ἰάζυ[γες] Μετανάσται 95) 97. 106. 158 кельтскія поселенія въ ихъ [обла]сти 154 сл.
Языкъ. Зависимость отъ внѣшних[ъ] дебъ народа 339 сл.
Яксаматы нар. (Ἰαξαμάται) 92.
Ясеникъ (Iasenik) возв. 43.

Ѳизаматы нар. 90. 102.
Ѳиссагеты нар. 87. 92.
Θιάγολα ἢ Ψιλὸν στόμα см. Дунай.
Ѳракійцы племя (Θρᾷκες 160) 130[,] родство съ гетами и дакам[и] сл.

21
Тисса
21